

ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ

МАТЕРИАЛЫ XI МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИИ

30 марта – 3 апреля 2026 года

ВОЛОГДА • 2026

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ

*Материалы XI международной научно-практической
интернет-конференции
(г. Вологда, 30 марта – 3 апреля 2026 г.)*

Вологда
2026

Редакционная коллегия:

А.А. Шабунова – д.э.н., директор ФГБУН ВолНЦ РАН,
О.Н. Калачикова – к.э.н., зам. директора по научной работе ФГБУН ВолНЦ РАН,
Г.В. Леонидова – к.э.н., ведущий научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН,
М.А. Груздева – к.э.н., зав. центром ФГБУН ВолНЦ РАН,
А.А. Соколова – к.э.н., научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН
О.В. Третьякова – к.ф.н., зав. отделом ФГБУН ВолНЦ РАН

Г52 **Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений:** материалы XI междунар. науч.-практ. интернет-конф. (г. Вологда, 30 марта – 3 апреля 2026 г.). – Вологда : ФГБУН ВолНЦ РАН, 2026. – 449 с.: ил., табл. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Текст: электронный.

ISBN 978-5-93299-670-6

В сборнике представлены статьи XI международной научно-практической интернет-конференции «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений», проходившей на площадке Вологодского научного центра РАН с 30 марта по 03 апреля 2026 года.

В конференции приняли участие социологи, экономисты, демографы, юристы и представители смежных наук из научных учреждений и вузов регионов России и стран ближнего зарубежья. В центре внимания исследователей находились проблемы старения населения, бедности и социального неравенства, цифровизации экономики, гражданского участия, трансформации занятости, решение которых в новых условиях, продиктованных актуальной внешнеполитической повесткой, требует дополнительных усилий как от государства, так и от общества. Обсуждение проходило в трех тематических секциях конференции: «Демографическое развитие территорий в контексте глобальных вызовов», «Экосистема благополучия населения: рынок труда, образование и качество жизни», «Социокультурная трансформация российского общества: результаты и перспективы».

Материалы конференции будут полезны для научных работников, социологов, экономистов, преподавателей вузов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности, СМИ и всех интересующихся вопросами социально-экономического развития России.

Тексты докладов приводятся в авторской редакции. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов докладов. Ответственность за содержание докладов несут авторы.

Содержание

Предисловие	7
Пленарное заседание	
<i>Воробьева И.Н., Мехова А.А.</i> Гражданская и территориальная идентичности как отражение сформированности социальной ответственности (на примере школьников Вологодской области)	10
<i>Ефимова Е.Г.</i> Доходы, потребление и сбережения домохозяйств: теоретические аспекты модели Кейнса и эмпирические тенденции в современной России.....	15
<i>Коцюбинский Д.А.</i> Интернет как враг свободы слова: глобальный и локальный аспекты проблемы.....	21
<i>Попов А.В.</i> Состояние и перспективы развития социально-трудовой сферы Вологодской области (по результатам опроса специалистов службы занятости.....	30
<i>Харитонов И.Н.</i> Актуальные направления социально-экономического развития Белорусских регионов как факторы сдерживания негативных демографических тенденций	35
СЕКЦИЯ № 1. Демографическое развитие территорий в контексте глобальных вызовов	
<i>Абрамов А.П.</i> Демографические факторы стран ЕАЭС в системе показателей совокупной военной мощи.....	40
<i>Артюхин М.И., Пушкевич С.А.</i> Внутренняя миграция сельского населения Беларуси: социологический анализ.....	45
<i>Гусева Е.П.</i> Демографическая динамика и диверсификация экономики сельских территорий.....	49
<i>Даутова Т.А., Локоленко М.А.</i> Статистический анализ гендерных различий в ожидаемой продолжительности жизни в Республике Башкортостан.....	53
<i>Заречнева А.О.</i> Пространственные аспекты демографического развития Барнаула: структурные сдвиги, риски и механизмы регулирования.....	58
<i>Козлова С.В.</i> К вопросу о социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.....	60
<i>Колесов А.А.</i> Региональная дифференциация демографической нагрузки и ее динамика в 2000–2025 гг.	64
<i>Короленко А.В.</i> Демографический потенциал регионов СЗФО: состояние и тенденции	70
<i>Ларина А.А.</i> Формирование пакета мер социально-демографической политики с учетом ресурсного обеспечения семьи и намерений.....	76
<i>Леухина А.В.</i> Забота россиян о ментальном здоровье: общенациональные и региональные тенденции.....	80
<i>Милаева Т.В.</i> Сохранение психологического здоровья населения в условиях переизбытка негативной информации	84
<i>Митрофанова С.Ю.</i> Представления студенческой молодежи из многодетных семей и заключивших брак о взрослении в родительской семье.....	89
<i>Мурашко О.Ю., Кот У.В.</i> Современная демографическая ситуация в Беларуси и репродуктивные стратегии домохозяйств	93
<i>Мусин Э.Р.</i> Региональный материнский капитал в субъектах Сибирского федерального округа	98
<i>Реутов Е.В.</i> Усиление фронтальности территориальных систем и демографические риски для российских регионов Юго-Западного Приграничья	102
<i>Чеснюкова Л.К.</i> Динамика доступности медицинской помощи и ее связь с уровнем жизни населения в регионах УрФО	107
<i>Шевченко О.В.</i> Социально-демографическое развитие региона в условиях глобализации.....	113

СЕКЦИЯ № 2. Экосистема благополучия населения: рынок труда, образование и качество жизни

<i>Азанов Е.О.</i> Значимость субъектности студента в образовательной деятельности	118
<i>Алферова Е.С.</i> Ключевые вызовы для малых и средних предприятий в 2026 году: баланс между устойчивостью и снижением затрат	122
<i>Андреанова Е.В., Давыденко В.А.</i> Цифровой неотеилоризм в современной социологии труда: теория и кейсы	125
<i>Бальцевич В.В.</i> Социальные аспекты разработки стратегических решений	132
<i>Бахтиярова К.В.</i> Социально-экономические факторы психоэмоционального благополучия студенческой молодежи	135
<i>Белехова Г.В.</i> Материальное положение и субъективное благополучие семей респондентов 35–54 лет: фактор числа детей	139
<i>Белоусова Е.А.</i> Экономическое благополучие муниципальных образований: возможности индексного метода	145
<i>Беляева А.А., Касаткин В.С.</i> Качество жизни населения в городской среде	150
<i>Блинова Т.Н.</i> Развитие науки в вузах Дальнего Востока	154
<i>Борщева Н.Л.</i> Исследование человеческого капитала старшего поколения (на примере г. Москвы)	159
<i>Василенко Д.В.</i> О необходимости совершенствования системы образования в Донецкой Народной Республике	164
<i>Галанзовский А.С.</i> Социальное государство: особенности типологии	168
<i>Гвоздева Е.С., Гвоздева Г.П.</i> Благополучие населения восточных регионов России и его отражение в субъективных оценках	171
<i>Гневашева В.А.</i> Образование как фактор национальной трансформации рынка труда	176
<i>Гудковская О.Н.</i> Практики самозанятости в городе-миллионнике (на примере городского округа Самара)	180
<i>Даржаа Ч.Б.</i> Особенности занятости населения как фактор бедности в Республике Тыва	184
<i>Дементьев Д.А.</i> Практики быстрого питания у молодежи	190
<i>Дружинина Д.Д.</i> Цифровые платформы университета в оценке абитуриентов	194
<i>Ельшиев Е.И.</i> Цифровая занятость: формы, возможности и социальные риски	198
<i>Ерофеева О.Н.</i> Глобальные партнерства в сфере профессиональных навыков как инструмент стратегий привлечения высококвалифицированных специалистов	202
<i>Запаников С.П.</i> Повседневность и организация труда: социологический анализ структуры рабочего дня вахтовых работников	207
<i>Захарян А.Г.</i> Проблемы стимулирования междисциплинарных исследований в Республике Армения	210
<i>Зинченко Я.Г., Пономарев А.Б.</i> Стабильность региональных рынков труда: об актуальных мерах поддержки	216
<i>Киндеев Д.А., Хлопунова П.И.</i> Социальное самочувствие молодежи г. Тюмень	220
<i>Князева М.С.</i> Направления поведения потребителей в условиях маркетинговых	225
<i>Копытова Е.Д.</i> Социально ориентированный бюджет: структура и приоритетные направления	229
<i>Куличев К.М., Назметдинова И.С.</i> Интеграция цифровых технологий в редакционный процесс	232
<i>Лапина Т.А.</i> Направления гуманизации труда в условиях цифровизации	236
<i>Латышев Д.М.</i> Закрывание кадровой потребности в выпускниках СПО в Свердловской области: характеристика работодателями предприятий реестра МСП подготовленности выпускников и специфики найма	240
<i>Малинина К.О., Блынская Т.А.</i> Культурные практики как скрытый ресурс конкурентоспособности молодежи: вызовы для рынка труда и образования	245

<i>Марон И.Ю.</i> Изучение дефицита трудовых ресурсов на предприятиях России (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры).....	249
<i>Нагоричная М.Р.</i> Парадоксы бедности и их инварианты	253
<i>Натсак О.Д.</i> Проблемы бедности семей с детьми (материалы социологического исследования в г. Кызыле)	260
<i>Неверов Е.Э.</i> Влияние цифровых технологий на стресс и копинг современного студента	265
<i>Никитин О.О.</i> Трансформация занятости в сфере туризма.....	269
<i>Петров А.М., Никонова О.Д.</i> Образовательные и профессиональные траектории молодежи с инвалидностью: интеграция, барьеры и перспективы	273
<i>Посохова П.Э.</i> Технологические инновации в креативных индустриях: вызовы и возможности	278
<i>Прошин И.А.</i> Формирование контуров оценивания социально-экономического положения населения в Российской Федерации: методологический аспект.....	282
<i>Пунцилева Е.Ю.</i> Символический капитал цифровой репутации.....	287
<i>Ромашкина Г.Ф., Шин В.Т.</i> Парадокс платформ в цифровом труде.....	291
<i>Сагидуллина Е.А.</i> Исследовательская деятельность школьников в эпоху искусственного интеллекта: возможности и риски	296
<i>Соколова А.А.</i> МООК в оценках университетских преподавателей: барьеры внедрения и зоны развития	301
<i>Соловьева Т.С.</i> Национальные вызовы функционированию рынка труда в России	305
<i>Фадеева Н.Л., Комаров А.А.</i> Жилищная обеспеченность многодетных семей (по результатам социологического исследования в Республике Карелия)	309
<i>Фетюков А.В.</i> Соответствие профессиональных компетенций молодых инженеров требованиям работодателя: анализ образовательных программ ВУЗов и регионального рынка труда (на примере Вологодской области).....	313
<i>Хабибуллина И.И., Хакимова Э.И.</i> Влияние поколений и пола на выбор трудовой траектории: эмпирическое исследование на российских данных	316
<i>Чапаргина А.Н., Шарабашева А.О.</i> Влияние экологической ситуации на рынок труда и качество жизни населения в Мурманской области: формирование человеческого капитала в условиях Арктики	320
<i>Черевкова А.И., Чикарлова Г.И.</i> Педагоги как агенты STEM-профорientации: практики и барьеры формирования научного капитала школьников.....	325
<i>Шатунова Т.Е., Быков Б.Д., Кислинская А.К.</i> Современные тренды в стратегическом менеджменте	330
<i>Шестакова Н.Н., Джанелизде М.Г.</i> Информационная среда старших возрастов: цифровой разрыв и новые возможности.....	334
<i>Широкова Е.Ю.</i> Федеральный проект «Производительность труда»: тенденции и системные недостатки	339
<i>Яковлева Н.И.</i> Типы трудового поведения молодежи.....	343

СЕКЦИЯ № 3. Социокультурная трансформация российского общества: результаты и перспективы

<i>Агафонова Д.Ю.</i> Волонтерская деятельность российской молодежи в структуре занятости: формы участия и социально-экономические детерминанты	348
<i>Горохов Д.С.</i> Социальный капитал в поле регионального кинопроизводства: от неформальных сетей к институционализации	351
<i>Горбунов В.С.</i> Интерактивные досуговые практики молодежи в креативных индустриях.....	356
<i>Григорова Д.А., Шевцова А.Е.</i> Трансформация медиапотребления: переход от телевидения к стриминговым платформам.....	359

<i>Груздева М.А., Корзина А.А.</i> Свободное время или ресурсы? Потребление цифрового контента неработающим и работающим населением старшего возраста.....	363
<i>Гузельбаева Г.Я.</i> сотрудничество государства и исламских НКО как фактор консолидации общества и адресной поддержки уязвимых групп	368
<i>Довейко А.Б.</i> Приоритетные ценности и жизненные планы воронежских студентов	371
<i>Илларионова Ю.Е.</i> Виртуальный социальный капитал блогеров	376
<i>Ильина И.В., Колясникова М.С.</i> Мотивы потребления в цифровой среде маркетплейсов ..	380
<i>Калашиников К.Н.</i> Практики пищевого поведения жителей Вологодской области	384
<i>Коровина А.А.</i> Цифровая трансформация как фактор устойчивого развития машиностроения: социологический анализ управленческих практик	387
<i>Косыгина К.Е., Кулик К.А.</i> Брендинг территорий в конструировании и репрезентации идентичности: теоретические подходы и современные практики	391
<i>Михалко Н.Н., Жданова А.Э.</i> Региональные тенденции потребления в сфере культуры в периоды пандемии и геополитической нестабильности	395
<i>Молчанов А.А., Нятина Н.В.</i> К вопросу о мобилизационных вызовах гражданской активности молодежи	400
<i>Морев М.В.</i> Применение социологического инструментария для оценки состояния общественного договора в России	404
<i>Мосин В.И., Юдачева А.А.</i> Цифровизация повседневности: осознанное взаимодействие человека с нейросетями	409
<i>Нейман К.П.</i> Лидеры общественного мнения и медиа значимые другие: поколенческие различия.....	412
<i>Парахонская Г.А.</i> Цифровые и нецифровые поколения: различия и поиск возможностей интеграции.....	416
<i>Подковский Г.Ю.</i> Личный и общественный транспорт: проблемы экологизации	420
<i>Пожиткова А.С.</i> Управление взаимодействием с мобильными работниками: социальный портрет и стратегии адаптации принимающих сообществ	426
<i>Кислицын И.А., Ромашкина Г.Ф.</i> Доверие к цифровым платформам в оценках старшеклассников	430
<i>Секушина И.А.</i> Креативные индустрии в малых городах: оценка состояния и анализ институциональной среды.....	435
<i>Тупик Е.С.</i> Эволюция ценностей поколений через призму песен: взгляд на социокультурные изменения	438
<i>Федосеева О.В.</i> Событие «встреча со СВОими» как инструмент формирования традиционных ценностей у студенческой молодежи.....	442
<i>Ясников Н.Н.</i> Инновационность как экстерналия социального капитала (на примере городов Вологодской области)	445

Предисловие

С 30 марта по 3 апреля 2026 года на базе Вологодского научного центра РАН состоялась XI международная научно-практическая интернет-конференция «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений». Организаторами мероприятия выступили Вологодский научный центр РАН, Отделение общественных наук Российской академии наук, Институт социологии НАН Беларуси. В уже традиционном и зарекомендовавшем себя формате онлайн-дискуссии приняли участие молодые ученые и уже состоявшиеся специалисты из 28 регионов Российской Федерации, а также Республики Армении, Республики Беларусь, Китайской Народной Республики. Цель конференции – обсуждение актуальных проблем развития стран и регионов в условиях глобальных мировых вызовов в общем кругу исследователей и практиков в области социологии, экономики, общественнознания, представляющих государственные исследовательские и научные институты, массмедиа, общественные и коммерческие организации.

Накопленный практический опыт государственного регулирования социальной сферы и преодоления последствий кризисных явлений последних лет требует систематизации и оценки с применением инструментария общественных наук. Предметом пристального внимания исследователей также становится изучение текущего состояния и прогнозирование развития социума с учетом влияния новых мер социальной политики и выработанных населением приемов адаптации.

В центре внимания участников конференции 2026 года находились вопросы воспроизводства и движения населения, бедности и социального неравенства, цифровизации экономики, гражданского участия, трансформации занятости. Работа интернет-конференции была организована по трем научным секциям: «Демографическое развитие территорий в контексте глобальных вызовов», «Экосистема благополучия населения: рынок труда, образование и качество жизни», «Социокультурная трансформация российского общества: результаты и перспективы». Всего в конференции приняли участие более 130 человек из 48 научных, образовательных и общественных организаций. На интернет-форум конференции поступило более 830 сообщений.

Итоги мероприятия были подведены 3 апреля 2026 года на пленарном заседании, модератором которого выступила зам. директора по научной работе ВолНЦ РАН, к. э. н. О.Н. Калачикова. Доклады в режиме онлайн представили исследователи из Вологды, Москвы, Республики Беларусь, Екатеринбурга, Череповца и Санкт-Петербурга.

Научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ, к. с. н. Е.С. Попова в своем докладе раскрыла влияние образовательной стратификации на формирование субъективного благополучия молодежи. В нем было показано, что локальная укорененность выступает не ограничением, а адаптивной стратегией в условиях неравномерного развития образовательного пространства. В докладе доцента кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Института экономики и финансов Уральского государственного экономического университета, к. э. н., доцента Е.Г. Ефимовой была проанализирована трансформация финансового поведения домохозяйств, где на основе эмпирических данных было показано, как меняются соотношения потребления и сбережений в условиях кризисов и неопределенности. В совместном докладе доцента Череповецкого государственного университета, к. с. н. И.Н. Воробьевой и заведующей кафедрой Череповецкого государственного университета, к. ф. н. А.А. Меховой были проиллюстрированы особенности формирования идентичности у молодежи. Авторы показали, что гражданская и территориальная идентичности выступают важными индикаторами социальной ответственности. Научный сотрудник АНО «МЦСЭИ «Леонтьевский центр», к. и. н. Д.А. Коцюбинский в докладе представил критический взгляд на роль цифровой среды и интернета в жизни современного общества. Все доклады вызвали оживленную дискуссию участников конференции.

По итогам проведения интернет-конференции участникам традиционно были отправлены именные сертификаты, лучшие доклады выделены дипломами I, II, и III степени.

Следует отметить, что сохраняется широкая «география» участников, высокий уровень докладов и их обсуждения. Это свидетельствует о необходимости продолжения работы в рамках данной дискуссионной площадки.

Настоящим и будущим участникам конференции хотелось бы пожелать столь же активного и заинтересованного участия, обсуждения актуальных вопросов современной повестки в рамках будущих конференций. Мы будем рады видеть среди участников нашего научного мероприятия теоретиков, методологов, практиков, управленцев и всех лиц, заинтересованных в развитии отечественной и мировой социогуманитарной науки, а также поиске практических решений, направленных на нивелирование основных социальных и экономических проблем.

*Директор ФГБУН «Вологодский научный центр РАН»
д.э.н. А.А. Шабунова*

Пленарное заседание

ГРАЖДАНСКАЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ОТРАЖЕНИЕ СФОРМИРОВАННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ШКОЛЬНИКОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. В статье авторы доказывают взаимосвязь гражданской и территориальной идентичности, уровня социальной ответственности и практик социального участия на примере исследования мнения школьников Вологодской области. Авторы приводят эмпирическое подтверждение отличий уровня ответственности и активности учащихся с разным уровнем гражданской и глобальной идентичности.

Ключевые слова: гражданская идентичность, территориальная идентичность, социальная ответственность, социальное участие.

Сила гражданской идентичности населения и ее взаимосвязь с территориальной идентичностью являются маркерами сформированных ценностей и ценностных ориентиров у населения города, региона. В свою очередь, ценности определяют вектор практик участия населения. Существует множество подходов, дискуссий, споров не только о самой категории идентичности, но и к ее концепциям. При этом ученые сходятся во мнении, что в теориях идентичности стали видеть аппарат анализа ценностных ориентаций, культурного сходства и различия обществ, малых и больших социальных групп (Федотова, 2013).

При изучении национальной идентичности наиболее комплексным является подход формирования идентичности как самоидентификации граждан страны с государственно-территориальным пространством, которое предполагает не только территорию, но и имеющееся представление о государстве, чувство общности, солидарность, ответственность (Горшков, 2015). Гражданская идентичность тесно связана с территориальной идентичностью, которая характеризует стиль, уклад, внутреннюю «энергетику» местной жизни. Изучение региональной идентичности ставит акцент на самоорганизацию локально-региональных общностей, местный патриотизм, внутреннее развитие (Крылов, 2011).

Все чаще поднимается вопрос формирования гражданской идентичности в условиях глобализации и формирования общенациональной идентичности. Наряду с национальными стала формироваться размытая глобальная идентичность с преобладающими западными ценностями. Формируются новые наднациональные идентичности: европейская и транснациональная (Risse, 2010). Национальная идентичность начинает утрачивать значение в системе идентификационных ориентиров, в результате стирается опора национального государства (Семененко и др., 2013).

Гражданская и территориальная идентичности взаимосвязаны с социальной ответственностью за дела в стране, городе. Л. Рэй-Лейк и Э.К. Сиверстен дают следующее определение социальной ответственности: «это ценностная ориентация, основанная на демократических отношениях с другими людьми и моральных принципах заботы и справедливости, которая мотивирует к определенным гражданским действиям» (Wray-Lake, Syvertsen, 2011). Гражданское поведение человека и социальная ответственность взаимно влияют друг на друга: социальная ответственность стимулирует гражданские действия, которые, в свою очередь, усиливают социальную ответственность. Воспитание социальной ответственности должно быть сосредоточено на демонстрации просоциального поведения, выражении заботы о других и создании возможностей для развития гражданских навыков. В воспитании ответственности важно развитие сострадания, просоциального поведения и честности. Это, как правило, воспитывает граждан, которые соблюдают законы, жертвуют на благотворительность по просьбе или добровольно помогают нуждающимся (Wray-Lake, Syvertsen, 2011).

Основной целью данной статьи является эмпирическое доказательство взаимосвязи социальной ответственности и гражданской и территориальной идентичности у школьников Вологодской области. Эмпирической базой исследования стали данные опроса по теме: «Образовательные и карьерные стратегии учащихся Вологодской области: факторы выбора», проведенного в Вологодской области в октябре–ноябре 2023 года кафедрой социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета. Всего опрошено 600 учащихся школ г. Череповца, 425 учащихся школ г. Вологды, 900 учащихся школ районных центров и малых городов Вологодской области.

Для изучения гражданской и территориальной идентичности использовался вопрос с формулировкой: «Насколько Вы ощущаете себя...», включающих набор идентичностей. На 5 баллов по 5-балльной считают себя россиянином 70% опрошенных школьников Вологодской области, еще 16% на 4 балла (рис. 1). Жителем города на «5» себя ощущает 41% респондентов, 27% – на 4 балла. Выраженность идентичностей, представляющих наднациональную, глобальную идентичность существенно ниже, но, тем не менее, достаточно ярко представлена: 29% ощущают себя европейцем на 4–5 баллов, 49% – человеком мира, 48% – человеком виртуального пространства (интернета).

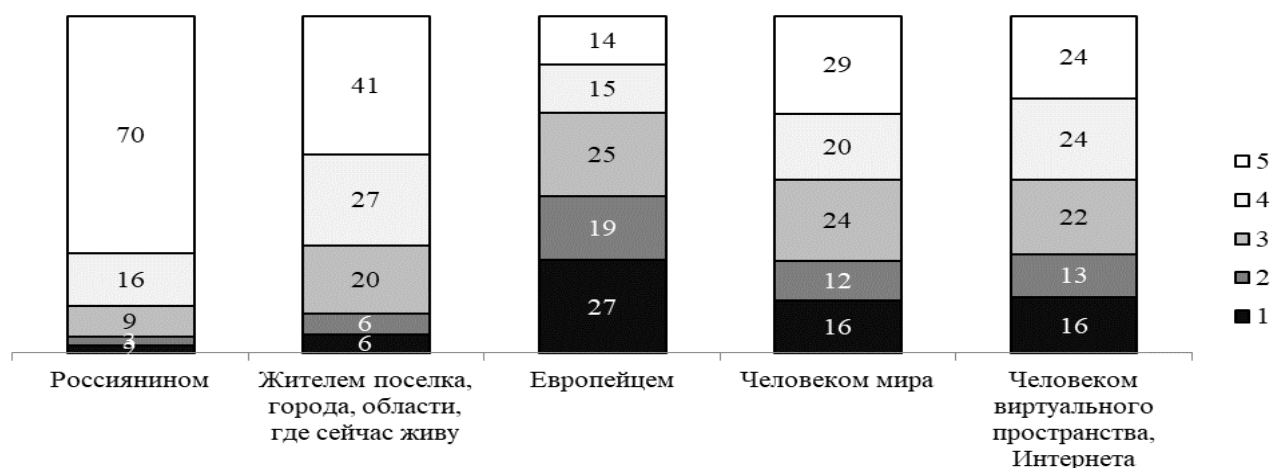

Рис. 1. Распределение ответа на вопрос: «Насколько Вы ощущаете себя...», %

Источник: составлено автором

Для изучения взаимосвязи между идентичностями разного рода был использован факторный анализ, который, в данном случае, позволяет большое количество идентичностей соединить в несколько групп. Был применен метод выделения: метод главных компонент, вращение – варимакс с нормализацией Кайзера. В первый фактор вошли переменные: европейец, человек мира, человек Интернета. Во второй фактор: житель населенного пункта, по месту рождения; россиянин (табл. 1). Таким образом, мы можем выделить два основных преобладающих типа идентичности, в которых заложена множественность пересечения разных идентичностей, которые мы условно можем назвать «гражданско-территориальные», «глобальные».

Таблица 1. Результаты факторного анализа по переменным вопроса: «Насколько Вы себя ощущаете...?»

	1	2
Жителем поселка, города, области, где сейчас живу	0,06	0,83
Россиянином	0,05	0,83
Европейцем	0,74	0,01
Человеком мира	0,76	0,10
Человеком виртуального пространства, Интернета	0,65	0,03
Источник: составлено автором.		

Для изучения основного исследовательского вопроса нам необходимо было выделить из массива респондентов с явно выраженными типами идентичностей. Для этого по каждому фактору были сохранены переменные. На основании разницы между переменными все респонденты были разбиты на пять групп: с явно преобладающей гражданской и территориальной идентичностью, сильно выраженной гражданской и территориальной, смешанной, сильно выраженной размытой глобальной, доминирующей глобальной (человек виртуального пространства, человек мира, европеец).

Было выявлено, что представители с преобладающей гражданско-территориальной идентичностью более сильно ощущают ответственность за дела в классе и школе, чем представители глобальной идентичности. Около 60% с преобладающей гражданско-территориальной ощущают ответственность за дела в классе, 40% за дела в школе, тогда как среди представителей выраженной глобальной только 37 и 21% соответственно (рис. 2).

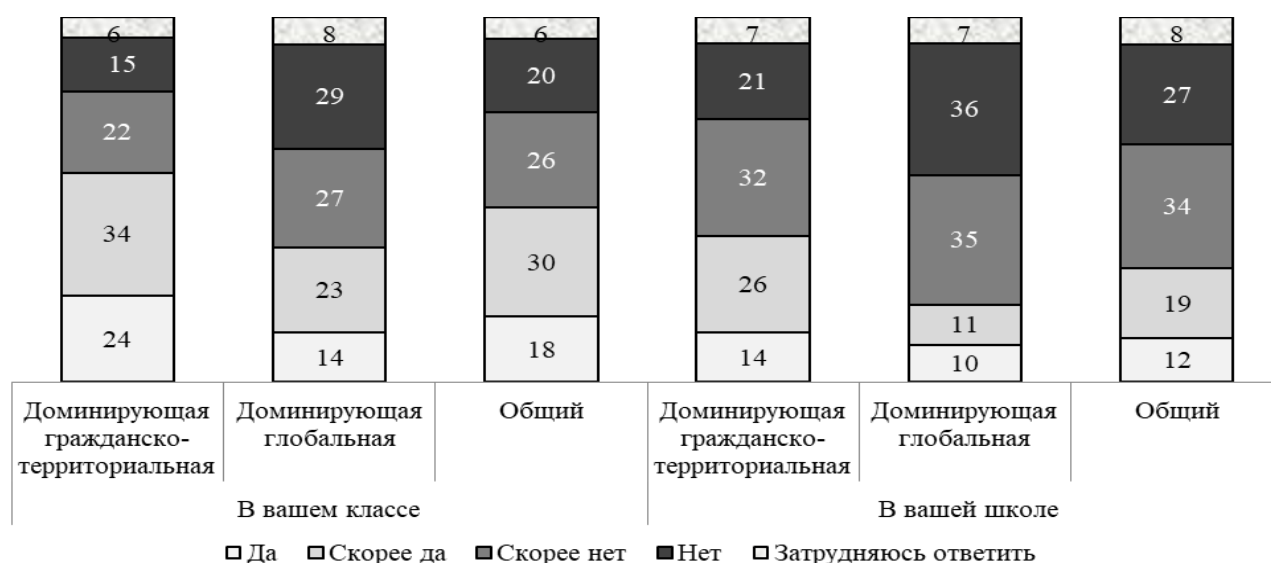

Рис. 2. Распределение ответа на вопрос: «Чувствуете ли Вы ответственность...?», %
Источник: составлено автором.

Данные тенденции распространяются и на более широкий радиус ответственности. Более 40% школьников с высоким уровнем гражданско-территориальной идентичности чувствуют ответственность за дела в своем доме (дворе), 31% за дела в месте проживания. Среди представителей глобальной идентичности заметно меньше – 36 и 19% (рис. 3).

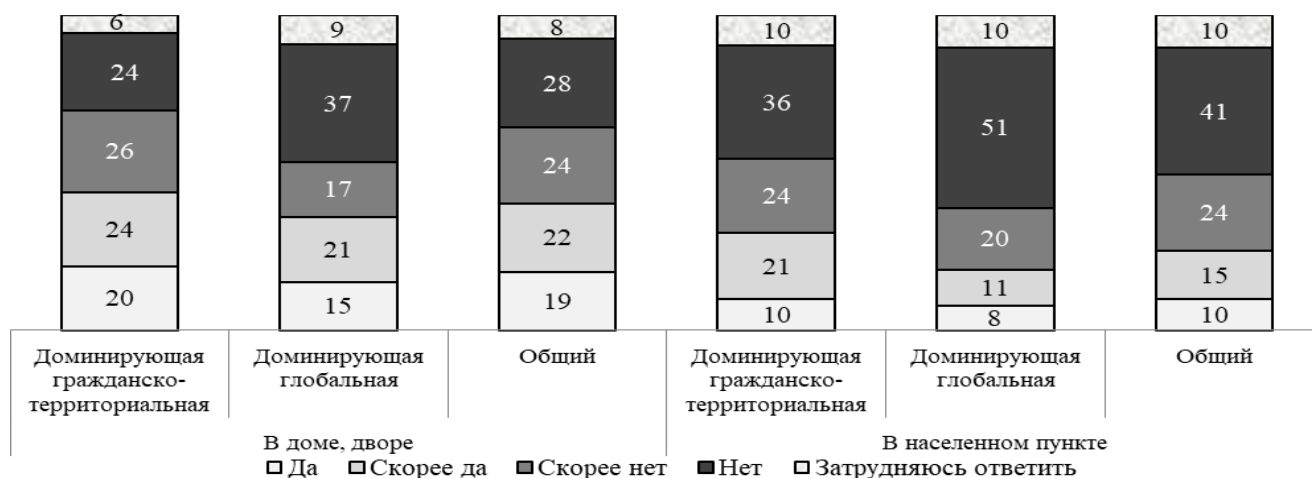

Рис. 3. Распределение ответа на вопрос: «Чувствуете ли Вы ответственность...?», %
Источник: составлено автором.

Через призму ответственности складываются и практики активизма молодежи. Арсенал практик в данном возрасте не так широк, но дифференциация заметна. Зачастую вовлеченность школьников во многом обусловлена внешним воздействием. Тем не менее, учащиеся с явной гражданско-территориальной идентичностью чаще принимали участие в общественных работах по месту жительства (38 и 30% с глобальной), общественных работах по благоустройству школы (33 и 22%), волонтерство (21 и 15%); тогда как представители глобальной идентичности чаще принимали участие в публичных дискуссиях (в том числе в Интернете) – 12 против 5% с гражданско-территориальной.

Таким образом, гражданская и территориальная идентичности являются отражением сформированных ценностей молодежи и проявлением социальной ответственности. В силу возраста их ответственность пока не может распространяться на широкий радиус действия, но уже отражается в ответственности за дела в школе и классе, что, соответственно, влияет и на поведение. Они чаще своих ровесников с размытой глобальной идентичностью принимают участие в практиках благоустройства как в школе, так и в населенном пункте, чаще задействованы в волонтерской деятельности.

Библиографический список

1. Горшков М.К. (2015). Формирование общероссийской идентичности: контекст Российского Кавказа. Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения: научное издание. Москва: Аспект Пресс. 600 с.
2. Крылов М.П. (2011). К теории региональной идентичности (по материалам европейской России). Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.). Москва: ИМЭМО РАН. С. 212–216.
3. Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. (2010). Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. № 3. С. 40–59.
4. Федотова Н.Н. (2013). Концепции идентичности в условиях нелинейной социокультурной динамики // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 52–62.
5. Risse T.A. (2010). Community of Europeans? Transnational Identities and Public Spheres. Ithaca, NY and London: Cornell University Press.
6. Wray-Lake L., Syvertsen A.K. (2011). The developmental roots of social responsibility in childhood and adolescence. *New Directions for Child and Adolescent Development*, 134, 11–25, DOI: 10.1002/cd.308

Информация об авторах

Ирина Николаевна Воробьева – кандидат социологических наук, доцент, Череповецкий государственный университет (Российская Федерация, 162600, г. Череповец, пр-т Луначарского, д. 5; e-mail: vorobyova-i-n@yandex.ru)

Мехова Альбина Анатольевна – кандидат философских наук, заведующий кафедрой, Череповецкий государственный университет (Российская Федерация, 162600, г. Череповец, пр-т Луначарского, д. 5; e-mail: albina_mehova@mail.ru)

**CIVIL AND TERRITORIAL IDENTITIES AS A REFLECTION OF THE
DEVELOPMENT OF SOCIAL RESPONSIBILITY
(ON THE EXAMPLE OF SCHOOLCHILDREN IN THE VOLOGDA REGION)**

Abstract. *In this article, the authors demonstrate the relationship between civic and territorial identity, social responsibility, and social participation practices using a study of schoolchildren in the Vologda Oblast as an example. The authors provide empirical evidence of differences in the level of responsibility and engagement of students with strong civic and global identities.*

Keywords: *civic identity, territorial identity, social responsibility, social participation.*

About the authors

Irina N. Vorobeva – Candidate of Sciences (Sociological), Associate Professor, Cherepovets State University (5, Lunacharsky Avenue, Cherepovets, 162600, Russian Federation; e-mail: vorobyova-i-n@yandex.ru)

Albina A. Mekhova – Candidate of Sciences (Philosophical), head of department, Cherepovets State University (5, Lunacharsky Avenue, Cherepovets, 162600, Russian Federation; e-mail: albina_mekhova@mail.ru)

References

1. Gorshkov M.K. (2015). Formation of All-Russian Identity: the context of the Russian Caucasus. Russian Caucasus: problems, searches, solutions: scientific publication. Moscow: Aspekt Press.
2. Krylov M.P. (2011). Towards a Theory of Regional Identity (Based on Materials from European Russia). Identity as a Subject of Political Analysis. Collection of Articles Based on the Results of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference (IMEMO RAS, October 21–22, 2010). Moscow: IMEMO RAS. 212–216.
3. Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. (2010). Identity in the System of World Development Coordinates. *Polis*, 3, 40–59.
4. Fedotova N.N. (2013). Concepts of identity in the context of nonlinear sociocultural dynamics. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2, 52–62.
5. Risse T.A. (2010). Community of Europeans? Transnational identities and public spheres. Ithaca, NY and London: Cornell University Press.
6. Wray-Lake L., Syvertsen A.K. (2011). The developmental roots of social responsibility in childhood and adolescence. *New Directions for Child and Adolescent Development*, 134, 11–25. DOI: 10.1002/cd.308

ДОХОДЫ, ПОТРЕБЛЕНИЕ И СБЕРЕЖЕНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОДЕЛИ КЕЙНСА И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье анализируются статистические показатели доходов и потребления, полученные значения приращения доходов и потребления домохозяйств с учетом влияния современных условий и факторов в национальной экономике. Сформулированы выводы об эволюции модели потребительского поведения домохозяйств.

Ключевые слова: доходы, потребление, предельная склонность к потреблению, предельная склонность к сбережению, сбережения, финансовая грамотность.

В современных экономических условиях такие категории, как доходы, потребление и сбережения приобретают особое значение для формирования инвестиций домашних хозяйств в собственное развитие. С ними неразрывно связан уровень финансовой грамотности населения, под которым понимают способность индивида эффективно управлять доходами, принимать обоснованные решения по распределению средств и планировать расходы¹.

Основатель кейнсианского направления изучения экономической теории Д.М. Кейнс еще в начале XX века исследовал поведение домашних хозяйств в аспекте доходов, потребления и сбережений. Он сформулировал «основной психологический закон» относительно поведения домохозяйств: «с ростом дохода потребление растет абсолютно, но при этом оно сокращается относительно», т. е. домашние хозяйства склонны увеличивать потребление с ростом дохода, но не в той же мере, в какой растет доход (Кейнс, 1999).

Современный контекст анализа потреблений и сбережений исследуют многие авторы. Например, О.Е. Кузина и Д.В. Моисеева изучают стратегии финансового поведения россиян, определяемые как осознанное управление доходами и сбережениями в долгосрочной перспективе (Кузина, Моисеева, 2021). С.В. Мареева, Н.В. Зубаревич и С.Г. Сафронов анализируют причины изменения потребительских стратегий россиян в условиях неопределенности (Зубаревич, Сафронов, 2020; Мареева, 2021). Важное отличие рыночной экономики эпохи кейнсианства от современной заключается в степени насыщенности рынка товарами и услугами. Именно этот аспект оказывает значимое влияние на потребительское поведение домохозяйств, не обладающих достаточным уровнем финансовой грамотности.

Кроме дохода, который учитывается в классической модели Кейнса как главный фактор влияния на потребление и сбережения, в условиях структурной трансформации национальной экономики появляются новые факторы. Так, развитие цифровизации повлекло появление различных маркетплейсов, экосистем, где действует эффект доступности 24/7 и существует риск совершения импульсивных покупок. Появилась шеринговая экономика, где наблюдается переход от владения к пользованию (каршеринг, аренда и др.), что снижает капитальные затраты домохозяйств, но приводит к росту ежемесячных обязательных платежей. Заметное влияние имеют социальные сети (образ жизни), санкционные ограничения и импортозамещение (привычные бренды).

В эмпирической части работы, согласно кейнсианской модели, были рассчитаны показатели предельной склонности населения к потреблению и сбережению. Период исследования охватывает допандемийный и постпандемийный этапы.

Для исследования сделана выборка официальной статистики Росстата, по которой выявлена динамика доходов, общих расходов и затрат на текущее потребление, в т. ч. изменения в структуре сбережений домохозяйств за период 2018–2024 гг.

¹ Стратегия повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года: утверждена распоряжением Правительства РФ от 24.10.2023 № 2958-р. // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://static.government.ru/media/files/FJj6iZ8geL94xUACfr2s32ZQoUgqP7fd.pdf> (дата обращения: 15.03.2026)

По данным *табл. 1* абсолютные показатели доходов и расходов имеют тенденцию роста к 2024 году. Расходы на текущее потребление в 2020 году были ниже, чем в 2019 и 2021 гг., где основным фактором влияния был режим самоизоляции (COVID-19), при этом обязательные платежи сохранили рост.

Таблица 1. Структура доходов, расходов и сбережений домохозяйств в РФ

№	Показатели, млрд руб.	Сборник 2021 года	Сборник 2022 года	Сборник 2023 года		Сборник 2025 года		
		2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
1	<i>Денежные доходы (всего)</i>	58 614	62 532	63 692	70 548	83 425	94 063	112 160
2	Всего расходов, из них:	58 614	62 532	63 692	70 548	83 425	94 063	112 160
3	<i>Расходы на текущее потребление</i>							
3.1	Расходы на покупку товаров и оплату услуг	47 342	50 597	48 231	56 628	62 931	72 384	83 537
3.2	Обязательные платежи и разнообразные взносы	8 801	9 523	9 696	10 919	13 305	13 889	17 778
4	<i>Сбережения</i>							
4.1	Расходы на приобретение недвижимости	1 431	1 457	1 806	2 240	2 918	3 621	3 922
4.2	Прирост финансовых активов:	1 041	955	3 959	761	4 271	4 169	6 923
	<i>из него прирост/уменьшение (-) денег на руках у населения</i>	1 475	326	2 836	620	3 619	204	-5 302
5	Прирост/уменьшение (-) задолженности по кредитам	2 726	2 779	2 448	4 649	2 501	6 625	1 923

Источник: Российский статистический ежегодник. 2025: Стат. сб. / Росстат. с. 151; с. 163; Российский статистический ежегодник. 2023: Стат. сб. / Росстат. с. 160; с. 173; Российский статистический ежегодник. 2022: Стат. сб. / Росстат. с. 155; с. 168; Российский статистический ежегодник. 2021: Стат. сб. / Росстат. с. 152; с. 165.

В 2020 году по сравнению с 2019 годом мы видим значительный прирост финансовых активов (более, чем в 4 раза) и наличных денег у населения (в 8,7 раз), а также относительно небольшое снижение объема кредитной нагрузки (на 13%). Данная ситуация характеризует формирование модели «осторожного сбережения» в условиях высокой неопределенности (Кейнс, 1999; Мареева, 2021, Бессонова, Цветкова, 2023). При наступлении таких условий доверие населения к долгосрочным финансовым инструментам снижается, т. к. ожидаются резкие изменения цен на товары и услуги (Печалова, 2022; Зверева и др., 2024). В связи с этим наличные деньги воспринимаются как более надежный и защищенный актив. В кейнсианской теории – это прямая иллюстрация «предпочтения ликвидности», обусловленной мотивом предосторожности, т. е. созданием запаса на случай неопределенности будущего (Кейнс, 1999).

Снижение задолженности по кредитам в 2020 году на фоне роста наличных денег означает, что в условиях неопределенности население предпочитает не брать новых кредитов, а закрывать уже взятые за счет накопленных средств. До 2023 года динамика финансовых активов и наличных денег является неустойчивой (волатильной).

В структуре финансовых активов ситуация с наличными деньгами на руках у населения (показатель с минусом) говорит об оттоке наличности в банковскую систему, т. е. домохозяйства направили наличные деньги на вклады, счета и оплату кредитов больше, чем сняли. Прежде всего это связано с высокой ключевой ставкой и ростом инфляции.

Также, после пандемии домохозяйства в большей мере предпочитают безналичные расчеты (СПБ, QR-код) и потребность в наличных деньгах сокращается. В кредитно-денежной политике наблюдается создание ситуации, когда безналичные инструменты становятся более доходными, что приводит к возврату наличных в банковскую систему (Печалова, 2022).

В *табл. 2* приведена группировка показателей для проведения расчетов и анализа динамики показателей предельной склонности к потреблению и сбережению домохозяйств.

Таблица 2. Доходы, потребительские расходы и сбережения домохозяйств в РФ

Показатели, млрд рублей	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Денежные доходы (всего)	58 614	62 532	63 692	70 548	83 425	94 063	112 160
Расходы на текущее потребление	56 143	60 120	57 927	67 547	76 236	86 237	101 315
Сбережения (<i>приобретение недвижимости + прирост финансовых активов</i>)	2 472	2 412	5 765	3 001	7 189	7 790	10 845
<i>в числе ФА прирост/уменьшение (-) денег на руках у населения</i>	<i>1 475</i>	<i>326</i>	<i>2 836</i>	<i>620</i>	<i>3 619</i>	<i>204</i>	<i>-5 302</i>
Прирост/уменьшение (-) задолженности по кредитам	2 726	2 779	2 448	4 649	2 501	6 625	1 923

Источник: рассчитано автором на основе данных таблицы 1.

Согласно однофакторной модели Кейнса расчет показателей произведен для каждого года исследуемого периода и в табл. 3 приведены полученные значения прироста доходов и потребления, предельной склонности к потреблению (MPC) и сбережению (MPS).

Таблица 3. Показатели предельной склонности к потреблению и сбережению населения РФ

Год	Доход (Y)	Приращение дохода (ΔY)	Потребление (C)	Приращение потребления (ΔC)	Предельная склонность к потреблению (MPC)	Предельная склонность к сбережению (MPS)
2018	58 614	2 409	56 143	2 394	0,99	0,01
2019	62 532	3 918	60 120	3 977	1,0	0
2020	63 692	1 160	57 927	-2 193	-1,89	2,89
2021	70 548	6 856	67 547	9 620	1,4	-0,4
2022	83 425	12 877	76 236	8 689	0,67	0,33
2023	94 063	10 638	86 237	10 001	0,94	0,06
2024	112 160	18 097	101 315	15 078	0,83	0,17

Источник: рассчитано автором на основе данных таблиц 1,2; Российский статистический ежегодник. 2020: Стат. сб. / Росстат. с. 153; с. 166.

Согласно теории Кейнса значение MPC должно находиться в пределах от 0 до 1. В таблице 3 этому не соответствуют показатели 2020 и 2021 гг. Отрицательное значение MPC связано с кризисом 2020 года и означает разрыв классической связи «доход–потребление». Несмотря на номинальный прирост, доход домохозяйств был самым низким, к тому же его рост обеспечивался за счет мер господдержки, выплат на детей и т. п. Физические возможности потребления населения были значительно ограничены локдауном, где потребление стало функцией доступности рынка, а не функцией дохода (Мареева, 2020).

Ситуация, когда доходы растут (даже с минимальным приростом), но расходы при этом снижаются, означает, что вся единица, на которую изменился доход, вместе с частью средств, изъятых из текущего потребления, направлены на сбережения – показатель MPS стал выше единицы. Возник эффект отложенного спроса, вызванный неэкономическими факторами, когда домохозяйства не могли (опасались) тратить деньги.

Ситуация по сбережениям ($MPS > 1$) для кризисного 2020 года. объясняется следующими факторами:

- отрицательный прирост потребления означает, что фактически домохозяйства стали тратить меньше, чем в 2019 году и эти не потраченные деньги перешли в категорию сбережений;

- MPS значительно выше единицы (2,89) означает, что на каждый рубль в приросте доходов объем сбережений вырос на 2,89 рубля за счет прибавления к сбережениям суммы, на которую сократилось привычное потребление.

В 2019 году весь прирост дохода направлен на потребление и сбережения равны 0. В 2021 году показатели MPC и MPS означают наступление периода «компенсаторного потребления» или реализации отложенного спроса в период пандемии «COVID-19». На фоне роста доходов, прирост текущего потребления превысил прирост доходов, так как домохозяйства начали тратить накопления 2020 года и активно брать новые кредиты – задолженность выросла на 89,9%. Новые кредиты снижают возможности сбережений домохозяйств, о чем свидетельствует отрицательное значение MPS. В 2021 году также выросли расходы (+24%) на приобретение недвижимости.

С 2022 года виден возврат к кейнсианской модели, где MPC входит в пределы от 0 до 1. При этом отметим увеличение склонности к потреблению домохозяйств и очень низкую долю формирования сбережений, особенно в 2023 и 2024 гг.

В табл. 4 представлена динамика изменения показателей дохода и потребления.

Таблица 4. Сравнительная динамика доходов и потребления домохозяйств

Год	Доход (Y), млрд руб.	Цепной темп роста дохода (Y), %	Потребление (C), млрд руб.	Доля дохода на потребление (C), %	Доля сбережений от доходов, %
2017	56 205	-	53 749	95,6	-
2018	58 614	4,3	56 143	95,8	4,2
2019	62 532	6,7	60 120	96,1	3,9
2020	63 692	1,9	57 927	91,0	9,1
2021	70 548	10,8	67 547	95,8	4,3
2022	83 425	18,3	76 236	91,4	8,6
2023	94 063	12,8	86 237	91,7	8,3
2024	112 160	19,2	101 315	90,3	9,7

Источник: рассчитано автором по данным таблицы 3.

Данные таблицы 4 позволяют сказать, что доходы домохозяйств к 2024 году показывают тенденцию роста (кроме 2023 года), где исключением является показатель 2020 года. За период исследования ситуация по динамике доходов и потребления такая: с одной стороны, наблюдается абсолютный рост потребления (кроме 2020 года). Рост доходов домохозяйств позволяет трансформировать спрос в сторону качественного улучшения: можно говорить о предпочтении покупок товаров длительного пользования (о чем говорит нарастающий объем кредитов), а также рост расходов на приобретение недвижимости. Вместе с тем, совокупный объем потребления на протяжении периода исследования превышает 90% доходов. Столь высокая потребительская нагрузка на бюджет домохозяйств ограничивает возможности формирования сбережений.

В современных условиях наблюдается устойчивый тренд сокращения объема наличных денег на руках у населения. Снижение использования наличности обусловлено процессами цифровизации экономики: расширением интернет-торговли, развитием экосистем и маркетплейсов, а также популяризацией шеринговых сервисов (каршеринг, аренда) и т. п. В этих условиях модель сбережений домохозяйств трансформируется: предпочтение отдается накоплению нефинансовых активов (приобретение недвижимости) и высокодоходных финансовых инструментов (финансовые активы в виде ценных бумаг, депозитов и др.), которые в текущих макроэкономических условиях выступают более эффективным средством сбережения, чем наличные деньги. Отрицательная динамика показателя наличных денег у домохозяйств в 2024 году показывает этот структурный сдвиг.

В таблице 4 (в столбце «Доля сбережений от доходов, %») представлены расчеты показателей за исследуемый период согласно данным таблицы 2. Суммирование показателей «Доли дохода на потребление» и «Доли сбережений от доходов» по каждому году дает 100%, т. е. исходную величину доходов по каждому году. Таким образом, можно заключить, что в современных экономических условиях произошло структурное замещение наличных денег безналичными финансовыми активами.

Очевидно, что сбережения домохозяйств в большей мере трансформировались из «тезаврационной» формы (накопление наличности) в институциональную (депозиты, ценные бумаги) (Кузина, Моисеева, 2021), что подтверждает динамика показателей наличных денег на руках у населения и сбережений в таблице 1. Рост задолженности домохозяйств по кредитам к 2024 году продолжает нарастать, несмотря на ужесточение денежно-кредитной политики. Рост ключевой ставки за последние 3–4 года вызвал удорожание стоимости кредитов, но их объем сократился незначительно. Данная ситуация объясняется рядом факторов. Во-первых, растут доходы населения, что частично нивелирует возросшую стоимость обслуживания кредитов; во-вторых, реализуется отложенный спрос, образовавшийся в период пандемии COVID-19; в-третьих, сохраняются высокие инфляционные ожидания, стимулирующие покупки «впрок». В периоды «кредитного бума» норма сбережений по Кейнсу может формально снижаться не только ввиду роста потребления, но и из-за чистого роста долговой нагрузки домохозяйств.

В условиях неопределенности психологический закон Кейнса может усиливаться «предосторожным мотивом» – даже при росте доходов люди искусственно ограничивают потребление, ожидая возможных кризисов. Проверка релевантности модели Кейнса сегодня позволяет понять, насколько эффективно работают стимулы к потреблению и механизмы трансформации сбережений в инвестиции (например, финансовые активы).

На основе исследования можем резюмировать: по состоянию на 2026 год эволюция моделей потребительского поведения домохозяйств прошла путь от классической кейнсианской функции текущего дохода до современных концепций. Если в рамках «основного психологического закона» Кейнса наиболее влиятельным фактором выступал располагаемый доход домохозяйств, рост которого вызывал в большей мере увеличение доли сбережений, то в современных условиях приоритеты в потребительском поведении домохозяйств сместились в сторону предпочтения долгосрочного планирования и переходом сбережений в институциональную безналичную форму. При этом наблюдается следующий тренд: стремление к повышению качества жизни стимулирует домохозяйства расширять текущее потребление за счет привлечения заемных средств (кредит), что трансформирует классическую взаимосвязь между доходом и сбережениями.

Библиографический список

1. Бессонова Е.В., Цветкова А.Н. (2023). Финансовое поведение домохозяйств в период пандемии // Вопросы экономики. № 8. С. 123–146.
2. Зверева В., Синяков А., Шелованова Т. (2024). Финансовая грамотность и ответственное финансовое поведение российских домохозяйств. Центральный банк Российской Федерации. М: Банк России. 81 с. URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/162512/wp_132.pdf
3. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. (2020). Регионы России в острой фазе коронавирусного кризиса: отличия от предыдущих экономических кризисов 2000-х // Региональные исследования. № 2 (68). С. 4–17. EDN: YSAAWI.
4. Кейнс Д.М. (1999). Общая теория занятости, процента и денег / пер. с англ. Н.Н. Любимова; под ред. Л.П. Куракова. Ассоц. рос. вузов. Москва: Гелиос АРВ. 352 с.
5. Кузина О.Е., Моисеева Д.В. (2021). Стратегии финансового поведения россиян: понятие, динамика, факторы // Вопросы экономики. № 10. С. 71–88. DOI:10.32609/0042-8736-2021-10-71-88
6. Мареева С.В. (2021). Пространство немонетарных неравенств в российском обществе: состояние и последствия кризиса 2020 г. // Terra Economicus. Т. 19. № 4. С. 77–91. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-4-77-91.
7. Печалова М.Ю. (2022). Трансформация инвестиционно-сберегательного поведения населения в условиях цифровизации и вызовов пандемии // Экономика. Налоги. Право. Т. 15. № 2. С. 80–95. DOI: 10.26794/1999-849X-2022- 15-2-80-95

Информация об авторе

Елена Георгиевна Ефимова – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, Институт экономики и финансов, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45; e-mail: usue@usue.ru)

Efimova E.G.

HOUSEHOLD INCOME, CONSUMPTION AND SAVINGS: THEORETICAL ASPECTS OF THE KEYNESIAN MODEL AND EMPIRICAL TRENDS IN MODERN RUSSIA

Abstract. *This article analyzes statistical indicators of income and consumption, and estimates the growth in household income and consumption, taking into account the influence of current conditions and factors in the national economy. Conclusions are drawn regarding the evolution of household consumer behavior models.*

Keywords: *income, consumption, marginal propensity to consume, marginal propensity to save, savings, financial literacy.*

About the author

Elena G. Efimova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the department of Regional, Municipal Economics and Management, Institute of Economics and Finance, Ural State University of Economics (62/45, March 8th/Narodnaya Volya Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: usue@usue.ru)

References

1. Bessonova E.V., Tsvetkova A.N. (2023). Financial Behavior of Households during the Pandemic. *Voprosy Ekonomiki*, 8, 123–146.
2. Zvereva V., Sinyakov A., Shelovanova T. (2024). Financial Literacy and Responsible Financial Behavior of Russian Households. Central Bank of the Russian Federation. Moscow: Bank of Russia. URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/162512/wp_132.pdf
3. Zubarevich N.V., Safronov S.G. (2020). Russian regions in the acute phase of the coronavirus crisis: differences from previous economic crises of the 2000s. *Regional studies*, 2(68), 4–17. EDN: YSAAWI.
4. Keynes J.M. (1999) The General Theory of Employment, Interest and Money. Assoc. Russian. Universities. M. Gelios ARV. (in Russian).
5. Kuzina O.E., Moiseeva D.V. (2021). Financial behavior strategies of Russians: concept, dynamics, factors. *Voprosy ekonomiki*, 10, 71–88. DOI:10.32609/0042-8736-2021-10-71-88
6. Mareeva S.V. (2021). The space of non-monetary inequalities in Russian society: the state and consequences of the 2020 crisis. *Terra Economicus*, 19, 4, 77–91. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-4-77-91.
7. Pechalova M.Yu. (2022). Transformation of investment and savings behavior of the population in the context of digitalization and the challenges of the pandemic. *Economy. Taxes. Law*, 15(2), 80–95. DOI: 10.26794/1999-849X 2022- 15-2-80-95

ИНТЕРНЕТ КАК ВРАГ СВОБОДЫ СЛОВА: ГЛОБАЛЬНЫЙ И ЛОКАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье анализируются свойства глобальной сети Интернет, легитимизирующие цензуру и делегитимизирующие свободу слова. Выдвигается тезис о возможности преодоления антилиберальных эффектов Интернета в условиях глобальной регионализации.

Ключевые слова: интернет, свобода слова, постинформационное общество, информационный мусор, аномия, психологическая защита, массовый психоз, информационная психиатрия, региональная цивилизация.

Согласно традиционной точке зрения, главным врагом свободы слова является правительственный институт цензуры. В реальности в современном мире есть куда более глубокие основания для сокращения свободы слова, нежели политическая воля того или иного правительства или правителя. Этими основаниями являются Интернет и стремительно разрастающийся научно-технический прогресс как таковой.

На рубеже XX–XXI вв. интернет воспринимался как практически абсолютное воплощение ключевой либеральной ценности – свободы слова и доступа к информации. Интернет дал возможность любому человеку публично высказываться в любой момент по любой теме и в любом жанре, а также искать и быстро находить практически любую интересующую его информацию. Информационные технологии «на заре своего становления были призваны сделать человека свободным. Глобальная сеть Интернет является наиболее ярким воплощением этой свободы» (Крайнов, 2019).

Однако со временем стало ясно, что Интернет, предоставив людям множество удобств, нанес культу свободы и свободе слова несколько мощных нокдаунов, от которых он так и не смог оправиться и все более заметно сдает свои позиции, казавшиеся в прошлом незыблемыми.

Нокдаун 1. Постинформационный

Главная особенность постинформационного общества состоит в том, что циркулирующие в нем не заслуживающие доверия сведения постоянно превалируют над точными (Евдокимов, 2015). Отсюда феномен «постправды», когда истинность и ложность информации оказываются амбивалентными.

Переизбыток информации, зачастую недоброкачественной, чем дальше, тем более интенсивно порождает эффект глобального информационного хаоса и профанации различных общественных представлений. Это формирует в обществе патологическую ситуацию константной «аномии», которая, в свою очередь, провоцирует общественный дистресс, обусловленный «мерцанием» и непрерывным изменением общественных «правил игры». У пользователя, ежедневно поглощающего сетевую информацию в гигантских объемах, возникают разного рода проблемы как физического, так и психологического плана (Юдалевич, 2016).

Затрудненность процесса рационального усвоения устоявшихся идейно-поведенческих норм и паттернов дает стимул развитию в обществе иррациональных мифологических механизмов восприятия действительности и осмысления индивидуумом своего места в ней. Все это ведет к развитию в обществе нарастающей тревоги.

Формально декларируя приверженность принципам рационализма и прагматизма, современное общество скатывается в ментальный иррационализм, алармизм, агрессивность и тяготение к доминированию воинствующе антинаучных (вариант научно не подтвержденных) доктрин. А также к упрощенно-директивным и разжигающим межгрупповую ненависть решениям сложных социальных и международных проблем.

Особую психологически деструктивную роль играет соединение чисто информационного сетевого неврозогенного и информационно-консьюмеристского факторов, когда реальное потребление в значительной мере подменяется виртуальным, основанным на искаженных (преувеличенных, «отфотошопленных») образах реальности. Эти, по сути, фантастические образы реальности рождают фантомные и недостижимые, но от этого еще более беспокоящие воображение «завистливые потребности».

Интернет создал совершенно новую ситуацию нарастающей глобально-кибернетической неопределенности, социальной неудовлетворенности и константной «аномийности», порождающую в обществе непрерывно усиливающуюся тревогу. Свобода слова и свобода обмена информацией в этих условиях из абсолютной общественной ценности трансформировались в ценность условную, демпингово-избыточную и до известной степени фальшивую. Как следствие, девальвации в постинформационном обществе ключевой правовой ценности – свободы слова – в мире в целом стало происходить постепенное отдаление социума от идеалов рационализма и правозащиты, призванных утверждать свободу индивидуума как разумного и ответственного существа. Каноны права и научной рациональности начали все чаще вытесняться иррациональными поветриями, перерастающими в «массовую паранойю», основанную прежде всего на страхе перед свободой (в том числе свободой слова), которая, в свою очередь, все чаще интерпретируется как тревожная «неизвестность» и «небезопасность».

Безопасность в обеих ее версиях – security и safety (общественная и личная) стала ключевой ценностью современности. В XXI веке безопасность стала универсальным словом-паролем, которым «кодируется» любой разговор международных акторов. «Свобода» (включая свободу слова) и «демократия» как универсальные «слова-коды» остались в прошлом. При этом общественная жизнь как внутри государств, так и между ними, по мере углубления культа безопасности, становится все менее безопасной. Безопасность, таким образом, демонстрирует свою способность быть ценностью-перевертышем.

Нокдаун 2. Инфомусорный

Помимо лавинообразных потоков информации, претендующей на достоверность (но далеко не всегда соответствующей ее критериям), сеть обрушила на людей заведомо информационно недоброкачественное цунами: априори лживое, информационно-шумовое, рекламно-агрессивное, антиинтеллектуальное, антиморальное и, зачастую, криминальное.

В итоге довольно быстро из сравнительно чистого пространства свободы слова и обмена полезными сведениями сеть превратилась в «информационную помойку», кишащую пошлостью, тупостью, безвкусицей, фейковыми новостями, «дразнящей» рекламой и фантастической информацией, еще больше растрavляющей зависть и снижающей самооценку потребителя этой информации.

Как отмечает в этой связи владелец информационной платформы «Телеграм» Павел Дуров: «социальные сети содержат в себе непрерывный поток мусора, который загромождает умы, снижает уровень счастья человека и негативно влияет на его творческие способности»¹. Эту же мысль развивает Н.В. Юдалевич: «век цифровых технологий, компьютеров, планшетов, смартфонов и прочих гаджетов, способных хранить и обрабатывать информацию, породил новый вид мусора, который так же, хоть пока и не настолько очевидно, как мусор материальный, влияет на здоровье человека» (Юдалевич, 2016).

Особо зловредное место в массе сетевого мусора занимают инфо-токсины, содержащие в себе прямые либо косвенные признаки криминала. Среди них: клевета, оскорбления, морально и юридически недопустимые вторжения в частную жизнь, прямые криминальные действия (например, личные угрозы), распространения иного антиправового контента и т. п.

¹ Цит. по: Юшков М. Дуров в день рождения составил список недооцененных и переоцененных вещей // РБК. URL: https://www.rbc.ru/society/10/10/2021/61633e049a7947f3d64b9a65?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 28.03.2026).

Токсично-мусорный информационный вызов, который бросила людям глобальная сеть, породил феномен цензуры со стороны сетевых администраторов. Впрочем, сетевая цензура, отфильтровывая заведомый криминал, отнюдь не касается всего того, что может быть отнесено к категории инфо-мусора, что в значительной мере гарантирует высокие прибыли владельцев сетей. Как следствие – в обществе утрачивается доверие к сети как пространству неограниченной свободы слова. Свобода слова делегитимизируется, а цензура, наоборот, становится легитимной, т. к. кажется «единственной спасительной» от порождаемых сетью информационных токсинов. В социуме формируется неототалитарный по своей сути массово-консенсусный запрос не только на корпоративную, но и на государственную сетевую цензуру. Причем в либерально-демократических странах это происходит в первую очередь (Коцюбинский, 2022). В авторитарных государствах этот запрос задает по преимуществу сама власть.

Сетевая цензура легитимирует запрет на свободу слова и делает фактически беззащитными любого пользователя и любой аккаунт от цензурного вторжения, бана и т. д.

В то же время сетевая цензура отнюдь не гарантирует людям защиту от инфо-мусора. Во-первых, этого мусора и его разновидностей гораздо больше, чем цензурных запретов. Во-вторых, даже если информация была забанена сетью или государством, она перед этим успела какое-то время быть доступной миллионам людей, стала частью их коллективной памяти и, возможно, сохранилась в сделанных многими копиях.

Нокдаун 3. Диффамационный

Оборотной стороной абсолютной доступности каждого человека к сети стала ее абсолютная доступность к каждому человеку. Сеть незамедлительно дала понять, кто именно в этой паре всевластный хозяин, то есть субъект, а кто – всего лишь бесправный пользователь (объект). Несмотря на все попытки *Homo Interneticus* почувствовать свою субъектность (через создание своих страниц, аккаунтов, публикацию постов, участие в интернет-опросах и прочую сетевую активность), ощущение сетевым человеком своей унижительной объектности и полной подконтрольности в итоге лишь нарастает. Любой интернет-пользователь ежесекундно чувствует себя под невидимым присмотром тысячеглазого «Телескрина» (государственного, корпоративного, анархо-частного), отслеживающего его активность, следящего за его интересами и предпочтениями, наказывающего его за несоблюдение правил, установленных без какого-либо участия самого пользователя и на которые он не в силах повлиять.

Но самое страшное в этом ощущении «объектной обнуленности» – чувство беззащитности перед угрозой прямой и адресной агрессии со стороны Интернета, которая реальна в любой момент, независимо от того, находишься ты онлайн или нет. Речь о возможности мгновенного распространения в сети любой компрометирующей человека конфиденциальной информации о нем: как ложной, так и (что порой бывает еще тяжелее) полностью, либо частично достоверной.

С особым цинизмом сетевая свобода бьет по человеку, а рикошетом – по его вере в благотворность свободы слова как таковой, когда сперва соблазняет возможностью публичной саморепрезентации, а потом губит, превращая его наивно-индивидуалистическую сетевую свободу в неустрашимые компроматные кандалы. Речь о массово распространившемся среди работодателей проведении кадровой политики на основе обязательного изучения сетевой активности своих сотрудников и кандидатов на занятие тех или иных должностей. Менеджеров сложно обвинять: они тоже заботятся о сетевой репутации своей фирмы.

Эпоха формально безграничной «сетевой свободы» в реальности обернулась прямо противоположным, а именно превращением человека в более подконтрольное, закрытое и беззащитное существо. Если раньше в «дворцах с прозрачными стенами» жили только «короли», то теперь в положении «голых королей» оказались «простые смертные». С той лишь поправкой, что в прошлом для «звезд» практически никакой скандал не мог быть чреват потерей их социального статуса, то ныне для «простых смертных» (как, впрочем, и для представителей «элит») он зачастую приравнивается к «волчьему билету» и грозит утратой занимаемой социальной ниши. Оруэлловский лозунг-перевертыш «Свобода – это рабство» из антиутопического художественного гротеска невольно стал банальной злой постинформационной реальностью.

Нокдаун 4. Одурающий, отменяющий культуру как сложность и интеллектуалов как класс

Возможно, самым негативным последствием постинформационной эпохи и ее интернет-кульминации стала отмена компетентности, профессионализма и, особенно, новизны и сложности во всех без исключения гуманитарных сферах как условий, гарантирующих успех. Лайки и репосты стали доставаться не интеллектуалам-новаторам, а талантливым аниматорам, то есть «оперативным операторам» на рынке популярной вторичности. Спокойный и научно аргументированный голос сообщества профессоров с мировым именем оказался ничтожно мал по сравнению с эмоционально взвинченным голосом 14-летней школьницы Греты Тунберг и других, не имеющих отношения к науке, но крайне политически напористых экоктивистов.

Государства и международные структуры принимают, а международные статусные сообщества, такие, как Межправительственная группа экспертов по изменению климата, «санкционируют» важнейшие решения, в основе которых лежат не научно проработанные экспертизы, а гневный вопль сетевой толпы.

То, что интеллектуалы оказались «за кулисами» сетевого пространства, оставило либеральные ценности и, прежде всего, свободу слова, без главной идейной защиты.

В прошлом информационное пространство было для интеллектуалов более благоприятным: существовала просвещенная и массовая интерактивная либеральная аудитория. Как подчеркивал в этой связи Юрген Хабермас: «им [интеллектуалам] нужна... либерально настроенная публика, и уже поэтому им приходится полагаться на хоть как-то функционирующее правовое государство, ведь в своей борьбе за правду, которой затыкают рот, или за права, которые у кого-то отнимают, они апеллируют к универсалистским ценностям...» (Хабермас, 2006). Интеллектуалы – часть мира, в котором политика не исчерпывается деятельностью государства; их мир – это политическая культура возражения, в которой коммуникативные свободы граждан возможно и принимать, и мобилизовывать» (Хабермас, 2006).

Однако, уже через 12 лет Хабермас вынужден был заключить: «со времен Генриха Гейне фигура интеллектуала приобрела определенный статус наряду с классической формой либеральной общественной сферы... Однако это зависит от социальных и культурных предпосылок, главным образом от наличия бдительной журналистики... В настоящее время эта инфраструктура уже потеряла свою целостность... расщепляющий эффект интернета изменил роль традиционных СМИ, особенно для молодого поколения»².

Во-первых, интернет не просто подарил всем равные возможности для информационного самовыражения и поиска, равно как и для коммуникаций, но он перевернул «пирамиду смыслов». Единственным мерилom качества интернет-контента оказались комментарии–лайки–репосты, т. е. сетевой «хайп» и приложенные к нему рекламные и прочие денежные потоки.

Но когда заказчиком, продюсером и потребителем контента выступает не компетентная интерактивная публика (о которой говорил Хабермас), а во многом случайная, глубоко «профанная» и в большинстве своем не разбирающаяся в сути вопроса интернет-толпа, многомиллионного успеха добивается только требующее минимум усилий для усвоения: вторичка и упрощенка. Именно это главная причина того, что в сетевую эпоху практически остановилось появление новых больших стилей, а также исчез успех произведений, в основе которых творческие импульсы и мотивация автора, а не внешне обусловленные реакции аниматора. Иными словами, остановился общекультурный процесс, которым рулят талант и добросовестность, а не рыночная конъюнктура. В итоге во всем мире случился культурный застой и замаячила деградация. Ни у кого из по-настоящему оригинальных и сложных культуртрегеров или действительно ярких и глубоких интеллектуалов шанса на сетевой «хайп» нет по определению. Сейчас, у доживающих свой век интеллектуалов прошлого, есть шанс лишь на то, чтобы попробовать оседлать очередную сетевую волну, создавая при этом максимально яркое, легко «заходящее» и оригинальное лишь поверхностно читиво, вместо по-настоящему глубокого, сложного и главного, по-настоящему нового чтения.

² Hermoso B. Jürgen Habermas. For God's sake, spare us governing philosophers!" // El Pais. 25.05.2018. URL: https://english.elpais.com/elpais/2018/05/07/inenglish/1525683618_145760.html (дата обращения: 28.03.2026).

В частности, как рассказали актеры и продюсеры Мэтт Деймон и Бен Аффлек, Netflix, создавая стриминги, намеренно делает тупые диалоги, так как их целевая аудитория сидит в телефоне во время просмотра фильма или сериала. Netflix просит по 3–4 раза объяснять сюжет фильма в диалогах, чтобы зрители, сидящие в телефонах, поняли, о чем речь. У режиссеров намного меньше стимула делать красивую картинку, так как люди все равно смотрят фильм или сериал с телефонов и ноутбуков³.

Пугающий многих триумф искусственного интеллекта (ИИ), грозящего вытеснить человека на обочину не только рутинного физического труда, но и гуманитарных профессий, в реальности так «страшен» лишь потому, что культурный процесс уже давно рутинизировался, превратившись в «креативное воспроизводство» ремесленнических шаблонов. Вот почему оказалось, что ИИ с легкостью заменяет современных голливудских сценаристов. Причина проста – эти сценаристы не творцы, а ремесленники.

Во-вторых, интернет, будучи пространством самой непосредственной информационной свободы и демократии (а точнее, охлократии), ликвидировал социальные статусы, дав кому угодно неограниченные возможности сообщить о ком угодно что угодно. В том числе, сделав это анонимно и практически безнаказанно. Интеллектуал, которого можно в любой момент «отменить», извлекать в дегте и перьях, унижить и обесчестить, которого можно оклеветать или чье «реально грязное белье» можно в любой момент выволочить на божий свет, кому можно напрямую дерзить в комментариях без риска быть вызванным на дуэль или оказаться в ситуации «неподатия руки» (ибо в виртуальном мире есть только опция бессильного бегства от хамства, но нет опции призыва хама к ответу) – это уже не «властитель дум». Это, в лучшем случае, классный аниматор («облегченно-вторичный» интеллектуал-популяризатор), а в худшем – просто «старый зануда».

В-третьих, интернет ввел фактический запрет на неконформизм, а значит, и на любое оппонирование толпе. Ибо толпа конформна по определению и подвергает немедленно остракизму любого, кто пытается бросить ей вызов. Неконформисты тысячу раз отмерят, прежде чем один раз отрежут правду-матку из страха перед местью со стороны бесчисленных раздраженных оппонентов, у которых всегда в руках булыжник сетевой травли либо «игнора». Гражданские активисты, деятели культуры и интеллектуалы, выступавшие с «ковид-диссидентских» (отрицающих/преуменьшающих опасность вируса и несогласных с ограничительными правительственными мерами) позиций, в подавляющем большинстве случаев этикетировались прессой и лояльными правительственной политике инфлюенсерами как «одиозные», «скандальные», «фрики» и т. п., за что в итоге подвергались «отмене». Так, всемирно известный итальянский леволиберальный философ Джорджо Агамбен, занявший активную ковид-диссидентскую позицию, обоснованную не медицинскими, а сугубо правовыми аргументами, в итоге столкнулся с множественной критикой в свой адрес со стороны коллег (вплоть до оценок его статей как «бредовых»). Со стороны журналистов – с открытой враждебностью и даже обвинениями в «опасности». В итоге из модного и влиятельного интеллектуала он в одночасье превратился в сетевого изгоя.

Но свято место пусто не бывает. Нишу интеллектуалов тут же захватила толпа. Со своим стихийным коллективным разумом, а точнее, коллективным «чувствованием», порождающим не экспертные суждения и оценки, а в основном «психическую инфекцию» и «массовые психозы» (массовую паранойю), или «психические эпидемии», о которых еще в начале XX века писал В.М. Бехтерев: «Ближайшим толчком для развития этих эпидемий являются: внушение, взаимовнушение и самовнушение... Психический микроб в известных случаях оказывается не менее губительным, нежели физический микроб, побуждая народы... к опустошительным войнам и взаимоистреблению, возбуждая религиозные эпидемии и вызывая... жесточайшие гонения против новых эпидемически распространяющихся учений. И если бы можно было сосчитать... жертвы, ...то вряд ли число их оказалось бы меньшим, нежели число жертв, уносимых физическим микробом во время эпидемий» (Бехтерев, 1903).

³ Кузьмин А. Фильмы для просмотра вполглаза: Мэтт Деймон раскрыл секрет Netflix // Фонтанка.ру. URL: <https://www.fontanka.ru/2026/01/17/76221095/> (дата обращения: 28.03.2026).

Нокдаун 5. Полицейский

Интернет, с точки зрения государства, является рассадником преступности и требует перманентного полицейского контроля. Наглядная иллюстрация – «дело Павла Дурова». Ордер на арест Дурова был выдан национальным управлением судебной полиции Франции. Французские власти утверждают, что Telegram из-за отсутствия модерации и возможности использования одноразовых номеров и криптовалют стал рассадником для мошенников и другой преступной деятельности. По предварительной информации, Дурова могут обвинять в соучастии в контрабанде наркотиков, мошенничестве, отмывании денег и сокрытии педофильского контента. В марте 2025 года, продолжая оставаться под следствием, Дуров с разрешения французских властей покинул Францию и выехал в ОАЭ⁴.

Следствием «нокдаунов», учиненных интернетом либеральной демократии, стал хронический социальный дистресс. Он подтолкнул социум к саморазрушающим формам психологической защиты. Согласно автору термина, Анне Фрейд, механизм психологической защиты представляет собой «бессознательные стратегии..., которые в процессе личностного развития формируются, закрепляются и, наконец, превращаются в репертуар взрослого, реализуемый им при взаимодействии с неприятным и угрожающим опытом» (Фрейд, 1993).

Психологическая защита, как правило, обманывает сама себя. Улучшая самочувствие частично, она далеко не всегда способна разрешить стоящие перед личностью или обществом затруднения и проблемы. Смысл психологической защиты оказывается не в том, чтобы помочь субъекту справиться с проблемой, а в том, чтобы создать иллюзию «успокоения». Но это лишь порождает условия для новых бед. Именно такой ложно-успокоительной психологической защитой от глобальных сетевых вызовов и стал весь репертуар современных неототалитарных практик, т. е. императивных запретов и предписаний, в т. ч. касающихся мнений и высказываний (Коцюбинский, 2022).

Порождаемая сетью перманентная и тотальная аномия делает свободу слова опасной для психического здоровья общества. Как отмечает профессор психиатрии А.П. Коцюбинский: «Любое изменение привычного заставляет человека заново адаптироваться к новой реальности. А это... вызывает дополнительное напряжение его психических компенсаторно-адаптационных механизмов. Если же такое напряжение оказывается константным, то неизбежна патологическая невротизация со всеми сопутствующими «радостями»: большими раздражительностью, утомляемостью, депрессивностью и в целом – большей потенциальной агрессивностью»⁵.

Неслучайно появление именно в XXI веке информационной психиатрии (Незнанов и др., 2025). Информационная психиатрия изучает психологические патологии, развивающиеся под влиянием Интернета и иных цифровых технологий не только у отдельных индивидуумов, но и в массовой сознании.

Основной причиной «массовых психозов» (массовой паранойи) является эффект «нелегитимности эпохи», т. е. отсутствие массовой убежденности в: 1) стабильности настоящего; 2) ясной перспективности будущего. Как правило, этому способствуют: затяжной кризис власти, кризис политической системы в целом, распад религии и культуры. В отдаленном прошлом ситуации «всеобщего безумия» возникали в отдельных культурах и цивилизациях. XX век с его информационным «восстанием масс» сделал «национальные помутнения» (в России, Италии, Германии) – «транснационально-контагиозными». XXI век создает новые, постинформационные вызовы. В ситуации «сетевой аномии» и «отмены» традиционных норм и ценностей мировой социум остается во многом наедине с ощущением абсурдности и бесперспективности исторического процесса как единого общечеловеческого целого. Это способно породить эффект нелегитимности эпохи и вызвать к жизни «пароксизмы агрессивности» в различных странах, независимо от их цивилизационного уклада.

⁴ Пашкин В. AFP: Павел Дуров покинул Францию и отправился в Дубай // Фонтанка.ру. URL: <https://www.fontanka.ru/2025/03/15/75226853/> (дата обращения: 28.03.2026).

⁵ Коцюбинский А.П. Прогресс глазами психиатра // Город 812. URL: <https://gorod-812.ru/progress-glazami-psihiatra/> (дата обращения: 28.03.2026).

Эпоха сети воскресила такие, казалось бы, безвозвратно ушедшие в далекое прошлое элементы западной цивилизации, как покушения на жизнь политиков. Но если раньше эти драматические и трагические события вызывались к жизни столкновением «великих идеологий», разделявших общества на большие конфликтующие партии, то сегодня общество делится на группы в результате мощнейшей сетевой возгонки ненависти к конкретным персонам, олицетворяющим собой, в лучшем случае, несколько ярких, а также разогнанных сетью, лозунгов. Покушение на Дональда Трампа летом 2024 года⁶ и убийство Чарли Кирка в сентябре 2025 года⁷ – развиртуализация сумасшедшей сетевой агрессии.

Политический терроризм существовал во все эпохи в истории человечества. Но, как правило, это была крайняя форма борьбы против реальных, а не мнимых врагов. В случае же покушения на Чарли Кирка речь идет об убийстве, совершенном под влиянием фантомных невротизирующих императивов, в первую очередь – сетевых. По словам членов его семьи, Тайлер Робинсон – убийца Чарли Кирка, «в последние годы становился все более политизированным». Робинсон считал себя участником «сопротивления» против мнимого фашизма в США. Вице-президент США Джей Ди Вэнс, по сути, прямо обвинил в гибели Чарли Кирка сетевую агрессивность прогрессистов – оппонентов республиканцев: «Мой друг погиб из-за левой радикализации» – сказал Вэнс в эфире Fox News⁸.

Петербургский историк Григорий Конников (1996–2023) проследил связь между уровнем развития информационных технологий и уровнем агрессивности человеческого социума: «Отрицать решающее влияние Интернета на всю жизнь современного мира нельзя по той причине, что в прошлой человеческой истории каждая кибернетическая революция приводила к становлению новых эпох и появлению новых конфликтов... Странно было бы думать, что появление еще более массовой системы коммуникации Интернета не породит новых вызовов»⁹.

Итак, в сетевую эпоху никакого прогресса в сфере высокой культуры и морали нет, а есть лишь ежедневные им вызовы, как и вызовы свободе слова: имперско-бюрократические (политические) и глобально-сетевые (социальные). Как со всем этим совладать, чтобы не впасть окончательно в меланхолию отчаяния либо маразм оптимизма? Об этом можно аргументированно судить, только мысленно вживаясь в реальные культурные традиции, существующие в современном мире.

Только поняв, какие из этих традиций идут на поводу у деструктивных последствий прогресса и «хайпуют» на них, а какие, напротив, сохраняют в себе потенциал преодоления этих негативных эффектов, только в этом случае интеллектуальный класс имеет шанс выполнить, наконец, свою конструктивную общественную функцию: спасти свободу слова. Врагами свободы слова являются пространства глобально-имперские. Сохраняют же потенциал свободной разноголосицы пространства локально-территориальные, региональные. Сообщества локальных идентичностей и культур ждут своего времени, чтобы взять глобальный реванш у имперских пространств, и из фазы «в себе» перейти в фазу «для себя и для нас».

Путь осознания своей культурной, в т. ч. гражданско-политической полноценности и полновесности, «первосортности», думается, даст шанс региональным цивилизациям, в т. ч. в странах «золотого миллиарда», почувствовать хозяевами своей судьбы себя и начать свободно размышлять вслух.

⁶ Трамп назвал фантастической работу секретной службы, застрелившей нападавшего // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6835423>

⁷ Попов Д., Габриелян М. В США застрелили соратника Дональда Трампа. Чем известен Чарли Кирк и почему его убийство может расколоть американцев? // Lenta.ru..09.2025. URL: <https://lenta.ru/brief/2025/09/11/kirk-death/>

⁸ Озерова А. Вэнс нецензурно высказался об убийстве Кирка // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/68cb75059a7947f3c9ee35a9>

⁹ Конников Г.С. (2024). А жизнь идет! Санкт-Петербург: Страта. С. 5–6.

Библиографический список

1. Бехтерев В.М. (1903). Внушение и его роль в общественной жизни. Санкт-Петербург: Издание К.Л. Риккера. 144 с.
2. Евдокимов В.А. (2015). Системное искажение сообщений в постинформационном обществе // Наука о человеке: гуманитарные исследования. № 1 (19). С. 120–127.
3. Коцюбинский Д.А. (2022). Новый тоталитаризм XX века. Уйдет ли мода на безопасность и запреты? Вернется ли мода на свободу и право? Санкт-Петербург: Страта. 276 с.
4. Крайнов А. (2019). Цифровой тоталитаризм как следствие развития информационного общества // Тезисы докладов Седьмой международной научно-практической конференции: в 2-х частях. Т. 1. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения. С. 74–76.
5. Незнанов Н.Г., Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. (2025). Информационная психиатрия – новый подход к осмыслению воздействия цифрового информационного пространства на психическое здоровье индивидуума и социума // Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. Т. 59. № 1. С. 18–30.
6. Незнанов Н.Г., Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. (2025). Информационная психиатрия – новый подход к осмыслению воздействия цифрового информационного пространства на психическое здоровье индивидуума и социума // Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. Т. 59. № 2. С. 52–60.
7. Фрейд А. (1993). Психология «Я» и защитные механизмы. Москва: Педагогика-Пресс. 140 с.
8. Хабермас Ю. (2006). Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала // Неприкосновенный запас. № 3.
9. Юдалевич Н.В. (2016). Информационный мусор как феномен современного общества // Бизнес-образование в экономике знаний. № 2. С. 119–122.

Информация об авторе

Даниил Александрович Коцюбинский – кандидат экономических наук, научный сотрудник, МЦСЭИ Леонтьевский центр (Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25, лит. А; e-mail: kd1965@yandex.ru)

Kotsiubinsky D.A.

THE INTERNET AS AN ENEMY OF FREEDOM OF SPEECH: GLOBAL AND LOCAL ASPECTS OF THE PROBLEM

Abstract. *This article analyzes the properties of the Internet that legitimize censorship and delegitimize freedom of speech. It advances the thesis that the Internet's illiberal effects can be overcome in the context of global regionalization.*

Keywords: *internet, freedom of speech, post-information society, information garbage, anomie, psychological defense, mass psychosis, cyberpsychiatry, regional civilization.*

About the author

Daniil A. Kotsyubinsky – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Leontief Center (25, Letter A, 7-ya Krasnoarmeyskaya Street, St. Petersburg, 190005, Russian Federation; e-mail: kd1965@yandex.ru)

References

1. Bekhterev V.M. (1903). Suggestion and its role in public life. St. Petersburg: K.L. Ricker Publishing House.
2. Evdokimov V.A. (2015). Systemic Distortion of Messages in a Post-Information Society. *Human Science: Humanitarian Studies*, 1(19), 120–127.

3. Kotsiubinsky D.A. (2022). The New Totalitarianism of the 20th Century. Will Security and Prohibitions Go Out of Fashion? Will Freedom and Law Return? St. Petersburg: Strata.
4. Kraynov A. (2019). Digital Totalitarianism as a Consequence of the Development of the Information Society. Abstracts of the Seventh International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 1, 74–76.
5. Neznanov N.G., Kotsiubinsky A.P., Kotsiubinsky D.A. (2025). Cyberpsychiatry – a new approach to understanding the impact of the digital information space on the mental health of the individual and society. *Review of Psychiatry and Medical Psychology named after V.M. Bekhterev*, 59, 1, 18–30.
6. Neznanov N.G., Kotsyubinsky A.P., Kotsyubinsky D.A. (2025). Cyberpsychiatry – a new approach to understanding the impact of the digital information space on the mental health of the individual and society. *Review of Psychiatry and Medical Psychology named after V.M. Bekhterev*, 59, 2, 52–60.
7. Freud A. (1993). Psychology of the Self and Defense Mechanisms. Moscow: Pedagogy-Press (In Russian).
8. Habermas J. (2006). Be the First to Sense the Important. What Distinguishes an Intellectual. *Neprikosnovenny zapas*, 3.
9. Yudalevich N.V. (2016). Information Garbage as a Phenomenon of Modern Society. *Business Education in the Knowledge Economy*, 2, 119–122.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ СФЕРЫ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОПРОСА СПЕЦИАЛИСТОВ СЛУЖБЫ ЗАНЯТОСТИ)

Аннотация. *Статья посвящена состоянию и перспективам развития социально-трудовой сферы Вологодской области. Установлено, что по мере удаления муниципальных образований от крупных городов ухудшаются возможности профессиональной самореализации и доступа к достойному труду.*

Ключевые слова: *социально-трудовая сфера, центр и периферия, рынок труда, дефицит кадров, экспертный опрос, служба занятости.*

В условиях ограниченности официальной статистики возрастает потребность в использовании дополнительных источников данных для анализа процессов, происходящих в социально-трудовой сфере на муниципальном уровне. Одним из таких источников могут выступать экспертные оценки, позволяющие дополнить результаты массовых опросов населения и расширить аналитические возможности исследования. В зависимости от поставленных целей к экспертному сообществу могут относиться представители науки и образования, органов государственной власти, бизнеса и других сфер. Особое значение в данном контексте имеют специалисты региональной сети государственной службы занятости, обладающие глубокими знаниями о функционировании локальных рынков труда. Обращение к экспертным оценкам также позволяет обосновывать перспективные направления совершенствования проводимой политики, в т. ч. в сфере управления трудовыми ресурсами и обеспечения устойчивого социально-экономического развития территорий.

В отечественной научной литературе опубликовано не так много работ, в которых развитие социально-трудовой сферы рассматривается с позиции специалистов отделений занятости населения. Как правило, основное внимание уделяется деятельности самой службы занятости (Горина, 2010; Лежнева, 2012), включая вопросы профилирования безработных (Галынис, 2014), содействия в трудоустройстве уязвимых слоев населения (Щепетков, 2016; Нефедьева и др., 2021) и т. д. Изучение условий внешней среды, в т. ч. с учетом территориальной специфики, встречается лишь в отдельных работах (Долженко и др., 2023). Похожим образом обстоят дела и в зарубежных исследованиях, что может объясняться сложностью сбора информации, осуществление которого зачастую требует дополнительных согласований с органами власти (Попов, 2023).

В настоящей работе используются результаты экспертного опроса специалистов отделений занятости населения Вологодской области, проведенного в июне 2024 года при поддержке Министерства труда и занятости населения региона. Всего в исследовании приняли участие 73 сотрудника преимущественно из числа начальников и инспекторов путем заполнения электронной анкеты, разработанной в Google Forms. В итоговую выборку вошли ответы со всех подведомственных организаций, расположенных на территории Вологодской области. Согласно принятому подходу, данные опроса были объединены в несколько групп в зависимости от близости муниципального образования к местам концентрации ресурсов (ядра агломераций, агломерационная зона, городская и сельская периферия) для отражения специфики развития социально-трудовой сферы по оси «центр-периферия».

Результаты экспертного опроса наглядно демонстрируют, что крупные города Вологда и Череповец характеризуются наибольшей привлекательностью для жизни почти по всем заданным параметрам (рис. 1). Прежде всего это касается развитости транспортной, социальной и иных инфраструктур. Несмотря на «западание» ряда показателей, территория агломерационной зоны также рассматривается в позитивном ключе, в т. ч. относительно возможностей получения качественного профессионального образования и поиска работы, перспектив для жизни, состояния экономики и т. д. Городская и сельская периферия, напротив, имеют самые низкие оценки привлекательности и отличаются в лучшую сторону только в части благоприятной экологической обстановки, безопасности жизни и низкого уровня преступности.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы оценили привлекательность Вашего муниципального образования? Отметьте, пожалуйста, степень согласия со следующими утверждениями о том, что в Вашем муниципальном образовании», варианты ответов «согласен(на)» и «скорее согласен(на)», %

Источник: здесь и далее – рассчитано автором на данных экспертного опроса специалистов отделений занятости населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2024 г.

В общем и целом, ситуацию на региональном рынке труда можно оценить как стабильную, о чем свидетельствуют ответы каждого второго эксперта (49%). Еще треть (33%) высказалась о преобладании негативных тенденций, а почти пятая часть (18%) – позитивных. В зависимости от близости муниципального образования к центрам притяжения ресурсов картина будет меняться. Тревожнее всего обстоят дела в ядрах агломераций: свыше половины опрошенных (56%) заявили о том, что состояние локальных рынков труда носит проблемный характер, причем в будущем все может быть еще хуже. Несколько менее напряженная ситуация в агломерационной зоне и городской периферии, в которых негативный тренд обозначен экспертами не так явно. В свою очередь, отдаленные сельские территории демонстрируют наибольший оптимизм.

Самые распространенные явления в социально-трудовой сфере Вологодской области, по мнению экспертов, представлены следующим образом: дефицит кадров (74%), сезонная занятость (60%), вахтовый метод работы (53%), легальная самозанятость (52%) и неформальная занятость (51%), маятниковая трудовая миграция (45%). За исключением сезонных работ, все они находят широкое отражение в рассматриваемых группах территорий. При этом в ядрах агломераций гораздо чаще говорилось о занятости во вредных и/или опасных условиях труда (67%), в агломерационной зоне – работе по специальности (56%), городской периферии – сезонной работе (72%), сельской периферии – ведении личного подсобного хозяйства с целью продажи продукции (50%). В среднем по опросу реже всего обращалось внимание на высокую безработицу (12%), удаленную занятость (14%) и участие населения в профсоюзном движении (15%).

Не претендуя на объективность данных, поскольку их получение требует глубокой подготовки и анализа, специалистам отделений занятости населения было предложено оценить примерные масштабы неформальной занятости и кадрового голода в своих муниципальных образованиях (рис. 2, 3). В первом случае распространенность «теневых» практик осуществления трудовой деятельности (получение зарплаты «в конверте», работа без трудового договора и т. д.) находилась на уровне 28% и варьировалась от 12% в агломерационной зоне до 37% в городской периферии. Во втором случае потребность в рабочей силе составляла порядка 26% от текущей численности работников вне зависимости от группы территорий, т. е. различия между ними оказались достаточно малы.

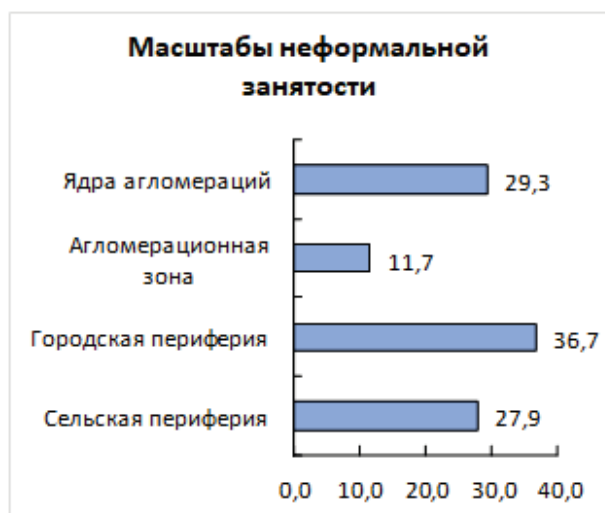

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «По Вашему мнению, каковы примерно масштабы неформальной занятости среди местных жителей Вашего муниципального образования?», %

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы оценили текущую потребность в кадрах в Вашем муниципальном образовании?», %

В конечном итоге каждый третий эксперт (33%) отметил наличие значительного дефицита кадров в отдельных отраслях экономики, а каждый десятый (11%) – заявил о таких масштабах проблемы, которые создают угрозы для развития всего округа или района. В совокупности это дает 44% ответов. Столько же (44%) относится к варианту ответа, акцентирующему внимание на стабильности ситуации, несмотря на определенные сложности. Об отсутствии серьезных вызовов в этой области высказались лишь единицы.

В качестве главных причин дефицита кадров эксперты называли относительно низкие зарплаты в организациях и на предприятиях (85%), отток населения в поисках более привлекательных условий для жизни (69%). Все остальные факторы, будь то нежелание людей работать или неблагоприятная демографическая обстановка, играют заметно меньшую роль. Не наблюдается серьезных различий и между территориями по оси «центр-периферия». Разве что отсутствие интереса у молодежи к работе в реальном секторе экономики вызывает повышенную обеспокоенность в Вологодской и Череповецкой агломерационных зонах, включая их ядра.

Согласно мнению экспертов, основные конкурентные преимущества для развития социально-трудовой сферы имеют крупные города, что заметнее всего заметно в областях инфраструктуры, демографии и экономики. Если в институциональных вопросах также отмечается незначительное лидерство, то социокультурный потенциал, характеризующий отношение жителей к месту проживания, доверие друг к другу и т. д., находится примерно на одном уровне с другими группами территорий. В остальном положение последних сложно назвать благоприятным. Это касается и агломерационной зоны, которая оценивается достаточно высоко в части экономических и демографических условий, однако в остальных аспектах уступает даже периферии.

Наиболее острыми вызовами для социально-трудовой сферы Вологодской области являются увеличение оттока молодого населения (74%) и дефицита кадров (62%), рост неформальной занятости (36%), усугубление дисбаланса между спросом на труд и его предложением (34%). Причем вероятность угроз миграционной убыли молодежи заметно возрастает по мере удаления территорий от агломерационной зоны (с 44 до 90%). Отличительной чертой крупных городов выступают повышенные риски поляризации рынка труда, а периферии – роста безработицы.

Позитивные сценарии развития социально-трудовой сферы получили гораздо меньше поддержки. В основном они связаны с развитием партнерских отношений между субъектами рынка труда (44%), распространением удаленной занятости (36%), легализацией самозанятых (33%) и ростом предпринимательской активности (27%). Наиболее оптимистичная картина наблюдается в агломерационной зоне (в т. ч. по таким непопулярным позициям как повышение реального заработка и создание высокопроизводительных рабочих мест), а пессимистичная – в городской периферии. Даже в крупных городах экспертные оценки сложно назвать высокими, что вызывает особую обеспокоенность, поскольку данные территории служат местом концентрации ресурсов и являются драйверами экономического роста для всего региона.

К числу первоочередных мер по решению проблем в социально-трудовой сфере Вологодской области специалисты отделений занятости населения относят создание новых рабочих мест (67%), в т. ч. для уязвимых слоев (40%); расширение социальной поддержки по закреплению молодежи, высококвалифицированных кадров и их семей (43%); реализацию промышленных, инфраструктурных и социально-значимых проектов (36%). Примечательно, что последнее направление не нашло отклика в Вологодской и Череповецкой агломерациях, а имеет важное значение только для городской и сельской периферии. Объяснением этому может служить необходимость формирования центров деловой активности, которые способны обеспечить равномерное распределение экономических возможностей и сократить дисбаланс в уровне жизни между территориями.

Меньше всего эксперты уделяли внимание развитию профсоюзного движения (4%), усилению профориентационной работы среди молодых людей (6%), совершенствованию механизмов партнерства органов власти, бизнеса и гражданского общества (10%). Не получил значимого отклика и вектор на кардинальную модернизацию отделений занятости населения (16%) и повышение производительности труда (12%) как части проводимой политики в настоящее время. За исключением сельской периферии, некоторый интерес вызвали действия в области развития профессиональных образовательных программ, программ целевого обучения и поддержки предпринимательства.

Таким образом, итоги экспертного опроса специалистов отделений занятости населения Вологодской области свидетельствуют об ухудшении состояния и перспектив развития социально-трудовой сферы по мере удаления муниципальных образований от крупных городов. Проживание вблизи них, по сравнению с периферией, открывает заметно большие возможности для профессиональной самореализации, повышения квалификации и достойного труда в целом. Однако при ближайшем приближении можно увидеть, что и здесь все не так однозначно. Опрошенные эксперты далеки от оптимизма, когда речь идет о дальнейшем развитии событий. Несмотря на определенный запас прочности, территория Вологодской и Череповецкой агломераций также подвержена проблемам дефицита кадров (в т. ч. из-за оттока молодежи), неформальной занятости, дисбаланса на рынке труда и т. д., решение которых требует комплекса мер, направленных на адаптацию к динамичным условиям внешней среды.

Все это актуально и для периферии, находящейся в куда менее выгодном положении. Отсутствие явных конкурентных преимуществ обуславливает необходимость реализации промышленных, инфраструктурных и иных проектов, что позволит повысить привлекательность отдаленных территорий не только с точки зрения экономической активности, но и с позиции уровня и качества жизни населения, во многом лишенного доступа к базовым социальным благам.

Библиографический список

1. Галынис К.И. (2014). Экспертная оценка методики профилирования безработных граждан в забайкальском крае // Вестник Забайкальского государственного университета. № 107 (4). С. 87–94.
2. Горина Е.Е. (2010). Служба занятости: проблемы формирования и оптимизация функционирования // Регионология. № 71 (2). С. 176–186.
3. Долженко Р.А., Долженко С.Б., Антонов Д.А. (2023). Роль и возможности служб занятости региона (взгляд стейкхолдеров Свердловской области) // ЭКО. № 53 (6). С. 152–176. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-6-152-176

4. Лежнева Ю.А. (2012). Объективные трудности в работе центров занятости населения // *Современные проблемы науки и образования*. № 3. С. 255–262.
5. Нефедьева Е.И., Седых О.Г., Тарабан О.В. (2021). Эксперты о предпринимательской деятельности как альтернативной форме занятости инвалидов // *Социологические исследования*. № 11. С. 73–78. DOI: 10.31857/S013216250012422-7
6. Попов А.В. (2023). Проблемы и перспективы развития сферы занятости по оси «центр-периферия» в модельном регионе России // *Уровень жизни населения регионов России*. Т. 19. № 4. С. 515–528. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_4_4_515_528
7. Щепетков С.С. (2016). Биржа труда как канал трудоустройства на региональном рынке труда (по материалам опроса специалистов центров занятости г. Челябинска) // *Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития*. № 33 (2). С. 193–197.

Информация об авторе

Андрей Васильевич Попов – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ai.popov@yahoo.com)

Popov A.V.

STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS OF THE SOCIAL AND LABOUR SPHERE IN THE VOLOGDA OBLAST (BASED ON A SURVEY OF EMPLOYMENT SERVICE SPECIALISTS)

Abstract. *The article examines the state and development prospects of the social and labour sphere in the Vologda Oblast. The findings indicate that as municipal territories become more distant from large cities, opportunities for professional self-realization and access to decent work tend to decline.*

Keywords: *social and labour sphere, center and periphery, labour market, labour shortage, expert survey, employment service.*

About the author

Andrei V. Popov – Candidate of Sciences (Economics), Lead Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ai.popov@yahoo.com)

References

1. Galynis K.I. (2014). Expert estimation methods of profiling the unemployed in Zabaikalsky Kray. *Transbaikal state university journal*, 107(4), 87–94.
2. Gorina E.E. (2010). Employment service: formation and optimisation of functioning. *Russian journal of regional studies*, 71(2), 176–186.
3. Dolzhenko R.A., Dolzhenko S.B., Antonov D.A. (2023). The Role and opportunities of regional employment services (Sverdlovsk region's stakeholders' view). *ECO*, 53(6), 152–176. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-6-152-176
4. Lezhneva Yu.A. (2012). Objective difficulties in work of the centers of employment of the population. *Modern Problems of Science and Education*, 3, 255–262.
5. Nefedyeva E.I., Sedykh O.G., Taraban O.V. (2021). Experts on entrepreneurship as an alternative form of employment for disabled people. *Sociological Studies* 11, 73–78. DOI: 10.31857/S013216250012422-7
6. Popov A.V. (2023). Problems and prospects for the development of the employment sphere along the “Center-periphery” axis in the model region of Russia. *Living standards of the population in the regions of Russia*, 19(4), 515–528. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_4_4_515_528
7. Shchepetkov S.S. (2016). The labor exchange as a channel for employment in the regional labor market (based on a survey of specialists from employment centers in Chelyabinsk). *Economics and Management in the 21st Century: Development Trends*, 33(2), 193–197.

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКИХ РЕГИОНОВ КАК ФАКТОРЫ СДЕРЖИВАНИЯ НЕГАТИВНЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

Аннотация. В статье приводятся направления социально-экономического развития регионов Беларуси, способные оказать сдерживающий эффект на негативные демографические тенденции: убыль населения, старение населения, снижение рождаемости, эмиграция. Отмечается роль социально-экономического развития.

Ключевые слова: региональная социология, регионы Беларуси, социально-экономическое развитие, демографические процессы, демографические тенденции.

Особенностью большинства регионов Беларуси является умеренное сокращение численности трудовых ресурсов и населения в целом. Во временном периоде 2015–2025 гг. данная тенденция по сокращению их численности, наблюдавшаяся и ранее, продолжилась в большинстве регионов страны. Сохраняется численность трудовых ресурсов только в Минской области и городе Минске, за счет положительного миграционного сальдо в этих регионах и лидерства в экономическом развитии в стране¹ (табл. 1).

Важно отметить, что за последние годы темпы сокращения численности трудовых ресурсов были несколько замедлены за счет повышения пенсионного возраста. В Беларуси в результате правового реформирования, согласно указу Президента Республики Беларусь, пенсионный возраст с 2017 по 2022 год повысился с 60 до 63 лет для мужчин и с 50 до 58 лет – для женщин².

Таблица 1. Разница численности трудовых ресурсов 2015–2024 гг., %

Область, регион	2015	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Разница 2024 к 2015, %
Брестская	803,8	786,0	782,1	777,9	775,5	770,3	767,7	-4,5
Витебская	712,6	666,2	660,3	654,0	650,4	643,2	639,4	-10,3
Гомельская	833,7	793,7	791,5	787,2	784,7	777,1	772,9	-7,3
Гродненская	623,0	597,1	596,5	594,1	591,9	588,6	585,6	-6,0
г. Минск	1 411,9	1 408,9	1 409,9	1 402,6	1 394,5	1 392,4	1 400,6	-0,8
Минская	841,1	847,3	848,8	847,8	848,4	846,0	846,0	0,6
Могилевская	626,9	598,7	595,2	591,0	588,2	580,8	576,8	-8,0
Республика Беларусь	5 853,0	5 697,9	684,3	5 654,6	5 633,6	5 598,4	5 589,0	-4,5

Источник: Регионы Республики Беларусь. Социально-экономические показатели. 2025. Статистический сборник. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/3f3/5xvzuaapkxahc813whcc53fniit7yeuz.pdf>.

Данная динамика снижения количества трудовых ресурсов практически полностью коррелирует по своей направленности (позитивной или негативной) с динамикой численности населения (человеческих ресурсов в целом) данных регионов, за исключением г. Минска (табл. 2).

¹ Регионы Республики Беларусь. Социально-экономические показатели. 2025. Статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь (Белстат). Т. 1. С. 122. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/3f3/5xvzuaapkxahc813whcc53fniit7yeuz.pdf> (дата обращения: 09.12.2025).

² Толкачева Т. С 1 января начинается поэтапное ежегодное повышение на 6 месяцев пенсионного возраста // Крупскі веснік. URL: <https://krupki.by/index.php/be/obshchestvo/4560-s-1-yanvary-a-nachinaetsya-poetapnoe-ezhegodnoe-povyshenie-na-6-mesyatsev-pensionnogo-vozrasta> (дата обращения: 09.12.2025).

Таблица 2. Численность населения, по региону, типу населенного пункта 2016–2025 гг.

Область, регион	Тип населенного пункта	2016	2020	2021	2022	2023	2024	2025	Разница 2025 к 2016	Разница 2025 к 2016, регион
Брестская	город	942782	949146	948832	945484	945358	945604	944458	0,2%	-4,9%
	село	424331	398094	389212	378543	370047	362965	355454	-16,2%	
Витебская	город	893761	876312	870383	861519	856613	852477	848518	-5,1%	-8,7%
	село	280726	257313	249981	242314	235335	229434	223545	-20,4%	
Гомельская	город	1069010	1062954	1059334	1051061	1047694	1044886	1040624	-2,7%	-6,0%
	село	343710	323870	315952	306836	299775	293731	287349	-16,4%	
Гродненская	город	762762	771977	772345	769845	768933	768898	767381	0,6%	-5,5%
	село	279769	253703	245631	236769	229667	223658	217499	-22,3%	
г. Минск	город	1974857	2020133	2009786	1996553	1995471	1992862	1996730	1,1%	1,1%
Минская	город	803128	810599	808934	803870	800504	799105	795261	-1,0%	0,7%
	село	642997	662648	664412	661885	661517	661184	661096	2,8%	
Могилевская	город	820853	812784	810706	803763	797832	794453	789718	-3,8%	-7,6%
	село	230407	210726	204137	197082	191871	186721	181647	-21,2%	
Республика Беларусь	город	7267153	7303905	7280320	7232095	7212405	7198285	7182690	-1,2%	-3,8%
	село	2201940	2106354	2069325	2023429	1988212	1957693	1926590	-12,5%	

Источник: Регионы Республики Беларусь. Социально-экономические показатели. 2025. Статистический сборник. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/3f3/5xvzuaapkhac813whcc53fniit7yeuz.pdf>.

Повышение пенсионного возраста повысило и планку трудоспособного возраста, т. к. трудоспособное население в трудоспособном возрасте определяется как постоянное население в возрасте от 16 лет до общеустановленного пенсионного возраста (за исключением инвалидов и лиц, имеющих право на более низкий пенсионный возраст)³. Но на самом деле трудоспособное население Беларуси стареет: для него характерно повышение среднего возраста, увеличившегося только с периода 2021–2025 гг. на один год: с 38,1 до 39,1 года у мужчин и с 43,3 до 44,3 лет – у женщин⁴.

Как мы видим, сохранять население удастся только в городе Минске и Минской области за счет внутренней миграции в данные регионы с высокой экономической активностью. Таким образом, именно социально-экономическое развитие способно притормозить негативную демографическую тенденцию в регионах.

Разработка перспективных планов социально-экономического развития регионов с учетом экономических ресурсов территорий и на основе результатов прикладных социологических исследований, влияющих на демографические процессы, в среднесрочной и долгосрочной перспективе может опираться на следующие основные социологически значимые вектора:

1. Повышение трудоспособности, трудовой занятости, экономической и социальной активности, сохранение здоровья возрастных слоев населения, возрастных групп от 55 лет и выше (*возрастной и здравоохранительный векторы*).

2. Сдерживание эмиграции населения Беларуси, а также контроль внутренней миграции (*вектор контроля выездной миграции*).

3. Создание условий для иммиграции недостающих трудовых ресурсов и их интеграции в белорусское общество (*вектор въездной миграции*).

4. Повышение рождаемости за счет увеличения численности многодетных семей (*вектор воспроизводства населения*).

5. Развитие экономической и социальной сферы для решения актуальных проблем общества: Повышение производительности труда, уровня доходов, финансовой состоятельности, предпринимательства (*вектор экономической и социальной активности*).

6. Развитие инфраструктуры (*инфраструктурный вектор*).

³ Регионы Республики Беларусь. Социально-экономические показатели. 2025. Статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь (Белстат). Т. 1. С. 120. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/3f3/5xvzuaapkhac813whcc53fniit7yeuz.pdf> (дата обращения: 09.12.2025).

⁴ Там же, С. 77.

Удовлетворенность населения регионов своей жизнью является важным интегральным показателем, в значительной степени влияющим на все вектора социально-экономического развития регионов.

Изучение данных опроса общественного мнения, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2023 году (совокупная выборка – 1847 человек) показывает, что большинство населения белорусских регионов имеют высокий уровень удовлетворенности своей жизнью, в особенности жители Гродненской, Брестской и Минской областей (87,8, 81,4 и 81,3% соответственно, по выборке без учета неответивших или затруднившихся ответить).

Стабильно низкая удовлетворенность жизнью в Витебской области является дополнительным и долгосрочным фактором миграции из данного региона, что создает существенную демографическую нагрузку, поскольку население Витебщины и без того является самым возрастным из всех регионов Беларуси. Стабильно высокие уровни удовлетворенности жизнью в Минской, Гродненской, Гомельской, Брестской областях и городе Минске создают благоприятную среду для социально-экономического развития и преодоления негативных демографических процессов.

Повышение рождаемости – важный долгосрочный фактор социально-экономического развития регионов, прежде всего, в увеличении численности детей в семьях. Большое влияние на это имеют материальные возможности. Так, согласно опросу общественного мнения, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в феврале 2025 года (выборка – 1860 человек), выявлено, что обеспечение материальных и других условий могли бы в наибольшей степени повлиять на наличие трех детей и более в семьях в Минской, Гомельской областях и городе Минске (34,3, 29,5 и 30,6%) (табл. 3).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Сколько детей Вы хотели бы иметь в идеале, если бы позволяли материальные и другие условия?», %

	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Минская область	Могилевская область	Минск
Ни одного ребенка (0 детей)	0,8	1,4	0,8	1,5	2,0	3,1	2,1
1 ребенка	14,0	17,7	18,0	12,8	10,8	19,0	10,4
2 ребенка	55,6	52,1	39,8	51,3	42,2	48,2	42,0
3 ребенка	21,4	16,7	20,7	19,0	25,5	16,9	24,1
4 ребенка и более	5,4	6,0	8,8	3,6	8,8	5,6	6,5
Затрудняюсь ответить	2,7	6,0	11,9	11,8	10,8	7,2	14,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Источник: Регионы Республики Беларусь. Социально-экономические показатели. 2025. Статистический сборник. URL: https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/3f3/5xvzuaapkhac813whcc53fniit7yeuz.pdf .							

Важными, с социологической точки зрения для разработки мер по социально-экономическому развитию и преодолению негативных демографических процессов, являются проблемы, выделяемые самим населением регионов. Контроль над ними позволяет сделать стратегию местных властей более адресной по отношению к запросам населения. На основе данных вышеупомянутого опроса общественного мнения Института социологии НАН Беларуси, проведенного в феврале 2025 года, было установлено, что в большинстве регионов Беларуси для респондентов прежде всего значимы состояние здоровья близких и своего собственного здоровья, цены на продукты и товары.

Таким образом, сравнение параметров регионального развития показывает, что активные экономические процессы в определенных регионах способствуют сохранению населения в них, а с другой – дают им возможность быть реципиентами внутренней и внешней миграции.

Дальнейшее социально-экономическое развитие регионов видится основным фактором сдерживания негативных демографических процессов за счет сохранения трудовой активности населения, купирования выездной миграции, повышения уровня здоровья, увеличения численности многодетных семей. Анализ показателей социально-экономического развития регионов показывает, что меры, направленные на него, по-разному влияют на демографическую ситуацию в регионах, а также на то, что каждому региону требуются свои первоочередные меры.

Информация об авторе

Игорь Николаевич Харитонов – научный сотрудник, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси (Республика Беларусь, 220072, Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2; e-mail: igorha@mail.ru)

Haritonov I.N.

CURRENT DIRECTIONS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF BELARUSIAN REGIONS AS FACTORS OF CONTAINING NEGATIVE DEMOGRAPHIC TRENDS

Abstract. *The article outlines areas of socioeconomic development in Belarus's regions that could have a moderating effect on negative demographic trends, such as population decline, aging, declining birth rates, and emigration. The role of socioeconomic development is highlighted.*

Keywords: *regional sociology, regions of Belarus, socio-economic development, demographic processes, demographic trends.*

About the author

Igor N. Haritonov – Researcher, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1/2, Surganova Street, Minsk, 220072, Republic of Belarus; e-mail: igorha@mail.ru).

СЕКЦИЯ № 1

**Демографическое развитие территорий в контексте
глобальных вызовов**

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СТРАН ЕАЭС В СИСТЕМЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СОВОКУПНОЙ ВОЕННОЙ МОЩИ

Аннотация. *Анализируются методики оценки военной мощи по количественным и качественным характеристикам. Представлены демографические индикаторы в базовых показателях военной мощи стран ЕАЭС. Намечены перспективы для дальнейшей консолидации усилий научного сообщества по разработке военно-демографических индикаторов и показателей, их классификации и верификации.*

Ключевые слова: *демографические факторы, совокупная военная мощь, методы оценки, страны ЕАЭС.*

Демографические факторы в системе региональной безопасности стран ЕАЭС конкретным образом увязываются с экономическими, логистическими, продовольственными, экологическими и военными трендами. Более подробно остановимся на последнем – военном аспекте, который, с одной стороны, становится все более актуальным в последнее время, а с другой, не всегда входит в контекст научного демографического дискурса.

Практика изучения современных вооруженных конфликтов наглядно демонстрирует, что корректная оценка всех этих компонентов для успешного прогноза результата актуализации военного принуждения представляет собой беспрецедентно сложный вызов не только для представителей академического сообщества, но также и для самих военных, сотрудников специальных служб, государственных чиновников и политиков.

Существующая эмпирическая неопределенность категории «военная мощь» с позиций научного дискурса характеризуется отсутствием единой методологической платформы для ее оценки, и, как следствие, различными подходами относительно конкретного государства или военно-политического блока (Baldwin, 2013; Drezner, 2021). Поэтому методологический аппарат оценки мощи государства весьма разнообразен.

В середине XX века советник правительства США Клаус Кнорр определял национальную мощь как понятие, включающее в себя экономические возможности, административную соревновательность и способность страны к военной мобилизации. В свою очередь другой исследователь, Ганс Моргентау, выделил ряд количественных (география страны; природные ресурсы, включая продовольствие и сырье; индустриальный потенциал; боеготовность вооруженных сил; численность населения) и качественных (национальный характер и мораль, качество правительства и национальной дипломатии) характеристик военной мощи государства (Morgenthau, 1948).

Российские военные ученые выделяют особый вклад Дэвида Стингера, который в 1963 году ввел в научный оборот «Сводный индекс национального потенциала государств» (Composite Index of National Capabilities, CINC), ставший основным индикатором оценки совокупной военной мощи по настоящее время (Singer et al., 1972). При этом экономические и демографические показатели (общая численность населения, уровень урбанизации, производство железа и стали, потребление электроэнергии) составляют военную компоненту этого индикатора. Два года спустя немецкий профессор Вильгельм Фуке ввел многовариантный коэффициент национальной мощи, который также строился на количественных показателях. В то же время учет качественных показателей не предусматривался вовсе и впервые они появились в уравнении аналитика ЦРУ США Рэя Клайна в 1975 году. К показателям военной мощи он отнес субъективные (качественные) факторы: коэффициент национальной стратегии и волю к достижению ее целей (Балахонцев, Кондратьев, 2010).

В последующем показатели военной мощи перерабатывались и дополнялись новыми индикаторами. За последние двадцать лет множество исследователей неоднократно указывало на то, что этот индекс дает крайне искаженную картину распределения военных потенциалов в мире, преувеличивая значение демографических факторов. В качестве весомых аргументов авторы приводят сильные военные потенциалы стран, население которых не превышает 10 млн человек (например, Израиль и Сингапур).

С середины третьего десятилетия XXI века ученые со всего мира активно работают над созданием альтернативных методик расчета военной мощи. В современные классификации включаются индикаторы расходов на оборону, объем НИОКР, наличие ядерного оружия, авиации четвертого и пятого поколений, количество военных баз по всему миру, результаты участия в военных конфликтах и др. Довольно часто в подобных трактовках присутствуют демографические показатели, но они подаются весьма поверхностно без качественного анализа человеческого капитала. А ведь именно человек создает и смертоносное оружие и средства защиты от него. В этой связи А.М. Мальцев вполне справедливо отмечает, что в научной литературе концептуализация категории «военная сила» проработана недостаточно (Мальцев, 2024).

Китайские ученые попытались усовершенствовать методику Рэя Клайна, дополнив ее качественными характеристиками:

- национальные организационные, экономические, военные и дипломатические возможности;
- уровень развития науки и технологий, культуры и образования;
- географическое положение;
- природные ресурсы.

Кроме этого, существует множество других методов и способов расчета, позволяющих с той или иной степенью точности определить потенциал страны. Тем не менее, практически все представленные формулы показывают лишь зависимость потенциала страны от определенных показателей, наиболее значимых, по мнению их разработчиков, в текущий момент времени, то есть представляют собой некие функциональные зависимости, требующие специальных методов расчета.

В настоящее время управленцы, аналитики, военные эксперты и ученые довольно часто оперируют данными интернет-платформы Global Firepower GFP (рейтинг совокупной военной мощи), входящей в сеть MilitaryFactory.com блогера из США Дэниела Пучека. Учет более 50 различных факторов позволяет определить рейтинг конкретного государства. К ним относятся демографические, финансовые, логистические и географические факторы: численность личного состава, оборудование, военный бюджет, природные ресурсы и другие. На основе всех показателей рассчитывается балл – индекс мощи (PwrIndx). Чем он ниже, тем выше рейтинг военной мощи страны: (лучший показатель – 0¹).

По данным интернет-портала Military Size by Country представлены базовые показатели военной мощи стран ЕАЭС по состоянию на начало 2025 года (табл. 1).

Таблица 1. Базовые данные военной мощи стран ЕАЭС

Базовые данные	Страна	Годы		
		2018	2021	2024
Численность вооруженных сил (чел.)	Армения	44 800	44 800	57 500
	Беларусь	45 350	45 350	63 000
	Казахстан	39 000	39 000	110 000
	Киргизия	10 900	10 900	23 000
	Россия	900 000	1 014 000	1 320 000
Численность военнослужащих на 100 тыс. населения (чел.)	Армения	1 540	1 561	1 934
	Беларусь	478	490	696
	Казахстан	206	198	534
	Киргизия	172	160	320
	Россия	615	695	911
Военные расходы в пересчете на одного военнослужащего (долл. США)	Армения	11 457	13 827	24 661
	Беларусь	20 359	20 975	23 673
	Казахстан	38 420	41 482	10 991
	Киргизия	22 981	24 101	20 567
	Россия	68 455	64 998	112 854
Источник: составлено автором по данным Military Size by Country 2025. URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/military-size-by-country .				

¹ Military Size by Country 2025. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/military-size-by-country> (дата обращения: 12.06.2025).

Как видим, Армения лидирует по числу военных на 100 тыс. населения, превышая по этому показателю Россию примерно в 2 раза, Беларусь в 3 раза, а Киргизию в 5 раз. Вместе с тем, по Индексу военной мощи, рассчитанному по методике Пучека, Армения в мировой рейтинге занимает 91 позицию (табл. 2).

Таблица 2. Индекс военной мощи стран ЕАЭС

Страна	2021	2024	2025	Место в мире
Армения	2,3169	2,0583	2,0373	91
Беларусь	0,8124	1,0901	1,3954	70
Казахстан	1,0615	0,9495	1,1016	57
Киргизия	2,2011	2,0057	2,2543	105
Россия	0,0500	0,0702	0,0788	2

Источник: составлено автором по данным Military Size by Country 2025. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/military-size-by-country>.

При анализе военной мощи страны учитывается несколько ключевых аспектов. Важную роль играют возможности и доступность оборудования (транспортных средств, вооружения, средств связи и т. д.). Необходима качественная подготовка каждого солдата. Решающее значение имеет способность командиров постоянно разрабатывать эффективные тактические стратегии. Но одним из наиболее фундаментальных показателей военной мощи страны является количество солдат, которых она может задействовать при проведении военных операций.

Важно помнить, что военнослужащие обычно делятся на три категории: действующие, резервисты и члены военизированных формирований.

– Военнослужащие на действительной службе – военнослужащие, которые работают в армии полный рабочий день, часто живут на базе и могут быть направлены в любую точку в любой момент.

– Резервисты – солдаты, которые обычно служат неполный срок и вступают в резерв, например в армейский резерв или Национальную гвардию, чтобы подзаработать, получить компенсацию за обучение в колледже/университете или воспользоваться другими льготами, не посвящая все свое время военной службе.

– Члены военизированных формирований – военнослужащие, состоящие в таких организациях, как рейнджеры или жандармерия, которые похожи на вооруженные силы, но формально не являются их частью.

Численность вооруженных сил страны лишь один из факторов, определяющих ее способность эффективно вести боевые действия. К другим факторам, на наш взгляд, могут быть отнесены:

1) Демографические индикаторы:

– уровень подготовки (образования) солдат и сержантов (матросов и старшин), офицеров и генералов (адмиралов) по воинским званиям и должностям;

– возраст всех категорий военнослужащих;

– число лиц, прошедших начальную военную подготовку;

– количество военнослужащих, имеющих боевой опыт.

2) Прочие:

– состояние вооружения, основной и вспомогательной техники;

– эффективность военного управления.

Организация Договора коллективной безопасности (ОДКБ) на текущий момент включает в себя Армению, Казахстан, Кыргызстан, Беларусь, Россию и Таджикистан. Данная организация является региональной международной, призвана обеспечивать мир, безопасность и стабильность на коллективной основе, и, вследствие действия синергетического эффекта, выступает значительным игроком на международной арене. В свою очередь, Договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС) вступил в силу в 2015 году и включил в свой состав участников ОДКБ, кроме Таджикистана.

Исследователи отмечают, что военно-промышленная кооперация стран ОДКБ и ЕАЭС находится на высоком уровне. Она стимулирует развитие инновационных технологий и их распространение среди стран-членов, позволяет влиять на развитие национальных экономик, создавая дополнительные рабочие места и увеличивая выпуск собственной военной техники и вооружений. При этом наблюдается стремление отдельных стран диверсифицировать военно-техническое сотрудничество и осуществлять военно-промышленную кооперацию с третьими странами (Дегтерева, Чернышева, 2019, с. 675–676).

Постоянный мониторинг уровня военно-экономического сотрудничества государств (членов ОДКБ и ЕАЭС с третьими странами) позволит обеспечить своевременное реагирование на угрозы со стороны их военно-промышленной кооперации с третьими странами.

Вопросы безопасности, несмотря на различия в демографических и экономических характеристиках государств ЕАЭС, определенно являются важнейшими для всех стран-участников. В этой связи демография (в т. ч. военная демография) открывает перспективы для дальнейшей консолидации усилий научного сообщества по разработке военно-демографических индикаторов и показателей, их классификации и верификации. Совместные научные проекты по демографическому анализу последствий войн и конфликтов могут стать основой для прогнозирования и моделирования возможных конфликтов, а, возможно, и предотвратить их.

Библиографический список

1. Балахонцев Н., Кондратьев А. (2010). Зарубежные методы оценки потенциала стран // Зарубежное военное обозрение. № 11. С. 101–104.
2. Мальцев А.М. (2024). Аморфная «жесткая сила»? Подходы к реконцептуализации и эмпирическому измерению военной мощи в мировой политике // Политическая наука. № 2. С. 300–325. DOI: 10.31249/poln/2024.02.14
3. Дегтерева Е.А., Чернышева А.М. (2019). Военно-экономическое сотрудничество государств – членов ОДКБ и ЕАЭС с третьими странами: вызовы и угрозы для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. Т. 27. № 4. С. 663–678. DOI: 10.22363/2313-2329-2019-27-4-663-678
4. Baldwin D.A. (2013) Power and international relations. Handbook of international relations. Los Angeles: Sage, 273–297.
5. Drezner D. (2021). Power and international relations: a temporal view. *European journal of international relations*, 27, 1, 29–52. DOI: 10.1177/1354066120969800
6. Morgenthau H.J. (1948). Politics among nations: the struggle for power and peace. New York: A.A. Knopf.
7. Singer J.D., Bremer S.A., Stuckey J. (1972). Capability distribution, uncertainty, and major power war, 1820–1965. Peace, war, and numbers. Beverly Hills, Calif: Sage Publ., 19–48.

Информация об авторе

Александр Петрович Абрамов – доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Российская Федерация, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: abramov_ap@inbox.ru)

DEMOGRAPHIC FACTORS OF THE EAEU COUNTRIES IN THE SYSTEM OF INDICATORS OF TOTAL MILITARY POWER

Abstract. *Methods of assessing military power by quantitative and qualitative characteristics are analyzed. Demographic indicators in the basic indicators of military power of the EAEU countries are presented. Prospects for further consolidation of the efforts of the scientific community to develop military-demographic indicators and indicators, their classification and verification are outlined.*

Keywords: *demographic factors, total military power, assessment methods, EAEU countries.*

About the author

Alexander P. Abramov – Doctor of Sciences (Sociology), Chief researcher, Associate Professor, Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Street, Building 1, Moscow, Russian Federation, 119333, e-mail: abramov_ap@inbox.ru)

References

1. Balakhontsev N., Kondratiev A. (2010). Foreign Methods of Assessing the Potential of Countries. *Foreign Military Review*, 11, 101–104.
2. Maltsev A.M. (2024). Amorphous "Hard Power"? Approaches to Reconceptualization and Empirical Measurement of Military Power in World Politics. *Politic sciences*, 2, 300–325. DOI: 10.31249/poln/2024.02.14
3. Degtereva E.A., Chernysheva A.M. (2019). Military-Economic Cooperation of the CSTO and EAEU Member States with Third Countries: Challenges and Threats for Russia. Bulletin of the Peoples. *Friendship University of Russia. Series: Economics*, 27(4), 663–678. DOI: 10.22363/2313-2329-2019-27-4-663-678
4. Baldwin D.A. (2013) Power and international relations. Handbook of international relations. Los Angeles: Sage, 273–297.
5. Drezner D. (2021). Power and international relations: a temporal view. *European journal of international relations*, 27, 1, 29–52. DOI: 10.1177/1354066120969800
6. Morgenthau H.J. (1948). Politics among nations: the struggle for power and peace. New York: A.A. Knopf.
7. Singer J.D., Bremer S.A., Stuckey J. (1972). Capability distribution, uncertainty, and major power war, 1820–1965. Peace, war, and numbers. Beverly Hills, Calif: Sage Publ., 19–48.

ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Проведен анализ миграционных намерений жителей сельских населенных пунктов Беларуси и основных социально-экономических факторов безвозвратной сельской миграции. Показано, что в ближайшей перспективе основным направлением внутренней миграции сельского населения останется поток село-город.

Ключевые слова: внутренняя миграция, сельское население, социально-экономические факторы миграции.

Анализ основных тенденций динамики миграционных намерений жителей сельских населенных пунктов Беларуси основывается на данных республиканского социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2025 году. Объем республиканской выборки составил 1855 человека, из них 824 – мужчины (44,4%) и 1031 – женщины (55,6%). Молодежь в возрасте до 30 лет – 15,6%, лица в возрасте 30–49 лет – 38,4%; 50 лет и старше – 46,0%. Среди респондентов городское население составило 78,4%, сельское – 21,6%.

Анализ социально-демографической структуры сельских жителей, планирующих переезд на постоянное место жительства в другой населенный пункт Беларуси, показывает, что она различается в зависимости от дифференциации респондентов по полу, возрасту, уровню образования.

Среди сельских респондентов доля желающих уехать на постоянное место жительства в другую местность в возрасте до 30 лет составила 25,5%, доля респондентов среднего возраста (30–49 лет) – 16,9%, 50 лет и старше – 6,8% (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Хотели бы Вы переехать на постоянное место жительства в другой населенный пункт в пределах Республики Беларусь?» в зависимости от возраста, %

Хотели бы Вы переехать на постоянное место жительства в другой населенный пункт в пределах Республики Беларусь?	до 30 лет	30–49 лет	50 лет и старше
Да, хотел бы	25,5	16,9	6,8
Нет, не хотел бы	58,8	65,4	83,1
Затрудняюсь ответить	15,7	17,7	10,1
Источник: составлено авторами.			

Следует отметить достаточно высокий образовательный уровень сельских респондентов, имеющих стремление к смене места жительства. Так, доля лиц, имеющих профессионально-техническое и среднее специальное составила 15,4%, высшее – 10,7%; среднее общее (11 классов) – 12,2%, базовое (9 классов) – 3,1%. (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Хотели бы Вы переехать на постоянное место жительства в другой населенный пункт в пределах Республики Беларусь?» в зависимости от уровня образования, %

Уровень образования	Да, хотел бы	Нет, не хотел бы	Затрудняюсь ответить
Базовое (9 классов)	3,1	93,8	3,1
Среднее общее (11 классов)	12,2	73,9	13,9
Профессионально-техническое, среднее специальное	15,4	70,4	14,2
Высшее	10,7	75,0	14,3
Источник: составлено авторами.			

Опрос выявил различия в миграционных установках городского и сельского населения. Миграционный потенциал сельского населения превосходит потенциал городского. Доля опрошенных сельских жителей, намеренных переехать в другой населенный пункт на постоянное проживание, составила 12,5%, а доля городского населения – 9,6% (табл. 3).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Хотели бы Вы переехать на постоянное место жительства в другой населенный пункт в пределах Республики Беларусь?» в зависимости от места проживания, %

Хотели бы Вы переехать на постоянное место жительства в другой населенный пункт в пределах Республики Беларусь?	Городское население	Сельское население
Да, хотел бы	9,6	12,5
Нет, не хотел бы	77,3	74,3
Затрудняюсь ответить	13,1	13,2
Источник: составлено авторами.		

Данные проведенного исследования показывают, что 12,0% респондентов-мужчин из сельских регионов намерены переехать в другую местность на постоянное место жительства. Среди респондентов-женщин – 12,9%. У горожан этот показатель составил 10,8 и 8,7% соответственно (табл. 4).

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Хотели бы Вы переехать на постоянное место жительства в другой населенный пункт в пределах Республики Беларусь?» в зависимости от пола и места проживания, %

Хотели бы Вы переехать на постоянное место жительства в другой населенный пункт в пределах Республики Беларусь?	Городское население		Сельское население	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Да, хотел бы	10,8	8,7	12,0	12,9
Нет, не хотел бы	74,4	79,5	72,1	76,0
Затрудняюсь ответить	14,8	12,8	15,9	11,1
Источник: составлено авторами.				

Опрос показал, что в ближайшем будущем основным направлением внутренней миграции сельского населения, особенно для молодежи, останется поток село-город. Абсолютное большинство респондентов, желающих уехать в другой населенный пункт на постоянное место жительства, нацелены на города. При этом для них наиболее предпочтительны перемещения в город Минск, областные центры и крупные города. Всего 8,0% респондентов намерены переехать в средний или малый город страны. Переезд в агрогородок планируют только 4,0% сельских потенциальных мигрантов (табл. 5).

Таблица 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Если Вы хотели бы переехать, то куда?» в зависимости от места проживания, %

Населенный пункт	Городское население	Сельское население
Минск	48,6	58,0
областной центр	19,3	18,0
коттеджный поселок вблизи крупного города	17,1	2,0
крупный город	7,9	24,0
средний или малый город	7,1	8,0
агрогородок	7,1	4,0
город-спутник крупного города	4,3	6,0
другой сельский населенный пункт в пределах Вашего сельсовета	3,6	2,0
другой сельский населенный пункт республики	2,1	2,0
Примечание: респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.		
Источник: составлено авторами.		

Как показал опрос, основными причинами, побуждающими сельских респондентов к переезду в крупные города, включая столицу г. Минск, являются наличие большего количества возможностей для трудоустройства (38,0%), возможность больше зарабатывать (30,0%), условия профессиональной самореализации (28,0%), образование (26,0%), наличие более высокого уровня медицинского обслуживания (24,0%), досуг (30,0%). К не менее важным причинам переезда в крупные города респонденты отнесли: нерешенность жилищной проблемы в селе (18,0%) желание жить вместе со своими близкими, родственниками (18,0%) (рис. 1).

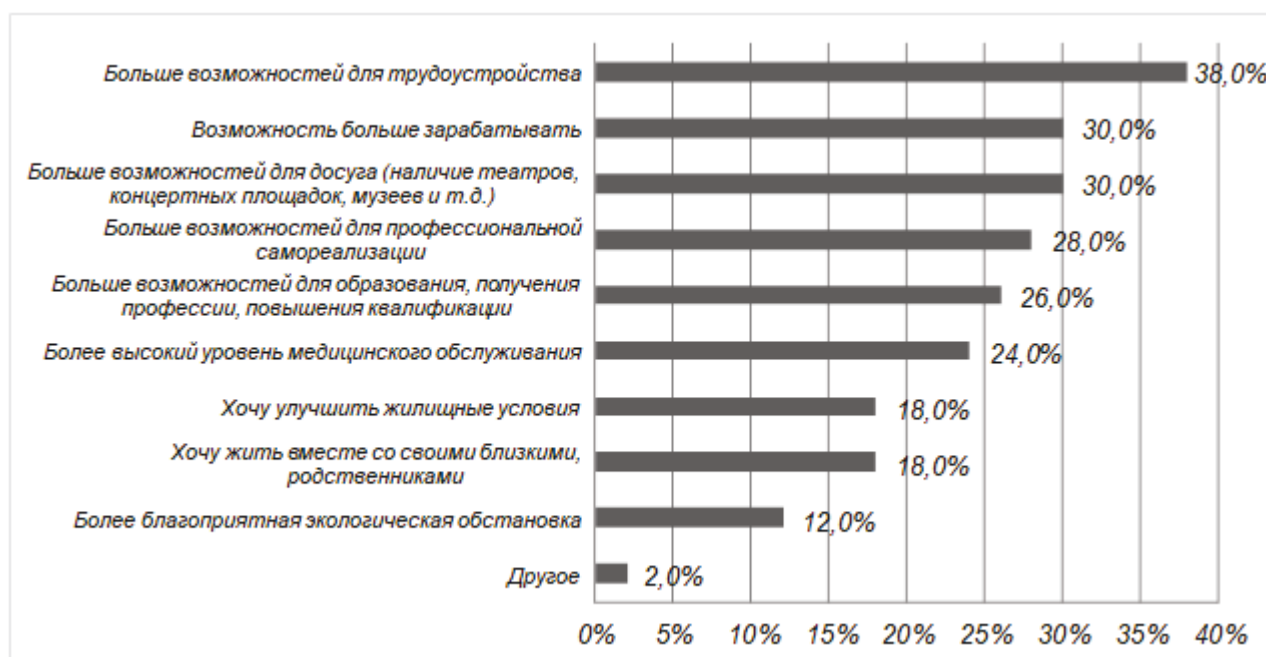

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «По каким причинам Вы хотели бы переехать на постоянное место жительства в другой населенный пункт?»

Примечание: респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Источник: составлено авторами.

Респонденты-селяне, намеренные переехать на постоянное место жительства в города, согласились бы остаться жить в своем населенном пункте при следующих условиях: достойный уровень заработной платы (50,0%), обеспеченность постоянным жильем (26,0%), доступность качественной медицинской помощи (24,0%), гарантированное трудоустройство по месту жительства (24,0%), наличие образовательных учреждений (14,0%) и современных культурно-досуговых учреждений (14,0%). Следует при этом отметить, что 28,0% сельчан, ответивших на этот вопрос, при любых условиях намерены переехать в крупные города (рис. 2)

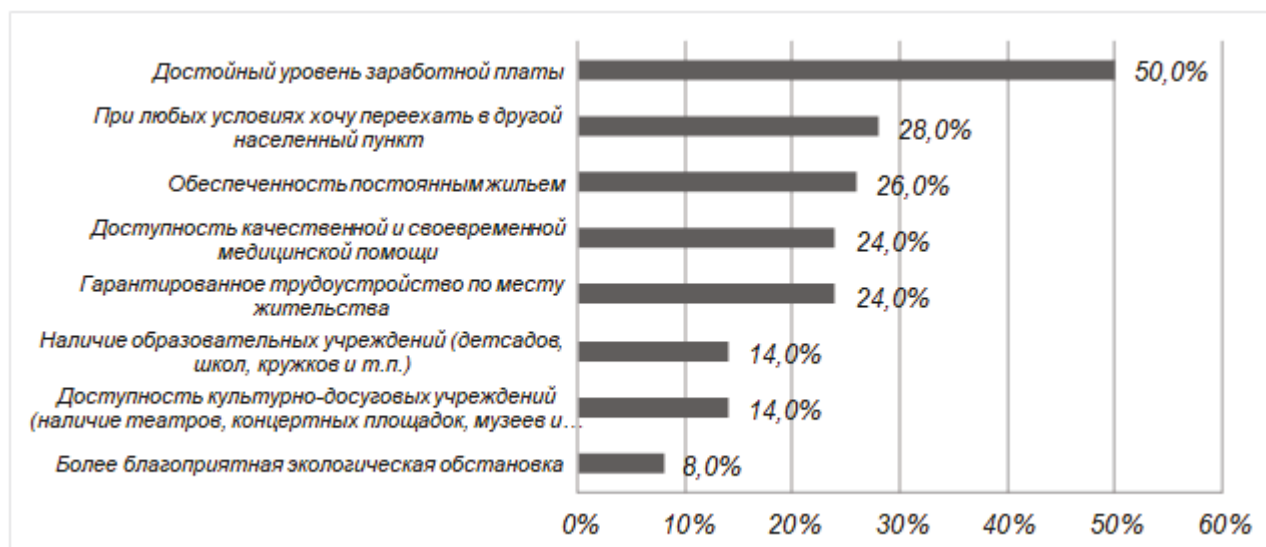

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «При каких условиях Вы бы согласились остаться жить в своем населенном пункте?»

Примечание: респонденты могли выбрать несколько вариантов.

Источник: составлено авторами.

В заключении следует отметить, что при сохранении текущих тенденций оттока молодежи из сельских населенных пунктов, численность сельских жителей в Беларуси к 2030 году может сократиться до 1,5 млн человек. Государство стремится удержать молодежь в селе инструментами материального стимулирования (надбавки, льготное жилье, инфраструктура). Однако эта стратегия в условиях, когда мотивация к отъезду носит ценностный и социальный, а не только экономический характер, во многих случаях жизненной практики не приводит к ожидаемому результату. Ключевой проблемой является не отсутствие экономических механизмов закрепления молодежи в селе, а то, что эти механизмы не формируют у молодежи привлекательность сельской жизни как таковой.

Информация об авторах

Михаил Иванович Артюхин – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, доцент, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси (Республика Беларусь, 220072, Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2; e-mail: art47@mail.ru)

Сергей Александрович Пушкевич – научный сотрудник, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси (220072, Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2; e-mail: pushkevich@gmail.com)

Artyukhin M.I., Pushkevich S.A.

INTERNAL MIGRATION OF THE RURAL POPULATION OF BELARUS: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. *An analysis of the migration intentions of residents of rural settlements in Belarus and the main socio-economic factors behind permanent rural migration was conducted. It is shown that in the near future the rural-urban flow will remain the primary direction of internal rural migration.*

Keywords: *internal migration, rural population, socio-economic factors of migration.*

About the authors

Mikhail I. Artyukhin – Candidate of Sciences (Philosophical), Leading Researcher, Associate Professor, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1/2, Surganova Street, Minsk, 220072, Republic of Belarus; e-mail: art47@mail.ru)

Siarhey A. Pushkevich – Researcher, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1/2 Surganova Street, Minsk, 220072, Republic of Belarus; e-mail: pushkevich@gmail.com)

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ЭКОНОМИКИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация. В статье анализируется демографическая динамика сельских территорий Оренбургской области за 2019–2024 гг. Выявлены устойчивая убыль населения. Обоснована необходимость диверсификации сельской экономики как фактора стабилизации демографической ситуации. Представлена классификация форм диверсификации применительно к природно-климатической специфике региона.

Ключевые слова: сельские территории, демографическая динамика, диверсификация сельской экономики, классификация форм диверсификации.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ для ФГБУН Институт экономики УрО РАН на 2024–2026 гг. «Методология функционирования и взаимодействия отраслевых и региональных экономических и логистических систем в условиях цифровой трансформации бизнеса».

Современное состояние сельских территорий является одним из ключевых индикаторов устойчивости социально-экономического развития регионов. В Оренбургской области, как и во многих субъектах Российской Федерации, демографические процессы в сельской местности на протяжении последних лет формируются под влиянием комплекса взаимосвязанных факторов: естественное движение населения, миграционные потоки и последствия макроэкономической нестабильности. Комплексный анализ ключевых показателей: естественный прирост и коэффициент рождаемости – позволяет не только зафиксировать текущую демографическую ситуацию, но и выявить глубинные закономерности, определяющие перспективы развития сельских территорий Оренбургской области (Желудева, Жиликов, 2022).

Проведенный анализ охватывает шестилетний период (2019–2024 гг.) и базируется на статистических данных Оренбургстата. Более наглядно тенденция развития динамики численности сельского населения в Оренбургской области представлена на рисунке 1.

Рис. 1. Динамика численности сельского населения Оренбургской области за 2019–2024 гг.

Источник: составлено по данным Оренбургстата.

За исследуемый период 2019–2024 гг. численность сельского населения Оренбургской области сократилась с 770 266 до 725 198 человек. Абсолютная убыль составила 45 068 человек, что эквивалентно 5,85% от исходной численности. Как следует из представленных данных, максимальные темпы сокращения сельского населения наблюдались в 2020–2021 гг. (-1,53%), что может быть связано с последствиями пандемии COVID-19. В 2022–2024 гг. темпы убыли замедлились, однако остались устойчиво отрицательными. Накопленная убыль в 45 тыс. человек сопоставима с исчезновением среднего по численности муниципального района области. Структурные компоненты, формирующие процессы в разрезе сельских территорий Оренбургской области, систематизированы в *таблице 1*.

Таблица 1. Основные демографические показатели сельских территорий Оренбургской области, 2019–2024 гг.

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Изменение 2024 к 2019 (+/-)
Доля сельского населения в общей численности, п. п.	39,4	39,2	38,9	40,1	39,8	39,9	+0,5
Естественный прирост, убыль (-), человек	-2494	-5391	-7399	-4230	-6700	-7600	-5106
Коэффициент рождаемости, про-милле	10,4	9,8	9,7	8,7	8,3	8,1	-2,3
Коэффициент смертности, про-милле	13,6	16,8	19,4	14,4	17,5	18,6	+5,0
Естественный прирост, убыль (-) на 1000 человек населения, про-милле	-3,2	-7,0	-9,7	-4,9	-9,2	-10,5	-7,3
Источник: составлено автором по данным (Кошулько, 2020).							

Доля сельского населения в общей численности населения области характеризуется относительной стабильностью с колебаниями в пределах 1,2 п. п. (от 38,9 до 40,1). Примечательно, что при абсолютном сокращении численности сельского населения его доля в 2024 году (39,9%) оказалась выше, чем в 2019 году (39,4%) на 0,5 п. п. Городское население сокращалось опережающими темпами (-8,04 против -5,85% в сельской местности), что привело к формальному росту доли сельских жителей в общей структуре при их абсолютном сокращении.

Среди факторов, определяющих демографическую динамику сельских территорий, особое место занимает уровень диверсификации местной экономики. Моноструктура хозяйства, характерная для многих районов Оренбургской области с преобладанием сельскохозяйственного производства, создает ограниченные возможности трудоустройства, особенно для молодежи и специалистов несельскохозяйственных профессий, что стимулирует миграционный отток. Территории с более диверсифицированной структурой экономики, включающей перерабатывающие предприятия, малый бизнес, сферу услуг, демонстрируют относительно более благоприятные демографические показатели.

Оренбургская область территориально выступает уникальной моделью для исследования процессов диверсификации сельской экономики благодаря географическому положению на стыке Европы и Азии, природно-климатической неоднородности и устоявшейся структуре аграрного природопользования. Протяженность региона с запада на восток составляет 760 км, с севера на юг – 445 км, что определяет разнообразие природно-хозяйственных зон. Резко-континентальный климат с жарким засушливым летом и холодной зимой, а также неравномерное распределение осадков – от 450 мм/год на северо-западе до 260 мм/год на юго-востоке – создают высокую степень засушливости: сильные и средние засухи в южных районах повторяются с периодичностью один раз в два-три года. Именно климатические риски выступают ключевым фактором, стимулирующим диверсифицированные процессы в регионе (Кошулько, 2020).

В широком понимании диверсификация сельской экономики сводится к формированию сельских территорий максимально разнообразной структуры хозяйственных форм и видов деятельности, способных удовлетворить потребности населения в трудоустройстве и обеспечить рациональное использование ресурсного потенциала территорий (Папцов, Шеламова, 2019; Папцов, Медведева, 2019).

Современная парадигма развития в качестве ключевого тезиса выдвигает положение о том, что дальнейшая диверсификация сельской экономики с опорой на социально-экономический и природно-ресурсный потенциал территорий выступает необходимым условием сохранения сельского уклада жизни, обеспечения территориального контроля над регионом, а также повышения престижности аграрного труда и проживания на селе (Подгорская и др., 2021).

Современные исследования в области диверсификации сельских территорий базируются на принципах инклюзивного роста и учитывают такие цивилизационные трансформации, как глобализация мирохозяйственных связей, ускорение научно-технического прогресса, всесторонняя информатизация общественной и хозяйственной деятельности, гуманизация целей экономического роста. Применительно к специфике Оренбургской области классификация форм диверсификации по направлениям деятельности представлена на *рисунке 2*.

Рис. 2. Классификация форм диверсификации по направлениям деятельности

Источник: составлено автором.

Представленная классификация форм диверсификации, учитывающая природно-климатическую и хозяйственную специфику Оренбургской области, позволяет конкретизировать направления трансформации сельской экономики применительно к различным типам территорий. Комплексная реализация выделенных форм создает предпосылки для расширения занятости, снижения миграционного оттока и повышения устойчивости сельских поселений в долгосрочной перспективе.

Демографическая ситуация на сельских территориях Оренбургской области характеризуется устойчивой естественной убылью населения, усугубляемой миграционным оттоком, особенно из районов с моноструктурной экономикой. Преодоление сложившихся негативных тенденций требует активизации процессов диверсификации сельской экономики, учитывающих как природно-климатическую специфику региона, так и современные подходы к инклюзивному и устойчивому развитию сельских территорий. Предложенная классификация может служить методической основой для разработки адресных мер региональной политики, направленных на стабилизацию демографической ситуации и повышение качества жизни сельского населения.

Библиографический список

1. Желудева Ю.В., Жиляков Д.И. (2022). Оценка динамики развития сельских территорий региона // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. № 5. С. 179–184.
2. Крупко А.Э., Рогозина Р.Е., Шенцева Л.Н. (2024). Факторы, тенденции и перспективы развития сельского населения Воронежской области и устойчивое состояние сельской местности региона // Бизнес. Образование. Право. № 4 (69). С. 100–107. DOI: 10.25683/VOLBI.2024.69.1135.

3. Кошулько А.П. (2020). Геодинамика сельского расселения и характеристика аграрного сектора Оренбургской области // Международный демографический форум: материалы заседания, Воронеж, 22–24 октября 2020 года. Воронеж: Цифровая полиграфия. С. 909–914.
4. Папцов А.Г., Шеламова Н.А. (2019) Диверсификация сельской экономики: значение, выгоды и риски // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 8. С. 2–6. DOI: 10.31442/0235-2494-2019-0-8-2-6
5. Папцов А.Г., Медведева Н.А. (2019). Программы развития сельских территорий и их финансирование в Европейском союзе // АПК: экономика, управление. № 6. С. 79–90. DOI: 10.33305/196-79.
6. Подгорская С.В., Мирошниченко Т.А., Бахматова Г.А. (2021). Методологические положения по обоснованию направлений развития сельских территорий сельскохозяйственных районов на основании диверсификации сельской экономики в условиях цивилизационных трансформаций. Азов: Рассвет. 112 с. DOI: 10.34924/FRARC.2021.31.95.001.

Информация об авторе

Елена Петровна Гусева – научный сотрудник, Оренбургский филиал Института экономики УрО РАН (Российская Федерация, 460000, г. Оренбург, ул. Пионерская, д. 11; e-mail: erguseva@mail.ru)

Guseva E.P.

DEMOGRAPHIC DYNAMICS AND DIVERSIFICATION OF RURAL ECONOMY

Abstract. *The article analyzes the demographic dynamics of rural territories in the Orenburg region for the period 2019–2024. A steady population decline is identified. The necessity of diversifying the rural economy as a factor in stabilizing the demographic situation is substantiated. A classification of diversification forms is presented with regard to the natural and climatic specifics of the region.*

Keywords: *rural territories, demographic dynamics, diversification of the rural economy, classification of diversification forms.*

About the author

Elena P. Guseva – Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (11, Pionerskaya Street, Orenburg, 460000, Russian Federation; e-mail: erguseva@mail.ru)

References

1. Zheludeva Yu.V., Zhilyakov D.I. (2022). Assessment of the Development Dynamics of Rural Territories in the Region. *Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*, 5, 179–184.
2. Krupko A.E., Rogozina R.E., Shentseva L.N. (2024). Factors, Trends and Prospects for the Development of the Rural Population of the Voronezh Region and the Sustainable State of Rural Areas. *Business. Education. Law*, 4(69), 100–107. DOI: 10.25683/VOLBI.2024.69.1135
3. Koshulko A.P. (2020). Geodynamics of Rural Settlement and Characteristics of the Agricultural Sector of the Orenburg Region. In *International Demographic Forum: Proceedings of the Meeting*. Voronezh: Digital Printing. 909–914.
4. Paptsov A.G., Shelamova N.A. (2019). Diversification of the Rural Economy: Significance, Benefits and Risks. *Economy of Agricultural and Processing Enterprises*, 8, 2–6. DOI: 10.31442/0235-2494-2019-0-8-2-6
5. Paptsov A.G., Medvedeva N.A. (2019). Rural Development Programs and Their Financing in the European Union. *APK: Economics, Management*, 6, 79–90. DOI: 10.33305/196-79
6. Podgorskaya S.V., Miroshnichenko T.A., Bakmutova G.A. (2021). Methodological Provisions for Justifying the Directions of Rural Development in Agricultural Areas Based on the Diversification of the Rural Economy in the Context of Civilizational Transformations. *Azov: Rassvet*. DOI: 10.34924/FRARC.2021.31.95.001

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ОЖИДАЕМОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Аннотация. В статье на основе анализа официальных статистических данных рассматриваются гендерные различия в ожидаемой продолжительности жизни и смертности населения Республики Башкортостан. Сделаны выводы о гендерном дисбалансе в половозрастной структуре данного региона, об устойчивом разрыве в ожидаемой продолжительности жизни между мужчинами и женщинами, о высокой смертности (сверхсмертности) мужчин, особенно в трудоспособных возрастах.

Ключевые слова: гендерные различия, ожидаемая продолжительность жизни, демографическая ситуация, уровень смертности, здоровье населения, депопуляция.

Ожидаемая продолжительность жизни и вопросы снижения смертности находятся на повестке дня у государственных органов Российской Федерации (Даутова, 2023). В документах стратегического характера этим вопросам уделяется особое внимание. В Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года в качестве основных целей рассматриваются: увеличение ожидаемой продолжительности жизни к 2015 году до 70 лет, к 2025 году – до 75 лет; сокращение уровня смертности; рост рождаемости; регулирование внутренней и внешней миграции; сохранение и укрепление здоровья населения и улучшение на ее основе демографической ситуации в стране¹. Согласно «Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года», ожидаемая продолжительность жизни при рождении к 2030 году должна составить 78 лет, к 2036 году – 81 год, ожидаемая продолжительность здоровой жизни – 68 и 72 года соответственно². Национальный проект «Продолжительная и активная жизнь», реализуемый с 2025 года, также направлен на сохранение населения, укрепление здоровья, увеличение ожидаемой продолжительности жизни и повышение благополучия людей³.

Заявленная тема требует рассмотрения и анализа статистических данных, связанных с ожидаемой продолжительностью жизни (ОПЖ) и смертностью мужчин и женщин в Республике Башкортостан (далее – РБ). Демографические процессы в РБ испытывают влияние тех же вызовов и угроз и повторяют общероссийские тенденции, одновременно имея региональную специфику.

Численность населения РБ на начало 2024 года составила 4 064 тыс. человек и имеет устойчивую тенденцию к падению. С 2020 года численность населения сократилась более чем на 48 тыс. человек. Этот процесс связан как с естественной убылью, так и миграционным оттоком населения из республики. По данным Росстата, на начало 2025 года численность жителей РБ составила около 4 046 тыс. человек, сократившись за год еще на 18 тыс. человек⁴.

В общей численности населения прослеживается высокая доля пожилых людей (60 лет и старше), а также тенденция увеличения доли пенсионеров. Особенно это касается женского пола. Как известно, мальчиков рождается больше (биологическая константа, закон вторичного соотношения полов) и, как показывает статистика, вплоть до 30–34-летнего возраста они превышают численность женщин, но начиная с возрастного интервала 35–39 лет женщин в общей численности населения становится больше.

¹ Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/191961/>

² Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года: распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501543/

³ Национальный проект «Продолжительная и активная жизнь». Правительство России. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/917/about/>

⁴ Повысить рождаемость // РБК. Ракурс. URL: <https://rbctv-ufa.ru/video/rakurs/rbk-rakurs-povysit-rozhdaemost.html> (дата обращения: 15.03.2026).

На начало 2024 года в РБ проживало 1920,9 тыс. мужчин (47,3% в общей численности населения), в том числе в городской местности – 61,3%, в сельской – 38,7%. В 2023 году в республике родилось более 18 тыс. мальчиков. На 100 мальчиков приходилось 95 девочек. На начало 2024 года на 100 мужчин всех возрастов приходилось 112 женщин (в возрасте 30–34 года – 98 женщин, 60 лет и старше – 156). Ухудшение соотношения полов происходит, прежде всего, из-за более высокой смертности мужчин. В половозрастной структуре преобладают женщины, удельный вес которых в 2024 году составил 52,7%. Такая тенденция наблюдается как в городской, так и сельской местности. Причины нарушения пропорций носят как биологический, так и социальный характер. К ним относятся: низкая продолжительность жизни мужчин (обусловленная злоупотреблением алкоголя и табакокурением) тяжелая работа, участие в боевых действиях, стресс, сложная экономическая ситуация в стране и т. д.

В трудоспособном возрасте картина иная – здесь мужчины составляют большинство. В 2024 году их доля среди населения трудоспособного возраста достигла 52,28%, тогда как среди лиц старше трудоспособного возраста мужчины составляли лишь 31,22 % (табл. 1). Население моложе трудоспособного возраста сокращается – в 2024 году на эту возрастную категорию пришлось 19,5% от общей численности населения. Доля трудоспособного населения растет. Полагаем, что это временное явление происходит из-за пенсионной реформы и продления выхода на пенсию старших возрастов. Однако это неустойчивая тенденция, сопровождающаяся временными спадами (2021 год). В перспективе следует ожидать снижения численности трудоспособного населения вследствие малочисленности поколений, вступающих в рабочий возраст, а также сохраняющихся высоких потерь от преждевременной смертности, особенно среди мужчин.

Таблица 1. Распределение населения по укрупненным возрастным группам в 2021–2024 гг.

Показатель	2021		2022		2023		2024	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
моложе трудоспособного:								
Мужчины	423 712	51,40	420 581	51,41	416 650	51,40	409 134	51,42
Женщины	400 595	48,60	397 524	48,59	393 997	48,60	386 580	48,58
Итого	824 307	100	818 105	100	810 647	100	795 714	100
в трудоспособном								
Мужчины	1 196 875	52,53	1 223 019	52,52	1 204 444	52,44	1 219 462	52,28
Женщины	1 081 563	47,47	1 105 473	47,48	1 092 342	47,56	1 112 899	47,72
Итого	2 278 438	100	2 328 492	100	2 296 786	100	2 332 361	100
старше трудоспособного								
Мужчины	310 577	31,27	291 340	30,83	307 141	31,66	292 294	31,22
Женщины	682 771	68,73	653 684	69,17	663 026	68,34	643 992	68,78
Итого	993 348	100	945 024	100	970 167	100	936 286	100
Источник: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. URL: https://02.rosstat.gov.ru/folder/25491 .								

В возрасте моложе трудоспособного преобладает мужское население, начиная со старше трудоспособного возраста – женское. Особенностью социально-демографической структуры пожилого населения РБ является преобладание женщин; лиц, не состоящих в браке, а также значительная доля одиноких домохозяйств, имеющих тенденцию к росту (Ахметова, Утяшева, 2025). Эти особенности во многом являются следствием гендерных различий в смертности.

Ожидаемая продолжительность жизни в республике демонстрирует положительную динамику. В 2024 году она составила 73,7 года: у мужчин показатель достиг 68,6 лет, у женщин – 78,9 лет, разница между полами превысила более 10 лет (рис. 1).

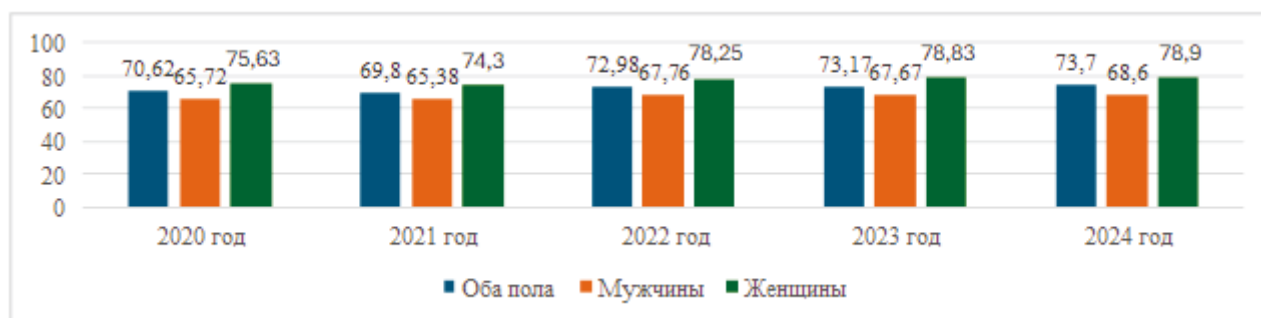

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении по РБ, кол-во лет

Источник: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан: официальный сайт. URL: <https://02.rosstat.gov.ru/folder/25491>.

Как видно из рисунка 1, гендерные различия в продолжительности жизни носят устойчивый характер. Согласно прогнозу социально-экономического развития Республики Башкортостан, ожидаемая продолжительность жизни в регионе продолжит расти. В 2025 году прогнозируется увеличение показателя до 73,77 года, а во втором полугодии 2027 года средняя ожидаемая продолжительность жизни может достичь 75,63 года, к концу 2028 года – 76,32 года⁵. Таким образом, регион движется к выполнению национальной цели – достижению к 2030 году средней продолжительности жизни в 78 лет, поставленной Президентом Российской Федерации⁶.

Анализ официальных статистических источников показывает, что смертность мужчин практически во всех возрастах превышает смертность женщин: в возрасте 20–24 лет – в 2,7 раза, 25–29 – в 2,8 раза, 30–34 – в 3,5 раза, 35–39 – в 3,26 раза, 40–44 – в 2,9 раза, 45–49 – в 2,61 раза, 50–54 – в 2,6 раза, 55–59 – в 2,4 раза⁷. Гендерный дисбаланс с возрастом только усиливается в основном из-за более высокого уровня смертности среди мужского населения по сравнению с женским.

Критическое значение имеет сверхсмертность мужчин в трудоспособном периоде (рис. 2).

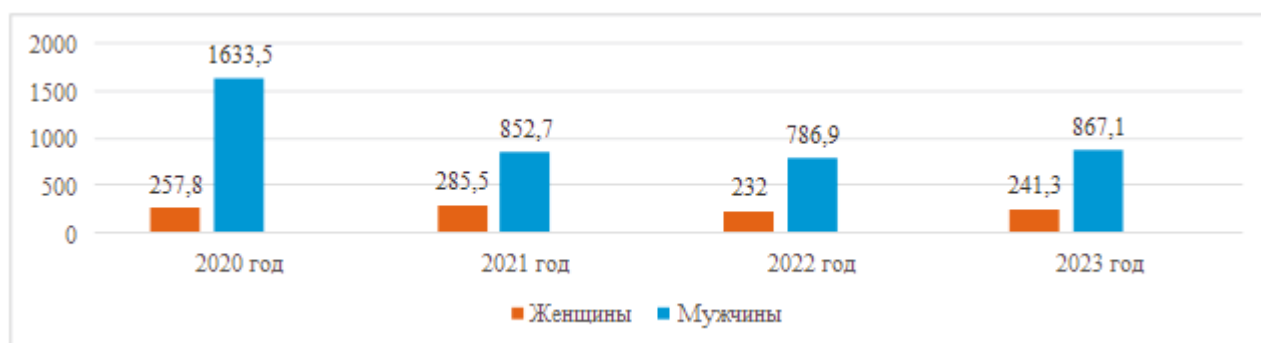

Рис. 2. Смертность населения в трудоспособном возрасте (на 100 тыс. чел.) в РБ в 2020–2024 гг.

Источник: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан: официальный сайт. URL: <https://02.rosstat.gov.ru/folder/25491>.

⁵ В Башкирии прогнозируют рост продолжительности жизни до 75 лет уже в 2027 году // АБН24. URL: <https://abnews.ru/volga/news/bashkortostan/2025/11/1/v-bashkiri-prognoziruyut-rost-prodolzhitelnosti-zhizni-do-75-let-uzhe-v-2027-godu> (дата обращения: 15.03.2026); Продолжительность жизни в Башкирии должна достичь 75 лет через два года // РБК. URL: <https://amp.rbc.ru/regional/ufa/01/11/2025/6905afc09a79475a4ed1dcb5> (дата обращения: 15.03.2026).

⁶ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309. URL: <https://minek.rk.gov.ru/documents/77bccccce-fee7-4cae-b98b-8e3e5fffd454>

⁷ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан: официальный сайт. – URL: <https://02.rosstat.gov.ru/folder/25491>

Смертность мужчин на 100 тыс. чел. населения в трудоспособном возрасте превышает женскую смертность примерно в 3–6 раз. В 2020 году на 100 тыс. чел. населения смертность в трудоспособном возрасте среди женщин составила 257,8 человек, а среди мужчин – 1633,5 чел., т. е. в 6,3 раза больше. В последующие годы показатель сокращается, но абсолютные уровни остаются высокими.

Специалисты связывают сверхсмертность мужчин в трудоспособном возрасте, с нездоровым образом жизни, чрезмерным употреблением алкоголя, курением. Мужчины заняты более опасным трудом: пожарные, военные, шахтеры, работники МЧС. Любители экстремальных видов спорта чаще встречаются среди мужчин. К тому же мужчины меньше женщин заботятся о своем здоровье. Основными причинами смерти в РБ, как и в Российской Федерации, являются болезни системы кровообращения, новообразования, болезни органов дыхания, а также внешние причины. К основным внешним причинам смерти относятся самоубийства, ДТП, травмы, отравления (в т. ч. алкоголем), случайные утопления и др. При этом внешние причины – один из ключевых факторов смертности. Она характеризуется значительным преобладанием мужчин, особенно в трудоспособном возрасте. Мужчины составляют около 79,6% умерших от этой категории причин, в то время как доля женщин существенно ниже (около 20,4%) (Аскаров и др., 2020). Избыточное потребление спиртных напитков остается весомой причиной смертности от внешних причин и болезней. По данным Минздрава России на апрель 2024 года, в Башкирии на душу населения приходилось в среднем 8,64 литра чистого спирта, что несколько выше среднероссийского показателя (8,47 л)⁸. Согласно данным ВОЗ, употребление алкоголя свыше 8 литров на человека ведет к депопуляции. По данным Роспотребнадзора Республики Башкортостан, за 2023 год от алкоголя и наркотиков умерло 160 человек, смертность от отравлений алкоголем составила 1,9 на 100 тыс. населения, что выше, чем в 2022 году (1,6 раза).

Проведенный в данной статье анализ позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, в половозрастной структуре в РБ фиксируется стойкий гендерный дисбаланс: после 35–40 лет мужчины уступают по численности женщинам и этот перевес существенно нарастает к старшим возрастам. Во-вторых, устойчивый, более чем десятилетний разрыв в ожидаемой продолжительности жизни между мужчинами и женщинами, на протяжении всего исследуемого периода указывает на системный характер данной демографической проблемы. В-третьих, мужская сверхсмертность в трудоспособных возрастах остается главным фактором, сдерживающим рост общей продолжительности жизни в республике.

Полагаем, что эта острая демографическая проблема требует от региональных властей определить приоритеты социально-экономической политики при разработке региональных программ социального развития. Представляется актуальной разработка и реализация специализированной региональной программы, ориентированной на сохранение мужского здоровья и достижения национальных целей по увеличению продолжительности жизни.

Библиографический список

1. Аскаров Р.А., Франц М.В., Лакман И.А., Аскарова З.Ф., Бакиров Б.А. [и др.]. (2020). Смертность населения Республики Башкортостан от внешних причин: многофакторный анализ на панельных данных // Профилактическая медицина. Вып. 2. № 23 (6). С. 36–44. DOI: 10.17116/profmed20202306236
2. Ахметова Г.Ф., Утяшева И.Б. (2025). Пожилое население Башкортостана: социально-демографические характеристики, тенденции смертности и миграции // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 5. № 1. С. 54–75. DOI: 10.19181/demis.2025.5.1.4.

⁸ Известно, сколько алкоголя в месяц выпивает средний житель Башкирии // Белебеевские известия. URL: <https://belizvest.ru/news/novosti/2024-05-12/izvestno-skolko-alkogolya-v-mesyats-vypivaet-sredniy-zhitel-bashkirii-3762098> (дата обращения: 14.06.2025).

3. Даутова Т.А. (2023). Анализ реализации национального проекта «Демография» в регионе: проблемы и перспективы (на материалах Республики Башкортостан) // БИСТ. № 3 (60). С. 76–84.

Информация об авторах

Танзиля Ахтямовна Даутова – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления, Уфимский университет науки и технологий (Российская Федерация, 450105, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 12, корп. 3; e-mail: dautova_07@mail.ru)

Марина Александровна Локоленко – студент, Уфимский университет науки и технологий (Российская Федерация, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32; e-mail: marinalokolenko2305@mail.ru)

Dautova T.A., Lokolenko M.A.

STATISTICAL ANALYSIS OF GENDER DIFFERENCES IN LIFE EXPECTANCY IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Abstract. *This article examines gender differences in life expectancy and mortality in the Republic of Bashkortostan based on an analysis of official statistical data. Conclusions include a gender imbalance in the age and sex structure of the population, a persistent gap in life expectancy between men and women, and high mortality ("excess mortality") among men, particularly in the working age group.*

Keywords: *gender differences, life expectancy, demographic situation, mortality rate, public health, depopulation.*

About the authors

Tanzilya A. Dautova – Candidate of Sciences (Sociological), Associate Professor of the Department of Public Administration, Ufa University of Science and Technology (12/3, Karl Marx Street, Ufa, 450105, Russian Federation; e-mail: dautova_07@mail.ru)

Marina A. Lokolenko – student, Ufa University of Science and Technology (32 Zaki Validi Street, Ufa, 450075, Russian Federation; e-mail: marinalokolenko2305@mail.ru)

References

1. Askarov R.A., Frants M.V., Lakman I.A., Askarova Z.F., Bakirov B.A. [et al.]. (2020). Mortality of the population of the Republic of Bashkortostan from external causes: multivariate analysis on panel data. *Preventive Medicine*, 23(6), 36–44. DOI: 10.17116/profmed20202306236
2. Akhmetova G.F., Utyasheva I.B. (2025). The elderly population of Bashkortostan: socio-demographic characteristics, mortality and migration trends. *DEMIS. Demographic studies*, 5, 1, 54–75. DOI: 10.19181/demis.2025.5.1.4.
3. Dautova T.A. (2023). Analysis of the implementation of the national project "Demography" in the region: problems and prospects (based on materials from the Republic of Bashkortostan). *BIST*, 3(60), 76–84.

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БАРНАУЛА:
СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ, РИСКИ И МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Аннотация. В статье рассматриваются пространственные аспекты демографических процессов в Барнауле. Анализируются структурные сдвиги в расселении населения, выявляются сопутствующие риски и предлагаются механизмы регулирования для устойчивого развития города.

Ключевые слова: Барнаул, демография, пространственное развитие, структурные сдвиги, риски, механизмы регулирования.

Демографическое развитие любого городского образования неразрывно связано с его пространственной структурой. Барнаул, являясь крупным административным, экономическим и культурным центром Алтайского края, подвержен комплексным демографическим процессам, проявляющимся через специфические пространственные сдвиги. Анализ этих сдвигов, оценка сопутствующих рисков и разработка адекватных механизмов регулирования являются ключевыми для обеспечения устойчивого развития города.

Пространственная трансформация населения Барнаула характеризуется субурбанизацией и развитием новых жилых зон на периферии, тогда как внутренние районы испытывают уплотнение или депопуляцию.

Статистические данные, предоставленные Алтайкрайстатом, позволяют проследить динамику ключевых показателей городского развития за двухлетний период. Сравнение цифр 2023 и 2025 гг. выявляет устойчивые тенденции, характеризующие пространственное и демографическое развитие крупнейшего города Алтайского края.

Анализ структуры жилищного фонда показывает последовательный рост доли многоквартирной застройки во всех административных районах Барнаула. Это свидетельствует о продолжении процессов активной урбанизации и концентрации жилого фонда в формате многоэтажных домов. Наиболее значительный абсолютный рост данного показателя наблюдается в Октябрьском районе: с 55,8% в 2023 году до 58,3% в 2025 году, что соответствует увеличению на 2,5 п. п. Это связано с реализацией новых проектов комплексной жилой застройки в данном районе. В Центральном районе, традиционно обладающим максимальной долей многоквартирного фонда, показатель также увеличился с 75,2 до 76,8%. В Железнодорожном районе рост составил 0,6 п. п. (с 68,5 до 69,1%), а в Индустриальном – на 2,4 п. п. (с 48,1 до 50,5%). Данная динамика подтверждает, что даже районы с относительно низкой исходной долей многоэтажного жилья (такие как Индустриальный) постепенно двигаются в сторону более плотной и компактной застройки.

Параллельно с изменением структуры фонда отмечается рост средней плотности населения. Этот показатель увеличился в каждом из четырех районов, отражая общий тренд на повышение концентрации жителей в городской среде. Максимальный рост плотности зафиксирован в Железнодорожном районе – с 7 200 чел./км² до 7 350 чел./км². Центральный район, несмотря на высокую плотность, также показал увеличение с 6 500 до 6 550 чел./км². В Октябрьском районе плотность возросла с 5 800 до 5 950 чел./км², а в Индустриальном – с 4 500 до 4 700 чел./км². Умеренный, но последовательный рост плотности в последнем указывает на постепенное освоение его обширных территорий и привлечение новых жителей.

Сравнение данных позволяет сделать несколько выводов о развитии городской ткани. Во-первых, подтверждается устойчивая корреляция между двумя анализируемыми показателями: районы с более высокой долей многоквартирной застройки демонстрируют и более высокую плотность населения. Во-вторых, динамика изменений не является равномерной. Районы, уже достигшие высоких уровней урбанизации (Центральный, Железнодорожный), показывают более медленный рост, что может свидетельствовать о приближении к определенному насыщению. Районы с большим потенциалом развития (Октябрьский, Индустриальный) демонстрируют более заметную положительную динамику по обоим параметрам. Это отражает стратегию пространственного развития города, направленную на освоение и увеличение плотности застройки в периферийных районах.

Таким образом, статистика за 2023–2025 гг. иллюстрирует поступательное развитие Барнаула в сторону увеличения плотности жилой среды и концентрации населения. Эти процессы являются характерными для современных российских городов и отвечают задачам эффективного использования городских территорий и инфраструктуры (табл. 1).

Таблица 1. Многоквартирная застройка в районах г. Барнаул за 2023 и 2025 гг.

Район Барнаула	Доля многоквартирной застройки (2023 год), %	Доля многоквартирной застройки (2025 год), %	Средняя плотность населения (2023 год), чел./км ²	Средняя плотность населения (2025 год), чел./км ²
Центральный	75,2	76,8	6 500	6 550
Железнодорожный	68,5	69,1	7 200	7 350
Октябрьский	55,8	58,3	5 800	5 950
Индустриальный	48,1	50,5	4 500	4 700

Источник: данные Алтайкрайстата за 2023 и 2025 гг.

Пространственные демографические сдвиги сопряжены с рисками усиления нагрузки на инфраструктуру в растущих районах, роста маятниковой миграции и усиления социального расслоения (Глушкова, 2016, с. 125; Musterd, Ostendorf, 2013, Р. 78).

Эффективное управление требует комплексного подхода: сбалансированное территориальное планирование, развитие транспортной системы, стимулирование комплексного развития территорий и применение градостроительных инструментов (Кузьминых, 2019, с. 45).

Пространственные аспекты демографического развития Барнаула представляют собой сложную систему. Целенаправленное применение предложенных механизмов позволит обеспечить более сбалансированное и устойчивое демографическое будущее города.

Библиографический список

1. Глушкова В.Г. (2016). Территориальная организация населения. Москва: Университетская книга. 272 с.
2. Кузьминых А.В. (2019). Пространственная структура городов: методология изучения и развития. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета. 180 с.
3. Musterd S., Ostendorf W. (2013). Urban Development and Social Segregation. Dordrecht: Springer.

Информация об авторе

Анастасия Олеговна Заречнева – магистрант, Алтайский государственный университет (Российская Федерация, 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 66; e-mail: anikina.vbrbrbrb@mail.ru)

Zarechneva A.O.

SPATIAL ASPECTS OF THE DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF BARNAUL: STRUCTURAL SHIFTS, RISKS AND REGULATORY MECHANISMS

Abstract. *The article examines the spatial aspects of demographic processes in Barnaul. Structural shifts in population settlement are analyzed, associated risks are identified, and regulatory mechanisms for sustainable urban development are proposed.*

Keywords: *Barnaul, demography, spatial development, structural shifts, risks, regulatory mechanisms.*

About the author

Anastasia O. Zarechneva – Master Degree student, Altai State University (66, Lenin Avenue, Barnaul, 656049, Russian Federation; e-mail: anikina.vbrbrbrb@mail.ru)

References

1. Glushkova V.G. (2016). Territorial organization of the population. M.: University book.
2. Kuzminykh A.V. (2019). Spatial structure of cities: methodology of study and development. Barnaul: Publishing house of the Altai state University.
3. Musterd S., Ostendorf W. (2013). Urban Development and Social Segregation. Dordrecht: Springer.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы социального сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, отмечается важность организации наставничества для выпускников интернатных учреждений. Для совершенствования системы социальной защиты таких детей предлагаются методические рекомендации.

Ключевые слова: дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, социальная защита, наставничество.

Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, всегда были в зоне общественного внимания. Но меры государственной поддержки и целенаправленная политика жизнеустройства таких детей актуализировались в современных условиях. В настоящее время особое внимание уделяется мерам социальной адаптации таких детей, обретения ими гражданских качеств и социально-профессиональной идентичности. В условиях демографического кризиса, внешнего давления и социальных рисков успешная социализация молодежи становится важной государственной задачей, а в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, требуется привлечение различных субъектов и решение вопросов на всех уровнях управления социальными процессами.

Ситуация, в которую попадают дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, окончив учреждения интернатного типа, может быть описана следующим образом: после завершения школьного обучения происходит переход от знакомой, более или менее безопасной среды, известных людей в ближайшем окружении, ежедневного распорядка, упорядоченности и предсказуемости к новой жизни, иному регламенту (как личному, так и жизненному), который до сих пор мог быть известен лишь понаслышке. Получив самостоятельность, молодые люди, как правило, оказываются не готовыми к ней. Они сталкиваются со множеством проблем, начиная с поиска жилья, работы, организации быта, питания, обеспечения себя прожиточным минимумом; заканчивая сложностями во взаимодействии с социумом, поиске единомышленников, в организации свободного времени, в получении медицинской помощи, в создании и сохранении собственной семьи. Выпускники обычно остаются один на один с проблемами, не знают никого, кому бы могли доверять, на кого могли бы рассчитывать. Каждый из них нуждается в постоянной помощи и поддержке.

Следует отметить, что понятие «выпускник» чаще всего относится к людям, окончившим определенное учебное заведение. Воспитанники организаций для детей-сирот становятся выпускниками в силу совершеннолетия, начала профессионального обучения или трудоустройства. Они выходят из организации, куда были помещены «под надзор» на условиях полного обеспечения, что закреплено в нормативно-правовых источниках. В связи с тем, что в отношении названной категории детей применяются такие понятия, как «замещающие родители» или «замещающая семья», то соответственно уместно говорить и о «выпускниках замещающей семьи». Причины получения статуса «выпускник замещающей семьи» связаны с прекращением попечительства у воспитанников замещающих семей в связи с достижением ими восемнадцатилетнего возраста или другими причинами, когда достигается полная дееспособность до этого возраста. Приобретение нового социального статуса «выпускник» означает не просто изменение условий, а начало нового этапа в жизни (Бобылева, Заводилкина, 2017, с. 13–14).

Таким образом, необходимость организации социального сопровождения выпускников интернатных учреждений и замещающих семей обусловлена следующими факторами:

- резкое изменение привычной для подростка среды;
- несоответствие наступившей в восемнадцать лет гражданской дееспособности и социальной зрелости выпускника: «уже не ребенок, но еще не взрослый»;
- к моменту выпуска из организации для детей-сирот или замещающей семьи не решаются социальные возрастные задачи, в том числе недостаточный уровень готовности к самостоятельной жизни и адаптации в новых жизненных условиях;
- сформировавшаяся в интернатном учреждении/замещающей семье модель социальной и экономически несамостоятельной жизни (под попечительством) разрушилась, а новая модель самостоятельного поведения и образа жизни еще не сложилась.

Наличие проблемной ситуации неоднократно отмечалось в мониторинговых исследованиях жизненной ситуации выпускников, проводимых ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей»¹. В 2020 году в опросе приняли участие 3 183 выпускника из 83 субъектов РФ, в том числе из Республики Башкортостан. По данным мониторинга, основные проблемы, с которыми сталкиваются выпускники в самостоятельной жизни – это материальное самообеспечение (45%), жилищная проблема (38%), защита своих законных прав и интересов (30%), взаимодействие с различными государственными структурами / инстанциями (29%), решение сложных жизненных проблем, выход из конфликтных ситуаций (26%), самостоятельное решение бытовых проблем (покупка одежды, пищи, оплата коммунальных услуг и т. д.) (25%), отсутствие возможности посоветоваться со взрослыми (15%). Более трети (34%) выпускников считают, что им нужна помощь. По инициативе ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей» и при поддержке Министерства просвещения РФ 25–26 марта 2026 года на площадке на Культурного центра ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» состоялся XIV Всероссийский съезд руководителей организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и руководителей органов опеки и попечительства². На съезде были представлены методические материалы по организации Межведомственного взаимодействия органов опеки и попечительства с органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, подготовленные к исполнению мероприятий «Разработка методических материалов по обеспечению вопросов сопровождения семей с детьми в период отмены ограничения родительских прав или восстановления в родительских правах и в последующий период», пункта 16 раздела III Плана мероприятий по реализации Концепции совершенствования деятельности органов опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 августа 2025 г. № 2292-р.

Основные задачи в социальной защите детей-сирот – максимальное устройство таких детей в семьи и работа по сохранению родительских функций там, где дети пережили/переживают состояние безнадзорности. При реализации данной концепции основная ответственность ложится на семью. Соответственно возрастает значимость социальной работы с семьей, патронат над семьями с девиациями, профилактики семейного неблагополучия. В данной парадигме актуализируется роль специалистов по работе с проблемными семьями, необходимость совершенствования их профессиональной подготовки и повышения квалификации.

Для подростков, переживших семейные девиации, актуализируются вопросы профессиональной социализации, в которой значимую роль могут сыграть наставники как успешные профессионалы. В целом, модели индивидуального сопровождения предполагают непосредственное взаимодействие с выпускником, которое происходит в большинстве случаев по месту его жительства, с целью достижения намеченных выпускником жизненных ориентиров. К ним относятся кураторство, постинтернатный патронат и наставничество.

¹ Центр защиты прав и интересов детей. URL: <https://fcprc.ru/>

² Материалы XIV Всероссийского съезда руководителей организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и руководителей органов опеки и попечительства (Москва, 25–26 марта 2026 года). URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-disk-public> (дата обращения: 27.03.2026).

Наставничество может осуществляться по месту работы или учебы выпускника. Более опытный специалист должен содействовать профессиональному становлению выпускника и сопровождать его по месту работы. Но оно может быть и продолжением наставничества воспитанника организации для детей-сирот. Время взаимодействия наставника с выпускником до выпуска имеет особое значение, так как позволяет сформироваться отношениям и помочь ребенку в подготовке к выпуску. Для наставников организуются регулярные мотивационные мероприятия и мероприятия, направленные на повышение квалификации и индивидуальное психологическое сопровождение (тематические семинары, супервизии, индивидуальные консультации). Наставник выпускника ориентирован на повышение у подопечного навыка самостоятельного решения жизненных задач. Этому способствуют: готовность наставника позволять подопечному делать выбор и нести ответственность за его естественные последствия; эмоциональная зрелость выпускника; налаженный диалог между всеми взрослыми, окружающими выпускника (наставник, сотрудники учреждения, попечитель, сотрудники учебного заведения, родители, восстановленные в правах).

Несмотря на то, что концепция семейной политики ориентирует на максимальное жизнеустройство детей-сирот в семье, тем не менее, по-прежнему актуальным остается вопрос о постинтернатном сопровождении такого ребенка, поскольку не все сироты и безнадзорные дети обрели родителей. Постинтернатный патронат может рассматриваться как форма воспитания и сопровождения детей-сирот, а также лиц из их числа в возрасте от 18 до 23 лет после изменения статуса на «выпускник». Постинтернатный патронат устанавливается на основании договора. Форма осуществления постинтернатного патроната – посещения воспитателем выпускника в целях воспитания, сопровождения и повышения его социального статуса. Постинтернатный воспитатель не является законным представителем выпускника – за ним закрепляется в разных регионах разное число выпускников, но чаще не более пяти. Во взаимодействующей паре выпускник–постинтернатный воспитатель предоставляется сопровождение (Бобылева, 2011). С этой целью назначаются уполномоченные организации. Модели социальной адаптации выпускников могут иметь различные варианты организации, разную ведомственную принадлежность и уровень автономности; могут быть подразделением и входить в структуру более крупной организации или быть самостоятельным учреждением.

Принятие решения о внедрении модели социальной адаптации требует полноценного анализа и оценки (Назарова, Шеншина, 2024). В регионах России реализуются модели социального предупреждения, но модель индивидуального сопровождения является перспективным направлением в совершенствовании социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В субъектах РФ в ответ на государственный заказ складываются региональные и муниципальные системы сопровождения. Общим для них является выстраивание правовой базы, развитие управленческих механизмов, реформирование организационной структуры и подготовка кадров. Данная система обеспечивает единые подходы для специалистов, координацию деятельности включенных в сопровождение субъектов, учет миграции выпускников внутри региона, беспроблемный переход выпускников в новые условия и профилактику отклонений от социальных требований.

Библиографический список

1. Бобылева И.А. (2011). Куратор выпускника интернатного учреждения: индивидуальное сопровождение. Методическое пособие. Москва: ИИДСВ РАО. 136 с.
2. Бобылева И.А., Заводилкина О.В. (2017). Условия развития региональных систем сопровождения выпускников учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей, и замещающих семей. Методическое пособие. Москва: ИИДСВ РАО. 164 с.
3. Назарова И.С., Шеншина Л.А. (2024). Система социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей по законодательству России // Аграрное и земельное право. № 1 (229).

Информация об авторе

Снежана Вадимовна Козлова – студент, Уфимский университет науки и технологий (Российская Федерация, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32, e-mail: sizonenko@internet.ru)

Kozlova S.V.

ON THE ISSUE OF SOCIAL PROTECTION OF ORPHANS AND CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE

Abstract. *The article considers models of social support for orphans and children left without parental care, and notes the importance of mentoring graduates of boarding schools. Methodological recommendations are offered to improve the social protection system for such children.*

Keywords: *orphaned children, children left without parental care, social protection, mentoring.*

About the author

Snezhana V. Kozlova – student, Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi Street, Ufa, 450076, Russian Federation; e-mail: sizonenko@internet.ru)

References

1. Bobyleva I.A. (2011) Curator of a graduate of a boarding school: individual support. Methodological guide. Moscow: IIDS V RAO.
2. Bobyleva I.A., Zavodilkina O.V. (2017). Conditions for the development of regional support systems for graduates of institutions for children left without parental care and substitute families. Methodological guide the manual. Moscow: IIDS V RAO.
3. Nazarova I.S., Shenshina L.A. (2024). The system of social protection of orphaned children and children left without parental care under the legislation of Russia. *Agrarian and land law*, 1(229)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ НАГРУЗКИ И ЕЕ ДИНАМИКА В 2000–2025 ГГ.

Аннотация. *Проведено исследование региональной дифференциации демографической нагрузки людьми старше и младше трудоспособного возраста в субъектах Российской Федерации за период 2000–2025 гг. На основе данных Росстата по 83 регионам проведен анализ уровня и динамики частных демографических нагрузок. Выявлен рост нагрузки пожилыми людьми в 78 регионах и преобладание регионов с превышением старшего населения над младшим.*

Ключевые слова: демографическая нагрузка, возрастная структура, региональная дифференциация.

Демографические процессы оказывают фундаментальное воздействие на социально-экономическое развитие страны, определяя состояние рынка труда, устойчивость пенсионной системы и потенциал экономического роста. Одним из индикаторов демографического старения выступает коэффициент демографической нагрузки, отражающий соотношение численности нетрудоспособного и трудоспособного населения. В условиях глобального старения населения особую значимость приобретает анализ структуры этой нагрузки, в частности людьми старше и младше трудоспособного возраста.

Актуальность исследования региональной дифференциации демографической нагрузки заключается в анализе трансформации ее структуры в российских регионах в первой четверти XXI века. Старение населения признается одним из главных демографических вызовов в мире, в т. ч. и в России. Увеличение доли пожилого населения трансформирует структуру демографической нагрузки, а в условиях пространственной неоднородности необходим регионально дифференцированный подход к анализу демографических процессов и формированию мер социальной политики.

Целью исследования является выявление региональной дифференциации демографической нагрузки людьми старше и младше трудоспособного возраста в субъектах Российской Федерации и анализ динамики ее изменения за период 2000–2025 гг. В связи с этим поставлены задачи: оценка текущего уровня демографической нагрузки и систематизация групп регионов по демографической нагрузке лицами старше и младше трудоспособного возраста и темпам их прироста.

Россия относится к числу стран с быстро стареющим населением. Данная тенденция обусловлена главным образом сокращением рождаемости и увеличением продолжительности жизни пожилых людей благодаря снижению смертности. Дополнительным фактором увеличения доли лиц старше трудоспособного возраста является структурный сдвиг, вызванный достижением пенсионного возраста многочисленным поколением, родившимся в послевоенные годы (Круглов и др., 2020). С 1989 по 2019 год демографическая нагрузка пожилыми людьми выросла с 325 до 467 чел. на 1000 чел. трудоспособного населения. Ключевым стал 2005 год, когда численность трудоспособного населения, достигнув исторического пика, начала сокращаться (Кашепов, 2023).

В начале XXI века наблюдается серьезный сдвиг в структуре нагрузок: за период с 2002 по 2020 год коэффициент демографической нагрузки пожилыми людьми вырос с 334,8 до 426,2 чел. на 1000 чел. трудоспособного населения. В то же время нагрузка детьми снизилась незначительно (с 296,0 до 287,7 чел. на 1000 чел. трудоспособного населения), что фиксирует низкий уровень рождаемости (Такмакова и др., 2023). Согласно прогнозам, тенденция к росту демографической нагрузки усилится. К 2035 году количество пожилых людей в расчете на 1000 трудоспособных граждан увеличится с 412 до 547. Это произойдет на фоне структурных сдвигов: доля населения старше трудоспособного возраста вырастет до 29,8%, тогда как доля трудоспособного населения сократится до 54,5% (Короленко, 2023).

В малой степени исследователями рассмотрена региональная дифференциация по частным демографическим нагрузкам, что важно в связи с различиями по структуре населения в субъектах России. О.Н. Калачикова и А.В. Короленко, изучая региональную специфику РФ по блокам показателей, выявили полярные модели демографической нагрузки. По их данным, в 2015 году высокая нагрузка в регионах Центральной России (Тверская, Тульская, Владимирская области) формировалась за счет преобладания пожилого населения. Диаметрально противоположная картина наблюдалась в Чеченской Республике и Республике Тыва, где высокий уровень общей нагрузки был обусловлен значительной долей лиц младше трудоспособного возраста (Калачикова, Короленко, 2015). В исследовании А.В. Топилина и О.Д. Воробьевой представлена типология регионов РФ по характеру демографической нагрузки, включающая шесть групп. Наиболее острая ситуация сложилась в первой группе, объединяющей 16 регионов Европейской части России (Тамбовская, Орловская, Пензенская, Ивановская области и др.), где фиксируется пиковая нагрузка пожилым населением на фоне сужения базы воспроизводства трудовых ресурсов. Положительная динамика численности трудоспособного населения отмечается лишь в 19 субъектах, относящихся к пятой и шестой группам: в столичных агломерациях этот рост обеспечен низкой долей детей, а в национальных республиках – высокой долей молодых возрастных групп (Топилин, Воробьева, 2021).

Недостаточно изученной остается региональная дифференциация демографической нагрузки, а именно изменение ее «детской» и «пенсионной» составляющих в долгосрочной ретроспективе. В этой связи актуальной исследовательской задачей является определение изменений в типологии регионов по структуре нагрузки, а также выявление субъектов РФ, характеризующихся ускоренными темпами старения, и территорий, сохраняющих относительно молодую возрастную структуру населения. Эмпирической базой исследования послужили официальные данные Росстата о возрастной структуре населения за период с 2000 по 2025 год. Данные брались для 83 регионов РФ, за исключением новых регионов страны с 2014 года (Республика Крым, город Севастополь, Донецкая и Луганская Народные республики, Запорожская и Херсонская области). Чтобы определить, как различается демографическая нагрузка в регионах, было проведено сравнение нагрузки людьми старше и младше трудоспособного возраста и темпов ее прироста. Все субъекты ранжированы по каждому показателю, после чего методом равных интервалов сформированы в три однородные группы: «Высокий» (с наибольшими значениями), «Средний» и «Низкий» (с наименьшими значениями). Последующий кросс-табличный анализ распределения регионов по этим группам позволяет выявить устойчивые сочетания уровня и динамики старения.

С 2000 по 2025 год демографическая нагрузка пожилыми людьми выросла почти во всех регионах. Значение снизилось только в 5 регионах: Республика Адыгея, Московская область, Республика Саха, Чеченская Республика и Республика Ингушетия. Наибольший рост отмечается на Северо-Западе (республики Коми и Карелия, Архангельская область) и в азиатской части страны (Ханты-Мансийский автономный округ, Сахалинская и Магаданская области). Это вызвано снижением притока молодежи и старением трудоспособного населения. В 2000 году наибольшие значения по демографической нагрузке лицами старше пожилого возраста отмечались в Центральном федеральном округе (все три региона с максимальными значениями оттуда; *табл. 1*). С 2000 по 2025 год максимальное значение показателя выросло на 13,5%. Лидером стала Курганская область, где на 1000 трудоспособных приходится 528 пожилых. Если ранее регионы со старым населением были сконцентрированы более компактно (в центре европейской части), то в 2025 году все три региона с максимальными значениями из разных федеральных округов, что говорит о распространении старения населения.

Таблица 1. Регионы РФ с наибольшими и наименьшими значениями демографической нагрузки людьми старше и младше трудоспособного возраста в 2000 и 2025 гг. (на 1 января)

Демографическая нагрузка	Регионы с максимальным значением		Регионы с минимальным значением	
	2000	2025	2000	2025
Старше трудоспособного возраста	Тульская область (465,2)	Курганская область (528,2)	Ямало-Ненецкий автономный округ (61,3)	Республика Ингушетия (151,0)
	Тверская область (453,7)	Кировская область (526,6)	Ханты-Мансийский автономный округ (87,3)	Чеченская Республика (168,5)
	Рязанская область (452,6)	Тамбовская область (517,8)	Чукотский автономный округ (88,4)	Республика Тыва (177,4)
Младше трудоспособного возраста	Республика Ингушетия (605,4)	Республика Тыва (502,9)	г. Москва (213,3)	Ленинградская область (205,1)
	Чеченская Республика (590,4)	Чеченская Республика (485,6)	г. Санкт-Петербург (230,9)	Республика Мордовия (219,3)
	Республика Дагестан (549,6)	Республика Алтай (411,0)	Московская область (250,1)	Тамбовская область (223,2)
Источник: рассчитано автором по данным Росстата о численности населения по полу и возрасту.				

Наименьшую нагрузку от пожилых людей в 2000 году имели северные ресурсодобывающие регионы. Спустя 25 лет их место заняли национальные республики с высокой рождаемостью. Из этого можно сделать вывод, что ранее на демографическую нагрузку лиц старше трудоспособного возраста влиял миграционный фактор, а спустя время стало преобладать естественное воспроизводство. С 2000 по 2025 год минимальное значение выросло в 2,5 раза (с 61,3 до 151). Причем в автономных округах, где раньше показатели были самыми низкими, за 25 лет значения выросли в 2 и больше раза. В Республике Ингушетия и Чеченской Республике, ставшими регионами с наименьшими показателями, значения незначительно, но снизились за четверть века.

С демографической нагрузкой людьми младше трудоспособного возраста наблюдаются обратные тенденции. С 2000 по 2025 год максимальное значение снизилось на 16,9%. Лидером стала Республика Тыва, где на 1000 трудоспособных приходится почти 503 детей. Несмотря на высокую рождаемость, в регионах Северного Кавказа отмечается самое серьезное снижение показателя: в Республике Ингушетии значение снизилось на 38,3%, в Республике Дагестан – на 34,7%. Из северокавказских субъектов в тройке осталась только Чеченская Республика. Что касается минимальной детской нагрузки, то в 2000 году в тройке были оба города федерального значения и Московская область, а в 2025 году – регионы с высокой депопуляцией. Тамбовская область оказалась единственным регионом, который одновременно вошел в тройку регионов с высокой нагрузкой пожилыми людьми и низкой нагрузкой детьми. Минимальная нагрузка лицами младше трудоспособного возраста у Ленинградской области – значение за 25 лет снизилось до 205,1, что даже ниже Москвы в 2000 году (213,1).

Высокая демографическая нагрузка людьми старше пенсионного возраста характеризуется низким приростом за 25 лет (табл. 2). Это вызвано тем, что регионы с высокой нагрузкой в 2025 году уже имели высокую нагрузку в 2000 году. Хотя старение населения и продолжается, темп уже не такой высокий и в регионах наблюдается демографическая стагнация. Наиболее ярко это наблюдается в Центральном и Приволжском федеральных округах, где почти все регионы обладают высокой нагрузкой людьми старше трудоспособного возраста. Всего в двух регионах высокий прирост демографической нагрузки при низком значении – Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа. В четырех регионах демографическая нагрузка пожилыми людьми сохранилась низкой при малом приросте – это республики Северного Кавказа (Чечня, Дагестан, Ингушетия) и Республика Тыва. Это регионы с высокой рождаемостью и специфичной возрастной структурой.

Таблица 2. Распределение регионов по демографической нагрузке людьми старше трудоспособного возраста и ее приросту с 2000 по 2025 год.

Нагрузка \ Прирост	Высокая	Средняя	Низкая	Всего
Высокий	0	0	2	2
Средний	0	6	4	8
Низкий	46	23	4	73
Всего	46	29	8	83

Примечание: для демографической нагрузки людьми старше трудоспособного возраста «Высокая» – от 528,2 до 402,5 чел. на 1000 чел. трудоспособного возраста, «Средняя» – от 402,4 до 276,7 чел. на 1000 чел. трудоспособного возраста, «Низкая» – от 276,6 до 151,0 чел. на 1000 чел. трудоспособного возраста; для прироста демографической нагрузки «Высокий» – от 226,1 до 147,4%, «Средний» – от 147,3 до 68,6%, «Низкий» – от 68,5 до -10,2%.

Источник: составлено автором.

Лишь в малой части регионов отмечается положительный прирост демографической нагрузки людьми младше трудоспособного возраста (табл. 3). Всего нагрузка выросла в 17 регионах, причем преимущественно в регионах Сибири (Новосибирская область, Тюменская область), Дальнего Востока (Камчатский край, Хабаровский край) и городах федерального значения (Москва и Санкт-Петербург). Это вызвано миграциями молодого поколения, сокращением трудоспособного населения или невысоким значением в 2000 году. Высокая нагрузка детьми наблюдается всего в 3 республиках (Тыва, Чечня и Алтай), но в них прирост отрицательный. Большинство регионов (40 из 83) обладают низкой демографической нагрузкой детьми при среднем приросте. В основном это регионы европейской части России, где невысокая рождаемость населения и депопуляция населения.

Таблица 3. Распределение регионов по демографической нагрузке людьми младше трудоспособного возраста и ее приросту с 2000 по 2025 год.

Нагрузка \ Прирост	Высокая	Средняя	Низкая	Всего
Высокий	0	7	10	17
Средний	3	15	40	58
Низкий	0	4	4	8
Всего	3	26	54	83

Примечание: для демографической нагрузки людьми младше трудоспособного возраста «Высокая» – от 502,9 до 403,6 чел. на 1000 чел. трудоспособного возраста, «Средняя» – от 403,5 до 304,4 чел. на 1000 чел. трудоспособного возраста, «Низкая» – от 304,3 до 205,1 чел. на 1000 чел. трудоспособного возраста; для прироста демографической нагрузки «Высокий» – от 18,2 до -0,7%, «Средний» – от -0,8 до -19,5%, «Низкий» – от -19,6 до -38,3%.

Источник: составлено автором.

Сравнение значений демографической нагрузки старше и младше трудоспособного возраста демонстрирует преобладание регионов с высокой нагрузкой пожилыми и низкой – детьми (табл. 4). Половину из них составляют субъекты Центральной России с низкой рождаемостью и высокими значениями среднего возраста. Низкая демографическая нагрузка по обоим направлениям отмечается только в Чукотском автономном округе из-за малой численности населения и депопуляции. Низкая демографическая нагрузка пожилыми людьми и высокая демографическая нагрузка детьми только в двух республиках – Чечня и Тыва. В них сохраняется высокий естественный прирост и малые значения среднего возраста.

Таблица 4. Распределение регионов по демографической нагрузке людьми старше и младше трудоспособного возраста в 2025 году.

Младше \ Старше	Высокая	Средняя	Низкая	Всего
	0	1	2	3
Высокий	0	1	2	3
Средний	12	9	5	26
Низкий	34	19	1	54
Всего	46	29	8	83
Источник: составлено автором.				

Таким образом, исследование подтвердило существенную трансформацию демографической нагрузки в субъектах России с 2000 по 2025 год. Демографическая нагрузка пожилыми людьми выросла в 78 из 83 регионов, при этом минимальная нагрузка сохранилась в республиках с высокой рождаемостью. Кросс-табличный анализ выявил преобладание регионов с высокой нагрузкой людьми старше трудоспособного и низкой нагрузкой младше трудоспособного возраста, что показывает преобладание пожилых людей над детьми в структуре населения. В регионах с высокой нагрузкой от лиц пожилого возраста требуется развитие социального обеспечения пенсионеров и привлечение трудоспособного населения, в то же время в регионах с высокой нагрузкой от детей и подростков требуется создание рабочих мест для будущего работоспособного населения. Частные демографические нагрузки требуют дальнейшего изучения для выявления взаимосвязи с социально-экономическими показателями и тенденций по полу или месту проживания.

Библиографический список

1. Калачикова О.Н., Короленко А.В. (2015). Региональная дифференциация демографического развития России в контексте демографической безопасности // Проблемы развития территории. №. 6 (80). С. 127–142.
2. Кашепов А.В. (2023). Повышение пенсионного возраста в странах мира и России: причины и последствия // Вестник Алтайской академии экономики и права. №. 5-1. С. 82–91. DOI: 10.17513/vaael.2810
3. Короленко А.В. (2019). Факторы демографического развития России: опыт исследования панельных данных // Проблемы развития территории. №. 5 (103). С. 170–188. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.11
4. Круглов Д.В., Парик И.Ю., Силаева С.А. (2020). Влияние трудовой активности старшего населения на социально-экономическое развитие страны // Экономика труда. Т. 7. № 11. С. 1023–1036. DOI: 10.18334/et.7.11.111080
5. Такмакова Е.В., Черемисина Н.В., Черемисина Н.Н., Турбина Н.М. (2023). Характеристика динамики демографической нагрузки на население трудоспособного возраста в России // Вестник евразийской науки. Т. 15. № 5.
6. Топилин А.В., Воробьева О.Д. (2021). Демографическая ситуация и особенности формирования трудовых ресурсов в России // Вестник Российской академии наук. Т. 91. №. 9. С. 856–864. DOI: 10.31857/S0869587321090097

Информация об авторе

Александр Анатольевич Колесов – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: aleks.kolesov@bk.ru)

REGIONAL DIFFERENTIATION OF THE DEMOGRAPHIC DEPENDENCY RATIO AND ITS DYNAMICS IN 2000–2025

Abstract. *A study of regional differentiation in the dependency ratio of people older and younger than working age in the constituent entities of the Russian Federation for the period 2000–2025 was conducted. Based on Rosstat data for 83 regions, the level and dynamics of particular demographic dependency ratios were analyzed. An increase in the elderly dependency ratio was found in 78 regions, along with a predominance of regions where the older population exceeds the younger population.*

Keywords: *demographic dependency ratio, age structure, regional differentiation.*

About the author

Aleksandr A. Kolesov – Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: aleks.kolesov@bk.ru)

References

1. Kalachikova O.N., Korolenko A.V. (2015). Regional differentiation of Russia demographic development in the context of demographic security. *Problems of territory's development*, 6(80), 127–142.
2. Kashepov A.V. (2023). Raising the retirement age in the countries of the world and Russia: causes and consequences. *Bulletin of the Altai academy of economics and law*, 5-1, 82–91. DOI: 10.17513/vaael.2810
3. Korolenko A.V. (2019). Factors of demographic development in Russia: An experience of panel data research. *Problems of territory development*, 5(103), 170–188. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.11
4. Kruglov D.V., Parik I.Yu., Silaeva S.A. (2020). The impact of labor activity of the older population on the socio-economic development of the country. *Labor Economics*, 7, 11, 1023–1036. DOI: 10.18334/et.7.11.111080
5. Takmakova E.V., Cheremisina N.V., Cheremisina N.N., Turbina N.M. (2021). Characteristics of the dynamics of the dependency ratio on the working-age population in Russia. *The Eurasian Scientific Journal*, 15, 5.
6. Topilin A.V., Vorobyeva O.D. (2021). Demographic situation and features of the formation of labor resources in Russia. *Bulletin of the Russian academy of sciences*, 91, 9, 856–864. DOI: 10.31857/S0869587321090097

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ СЗФО: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. В исследовании проведена оценка состояния и тенденций демографического потенциала регионов СЗФО. Рассчитаны интегральные индексы демографического потенциала – количественного и качественного, осуществлена группировка регионов по их соотношению. Информационной базой выступили официальные данные Росстата за 2019–2023 гг.

Ключевые слова: демографический потенциал территорий, количественная и качественная компоненты, индексная методика, группировка, регионы Северо-Западного федерального округа.

Благодарность

Работа выполнена в рамках темы государственного задания № FMGZ-2025-0014 «Человеческий потенциал современной России: факторы и механизмы воспроизводства».

Введение

В большинстве российских регионов на протяжении новой истории страны (с 1992 года) наблюдалась депопуляция. В то же время регионы заметно дифференцированы – от самых демографически неблагополучных до балансирующих на грани депопуляции и естественного прироста (Рыбаковский, 2024). Северо-Западный федеральный округ (СЗФО) по сравнению с другими округами демонстрирует самые неблагоприятные показатели воспроизводства населения – нетто-коэффициента воспроизводства (НКВ) – 0,603 в 2022 году¹, коэффициента естественной убыли – -4,5 на 1000 чел. населения², суммарного коэффициента рождаемости (СКР) – 1,24 в 2023 году³. Регионы округа занимают последние позиции среди всех субъектов РФ по перечисленным индикаторам: Ленинградская область – по уровню СКР (0,88 в 2023 году) и НКВ (0,417 в 2022 году), Псковская область – по уровню коэффициента естественной убыли (-10,0 на 1000 чел. населения). Кроме того, СЗФО наряду с Центральным федеральным округом демонстрирует наиболее высокие показатели старения – доля населения в возрасте 65 лет и старше составила 18% на начало 2024 года⁴. В то же время субъекты округа входят в число лидеров по численности населения: г. Санкт-Петербург занимает 4-е место (5 597,8 тыс. человек на начало 2024 года⁵), а также по коэффициенту миграционного прироста населения: Ленинградская область находится на третьем месте (11,4 на 1000 чел. населения в 2023 году⁶). Наблюдаемая неоднородность демографической ситуации обуславливает необходимость ее интегральной оценки, причем как с учетом количественных демографических ресурсов, так и их качественных характеристик. Категорией, объединяющей в себе перечисленные критерии, является демографический потенциал территорий. Цель исследования заключалась в оценке демографического потенциала регионов СЗФО, а также выявлении тенденций в динамике его ключевых компонент.

¹ Демографический ежегодник России 2023: стат. сборник // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207>

² Естественное движение населения Российской Федерации за 2023 год: стат. бюллетень // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13269>

³ Суммарный коэффициент рождаемости // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517>

⁴ Численность и миграция населения Российской Федерации // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283>

⁵ Там же.

⁶ Численность и миграция населения Российской Федерации // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283>

Под демографическим потенциалом территории в данной работе понимается демографический ресурс, выражающийся в характеристиках численности населения и компонент ее динамики, воспроизводства и миграции, демографических структур и качественных параметров населения, которые способны обеспечить положительную демографическую динамику территории. При этом он не сводится к количественному демографическому ресурсу (численности населения и ее распределению по территории, естественному и миграционному движению), а также отражает способность населения к воспроизводству (смене поколений в результате соотношения рождаемости и смертности), поскольку его режим напрямую определяет характер динамики численности населения. В свою очередь, способность к воспроизводству зависит от состояния возрастной, половой структур населения и качества его здоровья (Короленко, 2025).

Материалы и методы

Оценка демографического потенциала территорий проводилась посредством авторской индексной методики, учитывающей его количественную и качественную составляющие, в рамках которой предложен расчет двух интегральных индексов демографического потенциала – количественного (ИКлДП) и качественного (ИКчДП). На первом этапе формировался набор показателей для конструирования индексов (априорного и апостериорного), на втором – производился их расчет. Для вычисления ИКлДП были привлечены основные показатели численности населения, ее пространственного размещения и динамики (численность постоянного населения и темпы его изменения, плотность населения, рождаемость, смертность, естественный и общий прирост), воспроизводства населения (коэффициент депопуляции, НКВ, СКР) и миграции (коэффициенты сальдо миграции, интенсивности по прибытию и выбытию, эффективности миграции). Для оценки ИКчДП использовались ключевые индикаторы половозрастной структуры (индекс старения, коэффициенты демографической нагрузки населением младше и старше трудоспособного возраста, соотношение численности мужского и женского населения (в т. ч. репродуктивного возраста), доля женщин репродуктивного возраста) и здоровья населения (ожидаемая продолжительность жизни (в т. ч. здоровой), годы жизни в состоянии нездоровья, коэффициенты смертности от болезней системы кровообращения, новообразований и внешних причин). В качестве метода свертки частных переменных в интегральные индексы выбран метод главных компонент. Индексы ИКлДП и ИКчДП принимают значения от 0 (самые неблагоприятные параметры демографического потенциала) до 1 (самые благоприятные параметры демографического потенциала) (Короленко, 2025).

Расчет индексов производился с помощью языка R в программе R-Studio. Период наблюдения составил 5 лет (2019–2023 гг.). В качестве информационной базы выступили статистические данные Росстата, а именно статистические бюллетени «Численность и миграция населения Российской Федерации»⁷, «Естественное движение населения Российской Федерации»⁸, а также данные Единой межведомственной информационно-статистической системы⁹.

Результаты

Количественный демографический потенциал. Расчеты показали, что в 2023 году среди регионов СЗФО по величине ИКлДП лидировали г. Санкт-Петербург (0,498) и Ненецкий АО (0,493), тогда как самое низкое его значение отмечалось в Псковской области (0,192; рис. 1). Примечательно, что в 2019 году абсолютным лидером по значению индекса был Санкт-Петербург (0,504), а в последующие два года – Ненецкий АО (0,599 в 2020 году и 0,566 в 2021 году). Псковская область демонстрировала самый низкий показатель на протяжении всего периода, за исключением 2021 года, когда ее место занимала Новгородская область (0,146).

⁷ Численность и миграция населения Российской Федерации // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283>

⁸ Естественное движение населения Российской Федерации // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13269>

⁹ ЕМИСС // Росстат. URL: <https://www.fedstat.ru/>

По сравнению с 2019 годом в 2023 году индекс количественного демографического потенциала вырос в большинстве субъектов СЗФО, наиболее заметно – в Новгородской области (на 48%). Исключением стал лишь г. Санкт-Петербург, в котором ИКлДП хоть и незначительно, но снизился. Переломным моментом в динамике индекса стал 2021 год, после которого он сократился в большинстве субъектов СЗФО, что обусловлено негативным влиянием пандемии COVID-19. Самое выраженное снижение в период с 2021 по 2023 год отмечалось в Республике Коми (на 23%), Псковской и Калининградской областях (на 21 и 19% соответственно). В то же время увеличение ИКлДП в этот период наблюдалось в Новгородской и Ленинградской областях (на 31 и 18% соответственно) и в г. Санкт-Петербурге (на 4%). Вологодская область в 2023 году находилась на 7 месте по величине ИКлДП среди 11 субъектов СЗФО. С 2019 года индекс в регионе вырос на 27%, однако по сравнению с 2021 годом его значение, наоборот, сократилось на 18%.

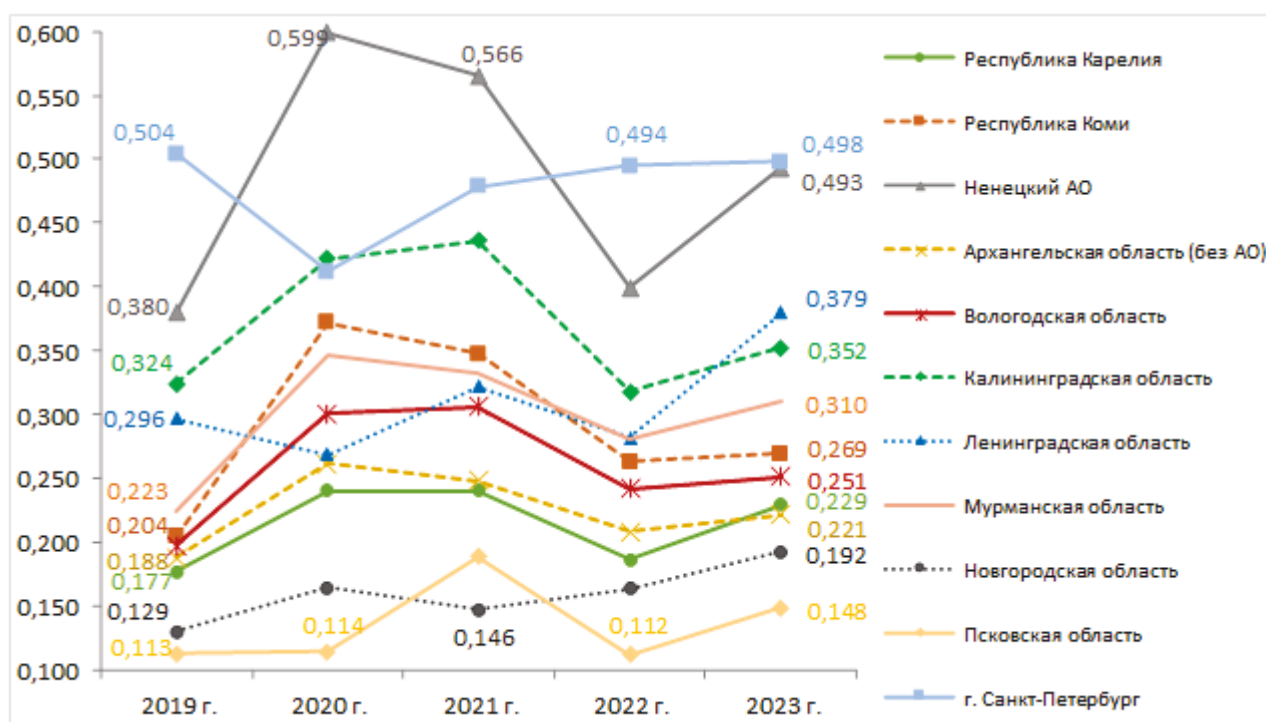

Рис. 1. Динамика индекса количественного демографического потенциала (ИКлДП) в регионах СЗФО в 2019–2023 гг.

Источник: составлено по расчетам автора.

Качественный демографический потенциал. В 2023 году среди регионов СЗФО наибольшее значение ИКчДП отмечалось в г. Санкт-Петербурге (0,446), тогда как наименьшее – в Псковской области (0,207; рис. 2). Санкт-Петербург также лидировал в рейтинге субъектов округа по величине индекса в 2020–2022 гг., а в 2019 году первое место занимал Ненецкий АО (0,393). Псковская область на протяжении всего анализируемого периода демонстрировала самые низкие его значения. В 2023 году Вологодская область занимала пятое место среди субъектов СЗФО по величине ИКчДП. С 2019 года его значение в регионе выросло на 23%.

С 2019 по 2023 год индекс качественного демографического потенциала вырос во всех субъектах СЗФО, наиболее заметно – в Ленинградской и Псковской областях (на 52 и 42% соответственно). Однако по сравнению с 2021 годом ИКчДП сократился в нескольких регионах – Мурманской и Архангельской областях (на 8 и 7% соответственно), Республике Коми (на 6%).

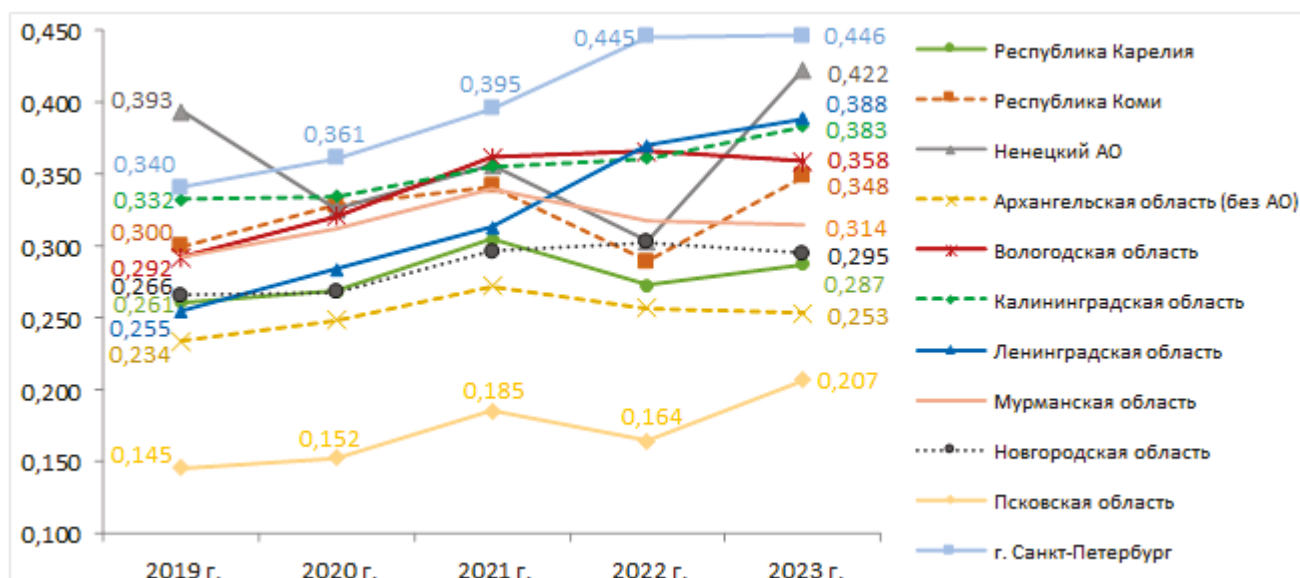

Рис. 2. Динамика индекса качественного демографического потенциала (ИКЧДП) в регионах СЗФО в 2019–2023 гг.

Источник: составлено по расчетам автора.

С целью сопоставления положения регионов по индексам ИКЛИН и ИКЧИН проводились группировки регионов СЗФО по величине каждого из них, а затем строились матрицы сопряжения индексов. В результате из 9 возможных комбинаций соотношения индексов было выявлено 5 вариантов в 2019 году (табл. 1) и 4 варианта в 2023 году (табл. 2). В 2019 году, как и в 2023 году 7 из 11 регионов СЗФО имели средние уровни количественного и качественного демографического потенциала (Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Вологодская области, республики Карелия и Коми в 2019 и 2023 гг. и Архангельская область в 2019 году и Новгородская область в 2023 году). В число субъектов с высокими значениями ИКЛИН и ИКЧИН в 2019 году входил Ненецкий АО, в 2023 году к автономному округу присоединился г. Санкт-Петербург. В группе субъектов с низкими уровнями обоих индексов и в 2019 году, и в 2023 году находилась Псковская область.

Некоторые регионы СЗФО продемонстрировали рассогласование уровней индексов демографического потенциала: высокий ИКЛДП и средний ИКЧДП (г. Санкт-Петербург в 2019 году), низкий ИКЛДП и средний ИКЧДП (Новгородская область в 2019 году), средний ИКЛДП и низкий ИКЧДП (Архангельская область в 2023 году).

Таблица 1. Матрица регионов России по соотношению ИКЛДП и ИКЧДП, 2019 год

		Индекс количественного ДП (ИКЛДП)		
		Высокий (выше 0,366)	Средний (от 0,131 до 0,366)	Низкий (ниже 0,131)
Индекс качественного ДП (ИКЧДП)	Высокий (выше 0,347)	(1) Ненецкий АО	–	–
	Средний (от 0,219 до 0,347)	(1) г. Санкт-Петербург	(7) Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Вологодская, Архангельская области, респуб- лики Коми, Карелия	(1) Новгородская область
	Низкий (ниже 0,219)	–	–	(1) Псковская область

Источник: составлено автором.

Таблица 2. Матрица регионов России по соотношению ИКлДП и ИКчДП, 2023 год

		Индекс количественного ДП (ИКлДП)		
		Высокий (выше 0,420)	Средний (от 0,188 до 0,420)	Низкий (ниже 0,188)
Индекс качественного ДП (ИКчДП)	Высокий (выше 0,409)	(2) г. Санкт-Петербург, Ненецкий АО	–	–
	Средний (от 0,264 до 0,409)	–	(7) Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Вологодская, Новгородская области, республики Коми, Карелия	–
	Низкий (ниже 0,264)	–	(1) Архангельская область	(1) Псковская область
Источник: составлено автором.				

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволил сделать выводы о состоянии и тенденциях в динамике количественной и качественной компонент демографического потенциала регионов Северо-Западного федерального округа. Субъекты СЗФО значительно дифференцированы по величине индексов количественного и качественного демографического потенциала, но наибольший региональный разрыв (между максимальным и минимальным значением) отмечается в ИКлДП (3,4 раза в 2023 году против 2,2 раза в ИКчДП). Наиболее благоприятные параметры количественного демографического потенциала на протяжении 2019–2023 гг. демонстрировали два региона: г. Санкт-Петербург и Ненецкий АО, в то время как качественного демографического потенциала преимущественно г. Санкт-Петербург. В то же время антилидером по количественным и качественным характеристикам демографического потенциала на протяжении всего анализируемого периода была Псковская область. Вологодская область по величине ИКлДП занимает нижние позиции в рейтинге субъектов СЗФО, в то время как по ИКчДП, напротив, находится в верхней его половине.

С 2019 по 2023 год в большинстве регионов СЗФО (за исключением Санкт-Петербурга) индекс количественного демографического потенциала вырос. Однако по сравнению с 2021 годом в 8 из 11 субъектов зафиксировано его снижение, что, вероятно, связано с ухудшением параметров воспроизводства и нарастанием естественной убыли населения в период пандемии коронавирусной инфекции. За анализируемый период индекс качественного демографического потенциала увеличился во всех без исключения регионах СЗФО. Рост обоих индексов свидетельствует об улучшении параметров воспроизводства и качественных демографических характеристик населения.

В большинстве субъектов СЗФО уровни обоих индексов демографического потенциала согласуются, что говорит о тесной взаимосвязи количественной и качественной компонент как вследствие их взаимообусловленности (количество населения определяет его качество, или, наоборот, качество определяет количество), так и общности их детерминант (временного фактора, уровня социально-экономического развития региона, качества жизни населения, проводимой демографической политики и пр.) (Короленко, 2025).

Индексная методика служит инструментом выявления проблем сохранения демографического потенциала, а ее результаты выступают научно обоснованной базой для политики в области управления территориальным развитием. Кроме того, она может лечь в основу мониторинга демографической ситуации в российских регионах и оценки результативности проводимой в них демографической политики.

Библиографический список

1. Короленко А.В. (2025). Демографический потенциал территорий: подходы к оценке и опыт измерения // Проблемы развития территории. Т. 29. № 6. С. 169–191. DOI: 10.15838/ptd.2025.6.140.10
2. Рыбаковский О.Л. (2024). Воспроизводство населения регионов России в 1992–2024 гг.: итоги, компоненты, факторы // Народонаселение. Т. 27. № 4. С. 4–17. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-4-17

Информация об авторе

Александра Владимировна Короленко – старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Гоголя, д. 56а; e-mail: coretra@yandex.ru)

Korolenko A.V.

DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF THE NORTHWESTERN FEDERAL DISTRICT REGIONS: STATUS AND TRENDS

Abstract. *The study assessed the state and trends of the demographic potential of the Northwestern Federal District regions. The calculation of integral indices of demographic potential – quantitative (IqnDP) and qualitative (IqlDP) was carried out, regions were grouped according to their ratio. The information base was the official data of Rosstat for 2019–2023.*

Keywords: *demographic potential of territories, quantitative and qualitative components, index methodology, grouping, regions of the Northwestern Federal District.*

About the author

Aleksandra V. Korolenko – Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gogol Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: coretra@yandex.ru)

References

1. Korolenko A.V. (2025). Demographic potential of territories: assessment approaches and measurement experience. *Problems of territory's development*, 29(6), 169–191. DOI: 10.15838/ptd.2025.6.140.10
2. Rybakovsky L.L. (2024). Reproduction of the population of the regions of Russia in 1992–2024: Results, components, factors. *Population*, 27(4), 4–17. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-4-17

ФОРМИРОВАНИЕ ПАКЕТА МЕР СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ С УЧЕТОМ РЕСУРСНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕМЬИ И НАМЕРЕНИЙ

Аннотация. *Статья посвящена анализу значимости мер социально-демографической политики для населения. Эмпирическая база исследования - результаты мониторинга репродуктивного потенциала жителей Вологодской области, проводимого ФГБУН ВолНЦ РАН (N = 1500). Проанализирована оценка населением различных мер государственной поддержки семей с детьми в зависимости от желаемого и планируемого числа детей. Сделан вывод о необходимости дифференцированного подхода к формированию мер демографической политики.*

Ключевые слова: *демографическая политика, репродуктивные намерения, ресурсное обеспечение семьи.*

Понятие «демографическая политика» сформировалось в 1980-х гг. В СССР до 1985 года использовался термин «политика народонаселения», определяемый Д.И. Валентеем как инструмент влияния на социальную мобильность и профессиональную структуру (Валентей, 1989). Современное определение по Л.Л. Рыбаковскому подразумевает систему мер, направленных на достижение целевых демографических показателей через согласованные действия власти и общества (Рыбаковский, 2005).

В структуре социально-демографической политики особое место занимает семейная политика, которая представляет собой систему государственных мер, направленных на укрепление института семьи, повышение уровня ее социально-экономической защищенности и создание условий для реализации репродуктивных намерений населения. Одним из ключевых факторов, определяющих репродуктивное поведение семьи, является уровень ее ресурсного обеспечения, которое представляет собой совокупность материальных, жилищных, трудовых, социальных и временных ресурсов, определяющих ее возможности по рождению, содержанию и воспитанию детей.

Вопрос эффективности мер демографической политики является актуальным в связи с необходимостью выявления из них наиболее действенных. О.Н. Калачикова и В.Н. Архангельский отмечают, что в настоящее время достаточно сложно проводить оценку какой-либо одной меры демографической политики, поскольку неизбежно проявляется их синергия (Калачикова, Архангельский, 2025). В этой связи особую значимость приобретает анализ стратегий перехода от малодетности к многодетности, поскольку именно рождение второго и последующих детей в значительной степени определяет динамику суммарного коэффициента рождаемости.

В отечественной научной литературе отмечается, что формирование стратегии перехода к многодетности определяется совокупностью экономических, институциональных и ценностных факторов. Так, Т.К. Ростовская и А.М. Ситковский рассматривают многодетную многопоколенную семью как важный ресурс демографического развития, подчеркивая значение системной государственной поддержки и межпоколенной взаимопомощи в воспитании детей (Ростовская, Ситковский, 2025). Е.К. Журавлева и О.А. Копцева выделяют ряд «опорных точек» многодетности, среди которых ценностные установки семьи, тип внутрисемейных отношений и социально-экономические условия жизнедеятельности (Журавлева, Копцева, 2024). В.Н. Архангельский, в свою очередь, отмечает, что изменение структуры и календаря рождаемости требует корректировки мер демографической политики с учетом реальных репродуктивных установок населения (Архангельский, 2013).

Таким образом, анализ научной литературы показывает, что реализация репродуктивных намерений населения во многом определяется совокупностью социально-экономических условий и мер государственной поддержки семей с детьми. В связи с этим особый интерес представляет изучение восприятия населением различных инструментов демографической политики и их значимости для реализации репродуктивных планов.

Эмпирической базой настоящего исследования являются результаты мониторинга репродуктивного потенциала и поведения населения Вологодской области, проводимого ФГБУН ВолНЦ РАН с 2005 года методом массового анкетного опроса населения репродуктивного возраста. Объем выборки – 1500 человек. Выборка квотная по полу, возрасту и типу поселения. Предельная ошибка выборки не превышает 5%.

В 2025 году восприятие роли государства при реализации репродуктивной функции семьи большинством опрошенных вновь находится в рамках концепции политики поддержки (46,7%; *рис. 1*); 38% респондентов полагают, что государство должно вести проактивную работу и мотивировать семьи к деторождению; политику невмешательства поддерживает 15% вологжан.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Среди мнений о демографической политике государства выберите одно, с которым Вы в наибольшей мере согласны», %
 Источник: данные мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН (N = 1500).

Значимость реализуемых мер демографической политики в сфере поддержки семей с детьми существенно варьируется в зависимости от репродуктивных установок населения (*табл. 1*). Анализ полученного рейтинга действующих в настоящее время государственных мер поддержки семей, которые могли бы позволить (или уже позволили) иметь столько детей, сколько хотят респонденты, показывает, что восприятие эффективности различных инструментов государственной поддержки определяется как желаемым, так и планируемым числом детей.

Так, для респондентов, ориентированных на рождение первого или второго ребенка, значимую роль играют меры финансового стимулирования, прежде всего федеральный материнский (семейный) капитал. Данная мера рассматривается как один из ключевых инструментов поддержки на начальных этапах формирования семьи и принятия решения о рождении первого или второго ребенка. Вместе с тем среди респондентов, ориентированных на многодетность, федеральный материнский капитал не входит в число наиболее значимых мер, что свидетельствует о различиях в потребностях семей на разных этапах жизненного цикла. Для семей, планирующих первого ребенка, важно учитывать финансовую поддержку в виде пособия по беременности и родам, которое составляет 100% средней зарплаты за последние 24 месяца. Кроме того, значительную роль играют компенсации расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, а также помощь многодетным семьям в приобретении твердого топлива и сжиженного газа. Эти меры социальной поддержки способствуют улучшению финансового положения семей и созданию более комфортных условий для воспитания детей.

Для семей, планирующих рождение троих и более детей, более высокую значимость приобретают меры, направленные на создание условий для совмещения родительства и трудовой занятости, а также на снижение повседневных расходов, связанных с воспитанием детей. В частности, среди наиболее значимых мер для данной группы респондентов выделяются: предоставление места ребенку в детском саду или яслях, ежемесячные выплаты и пособия на детей, а также налоговые льготы для работающих родителей. Это указывает на то, что для реализации многодетных репродуктивных планов важны не только единовременные выплаты, но и устойчивые механизмы поддержки, обеспечивающие долгосрочную финансовую стабильность семьи. Для многодетных семей особую значимость приобретают меры регулярной материальной поддержки. В отличие от единовременных выплат такие меры обеспечивают более стабильную финансовую поддержку на протяжении длительного периода, что особенно важно при увеличении числа детей в семье и росте совокупных расходов на их содержание и воспитание. В то же время меры, ориентированные на ограниченные категории получателей, такие как выплаты семьям военнослужащих, занимают сравнительно низкие позиции в рейтинге для большинства групп респондентов. Это связано с тем, что данные инструменты поддержки охватывают лишь небольшую часть семей и, соответственно, оказывают менее заметное влияние на репродуктивные установки населения в целом.

Таблица 1. Рейтинг действующих в настоящее время государственных мер поддержки семей, которые могли бы позволить (или уже позволили) иметь столько детей, сколько хотят респонденты в зависимости от желаемого и планируемого числа детей

Мера поддержки	Желаемое число детей					Планируемое число детей				
	0	1	2	3	4+	0	1	2	3	4+
Предоставление места для ребенка в детском саду, яслях	14	19	5	1	3	23	20	4	1	19
Ежемесячное денежное пособие по уходу за ребенком до 1,5 лет	7	17	2	3	5	2	11	2	2	4
Налоговые льготы работающим родителям (стандартный налоговый вычет)	19	16	11	13	1	18	10	15	3	7
Пособие по беременности и родам («декретные») в размере 100% средней зарплаты, получаемой за последние 24 месяца	3	20	3	2	16	20	2	3	4	20
Предоставление автомобильного транспорта многодетным семьям, воспитывающим восемь и более детей	21	9	13	4	4	24	18	14	5	3
Компенсация расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг (ЕДК), на приобретение твердого топлива, сжиженного газа многодетным семьям	11	2	14	12	9	9	4	11	6	16
Льгота по транспортному налогу для многодетных семей (в отношении 1 транспортного средства по выбору налогоплательщика)	5	25	19	8	17	10	16	19	7	17
Предоставление семьям с тремя и более детьми земельных участков под строительство жилого дома (или денежной выплаты взамен земельного участка)	24	8	17	7	15	22	12	23	8	23
Увеличенные больничные по уходу за ребенком до 7 лет (100% среднего заработка родителя независимо от стажа)	15	4	15	5	14	12	22	13	9	8
Ежемесячная выплата до достижения ребенком возраста 3 лет (из средств материнского (семейного) капитала) в размере прожиточного минимума для детей в регионе	8	24	4	10	8	3	8	5	10	1
Федеральный материнский (семейный) капитал (с 2020 года на первого или последующих детей)	17	22	1	9	7	16	1	1	11	6
Единовременное пособие беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву	23	12	22	15	18	6	19	22	12	21
Материнский (семейный) капитал, установленный в регионе (в связи с рождением (усыновлением) 3-го ребенка или последующих детей)	9	1	8	6	6	21	3	8	13	11
Выплата женщине при рождении первого ребенка до 25 лет (100 тыс. руб.)	18	18	12	14	10	1	13	10	14	13
Льготные ипотечные программы для семей («Семейная ипотека», «Вологодская семейная ипотека»)	20	11	10	11	24	25	25	12	15	2
Дополнительное единовременное пособие (малоимущим родителям (усыновителям) при рождении (усыновлении) второго, третьего ребенка	10	21	7	20	12	17	9	9	16	14
Ежемесячное пособие в связи с рождением и воспитанием ребенка в размере 50, 75 или 100% величины прожиточного минимума для детей в регионе (до достижения ребенком возраста 17 лет)	2	6	6	19	11	4	15	7	17	25
Единовременное пособие при рождении ребенка (одному из родителей (опекуну) в случае, если оба родителя (опекуна) не работают, обучаются очно или являются индивидуальными предпринимателями. Размер по области: 30982,97 руб., в г. Череповец: 33677,14 руб.	22	7	23	22	21	7	6	21	18	22
Ежемесячная денежная компенсация оплаты найма (поднайма) жилого помещения молодой семье с детьми (50% при рождении с 1.01.2025 первого ребенка, 70% при рождении с 1.01.2025 2-го и последующих детей, но не более 20 тыс. руб.)	12	3	24	18	2	11	23	20	19	18
Ежемесячная выплата в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка в период с 01.01.2018 до 01.01.2023 в размере прожиточного минимума для детей в регионе (до достижения ребенком 3 лет)	1	13	9	23	22	13	24	6	20	9
Предоставление денежной компенсации за оплату детского сада (на 1-го ребенка – 20% размера родительской платы, на 2-го – 50%, на 3-го – 75%)	25	15	21	21	20	8	7	24	21	15
Единовременная денежная выплата при рождении 3-го или последующего ребенка в молодой семье (возраст обоих родителей до 35 лет включительно) в период с 1.01.2025 по 31.12.2027	4	10	20	16	19	5	5	16	22	12
Ежемесячная денежная выплата на третьего и каждого последующего ребенка (рожденных с 01.01.2013 по 31.12.2022) в размере прожиточного минимума для детей в регионе (до достижения ребенком 3-х лет)	6	23	18	24	13	14	14	18	23	10
Выплата 500 тыс. руб. на улучшение жилищных условий для многодетных семей	13	14	16	17	25	19	21	17	24	24
Ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву	16	5	25	25	23	15	17	25	25	5

Примечание: оценка значимости каждой меры по 5-балльной шкале от «1» – не имеет значения до «5» – имеет очень большое значение, рейтинг построен по доле суммы респондентов, выбравших «4» и «5» баллов, отранжировано по планирующим иметь троих детей.
Источник: данные мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН (N = 1500).

Таким образом, структура значимости мер государственной поддержки существенно меняется по мере роста планируемого числа детей в семье. Если на ранних этапах формирования семьи наибольшее значение имеют меры единовременного финансового стимулирования, то для реализации многодетных репродуктивных планов ключевую роль начинают играть меры, направленные на создание устойчивых социально-экономических условий жизнедеятельности семьи, включая доступность инфраструктуры ухода за детьми, развитие системы регулярных денежных выплат.

Учет данных различий представляется важным при формировании комплексной демографической политики, ориентированной на поддержку семей с различными репродуктивными установками и стимулирование перехода от малодетной к многодетной модели семьи. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости дифференцированного подхода к формированию пакета мер демографической политики, учитывающего различия в репродуктивных намерениях и ресурсном обеспечении семей.

Библиографический список

1. Архангельский В.Н. (2013). Репродуктивные намерения и их реализация в современной России // *Народонаселение*. № 2. С. 46–56.
2. Валентей Д.И. (1989). Теория и политика народонаселения. Москва: Мысль. 271 с.
3. Журавлева Е.К., Копцева О.А. (2024). Опорные точки многодетности в условиях трансформации современной России // *Народонаселение*. Т. 27. № 3. С. 130–143.
4. Калачикова О.Н., Архангельский В.Н. (2025). Оценка влияния регионального материнского (семейного) капитала на рождаемость населения // *Социальное пространство*. Т. 11. № 2. DOI: 10.15838/sa.2025.2.46.6
5. Ростовская Т.К., Ситковский А.М. (2025). Многодетная многопоколенная семья как ключевой ресурс новой долгосрочной стратегии демографического развития России // *Вестник Российской академии наук*. Т. 95. № 4. С. 367–377.
6. Рыбаковский Л.Л. (2025). Демографическая политика: сущность, структура, опыт разработки. Москва: ИСПИ РАН. 256 с.

Информация об авторе

Алина Алексеевна Ларина – лаборант–исследователь, магистрант, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, e-mail: alallarina@mail.ru)

Larina A.A.

FORMATION OF A PACKAGE OF SOCIAL AND DEMOGRAPHIC POLICY MEASURES TAKING INTO ACCOUNT THE RESOURCE PROVISION OF THE FAMILY AND INTENTIONS

Abstract. *This article analyzes the significance of socio-demographic policy measures for the population. The empirical basis of the study is the results of a monitoring study of the reproductive potential of residents of the Vologda Oblast conducted by the VolSC RAS (N = 1,500). The article analyzes how the population assesses various government support measures for families with children, based on their desired and planned number of children. It concludes that a differentiated approach to the development of demographic policy measures is necessary.*

Keywords: *demographic policy, reproductive intentions, family resource provision.*

About the author

Alina A. Larina – Laboratory assistant and Researcher, Master Degree student, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: alallarina@mail.ru)

References

1. Arkhangelsky V.N. (2013). Reproductive intentions and their implementation in modern Russia. *Population*, 2, 46–56.
2. Valentey D.I. (1989). Theory and policy of population. Moscow: Mysl'.
3. Zhuravleva E.K., Koptseva O.A. (2024). Reference points of large families in the context of the transformation of modern Russia. *Population*, 27, 3, 130–143.
4. Kalachikova O.N., Arkhangelsky V.N. (2025). Assessing the impact of regional maternal (family) capital on the birth rate. *Social Space*, 11, 2. DOI: 10.15838/sa.2025.2.46.6
5. Rostovskaya T.K., Sitkovsky A.M. (2025). Large multi-generational family as a key resource of the new long-term strategy of demographic development of Russia. *Bulletin of the Russian academy of sciences*, 95, 4, 367–377.
6. Rybakovsky L.L. (2005). Demographic Policy: Essence, Structure, Development Experience. Moscow: ISPI RAS.

ЗАБОТА РОССИЯН О МЕНТАЛЬНОМ ЗДОРОВЬЕ: ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. На основе анализа данных всероссийских опросов, а также собственного эмпирического исследования, проведенного в Пермском крае ($N = 6192$), выявлены общие тенденции самосохранительных практик заботы о ментальном здоровье (приоритет физических и рекреационных практик) и различия (низкая распространенность психологических практик в Пермском крае относительно Российской Федерации в целом). Актуализируется потребность в создании инфраструктуры и привлечении граждан к реализации физических, духовных, социальных и рекреационных практик.

Ключевые слова: ментальное здоровье, психологическая помощь, стресс, копинг-стратегии.

В течение последних нескольких лет все чаще отмечается тенденция к восприятию усталости и высокой психоэмоциональной нагрузки как хронического жизненного фона. Цифровизация, информатизация и социальная нестабильность увеличивают риск развития нарушений ментального здоровья граждан¹.

Например, в 2026 году лишь каждый десятый россиянин (10%) рассказал о том, что всегда высыпается и чувствует себя отдохнувшим после предыдущего дня, что демонстрирует хронический недостаток полноценного отдыха среди населения². Усталость, как правило, связана именно с психоэмоциональным перенапряжением: нервной, ответственной работой (34%) и большим количеством психологически тяжелых ситуаций (32%). Физическое перенапряжение только на третьем месте данного рейтинга (25%)³. Таким образом, мы можем отметить тенденцию преобладания негативного влияния внешних факторов на психологическое здоровье, а не на физическое. В данной ситуации важно принимать меры, направленные на мотивирование населения к заботе не только о своем физическом, но и ментальном здоровье (Семелева, Плигина, 2025).

Цель исследования заключается в выявлении заинтересованности граждан в заботе о своем ментальном здоровье, а также описании конкретных профилактических практик среди населения РФ и Пермского края.

Интерпретация категории ментального здоровья в работе основана на подходе К. Рифф и К. Кейес, определивших его как совокупность характеристик психического (наличие/отсутствие психических отклонений, посещение специалистов, личные практики заботы о психическом здоровье), эмоционального (состояние удовлетворенности, счастье, интерес к жизни, свобода действий, наличие целей и ценностей) и социального (хорошие взаимоотношения с окружающими, ощущение себя частью общества) компонентов (Ryff, Keyes, 1995).

В ходе собственного эмпирического социологического исследования на региональном уровне сотрудниками ГБУЗ Пермского края «Центр общественного здоровья и медицинской профилактики» был проведен массовый опрос среди жителей 43 муниципальных образований края. В исследовании приняли участие 6 192 человека: 55% – женщин, 45% – мужчин. Среди них 22% – молодежь в возрасте 18–34 лет, 47% – представители возрастной категории 35–59 лет, 31% – 60 лет и старше. 36% респондентов имеют основное образование (9–11 классов), 41% – среднее профессиональное, 23% – высшее.

¹ Усталость и как с ней бороться. ВЦИОМ. Аналитический обзор от 30.10.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ustalost-i-kak-s-nei-borotsja> (дата обращения: 17.03.2026).

² Только 8% россиян почти всегда чувствуют себя спокойно. НАФИ. Аналитический обзор от 26.01.2026. URL: <https://nafi.ru/analytics/issledovanie-nafi-tolko-8-rossiyan-pochti-vsegda-chuvstvuyut-sebya-spokoyno/> (дата обращения: 17.03.2026).

³ Там же.

Онлайн-анкетирование реализовано с использованием сервиса «Яндекс.Формы», анализ данных осуществлен с помощью статистического пакета SPSS Statistics 27.0. Для анализа ситуации на уровне РФ были использованы данные всероссийских опросов полстерских организаций ВЦИОМ и ФОМ.

Представление результатов исследования начнем с вопроса о том, какие практики предполагает забота о ментальном здоровье. В целом, респондентами были отмечены: ведение здорового образа жизни, избегание стресса, комфортное общение с людьми, разграничение работы и семейной жизни. Однако есть и ответы, демонстрирующие недостаточную информированность: «Не знаю как о нем нужно заботиться», «Зачем о нем заботиться? Дел и так много других». На данный момент осознанно и целенаправленно о своем ментальном здоровье заботятся лишь 29% опрошенных. Каждый четвертый (26%) заботится о нем «косвенно» (ведет ЗОЖ с целью заботы о физическом здоровье, избегает конфликтов и стрессовых ситуаций с целью сохранения комфортного состояния), что еще раз свидетельствует о том, что, реализуя самосохранительные для ментального здоровья практики, россияне воспринимают их таковыми. Для изменения ситуации в данном случае необходимо улучшение работы системы информирования населения.

Обратим внимание и на то, что 45% респондентов не заботятся о своем ментальном здоровье. При этом, в большей степени, к осознанной заботе склонны женщины (гамма = 0,301 при $p < 0,001$), представители более молодой возрастной категории (р-Спирмена = -0,319 при $p < 0,001$) и опрошенные, имеющие высшее образование (р-Спирмена = -0,408 при $p < 0,001$). Именно эти социальные группы сегодня чаще других рефлексировать о своем эмоциональном состоянии и готовы к открытому обсуждению психологических проблем. Влияние семейного и материального положения не выявлено, следовательно, установка на заботу о ментальном здоровье не зависит от уровня дохода и семейного статуса.

Таким образом, на формирование самосохранительного поведения влияют гендерный, возрастной и образовательный фактор, что необходимо учитывать при дальнейшей разработке управленческих решений. Рейтинг популярности копинг-стратегий в Пермском крае и в РФ различается (табл. 1). Отметим, что в исследовании ВЦИОМ данный вопрос предлагался в формате открытого, в собственном эмпирическом исследовании как неальтернативный множественный. Следовательно, в работе сравнивается лишь популярность копинг-стратегий, а не их распространенность.

Таблица 1. Практики борьбы со стрессом, используемые населением РФ и Пермского края

Способ борьбы со стрессом	ВЦИОМ, 2024 год, %	Пермский край, 2025 год, %
Пытаюсь успокоиться, анализирую ситуацию, ищу выход	17	40
Музыка/фильмы/книги	14	60
Гуляю	11	50
Физические упражнения	6	53
Прием успокоительных	6	26
Общаюсь с близкими/друзьями	6	20
Алкоголь	6	22
Сплю	5	15
Отдыхаю	5	15
Работаю	4	25
Заедаю	3	9
Курю	3	4
Источник: ВЦИОМ. Аналитический обзор от 15.04.2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/upravlenie-stressom ; данные социологического исследования ГБУЗ ПК «ЦОЗМП».		

По данным ВЦИОМ, наиболее часто используемыми практиками в РФ являются самоанализ проблем (17%), прослушивание музыки/просмотр фильмов/сериалов/чтение книг (14%) и прогулки (11%)⁴. Среди населения Пермского края чаще остальных упоминаются прослушивание музыки/просмотр фильмов/сериалов/чтение книг (60%), физические упражнения (53%) и прогулки (50%).

Отдельно в исследованиях была рассмотрена практика обращения к специалисту за психологической помощью. Так, к психологу в 2024 году обращались лишь 10% россиян и 17% жителей Пермского края.

Данные практики были сгруппированы следующим образом:

- Психологические практики: посещение специалиста (психолога, психотерапевта), «пытаюсь успокоиться», анализирую проблему, ищу выход из ситуации.
- Рекреационные практики: отдых + сон + прослушивание музыки/просмотр фильмов/сериалов/чтение книг + хобби.
- Физические практики: спорт + прогулки.
- Деструктивные практики: «заедание» стресса + алкоголь + курение.
- Социальные практики: общение с друзьями/близкими.
- Духовные практики: «молюсь» + посещение церкви/храма.

Популярность использования отдельных групп практик представлена на *рисунке 1*.

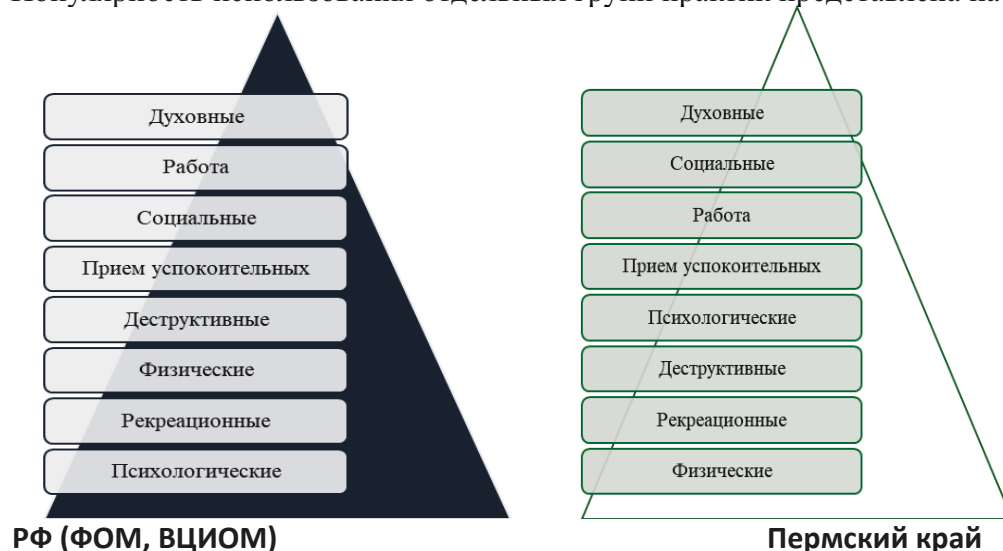

Рис. 1. Иерархическая последовательность используемых групп практик заботы о ментальном здоровье в РФ и Пермском крае.

Источник: составлено автором на основе данных ВЦИОМ.

Исходя из полученных выше данных, можно сделать вывод о том, что в топ-3 на в обоих этапах исследования входят физические практики и рекреационные. Психологические практики, находящиеся на первом месте в опросах ФОМ и ВЦИОМ, в рейтинге Пермского края находятся только на четвертом месте. Важно отметить, что высокая распространенность деструктивных практик (третья и четвертая позиция) является индикатором неспособности граждан справляться со стрессом здоровыми способами.

Пермяки в большей степени склонны к активным копинг-стратегиям, что, вероятно, можно объяснить относительно высоким уровнем развития и доступности спортивной инфраструктуры, а также активным проведением массовых спортивных мероприятий. Но психологическая помощь и самостоятельный анализ проблем для жителей Пермского края менее актуален, что свидетельствует об относительно низком уровне доступности психологической помощи и доверия специалистам, а также о недостаточной информированности о важности этой практики и способах самопомощи.

⁴ Управление стрессом. ВЦИОМ. Аналитический обзор от 15.04.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/upravlenie-stressom> (дата обращения: 17.03.2026).

В ходе факторного анализа было выделено 4 группы переменных, объясняющих 61% дисперсии (КМО = 0,778; $p = 0,000$): 1) двигательная активность (прогулка + физическая активность); 2) вредные привычки (курение + алкоголь); 3) анализ и обсуждение проблемы (обсуждение проблемы с близкими + самостоятельный анализ проблемы); 4) пассивная борьба со стрессом и тревожностью («жду, когда пройдет само», «справлюсь сам»). К пассивным практикам заботы о ментальном здоровье чаще других склонны представители старшего поколения (ρ -Спирмена = 0,281; $p < 0,001$), они, как правило задумываются лишь о сохранении физического здоровья и стигматизируют ментальные нарушения.

Отмечается также наличие статистически значимой связи между использованием вредных привычек как копинг-стратегий и полом (коэффициент сопряженности = 0,289; $p < 0,001$): эта практика больше характерна для мужчин. Если женщины скорее склонны делиться с кем-либо своими проблемами, для представителей мужского пола это считается слабостью, и справляться со стрессом они предпочитают с помощью употребления алкоголя и курения. Значительное влияние других социально-демографических характеристик на выявленные группы практик не определено.

Таким образом, по результатам проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что на данный момент россияне нуждаются в дополнительном информировании о важности и способах заботы о ментальном здоровье и доступных каждому практиках. СМИ, образовательные организации, специалисты медицинских учреждений и другие заинтересованные социальные институты являются важнейшими агентами в данной работе.

Помимо повышения доступности психологической помощи, важно создавать и развивать условия для физических, социальных, рекреационных и духовных самосохранительных практик: увеличение количества спортивных объектов, мест для коллективного проведения досуга (библиотек, антикафе, общественных центров), массовых спортивных и культурных мероприятий. Необходимым компонентом является и работа СМИ, выполняющая функцию информированности населения о предлагаемых условиях и услугах.

Библиографический список

1. Семелева Е.В., Плигина Е.В. (2025). Ментальное здоровье населения России // Международный научно-исследовательский журнал. № 1 (151).
2. Ryff C.D., Keyes C.L. (1995) The structure of psychological well-being revisited. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69, 4, 719–727.

Информация об авторе

Анна Владиславовна Леухина – аспирант, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Российская Федерация, 614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15; e-mail: leukhina.av@yandex.ru)

Leukhina A.V.

RUSSIAN'S CARE FOR THEIR MENTAL HEALTH: NATIONAL AND REGIONAL TRENDS

Abstract. Based on the analysis of data from All-Russian surveys, as well as our own empirical research conducted in the Perm Region ($N = 6192$), general trends in self-preservation practices of mental health care (priority of physical and recreational practices), and differences (relatively low prevalence of psychological practices in the Perm Region relative to the Russian Federation as a whole) were identified. There is an urgent need to create infrastructure and involve citizens in the implementation of physical, spiritual, social and recreational practices.

Keywords: mental health, psychological help, stress, coping strategies.

About the author

Anna V. Leukhina – graduate student, Perm State National Research University (15, Bukireva Street, Perm, 614068, Russian Federation; e-mail: leukhina.av@yandex.ru)

References

1. Semelyova E.V., Pligina E.V. (2015). Mental health of the Russian population. *MNIZH*, 1(151).
2. Ryff C.D., Keyes C.L. (1995) The structure of psychological well-being revisited. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69, 4, 719–727.

СОХРАНЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕИЗБЫТКА НЕГАТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. Развитие цифровых технологий создает не только новые возможности, но и инструменты психологического воздействия на сознание и поведение людей. Избыток негативной информации делает информационную среду токсичной. В статье рассматривается влияние переизбытка негативной информации на психологическое здоровье людей и предлагаются способы повышения устойчивости к негативным информационным воздействиям для его сохранения.

Ключевые слова: информационная среда, токсичная информация, психологическое здоровье, молодежь, безопасность, личностные ресурсы.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Влияние демографических вызовов на трудоустроенность северных и арктических территорий: новые реалии XXI века» (№ ГР 125013001104-0, 2025–2027 гг.).

Люди нуждаются в информации. Под «информационной потребностью» подразумеваются биологическая (сенсорика), социально-психологическая (коммуникация) и индивидуально-психологическая потребности в информации. Если человеку сокращают привычный доступ к ней, то у него ухудшается психоэмоциональное состояние, появляется раздражительность, тревожность и т. п. (Яшалова и др., 2020). Подобное явление происходит также при избытке информации. Особенно, когда информационное поле становится токсичным из-за поступления через разные каналы больших объемов негативных новостей или информации, требующей незамедлительного реагирования. При этом может происходить намеренное или ненамеренное дезинформирование или предоставление вырванных из контекста отдельных фактов, что позволяет манипулировать сознанием людей и ведет к возникновению у них новых страхов и катастрофического мышления. Ухудшение психологического здоровья может спровоцировать развитие различных психических расстройств. На их появление влияет не только объем информации, но и ее качество (Фисун и др., 2019).

Нарушается целостность личности, что приводит к изменениям жизненных установок, структуры ценностей и мотивов, целей, нарушению структуры черт личности и мировоззрения (Ежевская, 2012). Очевидно, что развитие цифровых технологий ведет не только к развитию, но и к «новым формам психологических манипуляций, невиданным по охвату и глубине воздействия» (Нестик, 2017). Такие информационные воздействия также могут намеренно использоваться недружественными организациями с военно-политической целью. Они стараются разрушить волевое поведение людей с помощью вовлечения их в эмоциональный стресс. Их более долгосрочной целью является разобщение общества и разлом традиционной системы отношений путем навязывания ложных смыслов и подмены культурных ценностей (Шамрей и др., 2022).

В данной ситуации крайне актуальным становится формирование информационной культуры и психогигиены, поскольку не все люди обладают критическим мышлением, имеют навыки эффективного и безопасного информационного потребления (Суворова, Кухарев, 2020). Стоит при этом отметить, что в научной литературе по данной проблеме исследования немногочисленны.

Сегодня понятие «психологическое здоровье» часто используется как синоним понятия «психическое здоровье». Однако следует разграничивать эти понятия, т. к. они обозначают разные аспекты жизни человека. Психическое здоровье подразумевает отсутствие психических отклонений и заболеваний. А психологическое здоровье – это личностный аспект, включающий в себя общее благополучие и спокойствие человека, самопознание и равновесие между внутренним и внешним миром. Следовательно, можно сказать, что психологическое здоровье – это личностное здоровье. При этом понятия тесно взаимосвязаны.

Проблематикой психологического здоровья занимались отечественные и зарубежные ученые. Они рассматривают понятие с точки зрения полноты и богатства развития личности. Например, зарубежный психолог А.Г. Маслоу, рассматривающий психологическое здоровье как самоактуализацию личности, и И.В. Дубровина, которая ввела термин «психологическое здоровье» в оборот отечественной науки (Маслоу, 1997; Дубровина, 2000). О.В. Хухлаева описывает психологическое здоровье как гармонию между различными частями «Я», а также между человеком и внешней средой. Она считает, что психологически здоровый человек обладает духовностью и способен сочетать согласие с собой и активную позицию в жизни (Хухлаева, 2003).

Информационное пространство представляет собой среду, в которой создается, перемещается и потребляется информация. Формируют информационное пространство телевидение, радио, СМИ, интернет, социальные сети и т. д. Понятие включает в себя все, что может переносить смысл: тексты, изображения, звуки и др. Информационное пространство становится токсичным тогда, когда в нем становится слишком много негативных, фейковых и манипулятивных новостей. Средства массовой информации и новостные ресурсы по разным каналам предоставляют информацию о проблемах, кризисах и конфликтах, зачастую в эмоциональной форме. Это вызывает у людей чувство беспомощности, тревоги и беспокойства.

Фейковые новости и дезинформация формируют искаженное представление о действительности. Отрицательные комментарии и оскорбления, демонстрирующие ненависть, а также размещение шок-контента (неподобающих изображений и видео) в социальных сетях создают токсичный и агрессивный онлайн-климат. Некоторые люди используют виртуальную среду для излияния своего недовольства и ненависти, поскольку она позволяет сделать это анонимно и безнаказанно, в отличие от реальной жизни.

Влияние внешних факторов тоже очень велико. События политики и социальной жизни, ограничения доступа к некоторым зарубежным платформам способствуют усилению напряженности в онлайн и офлайн пространстве. Если человек получает много подобной информации за короткий промежуток времени, то это приводит к когнитивным перегрузкам, стрессу и ухудшению психологического состояния. Может сформироваться катастрофическое мышление (катастрофизация) – когнитивное искажение, при котором человек переоценивает вероятность негативных событий и преувеличивает их потенциальные последствия.

Существует два типа катастрофического мышления: ориентированное на настоящее (когда человек представляет, что плохое произойдет прямо сейчас, но весомых аргументов для этого нет) и ориентированное на будущее (проявляется в построении пессимистичных прогнозов без реальных оснований). Катастрофическое мышление связано с тревогой, т. к. постоянное ожидание «катастрофы» поддерживает высокий уровень тревожности и мешает адекватно оценивать реальные риски.

Также следует упомянуть экстремистскую пропаганду, которая повышает уровень агрессии и готовности к насилию и онлайн-вербовку. Онлайн-вербовка представляет собой умышленные действия с целью вовлечения человека в противоправную деятельность через интернет-ресурсы. Противостоять этим действиям бывает сложно, поскольку они осуществляются с применением психологических техник, специально обученными людьми, часто связанных с экстремистскими или террористическими организациями, чьей целью является подрыв экономической безопасности и обороноспособности страны, дестабилизация обстановки. Особенно часто под онлайн-вербовку подпадает молодежь – школьники и студенты, т. к. несмотря на то, что они являются самыми активными пользователями интернета, постоянно прибегают к нему при выполнении разного рода учебных заданий, у многих из них недостаточно развиты навыки работы в цифровой среде и часто отсутствуют навыки критического мышления.

Н.В. Усова полагает, что воздействие токсичного информационного пространства, как нарушение информационно-психологической безопасности личности, несет два основных негативных последствия: деградация форм отражения и структуры сферы потребностей и изменение ценностных ориентаций и мировоззрения¹.

¹ Усова Н.В. (2025). Информационно-психологическая безопасность в цифровом пространстве. URL: <https://www.sgu.ru/sites/default/files/page/files/348-354.pdf> (дата обращения 12.03.2026)

Первое следствие выражается в искажении восприятия реальности, снижении способности к критическому мышлению и принятию решений, нарушении эмоциональной регуляции, что может привести к развитию психических расстройств. Второе – в том, что под влиянием информационного пространства могут сформироваться другие ценности, взгляды и убеждения, противоречащие традиционным и значимым для человека. Например, агрессивный маркетинг навязывает значимость гламура, материального богатства, постоянного потребления. Люди стремятся соответствовать навязанной картинке. Такая гонка часто приводит к разочарованию в жизни, чувству неполноценности и несоответствия принятым, а по факту навязанным, стандартам.

Для противодействия влиянию токсичного информационного пространства, повышения уровня защищенности от нарушений информационно-психологической безопасности в онлайн и офлайн среде огромное значение для человека имеют такие ресурсы личности как высокая степень развития критического мышления, гибкости сознания, работа над целостностью и саморазвитием. Они представляют собой значимый фактор конструктивного решения проблем, обеспечивают личности возможность адекватного реагирования на внешние воздействия и преодоления стрессовых ситуаций, позволяют человеку сохранять психологическое равновесие при информационном воздействии извне и обеспечить возможный в конкретной ситуации уровень психологической безопасности (Ежевская, 2012).

Для максимальной нейтрализации разрушительного воздействия токсичной информационной среды на человека и сохранения его психологического здоровья, на уровне регионов предпринимаются различные меры. Например, в Республике Коми успешно реализуются мероприятия в сферах психологического образования, психиатрического просвещения и психологической профилактики. Эти направления связаны с деятельностью государственных учреждений, образовательных и медицинских организаций.

19 марта 2026 года в Сыктывкаре прошел «Единый день профилактики», в рамках которого в ряде средних образовательных учреждений столицы Коми выступали психологи из МЧС. С целью обучения подростков навыкам оказания психологической поддержки и самопомощи в критических ситуациях были проведены занятия по темам «Безопасное поведение в экстремальных ситуациях», «Самопомощь в экстремальных ситуациях» и «Способы регуляции эмоционального состояния». Специалисты считают, что такие занятия позволяют не только получить теоретические знания, но и способствуют развитию психологической устойчивости, которая так необходима в современном мире.

Психологами предложено множество рекомендаций, которые могут применять люди любого возраста для предотвращения вредоносного воздействия избыточной негативной информации на свое психологическое здоровье. Большинство из них сводятся к следующему.

- Следует сознательно ограничивать поток поступающей информации, например, просматривать ленту новостей не чаще 2 раз за день в течение ограниченного времени и не посещать сомнительные интернет-сообщества.

- Чтобы понять, стоит ли доверять контенту, следует внимательно анализировать источник информации. Надежные и авторитетные сайты обычно имеют четкие контактные данные, информацию о редакции и политику по борьбе с дезинформацией.

- Воспринимать любую информацию критически, задумываться, кем и с какой целью создан контент – это поможет лучше оценить информацию и не попасться на манипуляцию.

- Следует обращать внимание, какие эмоции вызывает поступающая информация. Если возникают сильные негативные эмоции, такие как страх, гнев, ненависть, то стоит задуматься о намеренном его воздействии на человека и его окружение.

- Обсуждать неоднозначный контент со значимыми другими людьми – друзьями, семьей. Это поможет взглянуть на предлагаемые контентом факты с разных точек зрения и лучше понять, насколько информация заслуживает доверия, является ли она полезной, нейтральной или вредной.

– Настроить параметры конфиденциальности в социальных сетях таким образом, чтобы ограничить доступ к сомнительному или токсичному контенту. Для этой цели использовать фильтры и блокировщики, позволяющие избегать нежелательной информации.

– Снимать нервное напряжение привычными и проверенными способами. Это могут быть любые спортивные занятия, или другая физическая активность, йога, антистрессовые дыхательные техники, хозяйственные дела, прогулки, хобби и т. д.

– Не передавать, не распространять негативную и непроверенную информацию. Прежде чем поверить и передать другим, следует тщательно проверить факты, т. к. непроверенная и токсичная информация может быть очень опасной и привести к разрушительным последствиям, подобно тому, как это происходило в пандемию COVID-19, когда многие люди умирали не от вируса, а от страха.

Таким образом, обеспечение информационно-психологической безопасности человека, и, как следствие, сохранение его психологического здоровья, напрямую зависит от его эмоционально-оценочного отношения к себе, своей деятельности и условиям внешней среды. Следовательно, людям необходимо учиться анализировать и объективно оценивать поступающую информацию, соблюдать информационную психогигиену и осознанно регулировать потребляемый информационный поток. Особое внимание следует уделить обучению этим навыкам молодежи в образовательных учреждениях, а также формированию у них ценностей, профилактике различных эмоциональных нарушений и социальной дезадаптации, обучению распоряжаться собственными личностными ресурсами и строить отношения с реальностью.

Продолжающееся развитие информационных технологий и усиление их вмешательства в жизнь и деятельность человека, нарушение его информационно-психологической безопасности свидетельствует о необходимости проведения новых исследований в области информационной экологии и разработки способов защиты человека от их негативного влияния.

Библиографический список

1. Дубровина И.В. (2000). Психическое здоровье детей и подростков в контексте психологической службы. Москва: Деловая книга. 176 с.
2. Ежевская Т.Н. (2012). Психологическое здоровье как значимый ресурс информационно-психологической безопасности личности // Гуманитарный вектор. № 1 (29). С. 205–210.
3. Маслоу А.Г. (1997). Дальние пределы человеческой психики / под науч. ред. Н.Н. Акулиной. Санкт-Петербург: Евразия. 430 с.
4. Нестик Т.А. (2017). Развитие цифровых технологий и будущее психологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. № 3. С. 6–15. DOI: 10.18384/2310-7235-2017-3-6-15.
5. Суворова О.В., Кухарев А.С. (2020). Информационная культура и психологическое здоровье личности студентов // Нижегородский психологический альманах. Т. 1. № 1. С. 241–250.
6. Фисун А.Я., Шамрей В.К., Марченко А.А., Гончаренко А.Ю. (2019). Информационная война и психическое здоровье // Военно-медицинский журнал. № 340 (12). С. 4–15. DOI: 10.17816/RMMJ81812
7. Хухлаева О.В. (2003). Психологическое здоровье как системообразующий фактор психологической службы в образовании // 3-я Российская конференция по экологической психологии (Москва, 15–17 сентября 2003 г.): тезисы. Москва: Психологический институт РАО. С. 174–175.
8. Шамрей В.К., Марченко А.А., Колчев А.И. (2022). Информационно-психологические войны и психическое здоровье военнослужащих. Санкт-Петербург: ВМедА. 116 с.
9. Яшалова Н.Н., Крылова Н.П., Федоренко И.Н. (2020). Информационные потребности цифрового общества: проблемы и вызовы // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. № 4. С. 18–22. DOI: 10.36535/0548-0019-2020-04-3

Информация об авторе

Татьяна Васильевна Милаева – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, доцент, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: Tasha20012001@inbox.ru)

Milaeva T.V.

MAINTAINING THE PSYCHOLOGICAL HEALTH OF THE POPULATION IN THE FACE OF AN OVERABUNDANCE OF NEGATIVE INFORMATION

Abstract. *The development of digital technologies creates not only new opportunities, but also tools for psychological influence on people's consciousness and behavior. An excess of negative information makes the information environment toxic. The article examines the impact of an overabundance of negative information on people's psychological health and suggests ways to increase resistance to negative information influences in order to preserve it.*

Keywords: *information environment, toxic information, psychological health, youth, safety, personal resources.*

About the author

Tatiana V. Milaeva – Candidate of Sciences (Psychological), Senior Researcher, Associate Professor, Institute for Socio-Economic & Energy Problems of the North, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: Tasha20012001@inbox.ru)

References

1. Dubrovina I.V. (2000). Mental health of children and adolescents in the context of psychological services. Moscow: Business Book.
2. Yezhevskaya T.N. (2012). Psychological health as a significant resource for information and psychological security of the individual. *Humanitarian vector*, 1(29), 205–210.
3. Maslow A.G. The far limits of the human psyche / under the scientific editorship of N.N. Akulina. Saint-Petersburg: Eurasia. (In Russian).
4. Nestik T.A. (2017). The development of digital technologies and the future of psychology. *Bulletin of the Moscow State Regional University, Psychological Sciences*, 3, 6–15. DOI: 10.18384/2310-7235-2017-3-6-15.
5. Suvorova O.V., Kukharev A.S. (2020). Information culture and psychological health of student's personality. *Nizhny Novgorod Psychological Almanac*, 1, 1, 241–250.
6. Fisun A.Ya., Shamrey V.K., Marchenko A.A., Goncharenko A.Yu. (2019). Information warfare and mental health // *Military Medical Journal*, 340(12), 4–15. DOI: 10.17816/RMMJ81812
7. Khukhlaeva O.V. (2003). Psychological health as a system-forming factor of psychological service in education. 3rd Russian Conference on Environmental Psychology (Moscow, September 15–17, 2003). Moscow: Psychological Institute of the Russian Academy of Sciences, 174–175.
8. Shamrey V.K., Marchenko A.A., Kolchev A.I. (2022). Information and psychological warfare and the mental health of military personnel. Saint-Petersburg: VMedA.
9. Yashalova N.N., Krylova N.P., Fedorenko I.N. (2020). Information needs of the digital society: problems and challenges. *Scientific and technical information: Organization and methodology of information work*, 4, 18–22. DOI: 10.36535/0548-0019-2020-04-3

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ИЗ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ И ЗАКЛЮЧИВШИХ БРАК О ВЗРОСЛЕНИИ В РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬЕ

Аннотация. В статье рассмотрено мнение студентов из многодетных семей и студентов, заключивших брак, о взрослении в родительской семье в аспектах окончания детства и специфики осмысления воспитания на основе того, каким по счету ребенком был информант в родительской семье.

Ключевые слова: молодежь, студенчество, семья, родительская семья, будущая семья.

Благодарность

Проект «Семья в системе ценностей студенческой молодежи российского общества: региональный аспект» реализован в рамках Губернского гранта в области науки и техники.

Введение

Современная студенческая молодежь – это передовая часть молодежи сегодня, будущее российского общества – завтра, демографический потенциал и трудовой ресурс нашей страны. Актуальность исследования их представлений о семье не вызывает сомнений, т. к. от взглядов и стремлений молодых зависит будущее российского общества.

Для анализа обсуждаемого вопроса используется теория социальных представлений С.Московичи, а также понятие видов представлений, обсуждаемое Б.Г.Мещеряковым и В.П.Зинченко (Московичи, 1995; Мещеряков, Зинченко, 2007). Под социальными представлениями, вслед за С.Московичи, в самом общем виде понимается «способ интерпретации и осмысления повседневной реальности» (Московичи, 1995). В рассматриваемой теории, в контексте проводимого исследования, значима идея о том, что социальные представления существуют в определенных группах, где они на основе опыта этих групп формируются и развиваются.

В рамках данной работы фокус внимания находится на социальных представлениях такой группы, как студенческая молодежь, т. е. анализу подвергаются социальные представления, характерные именно для этой группы, существующие на основе ее опыта. Отдельно нами выделены социальные представления двух подгрупп студенческой молодежи: из многодетных семей и заключивших брак. Вслед за Б.Г.Мещеряковым и В.П.Зинченко продуктивно в контексте изучаемого вопроса выделить представления памяти и представления воображения. Согласно авторам, и те и другие возникают на основе прошлого опыта. Но если представления памяти есть «воспроизведенные образы воспринятых ранее предметов», т. е. образы, что воспроизводятся в памяти, то представления воображения – это те образы, что создаются в результате работы воображения (Мещеряков, Зинченко, 2007). Одна из целей проекта, являющегося продолжением двух предыдущих (Вандышева и др., 2023; Кузнецов, Митрофанова, 2025), состояла в сопоставлении представлений студенческой молодежи о первичной (родительской семье), с представлениями о вторичной – своей собственной, уже созданной или предполагаемой в будущем семье. Для реализации поставленной цели был сформулирован ряд исследовательских вопросов, один из которых – осмысление студентами из многодетных семей и молодежью, состоящей в браке, своего взросления в родительской семье в аспектах возраста окончания детства и специфики воспитания на основе того, каким по счету ребенком был информант в родительской семье.

Под взрослением в самом общем виде понимаем переход от детства к взрослости (Лишаев, 2016, с. 116), сопровождающийся биологическими, физиологическими, психологическими, эмоциональными, интеллектуальными, социальными трансформациями, изменениями в правовом, экономическом, политическом статусе и другими переменами. Исходя из вышесказанного, констатируем, что само понятие «взросление» достаточно широкое и может включать различные аспекты.

В рамках исследования акцент сконцентрирован на таких аспектах, как понимание информантами возраста окончания детства и рефлексия относительно того, каким по счету ребенком в семье был опрашиваемый. Выбор этих аспектов обусловлен, с одной стороны, собственным исследовательским интересом, а с другой – наличием достаточно глубоких нарративов в собранных текстах интервью.

Методология и выборка

Хотя представляемый проект был реализован с использованием стратегии смешивания методов, в данной статье обсуждаются результаты качественного этапа. Причем в той его части, где применялся метод глубинного интервью и в качестве объекта исследования выступила именно студенческая молодежь Самарского университета двух групп, о которых речь ниже. Использована целевая интенсивная выборка, состоящая из информационно значимых наполненных случаев (Штейнберг и др., 2009, с.71).

1) Студенческая молодежь из многодетных семей (13 человек). Исходили из того, что первокурсники и второкурсники достаточно тесно связаны с родительской семьей и осмысление ими опыта проживания в родительских семьях актуально.

2) Студенты, заключившие официальный брак, и, возможно, воспитывающие ребенка/детей (13 человек).

Отметим, что среди наших информантов в основном согласились принять участие в опросе те, кто не испытывали существенных материальных трудностей. В некоторых случаях по процедуре проведения это было объединенное интервью, когда информанты – муж и жена, являющиеся студентами, – дополняли и корректировали друг друга по ходу самого интервью. В целом, анализ проведенных интервью позволил выявить не только барьеры в создании собственной семьи, но и сфокусироваться на успешных практиках и позитивных условиях, способствующих ее образованию.

Отметим, что деление студенческой молодежи на студентов из многодетных семей и студентов, заключивших брак, не исключало пересечений. Один опрошенный из группы заключивших брак, воспитывался в многодетной семье и бросил обучение, так как не смог совмещать работу и учебу, хотя отметил, что проблемы совмещения у него не было. Во всех остальных случаях при отборе информантов дополнительным критерием был курс обучения: опрашивались студенты из многодетных семей первого курса и студенческая молодежь, заключившая брак, которые находились на стадии обучения не ниже третьего курса бакалавриата.

Гипотеза, в контексте поставленного исследовательского вопроса, заключалась в том, что представители и одной и другой группы студенческой молодежи, скорее всего, повзрослели раньше в силу жизненных обстоятельств. Обе группы оказались либо в условиях воспитания в многодетной семье, либо вступления в официальный брак в студенческие годы, что накладывает определенную ответственность. Другое предположение заключается в том, что накладывает отпечаток на взросление опрошенных факт того, каким по счету был ребенок в семье.

Результаты

Рассматривая вопрос взросления в родительской семье, респонденты двух выделенных групп, в основном, отмечают, что детство у них закончилось скорее раньше, чем у их сверстников. Это обусловлено самостоятельностью и ответственностью, которые приобретаются в связи с разными обстоятельствами. Необходимость присматривать за младшими братьями и сестрами отмечают старшие дети из многодетных семей. Смерть родственника, переезд – обстоятельства указываются в двух выделенных группах. Однако, переезд детей из многодетных семей – это переезд и юношей и девушек в общежитие, а переезд заключивших брак, это чаще переезд супруги к супругу (девушки к юноше). Необходимость самостоятельно вести быт, вступление в брак (последние два обстоятельства указывают те, кто вступил в брак и создал свою семью) и др. Таким образом, общее во взглядах студентов из многодетных семей и студентов, заключивших брак, состоит в том, что все они в основном говорили о более раннем собственном взрослении, чем сверстников. Вместе с тем, обстоятельства, которые указывались информантами, скорее специфичны для каждой из групп.

Однако, были и другие мнения. Одна из информанток, состоящая в браке, отметила, что «детство закончилось позже, чем у ровесников, так как я всегда была достаточно «тепличным» ребенком... Тепличный ребенок, потому что все детство была окутана заботой и вниманием, мне не приходилось сталкиваться ни с какими трудностями и пытаться решить их одной» (Ж, 21, в браке). Однако такое видение своего взросления в аспекте окончания детства не является типичным в плане его распространенности в двух выделенных группах.

Есть особенности в осмыслении своего положения в родительской семье респондентами на основе того, каким по счету был ребенок в родительской семье.

Один из опрошенных молодых людей, состоящий в браке, но также отметивший в интервью, что в семье кроме него было еще два младших брата, указал, что «в плане воспитания и взросления первым ребенком быть тяжело» (М, 21, в браке). Подобные мнения встречаются именно среди старших сиблингов.

Одна из интервьюируемых указала, что статус младшей дочери в родительской семье способствовал формированию у нее ряда важных качеств: «соперничество, которое проявляется во всех сферах жизни, и, в т. ч. в отношениях, и это связано с тем, что меня сравнивали с моей старшей сестрой» (Ж, 21, в браке).

Вместе с тем была и другая точка зрения, состоящая в том, что не имело значения, каким по счету родился ребенок в семье, и это никак не сказывалось на взрослении. «Я третий ребенок в семье. Это никаким образом не сказалось на моем взрослении, и оно прошло так же, как и у моих сестер и брата» (Ж, 18, из многодетной семьи).

Статус единственных детей в семье в группе студентов, заключивших брак, может осмысливаться информантами прямо в противоположных понятиях. Одни говорят, что, безусловно, сказалось то, что ребенок воспитывался в семье один, но при этом одна из опрошенных рассказывает о зависимости от родительской семьи и сложностях отделения от нее, а другая – о самостоятельности и отсутствии избытка внимания в родительской семье.

«В семье я одна. Безусловно, это сказалось на моем темпераменте и характере. Сепарация проходила сложнее, чем у большинства, т. к. мы с родителями всегда были сильно привязаны друг к другу» (Ж, 21, в браке).

«В семье я росла одна... Какое-то время мы хотели даже взять мальчика из приюта, но все-таки родители остановились на том, чтобы я росла самостоятельно. Это, безусловно, повлияло на мое взросление несмотря на то, что, казалось бы, ребенок один в семье, и он должен был быть слишком избалованным, получать переизбыток внимания, но у меня такого не было. Родители всегда воспитывали из меня самостоятельную личность» (Ж, 20, в браке).

Вместе с тем, было озвучено и другое мнение, согласно которому статус единственного ребенка никак не сказался на взрослении. «Я единственный ребенок в семье, и я не думаю, что это как-то сказалось на моем взрослении». Но вместе с тем, далее она продолжает, отмечая, что стала очень самостоятельной: «Я с детства была предоставлена сама себе, т. е. я бы не сказала, что ощущала чрезмерную заботу. Просто я была обычным ребенком, возможно, чересчур активным. Родители мне, безусловно, доверяли, и поэтому не следили. Все, что нужно было решить, я решала сама и помогала по дому и, в основном, была самостоятельной» (Ж, 22, в браке).

Можно сделать вывод, что статус младших и старших детей в семье имеет специфику (причем в контексте пола) даже тогда, когда сами информанты говорили о том, что это не важно. В текстах интервью старшие дети отмечали, что заботились о младших в той или иной степени, а младшие указывали, что вырабатывали в себе такие качества, чтобы конкурировать со старшими сиблингами, если это были дети одного пола. Хотя были и такие информанты, кто говорил, что статус старшего, младшего или единственного ребенка в семье никак не повлиял на них, но по ходу интервью затем называли те или иные особенности своего взросления.

Заключение

Таким образом, информанты двух выделенных групп отмечают, что детство у них закончилось раньше, чем у их сверстников, но при этом указывают специфичные обстоятельства, характерные для каждой из групп, которые обусловили факт более раннего взросления.

Разнообразие мнений, касающихся осмысления своего положения в родительской семье информантами, на основе субъективной оценки того, каким по счету ребенком являлся респондент, говорят, с нашей точки зрения, о значимости различных условий, сказывающихся на взрослении информантов в родительской семье, которые необходимо рассматривать в комплексе. Важно не только осмысление того, каким по счету является ребенок в семье и каков его пол, но и учитывать в какой семье (с двумя или одним родителем) воспитывался информант, в каком материальном статусе находилась родительская семья и другие условия.

Библиографический список

1. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. (2007). Большой психологический словарь. Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК. 672 с.
2. Вандышева Л.В., Васькина Ю.В., Малаканова О.А., Митрофанова С.Ю., Пустарнакова А.А. (2023). Стратегия смешивания методов в исследовании идентичностей и практик консолидации современной молодежи // Семиотические исследования. Т. 3. № 4. С. 81–89.
3. Кузнецов В.А., Митрофанова С.Ю. (2025). Патриотическая самоидентификация современной российской молодежи // Семиотические исследования. Т. 5. № 1. С. 77–89.
4. Лишаев С.А. (2016). От детства к зрелости (феномен пролонгации молодости и современность) // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. № 2 (20). С. 110–132.
5. Московичи С. (1995). Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. Т. 16. № 1. С. 3–18.
6. Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. (2009). Качественные методы. Полевые социологические исследования. Санкт-Петербург: Алетейя. 352 с.

Информация об авторе

Светлана Юрьевна Митрофанова – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, доцент кафедры социологии политических и региональных процессов, Самарский национальный исследовательский университета им. С.П. Королева (Российская Федерация, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34; e-mail: mitrofanova.syu@ssau.ru)

Mitrofanova S.Yu.

REPRESENTATIONS OF STUDENTS FROM BIG FAMILIES AND MARRIED STUDENTS ABOUT GROWING UP IN THEIR PARENT'S FAMILY

Abstract. *The article examines the opinion of students from large families and students who have married, about growing up in the parent family in the aspects of the end of childhood and the specifics of understanding upbringing based on the number of the informant's child in the parent family.*

Keywords: *youth, students, family, parent family, future family.*

About the author

Svetlana Yu. Mitrofanova – Candidate of Sciences (Sociological), Associate Professor of the department of sociology and cultural Studies, Associate Professor of the department of sociology of political and regional processes, Samara national research university named after S.P. Korolev (34, Moskovskoe route, Samara, 443086, Russian Federation; e-mail: mitrofanova.syu@ssau.ru)

References

1. Meshcheryakov B.G., Zinchenko V.P. (2007). Large Psychological Dictionary. Saint-Petersburg: Prime-EUROZNAK.
2. Vandyшева L.V., Vaskina Yu.V., Malakanova O.A., Mitrofanova S.Yu., Pustarnakova A.A. (2023). Strategy of mixing methods in the study of identities and consolidation practices of modern youth. *Semiotic studies*, 3, 4, 81–89.
3. Kuznetsov V.A., Mitrofanova S.Yu. (2025). Patriotic self-identification of modern Russian youth. *Semiotic studies*, 5, 1, 77–89.
4. Lishaev S.A. (2016). From childhood to maturity (the phenomenon of prolongation of youth and modernity). *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Philosophy. Philology*, 2(20), 110–132.
5. Moskvichy S. (1995). Social representations: a historical view. *Psychological journal*, 16, 1, 3–18.
6. Shteinberg I., Shanin T., Kovalev E., Levinson A. (2009). Qualitative methods. Field sociological research Saint- Petersburg: Aleteya.

СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В БЕЛАРУСИ И РЕПРОДУКТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ДОМОХОЗЯЙСТВ

Аннотация. Статья посвящена анализу современной демографической ситуации в Республике Беларусь. На основе данных социологического исследования «Поколение и гендер» проанализированы репродуктивные планы домохозяйств в зависимости от уровня доходов и количества уже имеющихся детей. В данной статье используются данные второй волны (2023 год) национального обследования «Формирование семьи, стабильных семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов» с использованием методологии международной программы «Поколения и гендер». Обследование проводилось в рамках проекта международной технической помощи «Укрепление научного и образовательного потенциала Республики Беларусь в области сбора, анализа и использования демографических данных для достижения Целей устойчивого развития».

Ключевые слова: демографическая политика, репродуктивные планы, рождаемость, домохозяйства, Республика Беларусь.

Республика Беларусь, будучи частью европейского демографического тренда, с начала 1990-х гг. демонстрировала отрицательный или достаточно низкий прирост, испытывая лишь кратковременные периоды стабилизации. Население достигло исторического максимума в 1993–1994 гг. (10,3 млн чел.), после чего началось устойчивое снижение. К 2000 году среднегодовая численность составила 9,98 млн чел., а к 2024 году – 9,1 млн чел., т. е. снизилась на 8,5%. Особенно заметное снижение произошло после 2019 года – с 2019 по 2024 год численность сократилась на 286 тыс. чел., что связано как с сохранением низкой рождаемости, так и с повышенным уровнем смертности в период пандемии COVID-19.

Таким образом, современная демографическая ситуация в Беларуси сформировалась под воздействием взаимосвязанных негативных факторов, повлиявших на половозрастную структуру населения. К их числу относятся:

- Низкая рождаемость. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) снизился с 1,317 в 2000 году до 1,081 в 2024 году, что ниже уровня простого воспроизводства населения (2,1). Это связано с отложенным деторождением (средний возраст матери при рождении ребенка – 30,5 лет, при рождении первого – 27,6 лет), урбанизацией и другими факторами.

- Высокая смертность, особенно среди мужчин трудоспособного возраста (из-за болезней системы кровообращения, внешних причин, низкой профилактики здоровья). Общий коэффициент смертности в 2024 году составил 12,6‰.

Несмотря на то, что сальдо миграции на протяжении всего рассматриваемого периода оставалось положительным, оно не смогло полностью компенсировать естественную убыль, что и привело к общему сокращению населения (рис. 1).

Рис. 1. Динамика численности населения в Республике Беларусь за 2000–2024 гг.

Источник: составлено на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь. URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/home-page> (дата обращения 18.03.2026).

В настоящее время демографическая политика в стране осуществляется в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, Кодексом о браке и семье Республики Беларусь, Законами Республики Беларусь «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей»¹ и «О демографической безопасности Республики Беларусь»², Государственной программой «Развитие демографического потенциала» на 2026–2030 годы»³ и др.

Демографическая политика, как правило, реализуется через комплекс различных мер, однако их эффективность определяется не только набором, но и тем, как они соотносятся с реальными репродуктивными намерениями домохозяйств. Именно здесь важно перейти от анализа «что предлагает государство» к «как это воспринимается разными группами населения».

Для оценки влияния социально-экономических факторов на принятие решений о рождении детей были проанализированы репродуктивные планы домохозяйств в зависимости от уровня доходов и количества уже имеющихся детей на основе данных исследования «Поколение и гендер», проведенного в 2023 году.

Бездетные домохозяйства. Среди домохозяйств, не имеющих детей, наблюдается устойчивая положительная зависимость: с ростом дохода увеличивается доля респондентов, планирующих рождение ребенка в ближайшие три года. Наибольший прирост доли планирующих рождение происходит при переходе из категории низких доходов (≤ 999 руб.) к средним (1000–1499 руб.) – с 25,9 до 35,3%, что свидетельствует о существовании определенного «доходного порога», необходимого для принятия решения о первом ребенке. В группах со средним доходом (2000–2499 руб.) наблюдается небольшое снижение доли планирующих рождение (26,3%), что может указывать на приоритет других целей (например, карьера) в этом доходном сегменте. В высокодоходных категориях (свыше 2500 руб.) доля, планирующих рождение достигает 42,4–50%, что почти в два раза превышает показатели низкодоходных групп. Это подтверждает гипотезу о финансовой стабильности как важном факторе репродуктивного выбора (рис. 2).

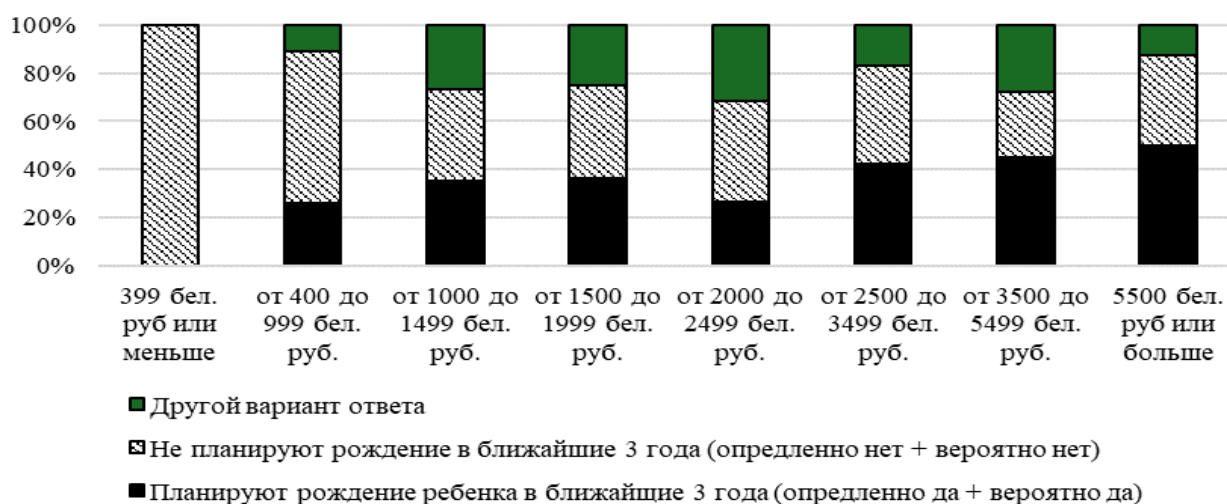

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Планируете ли родить ребенка / еще одного ребенка, в течение ближайших трех лет?» в зависимости от уровня доходов в домохозяйствах не имеющих детей, %

Источник: составлено авторами на основе данных исследования «Поколение и гендер» (Республика Беларусь, 2023 год).

¹ О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей: Закон Республики Беларусь от 29.12.2012 № 7-3. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11200007>.

² О демографической безопасности Республики Беларуси: Закон Республики Беларусь от 04.01.2002 № 80-3. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10200080>.

³ О Государственной программе «Развитие демографического потенциала» на 2026–2030 годы». URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22500765>.

Полученные данные соответствуют концепции «отложенного родительства»: бездетные домохозяйства с низкими доходами откладывают рождение детей до улучшения финансовой ситуации. Именно на эту группу прежде всего, должны быть направлены меры, повышающие доступность жилья (льготные кредиты, субсидии) и гарантирующие минимальный уровень дохода (пособия, адресная помощь), чтобы снизить порог вхождения в родительство. Рост доли, планирующей рождение, в высокодоходных группах свидетельствует о том, что экономическая стабильность остается ключевым фактором принятия репродуктивных решений в белорусском контексте.

Семьи с детьми. В отличие от бездетных домохозяйств, среди семей с детьми не наблюдается четкой зависимости между величиной дохода и намерением родить следующего ребенка. Доля планирующих рождение остается относительно стабильной (10–13%) для большинства доходных групп. В группе с доходом ≥ 5500 руб. отмечается наименьший процент планирующих рождение (3,4%), что может говорить о других жизненных приоритетах: повышение качества жизни и уровня образования уже имеющихся детей; ориентация на карьеру; достижение уже желаемого количества детей.

Доля не планирующих рождение остается высокой (72–83%) во всех доходных группах, что подтверждает общую тенденцию к реализации репродуктивных планов после рождения первого ребенка (рис. 3).

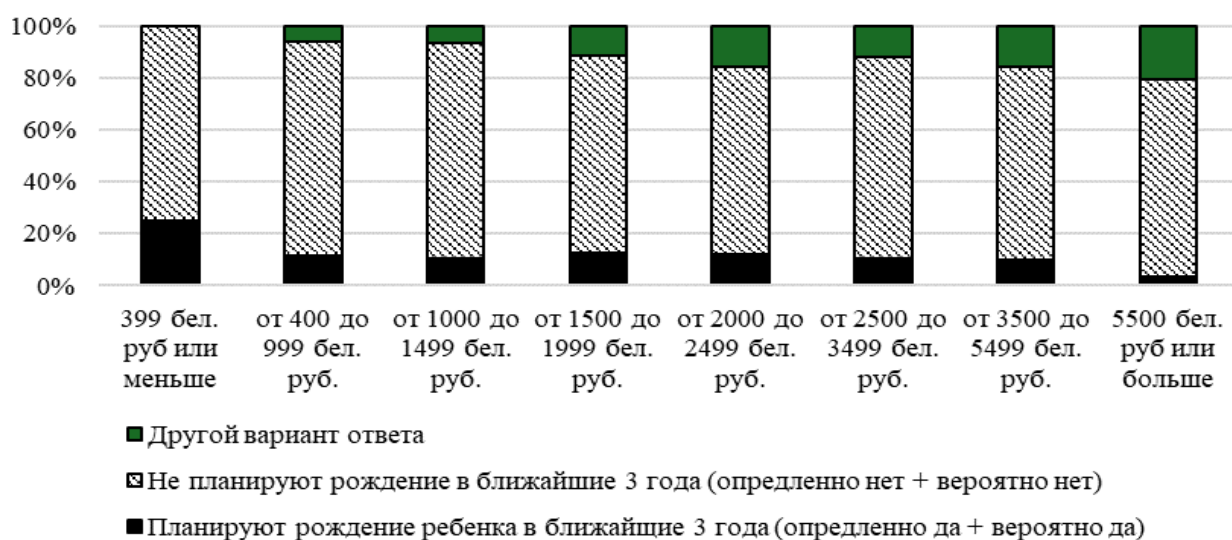

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Планируете ли родить ребенка / еще одного ребенка в течение ближайших трех лет?» в зависимости от уровня доходов в домохозяйствах с детьми, %

Источник: составлено авторами на основе данных исследования «Поколение и гендер» (Республика Беларусь, 2023 год).

Для семей, уже имеющих детей, материальный фактор теряет свою определяющую роль в решении о дальнейшем рождении детей. На первый план выходят другие обстоятельства: возраст родителей и состояние здоровья, жилищные условия, баланс между работой и личной жизнью, доступность детских учреждений и социальной инфраструктуры, личные предпочтения и достижение желаемого размера семьи.

Продолжая анализ факторов, влияющих на репродуктивное поведение, важно рассмотреть не только уровень доходов, но и текущее количество детей в семье. Бездетные респонденты демонстрируют наибольшую готовность к рождению: 36,9% планируют завести ребенка. Это отражает естественный этап создания семьи и соответствует данным о том, что для этой группы ключевым барьером выступает не отсутствие желания, а неуверенность в материальной стабильности.

В домохозяйствах с одним ребенком доля планирующих рождение снижается до 24,0%. Это снижение может говорить о том, что родители уже осознали реальные нагрузки, связанные с воспитанием, и более взвешенно подходят к решению о втором ребенке.

В домохозяйствах с двумя детьми происходит резкое снижение до 5,5%. Это указывает на то, что для большинства белорусских семей двое детей являются предпочтительной моделью, после достижения которой репродуктивные планы практически исчерпываются.

Для многодетных семей (трое и более детей) планы на дальнейшее рождение минимальны (2,3–7,7%), а при пяти и более детях полностью отсутствуют. Это свидетельствует о достижении желаемого размера семьи или физиологических ограничениях.

Доля не планирующих рождение последовательно растет с увеличением количества детей – от 38,6% (без детей) до 100% (пять и более детей) (рис. 4).

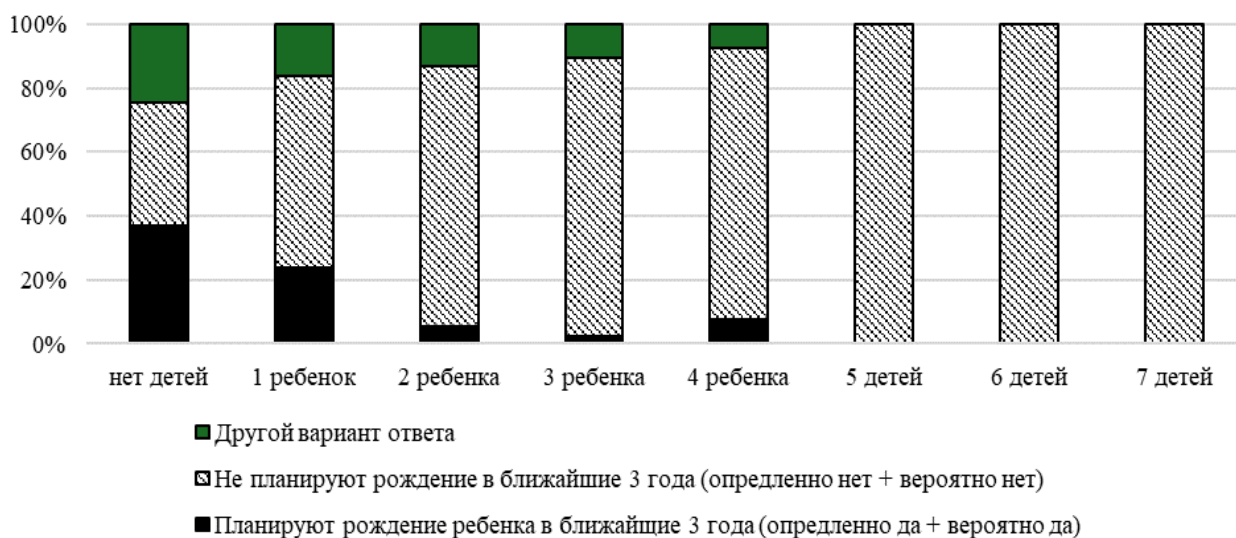

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Планируете ли родить ребенка / еще одного ребенка в течение ближайших 3 лет?» в зависимости от количества уже имеющихся детей, %

Источник: составлено авторами на основе данных исследования «Поколение и гендер» (Республика Беларусь, 2023 год).

Анализируя представленные данные, можно заметить нелинейный характер зависимости репродуктивных планов от количества детей. После выраженного снижения вероятности рождения следующих детей, после первого и второго ребенка наблюдается небольшой рост среди респондентов с четырьмя детьми (7,7% по сравнению с 2,3% у имеющих трех детей). Этот феномен может объясняться несколькими причинами:

- часть таких семей может принадлежать к определенным этнокультурным или религиозным группам, где традиционно поощряются большие семьи;
- при достижении определенного числа детей могут активизироваться механизмы социальной поддержки (жилищные программы, льготы), делающие рождение еще одного ребенка менее ресурсозатратным. В Беларуси к таким механизмам относятся, прежде всего, жилищные программы, семейный капитал, а также налоговые и трудовые льготы.

Таким образом, меры государственной поддержки могут создавать дополнительные стимулы для семей, уже имеющих трех и более детей, к дальнейшему увеличению рождаемости. Полученные данные свидетельствуют о необходимости дифференцированного подхода к демографической политике, учитывающего различную мотивацию бездетных семей и семей, уже имеющих детей.

Информация об авторах

Ольга Юрьевна Мурашко – научный сотрудник, Институт экономики НАН Беларуси (Республика Беларусь, 220072, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2; e-mail: olga-rebenok@mail.ru)

Ульяна Владимировна Кот – научный сотрудник, Институт экономики НАН Беларуси (Республика Беларусь, 220072, Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2; e-mail: ulyankot@gmail.com)

Murashko O.Y., Kot U.V.

THE CURRENT DEMOGRAPHIC SITUATION IN BELARUS AND THE REPRODUCTIVE STRATEGIES OF HOUSEHOLDS

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the current demographic situation in the Republic of Belarus. Based on the data from the sociological study "Generation and Gender", the reproductive plans of households are analyzed depending on the income level and the number of existing children.*

Keywords: *demographic policy, reproductive plans, fertility, households, Republic of Belarus.*

About the author

Olga Yu. Murashko – Researcher, Institute of Economics of the NAS of Belarus (1/2, Surganova Street, Minsk, 220072, Republic of Belarus; e-mail: olga-rebenok@mail.ru)

Ulyana V. Kot – Researcher, Institute of Economics of the NAS of Belarus (1/2, Surganova Street, Minsk, 220072, Republic of Belarus; e-mail: ulyankot@gmail.com)

РЕГИОНАЛЬНЫЙ МАТЕРИНСКИЙ КАПИТАЛ В СУБЪЕКТАХ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Аннотация. *Исследуются особенности предоставления регионального материнского капитала в субъектах Сибирского федерального округа – размер выплаты, условия получения, направления использования. Выделены как общие характеристики (предоставляется преимущественно на 3 или последующего ребенка, схожие направления использования), так и различия (предусмотрена выплата на детей другой очередности, ограничение по доходу семьи, уникальные направления использования). Предложены направления дальнейшего развития программы.*

Ключевые слова: *меры поддержки семей с детьми, региональный материнский капитал, Сибирский федеральный округ, демографическая политика.*

Региональный материнский капитал является одной из ключевых мер поддержки семей с детьми. Исследователями отмечается эффективность реализации данной меры поддержки и ее позитивный вклад в повышение (замедление снижения) рождаемости вторых и третьих детей в регионах России (Архангельский, Джанаева, 2014; Вакуленко и др., 2023; Денисова и др., 2024).

Начало реализации программы регионального материнского капитала пришлось на 2011 год вследствие обозначенной в Послании Президента РФ Федеральному Собранию необходимости реализации комплексной демографической политики с приоритетной поддержкой многодетных семей¹. Как отмечается в исследовании, проведенном К.И. Казениным и В.А. Козловым, в 2011 году программа регионального материнского капитала реализовывалась в 34 регионах России, а в 2016 году уже в 77 субъектах (Казенин, Козлов, 2020). В пяти регионах Сибирского Федерального округа (далее – СФО) региональный материнский капитал предоставляется на детей, родившихся в период с 2011 года. В других пяти регионах – с 2012 года. Также, важно отметить, что в Омской области региональный материнский капитал предоставлялся семьям при рождении ребенка в период 2011–2018 гг., однако использование полученного на ребенка сертификата остается доступным.

Демографический портрет регионов СФО характеризуется неоднородностью – наблюдаются различия в уровне рождаемости и структуре населения. Так, суммарный коэффициент рождаемости, по данным на 2024 год, находится в диапазоне от 1,16 в Томской и Кемеровской областях до 2,29 в Республике Тыва². Кроме того, в регионах СФО в разной степени выражены тенденции старения населения. К прогрессивному типу структуры населения исследователи относят республики Алтай и Тыва, к стационарному типу – Иркутскую область, Республику Хакасия и Красноярский край, а к регрессивному типу – остальные субъекты федерального округа (Дмитриева, 2023). Учитывая различия в демографической ситуации, сложившейся в регионах СФО, представляется актуальным проанализировать особенности предоставления регионального материнского капитала в этих субъектах.

Изначально региональный материнский капитал подразумевался именно как мера поддержки семей при рождении в них третьего (или последующего) ребенка. Однако со временем регионами пересматривались условия предоставления этой меры поддержки – перенос регионального материнского капитала или введение дополнительной выплаты на первых и вторых детей. Как отмечается в исследовательской литературе, такие изменения могли быть вызваны необходимостью повышения рождаемости вторых детей в условиях сложившихся тенденций (Казенин, Козлов, 2020). Среди регионов СФО в 9 из 10 субъектов данная выплата установлена на третьего или последующего ребенка, исключение составляет только регион с традиционно высокой рождаемостью – Республика Тыва, в которой право на региональный материнский капитал семья получает только при рождении пятого или последующего ребенка (табл. 1). В Республике Алтай региональный материнский капитал был перенесен на третьего ребенка с начала 2026 года, в то время как в период 2011–2025 гг. он предоставлялся на четвертого или последующего ребенка.

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30.11.2010. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107290/ (дата обращения: 20.03.2026).

² Суммарный коэффициент рождаемости. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/55407> (дата обращения: 22.03.2026).

Таблица 1. Очередность рождения ребенка, на которого возникает право получения регионального материнского капитала

	1	2	3	4	5
Кемеровская область			+		
Томская область			+		
Алтайский край			+		
Красноярский край	+		+		
Омская область			+		
Новосибирская область			+		
Республика Хакасия			+		
Иркутская область		+	+		
Республика Алтай			+		
Республика Тыва					+
Источник: составлено автором.					

Региональный материнский капитал на первого ребенка был введен в Красноярском крае – он предоставляется при рождении ребенка женщиной в возрасте до 23 лет включительно (с 1 января 2025 года). На второго ребенка – в Иркутской области – предоставляется при рождении ребенка с начала 2024 года.

В большинстве субъектов Российской Федерации региональный материнский капитал предоставляется без учета дохода семьи. Однако в Томской области предусмотрено ограничение по критерию нуждаемости – для получения выплаты среднедушевой доход семьи не должен превышать две величины прожиточного минимума на душу населения.

Размер регионального материнского капитала в регионах СФО существенно отличается: наибольшая сумма выплаты предусмотрена в Красноярском крае (196 470 руб.), а наименьшая – в Республике Тыва (60 909 руб.). В среднем размер выплаты в регионах СФО составляет около 130 тыс. руб. Кроме того, необходимо отметить Республику Хакасия, в которой для жителей малых и отдаленных сел региона данная мера поддержки предоставляется в повышенном размере (228 729 руб.). В большинстве субъектов регионального материнского капитала регулярно индексируется. Однако, можно привести пример существенного повышения установленного размера выплаты, что произошло в Республике Алтай. Так, с начала 2026 года при рождении третьего ребенка семье предоставляется выплата в размере 150 000 руб., в то время как размер регионального материнского капитала на ребенка, родившегося в период до начала 2026 года, составляет 57 329 руб.

Направления, по которым могут быть использованы средства регионального материнского капитала, в отличие от федерального, устанавливаются каждым субъектом самостоятельно. Можно выделить основные направления, дублирующие аналогичные направления использования федерального материнского капитала:

- 1) улучшение жилищных условий (все субъекты СФО);
- 2) получение образования ребенком/детьми (все субъекты СФО);
- 3) приобретение товаров и услуг, предназначенных для социальной адаптации и интеграции в общество детей-инвалидов (республики Алтай, Хакасия, Алтайский, Красноярский края, Иркутская, Новосибирская, Томская области).

Также необходимо отметить возможность получения семьей выплаты из регионального материнского капитала в ряде случаев – Алтайский и Красноярский края, Иркутская область. В Алтайском крае и Иркутской области в качестве условия получения такой выплаты отмечено наличие среднедушевого дохода семьи ниже полуторакартной величины прожиточного минимума.

Среди других направлений использования регионального материнского капитала можно отметить отдых и оздоровление ребенка (Республика Хакасия, Иркутская, Томская области), приобретение транспортного средства (Республика Алтай, Красноярский край, Новосибирская область), подключение (технологическое присоединение) жилого дома к сетям инженерно-технического обеспечения (Алтайский, Красноярский края, Иркутская, Омская области). Кроме того, можно отметить такие направления, как ведение личного подсобного хозяйства (Томская область), приобретение сельскохозяйственной техники, оборудования для сельскохозяйственного производства (Новосибирская область).

Таким образом, можно отметить, что в регионах СФО установлен широкий перечень направлений использования средств регионального материнского капитала. Однако не все целевые направления одинаково востребованы. Так, например, по данным официального портала Правительства Иркутской области³, в 2023 году наибольшая доля семей использовала средства регионального материнского капитала по следующим направлениям:

- получение ежегодной денежной выплаты – 67,7%;
- улучшение жилищных условий и ремонт жилого помещения – 18,8%;
- получение образования ребенком (детьми) – 13,1%.

Региональное законодательство в части предоставления регионального материнского капитала систематически развивается и актуализируется. Вводятся новые направления использования данной меры поддержки, проводится индексация размера выплаты, вводится региональный материнский капитал на детей другой очередности рождений.

В качестве вектора дальнейшего развития регионального материнского капитала как инструмента поддержки семей с детьми и повышения рождаемости можно предложить исключение дополнительных условий по уровню дохода семьи (установлено в Томской области), а также расширение перечня доступных направлений использования регионального материнского капитала, в том числе введение возможности получения денежной выплаты из средств регионального материнского капитала в регионах, в которых такая возможность отсутствует.

Библиографический список

1. Архангельский В.Н., Джанаева Н.Г. (2014). Региональные особенности динамики рождаемости и демографическая политика // Уровень жизни населения регионов России. № 1 (191). С. 73–82.
2. Вакуленко Е.С., Ивашина Н.В., Свистильник Я.О. (2023). Региональные программы материнского капитала: влияние на рождаемость в России // Экономика региона. Т. 19. № 4. С. 1077–1092. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-4-10.
3. Денисова И.А., Калабихина И.Е., Кузнецова П.О. (2024). Оценка влияния региональной программы материнского капитала на рождаемость (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) // Государственное управление. Электронный вестник. № 105. С. 232–243. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-105-2024-232-243
4. Дмитриева Ю.Н. (2023). Территориальная дифференциация демографических структур населения в регионах Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. Т. 44. С. 44–59. DOI: 10.26516/2073-3402.2023.44.44
5. Казенин К.И. Козлов В.А. (2020). Региональные меры поддержки многодетных семей в РФ // Журнал исследований социальной политики. Т. 18. № 2. С. 191–206. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-2-191-206.

Информация об авторе

Эльдар Рафаэлевич Мусин – научный сотрудник, Всероссийский научно-исследовательский институт труда (Российская Федерация, 105064, г. Москва, ул. Земляной Вал, д. 34; e-mail: emusin@vcot.info)

Musin E.R.

REGIONAL MATERNITY CAPITAL IN THE REGIONS OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT

Abstract. *The article examines the specifics of the provision of regional maternity capital in the subjects of the Siberian Federal District – the amount of payment, conditions of receipt, and directions of use. Both general characteristics (provided mainly for 3 or subsequent children, similar areas of use) and differences (payment is provided for children of a different priority, family income restriction, unique directions of use) are noted. The directions of further development of the program are proposed.*

Keywords: *Measures to support families with children, regional maternity capital, Siberian Federal District, demographic policy.*

³ Правительство Иркутской области. Официальный Портал. URL: <https://irkobl.ru/sites/society/socpodderghka/family/capital/index.php?type=special> (дата обращения: 26.03.2026).

About the author

Eldar R. Musin – Researcher, All-Russian Scientific Research Institute of Labor (34, Zemlyanoy Val Street, Moscow, 105064, Russian Federation; e-mail: emusin@vcot.info)

References

1. Arkhangelskiy V.N., Dzhanyayeva N.G. (2014). Regional characteristics of fertility dynamics and demographic policy. *Living standards of the population in the regions of Russia*, 1(191), 73–82.
2. Vakulenko E.S., Ivashina N.V., Svistyl'nik Y.O. (2023). Regional maternity capital programmes: Impact on fertility in Russia. *Economy of regions*, 19, 4, 1077–1092. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-4-10.
3. Denisova I.A., Kalabikhina I.E., Kuznetsova P.O. (2024). The Influence of the regional maternity capital program on fertility (case of Yamal-Nenets autonomous okrug). *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*, 105, 232–243. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-105-2024-232-243
4. Dmitrieva Y.N. (2023). Territorial differentiation of demographic structures of the population in the regions of Siberia. *Bulletin of Irkutsk State University. Earth Sciences Series*, 44, 44–59. DOI: 10.26516/2073-3402.2023.44.44
5. Kazenin K.I., Kozlov V.A. (2020). Regional measures of support for families with three and more children: an overview. *The journal of social policy studies*, 18, 2, 191–206. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-2-191-206.

УСИЛЕНИЕ ФРОНТИРНОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ РИСКИ ДЛЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ ЮГО-ЗАПАДНОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Аннотация. *Фронтирность рассматривается, как географическое, политическое, социокультурное состояние территориальных систем, находящихся на периферии национально-государственных и/или цивилизационных общностей и выполняющих функции защиты и транзита людей, ресурсов, ценностей и т. д. Отмечается усиление фронтирности регионов юго-западного приграничья России в связи с ростом геополитической конфликтности. Состояние фронтирности, как правило, усиливает риски развития территориальных систем. Демографические риски для регионов юго-западного приграничья выражаются в оттоке экономически активного населения, интенсификации транзитной миграции, обезлюдении приграничных территорий, а также в снижении рождаемости как реакции на рост неопределенности и вследствие оттока населения в репродуктивном возрасте.*

Ключевые слова: *фронтирность, юго-западное приграничье, демографические риски, отток населения, снижение рождаемости.*

Перешедшая в стадию хронической турбулентности «мир–система» один за другим формирует политические, геополитические, а вслед за ними экономические, демографические, экологические и т. д. кризисы, отличающиеся разной степенью локализации, вплоть до придания им глобальных характеристик. Тем не менее, подверженность геополитическим кризисам территориальных систем неодинакова и зависит от многих факторов и, прежде всего, от степени социально-политической устойчивости, социокультурной идентичности и вовлеченности в данные кризисы, определяемые, в свою очередь, уровнем и характером субъектности. Чем ниже уровень субъектности, тем выше риск получить на выходе из кризиса полную дезорганизацию системы, либо приобрести устойчиво кризисные черты, превратившись в failed state (несостоявшееся или потерпевшее крушение государство с недействующими институтами).

Наибольший риск такого развития событий имеют территориальные системы так называемого фронта – зоны освоения с полным или частичным отсутствием действенных политических институтов, единых норм и масштабных социальных связей. Для американского историка Ф.Д. Тернера, которому принадлежит первенство введения в научный дискурс понятия фронта (англ. «frontier» – «рубеж, граница»), это «мигрирующая географическая зона, в которой цивилизация соседствует с дикостью» (Замятина, 1998, с. 77).

По мере формирования национальных государств и освоения ими собственной периферии, доля территорий фронта, казалось бы, должна снижаться, в перспективе приблизившись к малопригодным (в силу климатических условий для проживания) районам. Однако опыт последних десятилетий наглядно демонстрирует, что никакие линейные процессы в развитии общества не могут не превратиться в циклические или же изменить свой вектор на противоположный. В условиях кризиса суверенитетов, передела государствами и протогосударственными акторами границ и сфер влияния, интенсификации миграционных процессов фронтирность (географическая, политическая, цивилизационная, социокультурная) вновь становится имманентным состоянием социума, а «порубежье – данностью человеческого бытия» (Забияко, 2016).

Геополитические конфликты последнего десятилетия существенным образом нарушили сложившиеся территориальные сообщества в самых различных регионах мира. В значительной мере это относится и к постсоветскому пространству, и, в частности, к территориям российского юго-западного пограничья. Формирование ДНР и ЛНР вначале в качестве самостоятельных (отделившихся) образований, а затем как субъектов Российской Федерации, начало и ход специальной военной операции существенно усилили фронтирный характер региона, включающего значительную часть Украины (как настоящей, так и бывшей), а также и России.

Рассматривая фронтирность как совокупность характеристик той или иной территории, следует отметить такие ее составляющие, как:

- 1) аморфность границ с другими сообществами (политических, этнических, культурных);
- 2) интенсивность контактов в другой или другими сторонами (контактов и мирных – экономических, культурных, бытовых, и военных);
- 3) повышенный уровень рисков;
- 4) специфику, а иногда и двойственность, неопределенность самоидентификации коллективной местных сообществ.

При этом фронтирность может быть исторически сформировавшейся характеристикой (как у юго-западного приграничья России или Слобожанщины, включающей целый ряд регионов России и Украины) с особой идентичностью населения, мозаичностью этнокультурной и языковой структуры. Но также она может стать результатом взрывных изменений, вызванных, как указано выше, геополитическими сдвигами. В последнем случае рисковый характер фронтирности становится особенно очевидным. Если традиционная трактовка фронтирности в немалой степени основывалась на ее «контактной» или транзитной сущности, то современные тенденции формирования фронтирных сообществ, в результате военно-политических конфликтов, выдвигают на первый план «охранительные», защитные характеристики, возвращая к истокам формирования Русского государства, а приграничные территории юго-западных регионов к модели «Дикого поля». Неслучайно для обозначения цепи приграничных оборонительных сооружений в Белгородской области в 2022 году властью был извлечен из исторического краеведения концепт «засечной черты»¹.

В ряде публикаций авторов рассматривается влияние СВО на изменения в социуме приграничных российских регионов, в том числе, Белгородской области – социально-психологические, социокультурные, территориальные, демографические и пр. (Реутов и др., 2023). При этом особенностью эволюции российских регионов юго-западного фронта стало наложение друг на друга двух измерений фронтирности – исторической, традиционной с одной стороны и, формирующейся в процессе геополитических конфликтов, с другой. Совокупность отмеченных выше характеристик фронтирности, формируемой последними геополитическими сдвигами, и повышенный уровень рисков и угроз не могли не отразиться на системных характеристиках социума регионов фронта. Одной из базовых таких характеристик является демографическая ситуация и характер демографических процессов в регионах.

Объектом анализа являются демографическая ситуация и динамика регионов юго-западного приграничья России – Белгородской, Брянской и Курской областей. Ситуация в «новых регионах» с точки зрения осознания их фронтирности и ее фактора в демографическом развитии, вероятно, представляет еще больший интерес, однако отсутствие достоверных статистических данных откладывают решение данной задачи на неопределенное время. Но даже в указанных регионах статистические данные о демографическом развитии, во-первых, являются достаточно условными (особенно о миграционных процессах), и, во-вторых, ограничены серединой 2025 года, после которой их публикация была прекращена.

¹ На границе Белгородской области с Украиной создается оборонительная засечная черта // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5679999> (дата обращения: 21.03.2026).

Наиболее очевидными демографическими сдвигами в регионах юго-западного приграничья оказалась сфера миграции и территориальной мобильности в целом. Во-первых, регионы с протяженной границей с Украиной, особенно Белгородская область, пережили в 2022 году мощную волну транзитной миграции населения Украины, частично осевшего на территории областей. Согласно сведениям ПУ ФСБ России по Белгородской и Воронежской областям, в 2022 году через государственную границу Российской Федерации на белгородском участке проследовали 534 285 иностранных граждан и лиц без гражданства, из которых въехали на территорию Российской Федерации 322 482 человека и выехали 211 803. За 2023 год эти потоки уменьшились, но также оставались интенсивными: пересекли госграницу 382 492 человек, из которых 175 919 въехали на территорию России и 206 573 – выехали². Соответственно, такой рост транзитной и принимающей миграции из Украины вызвал в регионе всплеск анти-мигрантских настроений и фобий.

Во-вторых, устойчивый характер приобрел «военный» транзит через регионы приграничья – перемещение военнослужащих в зону СВО и обратно с более или менее длительным нахождением на территории регионов, а также их дислокация на местах. Последнее особенно характерно для Белгородской и Курской областей, вторжение в последнюю войсками ВСУ летом 2024 года существенно изменило военно-территориальный дизайн региона.

В-третьих, для регионов приграничья, особенно для Белгородской и Курской областей, стали очень заметны процессы внутрирегиональной миграции, Масштаб временного и постоянного перемещения жителей приграничных территорий на менее опасные для проживания места трудно определить, поскольку данный процесс продолжается. Тем не менее, число закрытых для посещения населенных пунктов в этих областях приближается к 200. Так, в Белгородской области на март 2026 года были закрыты 68 населенных пунктов и отселены более 14 тыс. человек³. Но в периоды обострения ситуации в регионе (прорывов и обстрелов со стороны ВСУ в Шебекинский, Грайворонский, Краснояружский округа) счет эвакуированных шел на десятки тысяч. В Курской области после вторжения ВСУ в августе 2024 года в зону отселения были включены 8 районов с населением 152 тыс. человек⁴. Последствиями таких перемещений является усиление неравномерности регионального развития и резкое снижение экономического потенциала приграничных муниципалитетов.

В-четвертых, усиление фронтирности регионов и их приграничных зон с соответствующим ростом угроз населению, социальной и производственной инфраструктуре вызвало значительный объем миграционного оттока из регионов. Но если в Брянской области миграционный отток в 2022–2024 гг. представлял собой «естественный» процесс, характерный и до СВО, то в Белгородской и Курской областях он явился прямым следствием «новой» фронтирности данных регионов. В Белгородской области после чистого миграционного прироста 2021 года в 6436 чел., в 2022–2024 гг., по данным Росстата, регион покинули 22 540 чел.⁵, хотя в действительности отток был в несколько раз выше, только не учитывался органами статистики.

² Состояние преступности в Белгородской области за январь - декабрь 2023 года. Управление МВД России по Белгородской области. URL: <https://31.мвд.рф/slujba/statistika-i-analitika/sostojanie-prestupnosti-v-belgorodskoj-ob> (дата обращения: 13.02.2026).

³ Более 14 тыс. жителей белгородского приграничья отселены из-за атак ВСУ. URL: <https://regnum.ru/news/4025933> (дата обращения: 20.03.2026).

⁴ В зону отселения в Курской области попали 8 районов региона – губернатор. URL: <https://crimea.ria.ru/20240822/v-zonu-otseleniya-v-kurskoy-oblasti-popali-8-rayonov-regiona--gubernator-1139801849.html> (дата обращения: 20.03.2026).

⁵ Социально-экономическое положение России. Январь 2022 года. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 02.03.2026); Социально-экономическое положение России. Январь 2024 года. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 02.03.2026); Социально-экономическое положение России. Январь 2025 года. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 05.03.2026).

Усиление фронтирного характера юго-западного приграничья отразилось не только на миграционных процессах, но и на естественном воспроизводстве населения, только эти изменения не были столь очевидны. Тем не менее, стоит отметить снижение рождаемости в Белгородской, Брянской и Курской областях гораздо более высокими темпами, нежели в других регионах Центрального федерального округа (ЦФО). Если в ЦФО в целом суммарный коэффициент рождаемости с 2021 по 2024 год снизился на 0,025, то в Белгородской области – на 0,192, в Брянской – на 0,144, в Курской – на 0,133⁶. Столь негативная динамика рождаемости (как по абсолютным, так и по относительным показателям) обусловлена комплексом факторов, в значительной мере восходящих к росту неопределенности будущего и, соответственно, откладыванию репродуктивных планов. Кроме того, на ухудшение показателей рождаемости (особенно в Белгородской области) мог повлиять тот самый миграционный отток населения в другие регионы. Поскольку основной объем уезжающих составили мужчины и женщины в репродуктивном возрасте, то и их репродуктивные практики реализовались уже в других регионах. Следует также отметить, что недоступность данных по 2025 году может скрывать очень неприятные «сюрпризы», особенно относительно Курской области, пережившей шок вторжения в 2024 году.

Смертность населения в меньшей степени испытала влияние военно-политической турбулентности, хотя ее учет в последние годы может вызывать ряд вопросов. Тем не менее, в 2024 году прирост общего коэффициента смертности в Белгородской и Курской областях оказался выше по сравнению с ЦФО в целом. Но в Брянской области динамика данного показателя была нейтральной – при соответствующем остальным регионам приграничья уровне: ЦФО – 12,3 умерших на 1000 населения, Белгородская область – 14,0, Брянская – 14,3, Курская – 15,0⁷. Отсутствие данных за 2025 год, для которого характерна интенсификация воздушных ударов по регионам фронта, также может скрывать усиление негативной динамики.

Таким образом, геополитические конфликты последнего десятилетия способствовали усилению фронтирного статуса приграничных территорий ряда стран, а зачастую – и всей территории в целом. Для регионов юго-западного приграничья России на традиционную фронтирность, имевшую в основном социокультурное и этнокультурное измерения, наложился фактор военно-политического порядка, сформировавший значительный объем угроз и рисков. «Новая» фронтирность заметно отразилась на демографических процессах в данных регионах. Существенно усилился миграционный отток и внутрирегиональные перемещения, а также транзитная миграция. Для естественного воспроизводства населения характерно снижение рождаемости вследствие самоограничения репродуктивных практик в условиях роста неопределенности и оттока населения репродуктивного возраста.

Библиографический список

1. Забияко А.П. (2016). Порубежье как данность человеческого бытия // Вопросы филологии. № 11. С. 26–36.
2. Замятина Н.Ю. (1998). Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. № 5. С. 75–89.
3. Реутов Е.В., Гармашев А.А., Полухин О.Н., Реутова М.Н. (2023). Трансформация восприятия проблематики безопасности в приграничном регионе в условиях специальной военной операции // Власть. № 4. С. 86–94.
4. Реутов Е.В., Реутова М.Н. Шавырина И.В. (2023). Социокультурные аспекты трансформации российского общества в условиях «новой реальности» // Социальная политика и социология. Т. 22. № 1 (146). С. 103–110.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Информация об авторе

Евгений Викторович Реутов – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Российская Федерация, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85; e-mail: reutovevg@mail.ru)

Reutov E.V.

STRENGTHENING THE FRONTIERISM OF TERRITORIAL SYSTEMS AND DEMOGRAPHIC RISKS FOR RUSSIAN SOUTHWESTERN BORDER REGIONS

Abstract. *Frontierism is considered a geographic, political and sociocultural condition of territorial systems located on the periphery of nation-state and/or civilizational communities and fulfilling the functions of protecting and transiting people, resources, assets, etc. An increase in the frontier status of regions in Russia's southwestern borderlands is noted due to the growth of geopolitical conflicts. This frontier status typically increases the risks for the development of territorial systems. Demographic risks for southwestern borderlands include the outflow of the economically active population, increased transit migration, depopulation of border areas, and declining birth rates as a response to increasing uncertainty and the outflow of reproductive-age populations.*

Keywords: *frontierism, southwestern borderlands, demographic risks, outflow, declining birth rates.*

About the author

Evgeniy V. Reutov – Candidate of Sciences (Sociological), Associate Professor of Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State University (85, Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russian Federation; e-mail: reutovevg@mail.ru)

References

1. Zabiyaiko A.P. (2016). The borderland as a given of human existence. *Questions of philosophy*, 11, 26–36.
2. Zamyatina N.Yu. (1998). The development zone (frontier) and image in American and Russian cultures. *Social sciences and modernity*, 5, 75–89.
3. Reutov E.V., Garmashev A.A., Polukhin O.N., Reutova M.N. (2023). Transformation of perception of security issues in the border region in the context of a special military operation. *Power*, 4, 86–94.
4. Reutov E.V., Reutova M.N., Shavyrina I.V. (2023). Sociocultural aspects of the transformation of Russian society in the context of the "New reality". *Social policy and sociology*, 22, 1(146), 103–110.

ДИНАМИКА ДОСТУПНОСТИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ И ЕЕ СВЯЗЬ С УРОВНЕМ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ УРФО

Аннотация. *Исследование посвящено оценке влияния социально-экономических факторов на здоровье населения и динамике ресурсного обеспечения здравоохранения в регионах Уральского федерального округа. Выявлены устойчивая дифференциация по доходам и медицинским ресурсам, сокращение сети фельдшерско-акушерских пунктов при росте стационарной активности и кадровый дефицит. Результаты могут использоваться для корректировки региональных программ развития здравоохранения.*

Ключевые слова: общественное здоровье, здравоохранение, доступность медицинской помощи.

Актуальность исследования общественного здоровья обусловлена демографическим кризисом и региональной дифференциацией показателей здоровья населения России (Дмитриев и др., 2015). Согласно концепции ВОЗ, здоровье формируется под влиянием социально-экономических, экологических и поведенческих факторов, что требует междисциплинарного подхода.

Современные исследования показывают, что региональные различия в смертности от основных классов заболеваний тесно связаны с уровнем социально-экономической депривации (Слепнева, 2021). Наибольшее влияние на индекс общественного здоровья оказывают уровень бедности, смертность от внешних причин и доступность жилья, тогда как среднестатистические доходы и безработица в присутствии показателя бедности статистически избыточны (Ананьев и др., 2018; Журавлева и др., 2021).

Особую остроту проблеме придает кадровый дефицит: к 2030 году для замещения выходящих специалистов России потребуется 496 тыс. медработников, при этом 43% врачей и медсестер старше 50 лет (Золотов, Паникарова, 2025). Исследователи указывают на системный характер кризиса, обусловленный чрезмерной специализацией первичного звена, дефектами планирования подготовки и недостаточными мерами социальной поддержки (Ходакова и др., 2023; Мажаров и др., 2025; Шейман, 2025).

Уральский федеральный округ представляет особый интерес, объединяя контрастные регионы: от высокоразвитых сырьевых территорий (ЯНАО, ХМАО) до депрессивных промышленно-аграрных субъектов (Курганская область) (Лаврикова, Ускова, 2025). Предыдущие исследования фиксировали высокую эффективность профилактической и скорой помощи в УрФО, однако кадровое обеспечение и доступность первичной медико-санитарной помощи остаются проблемными (Казанцева и др., 2021; Шеметова и др., 2023).

Эмпирическую основу составили данные Росстата и Минздрава России (сборники «Здравоохранение в России», форма № 30, материалы ЕМИСС). Объект исследования – регионы УрФО (Курганская, Свердловская, Тюменская, Челябинская области, ХМАО-Югра и ЯНАО). Временной интервал – 2000–2024 гг. с варьированием в зависимости от доступности показателей. Для сопоставимости абсолютные показатели пересчитаны на душу населения.

Методологический аппарат включает: описательную статистику для оценки вариации показателей; анализ рядов динамики (расчет приростов, темпов роста, скользящих средних); сравнительный межрегиональный анализ с графической визуализацией; корреляционный анализ (коэффициент Пирсона) для выявления связи между доходами населения, обеспеченностью ресурсами и объемами медицинской помощи; индексный метод для интегральной оценки доступности помощи. Обработка данных выполнена в Microsoft Excel и STATISTICA. При интерпретации учитывались ограничения, связанные с изменением методик учета. Подход позволил выявить проблемные зоны и территориальные диспропорции в ресурсном обеспечении здравоохранения регионов УрФО.

На основе предоставленных данных проведена оценка вариации ключевых показателей по семи субъектам УрФО (Курганская, Свердловская, Челябинская области, Тюменская область с автономными округами). Для сопоставимости часть показателей пересчитана на душу населения с использованием среднегодовой численности населения за соответствующие периоды (*табл. 1*).

Таблица 1. Среднедушевые денежные доходы населения в 2024 году, руб./мес.

Регион	Доходы, руб./мес.	Относительно среднего по РФ, %
Ямало-Ненецкий АО	154 347	241,3
Ханты-Мансийский АО – Югра	83 038	129,8
Тюменская область без АО	51 490	80,5
Свердловская область	64 683	101,1
Челябинская область	48 016	75,1
Курганская область	41 494	64,9
РФ в целом	63 959	100
Источник: составлено автором по данным Росстата.		

Доходы населения в регионах УрФО крайне неоднородны. Автономные округа (ЯНАО, ХМАО) существенно опережают среднероссийский уровень благодаря сырьевой специализации, тогда как Курганская и Челябинская области заметно отстают. Разрыв между ЯНАО и Курганской областью составляет 3,7 раза, что указывает на глубокие социально-экономические диспропорции внутри округа.

Наибольшая обеспеченность мощностями на душу населения наблюдается в Челябинской области (35,6), наименьшая – в автономных округах (около 27). Это может быть связано с более высокой плотностью населения в южных регионах и исторически сложившейся сетью медучреждений (*табл. 2*).

Таблица 2. Мощность АПО в 2024 году (тыс. посещений в смену) и на 10 000 населения

Регион	Мощность всего, тыс.	Мощность на 10 000 населения
Свердловская область	136,8	32,1
Челябинская область	120,5	35,6
Тюменская область (с АО)	111,0	28,9
в т. ч. ХМАО	47,1	27,8
в т. ч. ЯНАО	15,1	26,9
Тюменская обл. без АО	48,8	31,5
Курганская область	22,5	28,5
УрФО в целом	390,7	31,6
Источник: составлено автором по данным Росстата.		

Мощность амбулаторно-поликлинических организаций в УрФО за 20 лет выросла с 324,7 тыс. посещений в смену (2004 год) до 390,7 тыс. (2024 год) – рост 20,3%. Однако на душу населения прирост ниже из-за увеличения населения в отдельных регионах. Наибольший прирост мощности отмечен в Тюменской области (без АО) – с 40,5 до 48,8 тыс. (+20,5%), наименьший – в Курганской области (с 20,5 до 22,5 тыс., +9,8%). Это указывает на недостаточное развитие инфраструктуры в депрессивных регионах.

Обеспеченность врачами выше всего в автономных округах (ЯНАО, ХМАО), что объясняется более высокой заработной платой и социальными льготами. Курганская область, несмотря на низкие доходы, имеет сравнительно высокую обеспеченность средним медперсоналом, что может быть связано с меньшей миграцией в силу ограниченных альтернатив занятости (*табл. 3*).

Таблица 3. Численность врачей и среднего медперсонала на 10 000 населения в 2024 году.

Регион	Врачи, всего	На 10 000 населения.	Средний медперсонал, всего	На 10 000 населения.
Курганская область	793	100,5	8 428	1 068,4
Свердловская область	6 689	157,0	42 993	1 009,4
Челябинская область	4 146	122,5	31 556	932,1
Тюменская область (с АО)	6 441	167,8	50 212	1 308,4
в т.ч. ХМАО	2 997	177,1	24 005	1 418,7
в т.ч. ЯНАО	1 012	180,4	8 742	1 558,1
Тюменская обл. без АО	2 432	157,2	17 465	1 128,9
Справочно: РФ	-	157,0 (2023)	-	963,0 (2023)
Источник: составлено автором по данным Росстата.				

По РФ численность врачей сократилась с 337,7 тыс. (2008 год) до 230,2 тыс. (2024 год) – на 32%. В УрФО снижение сопоставимо: с 26,1 тыс. до 18,1 тыс. (31%). Особенно резкое падение в Челябинской области: с 6,9 тыс. до 4,1 тыс. (-40%). Численность среднего медперсонала также снижается: по РФ – с 821 тыс. до 523 тыс. (2008–2024 гг.) (36%). В УрФО – с 81,9 тыс. до 45,3 тыс. (-45%). Кадровый дефицит нарастает, что создает риски для доступности помощи.

По РФ число станций скорой помощи сократилось с 3 042 в 1990 году до 1833 в 2024 году, что отражает процесс централизации службы. Количество обслуживаемых граждан на 1000 населения снизилось с 359 в 2000 году до 270 в 2024 году, что может свидетельствовать либо о снижении заболеваемости, либо о сокращении доступности.

Для выявления взаимосвязи между уровнем жизни и обеспеченностью медицинской помощью рассчитаны коэффициенты корреляции Пирсона по данным за 2024 год (по семи регионам).

Таблица 4. Корреляция доходов с показателями здравоохранения

Показатель	Коэффициент корреляции с доходами	Интерпретация
Обеспеченность врачами на 10 000 нас.	+0,82	Сильная прямая связь: богатые регионы привлекают врачей
Обеспеченность средним медперсоналом	+0,75	Сильная связь
Мощность АПО на душу населения	-0,31	Слабая обратная связь (незначимо)
Число операций в стационаре на душу	-0,28	Слабая обратная связь
Число ФАПов на 1 000 сельского населения	-0,65	Умеренная обратная связь: в богатых регионах меньше ФАПов (централизация)
Источник: составлено автором по данным Росстата.		

Доходы населения тесно связаны с привлечением медицинских кадров, но не определяют напрямую обеспеченность мощностями и объемы помощи. Богатые регионы (ЯНАО, ХМАО) имеют лучшие кадровые показатели, но не всегда большую сеть учреждений, что может компенсироваться более высокой эффективностью или транспортной доступностью.

Для ранжирования регионов по доступности медпомощи рассчитан интегральный индекс, включающий четыре показателя (нормированы от 0 до 1):

- обеспеченность врачами на 10 000 населения;
- обеспеченность средним медперсоналом на 10 000 населения;
- мощность АПО на 10 000 населения;
- число операций в стационаре на 10 000 населения (как прокси интенсивности помощи).

Таблица 5. Интегральный индекс доступности медицинской помощи, 2024 год

Регион	Индекс	Ранг
Ямало-Ненецкий АО	0,92	1
Ханты-Мансийский АО – Югра	0,88	2
Тюменская область без АО	0,65	3
Свердловская область	0,60	4
Челябинская область	0,55	5
Курганская область	0,48	6
Источник: составлено автором по данным Росстата.		

Проведенное исследование позволило оценить динамику доступности медицинской помощи и ее связь с уровнем жизни населения в регионах Уральского федерального округа за 2000–2024 гг. Выявлена устойчивая дифференциация субъектов по доходам и обеспеченности медицинскими ресурсами. Разрыв между лидирующими северными автономными округами (ЯНАО, ХМАО) и аутсайдерами (Курганская область) по доходам достигает 3,7 раза, по обеспеченности врачами – 1,8 раза. Доходы населения тесно коррелируют с привлечением медицинских кадров ($r = +0,82$), но не определяют напрямую мощность учреждений и объемы помощи.

Установлены негативные тенденции кадрового обеспечения: за 15 лет численность врачей в УрФО сократилась на 31%, среднего медперсонала – на 45%. Особенно остро дефицит проявляется в промышленных регионах (Челябинская, Свердловская области). Сокращение сети фельдшерско-акушерских пунктов (в Курганской области – на 21%) снижает доступность первичной помощи для сельских жителей.

Интегральный индекс доступности медицинской помощи подтвердил лидерство автономных округов (0,92 и 0,88) и отставание Курганской области (0,48). Для снижения диспропорций необходима адресная региональная политика: привлечение врачебных кадров в депрессивные территории, развитие телемедицины и мобильных форм помощи, модернизация первичного звена в сельской местности. Результаты могут использоваться при корректировке региональных программ развития здравоохранения.

Библиографический список

1. Журавлева Т.А., Зубанова А.Е., Сороквашина Ю.С. (2021). Проблемы бедности, включая бедность работающего населения в России // Экономический анализ: теория и практика. Т. 20. № 12 (519). С. 2294–2312. DOI: 10.24891/ea.20.12.2294.
2. Ананьев В.Ю., Трухина Г.М., Сенникова В.Г., Горбачева Н.А. (2018). Здоровье населения и среда обитания – 25 лет: развитие и перспективы // Здоровье населения и среда обитания – ЗНиСО. № 4 (301). С. 7–9. DOI: 10.35627/2219-5238/2018-301-4-7-9.
3. Золотов А.А., Паникарова С.В. (2025). Кадровый дефицит в региональном здравоохранении: мифы, причины, решения // Профессиональное образование и рынок труда. Т. 13. № 1. С. 75–94. DOI: 10.52944/PORT.2025.60.1.005
4. Дмитриев В.В., Огурцов А.Н., Семенова З.А., Чистобаев А.И. (2015). Интегральная оценка состояния общественного здоровья на региональном уровне // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. № 12 (84).
5. Ходакова О.В., Сенотрусова Ю.Е., Деев И.А., Кобякова О.С. (2023). Кадровое обеспечение врачами в первичном звене здравоохранения в России // Здравоохранение Российской Федерации. Т. 67. № 6. С. 463–470. DOI: 10.47470/0044-197X-2023-67-6-463-470.
6. Мажаров В.Н., Семенова Т.В., Решетников В.А., Козлов В.В., Мовсесян Л.Э. (2025). Анализ проблем кадрового обеспечения системы здравоохранения и пути их решения (на примере Ставропольского края): ретроспективное аналитическое описательное исследование // Кубанский научный медицинский вестник. Т. 32. № 2. С. 69–77.

7. Казанцева А.В., Набойченко Е.С., Муратова А.А., Таскина Е.К. (2021). Оценка тенденций изменения кадровой ситуации в первичном звене здравоохранения Свердловской области // Уральский медицинский журнал. Т. 20. № 6. С. 4–13. DOI: 10.52420/2071-5943-2021-20-6-4-13.
8. Шеметова Г.Н., Губанова Г.В., Милашевская Т.В. [и др.]. (2023). Оценка кадровой обеспеченности медицинским персоналом и доступности первичной медико-санитарной помощи (ПМСП): региональный аспект // Социальные аспекты здоровья населения. Т. 69. № 4. DOI: 10.21045/2071-5021-2023-69-4-16.
9. Слепнева Л.Р. (2021). Проблемы и тенденции социально-экономической депривации в регионах России // Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм: сборник пленарных докладов Объединенного международного конгресса СПЭК-ПНО-2020, Москва, 02–04 декабря 2020 года. Т. 3. Москва: Ассоциация «Некоммерческое партнерство по содействию в проведении научных исследований Институт нового индустриального развития им. С.Ю. Витте». С. 332–346.
10. Лаврикова Ю.Г., Ускова А.Ю. (2025). Уральский федеральный округ: итоги социально-экономического развития в I полугодии 2025 года: аналитический бюллетень. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. 108 с.
11. Шейман И.М. (2025). Кадровый дефицит в здравоохранении: Причины и пути преодоления // Вопросы государственного и муниципального управления. № 4. С. 110–138. DOI: 10.17323/1999-5431-2025-0-4-110-138.

Информация об авторе

Людмила Константиновна Чеснюкова – старший преподаватель кафедры экономической теории и прикладной социологии, Уральский государственный экономический университет Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45; e-mail: uvl70@yandex.ru)

Chesnyukova L.K.

THE DYNAMICS OF THE AVAILABILITY OF MEDICAL CARE AND ITS RELATION TO THE STANDARD OF LIVING OF THE POPULATION IN THE REGIONS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT

Abstract. *The study is devoted to assessing the impact of socio-economic factors on public health and the dynamics of health resource provision in the regions of the Ural Federal District. A steady differentiation in income and medical resources, a reduction in the network of FAPs with an increase in inpatient activity, and a staff shortage were revealed. The results can be used to adjust regional health development programs.*

Keywords: *public health, healthcare, accessibility of medical care.*

About the author

Lyudmila K. Chesnyukova – Senior Lecturer at the department of economic theory and applied sociology, Ural State University of Economics (62/45, March 8th/Narodnaya Volya Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: uvl70@yandex.ru)

References

1. Zhuravleva T.A., Zubanova A.E., Sorokvashina Yu.S. (2021) Problems of poverty, including the poverty of the working population in Russia. *Economic analysis: theory and practice*, 20, 12(519), 2294–2312. DOI: 10.24891/ea.20.12.2294.
2. Anan'ev V.Yu., Trukhina G.M., Sennikova V.G., Gorbachyova N.A. (2018). Public health and habitat – 25 years: development and prospects. *Public health and habitat – ZNiSO*, 4(301), 7–9. DOI: 10.35627/2219-5238/2018-301-4-7-9

3. Zolotov A.A., Panikarova S.V. (2025). Personnel shortage in regional healthcare: myths, causes, solutions. *Vocational education and the labor market*, 13, 1, 75–94. DOI: 10.52944/PORT.2025.60.1.005
4. Dmitriev V.V., Ogurtsov A.N., Semenova Z.A., Chistobaev A.I. (2015). Integral assessment of the state of public health at the regional level. *Management of economic systems: an electronic scientific journal*, 12(84).
5. Khodakova O.V., Senotrusova Yu.E., Deev I.A., Kobayakova O.S. (2015). Staffing of doctors in primary healthcare in Russia. *Healthcare of the Russian Federation*, 67, 6, 463–470. DOI: 10.47470/0044-197X-2023-67-6-463-470
6. Mazharov V.N., Semenova T.V., Reshetnikov V.A., Kozlov V.V., Movsesyan L.E. (2025). Analysis of the problems of staffing the healthcare system and ways to solve them (on the example of the Stavropol Territory): a retrospective analytical descriptive study. *Kuban Scientific Medical Bulletin*, 32, 2, 69–77.
7. Kazantseva A.V., Naboychenko E.S., Muratova A.A., Taskina E.K. (2021). Assessment of trends in the personnel situation in the primary health care of the Sverdlovsk region. *Ural Medical Journal*, 20, 6, 4–13. DOI: 10.52420/2071-5943-2021-20-6-4-13
8. Shemetova G.N., Gubanova G.V., Milashevskaya T.V. [et al.]. (2023). Assessment of staffing of medical personnel and accessibility of primary health care (PHC): the regional aspect. *Social aspects of public health*, 69, 4. DOI: 10.21045/2071-5021-2023-69-4-16
9. Slepneva L.R. (2021). Problems and trends of socio-economic deprivation in the regions of Russia. The genesis of neonomics: NTP, diffusion of property, socialization of society, solidarism: Collection of plenary reports of the Joint International Congress SPEC-phno-2020, Moscow, December 02–04, 2020. Volume 3. Moscow: Association “Non-profit Partnership for Assistance in Scientific research Witte Institute for New Industrial Development”, 332–346.
10. Lavrikova Yu.G., Uskova A.Yu. (2025). Ural Federal District: results of socio-economic development in the first half of 2025: analytical bulletin. Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
11. Sheiman M.N. (2025). Personnel shortage in healthcare: Causes and ways to overcome. *Issues of state and municipal management*, 4, 110–138. DOI: 10.17323/1999-5431-2025-0-4-110-138

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье исследованы теоретико-методологические аспекты и отражены основные направления развития социально-демографической политики региона: развитие научно-инновационной сферы, обеспечение устойчивого экономического роста, повышение качества и уровня жизни, развитие человеческого капитала и социальной сферы в условиях глобальных трансформаций. Определена приоритетность использования комплексного подхода для повышения стабильности социально-демографического развития региона, выражающееся в высоком уровне жизни, положительных демографических показателях, экономической устойчивости.

Ключевые слова: глобализация, социально-демографическое развитие региона, факторы активизации инновационной деятельности, экономический рост, устойчивое развитие.

В условиях современного состояния социально-демографических трендов социально-экономического развития экономической системы общества, устойчивое развитие социально-демографической системы региона, посредством обеспечения расширенных процессов воспроизводства населения за счет эффективного использования ограниченных социально-экономических ресурсов, выступает актуальной исследовательской задачей.

Переход к цифровым технологиям позволяет организациям региона строить долгосрочные отношения с клиентами, что способствует более эффективному взаимодействию с целевой клиентской аудиторией, а также открывает новые возможности для роста и инноваций¹ (Аюпов и др., 2020).

В условиях цифровой трансформации экономической системы, существенного давления и роста природных ограничений, приоритетная цель достижения долгосрочного экологически приемлемого (включая демографический фактор) экономического развития современного общества, в контексте предмета исследования социально-экологической сферы, состоит в поиске устойчивых эколого-экономических основ безопасного сосуществования природных (естественных) и антропогенных (искусственных) экосистем в условиях возрастающего давления геополитических факторов в мировой экономической системе.

Концептуальную основу исследований в сфере социально-экологической сферы экономики составляют несколько основных направлений, связанных с изучением способности эколого-экономических систем к самовосстановлению путем использования способности к обновлению несущей емкости экосистемы, реализуемой в определенных физических ограничениях; оценки пропускной способности экосистемы под воздействием природных (болезни, уровень потребления ресурсов, количество экосистем и др.) и антропогенных (техногенное загрязнение среды, уничтожение флоры и фауны, техногенное влияние на изменение климатических условий обитания и др.) факторов. Кроме того, в результате хозяйственной деятельности всегда существует вероятность удорожания процессов и процедур восстановления экосистем региона в сравнении со стоимостью производства продукции при использовании неэффективных технологий или вследствие социально-демографических кризисов. Поэтому, несмотря на степень достижения эффективности производственных процессов, с точки зрения минимизации внешних эффектов или сокращения отходов, функционирование промышленных экосистем всегда будет способствовать повышению устойчивых эколого-экономических основ безопасного существования (Фурс, Шевченко, 2021) естественных и антропогенных экосистем при практически одновременном продолжающемся процессе сокращения природных биоресурсов в мировой экономике, в т. ч. с учетом цифровизации систем сбора, обработки и прогнозирования данных².

¹ Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года: одобрено протоколом заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 02.05.2017 № 10. <http://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf>. (дата обращения: 01.02.2026)

² Пять уровней развития ИИ от OpenAI: путь к созданию AGI. URL: <https://ictnews.uz/17/07/2024/agi-roadmap/> (дата обращения: 01.02.2026)

На рисунке 1 приведена информация о структуре цифровых технологий применяемых в условиях действия трансформационных и демографических рисков в соответствующий период глобального демографического кризиса.

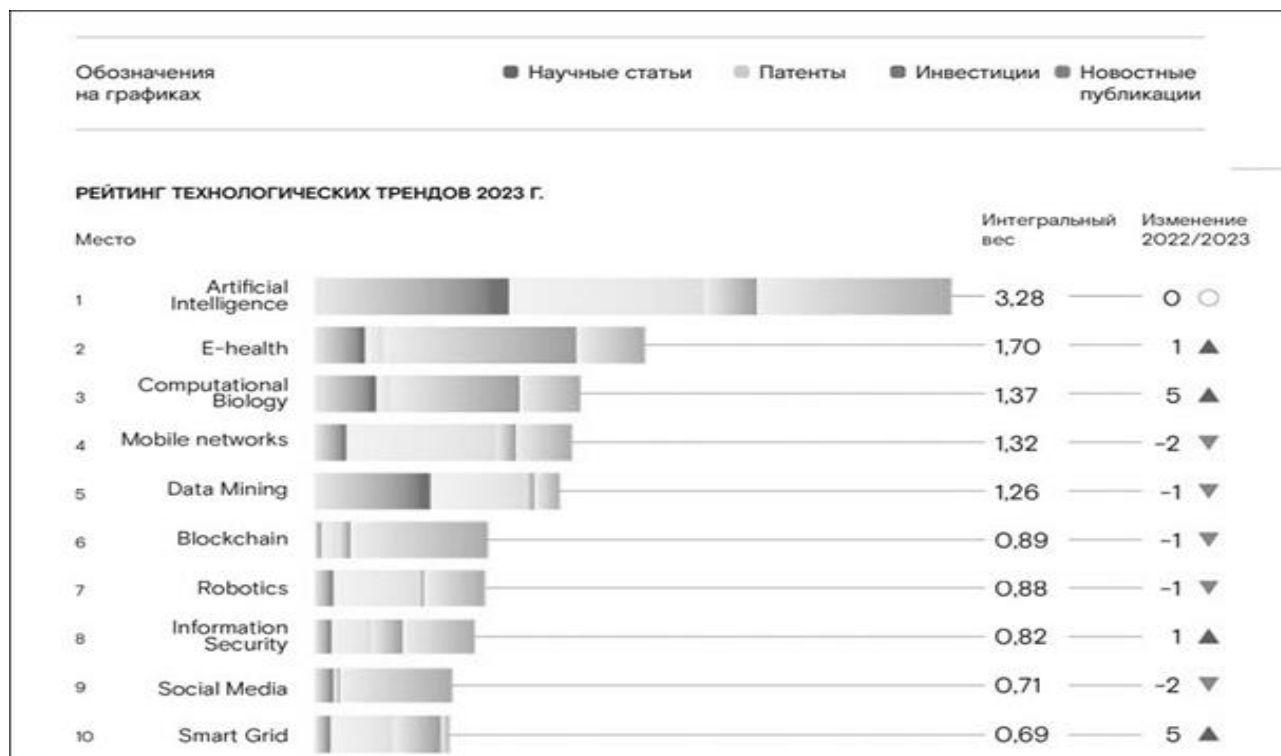

Рис. 1. Рейтинг технологических трендов, 2023 год

Источник: ПАО «Ростелеком». URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2024/12/rostelecom_trends_2024.pdf (дата обращения: 01.02.2026)

Таким образом, выявлено, что для достижения поставленных в ЦУР ООН, НСУР-2030 результатов обязательно нужна сбалансированная среда всех трех аспектов устойчивого развития: экологического, экономического, социального (Диденко, 2021). Определено, что существующие сегодня методологические подходы к оценке устойчивого развития региональных социально-экономических систем демонстрируют тенденции к использованию величин, конструируемых в качестве интегрального обобщающего индикатора, агрегированного на основе экономических, социальных и экологических показателей, с использованием систем частных индикаторов, каждый из которых отражает и измеряет отдельные аспекты устойчивого развития.

На данном этапе проведенного исследования были изучены условия обеспечения роста формирования эколого-экономически устойчивых систем производства продуктов питания и внедрения методов ведения сельского хозяйства, которые позволяют повысить продуктивность, обеспечить наращивание объемов производства и способствуют сохранению экосистем, укрепляют способность социально-экономических и экологических систем регионов к самовосстановлению (Фурс, Шевченко, 2022).

Таким образом, обеспечение сохранности естественных ландшафтов региона возможно реализовать путем обеспечения создания условий повышения экологической устойчивости экосистем, которые способствуют их сохранению, укрепляют способность адаптации к изменению климатических условий, стихийным бедствиям и постепенно улучшают качество плодородных земель и почв. В числе наиболее востребованных и относительно новых теорий, концепций подходов и методических приемов, которыми оперирует современная региональная экономика, следует выделить концепции устойчивого развития, разумной специализации, различные методики регионального форсайта или предвидения, а также блок теорий, концепций, подходов и научных школ, связанных с исследованием экономической динамики и, в частности, цикличности в развитии регионов и городов.

Изучение роли и значения зеленой экономики в устойчивом развитии регионов позволило сформировать понятийный аппарат для проведения необходимых исследований, в результате проанализированы трансграничные, национальные и региональные программы защиты окружающей среды и, как результат проведенных исследований, сформулированы рекомендации по усовершенствованию механизма мотивации и контроля при реализации стратегии устойчивого развития различных регионов.

Обеспечение устойчивого социально-экономического развития является неперенным условием национальной безопасности региона и, в т. ч., экологической, как одной из ее составляющих. В связи с этим обеспечение ее достижения требует сохранения региональных экосистем, защиты населения от вредных воздействий чрезвычайных ситуаций как природного, так и технического характера, а также рационального использования имеющихся природных ресурсов, что предполагает участие всех сторон регионального сообщества в процессах технологической трансформации промышленных экосистем с объединением усилий органов государственной власти, учреждений образования, общественных объединений и бизнес-сообществ. Стремительный технологический прогресс подчеркивает необходимость постоянных дискуссий об этических последствиях и потенциальном социальном влиянии все более мощных систем искусственного интеллекта на устойчивость экономического развития региона.

Библиографический список

1. Аюпов А.Н. [и др.]. (2020). Цифровая трансформация экономики: теория и практика в интеграционных союзах. Минск: Институт бизнеса БГУ. 227 с.
2. Диденко Н.И. (2021). Международный маркетинг. Практика. Москва: Юрайт. 406 с.
3. Фурс М.В., Шевченко О.В. (2021). Экологически устойчивая урбанизация как фактор активизации инновационной деятельности в регионе. Проблемы современной экономики: глобальный, национальный и региональный контекст: сборник научных статей. Гродно: ГрГУ им. Янки Купалы. С. 190–199.
4. Фурс, М.В., Шевченко, О.В. (2022) Транспортно-логистический потенциал как фактор устойчивого развития экономики Республики Беларусь // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 5, Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія. Т. 12. № 2. С. 55–63.

Информация об авторе

Оксана Викторовна Шевченко – старший преподаватель УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (Республика Беларусь, 230000, г. Гродно, ул. Ожешко, д. 22)

Shevchenko O.V.

SOCIO-DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE REGION IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Abstract. *The purpose of this work is to the theoretical and methodological aspects and reflects the main areas of development for the region's socio-demographic policy: developing scientific and innovative sectors, ensuring sustainable economic growth, improving the quality and standard of living, and developing human capital and the social sphere in the context of global transformations. The article identifies the priority of using an integrated approach to achieve stable socio-demographic development in the region, reflected in a high standard of living, positive demographic indicators, and economic sustainability.*

Keywords: *globalization, socio-demographic development of the region, factors stimulating innovation, economic growth, sustainable development.*

About the author

Oksana V. Shevchenko – Senior Lecturer, Yanka Kupala state university of Grodno (22, Ozheshko Street, Minsk, 230000, Republic of Belarus)

References

1. Ayupov A.N. (2020). Digital transformation of the economy: theory and practice in integration unions. Minsk: Institute of Business, BSU.
2. Didenko N.I. (2021) International marketing. Practice. Moscow: Yurait.
3. Furs M.V., Shevchenko O.V. (2021). Environmentally sustainable urbanization as a factor in activating innovation in the region. Problems of the modern economy: global, national and regional context: collection of scientific articles. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno, 190–199.
4. Furs M.V., Shevchenko O.V. (2022) Transport and logistics potential as a factor in sustainable development of the economy of the Republic of Belarus // *Vesnik Grodno economic sciences of Yanka Kupala. Ser. 5, Ekanomika. Sacyyalogiya. Biyalogiya*, 12, 2, 55–63.

СЕКЦИЯ № 2

**Экосистема благополучия населения: рынок труда,
образование и качество жизни**

ЗНАЧИМОСТЬ СУБЪЕКТНОСТИ СТУДЕНТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *Статья направлена на рассмотрение значимости субъектной позиции студента в высшем образовании как фактора результативности. Показана значимость субъектности для построения и реализации индивидуальной образовательной траектории, осмысленного использования инструментов искусственного интеллекта, развития культуры непрерывного образования. Делается вывод о том, что в условиях реформирования высшего образования субъектность особенно важна для формирования цельной и социально ответственной личности.*

Ключевые слова: *субъектность, субъектная позиция, высшее образование, студент, осознанность, осмысленность, рефлексия.*

В современных условиях высшее образование (ВО) ориентировано на формирование не только предметных, но и метакогнитивных компетенций, позволяющих решать широкий спектр профессиональных задач и выстраивать траекторию непрерывного саморазвития (Олимов и др., 2025). Результативность студентов в образовательной деятельности зависит от множества факторов, однако одним из важнейших является признание за ними статуса субъекта, который имеет двойственную природу и предполагает, с одной стороны, принятие актуального состояния и личных особенностей, с другой – веру в способность прикладывать усилия, развиваться и совершать ответственный выбор (Пичугин, 2026).

Существующие исследования свидетельствуют, что субъектность является системным качеством личности, интегрирующим различные структурные компоненты. Так, Т.В. Ильиных выделяет: мотивационный (инициативность, мотивация к самореализации), когнитивно-рефлексивный (осознанность, критическое мышление), деятельностный (адаптивность, ответственность) и социальный (групповое взаимодействие, психологический капитал) компоненты (Ильиных, 2025). О.А. Чопик, в свою очередь, фокусирует внимание на: когнитивной активности (способность к сложным мыслительным действиям – анализу, синтезу, рефлексии), самостоятельности (саморегуляция, автономность, инициативность), ответственности (осознание последствий собственных решений и действий) и рефлексивности (осмысленное отношение к собственному образованию, его результатам) (Чопик, 2025).

Ключевая идея, которую данные авторы закладывают в концептуализацию субъектности в образовательной деятельности, сводится к тому, что она выходит за пределы индивидуальной активности и самовыражения. Как отмечает И.И. Калина и соавторы, субъектность включает не только «самость» (способность человека к проявлению собственных интересов и инициатив), но и «agency» (осознанную направленность на реализацию значимой миссии, ценностно-смысловой вклад в культуру и общество), а важнейшим измерением субъектности выступает «subjectness» – понимание своей включенности в структуру совместной деятельности, способность осознавать интересы и ограничения других участников образовательного процесса. Таким образом, субъектность в образовании – это не просто автономия и инициативность, а интегративная способность человека сочетать личные смыслы с пониманием коллективной миссии, ценностным отношением к культуре и осознанным принятием своей роли в системе социальных и профессиональных взаимодействий (Калина и др., 2022).

Чтобы подробнее раскрыть положительные эффекты субъектности в образовательной деятельности студента, рассмотрим ее проявления в трех аспектах:

- формирование индивидуальной образовательной траектории (ИОТ);
- использование искусственного интеллекта (ИИ) в образовательных целях;
- непрерывное образование (в т. ч. после окончания университета).

Субъектность выступает ключевым условием построения индивидуальной образовательной траектории, поскольку обеспечивает переход студента к активному проектированию собственного обучения. Суть персонализированного образования заключается в том, что обучающийся не только усваивает предложенное содержание, но и самостоятельно определяет цели, соотносимые с его возможностями, выбирает методы, средства и темп освоения материала, а также принимает ответственность за результат обучения. Тем самым образовательный процесс приобретает характер внутренне организованной деятельности, основанной на осознанном выборе. Также субъектность позволяет студенту осуществлять постоянную коррекцию своей образовательной траектории за счет рефлексии и самоконтроля, а способность анализировать собственные образовательные достижения, выявлять дефициты и адаптировать способы их восполнения делает траекторию не статичной, а динамичной системой, чувствительной к изменениям целей и условиям обучения (Сысоев, 2025).

Субъектность определяет характер включения ИИ в образовательную деятельность, задавая рамку его осмысленного и контролируемого использования. При наличии субъектной позиции обучающийся способен интегрировать ИИ в процесс обучения как инструмент решения конкретных познавательных задач: от поиска и структурирования информации до получения обратной связи и моделирования сложных ситуаций. При этом ключевые функции постановки целей, интерпретации результатов и принятия решений сохраняются за студентом, что позволяет избежать подмены познавательной активности технологическими средствами. Другим важным эффектом субъектности является способность критически оценивать результаты, получаемые с помощью ИИ, включая выявление ошибок, ограничений и искажений в генерируемой информации (Чопик, 2025). Это особенно важно в условиях, когда современные технологии не гарантируют абсолютной точности и требуют осмысленной верификации. Таким образом, субъектность обеспечивает не только эффективное, но и ответственное использование ИИ, превращая его в ресурс развития учебной автономии и познавательных компетенций.

Вместе с тем субъектность является основанием формирования готовности к непрерывному образованию, поскольку делает образовательную активность внутренне мотивированным процессом. В отличие от обучения, ограниченного институциональными рамками, непрерывное образование предполагает способность самостоятельно инициировать освоение новых знаний и компетенций, исходя из изменяющихся профессиональных и социальных требований. Субъектная позиция обеспечивает осознание ценности образования как постоянного процесса и формирует установку на его продолжение за пределами формального обучения. В результате обучение приобретает характер непрерывной самообразовательной деятельности, в которой человек выступает не объектом внешнего воздействия, а активным субъектом собственного развития (Хисматулина, 2024). Это соответствует современным требованиям к специалисту, способному адаптироваться к изменениям и поддерживать профессиональную компетентность на протяжении всей жизни.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что субъектность студента не ограничивается рамками образовательного процесса, а вносит вклад в воплощение приоритетных направлений реформирования высшего образования в России. Переход на новую модель ВО ориентирован на подготовку специалистов, способных не только решать практические задачи, но и работать в команде, генерировать новые идеи, а также учитывать социальный контекст деятельности (Воронин и др., 2025). Субъектность же выступает интегративным качеством, которое обеспечивает как профессиональную мобильность, так и способность принимать осознанное участие в развитии общества.

Библиографический список

1. Воронин А.И., Ришко Ю.И., Саберов Р.А., Фильченкова И.Ф. (2025). Новая модель уровней высшего образования: принципы проектирования // Вестник Мининского университета. Т. 13. № 1. С. 3. DOI: 10.26795/2307-1281-2025-13-1-3.
2. Ильиных Т.В. (2025). Педагогические условия развития субъектности студентов вуза: промежуточные результаты оценки авторской программы // Профессиональное образование и воспитание. Т. 10. № 7. DOI: 10.30853/ped20250122.
3. Калина И.И., Положевец П.Г., Казакова Е.И., Калимуллин А.М., Реморенко И.М. (2022). Вызовы и перспективы личностно-развивающего образования // Образовательная политика. № 2 (90). С. 12–27.
4. Олимов К.Т., Алимов А.А., Безгодова С.А., Мусаева Н.Н. (2025). Актуализация таксономии учебных целей в контексте задач современного профессионального образования // Образование и наука. Т. 27. № 7. С. 9–32. DOI: 10.17853/1994-5639-2025-7-9-32.
5. Пичугин В.Г. (2026). Гуманизм без субъекта: кризис гуманистической парадигмы в образовании // Высшее образование в России. Т. 35. № 2. С. 74–91. DOI: 10.31992/0869-3617-2026-35-2-74-91.
6. Сысоев П.В. (2025). Персонализированное обучение на основе технологий искусственного интеллекта: насколько готовы современные студенты к новым возможностям получения образования // Высшее образование в России. Т. 34. № 2. С. 51–71. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-2-51-71.
7. Хисматулина Н.В. (2024). Взаимообусловленность развития критического мышления и образовательной субъектности в структуре совокупности метапредметных компетенций у обучающихся на ступени высшего образования // Педагогика. Вопросы теории и практики. Т. 9. № 7. DOI: 10.30853/ped20240084.
8. Чопик О.А. (2025). Искусственный интеллект как фактор трансформации субъектной позиции студентов в высшем образовании // Высшее образование в России. Т. 34. № 8–9. С. 54–73. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-8-9-54-73.

Информация об авторе

Егор Олегович Азанов – студент, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: azanov8899@gmail.com)

Azanov E.O.

THE IMPORTANCE OF STUDENT SUBJECTIVITY IN HIGHER EDUCATION

Abstract. *Article aims to consider the importance of student subject stance in higher education. The importance of subjectivity for the construction and implementation of an individual educational trajectory, the meaningful use of artificial intelligence tools, and the development of a culture of life-long education is shown. It is concluded that in the context of higher education reform, subjectivity is especially important for the formation of a whole and socially responsible personality.*

Keywords: *subjectness, subject stance, higher education, student, awareness, meaningfulness, reflection.*

About the author

Egor O. Azanov – student, Institute of Finance and Economics, Tyumen State University (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: azanov8899@gmail.com)

References

1. Voronin A.I., Rishko Yu.I., Saberov R.A., Filchenkova I.F. (2025). New model of higher education levels: principles of designing. *Vestnik of Minin University*, 13. 1. DOI: 10.26795/2307-1281-2025-13-1-3.
2. Ilinykh T.V. (2025). Pedagogical conditions for developing university students' agency: interim results of evaluating an author's program. *Vocational Education*, 10, 7. DOI: 10.30853/ped20250122
3. Kalina I.I., Polozhevets P.G., Kazakova E.I., Kalimullin A.M., Remorenko I.M. (2022). Challenges and prospects of personal development education. *Educational policy*, 2(90), 12–27.
4. Olimov K.T., Alimov A.A., Bezgodova S.A., Musayeva N.N. (2025). Updating the taxonomy of educational goals in the context of contemporary professional education challenges. *The Education and Science Journal*, 27(7), 9–32. DOI: 10.17853/1994-5639-2025-7-9-32
5. Pichugin V.G. (2026). Humanism without a subject: the crisis of the humanistic paradigm in education. *Higher education in Russia*, 35, 2, 74–91. DOI: 10.31992/0869-3617-2026-35-2-74-91
6. Sysoyev P.V. (2025). Personalized learning based on artificial intelligence: how ready are modern students for new educational opportunities. *Higher education in Russia*, 34, 2, 51–71. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-2-51-71
7. Khismatulina N.V. (2024). The interdependence of the development of critical thinking and educational subjectivity in the structure of the set of meta-subject competencies of higher education students. *Pedagogy. Theory & Practice*, 9, 7. DOI: 10.30853/ped20240084
8. Chopik O.A. (2025). Artificial intelligence as a factor in transforming the subjective position of students in higher education. *Higher education in Russia*, 34, 8–9, 54–73. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-8-9-54-73

КЛЮЧЕВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В 2026 ГОДУ: БАЛАНС МЕЖДУ УСТОЙЧИВОСТЬЮ И СНИЖЕНИЕМ ЗАТРАТ

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в положении и субъективной оценке предпринимателей за последние несколько лет, анализируются причины, повлиявшие на изменения, и предлагаются возможные меры для повышения устойчивости компаний.

Ключевые слова: малые и средние предприятия, изменения, вызовы, стратегия компаний, налоговая политика, повышение устойчивости.

Изменения в налоговой политике, снижение доходов и пессимистические настроения владельцев компаний заставляют обратить особое внимание на ключевые вызовы для малых и средних предприятий в текущем году. Для понимания ситуации обратимся к данным исследования динамики положения бизнесов участников лонгитюда малого бизнеса ФОМ¹, отслеживающего жизненные траектории компаний с июля 2021 года по настоящее время. В динамическом ежеквартальном опросе предпринимателей отмечается ухудшение некоторых показателей к концу 2025 года, а именно:

А) одновременно со снижением спроса (41% от всех опрошенных) компании отмечают, что конкурировать на рынке стало труднее;

Б) около трети компаний испытывают недостаток дохода для покрытия прямых расходов бизнеса, а показатель конца 2025 года близится к показателю трудных «пандемийных» периодов (2021 год и первый квартал 2022 года);

В) со второй половины 2023 года увеличивается количество предпринимателей, допускающих возможность принятия решения о закрытии или продаже бизнеса – практически треть компаний допускает такое развитие событий².

Как меняется выбранная стратегия компаний за последние четыре года? На рисунке 1 проиллюстрированы изменения в бизнес-стратегиях компаний – к концу 2025 года увеличивается на 12% количество «выживающих» компаний, в 2 раза уменьшается количество компаний, ориентированных на рост и на 5% снижается количество компаний, выбирающих стратегию сохранения.

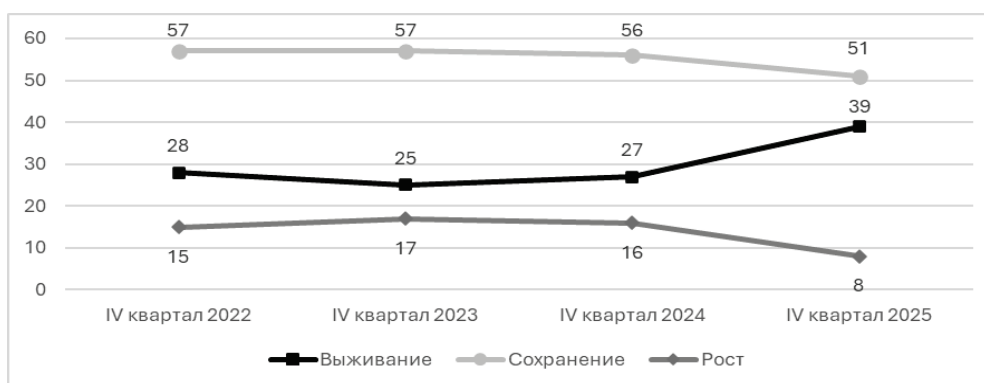

Рис. 1. Бизнес-стратегии компаний в период с 2022 по 2025 гг. (N = 700), %

Источник: составлено автором на основании данных Лонгитюда Малого Бизнеса.

¹ Лонгитюд малого бизнеса – проект по исследованию предпринимательства в России, инициированный Фондом общественного мнения (ФОМ) совместно с Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в 2021 году. Лонгитюд – особый вид социологического исследования, рассчитанный на длительное время. Участники лонгитюда – предприниматели, владельцы или совладельцы компаний из сферы малого бизнеса, согласившиеся регулярно, на протяжении нескольких лет участвовать в исследовании, то есть заинтересованные люди, которые сочли важными идею и масштаб проекта.

² Лонгитюд Малого Бизнеса ФОМ. URL: <https://smbiz.fom.ru/post/pessimizm-trevozhnost-i-vyzhivanie-predprinimateli-o-proshedshem-i-tekushem-kvartalah#v-q> (дата обращения 25.03.2026).

На рис. 2 наглядно проиллюстрировано кратное увеличение предпринимателей, ожидающих ухудшения в текущем квартале и уменьшение на 17% компаний, которые вступили в квартал с оптимизмом и уверенностью.

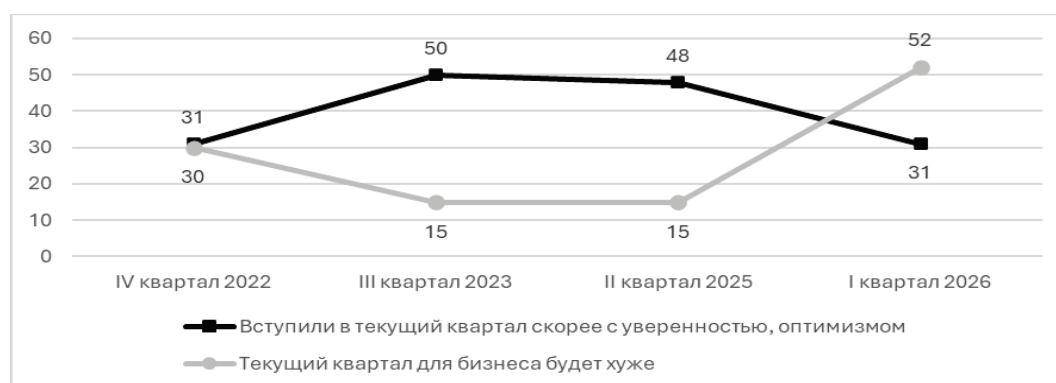

Рис. 2. Ожидания компаний о текущем квартале в период с 2022 по 2026 гг. (N = 700), %
Источник: составлено автором на основании данных Лонгитюда Малого Бизнеса.

Что повлияло на ухудшение показателей и что можно предпринять для повышения устойчивости компаний? Во-первых, важными причинами, вызывающими волнения за будущее у предпринимателей, стали изменения в налоговой политике, а именно повышение размера ставки налога на добавленную стоимость (НДС) с 20 до 22% и уменьшение предельного размера доходов с 60 до 10 млн руб. Это означает, что при повышении предельного значения в доходах у предпринимателей малого и среднего сегмента появляется обязанность платить НДС, то есть затраты существенно возрастают³. Новость об изменении налоговой реформы вызвала широкий резонанс и волнение еще на этапе законопроекта преимущественно малых предпринимателей, работающих на системе упрощенной системы налогообложения (УСН)⁴. Во-вторых, ухудшение общей финансовой устойчивости, проявляющееся в снижении доходов и недостатке компенсации на прямые затраты бизнеса. В-третьих, при работе в новых условиях, закономерно, руководителям компаний и сотрудникам требуется время для поиска решений и адаптации к меняющимся условиям.

На основании вышеизложенного, ключевыми вызовами для предприятий в этом году будут удержание финансовой устойчивости, сохранение доходности компаний, поиск путей оптимизации затрат и минимизация риска закрытия компании. Одновременно с этими вызовами, чтобы не потерять репутацию и оставаться конкурентоспособными на рынке, предприятиям необходимо производить актуальные, востребованные товары и услуги без потери качества и рекламаций. Возможные меры для повышения устойчивости компании:

- С целью удержания финансовой устойчивости руководителям компании рекомендуется использовать и резервировать собственные средства для обеспечения жизнедеятельности компании не менее, чем на 6 месяцев, т. к. кредитные средства могут быть дополнительным дестабилизирующим фактором для компании.
- В качестве мер оптимизации затрат для определенных сфер рассмотреть возможность использования цифровых инструментов в качестве экономии ресурсов компании.
- Для повышения стабильности компании рекомендуется расширять присутствие в разных клиентских сегментах, чтобы минимизировать зависимость от одного ключевого сегмента.
- Для минимизации риска закрытия компании рекомендуется провести общий аудит затрат на предмет оптимизации и перераспределения расходов на 2 группы: обязательные (первичные) затраты для обеспечения работы компании и вторичные затраты, которые можно перераспределять во времени или отказаться без нанесения ущерба деятельности компании.

³ О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон от 28.11.2025 № 425-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_520020/ (дата обращения 25.03.2026).

⁴ Налоговая реформа 2026 года: ключевые изменения // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/6937f2269a79472d3d11b9e?ysclid=mn8xwq0nr0557770734> (дата обращения 25.03.2026).

Информация об авторе

Евгения Сергеевна Алферова – исполнительный директор ООО «Технологии развития», Аспирант, Ивановский государственный университет, (Российская Федерация, 153000, г. Иваново, ул. Бубнова, д. 40А; e-mail: e_alferova@develop-pro.ru)

Alferova E.S.

KEY CHALLENGES FOR SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES IN 2026: BALANCING SUSTAINABILITY AND COST REDUCTION

Abstract. *The article examines changes in the situation and subjective assessment of entrepreneurs over the past few years, analyzes the reasons that influenced these changes, and suggests possible measures to improve the sustainability of companies.*

Keywords: *small and medium-sized enterprises, changes, challenges, company strategies, tax policies, increasing sustainability.*

About the author

Evgeniya S. Alferova – executive director Technologies for Development LLC, postgraduate Ivanovo State University (40A, Bubnova Street, Ivanovo, 153000, Russian Federation; e-mail: e_alferova@develop-pro.ru)

ЦИФРОВОЙ НЕОТЕЙЛОРИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ ТРУДА: ТЕОРИЯ И КЕЙСЫ

Аннотация. Проанализированы ключевые составляющие цифрового неотеилоризма: алгоритмическое управление трудом, цифровой контроль и цифровой мониторинг, автоматизация рутины, «мета-работа», интенсификация труда, парадокс платформ, сложности воспроизводства рабочих команд, размывание границ цифровой работы, амбивалентности персонализации. В кейсах разных стран и компаний показано, каким образом модели цифрового неотеилоризма работают на практике.

Ключевые слова: цифровой неотеилоризм, социология труда, мета-работа, управление человеческим капиталом, кейсы.

Актуальность темы цифрового неотеилоризма (digital neo-Taylorism) подкрепляется фактами безусловного стремления компаний к достижению предельной продуктивности через тотальный цифровой контроль работы персонала. Если классический теилоризм полагался на описания оптимальных движений рабочего и на секундомер менеджера, то цифровой неотеилоризм использует алгоритмы искусственного интеллекта, метрики, платформы или больших данных (big data) для репродуцируемого мониторинга рабочего времени. В современной социологии труда тема цифрового неотеилоризма находится в фокусе как в российской, так и в зарубежной научной литературы.

Цель исследования – критически проанализировать, как именно цифровые технологии, платформы или метрики позволяют или навязывают новые формы цифрового неотеилоризма – атомизацию операций и алгоритмическое управление рабочими процессами для максимизации совокупной производительности компании.

Научная проблема: имеется противоречие, заключающееся в том, что современные цифровые платформы и метрики в публичном пространстве сочетают свою риторику полезности и справедливости предпринимательской свободы с жестким алгоритмическим контролем работы компании, что в контексте обозначенной тематики рассматривается как современная форма цифрового неотеилоризма. В разрабатываемой авторами парадигме социокультурных матриц работы имеются противоречия и парадоксы, которые представлены и описаны в данных тезисах.

Новизна проведенного исследования состоит в авторском обзоре литературы по представленной тематике, на основе которого выявлены базовые компоненты цифрового неотеилоризма: алгоритмическое управление трудом, цифровой контроль и мониторинг, автоматизация рутины, способы интенсификации труда, «мета-работа», парадоксы платформ (обнаруживаемые как амбивалентности персонализации), размывания границ, сложности идентификации рабочих команд. Показано, что дефиниция цифрового неотеилоризма достойна быть в современном научном обороте теории социологии труда, в других терминах – алгоритмическое управление трудом.

Методология и методы

Использовались техники систематического обзора научной литературы по цифровому неотеилоризму с целью обобщения результатов существующих работ мирового уровня в этой предметной области для построения авторской теории. Основные методы – анализ научной литературы по смысловым признакам: «цифровой неотеилоризм» (digital neo-Taylorism), «мета-работа» (meta work), управление человеческим капиталом (human capital management); наблюдение, сбор фактов и данных трудовой активности. Системный подход – изучение социальных систем в целом и с учетом взаимосвязей между элементами. Дополнительные методы: анализ кейсов, расширенный кейс-метод, основанный на теоретической и практической локализации повседневного опыта в экстра-локальных контекстах для связывания микроуровня (повседневная жизнь) с макроуровнем (социетальными процессами).

Аналитический ландшафт цифрового неотеилоризма ориентирован на цифровизацию (digitalization) – внедрение цифровых технологий и автоматизации на рабочих местах, прекаризацию (precarization) и гиг-экономику (gig economy), как моделей рынков труда, основанных на краткосрочных контрактах и временной работы, когда исполнители (фрилансеры, самозанятые) выполняют разовые задачи, применяя цифровые платформы, имея гибкий график, и сталкиваясь с нестабильностью дохода (нерегулярные заработки), неоплачиваемых отпусков и больничных, отсутствия страховки и социального пакета. Авторские тезисы по раскрытию смыслов и значений цифрового неотеилоризма базируются на концепции научной организации труда и ключевых идей Гарри Брейвермана, в которых заложен теоретический фундамент «логики изучения времени и движения» (logic of the study of time and motion) работников (Тейлор и др., 1992; Braverman, 1998). Интерпретируемые авторами тезисов ключевые переменные неотеилоризма приведены в *табл. 1*.

Таблица 1. Ключевые переменные Гарри Брейвермана в контексте неотеилоризма

Критерии	Гарри Брейверман (цифровой тейлоризм)
Идеология	Цифровой неотеилоризм – не просто новая технология управления трудом. Это мощный инструмент классового контроля. Капиталу он нужен для того, чтобы целиком подчинить себе весь процесс труда
Методы	Личное включение в рабочие производственные процессы и эмпирические изучения всех без исключения деталей процесса труда
Ключевые позиции	Детальное изучение и стандартизация всех рабочих операций; введение в научный оборот тезисов о «deskilling» (упрощение задач); ужесточении дисциплины в организации труда (видео-камеры, системы KPI, суровые графики работы) – для роста производительности и как инструмент контроля в классовом противостоянии; офисная работа и сфера услуг как «беловоротничковый тейлоризм»; антитеза: рабочий – это не просто «живой автомат», а работник со своими нуждами и интересами
Отделение замысла от исполнения	Внедрение концепта «деградации труда» (degradation of labor), ввиду разграничения замысла и исполнения работник лишается понимания производственного процесса, превращая его в «живой придаток машины»
Приращение знаний	Введение в научный оборот фундаментальных теорий «процесса труда» (theory labor process) и deskilling, и их ответвлений
Технологии	Алгоритмы, цифровые технологии, платформы, метрики, big data работы
Применение	Услуги, знания, IT, сервисы, обеспечение трудовых процессов
Знания о трудовых процессах	«Отчуждение» процесса труда от самого рабочего как превращение его действий во враждебную ему силу. Знание того, как профессионально и грамотно работать есть собственность корпорации, а не рабочего.
Роль в труде	Роль работника – представляются как «цифровые данные» для анализа рабочих действий и их дальнейшей «оптимизации»
Локализация	Через глобализацию процессов труда (оффшоринг и аутсорсинг)
Введение в научный оборот нового концепта: «meta work» («работа над работой»)	Деятельность, которую работники вынуждены выполнять вокруг своей основной задачи, чтобы отвечать системам цифрового контроля, как этап «деградации труда»: контроль через «данные» (раньше менеджеры следили за движениями рабочего с секундомером, теперь следят за «цифровыми следами»); вынужденная активность, поскольку работник свое время тратит не на создание продукта, а на «работу над работой», для выполнения требований мониторинга (ввод данных в системы трекинга, отчеты о продуктивности, манипуляция алгоритмами для видимости успешности). «Meta work» снижает реальную продуктивность, но как рабочий процесс обязательна в условиях «цифрового тейлоризма»
Введение в научный оборот нового концепта: «управление человеческим капиталом» (human capital management, HCM-систем в рабочих процессах	Брейверман не использовал термин «человеческий капитал» (human capital) в позитивном или в корпоративном смысле, но его книга «Труд и монополистический капитал» стала сильной критикой самой этой логики, в основу которой лежит концепт «управление человеческим капиталом» (human capital management, HCM-систем). Через призму общей теории труда Брейвермана подход HCM-систем выглядит не столько как «забота о развитии сотрудников», сколько высшая форма тотального контроля за работником (отчуждение труда). Капитализм субъективную деятельность индивида стремится превратить в объективный, измеряемый процесс. С этой точки зрения, деловые навыки, креативность и лояльность – не есть личностные качества работника, а просто инвестиционный актив. Капитал стремится контролировать трудовой процесс тотально, потому HCM-системы (цифровой контроль, KPI и цифровая аналитика) – есть именно те инструменты, которые позволяют «оцифровать» работника и управлять им так же эффективно, как «управлять станком» в терминологии Тейлора
Результаты внедрения и реальные последствия	Подтверждение прогнозов Брейвермана практикой современного капитализма: «deskilling» (обезличивание труда) – квалифицированный труд в массовом порядке разбивается на атомарные операции. Профессии, требовавшие многих лет обучения (от ремесленников до программистов «средней руки»), превратились в набор простых функций. Работодатель больше не зависит от «мастера»: любого из них можно легко заменить, что в итоге снижает его рыночную стоимость и переговорную силу. Капитал монополизировал право решать, как именно должна выполняться любая работа. В результате – появление огромного слоя управленцев, которые не умеют сами «делать продукт», зато диктуют регламенты специалистам. Последствия: работник практически теряет свою автономию и творческое начало, становясь «живым придатком» цифрового бизнес-процесса
Критика	Не учитывается важность участия рабочих в классовой борьбе как части самого трудового процесса, неотъемлемого при создании любого продукта труда и сопротивления работника как неотъемлемой его встроенности (embeddedness) в трудовые ритмы своей рабочей жизни (working life)
Источник: составлено на базе анализа литературы (Тейлор и др., 1992; Braverman, 1998).	

Опубликованная в 1974 году книга Гарри Брейвермана возродила марксистский анализ процесса труда, стала новой классикой «дебатов о процессе труда» (labor process debate) и рождения неотеилоризма в цифровом поле (Chakramakkil, 2024; Qiu et al., 2025).

Современная социологии труда в контексте цифрового неотеилоризма. Влияние цифровизации на социально-трудовую сферу и изменения работы связаны с развитием цифровой экономики и действия социокультурных факторов. Трансформируются сами смыслы и значения труда, меняется природа неравенства, «отчуждения» (отстранение индивида от результатов труда), характер эксплуатации, эмансипации, креативности, эстетики в работе. Как отмечают И.Л. Сизова и ее коллеги, «воздействие “цифровизации в труде” не столько детерминирует работу, сколько, скорее, стимулирует акторов к поиску нового баланса власти и влияния, извлечению преимуществ и поиску компромиссов в трудовых отношениях, профессиональной мотивации и знаниях, а также в потоке повседневной жизни» (Сизова и др., 2022, с. 231–232). Социология труда сегодня перешла от изучения индустриального сектора к анализу всех форм трудовой активности, включая сферу услуг, креативные индустрии, виртуальную и цифровую занятость. Исходя из новой предметной области современной социологии труда – влияние на работника гибких форм занятости и цифровизации – главные тренды, включающие автоматизацию, удаленную работу, изменение роли труда в производственных процессах, изучение воздействия искусственного интеллекта и робототехники на занятость и гибкие ее форматы (фриланс, частичная занятость, баланс работы и жизни); прекаризация труда (рост числа работников с нерегулярным доходом, временными контрактами, низкой социальной защищенностью); изменение социально-экономической структуры труда (новые формы неравенства, влияние культуры на трудовые ценности, гендерные аспекты в карьере); отношение к труду (мотивации, вовлеченности, удовлетворенности работой, вопросы «выгорания» в условиях высокой нагрузки); социальная ответственность. Авторы тезисов исходят из того, что, несмотря на кажущуюся технологическую сложность, современные системы управления с трудом являются реанимацией принципов научного управления Фредерика Тейлора, определяемой дефиницией цифровой тейлоризм (digital taylorism) в общем контексте применения идей Гарри Брейвермана (Тейлор и др., 1992; Braverman, 1998).

Суть этого подхода – осуществление контроля над работником средствами «захвата идентичности» (capturing identity) и «эмоционального ресурса» (emotional resource) со стороны руководства компаний. Брейверман рассматривал капитализм как систему, где нужды капитала доминируют над нуждами труда. Из-за факторов рыночной конкуренции руководство вынуждено расширять и обновлять контроль над рабочей силой. Анализируя эволюцию рабочего класса в XX веке, Гарри Брейверман развивал идеи Карла Маркса об эксплуатации капиталом труда, и, исследуя как тейлоризм (научное управление трудом) кардинально трансформирует трудовые процессы, выделил три его ключевых принципа: отделение процесса труда от навыков работника (все задачи дробятся на простейшие операции, не требующие особой квалификации); разделение замысла и исполнения, т. е. менеджеры планируют, а рабочие исполняют; монополия на знание – контроль над информацией и технологиями остается у капиталистов, что усиливает их власть. Все эти принципы, согласно Брейверману, не просто повышают производительность, но служат инструментом социального контроля. Он был убежден, что автоматизация, цифровизация и платформизация производства не столько обогащают труд, сколько, наоборот, приводят к его деградации в связи с тем, что работники попадают в прямую зависимость от увеличивающейся власти менеджеров, инженеров, руководителей и собственников капитала, теряя контроль над собственным трудовым процессом (процессы отчуждения, как впервые сформулировал Карл Маркс, когда продукты деятельности человека (труд, работа и отношения) становятся самостоятельной, чуждой и враждебной ему силой). Это противоречие Брейверман назвал цифровой эволюцией тейлоризма – современной формой контроля, когда алгоритмы заменяют «надзирателя с секундомером». Его главные черты: платформы алгоритмического менеджмента разбивают труд на атомарные задачи (Uber, Deliveroo, Яндекс-Еда: доставка заказа «из точки А в точку В»); мониторинг – работники отслеживаются через GPS, рейтинги, таймеры; динамическое стимулирование – бонусы и штрафы зависят от выполнения цифровых KPI; внедрение концепта «лишения контекста» (de-contextualization) – когда исполнители не видят целостного трудового процесса, так как выполняют лишь отдельные операции. Целесообразно привести несколько наиболее ярких примеров о том, как работают принципы неотеилоризма в странах и компаниях.

Один из ярких примеров компании, которая применяет принципы цифрового неотейлоризма в своей деятельности (особенно в логистических центрах) – это Amazon (Kircher et al., 2023). Общее между цифровым неотейлоризмом и практикой Amazon в следующем:

1) Алгоритмическое нормирование труда. Если в цифровом неотейлоризме алгоритмы устанавливают целевые показатели производительности, которые должны выполнять работники, то в Amazon, в режиме реального времени, система норм производительности отслеживает, насколько выработка каждого работника соответствует алгоритмически заданным целям.

2) Непрерывный мониторинг. Если цифровой неотейлоризм реализует сбор данных о действиях работников с помощью технологий, то в Amazon есть сканеры, которые фиксируют каждое действие сотрудника: взятие товара, паузы, отклонения от маршрута, что позволяет отслеживать перемещения работников и их производительность.

3) Автоматизированные решения. В цифровом неотейлоризме алгоритмы принимают решения, которые ранее были прерогативой человека, в Amazon система автоматически генерирует предупреждения или увольнения на основе данных о производительности труда, минуя человеческое вмешательство.

4) Стандартизация процессов. В цифровой версии тейлоризма и в практике Amazon наблюдается жесткая стандартизация трудовых процессов: работники выполняют строго определенные задачи по заданным алгоритмам и инструкциям, не имея права отступать от предписанных процедур.

5) Краткосрочная эффективность. Цифровой неотейлоризм направлен на максимизацию продуктивности в краткосрочной перспективе, даже в ущерб долгосрочным последствиям (хотя этот важный момент остается дискуссионным), в Amazon эта модель приводит к высоким показателям травматизма и текучести кадров, система не ориентирована на учет здоровья работников.

Различия между цифровым неотейлоризмом и практикой Amazon.

1) Технологическая база. Цифровой неотейлоризм использует big data, искусственный интеллект, IoT и другие технологии. В Amazon эти технологии интегрированы в сложную логистическую систему, где алгоритмы синхронизируют поток товаров между складами, центрами доставки и конечными потребителями.

2) Масштаб применения. Цифровой неотейлоризм может применяться в разных сферах – от физического труда до «белых воротничков» и знаний. В Amazon эти принципы наиболее ярко проявляются в логистике – на складах и в центрах доставки, а также затрагивают и другие аспекты ее деятельности.

3) Новые стратегии. Amazon дополняет цифровой неотейлоризм новыми подходами типа «корпоративного кейнсианства» – предоставление бонусов и социальных льгот для поддержания лояльности работников и стабильного потока рабочей силы, как конструктивная практика снижения негативных последствий сверхжесткого контроля.

4) Культурный и организационный контексты. Хотя Amazon следует принципам цифрового неотейлоризма, его реализация в компании имеет уникальные черты, связанные с корпоративной культурой и бизнес-моделью. Так, концепт «индустриальных атлетов» аналогичен теории «достигающего индивида» Фредерика Тейлора, призывающей работников себя ощущать как спортсменов, готовящихся к соревнованиям, т. е. они должны иметь высокую физическую выносливость для выполнения норм (Тейлор был первым чемпионом США по теннису в парном разряде).

Австралийская grocery-индустрия – отрасль продуктового ритейла, в которой более 80% выручки приходится на четырех крупнейших игроков: Woolworths, Coles, ALDI, Metcash/IGA. Эти интегрированные сети покупают продукты прямо у производителей и проводят оптовые операции, предлагая доступную альтернативу брендовым товарам, и интенсивно развивают онлайн-торговлю.

Применение цифрового неотейлоризма в австралийской grocery-индустрии через стандартизацию процессов поставщиков, перевозчиков, складов и ритейлеров:

1) Автоматизация рутинных функций – новые технологии автоматизируют трудоемкие процессы, такие как обработка запасов, маркировка цен и проверка товаров, что экономит время и снижает количество ошибок.

2) Улучшение логистики и управления цепочками поставок – новые программы оптимального управления цепочками поставок позволяют отслеживать запасы в реальном времени, синхронизировать функции цепочки с поставщиками и точно прогнозировать спрос.

3) Рост конструктивного взаимодействия с клиентами – интеграция искусственного интеллекта и цифровых программ лояльности значительно повышает вовлеченность и удовлетворенность. Если общий объем рынка австралийской *grocery*-индустрии в 2024 году был около 150 млрд долл., то в 2025 году – 296 млрд¹. Рост за год почти в два раза, что стало сильным достижением цифрового неотейлоризма австралийской *grocery*-индустрии, которая использует тейлоризм для выполнения повседневных задач и мониторинга всех работников.

В Германии в крупномасштабном репрезентативном исследовании условий труда, занятости и квалификации работников 2018 года (выборка N = 16 824; возраст – 15 лет и старше; работа – не менее 10 часов в неделю) с уникальным набором данных для анализа, содержащих обширную информацию о трудовых процессах, включая переменные по автономии на работе и должностных обязанностях (Kirchner et al., 2023). Авторы провели тщательный анализ того, как цифровые технологии могут приводить к поляризации: «цифровому тейлоризму» (снижению автономии) или к «цифровому самоопределению» (росту автономии), как высокая коммуникационная нагрузка (координация в чатах Slack, Teams и почте, для подтверждения статуса задач) влияет на самочувствие работников.

Исследования труда в Германии показало, что:

1) работники, занимающиеся сложными задачами, чаще получают больше автономии, в то время как исполнители рутинных задач сталкиваются с усилением жесткости мониторинга;

2) влияние технологий зависит от области деятельности: в творческих и управленческих сферах технологии способствуют гибкости, а в логистике и производстве – жестким регламентациям;

3) высококвалифицированные кадры извлекают наибольшую выгоду из цифровых инструментов, что усугубляет социальное неравенство на рынке труда;

4) цифровой неотейлоризм связан с алгоритмическим управлением и контролем труда, что приводит к фрагментации рабочих процессов и снижению автономии сотрудников: все системы алгоритмического менеджмента сами распределяют задачи и устанавливают дедлайны (как в Uber или Amazon);

5) применение тотального мониторинга как программ непрерывного и всестороннего наблюдения, сбора данных о всех действиях человека с использованием цифровых технологий, позволяет очень тщательно анализировать трудовое поведение, контролировать результаты и выявлять отклонения в реальном времени. Отслеживание кликов, движений глаз, времени простоя, геолокации в реальном времени дает нужный массив данных;

6) дескриптивизация (упрощение) – это стандартный прием неотейлоризма, когда сложные процессы разбиваются на мельчайшие цифровые опции, не требующие высокой квалификации, что создает «цифровой разрыв» в автономии – пока одни наслаждаются гибкостью, другие превращаются в «придаток» алгоритма (Kirchner et al., 2023, p. 77);

7) «цифровое самоопределение» (*digital self-determination*) – концепция, описывающая ситуацию, когда цифровые технологии не столько ограничивают, а, наоборот, расширяют автономию и увеличивают шансы и возможности работника. Этот сценарий реализуется таким образом: увеличение широты принятия решений, т. к. технологии предоставляют сотрудникам все больше инструментов для самостоятельного планирования, контроля качества и решения сложных задач;

¹ Анализ размера и доли розничной индустрии Австралии - тенденции роста и прогнозы (2025–2030) // Mordor Intelligence. URL: <https://www.mordorintelligence.com/ru/industry-reports/retail-industry-in-australia> (дата обращения: 15.03.2026).

8) гибкость, сопряженная с тем, что цифровизация позволяет работникам более свободно распоряжаться своим временем и местом работы, что повышает субъективное чувство самоконтроля;

9) партисипативные процедуры как альтернативные способы урегулирования споров, когда компании используют цифровые платформы для вовлечения сотрудников в процесс управления и принятия решений, что резко способствует росту внутренней мотивации;

10) доменная специфика – в отличие от цифрового неотеилоризма, самоопределение бывает в сферах интеллектуального труда, где задачи не поддаются простой алгоритмизации и требуют творческого подхода. Цифровое самоопределение – это способность человека самостоятельно контролировать цифровые данные, идентичность и участие в онлайн-среде, не подчиняясь исключительно воле платформ или алгоритмов;

11) «мета-работа» (meta work) – «работа над работой» описывает «лишние усилия», которые тратятся не на само выполнение основной задачи, а на организацию, планирование и управление в цифре. Как показало исследование труда в Германии, мета-работа становится ключевым фактором неотеилоризма (настройка софта, переключения между приложениями, поиск нужных файлов, борьба со сбоями).

Современная социология труда переживает эволюцию в методологии, теории и описании практик, смещая свой аналитический фокус с классического индустриального производства на цифровые технологии во всех без исключения продуктовых отраслях. Приведенные кейсы разных стран и компаний продемонстрировали, как действенно работает цифровой неотеилоризм (те или иные компоненты неотеилоризма есть во всех фирмах и организациях без всяких исключений). Фактуальные данные говорят о том, что процессы цифровизации меняют условия труда и качество работы. Неравномерное распределение повышенной и пониженной автономии по областям задач становится серьезной проблемой для практиков. Изменения в качестве работы, систематическое неравенство в реализации концепта цифрового неотеилоризма могут ставить под угрозу достигнутые улучшения на рабочих местах. Эта проблема может стать весьма актуальной, поскольку снижение качества работы может привести к увеличению конфликтов и нанести вред здоровью сотрудников.

Библиографический список

1. Сизова И.Л., Карапетян Р.В., Орлова Н.С. (2022). Особенности цифровизации труда современных российских работников // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 231–256. DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2246.
2. Тейлор Ф., А. Файоль, Г. Эмерсон, Г. Форд. (1992). Научная организация труда. Управление – это наука и искусство. Москва: Республика. 352 с.
3. Braverman H. (1998). Labor and monopoly capital: the degradation of work in the twentieth century. Monthly Review Press.
4. Kirchner S., Meyer S.-C., Tisch A. (2023). “Digital Taylorism” for some, “digital self-determination” for others? Inequality in job autonomy across different task domains. *Zeitschrift für Sozialreform*, 69, 1, 57–84. DOI: 10.1515/zsr-2022-0101.
5. Qiu J.L., Yeo S., Maxwell R. (2025). The handbook of digital labor. Wiley Publication.
6. Chakramakkil S.T. (2024). Data-driven management and Taylorist fantasies: a case study of performance. Quantification in the Indian IT Services Industry. *Surveillance & Society*, 22(4), 381–394. DOI: 10.24908/ss.v22i4.16564.

Информация об авторах

Елена Владимировна Андрианова – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: e.v.andrianova@utmn.ru)

Владимир Александрович Давыденко – доктор социологических наук, профессор, начальник Научно-исследовательского центра, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: v.a.davydenko@utmn.ru)

DIGITAL NEO-TAYLORISM IN CONTEMPORARY SOCIOLOGY OF LABOR: THEORY AND CASES

Abstract. *The key components of digital neo-Taylorism are analyzed: algorithmic labor management; digital control and digital monitoring; automation of routine; "meta-work"; labor intensification; the paradox of platforms; difficulties in reproducing work teams, blurring the boundaries of digital work, ambivalence of personalization. The cases of different countries and companies demonstrate how the models of digital neo-Taylorism operate in practice.*

Keywords: *of digital neo-Taylorism, meta work, sociology of labor, human capital management, cases.*

About the authors

Elena V. Andrianova – Candidate of Sciences (Sociological), Associate Professor, head of the department of general and economic sociology, Tyumen State University (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: e.v.andrianova@utmn.ru)

Vladimir A. Davydenko – Doctor of Sciences (Sociological), Professor, head of the scientific research center, Tyumen State University (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: v.a.davydenko@utmn.ru)

References

1. Sizova I.L., Karapetyan R.V., Orlova N.S. (2022). Features of the digital work culture of modern Russian workers. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 5, 231–256. DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2246.
2. Taylor F., Fayol A., Emerson G., Ford G. (1992). Scientific organization of labor. Management: a science and an art. Moscow: Respublika.
3. Braverman H. (1998) Labor and monopoly capital: the degradation of work in the twentieth century. Monthly Review Press.
4. Kirchner S., Meyer S.-C., Tisch A. (2023). “Digital Taylorism” for some, “digital self-determination” for others? Inequality in job autonomy across different task domains. *Zeitschrift für Sozialreform*, 69, 1, 57–84. DOI: 10.1515/zsr-2022-0101.
5. Qiu J.L., Yeo S., Maxwell R. (2025). The handbook of digital labor. Wiley Publication.
6. Chakramakkil S.T. (2024). Data-driven management and Taylorist fantasies: a case study of performance. Quantification in the Indian IT Services Industry. *Surveillance & Society*, 22(4), 381–394. DOI: 10.24908/ss.v22i4.16564.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗРАБОТКИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Аннотация. В статье обоснована необходимость доработки классических моделей стратегического анализа. Ключевой проблемой становится управление гибридными формами взаимодействия с конкурентами и способность компании адаптировать стратегию в реальном времени.

Ключевые слова: стратегические решения, конкуренция, соконкуренция, теория игр, конкурентное преимущество, адаптивность, цифровая трансформация.

В условиях глобализации, стремительных изменений на рынке и экономической нестабильности способность разрабатывать и эффективно реализовывать стратегические решения становится ключевым элементом успешного функционирования организаций. Стратегические решения, как основа управления организацией, требуют детального анализа внутренней и внешней среды, а также учета различных факторов, влияющих на бизнес. Современная конкурентная среда характеризуется высокой интенсивностью и неопределенностью, что предъявляет новые требования к инструментарию и процессам стратегического менеджмента. Изучение механизмов, которые позволяют компаниям от малого бизнеса до крупных корпораций не только адаптироваться к изменениям, но и формировать устойчивые конкурентные преимущества, представляет значительный научный интерес.

Проблематика стратегического управления и конкурентоспособности в менеджменте является одной из наиболее разработанных, начиная с классических работ М. Портера, И. Ансоффа и др. Однако цифровизация, волатильность рынков, изменение потребительского поведения требуют постоянного пересмотра и адаптации существующих подходов. Современные исследования сосредоточены на интеграции классических аналитических инструментов с новыми подходами, важности организационной гибкости и роли стратегических альянсов. Целью научной статьи является анализ стратегии принятия решений для обеспечения конкурентоспособности организаций в современных рыночных условиях.

В научной литературе отсутствует единая трактовка понятия «конкурентоспособность». Как справедливо отмечают Л.М. Капустина и В.А. Нурматов, данная категория эволюционировала от статичной характеристики (наличие или отсутствие преимущества в фиксированный момент времени) к динамической способности. Если на ранних этапах развития теории конкурентоспособность измерялась преимущественно долей рынка, то в настоящее время она интерпретируется как способность организации «непрерывно преобразовывать ресурсы в преимущества» (Капустина, Нурматов, 2025).

Аналогичная трансформация происходит и с понятием стратегии. Согласно определению Р. Коха, приводимому в журнале «Молодой ученый», стратегия представляет собой «совокупность решений по реализации оптимистичного сценария наращивания рыночной стоимости компании в турбулентной внешней бизнес-среде с прогнозируемым уровнем рисков» (Попов, 2025). Несмотря на известную громоздкость данной дефиниции, она точно отражает сущностную характеристику стратегии: это не столько план действий, сколько система решений в условиях принципиальной непредсказуемости внешней среды.

Стратегическое решение, таким образом, отличается от оперативного не масштабом вовлеченных ресурсов и не уровнем иерархии лица, его принимающего. Критерием отнесения решения к стратегическим выступает его способность изменять логику функционирования компании или ее рыночную позицию на долгосрочную перспективу, вне зависимости от временного горизонта принятия.

Модель пяти конкурентных сил и концепция цепочки создания стоимости М. Портера сохраняют статус рабочих инструментов стратегического анализа (Портер, 2005б). Портер выделил два базовых источника конкурентного преимущества: стратегическое позиционирование (уникальность продукта) и операционную эффективность (низкие издержки) (Портер, 2005а).

Кроме того, модели Портера создавались для мира, в котором конкуренция носила преимущественно отраслевой характер. В современных условиях отраслевые границы размываются. Производитель чая конкурирует не только с другими производителями чая, но и с маркетплейсами, развивающими собственные торговые марки, с производителями кофе и энергетических напитков за внимание потребителя, а также с логистическими операторами за скорость доставки (Портер, 2005б). Стратегический анализ в этих условиях требует не столько оценки «сил» в статичной отраслевой структуре, сколько непрерывного мониторинга экосистемы в целом.

При анализе конкуренции исследовательский фокус традиционно направлен на внешнюю среду – взаимодействие с иными рыночными игроками. Однако эмпирические данные свидетельствуют о том, что критические ограничения реализации стратегии часто локализуются внутри организации. Факторы успеха, выделяемые Поповым: организация и управление, знания и опыт, репутация – непосредственно коррелируют с качеством внутренней среды компании (Попов, 2025). Внутренние конфликты, рассогласованность целевых установок различных подразделений и низкий уровень доверия в коллективе способны нивелировать любые, даже самые совершенные рыночные стратегии.

Приведенные соображения позволяют сформулировать тезис о том, что стратегическое решение в современных условиях – это часто не решение о выборе рыночной ниши, а согласование интересов и целевых установок различных групп внутри организации. Сравнительный анализ классических учебных материалов и современных источников фиксирует принципиальное изменение в понимании стратегического процесса. Традиционная линейная схема «анализ–выбор–реализация» теряет релевантность.

Современные исследователи, как российские, так и зарубежные, акцентируют внимание на адаптивности как ключевой характеристике стратегии. Капустина и Нурматов отмечают, что в условиях турбулентной среды наиболее адекватными признаются ситуационная и комплексная концепции (Капустина, Нурматов, 2025). Это означает невозможность однократного проведения SWOT-анализа с последующей фиксацией результата. Анализ среды должен быть непрерывным процессом, а стратегия корректироваться по мере поступления новых данных.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, современное стратегическое решение утрачивает характер разового акта выбора и приобретает черты непрерывного процесса адаптации. Компании, предпринимающие попытки жесткого следования долгосрочному плану, проигрывают в конкурентной борьбе организациям, демонстрирующим способность к быстрой реконфигурации.

Во-вторых, конкуренция перестает быть «игрой с нулевой суммой». Классической модели Портера, в рамках которой каждая компания защищает свою позицию от пяти конкурентных сил, приходит на смену модель гибридного взаимодействия. Компании способны одновременно конкурировать и кооперироваться с одними и теми же контрагентами на различных этапах создания ценности. Концепция соконкуренции и математический аппарат теории игр обеспечивают более точное описание реальности, нежели традиционные отраслевые модели.

В-третьих, источники конкурентного преимущества смещаются из внешней среды во внутреннюю. Уникальные компетенции, корпоративная культура, способность к внутриорганизационной координации – факторы, которые приобретают критическое значение. Компания может располагать безупречной рыночной стратегией, но утратить конкурентную позицию вследствие неразрешенных внутренних конфликтов.

Так же следует отметить, что стратегическое мышление не сводится к знанию матриц и типологий. Оно представляет собой способность идентифицировать существенные взаимосвязи, отделять долгосрочные тренды от конъюнктурных колебаний и принимать решения в условиях, когда ни один теоретический источник не предлагает готового алгоритма действий.

Библиографический список

1. Капустина Л.М., Нурматов В.А. (2025). Концептуальные подходы к управлению конкурентоспособностью организации // Экономические исследования и разработки. URL: <http://edrf.ru/article/10-09-25>
2. Попов В.В. (2025). Экономическое содержание и роль факторов успеха в формировании конкурентной стратегии // Молодой ученый. № 25 (576). С. 109–111.
3. Портер М. (2005а). Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов. Москва: Альпина Бизнес Букс. 454 с.
4. Портер М. (2005б). Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. Москва: Альпина Бизнес Букс. 715 с.

Информация об авторе

Валерия Витальевна Бальцевич – студент, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Республика Беларусь, 230005, г. Гродно, ул. Гаспадарчая, д. 23; e-mail: balcevicvaleria8@gmail.com)

Baltsevich V.V.

SOCIAL ASPECTS OF STRATEGIC DECISION-MAKING DEVELOPMENT

Abstract. *The article substantiates the need to revise classical models of strategic analysis in the context of digital transformation and high uncertainty of the external environment. The key problem is the management of hybrid forms of interaction with competitors, as well as the company's ability to adapt strategy in real time taking into account internal social factors. Based on the analysis of modern sources, the shift of sources of competitive advantage from the external environment to the internal one is revealed.*

Keywords: *strategic decisions, competition, co-opetition, competitive advantage, game theory, adaptability, digital transformation.*

About the author

Valeriya V. Baltsevich – student, Yanka Kupala State University of Grodno (23, Gaspadarchaya Street, Grodno, 230005, Republic of Belarus; e-mail: balcevicvaleria8@gmail.com).

References

1. Kapustina L.M., Nurmatov V.A. (2025). Conceptual approaches to managing the competitiveness of an organization. *Economic Research and Development*. URL: <http://edrf.ru/article/10-09-25>
2. Popov V.V. (2025). Economic content and the role of success factors in the formation of competitive strategy. *Young Scientist*, 25(576), 109–111.
3. Porter M. (2005a) Competitive strategy: techniques for analyzing industries and competitors. Moscow: Alpina Business Books.
4. Porter M. (2005b) Competitive advantage: creating and sustaining superior performance. Moscow: Alpina Business Books.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. На материалах социологического опроса студентов НГТУ проанализирована связь социально-экономического положения с показателями их психоэмоционального благополучия. Исследование направлено на выявление факторов риска и потенциальных ресурсов поддержки, которые могут быть учтены при разработке программ профилактики неблагополучия и социальной поддержки студенческой молодежи.

Ключевые слова: студенты, психоэмоциональное благополучие, социально-экономическое положение, материальное обеспечение, стресс, депрессивная симптоматика.

В последние десятилетия психологическое благополучие молодежи становится одной из центральных тем в социальной психологии, социологии образования и социальной работе. Международные и отечественные данные показывают, что депрессия и тревожные расстройства выступают одной из ведущих причин заболеваемости у подростков и молодых взрослых; в России, по оценкам Минздрава, депрессией страдают около 15 млн человек¹. В студенческих выборках эта уязвимость фиксируется еще более отчетливо: по данным исследований с использованием шкалы HADS норма по депрессии выявляется почти у половины студентов (около 49%), значимая доля попадает в «зону риска» по депрессивным и тревожным симптомам (Максименко и др., 2025). На этом фоне закономерно усиливается интерес к факторам, которые поддерживают или подрывают психоэмоциональное благополучие студентов, однако фокус нередко смещен к характеристикам образовательной среды, тогда как социально-экономические условия, такие как материальное положение, необходимость подработки, жилищные условия, остаются на втором плане.

Для студентов социально-экономический контекст особенно значим: они находятся в переходе от финансовой зависимости к самостоятельности и для многих «нормой» становится совмещение учебы с оплачиваемой занятостью. Для одних работа является ресурсом развития и независимости, для других – это вынужденная мера, без которой невозможно оплачивать жилье и базовые расходы, что ведет к хроническому дефициту времени, нарушению режима сна и отдыха, росту стресса и тревоги.

Цель исследования – выявление связи социально-экономического положения студентов с показателями их психоэмоционального благополучия и определение экономических факторов риска.

В качестве рабочей гипотезы предполагается, что студенты, испытывающие финансовые трудности и вынужденно работающие во время учебы, демонстрируют более высокий уровень стресса и выраженности негативного эмоционального положения по сравнению с теми, кто не испытывает острого материального дефицита или работает преимущественно по собственному выбору.

Исследование носило количественный характер и проводилось в форме анкетного формализованного социологического опроса студентов Новосибирского государственного технического университета (НГТУ). Использовался стихийный метод отбора. Сбор данных осуществлялся как в онлайн-формате (электронная анкета), так и с помощью бумажных бланков в октябре 2025 года. В итоговую выборку вошло 188 студентов в возрасте от 17 до 31 года, среди них 81 мужчина и 107 женщин.

Инструментарий представлял собой анкету, включающую ряд логически связанных вопросов, среди которых были как прямые вопросы по теме психоэмоционального благополучия, так и вопросы, позволяющие косвенно судить о социальном контексте жизни студентов.

¹ Чернышова Е. Проблемы с психическим здоровьем достигли масштабов пандемии // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/12/2024/67609a509a7947fd54b3bbe2> (дата обращения: 15.01.2026).

Инструментарий включал стандартизированные методики: шкалу воспринимаемого стресса PSS (Кузюкова и др., 2025), шкалу депрессии Зунга (Балашова, 1992), опросник одиночества С.Г. Корчагиной² (Корчагина, 2008), а также вопросы о материальном положении, необходимости дополнительного заработка, типе жилья и использовании ресурсов психологической поддержки. Для проверки гипотез применялись описательные статистики и непараметрические методы: χ^2 Пирсона для оценки связей категориальных переменных, V Крамера для оценки силы эффекта, ранговая корреляция Спирмена (ρ); обработка осуществлялась в статистическом пакете SPSS.

Результаты исследования показали, что социально-экономические условия образуют устойчивую зону риска психоэмоционального неблагополучия студентов. Во-первых, субъективная оценка материального положения оказалась связана с уровнем стресса по шкале PSS: у студентов, относящих свое положение к низкому, чаще фиксируются средний и высокий уровни стресса, тогда как при более благоприятной оценке достатка заметнее представлен низкий уровень стрессовой нагрузки ($V = 0,262$; $p = 0,002$; $\rho = -0,236$; $p < 0,001$), что представлено в табл. 1. Это позволяет говорить не о разовых различиях, а о системной тенденции: ухудшение материального положения сопровождается ростом субъективного напряжения и ощущением, что возникающие трудности трудно контролировать и преодолевать.

Таблица 1. Уровень стресса среди студентов, (в % к общему числу опрошенных)

	Низкий уровень стресса	Средний уровень стресса	Высокий уровень стресса	Всего
Студенты с низким уровнем субъективного материального благополучия, %	17,6	58,8	23,5	100
Студенты с высоким уровнем субъективного материального благополучия, %	31,7	61,7	6,7	100
Источник: составлено автором.				

Во-вторых, важным индикатором риска выступило субъективное чувство необходимости дополнительного заработка. Студенты, которые оценивают потребность в заработке как высокую или крайне высокую, демонстрируют более высокий стресс ($V = 0,297$; $p < 0,001$; $\rho = -0,289$; $p < 0,001$). При высокой потребности в подработке значительно реже встречается низкий стресс и чаще средний, и высокий. Иначе говоря, сам факт необходимости совмещать учебу с интенсивной занятостью, когда заработок воспринимается как вынужденное условие, а не как свободно выбранный ресурс, создает дополнительную нагрузку на психологическое благополучие. Важно подчеркнуть, что речь идет именно о субъективном переживании необходимости: даже при формально одинаковых доходах студенты могут по-разному оценивать, насколько для них критичен заработок, и именно эта субъективная оценка оказывается связанной с уровнем стресса.

В-третьих, потребность в заработке соотносится не только со стрессом, но и с депрессивной симптоматикой. Среди студентов, для которых подработка «сильно необходима», чаще отмечаются признаки легкой и умеренной депрессии, что подтверждается статистически значимыми связями ($V = 0,210$; $p = 0,016$; $\rho = -0,209$; $p = 0,004$). Это означает, что экономическая нестабильность, подкрепленная постоянным напряжением, может трансформироваться не только в переживание перегруженности, но и в более устойчивое ощущение сниженного настроения, потери энергии и интереса, характерное для депрессивных состояний.

Отдельное место в структуре факторов риска занимают жилищные условия. Некомфортное жилье – это не только физический дискомфорт, но и ограниченные возможности для отдыха, учебы, уединения и восстановления. Анализ показал, что проживание в некомфортном жилье связано с большей распространенностью депрессивной симптоматики ($V = 0,190$; $p = 0,033$): в этой группе доля студентов с нормальными показателями ниже, а доля с признаками легкой и умеренной депрессии – выше. Таким образом, жилищная уязвимость усиливает экономическую и одновременно подрывает психологическое благополучие.

² Корчагина С.Г. (2008). Психология одиночества: учебное пособие. Москва: Московский психолого-социальный институт. 228 с.

Показательно, что на фоне экономической и бытовой уязвимости не снижается интерес к помощи. Напротив, студенты, относящие себя к бедным и сталкивающиеся с необходимостью активной подработки, чаще выражают интерес к различным форматам поддержки, предлагаемым вузом, такими как комната релаксации, мероприятия психологической направленности, возможность обратиться за консультацией. Наряду с теми, кто уже пользуется этими ресурсами, заметна группа тех, кто отмечает ответы «не использую, но хотел(а) бы». Это позволяет сделать предположение, что основным барьером для использования помощи выступают не установки «мне это не нужно», а организационные и ресурсные ограничения: нехватка времени, неудобный график, недостаточная информированность.

В совокупности результаты исследования демонстрируют эффект накопления уязвимостей. Каждый отдельный неблагоприятный фактор автоматически не ведет к выраженным психоэмоциональным проблемам. Однако сочетание низкого материального положения, высокой необходимости в заработке и некомфортного жилья создает устойчивый фон хронического напряжения, повышает вероятность формирования стресса и депрессивных состояний. В этой логике психоэмоциональное неблагополучие студентов предстает не только как следствие учебных нагрузок или личностных особенностей, но и как результат структурных ограничений, связанных с ресурсами времени, денег, пространства и социальной поддержки.

Полученные данные имеют важные практические последствия для организации профилактической и поддерживающей работы в вузе. Во-первых, социально-экономические параметры следует рассматривать как самостоятельную зону риска, выделяя группы студентов с выраженной экономической и жилищной уязвимостью не только по формальным критериям (уровень дохода), но и по субъективным показателям. Во-вторых, планируя психологическую помощь и профилактические программы, необходимо учитывать, что именно эти группы испытывают недостаток свободного времени и подвержены хронической усталости, следовательно, важно развивать гибкие по формату и времени формы поддержки (короткие консультации, онлайн-форматы, мероприятия в удобные часы). В-третьих, перспективным направлением представляется развитие тех инфраструктурных элементов, которые одновременно улучшают повседневные условия жизни и создают пространство для восстановления: комнаты релаксации, тихие зоны для учебы и отдыха, общежития с продуманной организацией пространства, доступ к бесплатным и льготным услугам.

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить, что гипотеза является подтвержденной. Риск психоэмоционального неблагополучия студенческой молодежи может формироваться не одной причиной, а комплексом взаимосвязанных факторов: дефицитом материальных и временных ресурсов, повышенной нагрузкой, неблагоприятными жилищными условиями и ограниченными возможностями для отдыха и восстановления. При этом у экономически уязвимых студентов не снижается интерес к помощи, а, напротив, они чаще демонстрируют готовность использовать доступные ресурсы поддержки, если те организованы в удобном и доступном формате. Учет социально-экономических факторов при планировании образовательной и социальной политики вуза может способствовать более точному таргетированию профилактических мер и снижению доли студентов, находящихся в зоне повышенного психоэмоционального риска.

Библиографический список

1. Балашова Т.И. (1992). Шкала самооценки депрессии Зунга (SDS). Методы психодиагностики в наркологии. Санкт-Петербург: Изд-во НИИ им. В.М. Бехтерева С. 35–38.
2. Кузюкова А.А., Пехова Я.Г., Одарущенко О.И., Левченко Н.А., Марченкова Л.А. (2025). Актуальные шкалы и опросники для оценки стрессовых состояний и их применение в медицине // Вестник восстановительной медицины. Т. 24. № 2. С. 71–85.
3. Максименко Л.В., Канева Д.А., Учечукву О.У., Синклэр М. (2025). Анализ распространенности тревоги и депрессии среди студентов международного университета по шкале HADS // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. № 3. С. 30–45.

Информация об авторе

Ксения Вадимовна Бахтиярова – магистрант, Новосибирский государственный технический университет (Российская Федерация, 630073, г. Новосибирск, пр-т К. Маркса, 20; e-mail: ksenia112003@mail.ru)

Bakhtiyarova K.V.

SOCIO-ECONOMIC FACTORS OF STUDENTS' PSYCHOEMOTIONAL WELL-BEING

Abstract. *Based on a sociological survey of NSTU students, the study examines the relationship between socio-economic status and indicators of their psychoemotional well-being. The research focuses on identifying risk factors and potential support resources that can be taken into account when designing prevention and support programmes for student youth.*

Keywords: *students, psychoemotional well-being, socio-economic status, material well-being, stress, depressive symptoms.*

About the author

Ksenia V. Bakhtiyarova – Master's Degree student, Novosibirsk State Technical University (20, Karl Marx Avenue, Novosibirsk, 630073, Russian Federation; e-mail: ksenia112003@mail.ru)

References

1. Balashova T.I. (1992). Zung Self-Rating Depression Scale (SDS). *Methods of Psychodiagnostics in Narcology*. Saint-Petersburg: V.M. Bekhterev Research Institute, 35–38.
2. Kuzyukova A.A., Pekhova Ya.G., Odarushchenko O.I., Levchenko N.A., Marchenkova L.A. (2025). Current scales and questionnaires for assessing stress conditions and their application in medicine: a review. *Bulletin of Rehabilitation Medicine*, 24(2), 71–85.
3. Maksimenko L.V., Kaneva D.A., Uchechukwu O.U., Sinclair M. (2025). Analysis of the prevalence of anxiety and depression among students of an international university using the HADS scale. *Current Problems of Health Care and Medical Statistics*, 3, 30–45.

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ СЕМЕЙ РЕСПОНДЕНТОВ 35–54 ЛЕТ: ФАКТОР ЧИСЛА ДЕТЕЙ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности субъективного восприятия материального положения и благополучия в семьях зрелых родителей (35–54 лет) с несовершеннолетними детьми в зависимости от числа детей. На данных массового опроса 2025 года по Вологодской области выявлены различия в самооценках благополучия, удовлетворенности аспектами жизни, оценках достаточности доходов.

Ключевые слова: семьи с детьми, субъективное благополучие, доход, покупательные возможности, многодетная семья.

В последние годы государственная социальная политика в Российской Федерации последовательно смещает фокус в сторону поддержки семей с детьми и многодетности. Согласно Указу Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»¹ в качестве национальной цели определено «сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи». Установлены конкретные целевые показатели ее достижения, включая ежегодный рост суммарного коэффициента рождаемости третьих и последующих детей, снижение уровня бедности многодетных семей до 12% к 2030 году и до 8% к 2036 году. Поэтому в стране активно развивается комплексная поддержка семей с детьми: расширяются меры адресной помощи, вводятся новые выплаты и налоговые льготы, регулярно индексируются материнский капитал и социальные пособия².

Происходят изменения в общественном восприятии семьи и многодетности. По данным опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), за два десятилетия выросли показатели ожидаемого (с 1,9 в 2005 году до 2,4 в 2025 году) и желаемого (с 2,4 до 3,2 соответственно) числа детей, что позволяет говорить о более «многодетном» характере репродуктивных идеалов россиян³. Наряду с этим отмечаются позитивные моменты в отношении к многодетности: более половины опрошенных не разделяют мнение о том, что многодетные родители жертвуют карьерой, личным благополучием и свободой (51%), а также испытывают уважение к многодетным родителям (58%), причем наиболее выраженную поддержку этот тренд получает среди постсоветских поколений⁴.

Однако, несмотря на рост общественного одобрения и расширение мер государственной поддержки, семьи с детьми, и особенно многодетные семьи, остаются достаточно уязвимой категорией с точки зрения материального положения. Эмпирические данные и проводимые исследования показывают, что с каждым последующим ребенком риски бедности существенно возрастают (Шевяков, 2011; Гулюгина, Чашина, 2023). Согласно данным Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах (Росстат), в 2023 году в семьях с одним ребенком доля малоимущих составляла 4,1%, в семьях с двумя детьми – 8,6%, а в многодетных семьях она достигала отметки 21,8%⁵. Многодетные семьи чаще сталкиваются с неустойчивым трудовым положением (Одинцова, 2025), ограниченными возможностями для накоплений (Бурдяк, 2014), трудностями в обеспечении достойного уровня потребления (Гулюгина, Чашина, 2023). Кроме того, факторы материальных и жилищных условий традиционно занимают первые места среди препятствий к увеличению рождаемости и реализации репродуктивных планов в семье (Калачикова, Груздева, 2019).

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986>

² Михаил Мишустин в отчете Правительства назвал ключевые меры социальной поддержки семей с детьми. URL: <https://er.ru/activity/news/mihail-mishustin-v-otchete-pravitelstva-nazval-klyuchevye-mery-socialnoj-podderzhki-semej-s-detmi-oni-predusmotreny-narodnoj-programmoj-edinoj-rossii-i-zakonodatelno-obespecheny-partiej>

³ Семья и брак в России XXI века. ВЦИОМ. 2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-brak-v-rossii-xxi-veka>

⁴ Многодетная семья: оценка и отношение. ВЦИОМ. 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mnogodetnaja-semja-ocenka-i-otnoshenie>

⁵ Таблицы по итогам Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах в 2017–2023 гг. Росстат. 137 с.

При этом для понимания реального положения семей с детьми недостаточно опираться исключительно на объективные показатели доходов и расходов. Важным аспектом является субъективная оценка собственного благосостояния, т. е. то, как сами члены семьи воспринимают достаточность своих доходов, удовлетворенность материальным положением, жилищными условиями, возможностью оплачивать образование детей, отдых, лечение и т. п. Как справедливо отмечается в исследовании В.Н. Архангельского и соавторов, «с точки зрения психологического самоощущения, степени удовлетворенности уровнем жизни, влияния на поведение в различных сферах жизнедеятельности важнее, вероятно, субъективная самооценка уровня жизни» (Архангельский и др., 2019). Субъективные оценки интегрируют не только объективные параметры, но и уровень притязаний, ценностные ориентации, ожидания относительно будущего – все то, что в конечном счете определяет готовность семьи к рождению детей.

Соответственно, цель настоящего исследования заключается в выявлении особенностей восприятия материального положения и субъективного благополучия семей с несовершеннолетними детьми в зависимости от числа детей (один, два, три и более) на примере региональной выборки. Предполагается, что многодетные семьи (с тремя и более детьми) будут демонстрировать более низкие субъективные оценки по большинству показателей, однако специфика их неудовлетворенности может указать на возможные точки приложения управленческих усилий.

Эмпирическая база исследования – данные опроса общественного мнения «Благополучие населения», проведенного ВолНЦ РАН в январе–феврале 2025 года на территории Вологодской области. Всего опрошено 1500 человек методом раздаточного анкетирования по выборке, репрезентирующей население региона по половозрастному составу и структуре расселения. Принимая во внимание различия в социально-экономическом положении семей на разных этапах их жизненного цикла, была сформирована подвыборка для исследования, учитывающая два критерия. Во-первых, отобраны респонденты в возрасте 35–54 лет. Это период средней взрослости, который характеризуется достаточно устойчивым трудовым статусом, сформированным человеческим капиталом, максимальным уровнем доходов в перспективе жизненного пути. У более молодых родителей (до 35 лет) материальные возможности часто ниже, а риски безработицы или непостоянной занятости (в т. ч. связанные со «штрафом за материнство») – выше. В старшей возрастной группе (от 55 лет и старше) трудовая и экономическая активность значительно изменяется из-за приближения и непосредственно выхода на пенсию. Кроме того, наличие взрослых «детей» (старше 18 лет) может сказываться на внутрисемейных трансфертах. Во-вторых, выбраны респонденты, имеющие только несовершеннолетних детей (до 18 лет). В таком случае можно предполагать высокое сходство их жизненных сценариев, т. к. расходы на детей полностью лежат на родителях, а сами дети не имеют самостоятельного дохода. Если в семье есть совершеннолетние дети, то структура доходов и расходов может быть менее однородной (например, некоторые совершеннолетние дети уже живут отдельно и полностью независимы от родителей, другие – учатся на платном отделении, третьим родители помогают с ипотекой). Таким образом, отбор респондентов по возрасту и по наличию только несовершеннолетних детей позволяет выделить группы семей, находящихся в сопоставимых жизненных обстоятельствах, и более точно изучить влияние фактора числа детей на их материальное положение и субъективное благополучие. В итоге для анализа отобраны респонденты в возрасте 35–54 лет, имеющие только несовершеннолетних детей ($N = 236$). В анализируемой выборке 42% составляют семьи с одним несовершеннолетним ребенком, 46% – с двумя детьми, 12% – многодетные семьи (три и более детей).

В каждой из трех групп семей преобладают оценки собственной жизни как благополучной (табл. 1). Наиболее высокая доля положительных ответов (сумма «скорее благополучная» и «безусловно благополучная») отмечается среди семей с двумя детьми (82%). В многодетных семьях этот показатель несколько ниже – 78%, а среди семей с одним ребенком – 70% (табл. 1). Однозначно позитивные оценки («безусловно благополучная») чаще встречаются в семьях с двумя детьми (24%) и значительно реже – в многодетных (7%) и одноподетных (12%).

**Таблица 1. Самооценка благополучия (распределение ответов на вопрос
«Как Вы оцениваете свою жизнь?»)**

Показатель	Группа респондентов 35–54 года, имеющих только несовершеннолетних детей			В среднем в группе респондентов 35–54 года
	1 ребенок	2 ребенка	многодетные (3 и более детей)	
Безусловно неблагополучная	1,0	0,9	0,0	0,8
Скорее неблагополучная	19,0	4,6	14,8	11,9
Затрудняюсь ответить	10,0	12,8	7,4	11,0
Скорее благополучная	58,0	57,8	70,4	59,3
Безусловно благополучная	12,0	23,9	7,4	16,9
Источник: составлено автором				

Информацию о том, что именно мешает ощущению благополучия, дает анализ ответов на вопрос о недостающих аспектах жизни. Во всех трех группах семей в первую очередь называется нехватка материального достатка. Выраженность этой проблемы различна: ее отмечают 42% семей с одним ребенком, 27% семей с двумя детьми, 52% многодетных семей. Второй по частоте упоминания является нехватка стабильности и уверенности в завтрашнем дне (29, 26 и 35% соответственно). Третье место в рейтинге дефицитов занимает социальная незащищенность, которая наиболее актуальна для семей с одним ребенком (33%) и двумя детьми (15%), тогда как среди многодетных ее нехватку ощущают лишь 7%, что, вероятно, объясняется более высоким охватом многодетных семей адресными мерами поддержки.

Анализ удовлетворенности отдельными аспектами жизни позволяет увидеть более детальную картину (табл. 2). Наиболее заметные расхождения между группами фиксируются по аспектам материального положения и жилищных условий. Для многодетных семей характерны более критичные оценки: уровень неудовлетворенности материальным положением среди них составляет 59%, что почти в 1,5–2 раза выше, чем в семьях с одним (39%) и двумя детьми (32%), аналогично выше доля неудовлетворенных жилищными условиями (37% против 29 и 22%). По остальным аспектам (питание и обеспеченность предметами) многодетные семьи дают более позитивные оценки, однако уровень их удовлетворенности ниже, чем в семьях с меньшим количеством детей. Семьи с двумя детьми в целом демонстрируют наиболее высокий уровень удовлетворенности по всем четырем аспектам. Можно предположить, что более позитивные оценки дохода и жилья среди семей с двумя детьми по сравнению с семьями с одним ребенком могут быть связаны с тем, что переход от одного ребенка к двум чаще происходит в более благоприятных материальных и жилищных условиях.

Таблица 2. Удовлетворенность материальным положением и аспектами уровня жизни

Показатель	Группы респондентов 35–54 года, имеющие только несовершеннолетних детей			В среднем в группе респондентов 35–54 года
	1 ребенок	2 ребенка	многодетные (3 и более детей)	
Материальным положением				
Не удовлетворены	39,0	32,1	59,3	38,1
Затруднились ответить	22,0	29,4	11,1	24,2
Удовлетворены	39,0	38,5	29,6	37,7
Жилищными условиями				
Не удовлетворены	29,0	22,0	37,0	26,7
Затруднились ответить	26,0	16,5	25,9	21,6
Удовлетворены	45,0	61,5	37,0	51,7
Качеством и разнообразием питания				
Не удовлетворены	14,0	13,8	14,8	14,0
Затруднились ответить	30,0	19,3	40,7	26,3
Удовлетворены	56,0	67,0	44,4	59,7
Обеспеченностью предметами длительного пользования				
Не удовлетворены	21,0	12,8	18,5	16,9
Затруднились ответить	25,0	25,7	29,6	25,8
Удовлетворены	54,0	61,5	51,9	57,2
Источник: составлено автором.				

Распределение ответов на вопрос о самооценке доходных возможностей подтверждает более уязвимое положение многодетных семей (табл. 3). В этой группе наиболее высока доля тех, кому денег хватает только на продукты (32 против 19% в семьях с 1–2 детьми) и, напротив, минимальна доля тех, кто не испытывает затруднений при покупке товаров длительного пользования (4% против 31 и 28%). При этом во всех трех группах семей преобладает категория среднеобеспеченных – тех, кто оценивает свои доходы как достаточные для приобретения продуктов и одежды, но недостаточные для крупных покупок без предварительного накопления.

Субъективные оценки доходных возможностей соотносятся с опросными данными о фактических среднедушевых доходах на одного члена семьи. В многодетных семьях данный показатель минимален – 23273 руб., что на 32% ниже, чем в однодетных (34223 руб.) и двухдетных (34710 руб.) семьях. Разрыв в заработной плате также значителен: средняя зарплата в многодетных семьях – 41 938 руб., тогда как в семьях с одним ребенком – 50 405 руб., с двумя детьми – 54 138 рублей. Получается, что более низкие доходы от занятости в многодетных семьях лишь частично компенсируются социальными выплатами, что и определяет их более критичные самооценки.

Таблица 3. Самооценка доходных возможностей

Показатель	Группы респондентов 35–54 года, имеющие только несовершеннолетних детей			В среднем в группе респондентов 35–54 года
	1 ребенок	2 ребенка	многодетные (3 и более детей)	
Денег не хватает даже на продукты	1,0	0,0	4,0	0,9
Денег хватает только на продукты	19,2	19,3	32,0	20,6
Денег достаточно для приобретения продуктов и одежды, но крупные покупки откладываем на потом	47,5	49,5	56,0	49,4
Покупка ТДП не вызывает трудностей, но покупка автомашины сейчас недоступна	31,3	28,4	4,0	27,0
Денег вполне достаточно	1,0	2,8	4,0	2,1
Источник: составлено автором.				

Анализ самооценки достаточности доходов для оплаты конкретных направлений расходов позволяет выявить специфические трудности, характерные для того или иного типа семей. Профиль достаточности доходов в группах семей зрелых родителей с одним и двумя детьми весьма схожий. В этих семьях доходы достаточны для покрытия базовых расходов (питание, ЖКХ, необходимое амбулаторное лечение), а также для финансирования хобби, поддержания внешнего вида, посещения культурных мероприятий и оплаты дополнительного образования детей. В многодетных семьях перечень расходов, с которыми они нормально справляются, имеет более сфокусированный характер и включает оплату питания (достаточность средств отмечают 69%), жилищно-коммунальных услуг (69%), лекарств (81%), лечения (65%) и дополнительного образования детей (69%).

Основные затруднения в семьях с одним и двумя детьми связаны с формированием сбережений (недостаточность средств отмечают 26% семей с одним ребенком и 27% семей с двумя детьми), оплатой путешествий (22,5 и 20% соответственно), платежами по кредитам (22 и 15%), оплатой стоматологических услуг (21 и 15%) и приобретением необходимых непродовольственных товаров (16 и 13%). Многодетные семьи испытывают нехватку средств не столько на текущие базовые нужды, сколько на инвестиции в человеческий капитал и качество жизни, в частности на оплату профессионального образования детей (19%), занятий спортом (27%), путешествий (22%). Кроме того, многодетным семьям недостаточно средств для формирования сбережений (17%) и поддержания внешнего вида (16%).

В целом, базовые расходы (питание, ЖКХ, амбулаторное лечение) во всех трех группах оцениваются как достаточно обеспеченные. Путешествия и туризм входят в число наиболее дефицитных статей расходов для всех групп. В многодетных семьях наиболее остро стоит проблема оплаты профессионального образования детей и занятий физкультурой и спортом. Достаточность средств на расходы, связанных с формированием сбережений, является проблемой для всех типов семей, но в меньшей степени для многодетных.

Дополнительно по каждому проанализированному аспекту рассчитывались критерий χ^2 (хи-квадрат) и коэффициент V Крамера для оценки силы и статистической значимости взаимосвязей. Вычисленные значения χ^2 и V Крамера оказались статистически незначимы. Это может быть обусловлено относительно небольшим объемом выборки семей зрелых родителей с детьми и высокой вариативностью ответов внутри групп. Однако данные показатели, рассчитанные на выборке всех возрастов и семей разного состава (без детей, с несовершеннолетними и совершеннолетними детьми), показывают наличие статистически значимой ($p < 0,05$), но слабой связи (V Крамера $< 0,3$) между переменными состава семей и самооценками материального положения, удовлетворенности и субъективного благополучия. Тем не менее, выявленные для семей респондентов 35–54 лет особенности в распределении ответов, позволяют говорить о содержательных различиях, требующих учета при разработке адресных мер социальной политики.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о неоднородности восприятия материального положения и субъективного благополучия в семьях зрелых родителей (35–54 лет) в зависимости от числа несовершеннолетних детей. Многодетные семьи (с тремя и более детьми) находятся в наиболее уязвимом положении: они чаще оценивают свою жизнь как неблагоприятную, более неудовлетворены материальным положением и жилищными условиями, имеют более низкие среднедушевые доходы и заработную плату. При этом для них характерны более высокие оценки достаточности средств на базовые расходы (питание, лекарства, ЖКХ), что, вероятно, связано с действием мер адресной социальной поддержки. Семьи с двумя детьми, напротив, демонстрируют наиболее высокие оценки по большинству показателей субъективного благополучия. Ключевые трудности в рассмотренных группах семей связаны с расходами, обеспечивающими долгосрочное развитие (профессиональное образование, занятия спортом) и формирование финансовой подушки безопасности. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования адресных мер поддержки семей на разных этапах жизненного цикла.

Библиографический список

1. Архангельский В.Н., Елизаров В.В., Джанаева Н.Г. (2019). Оценка уровня жизни семей с детьми: аналитические возможности обследований Росстата // Уровень жизни населения регионов России. № 1. С. 65–79. DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10055
2. Бурдяк А.Я. (2014). Денежные сбережения домашних хозяйств на разных этапах жизненного цикла // Финансовый журнал. № 1. С. 129–140.
3. Гулюгина А.А., Чащина Т.В. (2023). Уровень жизни домохозяйств с детьми в современной России: факторы риска // Уровень жизни населения регионов России. Т. 19. № 4. С. 556–571. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_4_7_556_571.
4. Калачикова О.Н., Груздева М.А. (2019). Социальная уязвимость семей с детьми в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 2. С. 147–160. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.9
5. Одинцова Е.В. (2025). Уровень и качество занятости домохозяйств с детьми: (не)устойчивость положения и динамика в новых условиях развития России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 5. С. 129–142. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.7.
6. Шевяков А.Ю. (2011). Неравенство доходов как фактор экономического и демографического роста // Инновации. № 1 (147). С. 7–19.

Информация об авторе

Галина Вадимовна Белехова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: belek-galina@yandex.ru)

Belekhova G.V.

FINANCIAL SITUATION AND SUBJECTIVE WELL-BEING OF FAMILIES OF RESPONDENTS AGED 35-54: THE FACTOR OF NUMBER OF CHILDREN

Abstract. *This article examines the subjective perceptions of financial situation and well-being in families of mature parents (35–54 years old) with minor children, depending on the number of children. Using data from a 2025 mass survey in the Vologda Oblast, differences in self-assessments of well-being, satisfaction with aspects of life, and assessments of income sufficiency were identified.*

Keywords: *families with children, subjective well-being, income, purchasing power, large families.*

About the author

Galina V. Belekhova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: belek-galina@yandex.ru)

References

1. Arkhangel'skiy V.N., Yelizarov V.V., Dzhanayeva N.G. (2019). Evaluating living standards of families with children: analytical capabilities of research studies performed by Rosstat. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 15, 1, 65–79. DOI: 10.19181/1999-9836-2019-10055.
2. Burdyak A.Ya. (2014). Households' monetary savings over the life cycle. *Financial journal*, 1, 129–140.
3. Gulyugina A.A., Chashchina T.V. (2023). Standard of living of households with children in modern Russia: risk factors. *Living standards of the population in the regions of Russia*, 19, 4, 556–571. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_4_7_556_571.
4. Kalachikova O.N., Gruzdeva M.A. (2019). Social vulnerability of families with children in modern Russia. *Economic and social changes: Facts, Trends, Forecast*, 12, 2, 147–160. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.9.
5. Odintsova E.V. (2025). Level and quality of employment of households with children: (Non)sustainability and dynamics in the new conditions of Russia's development. *Economic and social changes: Facts, Trends, Forecast*, 18, 5, 129–142. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.7.
6. Shevyakov A.Y. (2011). Income inequality as a factor of economic and demographic growth. *Innovations*, 1(147), 7–19.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ: ВОЗМОЖНОСТИ ИНДЕКСНОГО МЕТОДА

Аннотация. В качестве основы методики оценки уровня экономического благополучия муниципального образования предложено использовать индексный метод, поскольку он соответствует многофакторному характеру данного конструкта, а также позволяет инкорпорировать положения пространственно-временной, эволюционной, и этико-философской методологий в его исследование.

Ключевые слова: экономическое благополучие, устойчивое развитие, ответственное развитие, пространство региона, муниципальная экономика, индикатор, метод.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01430 (<https://rscf.ru/project/25-28-01430/>).

Усиливающийся интерес к концепции благополучия в научной литературе связан с рядом обстоятельств: нарастанием кризисных явлений в экономике, углублением несоответствия между объективно высоким материальным благосостоянием человека (по сравнению с началом прошлого века) и его разнящимся субъективным восприятием (счастьем), растущей потребностью в сбалансированном развитии экономической, социальной и экологической подсистем социально-экономической системы (Провидонова, Крючков, 2020; Семененко, Хайнацкая, 2022; Нешатаев, 2023; Аникин и др., 2024). Благополучие рассматривается как многоаспектная концепция, которая может использоваться в социологии, психологии и экономике, отражая общее положительное состояние объекта исследования на основе объективных либо субъективных метрик. Для исследования состояния хозяйственного комплекса территорий целесообразно уточнить ее до концепции экономического благополучия и применить ее к муниципальному образованию как наиболее гибкой единице системы публичной власти (Белоусова, 2022). Таким образом, экономическое благополучие муниципального образования будет выступать как многофакторный конструкт, позволяющий описывать, диагностировать и направлять экономическое развитие муниципальных образований в условиях сокращающихся возможностей для обеспечения экономического роста и увеличения масштабов ресурсных ограничений – не только природных (в том числе энергетических), но и трудовых, финансовых, капитала и инфраструктуры.

Цель исследования – разработать методический подход к оценке уровня экономического благополучия муниципального образования с учетом положений пространственно-временной, эволюционной и этико-философской методологий. В рамках проводимого исследования обозначим его как этико-пространственный методический подход.

Структура разрабатываемого методического подхода предполагает организацию исследования на основе согласованного применения трех компонентов: пространственного, этико-субъектного и эволюционно-воспроизводственного методических подходов. Данные методические подходы призваны решать задачу соединения сущностных характеристик экономического образования, представленных в более раннем исследовании (Двойкина, Белоусова, 2023).

Принципиально важными из сущностных характеристик при оценке являются экономическая безопасность как базовое условие экономического благополучия; пространственная сбалансированность как характеристика устойчивости муниципального образования в экономическом пространстве региона; экономическая обеспеченность как характеристика устойчивости процесса удовлетворения потребностей муниципального образования; ответственность как характеристика механизма, обеспечивающего ответственное развитие муниципального образования. Таким образом, экономически благополучным муниципальным образованием можно считать экономически безопасное, пространственно-сбалансированное, экономически обеспеченное и ответственное муниципальное образование. Раскроем содержание методических подходов применительно к данным сущностным характеристикам немного подробнее.

Пространственный методический подход является частью пространственно-временной методологии и использует его пространственную методическую компоненту для оценки таких характеристик экономического благополучия как экономическая безопасность и пространственная сбалансированность. Он решает три задачи:

1. оценка совокупности исследуемых муниципальных образований на основе пространственной типологии;
2. оценка экономической безопасности муниципального образования как места концентрации экономической деятельности, трудовых, финансовых (бюджетных) ресурсов);
3. оценка пространственной сбалансированности как степени включенности в региональный воспроизводственный процесс.

Эволюционно-воспроизводственный методический подход опирается на методологический потенциал эволюционной методологии и использование концепции системы воспроизводства для анализа эволюционных процессов на территории муниципального образования. Он необходим для обеспечения решения следующих задач:

1. характеристика накопленных условий по факторам производства в муниципальном образовании (земля, труд, капитал);
2. идентификация и характеристика рутин построста в системе воспроизводства муниципального образования.

Этико-субъектный методический подход сформирован на основе этико-философской методологии и опирается на понятие субъектности муниципального образования при исследовании его экономического благополучия. Он позволяет достичь выполнения трех задач:

1. обоснование субъектности муниципального образования и идентификация финансовой самостоятельности муниципального образования;
2. оценка применения принципа ответственности как механизма ответственного развития при решении вопросов местного значения;
3. оценка расширения возможностей граждан по участию в формировании экономического благополучия.

За исключением проведения пространственной типологии для характеристики выборки, выполнение оценки по предложенным направлениям (задачам) может быть осуществлено с помощью индексного метода. Индексы получили широкое распространение в экономических исследованиях, поскольку с их помощью можно охарактеризовать изменения различных показателей, а также проводить сравнение сложных совокупностей и отдельных их единиц. Широко используются индексы в исследованиях территорий как при оценке социально-экономического положения, так и при анализе различных аспектов развития муниципального образования или региона.

В качестве примеров можно привести Рейтинг городов России по качеству жизни¹ (разработчик – Финансовый университет при Правительстве РФ), Индекс качества городской среды² (Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ), Интегральный рейтинг социально-экономического развития муниципальных образований Свердловской области³. Способы построения индексов зависят от имеющихся в распоряжении исходных данных, от методики их расчета и от целей исследования.

Использование сводных индексов в экономических исследованиях имеет как значительные преимущества, так и недостатки (табл. 1). Однако в случае, если они рассчитываются с регулярным интервалом, то можно эффективно отражать качественное изменение по общему или частным направлениям оценки конкретных объектов (в рамках данного исследования – территорий). Это, в свою очередь, оказывается полезным при разработке приоритетов региональной и муниципальной политики, сравнении с практиками лидеров по индексу, мониторинге результатов деятельности. Сводные индексы подходят для измерения многомерных, многокомпонентных явлений, к которым относится и разрабатываемый конструкт экономического благополучия муниципального образования. Это делает индексный метод наиболее подходящим в качестве основы методики измерения уровня экономического благополучия муниципального образования.

Таблица 1. Преимущества и недостатки сводных индексов

Преимущества	Недостатки
1. Позволяют суммировать сложные, многокомпонентные феномены для целей поддержки принятия решений. 2. Легче в интерпретации, чем большой набор отдельных индикаторов. 3. Позволяют оценивать прогресс стран, регионов, территорий в течении времени. 4. Снижают видимый размер набора индикаторов без отказа от лежащей в основе информационной базы, что позволяет включить больше информации в пределах существующего ограничения на размер базы. 5. Выводят в центр принятия управленческих решений вопросы, связанные с результативностью деятельности стран, регионов, территорий 6. Упрощают коммуникацию с обществом (гражданами, СМИ, др.) и повышают подконтрольность. 7. Позволяют создавать/подводить аргументацию как профессиональной, так и не специализирующейся в вопросе аудитории. 8. Позволяет пользователям эффективно сравнивать сложные направления/феномены	1. Могут вводить в заблуждение при разработке политик и мер, если построены или интерпретируются некачественно. 2. Могут приводить к упрощенным выводам при формировании политик. 3. Могут быть неправильно использована, например, для поддержки желаемых политик и мероприятий, если процесс составления индекса непрозрачен и/или не полагается на надежные статистические принципы и принципы концептуализации. 4. Выбор показателей и весов может стать предметом политического/управленческого спора. 5. Может скрывать серьезные проблемы в некоторых направлениях и увеличивать сложность определения правильного решения для их устранения, если процесс составления индекса непрозрачен. 6. Может приводить к нецелесообразным управленческим решениям если поднаправления, которые сложно измерить, не включаются в индекс и игнорируются
Источник: составлено по Handbook on Constructing Composite Indicators: Methodology and User Guide. OECD. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=N-jVAgAAQBAJ&oi=fnd&pg=PA13&ots=f1B4-7mWd8&sig=LwjNki1B8M7Wvz2C4O2Ovxi1vo&rediresc=y#v=onepage&q&f=false.	

¹ По итогам I квартала 2025 года города с самым высоким качеством жизни – Сочи, Москва, Санкт-Петербург, Севастополь, Грозный. URL: https://www.fa.ru/upload/medialibrary/9e6/tddh385t4qvh3eawdjujdig8rcc31mvb/Monitoring_kachestva_zhizni_gorodov_Finansovyy_universitet_1_kvartal.pdf

² Методика формирования индекса качества городской среды: утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 23.03.2019 № 510-п. URL: <https://docs.cntd.ru/document/553937399>

³ Интегральный рейтинг социально-экономического развития муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области. URL: <https://economy.midural.ru/upload/uf/fdb/h9s6b18jiw2s0o5jvkvx7951o2kqruzet/Integralnyy-reyting-MO.pdf>.

Сложности использования индексного метода при создании индекса экономического благополучия связаны не только с традиционными проблемами, такими как выбор направлений, характеризующих явление; выбор показателей, характеризующих направление; определение методов нормализации данных, а также весов показателей и направлений; полное отсутствие данных или наличие резко отличающихся значений; взаимное влияние показателей внутри индекса. Проблемы создает и постоянно сужающийся перечень показателей муниципальной статистики (особенно на длительных интервалах), а также разнородность объектов оцениваемой совокупности. Проведенная пространственная типология 73 муниципальных образований (не включены сельские и городские поселения, тип которых соответствует их статусу как муниципального образования) Свердловской области выявила, что среди 53 муниципальных округов, 15 городских округов и 5 муниципальных районов, к центробежным относятся 18 муниципальных образований, а остальные 55 – к центростремительному типу (Белоусова, Кайбичева, 2025). Соответственно, индекс экономического благополучия должен относительно равномерно включать показатели, относящиеся к преимуществам и недостаткам территорий центробежного и центростремительного типов.

По итогам изучения возможностей муниципальной статистики по отражению характеристик экономического благополучия в соответствии разработанными теоретическими и методологическими положениями, а также доступности данных был определен состав четырех субиндексов экономического благополучия: субиндекс экономической безопасности (Иэб), субиндекс пространственной сбалансированности (Ипс), субиндекс экономической обеспеченности (Иэо), субиндекс ответственности (Ио) – предложена методика их расчета.

Сводный индекс экономического благополучия (Имо) рассчитывается как сумма субиндексов экономической безопасности, ответственности, экономической обеспеченности за вычетом субиндекса пространственной сбалансированности. Индекс экономической благополучия муниципального образования может принимать значения от -2 до 3, т. к. индивидуальные границы субиндексов после нормализации выглядят следующим образом: Ипс – от -1 до 0, Ио и Иэо – от 0 до 1, Иэб – от -1 до 1. Соответственно, группы муниципальных образований могут быть сформированы исходя из шага в одну единицу: $-2 \leq \text{Имо} \leq -1$ – критический уровень экономического благополучия при отрицательных значениях индекса экономической безопасности и значительной пространственной несбалансированности, $-1 < \text{Имо} \leq 0$ – низкий уровень экономического благополучия, $0 < \text{Имо} \leq 1$ – средний уровень экономического благополучия, $1 < \text{Имо} \leq 2$ – высокий уровень экономического благополучия, $2 < \text{Имо} \leq 3$ – очень высокий уровень экономического благополучия при высокой пространственной сбалансированности и экономической безопасности муниципального образования. В совокупности в сводном индексе экономического благополучия используются 26 показателей.

Библиографический список

1. Аникин В.А., Нагерняк М.А., Воронина Н.Д. (2024). Концепция благополучия в общественных науках // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6. С. 319–341. DOI:10.14515/monitoring.2024.6.2800.
2. Белоусова Е.А. (2022). Экономическое благополучие: семантическое окружение и контексты исследования на уровне муниципального образования // Journal of New Economy. Т. 23. №. 4. С. 46–68. DOI: 10.29141/2658-5081-2022-23-4-3.
3. Белоусова Е.А., Кайбичева Е.И. (2025). Пространственная типология муниципальных образований в условиях трансформации системы местного самоуправления // Проблемы развития территории. Т. 29. №4. С. 33–49. DOI: 10.15838/ptd.2025.4.138.3.
4. Дворядкина Е.Б., Белоусова Е.А. (2023). Концепт экономического благополучия и возможности его проекции на муниципальный уровень // Проблемы развития территории. Т. 27. № 6. С. 213–233. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.13.

5. Нешатаев А.В. (2023). Человеческий капитал на территориях с разным уровнем благополучия: измерение и влияние // Регионология. Т. 31. № 1 (122). С. 123–142. DOI: 10.15507/2413-1407.122.031.202301.123-142.
6. Провидонова Н.В., Крючков Г.Г. (2020). Оценка уровня благополучия населения на урбанизированных и сельских территориях Саратовской области. Закономерности развития региональных агропродовольственных систем: материалы Всероссийской конференции молодых ученых. Саратов: ИАГП РАН. С. 84–88.
7. Семенов И.С., Хайнацкая Т.И. (2022). Дискурсы о благополучии в реальности «неустойчивого развития»: между прошлым и будущим // Общественные науки и современность. № 5. С. 76–99. DOI: 10.31857/S0869049922050045.

Информация об авторе

Елизавета Александровна Белоусова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной воли, д. 62/45; e-mail: belousova-unir@usue.ru)

Belousova E.A.

MUNICIPALITIES' ECONOMIC WELL-BEING: POSSIBILITIES OF INDEX METHOD

Abstract. *The paper suggest that index method should underlie the methodological approach to assessing the level of municipalities' economic well-being, since it corresponds to the construct's multi-factor nature as well as allows incorporating the propositions of spatio-temporal, evolutionary and ethical-philosophical methodologies into its research.*

Keywords: *economic well-being, sustainable development, responsible development, region's space; municipal economy; indicator, method.*

About the author

Elizaveta A. Belousova – Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Lead Researcher, Ural State University of Economics (62/45, 8th of March/Narodnoy Voli Street, Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: belousova-unir@usue.ru)

References

1. Anikin V.A., Nagernyak M.A., Voronina N.D. (2024). The concept of well-being in social sciences. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 6, 319–341. DOI: 10.14515/monitoring.2024.6.2800.
2. Belousova E.A. (2022). Economic well-being: Semantic environment and research contexts at a municipal level. *Journal of new economy*, 23, 4, 46–68. DOI: 10.29141/2658-5081-2022-23-4-3.
3. Belousova E.A., Kaibicheva C.I. (2025). Spatial typology of municipalities in the context of the local government system transformation. *Problems of territory's development*, 29, 4, 33–49. DOI: 10.15838/ptd.2025.4.138.3.
4. Dvoryadkina E.B., Belousova E.A. (2023). Economic well-being concept and possibilities of its projection to the municipal level. *Problems of territory's development*, 27, 6, 213–233. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.13.
5. Neshataev A.V. (2023). Human capital in territories with different level of socio-economic well-being: assessment and influence. *Russian Journal of Regional Studies*, 31, 1, 123–142. DOI: 10.15507/2413-1407.122.031.202301.123-142.
6. Providonova N.V., Kryuchkov G.G. (2020). Assessment of the population well-being in urban and rural areas of the Saratov oblast. Proc. All-Russian conf. of young scientists “Development regularities of regional agri-food systems”. Saratov: Institute of Agrarian Problems of the RAS, 84–88.
7. Semenenko I.S., Khaynatskaya T.I. (2022). Well-being discourses in an environment of “Unsustainable development”: bridging the past and the future. *Social sciences and contemporary world*, 5, 76–99. DOI: 10.31857/S0869049922050045.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Аннотация. В исследовании анализируется восприятие качества городской среды жителями российских городов на основе данных опроса ВЦИОМ. Выявлены ключевые различия в оценках качества среды, уровня конфликтности и готовности к участию в благоустройстве в зависимости от типа населенного пункта и возраста респондентов. Результаты показывают общую позитивную динамику, но подчеркивают необходимость дифференцированного подхода в градостроительной политике для учета специфических проблем и повышения гражданской вовлеченности.

Ключевые слова: качество городской среды, восприятие жителей, гражданская активность, социальные конфликты, урбанистика.

Изучение качества жизни населения – важнейший аспект развития общества, от которого зависит эффективность социально-экономической политики. Городская среда является неотъемлемой составляющей качества жизни. В условиях урбанизации перед властями встают вопросы: насколько комфортно люди чувствуют себя в городах и как улучшить условия жизни. В России, где более 70% населения проживает в городах, эта тема приобретает особую значимость. Комфортная среда – важный элемент социального благополучия и здоровья населения¹. Основная проблема: при активном развитии программ благоустройства необходимо точнее соотносить реальное состояние среды с ожиданиями жителей. Для анализа использовались данные всероссийского телефонного опроса ВЦИОМ «Комфортная среда: оценки жителей российских городов»² (N = 1600; 2023 год). Выборка репрезентирует взрослое население России по возрасту, полу, образованию и типу населенного пункта.

Наибольшая из представленных частей, согласно *табл. 1* – представители городов-миллионников (24,6%), рядом с ними – села (22,9%) и большие города (19,8%). Наименьшим числом представителей выступили ПГТ (3,8%).

Таблица 1. Тип населенного пункта, %

Тип населенного пункта	Количество представителей в опросе
> 1 млн чел	24,6
500–950 тыс. чел.	9,4
100–500 тыс. чел.	19,8
50–100 тыс. чел.	8,3
< 50 тыс. чел.	11,4
ПГТ	3,6
Село	22,9
Источник: составлено по ВЦИОМ. Комфортная среда: оценки жителей российских городов: аналитический обзор. Москва, 2023. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/komfortnaja-sreda-ocenki-zhitelei-rossiiskikh-gorodov (дата обращения: 15.06.2025).	

¹ Федеральный проект «Формирование комфортной городской среды». URL: <https://gorodsreda.ru/> (дата обращения: 19.06.2025).

² Комфортная среда: оценки жителей российских городов: аналитический обзор (2023) // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/komfortnaja-sreda-ocenki-zhitelei-rossiiskikh-gorodov> (дата обращения: 15.06.2025).

Согласно *табл. 2*, города-миллионники, большие города и села чаще получают оценку «скорее хорошее», что для села отчасти объясняется невысокими ожиданиями жителей – там преимущественно проживают пенсионеры. При этом именно в селах доля негативных оценок превалирует над остальными типами населенных пунктов, что сигнализирует о недостаточном финансировании. Крупные города и поселки городского типа также часто оцениваются как «скорее хорошее», но значительная доля оценок «скорее плохое» здесь связана с перегруженностью инфраструктуры.

Малые и средние города чаще получают «скорее хорошее», однако большое количество респондентов поставили крайне негативную оценку – это может быть связано с упадком инфраструктуры, отсутствием рабочих мест или миграцией. Категория «Затрудняюсь ответить» встречается преимущественно среди жителей сел, что говорит о низкой вовлеченности в вопросы благоустройства. Несмотря на перечисленные проблемы, все типы населенных пунктов в основном оцениваются как «скорее хорошее», что отражает положительную динамику работы местных органов управления.

Таблица 2. Оценка качества городской среды, %

Оценка	> 1 млн чел	500–950 тыс. чел.	100–500 тыс. чел.	50–100 тыс. чел.	< 50 тыс. чел.	ПГТ	Село
Определенно хорошее	29,6	20,0	20,9	14,4	15,3	6,8	18,4
Скорее хорошее	42,4	46,0	58,2	48,5	45,9	47,5	41,8
Скорее плохое	12,6	22,7	13,5	19,7	24,6	28,8	20,3
Определенно плохое	4,1	8,0	4,8	11,4	12,6	10,2	13,4
Не проживаю в городе	0,5	0,0	1,0	0,8	0,0	0,0	2,5
Затрудняюсь ответить	0,9	3,3	3,9	6,1	1,6	6,8	5,3
Источник: составлено по ВЦИОМ. Комфортная среда: оценки жителей российских городов: аналитический обзор. Москва, 2023. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/komfortnaja-sreda-ocenki-zhitelei-rossiiskikh-gorodov (дата обращения: 15.06.2025).							

Различия в зонах конфликтов между типами населенных пунктов могут быть связаны с их экономической спецификой, плотностью застройки, миграционной динамикой, уровнем гражданской активности и т. п. Посмотрим на получившийся графический анализ (*табл. 3*).

Таблица 3. Зоны конфликтов, %

Категория	Градостроительные решения без учета мнения жителей	Строительство объектов, способных негативно повлиять на экологию	Трудовые споры	Конфликт с участием дольщиков из-за недостроенного жилья	Конфликт вокруг работы предприятий региона	Конфликт вокруг политических событий	Конфликт на национальной почве	Не замечал каких-либо конфликтов	Затрудняюсь ответить
Село	4,7	5,8	6,4	3,9	5,3	2,8	5,3	60,4	5,5
ПГТ	1,9	1,9	13,2	3,8	5,7	3,8	11,3	56,6	1,9
< 50 тыс. чел.	9,9	4,1	5,8	4,1	5,2	0,6	5,8	60,5	4,1
50–100 тыс. чел.	10,7	13,0	3,1	6,1	6,9	1,5	6,1	45,0	7,6
100–500 тыс. чел.	10,2	7,2	6,9	10,9	3,9	2,0	8,2	46,7	3,9
500–950 тыс. чел.	10,9	9,5	3,4	17,7	5,4	4,8	5,4	38,1	4,8
> 1 млн чел.	11,2	6,0	3,9	9,9	8,1	5,5	19,6	31,6	4,2
Источник: составлено по ВЦИОМ. Комфортная среда: оценки жителей российских городов: аналитический обзор. Москва, 2023. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/komfortnaja-sreda-ocenki-zhitelei-rossiiskikh-gorodov (дата обращения: 15.06.2025).									

В целом картина неплохая: очевидно подавляющее большинство респондентов отмечают, что не замечали каких-либо конфликтов, однако, проблемы можно выделить. Города-миллионники лидируют по политическим и национальным конфликтам (5,5 и 19,6% респондентов отмечают соответственно), а также по проблемам дольщиков (9,9%) – здесь острее всего ощущается социальное напряжение. Села сталкиваются в основном с трудовыми спорами (6,4%) и экологическими рисками (5,8%), но большинство жителей (60,4%) вообще не видят конфликтов, вероятно, из-за низкой вовлеченности в общественные процессы. Малые города (50–500 тыс.) демонстрируют «умеренный» профиль: локальные градостроительные споры (10,2–10,7%) и проблемы предприятий (3,9–6,9%) без крайних форм протеста. ПГТ выделяются минимальной конфликтностью, возможно, благодаря камерности и прозрачности коммуникаций. Общий тренд можно заключить следующий: чем крупнее город, тем разнообразнее конфликты (от экологии до политики), а в малых поселениях преобладают базовые экономические проблемы. При этом большинство респондентов в селах и малых городах вообще не фиксируют напряженности – это может говорить как о спокойствии, так и о низкой гражданской активности.

Таблица 4. Готовность участвовать в мероприятиях по благоустройству территории, %

Форма участия	18–35	36–59	60+
В общественных обсуждениях по благоустройству	7,62	8,64	9,23
Участвовать в голосовании за проекты благоустройства территорий	21,52	15,23	10,77
Писать письма, оставлять отзывы о качестве работ по благоустройству	6,73	6,59	5,05
В субботниках, мероприятиях по благоустройству	20,18	24,16	21,76
В благоустройстве своего двора, придомовой территории	13,23	17,57	20,66
В работе благотворительных и волонтерских организаций по благоустройству	8,74	5,27	6,15
В публичных слушаниях	5,16	4,54	3,30
Финансово поддерживать проекты по благоустройству	2,47	2,93	1,98
Не проживаю в городе	0,67	0,59	0,44
Затрудняюсь ответить	1,35	4,25	4,40
Не готов в чем-либо участвовать	11,66	7,76	14,95

Примечание: возрастные границы: 18–35 – молодежь, 36–59 – люди среднего возраста, 60+ – пожилые.
 Источник: составлено по ВЦИОМ. Комфортная среда: оценки жителей российских городов: аналитический обзор. Москва, 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/komfortnaja-sreda-ocenki-zhitelei-rossiiskikh-gorodov> (дата обращения: 15.06.2025).

Наибольшая активность проявляется в трех форматах: субботниках (пик у среднего возраста – 24,16%), голосовании за проекты (лидер – молодежь, 21,52%) и работе на придомовой территории (пожилые – 20,66%). Проблемная зона во всех группах – низкая вовлеченность в принятие решений: публичные слушания собирают менее 10%. Люди среднего возраста также демонстрируют минимальный отказ от участия (7,76%), тогда как пожилые – самый высокий (14,95%). Общий вывод: население активно в практическом благоустройстве, но слабо вовлечено в процессы принятия решений.

Исследование выявило противоречивую, но в целом позитивную картину: жители России оценивают городскую среду как «хорошую», однако характер проблем и готовность к их решению существенно различаются. В крупных городах наблюдается высокий потенциал гражданской активности, но также и высокий уровень конфликтности – от градостроительных споров до межнациональной напряженности. В малых населенных пунктах, напротив, фиксируется «тихое» неблагополучие: экономические трудности и инфраструктурный упадок на фоне низкой вовлеченности граждан. Молодежь готова к цифровым форматам участия, люди среднего возраста активны в практическом благоустройстве, а пожилые сосредоточены на локальных проблемах, при этом все возрастные группы одинаково дистанцированы от процессов принятия решений. Эти данные подчеркивают необходимость дифференцированного подхода к городской политике с учетом территориальных и демографических особенностей, что позволит разрабатывать адресные программы, направленные как на развитие инфраструктуры, так и на повышение гражданской активности.

Информация об авторах

Алена Александровна Беляева – студент, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Российская Федерация, 614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15; e-mail: alena_bel.2004-2004@mail.ru)

Владислав Сергеевич Касаткин – студент, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Российская Федерация, 614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15; e-mail: vladislawkasatckin@yandex.ru)

Belyaeva A.A., Kasatkin V.S.

QUALITY OF LIFE IN THE URBAN ENVIRONMENT

Abstract. *This study analyzes the perception of urban quality among residents of Russian cities based on data from a VTSIOM survey. Key differences in assessments of environmental quality, conflict levels, and willingness to participate in urban development were identified depending on the type of settlement and the age of respondents. The results demonstrate an overall positive trend, but highlight the need for a differentiated approach in urban development policy to address specific issues and enhance civic engagement.*

Keywords: *urban quality, resident perceptions, civic engagement, social conflicts, urban planning.*

About the authors

Alyona A. Belyaeva – student, Perm State National Research University (15, Bukireva Street, Perm, 614068, Russian Federation; e-mail: alena_bel.2004-2004@mail.ru)

Vladislav S. Kasatkin – student, Perm State National Research University (15, Bukireva Street, Perm, 614068, Russian Federation; e-mail: vladislawkasatckin@yandex.ru).

РАЗВИТИЕ НАУКИ В ВУЗАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Аннотация. *Статья посвящена развитию научно-исследовательской деятельности в вузах Дальневосточного федерального округа и регионов, его формирующих. Анализ основан на данных информационно-аналитических материалов мониторинга эффективности деятельности вузов 2021–2025 гг.*

Ключевые слова: *вузы, регионы, Дальний Восток, научные исследования и опытно-конструкторские разработки, доходы.*

Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации научно-технологическое развитие заявлено в качестве одного из стратегических национальных приоритетов страны¹. В соответствии с ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ, ключевой деятельностью вуза, наряду с образовательной, должна являться и научная деятельность². В связи с этим вузы, развивая научно-исследовательскую деятельность, должны вносить активный вклад в обеспечение достижения целей научно-технологического развития России. Особенно актуально это для Дальнего Востока – региона, развитие которого признано национальным приоритетом на текущее столетие³.

Как показал анализ данных мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования, объем научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (далее – НИОКР) вузов Дальнего Востока с 2020 по 2024 год в среднем за год увеличивался на 14%. Продemonстрированный темп роста выше официально установленного уровня инфляции, что свидетельствует о реальном увеличении объема научно-исследовательских работ вузами исследуемого макрорегиона. В 2024 году суммарный объем НИОКР составлял более 3 млрд руб. Однако 40,8% данного показателя было обеспечено за счет вузов лишь одного региона – Приморского края. Помимо данного субъекта в тройку лидеров по объему НИОКР входили вузы Республики Саха (Якутия) и Хабаровского края, на которые приходилось по 17,9 и 16,2% анализируемого показателя соответственно.

В остальных восьми регионах Дальневосточного федерального округа организации высшего образования в совокупности обеспечивали только четверть (25,2%) объема НИОКР вузов. Стоит отметить, что на высшие учебные заведения Приморья хоть и приходилась наибольшая доля научных исследований и разработок макрорегиона, данный субъект федерации демонстрировал не самые лучшие темпы роста их объема. За исследуемый период объем НИОКР вузов, дислоцированных на его территории, увеличился в 1,68 раза, в то время как аналогичный показатель других субъектов Российской Федерации, на которые приходится небольшая его доля в макрорегиональном объеме, достигал более высоких значений. Так, в Сахалинской области темп роста объемов НИОКР вузов с 2020 до 2024 года вырос в 7 раз, в Камчатском крае – в 6,27 раза, в Республике Бурятия – в 2 раза (табл. 1).

¹ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145. URL: <https://mchs.gov.ru/uploads/document/2025-06-09/45be581bad89594daf8ff94ddec71177.pdf> (дата обращения: 23.03.2026).

² Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 20.12.2012 № 273-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 25.03.2026).

³ Дальний Восток – национальный приоритет на весь XXI век-13147/ (дата обращения: 25.03.2026).

Таблица 1. Объем НИОКР вузов в регионах Дальнего Востока

Регионы	Объем НИОКР, млн руб.					Темпы роста				
	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год	2024 год	2021 к 2020 году	2022 к 2021 году	2023 к 2022 году	2024 к 2023 году	2024 к 2020 году
Амурская область	142,6	156,3	216,2	201,1	216,9	1,10	1,38	0,93	1,08	1,52
ЕАО	13,2	10,3	8,2	6,7	21,1	0,78	0,80	0,81	3,16	1,60
Забайкальский край	107,3	84,7	76,8	122,5	109,4	0,79	0,91	1,59	0,89	1,02
Камчатский край	13,9	17,0	17,1	21,0	87,4	1,22	1,00	1,23	4,15	6,27
Магаданская область	25,1	26,2	26,3	26,9	27,0	1,04	1,00	1,02	1,01	1,08
Приморский край	736,0	838,1	1183,6	1299,8	1236,3	1,14	1,41	1,10	0,95	1,68
Республика Бурятия	95,9	115,5	132,0	261,8	192,2	1,20	1,14	1,98	0,73	2,00
Республика Саха (Якутия)	391,6	472,0	546,2	615,8	542,4	1,21	1,16	1,13	0,88	1,39
Сахалинская область	15,2	8,0	54,5	82,2	106,7	0,53	6,82	1,51	1,30	7,01
Хабаровский край	342,5	381,0	281,7	328,9	490,3	1,11	0,74	1,17	1,49	1,43
ЧАО	1,3	1,3	–	–	3,2	0,97	–	–	–	2,44
ДФО	1884,7	2110,5	2542,7	2966,9	3032,8	1,12	1,20	1,17	1,02	1,61
Источник: составлено автором по https://monitoring.miccedu.ru/										

Важно подчеркнуть, что вузовские научные исследования и разработки преимущественно сконцентрированы в трех крупных образовательных организациях высшего образования Дальнего Востока. Речь идет о двух федеральных университетах: Дальневосточном (Приморский край) и Северо-Восточном (Республика Саха (Якутия)), а также о Тихоокеанском государственном университете (Хабаровский край). Суммарно на них приходилось 60% анализируемого показателя, на первый из них – примерно 35%, на первые два – более половины.

Если анализировать объем НИОКР по типам образовательных организаций высшего образования, то можно увидеть, что в расчете на один вуз данный показатель более высокие значения (помимо федеральных университетов) принимает у сельскохозяйственных и медицинских вузов, более низкие – у творческих и транспортных. Лучшие средние темпы роста данного показателя в 2020–2024 гг. были присущи сельскохозяйственным (1,34) и творческим вузам (1,20). Вузы транспортной направленности продемонстрировали среднюю отрицательную динамику: в среднем в год за исследуемый период объемы их научных исследований сокращались на 2% (табл. 2).

Таблица 2. Средний объем НИОКР одного вуза Дальнего Востока по типам вузов, млн руб.

Типы вузов	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год	2024 год	Среднее	Средний темп роста
Вузы без специфики деятельности, в т. ч.:	30,60	38,29	48,71	55,62	59,39	46,52	1,18
федеральные университеты	454,40	505,77	728,18	787,96	735,44	642,35	1,14
вузы без специфики деятельности за исключением федеральных университетов	13,98	17,51	17,82	21,56	27,95	19,77	1,19
Медицинские	28,00	29,43	29,10	23,70	33,28	28,70	1,06
Сельскохозяйственные	15,70	25,77	24,94	53,36	32,56	30,46	1,34
Творческие	4,91	8,13	6,40	8,80	8,57	7,36	1,20
Транспортные	11,30	6,15	4,32	10,60	2,39	6,95	0,98
Источник: составлено автором по https://monitoring.miccedu.ru/							

Принимая во внимание дифференциацию вузов по численности профессорско-преподавательского состава и научных работников, целесообразно проанализировать объем их НИОКР, приведенный к численности научно-педагогических работников. Учитывая также различия регионов по уровню экономического развития, более рационально исследовать динамику названного показателя. Проведенные расчеты, основанные на данных мониторинга эффективности деятельности вузов, свидетельствуют, что наилучшие средние темпы роста объема НИОКР на одного научно-педагогического работника с 2020 по 2024 год были характерны для вузов Камчатского края (1,7 раза), Республики Бурятия (1,47 раза) и Еврейской автономной области (1,43 раза). Вузы трех регионов-лидеров по объему научных исследований в среднем в год по приведенному показателю прирастали лишь от 12% до 20%.

Анализ степени самостоятельности реализации вузами Дальневосточного макрорегиона научных исследований и разработок показал, что этот показатель на протяжении 2020–2024 гг. был довольно высок, достигая значений от 88,6 до 98,5%. Полностью собственными силами научные исследования реализовывались лишь в тех субъектах федерации Дальнего Востока, в которых функционирует только по одному вузу (Еврейская автономная и Магаданская области, Чукотский автономный округ).

Несмотря на рост объемов НИОКР вузов Дальневосточного федерального округа, превышающий уровень инфляции, фиксируемый в последние годы, доля доходов от научных исследований и разработок в общих доходах вузов продолжала оставаться на относительно низком уровне: от 2,8 до 3,3%. Лишь два вуза со всего макрорегиона смогли обеспечить значение данного показателя, превышающее 10% хотя бы дважды за исследуемые пять лет. Это Якутский филиал частного учреждения высшего образования «Институт государственного администрирования» и Тихоокеанский государственный университет. Довольно слабо вузы анализируемого макрорегиона включены в процесс коммерциализации результатов своих исследований. В 2020–2022 гг. доход использования результатов интеллектуальной деятельности получали только два вуза Приморского края, с 2023 года к ним присоединился еще один вуз из Республики Бурятия. Доля такого дохода в общем объеме каждого из них не достигала и 1%.

Помимо объема НИОКР и коммерциализации их результатов, развитие научно-исследовательской деятельности вуза характеризует публикационная активность его профессорско-преподавательского состава и уровень его цитируемости. Как показал анализ, в 2020–2024 гг. в среднем один преподаватель дальневосточного вуза в информационно-аналитической системе научного цитирования РИНЦ в год публиковал две статьи. Его одну публикацию в среднем процитировали 19 раз. При этом уровень цитируемости в 2020–2022 гг. был выше по сравнению с аналогичным показателем последующих двух лет (рис. 1).

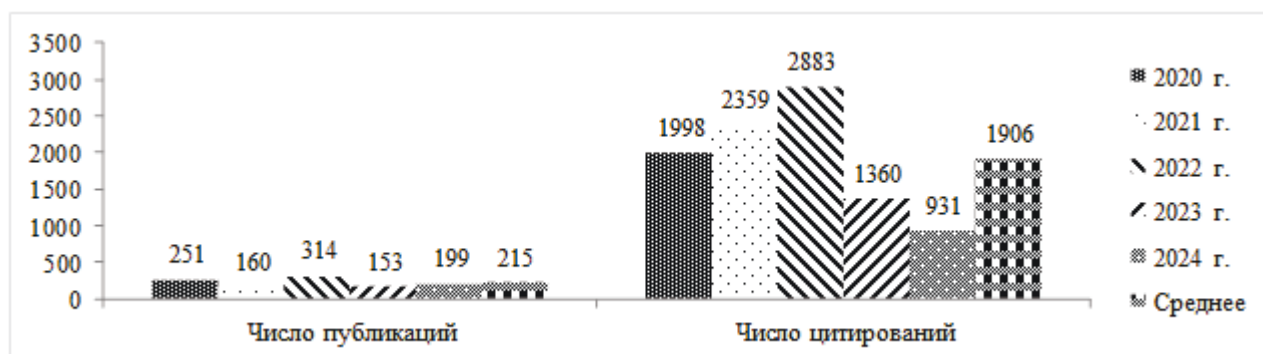

Рис. 1. Среднее число публикаций, индексируемых в РИНЦ, в расчете на 100 НПП, и среднее число цитирований публикаций, изданных за последние 5 лет, индексируемых в РИНЦ, в расчете на 100 НПП в вузах Дальнего Востока в 2020–2024 гг., ед.

Источник: составлено автором по данным <https://monitoring.miccedu.ru/>

Примечательно, что оба показателя публикационной активности наиболее высоких значений достигают в Еврейской автономной области. Показатель цитируемости в этом регионе более чем вдвое превышает среднее значение по вузам округа в целом. Относительно более низкий уровень публикационной активности характерен для преподавателей вузов Камчатского края и Сахалинской области. Более низким уровнем цитируемости характеризуются вузы Республики Бурятия и Амурской области.

Касательно формирования высококвалифицированных кадров вузами Дальнего Востока, то она преимущественно заключается в подготовке аспирантов. С 2022 года численность таких обучающихся постепенно нарастала, превысив к 2024 году 5 тыс. человек. Количество докторантов, обучающихся в дальневосточных вузах, не значительна – в течение исследуемого периода составляла от 19 до 39 человек (рис. 2).

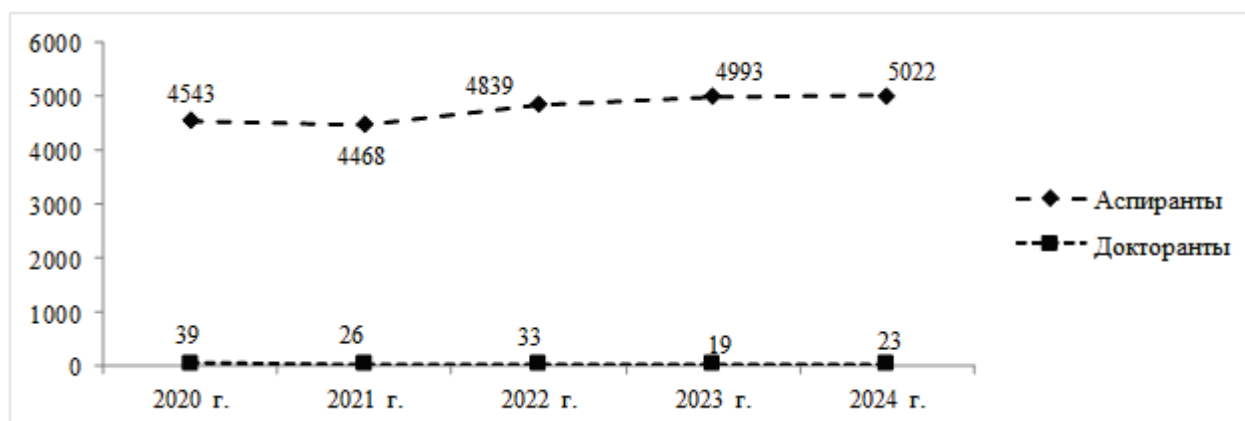

Рис. 2. Численность аспирантов и докторантов в вузах Дальнего Востока в 2020–2024 гг., чел.

Источник: составлено автором по данным мониторинга деятельности организаций высшего образования. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/>

Наибольшая численность аспирантов за анализируемый период (от 1 249 чел. до 1 583 чел.) обучалась в вузах Приморского края. С 2020 года данный показатель в этом регионе с каждым годом увеличивался. На втором месте находится Хабаровский край, в организациях которого проходили обучение от 893 до 956 аспирантов; на третьем месте – Республика Саха (Якутия) с численностью аспирантов от 704 до 774 человек. Численность аспирантов в вузах Камчатского края не превышала 60 человек, Сахалинской, Магаданской и Еврейской автономной областей – 30 человек. Отдельно следует выделить Республику Бурятия. Численность аспирантов, обучающихся в вузах данного региона, с каждым годом увеличивалась. С 2020 по 2024 год рост данного показателя составил 1,38 раза.

Среди аспирантов дальневосточных вузов преобладают аспиранты заочной формы обучения, хотя их доля постепенно сокращается. Если в 2020 году в среднем по вузам она составляла 63,1%, то в 2024 году – 51,1%. Лишь в Магаданской области все немногочисленные аспиранты обучаются по очной форме. Наименьшая доля аспирантов-очников характерна для вузов Республики Саха (Якутия) и Камчатского края: от 10,3 до 27,9% и от 26,3 до 35,5%. Высокая доля аспирантов заочной формы обучения, как правило, не влечет за собой ощутимого притока научно-исследовательских кадров в вузы регионов.

Касательно функционирования диссертационных советов при вузах Дальневосточного макрорегиона можно отметить, что в 2024 году почти половина из них приходилось на Приморский край. В Хабаровском крае в аналогичный период действовало 13 таких структур, в Республике Саха (Якутия) – 5, Республике Бурятия – 4, Забайкальском крае – 3 и Амурской области – 1. Во всех остальных субъектах федерации исследуемого федерального округа диссертационные советы при вузах отсутствовали. Диссертационные советы при вузах составляли почти две трети от общего их числа в макрорегионе. В Амурской области и в Забайкальском крае диссертационные советы, функционирующие при вузах, являлись единственными советами в этих регионах, хоть эти советы и не по всем, а лишь по отдельным отраслям наук.

На всей территории Дальнего Востока диссертационные советы по медицинским и сельскохозяйственным наукам функционировали только при вузах. Эти и прочие факторы подтверждают значимость диссертационных советов, действующих при дальневосточных вузах. В то же время факт отсутствия либо малого числа таких экспертных научно-квалификационных органов в отдельных субъектах федерации Дальнего Востока, учитывая большую площадь округа и отдаленность его отдельных регионов, оказывает сдерживающее влияние на развитие системы подготовки высококвалифицированных научных кадров.

Таким образом, научно-исследовательская деятельность дальневосточных вузов сконцентрирована и развивается преимущественно в крупных из них, дислоцированных в трех субъектах: в Приморском и Хабаровском краях и Республике Саха (Якутия). Доходы, получаемые вузами данного макрорегиона от НИОКР, продолжают оставаться на уровне всего около 3%, от коммерциализации разработок – менее 1%. В большинстве вузов Дальнего Востока наука сводится в основном лишь к опубликованию научно-исследовательских статей и подготовке аспирантов.

Информация об авторе

Татьяна Николаевна Блинова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119571, г. Хабаровск, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1; e-mail: blinova-tn@ranepa.ru)

Blinova T.N.

DEVELOPMENT OF SCIENCE IN UNIVERSITIES OF THE FAR EAST

Abstract. *This article examines the development of research and development activities at universities in the Far Eastern Federal District and its constituent regions. The analysis is based on data from a 2021–2025 university performance monitoring study.*

Keywords: *universities, regions, Far East, research and development, revenue.*

About the author

Tatyana N. Blinova – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Russian Presidential academy of national economy and public administration (82, Building 1, Vernadsky Avenue, Khabarovsk, 119571, Russian Federation; e-mail: blinova-tn@ranepa.ru)

ИССЛЕДОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ Г. МОСКВЫ)

Аннотация. В работе проведено исследование человеческого капитала старшего поколения на примере г. Москвы с использованием методологии расчета Индекса активного долголетия. В результате социологического опроса жителей г. Москвы был выявлен высокий потенциал социально-экономической активности людей старшего поколения в различных возрастных группах, а также существующие институциональные ограничения для его реализации.

Ключевые слова: активное долголетие, человеческий капитал, старшее поколение, Москва, институциональные барьеры.

Глобальные демографические сдвиги и увеличение продолжительности жизни затрагивают все социально-экономические направления развития. Помимо преимуществ эти процессы усиливают нагрузку на общественные институты и обостряют ресурсные ограничения, требуя новых подходов к социальной интеграции и максимальной реализации возможностей каждого человека. Нужно отметить, что зарубежные исследования в сфере социальной политики демонстрируют переход от концепции помощи людям старшего поколения с особыми потребностями к модели эффективного использования их человеческого капитала. Сегодня в России оценка роли людей старшего поколения также постепенно смещается от пассивных получателей помощи к активным участникам социально-экономической жизни, развивая концепцию активного долголетия. Наиболее продуктивным методологическим подходом к оценке реализации ресурсных возможностей людей старшего поколения является Индекс активного долголетия¹. Он базируется на европейских данных, охватывает разные уровни территорий и позволяет выявлять диспропорции, обусловленные гендерными, этническими и демографическими факторами.

Оценка параметров активного долголетия с использованием методологии расчета Индекса активного долголетия для жителей Москвы была проведена в феврале–марте 2026 года на территории г. Москвы. Московская агломерация, в состав которой входят Москва и большая часть территории Московской области, является крупнейшей в России – здесь проживает более 20 млн человек, практически каждый седьмой россиянин (Ростовская и др., 2023, с. 58). С одной стороны, московский регион является центром притяжения миграционных потоков (внутренних и международных), что обусловлено качеством жизни в регионе и емкостью рынка труда. С другой, модели демографического поведения (матримониального, репродуктивного, самосохранительного), формирующиеся сейчас в столичном регионе, впоследствии распространятся на другие регионы страны.

По данным Мосстата на 1 января 2026 года, население Москвы составило 13,3 млн человек². Коэффициент старения населения г. Москвы в 2023 году составил 26,5%, 2022 год – 25,5%. Процесс старения интенсивно развивается за счет увеличения продолжительности жизни и снижения рождаемости. Уровень старения женщин в г. Москве выше, чем мужчин, что обусловлено более значительной продолжительностью жизни женщин. Доля женщин в возрасте 60 лет и старше составила в начале 2023 года 30,4% (практически каждая третья женщина). Для мужчин показатель составил 22,1%. В результате, среди населения г. Москвы старше 60 лет на 1000 женщин приходится только 629 мужчин.

¹ Методология расчета Индекса активного долголетия (в ред. Приказа Росстата от 24.05.2024 № 209). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_337013/b666476faed3251672d1cf9a3e6dca0fa14e78e3 (дата обращения 26.03.2026).

² Федеральная служба государственной статистики по г. Москве (Мосстат). Статистический ежегодник. 2025. URL: <https://77.rosstat.gov> (дата обращения 26.03.2026).

Цель исследования – оценка сохранения и реализации человеческого капитала лиц старшего возраста, проживающих в г. Москве, посредством анкетирования. При разработке анкеты использовалась методология расчета Индекса активного долголетия. На базе субъективных оценок респондентов предполагалось выявить масштаб использования человеческого капитала старшего поколения москвичей в экономической и социальной сферах, а также определить, насколько благоприятна окружающая среда для их активной жизнедеятельности.

Гипотеза исследования – существует разрыв между ресурсным потенциалом старшего поколения и реальным уровнем его вовлеченности в социально-экономическую жизнь. Предполагается, что низкая степень реализации человеческого капитала обусловлена институциональными барьерами и отсутствием эффективных механизмов интеграции.

Метод исследования – онлайн-анкетирование на платформе webask с привлечением зарегистрированных респондентов. В квотную выборку вошли 338 респондентов (жители г. Москвы в возрасте 55 лет и старше). Использовались квоты по демографическому признаку (31% – мужчин и 69% – женщин) и по возрастным группам (55–64 года, 65–74 года, 75+ лет) в соответствии с генеральной совокупностью по г. Москве. Всего в Москве в 2026 году проживают 3,4 млн пенсионеров, среди них женщин – 2,1 млн (69%) и мужчин – 967 тыс. (31%). Анкета состояла из 52 вопросов и включала опрос мнений респондентов по доменам: 1) занятость; 2) участие в социальной жизни; 3) независимое, здоровое и безопасное проживание; 4) возможности и благоприятная среда для активного долголетия.

При разработке дизайна социологического исследования «Человеческий капитал старшего поколения (на примере г. Москвы)» была использована методология расчета Индекса активного долголетия (Active Aging Index (AAI)). Данный индекс показывает, в какой степени общество использует возможности людей старших возрастов вносить вклад в экономическую и социальные сферы, и насколько благоприятна для этого окружающая среда.

Социально-демографический профиль респондентов:

- Возраст: 55–64 года – 46,2% (156 чел.), 65–74 года – 35,2% (119 чел.), 75+ лет – 18,6% (63 чел.).
- Мужчины – 31%, женщины – 69%
- Образование: высшее (в т. ч. ученая степень) – 65%, среднее профессиональное – 29,2%, среднее общее – 5,6%.
- Семейное положение: вдовец/вдова – 50,5%, в браке – 22,7%, разведены – 6%, никогда не состояли в браке – 20,3%.

В ходе проведения исследования (N = 338, 55+) получены следующие основные результаты. На базе субъективных оценок респондентов получены характеристики процесса сохранения и использования человеческого капитала старшего поколения москвичей в экономической и социальной сферах, а также насколько благоприятна для этого окружающая среда.

Характеристика домена «Занятость» (табл. 1)

Таблица 1. Распределение респондентов по занятости и по возрастным группам

Возрастная группа	Всего респондентов, чел	Занятые, чел	Уровень занятости, %	Не работают, чел
55–64 года	156 (46,2%)	42	26,9%	114 (73,1%)
65–74 года	119 (35,2%)	26	21,8%	93 (78,2%)
75+ лет	63 (18,6%)	13	20,6%	50 (79,4%)
Итого	338	81	24,0%	257
Источник: составлено автором.				

Уровень занятости (формальной и неформальной) населения старшего возраста составил 24%. По достижению пенсионного возраста занятость снизилась у 44% опрошенных, занятость осталась на том же уровне у 29%, стали работать больше – 4% респондентов, перестали работать (вышли на пенсию) – 23%. Основные мотивы продолжать работать по достижению пенсионного возраста следующие: чувствовать себя нужным, приносить пользу – 42%, интересная работа, самореализация – 28%, необходимость зарабатывать (не хватает пенсии) – 30%. Предпочтения по формату работы респондентов такие: удаленная работа – 68%, гибкий график – 55%, частичная занятость – 48%. Готовы работать при финансовой обеспеченности 35% респондентов, скорее готовы – 25%, не готовы – 40%. На вопрос «Как Вы относитесь к передаче опыта и наставничеству?» 44% респондентов ответили, что хотят и получать, и передавать опыт, 30% – хотели бы стать наставниками, для 25% респондентов наставничество не интересно. На вопрос «Какой вид деятельности Вам ближе?» 58% респондентов ответили, что им интересно работать с людьми, 24% готовы работать с документами, творческая работа интересна для 12%, «работа руками» (инструменты, механизмы, ремонт) – 6%.

Характеристика домена «Участие в жизни общества»

По данным опроса в волонтерской или общественной деятельности на постоянной основе участвуют только 7% респондентов, регулярный уход за детьми и внуками (без оплаты) осуществляют 42%, регулярный уход за знакомыми или родственниками, которые нуждаются в особой помощи из-за преклонного возраста, болезни или нетрудоспособности (без оплаты) – 43% респондентов.

В жизни общества принимают участие – 51% опрошенных, по типам организаций деление следующее: в профсоюзных организациях состоят 12%, в политических партиях – 18%, в инициативных группах – 14%, в обществах инвалидов – 3%, в общественном движении (экологическое, социальное) – 1%. Основные мотивы участия в активностях (кружки, спорт, волонтерство) распределились следующим образом: желание чувствовать себя нужным отметили 71% респондентов, потребность в общении – 58%, интерес научиться новому – 34%.

Характеристика домена «Независимая, здоровая и безопасная жизнь».

На вопрос «Занимаетесь ли Вы какой-либо физической активностью для поддержания здоровья (зарядка, ходьба, плавание, лыжи)?» 28% отметили, что занимаются регулярно. Мешает вести более активный образ жизни состояние здоровья (возраст, болезни, боли) – 32,2%, отсутствие условий (плохие тротуары, нет парков, секций в пешей доступности) – 28%, нехватка времени – 15%, материальные трудности – 15%, отсутствие единомышленников – 8,5%. Свое состояние здоровья как «очень хорошее» отметили 15% (52 чел.), «хорошее» – 22% (75 чел.), «удовлетворительное» – 47,9% (162 чел.), «очень плохое» – 8,8% (30 чел.), «плохое» – 5% (19 чел.). Хронические заболевания имеют более 60% опрошенных. На вопрос анкеты «Как изменилось Ваше отношение к здоровью за последние 2-3 года? Стали ли Вы больше инвестировать в здоровье?» положительно ответили 23,5% респондентов, отрицательно ответили 10,6%, ничего не поменялось в отношении к здоровью у 7,4%, затруднились с ответом – 58,5% респондентов. Качеством обслуживания в государственной поликлинике по месту жительства полностью не удовлетворены только 4% респондентов, низкую доступность медицинской помощи отметили 3% опрошенных. На вопрос «Как Вы оцениваете состояние своего здоровья по сравнению со здоровьем людей Вашего возраста?» ответили, что значительно лучше, чем у большинства сверстников – 38,2%.

На вопрос «Как часто Вам приходится отказываться от предметов или услуг первой необходимости (лекарства, полноценное питание, оплата ЖКХ, одежда) из-за нехватки денежных средств?» 60% респондентов ответили, что могут позволить себе все необходимое для жизни, 27% респондентам периодически не хватает денег на отдельные важные покупки, 7% – постоянно вынуждены экономить на самом необходимом и у 5% респондентов возникают финансовые трудности, но они не влияют на базовые потребности.

Полностью самостоятельны в быту 63%, небольшая помощь требуется для 30%, регулярная помощь нужна 7% респондентов. На вопрос «Есть ли у Вас проблемы с передвижением (высокие бордюры, отсутствие пандусов, неудобный транспорт, страх падения)?» 68% респондентов ответили, что это серьезная проблема, 20% отметили некоторые трудности, 12% передвигаются свободно. На вопрос для оценки физической безопасности («Чувствуете ли Вы себя в безопасности, когда выходите на улицу в своем районе в темное время суток?») 28% респондентов ответили, что чувствуют себя в безопасности, 57% не чувствуют себя в полной безопасности, поэтому стараются не выходить на улицу вечером или ночью, 15% не выходят в темное время суток на улицу и считают, что это опасно.

Характеристика домена «Возможности и благоприятная среда».

Для того, чтобы определить, насколько благоприятна окружающая среда для активной жизнедеятельности лиц старшего поколения, в анкету были включены вопросы для оценки социальных связей, возможностей непрерывного обучения, использования информационно-коммуникационных технологий, выявления потребностей в цифровых навыках, возрастной дискриминации и барьерах благополучия. Оценка социальных связей выявила, что связь с бывшими коллегами по работе поддерживают 70% респондентов. На вопрос «Есть ли у Вас друзья или знакомые, на которых Вы можете положиться в трудную минуту?» 53% респондентов ответили положительно, у 47% нет таких близких друзей и знакомых.

Смартфоны или ПК имеют 72% опрошенных, но активными пользователями интернета являются только 55% граждан старше 55 лет, основные цели использования интернета – это общение (80%), поиск информации о здоровье (45%), запись к врачу (35%), покупки товаров (30%).

На вопрос «Вы обучались за последние 12 месяцев на каких-либо курсах для получения дополнительного образования в личных целях или по требованию работодателей?» Более 80% респондентов ответили, что проходили обучение. Научиться пользоваться новыми компьютерными программами для работы и общения хотели бы 64% респондентов.

Среди главных угроз благополучию респонденты отметили ухудшение здоровья (45%), страх стать обузой (25%), одиночество (15%), нехватка денег (10%).

Применение полученных в ходе проведения исследования результатов может ограничиваться следующими факторами: исследование проводилось в г. Москве, который характеризуется высоким уровнем качества жизни, в связи с чем полученные результаты могут быть нерепрезентативными для городского населения других регионов РФ; с проведением исследования совпала реализация проекта «Московское долголетие», что могло повысить долю ситуативно активных респондентов.

Научная значимость решения данной проблемы состоит в преодолении противоречий между высоким потенциалом социально-экономической активности людей старшего поколения в различных возрастных группах и существующими ограничениями его реализации. Результаты анкетирования старшего поколения москвичей подтверждают высокий потенциал старшего поколения и наличие институциональных барьеров. Выявлены основные проблемы: низкая вовлеченность старшего поколения в экономику и социум при высоком запросе на гибкие формы работы, слабо развитое волонтерство и участие в общественных организациях, высокая заболеваемость и ограничения мобильности, а также разрыв между наличием устройств и реальным использованием цифровых технологий. Вместе с тем обнаружен существенный потенциал для развития: высокий уровень образования и желание передавать опыт, активная внутрисемейная роль, запрос на обучение и социальное участие, готовность к удаленной и гибкой занятости. Для повышения Индекса активного долголетия необходима системная работа по всем четырем доменам с акцентом на создание благоприятной среды и устранение институциональных барьеров. Приоритетные меры должны включать разработку программ переобучения и цифровой грамотности, создание платформ для гибкой занятости старшего поколения, развитие инфраструктуры доступной среды, поддержку инициатив по наставничеству и упрощение доступа к медицинским и социальным услугам.

Библиографический список:

1. Ростовская Т.К., Шабунова А.А. [и др.]. (2024). Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад 2023. Вологда: Вологодский научный центр. 336 с.

Информация об авторе

Наталья Леонидовна Борщева – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Института социальных наук, Сеченовский университет (Российская Федерация, 119048, г. Москва, ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2; e-mail: borshcheva_n_l@staff.sechenov.ru)

Borshcheva N.L.

A STUDY OF HUMAN CAPITAL OF THE OLDER GENERATION (USING MOSCOW'S CASE STUDY)

Abstract. *This paper examines the human capital of the older generation using the Active Ageing Index methodology, using Moscow as a case study. A sociological survey of Moscow residents revealed the high potential for socioeconomic activity among older adults across various age groups, as well as the existing institutional constraints to realizing this potential.*

Keywords: *active ageing, human capital, older generation, Moscow, institutional barriers.*

About the author

Natalya L. Borshcheva – Candidate of Sciences (Economic), Associate Professor of department of Economics and Management, Institute of Social Sciences, Sechenov University (8, building 2, Trubetskaya Street, Moscow, 119048, Russian Federation; e-mail: borshcheva_n_l@staff.sechenov.ru)

References

1. Rostovskaya T.K., Shabunova A.A. [et al.]. (2024). Demographic well-Being of Russian regions. National Demographic Report 2023. Vologda: Vologda Research Center.

О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Аннотация. *В современных условиях, когда общество сталкивается не только с внешними, но и внутренними вызовами, когда квалифицированные кадры становятся ядром развития общества, система образования становится базовым инструментом в процессе преодоления не только текущих, но и возможных препятствий путем подготовки людей, обладающих необходимыми знаниями и навыками.*

Ключевые слова: *система образования, образование, Донецкая Народная Республика, развитие, общество.*

Обеспечение развития системы образования в новых регионах РФ – это сложная и многоуровневая задача, которая требует комплексного подхода и учета ряда различных факторов. Инвестиции в образование – это инвестиции в будущее страны. В связи с чем, можно констатировать, что образование формирует ту мировоззренческую основу, определяет общечеловеческие ценности и социальные установки, которые станут основой достижения желаемого будущего.

Этап интеграции ДНР в экономическое, социальное, правовое, политическое пространства РФ коснулся всех сфер деятельности населения. Система образования не стала исключением, поскольку ее предназначение заключается в подготовке будущих поколений к тем вызовам, с которыми сталкивается современное государство. Нормативно-правовое обеспечение реализации государственной региональной политики в сфере образования ДНР формирует свод актов, определяющих перечень проблем и возможностей, которые оказывают непосредственное влияние на функционирование республиканской системы образования. Следует отметить, что система образования ДНР претерпевала ряд преобразований за весь период своего становления:

– В период с начала 2014 по январь 2021 года наблюдался этап становления, который можно охарактеризовать поиском моделей и стратегий, определяющих способность системы образования не только существовать в условиях боевых действий, экономической блокады, непризнанности территорий, но и реализовывать заявленные задачи по воспитанию будущего поколения Республики. При этом ставка делалась на отказ от украинской модели общественных отношений путем создания правовых основ для развития суверенного государства.

– С января 2021 по октябрь 2022 года – этап, когда все три ветви власти (законодательная, исполнительная и судебная) в ДНР гармонизировались с российскими. «С 2021 года отмечается усиление интеграционных процессов между Донецкой Народной Республикой и Российской Федерацией. Формирование единого правового пространства в области образования предполагает унификацию звеньев всей образовательной системы в целом» (Рыжов, 2022, с. 151). Система образования в Республике формирует единую вертикаль управления совместно с российской.

– С октября 2022 года по настоящее время – переходный период, характеризующийся решением всех вопросов, связанных с интеграцией ДНР в состав РФ.

Согласно местному законодательству, республиканская система образования разрабатывает и реализует следующие организационные элементы:

- образовательные стандарты и требования, а также образовательные программы;
- учреждения, которые предоставляют образовательные услуги;
- органы региональной (республиканской) власти, а также органы местного самоуправления, обеспечивающие функционирование системы образования в ДНР путем осуществления действий регулирующего характера через соответствующих представителей;
- организации, осуществляющие вспомогательные действия в системе образования Республики;
- группы работодателей, юридических лиц и любых заинтересованных лиц, которые непосредственно (либо косвенно) принимают участие в образовательной деятельности.

Ключевым исполнителем государственной политики в сфере образования и науки на территории ДНР выступает Министерство образования и науки ДНР, деятельность которого регламентирована в положении о министерстве.

На текущий момент система образования ДНР представлена 16 образовательными организациями высшего образования, из которых 15 государственной (федеральной) формы собственности и одна – частной формы собственности. Поскольку учредителями 16 образовательных организаций высшего образования выступают федеральные органы власти Российской Федерации, а расположены они на территории Донецкой Народной Республики, целесообразно при рассмотрении путей развития системы говорить именно о развитии государственной системы высшего образования. В общей совокупности организаций, расположенных на территории ДНР, организации образования занимают 44%. Они осуществляют подготовку кадров не только по программам высшего образования, но и среднего профессионального образования (СПО) и профессионального обучения. Образовательные организации высшего образования имеют в своей структуре обособленные структурные подразделения, реализующие программы СПО – 17 единиц, и программы среднего общего образования (лицей) – 4 единицы. В образовательных организациях высшего образования осуществляется подготовка обучающихся по 97 основным образовательным программам бакалавриата, 98 основным образовательным программам магистратуры и 44 основным образовательным программам специалитета.

Текущее состояние системы образования в ДНР свидетельствует о необходимости проведения реформ, связанных с переходом от классических методов преподавания к инновационным, отличающимся большей гибкостью. Внедрение цифровых технологий в учебный процесс – лишь один из немногих методов улучшения качества образования в стране и, как результат, его доступности для всех желающих. Пандемия и проведение СВО на территории страны показали, что умение быстро и эффективно адаптироваться к тем вызовам, с которыми сталкивается сообщество – залог успеха качественного развития человека в достаточно замкнутом пространстве. Дистанционное обучение сыграло роль «палочки-выручалочки» в обеспечении непрерывности образовательного процесса, что в долгосрочной перспективе откроет доступность к знаниям и информационным ресурсам большему числу жителей страны, вне зависимости от их места проживания (Омельянович, 2021).

Следует отметить, что внедрение новейших технологий в систему отечественного образования требует не столько развития собственной технологической базы, востребованность которой в условиях действия санкций растет «семимильными шагами», сколько пересмотра всех используемых подходов к обучению. Во главу угла ставится возможность обучающихся, помимо получения знаний, критически мыслить, креативно решать поставленные перед ними задачи, а также самообучаться, что является основополагающим в среде, где доступность информации является одним из признаков эволюции общества. Умение адаптироваться к постоянно меняющимся внешним и внутренним вызовам – ключевое условие, реализация которого должна обеспечиваться в системе образования.

Поскольку в настоящее время наблюдается разрыв между специалистами, которые выпускаются отечественными вузами, и требованиями со стороны работодателей, можно констатировать тот факт, что теоретическое и практическое обучение находятся в состоянии дисбаланса. Это, в целом, можно связать с массовой компьютеризацией всех сфер жизни. При этом компьютеризация и автоматизация приводят к необходимости создания новых структур в системе управления вузов, что диктует острую востребованность в обеспечении подготовки и переподготовки научно-педагогических кадров. «Учебный процесс, связанный с перенасыщением объемом информации при осуществлении компьютеризации системы образования, сталкивается с необходимостью его интенсификации (ускорении), внедрения новейших IT-разработок, а также обучения и использования других, отличных от текущих, форм и методов обучения» (Рыжов, 2022, с. 152).

Решение указанной проблемы лежит в плоскости организации учебного процесса: необходимо разрабатывать новые учебные планы, корректировать рабочие программы подготовки специалистов в соответствии не только с требованиями и стандартами, но и с быстро меняющимся окружающим миром. Современные реалии показывают, что существует два диаметрально противоположных подхода к необходимости получения высшего образования в России в целом, и в ДНР в частности.

С одной стороны, парадигма обязательного получения высшего образования для каждого выпускника школы сформировалась еще в начале XX века. Его жизнеспособность объясняется необходимостью для прохождения социальной адаптации и формированию целостной личности, что, в дальнейшем, открывает возможности для карьерного роста и самореализации. С другой стороны, примеры успеха ряда граждан, у которых высшее образование отсутствует, а также развитие системы онлайн-обучения подвергает сомнению необходимость высшего образования. Согласно данным «Росстата», лишь 24% населения РФ с высшим образованием, что является результатом неэффективности проведения государственной политики в сфере обеспечения распространения образования внутри государства. Также следует отметить, что система образования России должна опираться на рынок труда и, соответственно, запросы самой экономики, что является логическим результатом глобализационных процессов, наблюдающихся в системе международных отношений, участником которых РФ и является. Как результат, возникает острая необходимость в тесном сотрудничестве работодателей и образовательных учреждений. Необходимо обеспечить всестороннюю подготовку обучающихся не только в теоретической части получения знаний, но и в разрезе получения практических навыков.

Инклюзивность и доступность – два приоритета образования в РФ, которые будут наиболее востребованы в обозримом будущем. В данном случае должен работать принцип доступности образования для населения, независимо от их социального, экономического или физического состояния. Внедрение инклюзивности в образовательный процесс способствует социальной справедливости, а также обеспечению всестороннего общения обучающихся с учетом развития их навыков взаимодействия и эмпатии.

Стратегические перспективы развития системы образования в ДНР – процесс многофакторный и сложный, поскольку сочетает в себе не только внешние, но и внутренние факторы. Управление системой образования в регионах требует принятия ряда решений, связанных с вовлечением в процесс родителей и местных сообществ, что будет способствовать прозрачности и подотчетности образовательных учреждений, а также росту доверия и заинтересованности в росте качества образовательных услуг. Одним из ключевых аспектов развития системы образования на территории Республики выступает повышение квалификации для педагогов всех уровней. Поскольку педагогический работник играет основополагающую роль при формировании образовательного процесса, его качественное развитие – стратегический приоритет развития как отдельных представителей сообщества (обучающихся), так и всей территории региона. Следует организовать благоприятные условия для постоянного обучения и повышения квалификации, включая программы стажировок, курсы повышения квалификации и обмен опытом с коллегами из других регионов и стран, что в краткосрочной перспективе позволит не только улучшить качество образования, но и повысить статус профессии педагога в обществе. Педагогические кадры должны соответствовать современным требованиям, предъявляемым сотрудникам образовательной сферы: они должны быть готовы к внедрению современных технологий в образовательный процесс.

Особняком стоит вопрос финансирования образования не только в отдельных регионах (Республика не является исключением в данном вопросе), но и в государстве в целом. Поскольку государственное финансирование образования носит ограниченный характер, возникает необходимость в оптимизации распределения наличных финансовых ресурсов. Акцент начинает смещаться к привлечению инвестиций от частных лиц, а также грантовой поддержке. При этом полученные средства должны осваиваться максимально эффективно, т. е. направлялись на программы и проекты, которые обрамляют максимальной востребованностью в обществе в текущих условиях. Это может включать в себя поддержку инновационных проектов, развитие инфраструктуры и создание новых образовательных учреждений в регионах, где они наиболее востребованы.

Также управление системой образования должно быть напрямую сопряжено с научной сферой ДНР. На регулярной основе необходимо проводить мониторинг изменений в качестве образования, что позволит на ранних стадиях определять и идентифицировать проблемы, а также заблаговременно готовить пути по их решению. Следует сделать акцент на том факте, что решения должны приниматься на основе эмпирических оценок, а не догадок, что позволит повысить их результативность. В результате эффективность разрабатываемых стратегий и программ развития системы образования значительно вырастет.

Роль образования в формировании образа будущего региона отводится к созданию благоприятных условий для воспитания социальной ответственности и населения. Необходимо, чтобы образовательные учреждения формировали у обучающихся понимание их роли в современном обществе. Данный спектр вопросов может быть реализован через интеграцию в учебный процесс тем сбалансированного развития общества, а также через призму вовлеченности заинтересованных обучающихся в реализацию социальных проектов и программ. Образование должно способствовать развитию активной гражданской позиции у людей, формируя у обучающихся желание участвовать в жизни общества и вносить свой вклад в его развитие.

Таким образом, перспективы развития системы образования в России в целом, и в ДНР в частности, требуют комплексного и системного подхода к ее управлению. Важно учитывать разнообразие потребностей общества, находить взаимосвязь между образовательными программами с требованиями рынка труда, развивать цифровые технологии, обеспечивать инклюзивность и вовлекать родителей и местные сообщества в процесс образования.

Повышение квалификации педагогов, эффективное финансирование и основание управления на данных также являются ключевыми аспектами, которые помогут обеспечить качественное образование для всех граждан страны. Важно, чтобы система образования в Республике была готова к изменениям и могла адаптироваться к новым вызовам, что, в конечном итоге, приведет к улучшению качества жизни и развитию общества в целом.

Библиографический список

1. Рыжов А.И. (2022). Реализация государственной политики в системе высшего образования в Донецкой Народной Республике в переходный период // Сборник научных работ серии «Экономика»: ГОУ ВПО «ДонАУиГС. № 28. С. 147–155.
2. Омелянович Л.А. (2021). Реформирование системы высшего образования донецкой народной республики // Россия: тенденции и перспективы развития. № 16-1. С. 826–830.

Информация об авторе

Дмитрий Валериевич Василенко – доктор экономических наук, доцент, заведующий молодежной лабораторией исследования территориального развития, заместитель директора Донецкого института управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 283015, г. Донецк, ул. Челюскинцев, д. 163А; e-mail: info-diu@ranepa.ru)

Vasilenko D.V.

ON THE NEED TO IMPROVE THE EDUCATION SYSTEM IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Abstract. *In modern conditions, when society faces not only external but also internal challenges, when qualified personnel become the core of society's development, the education system becomes a basic tool in the process of overcoming not only current but also possible obstacles by training people with the necessary knowledge and skills.*

Keywords: *education system, education, Donetsk People's Republic, development, society.*

About the author

Dmitry V. Vasilenko – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Head of the Youth Laboratory for Territorial Development Research, Deputy Director of the Donetsk Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (163A, Chelyuskintsev Street, Donetsk, 283015, Russian Federation; e-mail: info-diu@ranepa.ru)

References

1. Ryzhov A.I. (2022). Implementation of state policy in the higher education system in the Donetsk People's Republic during the transition period. *Collection of scientific papers of the Economics series: State Educational Institution of Higher Professional Education «DonAUiGS»*, 28, 147–155.
2. Omelyanovich L.A. (2021). Reforming the higher education system of the Donetsk People's Republic. *Russia: trends and development prospects*, 16-1, 826–830.

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: ОСОБЕННОСТИ ТИПОЛОГИИ

Аннотация. В работе рассматриваются существующие подходы к типологизации социальных государств. Анализируются модели В. Вардена, И. Поп-Раду, Й. Нергелиуса и П. Босе, а также современные классификации. Выявляются критерии для сравнения и тенденции трансформации моделей в условиях глобализации.

Ключевые слова: социальное государство, государство благосостояния, публичная власть.

Концепт социального государства, представляющий собой одну из ключевых моделей организации современного публично-властного пространства, на протяжении последнего времени выступает предметом пристальной научной рефлексии в поле политологической науки, социальной теории и теории права. Эволюция публично-правовых институтов, переход от либеральной идеи «государства-стража» к многофакторной концепции государства, принимающего на себя обязательства по обеспечению высокого уровня жизненного благосостояния граждан, нивелированию социального неравенства и осуществлению циркуляции элит, на необходимость которой указывал итальянский социолог В. Парето, актуализирует потребность в системном анализе типологических характеристик социального государства. Многообразие национальных моделей социальной защиты, детерминированное комплексом исторических, культурных, экономических и геополитических факторов, делает невозможным применение унифицированного подхода к их исследованию, что выводит проблему типологизации в разряд фундаментальных задач современного сравнительно-исторического подхода.

В настоящее время наиболее часто используемая исследователями и оптимальная с точки зрения теории типология социальных государств предполагает существование следующих типов традиционно называемых «государств благосостояния» (англ. – *welfare of the State*), как либеральные государства благосостояния, социал-демократические государства благосостояния (главным образом, государства с англо-саксонской системой права) и корпоративистские государства благосостояния (государства с континентальной системой права) (Van Waarden, 2003).

1) *Корпоративистская (консервативная) модель социального государства.* Определяющими характеристиками государств данной модели выступают традиционно-консервативные, сильные государства со слабой либеральной, культурной и правовой традициями; наличием заботящихся о своем статусе среднего и рабочего классов, а также существенное присутствие католической церкви. К основным преимуществам данной модели относятся – высокий уровень государственной поддержки населения, патернализм, возможность населения поддерживать свой уровень доходов, возможность функционирования частных систем предоставления услуг без их поддержки, увеличение льгот для населения с увеличением его вклада (Pop-Radu, 2014).

2) *Либеральная модель социального государства.* Данная модель характеризуется политически влиятельным средним классом, либеральной или оппозиционной политической традицией, доминирующим положением государства на рынке, обществом с широкими возможностями для социального продвижения, слабым государством, а также протестантской этикой и традицией. Государство благосостояния данной модели является наименее чувствительным к демографическим изменениям в населении, низкими налогами, дифференциацией предоставляемых населению услуг, стимулированием карьерного роста среди населения. Среди негативных моментов либеральной модели государства благосостояния можно отметить значительное социальное неравенство, низкий уровень предоставляемых для необеспеченных слоев населения социальных/льготных услуг.

3) *Социал-демократическая модель социального государства.* Под государством благосостояния понимается, прежде всего, весь комплекс институционализированной политики. В государствах с континентальной правовой системой, в особенности в Германии, термин «социальное государство» используется, во многом, для обозначения нормативной заинтересованности государства в обеспечении благосостояния, что выражается в ставящихся конституционных целях или в заключении соответствующих международных соглашений.

4) *Скандинавская модель социального государства*. Характеризуется устойчивой протестантско-либеральной традицией с учетом индивидуализма и равенства, сотрудничеством между разными классами населения, а также доминирующей позицией левых и центристских партий. Как отмечает Й. Нергелиус, «в скандинавских социальных государствах не существует сложившейся сильной конституционной традиции или конституционной доктрины социального государства, поскольку развитие таких государств на протяжении XX века осуществлялось, главным образом, посредством принятия решений органами публичной власти либо посредством реализации законодательных мер, но не в рамках конституционного права, в частности, по той причине, что некоторые основные аспекты конституционного права, такие как, необходимость защиты человека от возможных вмешательств или нарушений его прав со стороны органов публичной власти, не являются значимыми в модели социального государства (которая, главным образом, основывается на идее о том, что государство базово выступает в качестве доброжелателя, благодетеля). В рамках данной модели концепция социального государства реализовывалось, в основном, в сферах административного права или права социального обеспечения» (Nergelius, 2007).

Ключевой методологической проблемой при конструировании типологии социального государства остается определение системы релевантных критериев, позволяющих дифференцировать национальные модели не по формальным, а по сущностным признакам. В классической работе Г. Эспинг-Андерсена «Три мира капитализма благосостояния» таким системообразующим критерием выступил принцип декоммодификации (степень освобождения индивида от рыночной зависимости) и характер стратификации, что позволило выделить три идеальных типа: либеральный (ориентированный на остаточную помощь и рыночные механизмы), консервативно-корпоративистский (базирующийся на социальном страховании и статусной дифференциации) и социал-демократический (универсалистский, предполагающий высокий уровень перераспределения и дефамлиализацию) (Esping-Andersen, 1990). Однако, как отмечают критики, данная трихотомия, сохраняя эвристическую ценность, демонстрирует ограниченную применимость при анализе государств Южной Европы, где доминирует модель «семейного благосостояния», постсоциалистических обществ, а также восточноазиатских экономик, где социальная политика долгое время выполняла субординированную роль по отношению к экономическому росту.

В ответ на эти вызовы современный сравнительно-исторический подход предлагает расширение критериальной базы за счет включения таких параметров, как соотношение публичного и частного финансирования социальных расходов, степень децентрализации социальных систем, роль институтов гражданского общества в предоставлении социальных услуг, а также историческая траектория институционального развития. Данный вектор исследований позволяет преодолеть статичность классических типологий и перейти к анализу гибридных, динамически изменяющихся конфигураций, которые не сводятся к идеальным типам (моделям интерпретации), но составляют реальное многообразие современных практик реализации социальной функции государства.

В конце XX века реализация концепции социального государства сталкивается с рядом фундаментальных трудностей и, на первый взгляд, нерешаемых противоречий, таких как быстрое изменение систем, для обеспечения поддержки которых в принципе и создавалось социальное государство – рынка труда и семьи, поскольку возрастающее количество населения пожилого возраста ожидает от государства пенсионных выплат надлежащего уровня, а также соответствующих услуг по здравоохранению и социальному обеспечению, а процессы глобализации в некоторой степени расшатывают авторитет государства. По мнению П. Босе, государство благосостояния в перспективе может сохраниться только в том случае, если оно подтвердит и продолжит выполнять свои традиционные обязанности, при этом, однако, пересмотрит направляемые на это меры, не отказываясь от своих базовых основополагающих ценностей (Bose, 2005).

Проведенный анализ типологий социального государства позволяет утверждать, что классические модели, выделенные В. Верденом, И. Поп-Раду, Й. Нергелиусом и П. Босе, в современных условиях претерпевают существенную трансформацию. Глобализация и экономическая нестабильность размывают четкие границы между либеральной, консервативной и социал-демократической моделью. В связи с этим, перед современными исследователями ставится задача по разработке обновленной теоретической базы, способной описать многофакторность современного социального государства, с его непростой для изучения структурой.

Библиографический список

1. Van Waarden F. (2003). Renegotiating the welfare state through corporatist concertation: an introduction. Renegotiating the Welfare State Flexible adjustment through corporatist concertation. New York: Routledge.
2. Pop-Radu I. (2014). The European welfare model. Is Romania a welfare state?! *Bulletin of the Transilvania University of Braşov. Series V: Economic Sciences*, 7(56), 1.
3. Nergelius J. (2007). New tendencies in modern Nordic constitutional doctrine or the development of Nordic constitutional law: introduction and general background. *Scandinavian studies in Law*, 11–16.
4. Esping-Andersen G. (1990). The three worlds of welfare capitalism. Princeton: Princeton university press.
5. Bose P. (2005). Welfare states in perspective. Welfare states and the future. New York: Palgrave Macmillan.

Информация об авторе

Алексей Сергеевич Галанзовский – младший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси (Республика Беларусь, 220072, Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2; e-mail: halanzovskiy@gmail.com)

Galanzovskiy A.S.

SOCIAL STATE: FEATURES OF TYPOLOGY

Abstract. *This paper examines existing approaches to the typology of welfare states. It analyzes the models of V. Warden, I. Pop-Radu, J. Nergelius, and P. Bose. It also examines contemporary classifications, identifying criteria for comparison and trends in the transformation of these models in the context of globalization.*

Keywords: *welfare state, social state, public authority.*

About the author

Alexey S. Galanzovsky – Junior Researcher, Institute of Economics of the NAS of Belarus (1/2, Surganova Street, Minsk, 220072, Republic of Belarus; e-mail: halanzovskiy@gmail.com)

References

1. Van Waarden F. (2003). Renegotiating the welfare state through corporatist concertation: an introduction. Renegotiating the Welfare State Flexible adjustment through corporatist concertation. New York: Routledge.
2. Pop-Radu I. (2014). The European welfare model. Is Romania a welfare state?! *Bulletin of the Transilvania University of Braşov. Series V: Economic Sciences*, 7(56), 1.
3. Nergelius J. (2007). New tendencies in modern Nordic constitutional doctrine or the development of Nordic constitutional law: introduction and general background. *Scandinavian studies in Law*, 11–16.
4. Esping-Andersen G. (1990). The three worlds of welfare capitalism. Princeton: Princeton university press.
5. Bose P. (2005). Welfare states in perspective. Welfare states and the future. New York: Palgrave Macmillan.

БЛАГОПОЛУЧИЕ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В СУБЪЕКТИВНЫХ ОЦЕНКАХ

Аннотация. *В исследовании показано, что жители сибирских и дальневосточных регионов более негативно оценивают условия жизни, чем в среднем по стране. В регионах с быстрым оттоком населения заметно ниже доходы, в 1,5 раза больше малообеспеченных и неудовлетворенных условиями жизни.*

Ключевые слова: *субъективные оценки, благополучие, условия жизни, регионы Азиатской России.*

Благодарность

Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Практики адаптации территориальных образований, предприятий, домохозяйств к современным вызовам», № 126020516493-9.

Результаты развития в следующем десятилетии будут определяться теми решениями, которые будут принимать отдельные люди, региональные власти и члены правительства России, учитывая как внешние угрозы, так и внутренние риски. Важное значение имеет как люди оценивают последствия этих решений: устойчивость развития и безопасность тех мест, где проживают, свое положение в обществе и доступность средств существования, комфортность условий жизни, а также справедливость устройства общества. Все это влияет на уровень благополучия населения. Субъективное благополучие в психологии и социологии обычно измеряется как счастье или удовлетворенность жизнью, отражая его разные стороны (Алмакаева, Гашенина, 2020). В данной статье мы рассмотрим лишь удовлетворенность людей некоторыми условиями жизни в местах их проживания. Ранее было установлено, что удовлетворенность зависит как от индивидуальных характеристик человека (пол, возраст, состояние здоровья и др.), так и от уровня дохода, социальных связей. Принимая решение о миграции, люди часто рассчитывают на рост доходов и лучшие условия жизни. Уже продолжительное время остро стоит вопрос об избыточном оттоке населения из восточных регионов страны.

Мы задаем следующий исследовательский вопрос: как соотносится миграционное поведение людей с субъективными оценками условий жизни в том поселении, где они находятся, и предполагаем, что для регионов с относительно низкими показателями доходов населения и высоким уровнем неудовлетворенности условиями жизни, в поселениях будет характерен отток населения, и наоборот. Межрегиональное неравенство широко изучается экономистами и социологами и объясняется такими объективными факторами, как объем инвестиций, особенности рынка труда, качество человеческого капитала, уровень бедности, душевой ВРП и т. д. (Зубаревич, Сафронов, 2013; Камалов, Понарин, 2020). Было показано, что социальная политика посредством увеличения долей региональных бюджетов на здравоохранение может снижать негативное влияние неравенства на благополучие (Климова, Чмель, 2020).

Целью данной статьи стало исследование различий в оценках условий жизни населением Азиатской России и связи между субъективными оценками и характером демографического воспроизводства населения в разных типах регионов.

Эмпирическая база и методология исследования

Использованы данные Росстата – материалы всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг., данные региональной статистики по 82 субъектам РФ (без выделения автономных округов в их составе и без 4 новых регионов), а также результаты Комплексного наблюдения условий жизни населения (Росстат-2022, КОУЖ, опрошено более 123 тыс. чел.), содержащие субъективные оценки условий жизни в населенном пункте.

Ключевыми основаниями для классификации регионов по кластерам были направление и скорость изменения численности населения регионов в период с 2010 по 2020 гг. Это потребовалось, чтобы изучить субъективные оценки в регионах с ростом и сокращением числа жителей. Характер прироста населения (естественный или миграционный) тоже имеет значение. Используя методы математической статистики пакета SPSS (в том числе непараметрические тесты Манна-Уитни для двух независимых выборок, тест Крускала-Уоллеса, оценки значимости различий значений переменных), мы сравнили оценки удовлетворенности условиями жизни населения РФ и Азиатской России.

Субъекты РФ были разделены на четыре кластера: первый – с быстрым сокращением населения за десятилетие (8% и более), второй – с умеренным сокращением (от 1 до 7,9%), третий – со стабильной численностью (сокращение менее 1%) или ростом населения благодаря естественному приросту, четвертый – с ростом населения в результате миграции. Азиатская Россия выделена по географическому положению, т. е. помимо Сибири и Дальнего Востока включена Тюменская область с национальными округами (*табл. 1*). Уровень реальных доходов на душу населения существенно различается между кластерами и за четыре года различия увеличились в пользу миграционно привлекательных регионов.

Таблица 1. Объективные характеристики кластеров регионов, различающихся режимом воспроизводства населения в 2010–2020 гг.

Показатели	Кластеры регионов			
	Быстрое сокращение населения	Умеренное сокращение	Рост или стабильность, естественный прирост	Рост или стабильность, миграционный прирост
Распределение регионов России* между кластерами в 2023 году, ед.	27	29	10	16
в том числе регионов Азиатской России	9	5	5	3
Распределение населения России между кластерами в 2023 году, %	16,8	34,4	9,0	39,7
Реальные доходы на душу населения, тыс. руб. в месяц, 2020 году	29,4	29,2	34,5	44,8
2023 год	42,9	44,2	48,9	67,4

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Большинство регионов Азиатской России (14 из 22), к сожалению, находятся в первом или втором кластерах, теряющих население. К первому кластеру отнесены Алтайский, Забайкальский, Хабаровский и Камчатский края, Амурская, Кемеровская, Сахалинская и Магаданская области, а также Еврейская автономная область. Ко второму – Республика Хакасия, Приморский край, Омская и Иркутская области и Чукотский автономный округ. Необходимо отметить, что многие регионы Сибири и Дальнего Востока являются стратегически важными по производственному потенциалу или по местоположению. От их обустройства зависит благополучие их населения в будущем. На востоке РФ нет регионов с низкой производительностью труда, в большей части она высокая или очень высокая. Но в четырех из семи наиболее продуктивных азиатских регионов сократилась численность населения.

Половина российских регионов третьего кластера с устойчивой численностью населения находятся в восточной части страны. Это республики Алтай, Тыва, Бурятия и Якутия, а также Тюменская область, где сохранился естественный прирост населения из-за повышенного уровня рождаемости. Для двух последних субъектов характерна очень высокая производительность труда, что увеличивает все средние экономические показатели кластера, включая уровень реальных доходов. Тем не менее в этом кластере высока доля малообеспеченных из-за большего количества детей в семьях.

В четвертый кластер попали такие экономически развитые субъекты как Красноярский край, Новосибирская и Томская области (Gvozdeva, Gvozdeva, 2025). О росте благосостояния сибиряков свидетельствовал не только рост реальных доходов, но и продолжительности жизни. Максимальных значений она достигла в регионах четвертого кластера (*рис.1*), но даже в Томской области она ниже среднероссийского уровня (73,4 года в 2023 году).

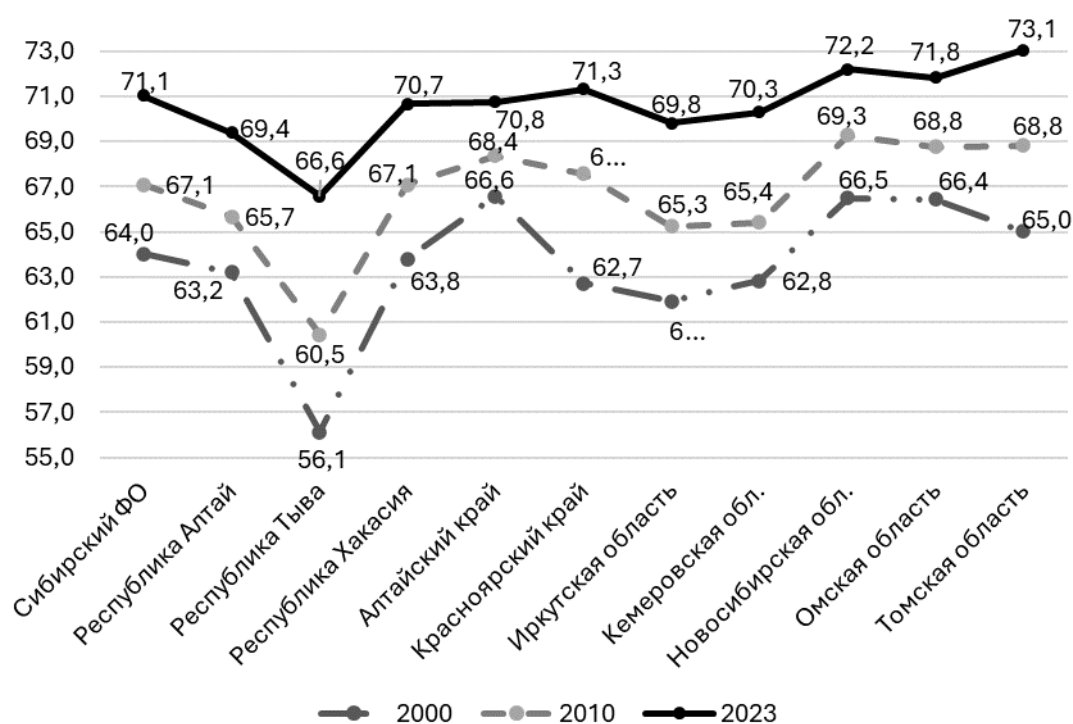

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни населения сибирских регионов, 2000–2023 гг.
Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Результаты

На основе данных Комплексного наблюдения условий жизни населения мы протестировали значимость различий в субъективных оценках удовлетворенности условиями жизни в местах проживания. Различия оказались статистически значимыми как при сравнении удовлетворенности населения всей страны и жителей Азиатской России, так и при сопоставлении оценок жителей четырех кластеров регионов. Однако сами различия в оценках не столь велики (табл. 2).

Обращает на себя внимание небольшая доля людей, кому не нравится населенный пункт, в котором они живут (9–11%), но готовы мириться с некоторыми недостатками. При этом половина (46%) россиян отмечают проблемы с состоянием дорог, безопасностью дорожного движения и еще около четверти недовольны работой общественного транспорта и жилищно-коммунальных служб, отмечают недоступность многих видов медицинского обслуживания, общую неблагоустроенность городов и сельских поселений, недостаток озеленения и загрязненность окружающей среды.

Однако по всем показателям неудовлетворенность жителей Азиатской России оказалась выше, чем в среднем по РФ. Также среди них в 1,4 раза больше малообеспеченных. Отток населения из городов и поселков Азиатской России обусловлен большей неудовлетворенностью условиями жизни и направлен в регионы с более высокими доходами, с комфортной средой, благоприятной для продолжительной жизни.

Дифференциация между кластерами регионов оказалась заметно выше, особенно между крайними. В регионах с быстрым оттоком населения заметно ниже доходы, в 1,5–2 раза больше недовольных состоянием дорог, медицинским обслуживанием, распространением алкоголизма и неблагоустроенностью поселений. Много нареканий на отдаленность аптек, учреждений культуры и спортивных сооружений. Миграционный приток населения направлен из субъектов с более низким уровнем удовлетворенности условиями жизни в регионы с быстрым ростом доходов, где шире выбор рабочих мест и есть возможности повысить благосостояние.

Таблица 2. Субъективные оценки условий жизни населения РФ и ее азиатской части, % от числа ответивших

Проблема	Количество регионов			
	Россия в целом	Регионы азиатской части РФ	С быстрым сокращением населения	С миграционным приростом или стабильным населением
Состояние дорог, безопасность дорожного движения	46	54	69	43
Работой общественного транспорта	23	25	31	18
Неблагоустроенность, мало озеленения	23	28	33	19
Загрязненность окружающей среды	23	28	28	20
Работой жилищно-коммунальных служб	27	29	34	20
Недоступность медицинского обслуживания	22	28	35	16
Распространение алкоголизма	20	26	32	16
Распространение наркотиков	12	15	16	14
Дальность аптек	18	22	27	14
Дальность учреждений культуры	20	23	26	17
Дальность спортивных сооружений	24	27	33	19
Трудности в оформлении документов по запросам населения	16	20	22	10
Дальность торговых точек	12	14	15	8
Недоступность дошкольного или школьного образования	8	10	10	7
Высокий уровень преступности	5	6	7	3
Доля тех, кому не нравится населенный пункт, в котором они живут, %	9	11	13	8
Количество ответивших, чел.	113018	27590	6719	6545
Доля малообеспеченных, %	16	22	30	21
Источник: составлено авторами по данным Росстата.				

Полученные результаты нуждаются в дальнейшей проверке, поскольку в обследовании КОУЖ отбор респондентов не обеспечивал репрезентативность отдельных регионов страны. Несмотря на то, что мы группировали регионы в кластеры, наименьший из которых включал три региона (6545 респондентов), могут иметь место некоторые смещения в оценках.

Библиографический список

1. Алмакаева А.М., Гашенина Н.В. (2020). Субъективное благополучие: концептуализация, измерение и российская специфика // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 4–13. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.01.
2. Зубаревич Н., Сафронов С. (2013). Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000х годов: рост или снижение? // Общественные науки и современность. № 6. С. 15–26.
3. Камалов Э.А., Понарин Э.Д. (2020). Субъективное благополучие мигрантов в России: влияние региональных характеристик и миграционного законодательства // Экономическая социология. Т. 21. № 1. С. 11–43. DOI: 10.17323/1726-3247-2020-1-11-43.
4. Климова А.М., Чмель К.Ш. (2020). Региональные различия в субъективном благополучии: компенсирует ли социальная политика эффекты неравенства в России? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 143–176. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.07.
5. Gvozdeva E.S., Gvozdeva G.P. (2025). Where Are Educated Young People from Russia's Eastern Regions Headed and Why. *Regional Research of Russia*, 15, 1, 81–92. DOI: 10.1134/S2079970525600180.

Информация об авторах

Елена Сергеевна Гвоздева – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Российская Федерация, 630090, Новосибирск, пр-т Лаврентьева, д. 17; e-mail: elena_gvozdeva@mail.ru)

Галина Петровна Гвоздева – кандидат экономических наук, доцент, научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Российская Федерация, 630090, Новосибирск, пр-т Лаврентьева, д. 17; e-mail: gvozdeva@ieie.nsc.ru); Новосибирский национальный исследовательский государственный университет.

Gvozdeva E.S., Gvozdeva G.P.

WELL-BEING OF THE POPULATION OF THE EASTERN REGIONS OF RUSSIA AND ITS REFLECTION IN SUBJECTIVE ASSESSMENTS

Abstract. *The study shows that residents of Siberian and Far Eastern regions rate their living conditions more negatively than the national average. Regions experiencing rapid population outflow have significantly lower incomes, and the number of low-income residents and those dissatisfied with their living conditions is 1,5 times higher.*

Keywords: *subjective assessments, well-being, living conditions, regions of Asian Russia.*

About the authors

Elena S. Gvozdeva – Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Institute of economics and industrial engineering SB RAS (17, Lavrentiev Avenue, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: elena_gvozdeva@mail.ru)

Galina P. Gvozdeva – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS (17, Lavrentiev Avenue, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: gvozdeva@ieie.nsc.ru); Novosibirsk National Research State University.

References

1. Almakaeva A.M., Gashenina N.V. (2020) Subjective well-being: conceptualization, assessment and Russian specifics. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 1, 4–13. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.01.
2. Gvozdeva E.S., Gvozdeva G.P. (2025). Where Are Educated Young People from Russia's Eastern Regions Headed and Why. *Regional Research of Russia*, 15, 1, 81–92. DOI: 10.1134/S2079970525600180.
3. Kamalov E., Ponarin E. (2020) Subjective well-being of migrants in Russia: effects of regional characteristics and migration legislation, *Journal of Economic Sociology*, 21, 1, 11–43. DOI: 10.17323/1726-3247-2020-1-11-43.
4. Klimova A.M., Chmel K.Sh. (2020) Regional differences in subjective well-being: does social policy offset the effects of inequality in Russia? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1, 143–176. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.07
5. Zubarevich N., Safronov S. (2013) Inequality of socioeconomic development of regions and cities of Russia of the 2000s: Growth or Decline? *Social Sciences and Modernity*, 6, 15–26.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РЫНКА ТРУДА

Аннотация. *Приведен анализ стратегической роли системы образования как ключевого драйвера трансформации национального рынка труда. Рассматривается влияние глобальных факторов, таких как цифровая экономика и технологические сдвиги (Индустрия 4.0), на изменение спроса на рабочую силу. Подчеркивается необходимость перехода от традиционной модели обучения к концепции непрерывного образования. Особое внимание уделяется проблеме структурного дисбаланса и дефицита компетенций.*

Ключевые слова: *рынок труда, человеческий капитал, дефицит компетенций, цифровая экономика, региональное развитие.*

В XXI веке экономика знаний стала безальтернативной реальностью. Если в индустриальную эпоху главными факторами производства были земля, капитал и труд, то сегодня на первый план выходит человеческий капитал. В этих условиях система образования перестает быть просто социальной услугой или этапом биографии человека. Она превращается в стратегический инструмент национальной безопасности и экономического суверенитета. Образование сегодня – это не просто подготовка кадров, это фундамент, на котором строится трансформация всего рынка труда.

Современные трансформации в сфере образования и на рынке труда, обусловленные цифровизацией и технологическими изменениями, становятся предметом активного научного дискурса. В данном обзоре проанализированы семь научных публикаций 2020–2025 гг., посвященных взаимосвязи образовательных услуг и рынка труда в условиях цифровой трансформации. Цифровизация рассматривается исследователями как ключевой фактор, изменяющий традиционные механизмы взаимодействия между системой образования и рынком труда. А.А. Джалилзода подчеркивает, что цифровые технологии не просто модернизируют образовательные процессы, они формируют новую архитектуру взаимосвязей, где данные о компетенциях, спросе на профессии и траекториях занятости становятся основой для принятия управленческих решений (Джалилзода, 2025).

Исследователи отмечают, что цифровая трансформация общества создает предпосылки для появления новых профессиональных стандартов и требует пересмотра подходов к подготовке кадров. Авторы отмечают, что «цифровая грамотность» перестает быть дополнительной компетенцией и становится базовым требованием для большинства профессий (Кудрицкая, Наумов, 2025). Исследователи вводят в научный оборот концепцию «Образование 5.0», которая рассматривается как системный ответ на трансформацию современной индустрии. В отличие от предыдущих моделей, акцент смещается с передачи знаний на развитие адаптивных компетенций, критического мышления и способности к непрерывному обучению. Авторы подчеркивают, что «гибкость образовательных траекторий и персонализация обучения становятся ключевыми условиями соответствия подготовки кадров динамичным требованиям рынка» (Олейникова, Редина, 2025).

Проблема поддержания конкурентоспособности специалистов в условиях быстрых изменений профессиональной среды рассматривается в нескольких работах. В исследованиях обосновывается необходимость построения системы профессионального образования «через всю жизнь» (lifelong learning), которая позволяет работникам своевременно актуализировать компетенции. При этом авторы отмечают, что эффективность такой системы зависит от координации усилий образовательных организаций, работодателей и государственных структур (Гриненко и др., 2020).

М.С. Пацев и И.Т. Эйсмонт фокусируют внимание на роли формального образования как фактора повышения конкурентоспособности. На основе эмпирических данных они демонстрируют, что наличие актуальных квалификаций и сертификатов значимо коррелирует с успешностью трудоустройства и уровнем доходов специалистов (Пацев, Эйсмонт, 2023).

Проводятся исследования потенциала дополнительного профессионального образования (ДПО) как инструмента адаптации молодых специалистов к требованиям рынка труда. И.В. Карповская и Ю.Р. Пермякова приходят к выводу, что программы ДПО, ориентированные на практические навыки и проектное обучение, позволяют сократить разрыв между теоретической подготовкой в вузах и реальными запросами работодателей (Карповская, Пермякова, 2023). Анализируется зарубежный опыт интеграции рынка труда и институтов образования как фактора социально-экономического развития регионов. На примере стран ЕС и Азии автор выделяет успешные практики: создание региональных советов по развитию компетенций, внедрение систем прогнозирования спроса на профессии, развитие дуального образования. Особое внимание уделяется механизмам обратной связи между работодателями и образовательными организациями, которые позволяют оперативно корректировать содержание учебных программ (Жукова, 2023). Исследовательские работы демонстрируют разнообразие методологических подходов: теоретико-концептуальные исследования, которые фокусируются на разработке новых моделей и категорий; эмпирические исследования опираются на анализ статистических данных и результатов опросов; сравнительно-аналитические работы используют методы сопоставления институциональных практик разных стран.

Национальные рынки труда по всему миру переживают тектонические сдвиги. Этому способствуют несколько глобальных факторов:

1. Технологическая революция (Индустрия 4.0). Внедрение искусственного интеллекта, робототехники и больших данных автоматизирует рутинные процессы. Профессии, связанные с повторяющимися действиями, исчезают, уступая место ролям, требующим креативности и управления технологиями.

2. Глобализация и удаленная работа. Границы между национальными рынками стираются. Специалист из одной страны может конкурировать за вакансию с сотрудником из другой, не покидая своего дома. Это повышает требования к квалификации и знанию языков.

3. Демографические изменения. Старение населения в развитых странах и изменение возрастной структуры в развивающихся создают дефицит рабочей силы, который можно компенсировать только за счет роста производительности труда, невозможного без качественного образования.

Образовательная система выступает главным регулятором предложения на рынке труда. Однако механизмы ее влияния кардинально меняются. От «диплома на всю жизнь» к Lifelong learning. Традиционная модель «школа–вуз–работа» больше не актуальна. Знания устаревают быстрее, чем студент успевает получить диплом. Современное образование должно быть непрерывным (Lifelong learning). Национальная трансформация возможна только тогда, когда переквалификация (reskilling) и повышение квалификации (upskilling) становятся нормой для работающего населения.

Формирование гибких компетенций. Если раньше ценились узкопрофильные Hard skills (технические навыки), то теперь работодатели ищут универсальных солдат. Критическое мышление, эмоциональный интеллект, способность к быстрой адаптации и командной работе – это зона ответственности современного образования. Вузы и колледжи должны учить не только предмету, но и тому, как учиться.

Цифровизация образовательных траекторий. Персонализация обучения благодаря цифровым платформам позволяет готовить специалистов под конкретные запросы экономики. Данные об успехах студентов и потребностях работодателей могут анализироваться в реальном времени, корректируя учебные планы.

Несмотря на понимание важности образования, во многих странах сохраняется структурный дисбаланс. Рынок труда испытывает голод по одним специалистам (IT-инженеры, биологи, специалисты по данным), в то время как вузы продолжают массово выпускать экономистов и юристов, чьи навыки становятся избыточными.

Причины этого разрыва кроются в инерционности образовательной системы:

1. Запоздывание стандартов. Учебные программы часто утверждаются на годы вперед и не успевают за скоростью технологических изменений.

2. Отрыв от практики. Теоретическая база преобладает над практической – студенты выходят на рынок без опыта работы с реальным оборудованием или программным обеспечением.

3. Недооценка СПО. Система среднего профессионального образования (колледжи, техникумы) часто стигматизирована, хотя именно она готовит кадры для реального сектора экономики, который критически важен для национальной трансформации.

Для того чтобы образование стало эффективным фактором изменения рынка труда, необходимы системные меры на национальном уровне:

– Государственно-частное партнерство. Бизнес должен напрямую участвовать в формировании образовательных стандартов. Создание базовых кафедр на предприятиях, дуальное обучение (теория в вузе + практика на заводе) – это работающие модели.

– Профориентация нового типа. Необходимо внедрять системы прогнозирования потребностей рынка труда (например, «Атлас новых профессий»), чтобы абитуриенты выбирали специальности, которые будут востребованы через 5–10 лет.

– Поддержка мобильности кадров. Образование должно давать навыки, позволяющие легко переходить из одной отрасли в другую. Это снижает риски безработицы при кризисах в отдельных секторах экономики.

– Инвестиции в педагогов. Качество образования не может быть выше качества учителей. Преподаватели сами должны постоянно обучаться новым технологиям и методикам.

Трансформация национального рынка труда – это не стихийный процесс, а результат управленческих решений. Образование является главным рычагом в этой системе. Если государство сможет синхронизировать темпы обновления образовательных программ со скоростью технологического прогресса, страна получит конкурентное преимущество в виде высококвалифицированной, адаптивной рабочей силы.

Библиографический список

1. Джалилзода А.А. (2025). Цифровизация как фактор трансформации взаимосвязи рынков труда и образовательных услуг // Вестник Таджикского государственного университета коммерции. № 3 (58).
2. Кудрицкая Е.А., Наумов Д.И. (2025). Цифровая трансформация общества как фактор развития профессиональной сферы и рынка труда // Современные средства связи. Т. 1. № 1. С. 236–238.
3. Олейникова О.Н., Редина Ю.Н. (2025). Концепция образования 5.0 как ответ на трансформацию современной индустрии и рынка труда // Профессиональное образование и рынок труда. Т. 13. № 4 (63). С. 6–21.
4. Гриненко С.В., Романов М.С., Романов С.М., Угрюмов Е.С. (2020). Система профессионального образования через всю жизнь как фактор востребованности на рынке труда // Вестник РМАТ. № 1. С. 62–67.
5. Пацев М.С., Эйсмонт И.Т. (2023). Образование как фактор повышения конкурентоспособности специалистов на рынке труда // Наука и инновационные технологии. № 1 (26). С. 215–220.
6. Жукова В.С. (2023). Интеграция рынка труда и института образования как фактор социально-экономического развития регионов: зарубежный опыт // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. Т. 13. № 4. С. 279–287.
7. Карповская И.В., Пермякова Ю.Р. (2023). Дополнительное профессиональное образование как фактор повышения конкурентоспособности молодых специалистов на рынке труда // Образование и воспитание. № 44-1. С. 4–6.

Информация об авторе

Вера Анатольевна Гневашева – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии Российской академии наук (Российская Федерация, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: vera_cos@rambler.ru)

Gnevasheva V.A.

EDUCATION AS A FACTOR OF NATIONAL LABOR MARKET TRANSFORMATION

Abstract. *The analysis of the strategic role of the education system as a key driver of the transformation of the national labor market is presented. The influence of global factors such as the digital economy and technological shifts (Industry 4.0) on the changing demand for labor is considered. The need for a transition from the traditional learning model to the concept of Lifelong Learning is emphasized.*

Keywords: *labor market, human capital, competence deficit, digital economy, regional development.*

About the author

Vera A. Gnevasheva – Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher, Institute of Social Demography of the Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: vera_cos@rambler.ru)

References

1. Jalilzoda A.A. (2025). Digitalization as a factor in the transformation of the relationship between labor markets and educational services. *Bulletin of the Tajik State University of Commerce*, 3 (58).
2. Kudritskaya E.A., Naumov D.I. (2025). Digital transformation of society as a factor in the development of the professional sphere and the labor market. *Modern means of communication*, 1, 1, 236–238.
3. Oleinikova O.N., Redina Yu.N. (2025). The concept of education 5.0 as the response to the transformation of modern industry and the labor market. *Vocational education and the labor market*, 13, 4(63), 6–21.
4. Grinenko S.V., Romanov M.S., Romanov S.M., Ugryumov E.S. (2020). The lifelong professional education system as a factor of demand in the labor market. *Bulletin of the Russian Academy of Medical Sciences*, 1, 62–67.
5. Patsev M.S., Eismont I.T. (2023). Education as a factor in increasing the competitiveness of specialists in the labor market. *Science and innovative technologies*, 1(26), 215–220.
6. Zhukova V.S. (2023). Integration of the labor market and the institute of education as a factor of socio-economic development of regions: foreign experience. *Proceedings of the Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 13, 4, 279–287.
7. Karpovskaya I.V., Permyakova Yu.R. (2023). Additional professional education as a factor in increasing the competitiveness of young professionals in the labor market. *Education and upbringing*, 44-1, 4–6.

ПРАКТИКИ САМОЗАНЯТОСТИ В ГОРОДЕ-МИЛЛИОНИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДСКОГО ОКРУГА САМАРА)

Аннотация. В статье представлены материалы социологического исследования, касающихся практик самозанятости в городе-миллионнике (на примере городского округа Самара). Раскрываются основания исследования, опыт применения самозанятости, а также преимущества, которые дает эта деятельность и имеющиеся проблемы.

Ключевые слова: самозанятый, нелегальная занятость, занятость, малое предпринимательство.

Актуальность исследования обусловлена растущей популярностью режима самозанятости как инструмента легализации доходов с минимальной налоговой нагрузкой и упрощенным администрированием (через мобильное приложение). Этот формат способствует выводу из теневого сектора малого бизнеса и разовых подработок, обеспечивая гражданам официальный статус с сохранением гибкости занятости и возможностью профессиональной самореализации. Социальные практики представляют собой одну из базовых категорий в социологической науке и выступают в качестве ключевого исследовательского инструмента. В этом контексте особое значение приобретает анализ практик самозанятости в условиях города-миллионника. Самозанятость введена как инструмент вывода из «тени» малого бизнеса и подработок. Данный вид занятости дает людям возможность не просто заработать, но и реализовать свой потенциал, заниматься любимым делом, при этом оставаясь в правовом поле и получая все преимущества официального статуса.

В России с начала 2019 года набирает обороты новая экономическая реальность в формате свободного предпринимательства – «самозанятость», т. е. форма организации индивидуальной трудовой деятельности граждан. Официальное признание данное явление получило в виде специального закона, который вступил в январе 2019 года и получил название «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”»¹. Этот законодательный акт заложил основу регулирования деятельности «самозанятых граждан» в нашей стране. Вышеназванный нормативный акт определяет эксперимент «по введению специального налогового режима», который будет длиться до конца 2028 года. Принятие такого документа позволило построить баланс между контролем за экономической деятельностью граждан и возможностью применения ими максимальной свободы в организации своего дела, в т. ч. и при налогообложении. Если посмотреть с социальной точки зрения, то принятие закона для такой индивидуальной трудовой занятости граждан создает возможность сформировать новый класс: независимые профессионалы, фрилансеры, творческие личности. Хотелось бы отметить, что законодатель пошел по пути «экспериментального внедрения» норм закона, ограничивая его действие определенными территориями. Самарская область вошла в данный эксперимент. По мнению законодателя «реализация открывает широкие перспективы для трансформации рынка труда и становление новой модели социально-экономических отношений в стране».

Вышеназванный нормативный акт не предусматривает официального определения «самозанятости». В документе нашли отражение лишь специфика и виды деятельности, «для самозанятых». Если проанализировать научные публикации за период действия данного эксперимента, то для «самозанятости» можно дать следующее определение – трудовая деятельность работника, осуществляющего свою деятельность в сфере оказания услуг или реализации товаров физическим или юридическим лицам в установленном законом порядке, которая связана с удовлетворением личностных и общественных потребностей при самостоятельной организации собственного рабочего места и приносящей заработок или трудовой доход (Майроглуян, Зимовец, 2024).

¹ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: Федеральный закон № 422-ФЗ от 27.11.2018 URL: <https://internet.garant.ru/#/document/72113648/paragraph/385/doclist/2725/1/0/0:4> (дата обращения: 26.02.2025).

Имеется авторский подход к определению «самозанятого», например, Ю.Н. Нестеренко считает, что «самозанятый – это физическое лицо, ведущее самостоятельно трудовую деятельность, выполняющее работы и оказывающее услуги и преследующее постоянное получение дохода. У него нет наемных работников, для достижения целей бизнеса использует собственное имущество, отношение к заказчикам формируется на устной договоренности, а размер вознаграждения зависит от величины получаемого дохода» (Нестеренко, 2019).

На основании данных официального сайта Федеральной налоговой службы (ФНС) России, по состоянию на начало апреля 2024 года десять миллионов «самозанятых» уже зарегистрировались. При этом анализ показывает, что почти половина из них еще пока ни разу не декларировали свои доходы, из чего следует вывод, что это новые лица. Анализируя сайт ФНС, можно смело сказать об ежедневном присоединении более восьми с половиной тысяч человек. За время эксперимента «самозанятые», согласно данным, зарегистрировали свои доходы в сумме 3,6 трлн рублей, сформировали более 1,9 млрд чеков и в доход бюджета поступил «налог на профессиональную деятельность» в количестве 141 млрд рублей. Если посмотреть на средний чек (опять же по данным ФНС), то его сумма составит примерно 1 904 руб., т. е. с начала эксперимента (2019 год) он вырос на 70%. Популярные направления деятельности самозанятых: услуги такси и красоты, перевозка грузов, сдача в аренду квартир, ремонтные и маркетинговые услуги, продажа продукции собственного производства, а также репетиторство. Наиболее высокооплачиваемые области работы самозанятых – ремонтные услуги, IT-сфера, маркетинг и реклама, сдача в аренду квартир, услуги по перевозке грузов².

По результатам аналитической отчетности, проведенной в научно-исследовательской работе на территории городского округа Самара с 2020 по 2025 гг., количество самозанятых граждан выросло в 8,7 раза (с 16,6 тыс. чел. до 145,2 тыс. чел.)³.

Чем больше развивается институт самозанятости, тем острее становятся дискуссии о его преимуществах и недостатках. С одной стороны, многие видят в этом статусе возможность наконец-то выйти из тени и начать легально развивать свой небольшой бизнес. С другой – есть определенные опасения по поводу социальной защищенности и административной нагрузки.

Данная тема предполагает реализацию следующих задач:

1. выяснить основания принятия решения стать самозанятым и описать опыт применения самозанятости;
2. выявить ключевые проблемы, с которыми сталкиваются самозанятые и преимущества статуса самозанятости;
3. проанализировать перспективы развития специального налогового режима в городе-миллионнике (на примере г. о. Самара).

Метод исследования. Свободное интервью, в качестве дополнительного метода – анализ документов. На данный момент проведено семь пилотажных интервью, из них шесть с женщинами в сфере предоставления услуг красоты и одно с мужчиной в сфере ремонтных услуг. Проанализированы статистическая информация и отчет о научно-исследовательской работе Финансовым университетом при Правительстве РФ. В процессе исследования были опрошены самозанятые г. о. Самара, которые имеют данный статус до одного года и больше. Срок существования бизнеса важен, т. к. необходимо выяснить проблемы, с которыми сталкиваются самозанятые, а также выявить перспективы развития.

Рассмотрим какие получились по итогам проведения пилотажа первые результаты. Информанты в первую очередь отмечают «легализацию своей трудовой деятельности» как главное преимущество. Это позволяет работать официально и иметь социальную защиту. Бизнес стал стабильным и доходным. У «самозанятых» появилась «профессиональная репутация».

² Федеральная налоговая служба. Деятельность ФНС России. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/14758294/ (дата обращения 26.02.2025).

³ Отчет о научно-исследовательской работе «Разработка проекта стратегии социально-экономического развития городского округа Самара на период до 2036 года и проекта плана мероприятий по ее реализации». Финансовый университет при Правительстве РФ.

– Самое важное для меня – это работать официально, не открывая ИП. Принимая заказы, я не боюсь проверок и чувствую себя полноценным участником рынка услуг. (М., 35 лет).

– Раньше работал без оформления и не мечтал об обеспеченной пенсии и больничных. Оплачивая налоги, я не переживаю, что в случае серьезного заболевания могу не работать и получить больничный. Это придает мне уверенность в завтрашнем дне (М., 35 лет).

– Легальный бизнес – это всегда спокойствие жить и работать. Не надо переживать, что придут, проверят и, возможно, придется платить какой-нибудь штраф (Ж., 32 года).

Также все информанты отмечают простоту регистрации в качестве налогоплательщиков и отсутствие налоговой документации.

– Не надо идти в налоговую, можно просто установить приложение на телефоне и все сделать за 5 минут, очень удобно. Никакой отчетности, заполнение деклараций, платить налог очень легко (Ж., 52 года).

Самое главное преимущество для всех – низкая налоговая ставка.

– Да, это просто подарок от государства. Все платят 13%, мы же всего 4%. Надо обязательно пользоваться этой возможностью (Ж, 30 лет).

Уплата страховых взносов в социальный фонд для самозанятых носит добровольный характер. Более молодые информанты относят этот факт к преимуществам самозанятости, но люди чуть постарше считают его недостатком, т. к. осведомлены о механизме формирования будущей пенсии.

– До пенсии еще далеко, поэтому очень здорово, что нас освободили от уплаты взносов в пенсионный фонд (Ж., 32 года).

– О пенсии надо задуматься, можно и без нее остаться, если не позаботится о ней заранее (Ж., 52 года).

В результате исследования были выявлены проблемы, с которыми столкнулись самозанятые. Они лишены всяких социальных гарантий (возможности получить вычет на обучение, лечение, оплата больничного листа).

– Да, конечно, минус в том, что мы не можем получить вычет на обучение и лечение. Понятно, что сначала нужно заплатить налог, но потом свои же деньги и вернуть (Ж., 42 года).

Самозанятым, которые не уплачивают страховые взносы в социальный фонд, не засчитывается трудовой стаж и пенсионные баллы, которые учитываются при начислении будущей пенсии.

– Но вот со стажем – это не справедливо. Мы же работаем! Почему стаж не идет? (Ж., 35 лет).

– Да, я знаю, что не учитываются ни баллы, ни стаж, но это нужно платить в пенсионный фонд, чтобы шли начисления, это дело добровольное (Ж., 30 лет).

Информанты отмечали недостаток налогового режима в ограничении по срокам применения, а также возможное изменение ставки налогообложения после 2028 года.

– Да, я знаю, что самозанятость будет действовать только до 2028 года. Время еще есть, но всему приходит конец. Жаль, конечно! Думаю, что такой «лафы» уже не будет, поднимают они ставку налогообложения (М., 35 лет).

Вместе с тем один из информантов отметил, что не в курсе ограничения по срокам:

– А я не знала, что самозанятость только до 2028 года (Ж., 35 лет).

Также почти все информанты не осведомлены о мерах поддержки от государства.

– Я даже не знаю какие меры поддержки есть (М., 35 лет).

– Они точно есть? Не знаю, даже не интересовалась (Ж., 42 года).

Только один информант, который имеет данный статус более трех лет, осведомлен о мерах поддержки.

– Да, я знаю, что существует цифровая платформа МСП, экосистема «Самозанятые.рф», на платформе есть медиапортал для самозанятых: еженедельно публикуются информационные материалы, бесплатно консультируют (Ж., 52 года).

В заключение можно отметить тренд на рост самозанятости – это не просто модное явление, а отражение серьезных изменений в структуре занятости населения.

Мы считаем, что будущее за гибкими формами занятости, и самозанятость – это один из самых перспективных форматов в современных условиях. Главное, чтобы развитие этого сектора шло в ногу с совершенствованием механизмов поддержки и регулирования, что позволит создать благоприятные условия для развития малого бизнеса и индивидуального предпринимательства в Самарской области.

Эксперимент по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в течение семи лет показывает свою эффективность в решении задачи по выводу малого бизнеса из тени. С каждым годом увеличивается количество самозанятых. Большинство опрошенных самозанятых планируют продолжать работать на себя в данном статусе.

Библиографический список

1. Майкоглуян Д.В., Зимовец А.В. (2024). Эксперимент с самозанятостью граждан: анализ проблем и прогноз итогов // Креативная экономика. Т. 18 № 1. С. 203–220. DOI: 10.18334/ce.18.1.120072
2. Нестеренко Ю.Н. (2019). Самозанятость в России: состояние и потенциал развития // Народонаселение. № 4. С. 78–89.

Информация об авторе

Ольга Николаевна Гудковская – магистрант, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (Российская Федерация, 443086, Самара, Московское шоссе, д. 34); начальник отдела экономики и прогнозирования качества жизни населения Департамента экономического развития, инвестиции и торговли Администрации городского округа Самара.

Gudkovskaya O.N.

SELF-EMPLOYMENT PRACTICES IN A CITY WITH A MILLION PEOPLE (USING THE EXAMPLE OF THE SAMARA URBAN DISTRICT)

Abstract. *The article presents the materials of a sociological study concerning the practices of self-employment in a city with a population of one million (using the example of the Samara city district). The research model, the experience of self-employment, as well as the advantages of this activity and the existing problems are revealed.*

Keywords: *self-employed, illegal employment, employment, small business.*

About the author

Olga N. Gudkovskaya – Master Degree student, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev (34, Moskovskoe route, Samara, 443086, Russian Federation; e-mail); head of the Department of Economics and Forecasting the Quality of Life of the Population of the Department of Economic Development, Investment and Trade of the Samara City District Administration.

References

1. Maikogluyan D.V., Zimovets A.V. (2024). Experiment with self-employment of citizens: analysis of problems and forecast of results. *Creative economy*, 18, 1, 203–220. DOI: 10.18334/ce.18.1.120072
2. Nesterenko Yu.N. Self-employment in Russia: state and development potential. *Population*, 4, 78–89.

ОСОБЕННОСТИ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР БЕДНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА

Аннотация. *Статья посвящена анализу занятости в Республике Тыва как одному из факторов, влияющих на уровень бедности в регионе. Рассматриваются структура доходов, особенности занятости населения в отраслях экономики в 2020–2024 гг., эффекты государственной политики в сфере занятости.*

Ключевые слова: *занятость, доходы населения, оплата труда, бедность, Республика Тыва.*

Проблема бедности продолжает оставаться одной из центральных в социально-экономическом развитии России, несмотря на реализуемые государственные меры по ее снижению. Особую актуальность данная проблема приобретает на региональном уровне, где наблюдаются значительные различия в уровне и структуре доходов населения. Республика Тыва относится к числу регионов с наиболее высоким уровнем бедности.

В научной литературе бедность рассматривается как многомерная категория, включающая недостаток денежных и иных материальных ресурсов. В региональных исследованиях, посвященных причинам и факторам бедности населения в Республике Тыва, особое внимание уделяется влиянию высокой демографической нагрузки (Натсак, 2022), экономических условий развития региона (Балакина, Кылыгдай, 2015; Севек и др., 2017; Соян, Чолдаголова, 2021; Натсак, 2025).

Целью данной статьи стало исследование изменений в отраслевой структуре занятости населения Тувы в 2020–2024 гг. как фактора уровня бедности в Республике Тыва.

В исследовании проанализированы данные Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. Эмпирическую базу исследования составили итоги экспертного интервью, проведенного Тувинским институтом гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (ТИГПИ) в 2024 году, с участием представителей органов государственной и муниципальной властей, органов статистики, банковской системы, научных организаций Тувы (9 экспертов).

Данные государственной статистики по структуре денежных доходов населения показывают, что основными источниками доходов населения Тувы являются оплата труда наемных работников и социальные выплаты (пенсии, пособия и т. д.). В структуре доходов населения региона заработная плата (оплата труда наемных работников) составляет более 50% (в 2024 году составила 54,9%)¹. Также, значительный вклад в рост денежных доходов населения внесло увеличение доли социальных выплат в 2020–2022 гг.

Рассмотрим уровень зарплат в экономике и отрасли занятости населения Тувы. Диаграмма на *рисунке 1* отражает структуру занятости населения и уровень среднемесячной номинальной начисленной заработной платы по видам экономической деятельности за 2024 год.

¹ Республика Тыва в цифрах 2024: Статистический сборник (2025). Красноярскстат. 158 с.

Рис. 1. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в организациях и среднегодовая численность занятых в экономике Республики Тыва в 2024 году
 Источник: составлено автором на основе данных статистического сборника. Статистический ежегодник Республики Тыва 2025: Красноярск. 319 с.

Диаграмма показывает, что низкая оплата труда преобладает в секторах массовой занятости. Четыре крупнейших работодателя в республике – это образование (24054 занятых); торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов (18289) и государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение (13699); деятельность в области здравоохранения и социальных услуг (12677). Вместе они обеспечивают занятость более 68,7 тыс. чел., что составляет значительную часть занятых в экономике (57,1%). Однако уровень оплаты труда в трех из четырех этих секторов относительно невысок. При средней заработной плате по всем отраслям – 67541,2 руб., образование – 49977,5 руб., торговля – 50831,7 руб. и здравоохранение – 61764,3 руб. Еще более низкие зарплаты наблюдаются в отрасли сельского и лесного хозяйств, охоте, рыболовстве и рыбоводстве – 43903,4 руб., которые являются значимым сектором экономики Тувы.

На диаграмме выделяются сектора с высоким, по региональным меркам, размером оплаты труда, но при этом с наименьшей численностью занятости. Безусловным лидером является добыча полезных ископаемых со средней зарплатой 149953,3 руб. Однако в этом секторе занято всего 3057 человек. Аналогичная ситуация наблюдается в финансовой и страховой деятельности (109044,1 руб. при 976 занятых). Исключением является отрасль государственного управления – в ней заработная выше средней по всем отраслям (91577,6 руб.) и занято существенное количество работников.

Такая структура занятости, в которой большинство населения работает в низкооплачиваемых отраслях, а высокооплачиваемые рабочие места являются малочисленными, создает предпосылки для высокого уровня бедности даже при формально высокой занятости, особенно учитывая демографическую особенность Тувы – многодетность семей.

Рассмотрим сектора, которые обеспечили основной прирост рабочих мест за период 2020–2024 гг.:

- торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств: +3678 рабочих мест;
- транспортировка и хранение: +3447 рабочих мест;
- строительство: +3336 рабочих мест;
- деятельность гостиниц и предприятий общественного питания: +1840 рабочих мест;
- сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство: +1312 рабочих мест;
- обрабатывающие производства: +1078 рабочих мест.

Эти шесть отраслей, четыре из которых (торговля, сельское хозяйство, деятельность гостиниц и предприятий общественного питания, обрабатывающие производства) характеризуются одними из самых низких уровней оплаты труда в 2024 году (рис. 2), создали 14691 новых рабочих мест. Это составляет 88,8% от всего прироста занятости в экономике Республики за указанный период.

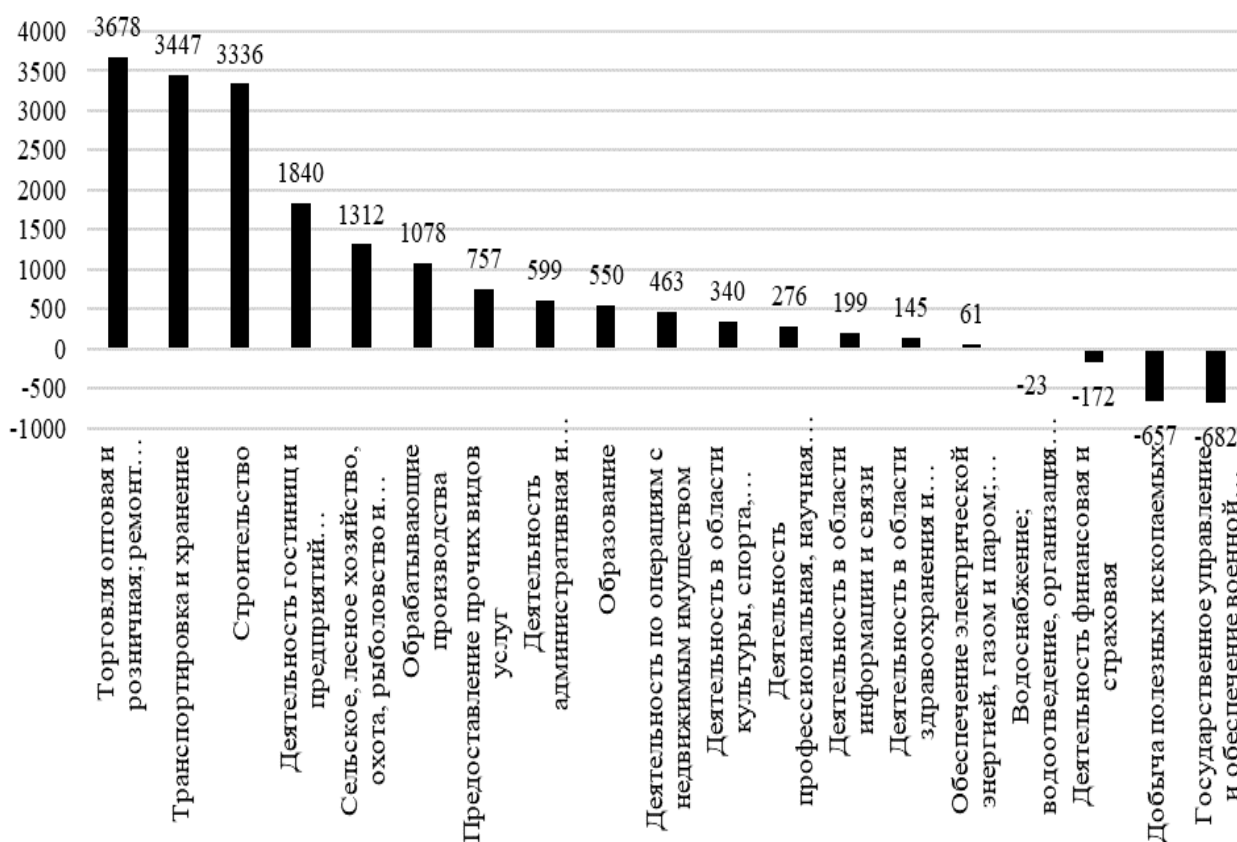

Рис. 2. Изменение среднегодовой численности занятых в экономике по основным видам экономической деятельности в 2024 году, относительно 2020 года, чел.

Источник: составлено автором на основе данных статистического сборника. Статистический ежегодник Республики Тыва 2025: Красноярск. 319 с.

В период 2020–2024 гг. уровень общей безработицы показал снижение: с 18,2% в 2020 году до 4,9% в 2024 году. Динамика официально зарегистрированной безработицы также показывает снижение: с 13,3% в 2020 году до 2,6% в 2024 году². Как мы видим, разрыв между общей и зарегистрированной безработицей существенно сократился (с 4,9 п. п. в 2020 году до 2,3 п. п. в 2024 году). Уровень занятости в 2024 году вырос до 52,9% (в 2020 году – 49,5%)³.

² Республика Тыва в цифрах 2024: Статистический сборник. (2025). Красноярскстат. С. 29.

³ Там же.

Успех в снижении безработицы связан с активными мерами государственной поддержки: внедрением социальных контрактов, программами по легализации теневой занятости, созданием рабочих мест в рамках Индивидуальной программы социально-экономического развития (ИПСЭР).

По информации Министерства труда и социальной политики Республики Тыва, одним из ключевых инструментов повышения занятости стало профессиональное переобучение, результатом которого показатель трудоустройства увеличился с 27,2% в 2020 году до 75% в 2024 году. Это позволило обеспечить квалифицированными кадрами крупные промышленные предприятия региона, такие как ООО «Восток», ООО «Лунсин» и «БТК Групп»⁴. В соответствии со специальным положением для инвесторов, осуществляющих деятельность в Республике Тыва, 60% персонала в их подразделениях должны составлять местные жители (Анайбан, 2023).

Первая ИПСЭР была утверждена в 2020 году⁵. Ее основными целями были снятие инфраструктурных ограничений, диверсификация и стимулирование роста экономики. В рамках программы было выделено 6 млрд руб. федеральной поддержки, что позволило привлечь более 8 млрд руб. внебюджетных инвестиций и создать свыше 1,8 тысячи новых рабочих мест⁶. Ключевыми проектами стали модернизация производств строительных материалов (заводы по производству песчано-гравийных материалов, кирпича, железобетонных изделий), капитальный ремонт санаторно-оздоровительного комплекса «Чедер», а также предоставление субсидий для более чем 80 субъектов малого и среднего предпринимательства в сельском хозяйстве и 30 проектов в сфере туризма. На смену первой программе пришла новая, рассчитанная на шестилетний период с 2025 по 2030 год⁷. В ее цели входит: создание 1794 новых рабочих мест и привлечение 14,8 млрд руб. внебюджетных инвестиций. Приоритетными направлениями остаются развитие промышленности, сельского хозяйства, туризма и производства стройматериалов.

Создание новых рабочих мест и реализация поддерживающих мер для бизнеса и населения способствовали снижению уровней безработицы и бедности. Однако создание самодостаточной и конкурентоспособной региональной экономики все еще остается актуальной задачей, т. к. большинство рабочих мест находятся в низкооплачиваемых секторах экономики. Такие инструменты, как социальные контракты, часто поддерживают формы самозанятости или микропредпринимательства (например, в личном подсобном хозяйстве), которые характеризуются низкими и нестабильными доходами. Переход из статуса «безработного» скрывает риск перехода в категорию «работающих бедных».

По мнению экспертов, участвовавших в исследовании ТИГПИ в 2024 году, у части населения сформировалось такое экономическое поведение, при котором население склонно намеренно занижать свои денежные доходы для получения социальной поддержки от государства, в частности пособий (детских) и социальной помощи. Здесь отметим, что доля социальных выплат в структуре денежных доходов населения в Туве превышал российский почти в два раза, начиная с периода 2020–2024 гг. (например, в 2020 году, 21,4% – по России, 40,7% – в Туве; в 2024 году 16,6% – по России, 30,8% – в Туве)⁸. Как утверждают эксперты, возможность получить пособия демотивирует население иметь официальное трудоустройство и сподвигает население трудоустраиваться в «серую». В основе данной тенденции в поведении населения эксперты видят низкий уровень финансовой грамотности населения. К этому можно добавить, исходя из анализа отраслевой структуры занятости и уровня оплаты труда, что снижение мотивации к официальному трудоустройству также связано с малыми возможностями в регионе получить работу с относительно высокой заработной платой.

⁴ Письмо Министерства труда и социальной политики Республики Тыва от 10.11.2025. № 7889/47 в ответ на запрос ТИГПИ от 20.10.2025. № 527.

⁵ Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Тыва на 2020–2024 годы: Распоряжение Правительства РФ от 10.04.2020 № 972-р (в редакции от 21.05.2024).

⁶ Тува сохраняет лидерство в стране по динамике снижения уровня бедности. Официальный портал Республики Тыва. URL: <https://rtyva.ru/press/news/4668/> (дата обращения: 20.10.2025).

⁷ Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Тыва на 2025–2030 годы: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.12.2024 № 3729-р.

⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025: Статистический сборник. (2025). Росстат.

Вопрос трудоустройства и доступности рабочих мест повышает уровень социальной напряженности в Республике Тыва (Анисимова, Кубякин, 2023). В связи со сложившейся ситуацией на рынке труда в Республике, население находит решение в миграции в другие регионы страны, где работодатели могут предложить более высокий уровень заработных плат (Натсак, Даржаа, 2023).

Таким образом, мы видим, что население адаптируется в условиях структурных ограничений экономики региона, которая характеризуется недостаточным количеством высокооплачиваемых рабочих мест, и ищет способы повышения денежных доходов как в неформальном секторе, так и через социальную поддержку от государства. Достижение показателей формальной высокой занятости населения в экономике не решает полностью проблему бедности, трансформируя ее из социальной проблемы отсутствия работы в проблему низкой оплаты труда.

Библиографический список

1. Натсак О.Д. (2022). Материальная самооценка жителей республики Тыва в контексте исследования бедности (по материалам социологических исследований) // Уровень жизни населения регионов России. Т. 18. № 1. С. 120–135. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.1.10.
2. Натсак О.Д. (2025). Социально-демографический профиль бедного населения Республики Тыва // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 28. № 2. С. 33–68. DOI: 10.31119/jssa.2025.28.2.2.
3. Балакина Г.Ф., Кылыгдай А.Ч. (2015). Исследование особенностей рынка труда слабоурбанизированного региона // Экономический анализ: теория и практика. № 35 (434). С. 22–32.
4. Соян Ш.Ч., Чолдаголова А.В. (2021). Анализ бедности в Республике Тыва // Экономика и бизнес: теория и практика. № 1–2 (71). С. 132–136. DOI: 10.24411/2411-0450-2021-1084.
5. Севек В.К., Манчык-Сат Ч.С., Чульдун А.Э.о. [и др.]. (2017). Основные направления повышения уровня жизни населения Республики Тыва: сценарный подход // Экономика: вчера, сегодня, завтра. Т. 7. № 8-А. С. 213–229.
6. Анайбан З.В. (2023). Экономика Тувы сегодня: возможности занятости населения // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 2 (38). С. 4–13. DOI: 10.52782/KRIL.2023.2.38.001.
7. Анисимова Т.Г., Кубякин Е.О. (2023) Социально-экономическое положение населения Республики Тыва: анализ оснований латентной конфликтности // Власть. Т. 31. № 6. С. 172–180. DOI: 10.31171/vlast.v31i6.9878.
8. Натсак О.Д., Даржаа Ч.Б. (2023). Миграционные намерения населения Республики Тыва: направления, причины и мотивы // Азиатские исследования: история и современность. № 2–3. С. 193–219. DOI: 10.24412/2782-6139-2023-6-7-193-219.

Информация об авторе

Чаяна Борисовна Даржаа – научный сотрудник, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Российская Федерация, 667000, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4; e-mail: chayana.darzhaa@mail.ru)

Darzhaa Ch.B.

CHARACTERISTICS OF EMPLOYMENT AS A FACTOR OF POVERTY IN THE REPUBLIC OF TUVA

Abstract. *The article is devoted to analyzing employment in the Republic of Tuva as one of the factors influencing the level of poverty in the region. It examines the structure of income, the characteristics of employment across economic sectors in 2020–2024, and the effects of government policy in employment.*

Keywords: *employment, household income, wages, poverty, Republic of Tuva.*

About the author

Chayana B. Darzhaa – Researcher, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (4, Kochetov Street, Kyzyl, 667000, Russian Federation; e-mail: chayana.darzhaa@mail.ru)

References

1. Natsak O.D. (2022). Material self-assessment of residents of the Republic of Tuva in the context of poverty research (based on sociological studies). *Living standards of the population in the regions of Russia*, 18, 1, 120–135. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.1.10.
2. Natsak O.D. (2025). The socio-demographic profile of the poor population of the Republic of Tyva. *The journal of sociology and social anthropology*, 28(2), 33–68. DOI: 10.31119/jssa.2025.28.2.2.
3. Balakina G.F., Kylgydai A.Ch. (2015). Study of the labor market features of a weakly urbanized region. *Economic analysis: theory and practice*, 35(434), 22–32.
4. Soian Sh.Ch., Choldagolova A.V. (2021). Analysis of poverty in the Republic of Tuva. *Economics and business: theory and practice*, 1–2(71), 132–136. DOI: 10.24411/2411-0450-2021-1084.
5. Sevek V.K., Manchyk-Sat Ch.S., Chuldum A.E. [et al.]. (2017). Main directions for improving the living standards of the population of the Republic of Tuva: a scenario-based approach. *Economics: yesterday, today and tomorrow*, 7, 8-A, 213–229.
6. Anaïban Z.V. (2023). The economy of Tuva today: employment opportunities for the population. *Scientific review of the Sayano-Altai*, 2(38), 4–13. DOI: 10.52782/KRIL.2023.2.38.001.
7. Anisimova T.G., Kubiakin E.O. (2023). Socio-economic situation of the population of the Republic of Tuva: analysis of the foundations of latent conflict. *Power*, 31, 6, 172–180. DOI: 10.31171/vlast.v31i6.9878.
8. Natsak O.D., Darzhaa Ch.B. (2023). Migration intentions of the population of the Republic of Tuva: directions, reasons and motives. *Asian studies: history and modernity*, 2–3, 193–219. DOI: 24412/2782-61392023-6-7-193-219.

ПРАКТИКИ БЫСТРОГО ПИТАНИЯ У МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В данном исследовании анализируются социокультурные практики потребления фаст-фуда среди молодежи в современном обществе. Были проанализированы ключевые мотивы выбора заведений быстрого питания и даны рекомендации, сказывающиеся на здоровом образе жизни.

Ключевые слова: фаст-фуд, молодежь, пищевое поведение, здоровое питание, культура питания, заведения быстрого питания.

Для современной молодежи фаст-фуд – это популярный вариант быстрого приема пищи со многими положительными моментами: доступность, скорость приготовления, разнообразие продукции, удобность сервиса и расположение точки общественного питания. В последние годы посещение таких заведений стало частью молодежной культуры. Реклама фаст-фуда уже давно фигурирует на экранах мониторов, а ее влияние оказывает существенное влияние на образ жизни, социальную идентичность, физиологические и психологические реакции¹.

Зарубежное исследование по контролю и профилактике заболеваний США – Centers for disease control and prevention (CDC) – показывает, что примерно треть подростков потребляют фаст-фуд ежедневно. Результаты говорят о том, что частое потребление фаст-фуда несет за собой чаще негативные последствия для здоровья (Горюнова, 2025). В России Центр аналитики МТС AdTech приводит следующую статистику по исследованию потребления фаст-фуда – в опросе приняли участие около 2000 россиян, 84% из них регулярно потребляют продукцию, 16% – избегают.

Среди самых популярных заведений в лидеры вошли следующие бренды: «Вкусно – и точка», «Бургер Кинг», «Додо Пицца», «Rostic's» и «Крошка-картошка». В заведениях активнее осуществляются транзакции по сравнению с ресторанами, а средний чек составляет почти 500 рублей на человека. Популярные часы посещения – вечер.

Больше всего потребляют фаст-фуд в Центральном федеральном округе, затем в Уральском и Северо-Западном; меньше всего – в Дальневосточном, Сибирском и Южном федеральных округах. Коммерческий директор МТС AdTech Артем Пуликов отмечает, что рекламодатели регулируют свои компании и все больше тратят на их развитие средств, чтобы делать максимально точный геотаргетинг².

Центр аналитики и исследований MTS AdTech опросил 2000 россиян старше 18 лет. В опросе приняли участие россияне, проживающие на территории РФ. Опрос был проведен в мае 2025 года. В исследовании на данных МТС Банка использованы обезличенные данные по банковским картам клиентов банка во всех регионах России. Учитывались платежные операции в мае 2024 и 2025 годов.

¹ Верис А. Что такое фастфуд и чем он вреден // РБК Стиль. URL: <https://style.rbc.ru/health/65549b2c9a79479b7618e49b#p5> (дата обращения: 16.03.2026).

² Бородин И. Тюмень обошла Москву по посещениям ресторанов быстрого питания // РБК. URL: <https://t.rbc.ru/tyumen/16/12/2023/657cab8d9a7947b7d4edc667> (дата обращения: 12.03.2026).

Таблица 1. Аналитика МТС AdTech и МТС Банка

Процент россиян, употребляющих фастфуд	84
Пятерка любимых брендов фастфуда:	«Вкусно и точка» (57%), «Бургер Кинг» (51%), «Додо Пицца» (46%), «Rostic's» (39%), «Крошка-картошка» (10%)
Соотношение транзакций в фастфуде и ресторанах	В 3,3 раза выше, чем в фастфуде
Причины употребления фастфуда (процент респондентов)	Чтобы побаловать себя вкусной едой (33%), утолить голод, когда не хочется готовить (28%), за компанию (12%), отметить значимые события (6%)
Восприятие фастфуда среди опрошенных:	Бюджетный и быстрый перекус (45%), возможность вкусно перекусить без вреда (22%), не очень здоровая еда (38%)
Самое популярное время употребления фастфуда:	Вечер (с 17 до 22 часов) – 51%, день (с 12 до 17 часов) – 46%, утро (завтрак) – 7%
Федеральные округа с особенностями потребления:	Центральный ФО – больше всего ежедневного потребления, Уральский и Северо-Западный – лень готовить, Северо-Кавказский ФО – балуют себя или отмечают события, Дальневосточный ФО – чаще покупают из-за стресса
Источник: Центр аналитики и исследований MTS AdTech, 2025 год.	

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провел свое исследование в 2025 году на примере популярного бренда «Вкусно и точка»³.

Таблица 2. Результаты опроса россиян о заведениях фастфуда, %

Есть ли в Вашем населенном пункте заведения быстрого питания?	2010*	2025	
Да, много	30	50	
Да, но их немного	16	24	
Есть одно	4	4	
Нет	39	15	
Затрудняюсь ответить	11	7	
Бывает ли, что Вы питаетесь в таких заведениях, или нет?	2010*	2022	2025
Да, регулярно, практически каждый день	1	1	2
Да, часто, как минимум раз в неделю	4	9	11
Да, иногда, но не чаще раза в месяц	14	28	35
Побывал в них только 1–2 раза	11	12	14
Нет, практически никогда	70	50	38
Отношение к запрету продажи фаст-фуда	Все	Муж.	Жен.
Полностью поддерживаю/скорее поддерживаю	41	37	45
Скорее не поддерживаю	41	44	39
Нейтрально отношусь к запрету	13	14	12
Затрудняюсь ответить	5	5	4
*До 2017 года опросы проводились методом поквартирных face-to-face интервью (проект «Экспресс»), выборка стратифицированная многоступенчатая с квотами по социально-демографическим параметрам, репрезентирует население РФ 18 лет и старше по типу населенного пункта, полу, возрасту, образованию и федеральному округу. Объем выборки составляет 1600 респондентов.			
Источник: составлено автором на основе данных ВЦИОМ.			

Результаты показывают, что посещаемость заведений увеличилась. Главными причинами посещения мест общественного питания молодежь выбирает удобство и экономию времени. Среди опрошенных 41% выступают за запрет фаст-фуда – женщины, жители сельской местности и те, кто не посещает такие заведения. Примерно столько же выступают против запрета⁴. В Тюменской области тема фаст-фуда также пользуется спросом среди населения. Так, в 2023 году, Тюмень заняла 1-е место по потреблению. На каждого жителя пришлось примерно по 19 блюд. По результатам исследования, тюменцами было куплено порядка свыше 16 млн единиц продукции. Связано это не столько с заинтересованностью молодежи, сколько в рыночном аспекте. Исследования проводились информационным агентством «РБК Тюмень»⁵.

³ Метод опроса – телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке, извлеченной из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены по социально-демографическим параметрам. Предельная погрешность выборки с вероятностью 95% не превышает 2,5%. Помимо погрешности смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ. Основные показатели результативности опроса 20 января 2025 г.: коэффициент кооперации (КК)* = 0,8102; минимальный коэффициент ответов (МКО)** = 0,0208; коэффициент достижимости (КД)*** = 0,0910.

⁴ Сало И. Только 16% россиян не употребляют фастфуд – опрос // Журнал "Инк". URL: <https://incrussia.ru/news/tolko-16-rossiyan-ne-upotreblayut-fastfud-opros/> (дата обращения: 11.03.2026).

⁵ Потребление фастфуда в России: динамика и общественное мнение (2010–2025 гг.): результаты социологического опроса Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 45 с. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/fastfud-v-rossii-bystro-i-tochka?clckid=bcf65241> (дата обращения: 12.03.2026).

Отдельно стоит рассмотреть роль рекламы как один из главных инструментов пропаганды фаст-фуда. Потребительское поведение молодежи во многом связано с эпатажностью представления товаров, так как она является привлекательной и соответствует интересам. В содержании часто фигурируют яркие и запоминающиеся образы. Каждый бренд по-своему задает характер, чтобы не только завлечь аудиторию, но и оставить положительные впечатления. Реклама влияет на культурные и социальные нормы, выстраивает определенные социальные взаимодействия и пищевые предпочтения⁶.

Подведем главные факторы, почему фаст-фуд так популярен среди молодежи:

- Экономия времени и удобство. В условиях динамичной жизни, этот аргумент является самым главным, особенно в больших мегаполисах и крупных городах.
- Ценовой диапазон. В отличие от посещений ресторанов высокого уровня, точки быстрого питания пользуются популярностью у всех социальных слоев населения и каждый может позволить себе воспользоваться соответствующими услугами.
- Маркетинг. Компании активно внедряют в рекламы запоминающуюся информацию, которая мотивирует посетить заведение.
- Социальные взаимодействия. Не менее важным фактором выбора фаст-фуда является посещение заведений ради взаимоотношений, чаще всего, в неформальной обстановке⁷.

В условиях современного общества молодым людям следует соблюдать осознанное потребление фаст-фуда, если в этом нужна необходимость. Как правило, в такой еде большое количество калорий, высокое содержание жиров и добавок, негативно влияющих на психическую деятельность. Злоупотребление ведет к излишнему набору веса, развитию диабета, повышению уровня холестерина и риска сердечно-сосудистых заболеваний. Не стоит забывать и о том, что зависимый от фаст-фуда подросток может вести себя против социальных норм и нанести определенный ущерб обществу⁸.

Бороться с зависимостью среди молодежи нужно. В этом плане существует два подхода – физиологический и психологический. Первый состоит в том, что каждый продукт имеет нутрициологическую информацию. Чтобы избежать рисков, достаточно измерить количество потребляемой еды и сопоставить ее с индивидуальными нормами для организма, измерив при этом пищевую ценность. Кроме посещения врачей, есть огромное множество информационных приложений и калькуляторов, помогающие следить за нормами потребления. В психологическом плане фастфуд выступает в роли эмоционального сценария. У человека вырабатывается дофаминовая зависимость, еда помогает пережить что-то негативное или погасить стресс. В этом случае не стоит сразу отказываться от фаст-фуда, но следует понемногу менять пищевые привычки на более полезные. Социальное окружение обязательно в решении данного вопроса, т. к. поддержка эффективно борется с зависимостью. Трансформация должна быть осознанной и постепенной, без вреда для молодого организма. В интернет-пространстве приведено огромное множество профилактической информации в открытом доступе, с которой можно ознакомиться. В более серьезных ситуациях следует обратиться за помощью к квалифицированным специалистам.

Библиографический список

1. Горюнова С.А. (2025). От рекламы к сообществу: воздействие эпатажного маркетинга фастфуда на потребительское поведение и социальные связи молодежи // Цифровая социология. Т. 8. № 1. С. 73–82.

⁶ Ханова С. Почему подростки любят фастфуд // Блоги психологов. URL: <https://www.b17.ru/blog/podrostki-i-fastfood/> (дата обращения: 14.03.2026).

⁷ Hamzelou J. Fast food consumption is on the rise among US children and adolescents // Newscientist. URL: <https://www.newscientist.com/article/2251802-fast-food-consumption-is-on-the-rise-among-us-children-and-adolescents/> (дата обращения: 11.03.2026).

⁸ Sandoval K. Kids in the US are eating more fast food, the CDC reports // Today. URL: <https://www.today.com/health/kids-us-are-eating-more-fast-food-cdc-reports-t189490> (дата обращения: 11.03.2026).

Информация об авторе

Дмитрий Андреевич Дементьев – магистрант, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: 72ldv@mail.ru)

Dementiev D.A.

FAST FOOD PRACTICES AMONG YOUTH

Abstract. *This study analyzes the sociocultural practices of fast-food consumption among young people in modern society. Key motivations for choosing fast food establishments were analyzed and recommendations for promoting a healthy lifestyle were provided.*

Keywords: *fast food, young people, eating behavior, healthy eating, food culture, fast food establishments.*

About the author

Dmitry A. Dementiev – Master Degree student, Tyumen State University (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: 72ldv@mail.ru)

References

1. Goryunova S.A. (2025). From advertising to community: the impact of shocking fast-food marketing on consumer behavior and social connections of young people. *Digital sociology*, 8, 1, 73–82.

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ УНИВЕРСИТЕТА В ОЦЕНКЕ АБИТУРИЕНТОВ

Аннотация. В статье анализируется значимость цифровых платформ университетов в оценках абитуриентов Тюменской области. На основе опроса показана иерархия цифровых источников и выделено ядро официальных ресурсов, определяющих выбор вуза.

Ключевые слова: цифровые платформы, цифровые следы, университет, выбор вуза.

Сегодня ни один вуз не может считаться достаточно современным без активного присутствия на цифровых платформах: они обеспечивают информирование студентов, оперативно отвечают на вопросы абитуриентов и родителей, укрепляют престиж учебного заведения, а также вовлекают аудиторию в университетские активности. Под цифровыми платформами вуза в данном контексте можно понимать совокупность официальных сайтов, личных кабинетов, сервисов подачи документов, а также экосистему аккаунтов университета в социальных сетях и на видеохостингах, которые становятся ключевыми каналами коммуникации с целевыми группами (Минина, 2020).

Министерство науки и высшего образования РФ ежемесячно публикует рейтинг медийной активности российских вузов (M-RATE), фиксируя эффективность их присутствия в социальных сетях и на цифровых ресурсах. По данным рейтинга за начало 2026 года, университеты демонстрируют устойчивый рост аудитории в официальных сообществах «ВКонтакте» и на платформе «МАХ», а также увеличение просмотров видеоконтента и трафика официальных сайтов, что отражает повышение значимости цифровых каналов в конкурентной борьбе за внимание абитуриентов.

Рост числа подписчиков и вовлеченности на цифровых площадках ежемесячно обусловлен несколькими факторами. Во-первых, абитуриенты активно ищут информацию о вузах перед подачей документов, используя официальные и неофициальные онлайн-источники. Во-вторых, алгоритмы социальных сетей продвигают регулярный и качественный контент, увеличивая органический охват публикаций университетов. В-третьих, сезонные пики (зима–весна) связаны с подготовкой к итоговой аттестации и поступлению, когда выпускники школ массово мониторят рейтинги, отзывы и имиджевые материалы о вузах.

Согласно данным Росстата и профильных обзоров цифровых навыков, к 2022 году подавляющее большинство молодых россиян регулярно пользуются интернетом, а ежедневный выход в сеть становится практикой по умолчанию¹. Это делает цифровое пространство основным источником информации о высшем образовании (именно онлайн-ресурсы часто формируют первичное восприятие привлекательности университета, еще до личного контакта с представителями вуза).

Цифровизация высшего образования в российских исследованиях описывается как многоуровневый процесс, который трансформирует не только формы организации образовательного процесса, но и механизмы коммуникации университета с внешними аудиториями. Работы, посвященные цифровой трансформации вузов, фиксируют рост роли онлайн-инфраструктур (порталы, LMS, сервисы обратной связи) и подчеркивают, что университет вынужден действовать как платформенный актор, конкурирующий за внимание пользователей в медийной среде.

В социологии цифровые социальные платформы все чаще рассматриваются как источник данных и самостоятельный объект анализа для изучения образовательных практик. Исследования показывают, что университетские ресурсы в интернете выполняют двойную функцию: с одной стороны, они обеспечивают информирование и сервисную поддержку, с другой – формируют публичный образ вуза, влияющий на представления абитуриентов о престижности, «современности» и доступности обучения (Алешковский и др., 2021). В этом контексте цифровые платформы можно трактовать как инфраструктуру генерации и циркуляции цифровых следов вуза: совокупности текстов, визуальных материалов, отзывов, рейтингов и метрик вовлеченности, доступных потенциальным студентам.

¹ День интернета в России: информационно-статистический обзор // Росстат. URL: <https://63.rosstat.gov.ru/infografica/document/218977>.

Современные исследования отмечают, что официальные сообщества российских университетов в социальных сетях, прежде всего во «ВКонтакте», становятся важным инструментом формирования репутации и привлечения абитуриентов (Смирнов, 2023). Анализ сообществ ведущих вузов показывает, что регулярный контент, интерактивные форматы общения (ответы в комментариях, прямые эфиры, «сторис») и участие студентов в создании контента усиливают доверие и повышают вовлеченность потенциальных абитуриентов. При этом подчеркивается, что многие университеты пока недооценивают возможности диалогового взаимодействия, преимущественно концентрируясь на информационно-рекламных сообщениях.

Важной тенденцией становится усложнение «пути абитуриента» в цифровую эпоху. Он включает не только посещение официального сайта и группы вуза, но и обращение к агрегаторам (порталам выбора вуза), обзорам, независимым рейтингам и пользовательским отзывам. Таким образом, цифровые платформы университета следует рассматривать не только как дополнительный канал информирования, но и как ключевое пространство конструирования и репрезентации институционального имиджа, в котором абитуриенты сталкиваются с цифровыми следами вуза, интерпретируют их и соотносят со своими образовательными траекториями. Именно поэтому анализ того, какие элементы цифрового присутствия (официальный сайт, соцсети, агрегаторы) оказываются наиболее значимыми для абитуриентов, приобретает особую исследовательскую актуальность.

Эмпирическая база исследования сформирована на основе анкетного опроса абитуриентов и студентов Тюменской области, проведенного в период с декабря 2025 по март 2026 гг. Анкетирование осуществлялось в онлайн-формате через электронную форму, распространяемую по школам, лицеям, гимназиям, техникумам, колледжам и вузам региона, а также через цифровые площадки, ориентированные на абитуриентов. В опросе приняли участие 595 респондентов. Среди них школьники 9–11 классов, студенты СПО и студенты бакалавриата, планирующие поступление в магистратуру. География выборки охватывает как города (г. Тюмень, г. Ишим), так и сельские территории (с. Бердюжье, р. п. Голышманово), что позволяет сопоставлять особенности использования цифровых источников в городской и сельской среде.

Анкета включала блок вопросов о значимости различных цифровых источников информации при выборе вуза (официальный сайт, группы в социальных сетях, новостные и аналитические порталы, образовательные агрегаторы и т. п.), оцениваемой по пятибалльной шкале (от 1 – «совсем не важны», до 5 – «очень важны»), а также социодемографический блок (пол, возраст, место проживания). Описательная статистика по шкалам значимости представлена в виде рейтинга цифровых источников (*табл. 1*), где ранги присвоены по убыванию средних значений.

Таблица 1. Рейтинг значимости цифровых источников информации о вузах в оценках абитуриентов Тюменской области

Ранг	Цифровой источник	Среднее (Mean)	Ст. отклонение (Std. deviation)
1	Официальный сайт вуза	4,41	0,88
2	Канал вуза в Telegram	3,65	1,44
3	«Вузопедия»	3,33	1,41
4	Группа вуза «ВКонтакте»	3,29	1,46
5	Новостной канал 72.RU	3,04	1,45
6	Сайт «Абитуриент»	3,04	1,55
7	«РИА Новости»	2,91	1,49
8	«Новости РБК»	2,86	1,49
9	URA.RU Новости	2,85	1,52
10	Сообщество вуза на «Дзене»	2,82	1,51
11	Канал вуза на RuTube	2,75	1,52
12	Канал вуза в MAX	2,69	1,62
Источник: составлено автором.			

Центральное место в информационной стратегии респондентов занимает официальный сайт университета: при числе наблюдений ($N = 595$) среднее значение значимости составляет 4,41 балла при стандартном отклонении 0,88. Это указывает на высокий уровень согласованности мнений и позволяет рассматривать официальный сайт как базовый ориентир при выборе вуза, обеспечивающий доступ к структурированной и надежной информации о направлениях подготовки, правилах приема и особенностях образовательного процесса.

Вторую позицию в рейтинге занимает официальный канал вуза в мессенджере Telegram (Mean = 3,65; Std. = 1,44), далее следуют сайт «Вузопедия» (Mean = 3,33; Std. = 1,41) и группа вуза во «ВКонтакте» (Mean = 3,29; Std. = 1,46). Их средние значения располагаются в интервале «скорее важны», а более высокие стандартные отклонения по сравнению с официальным сайтом показывают большую дифференциацию оценок среди респондентов. Это позволяет трактовать официальные сообщества и специализированные образовательные агрегаторы как важные, но все же дополнительные каналы, усиливающие информированность и эмоциональное вовлечение, однако не подменяющие потребность в «официальной» информации, получаемой через сайт университета.

Среднюю группу в иерархии цифровых источников составляют новостные и аналитические ресурсы, а также часть образовательных порталов. Новостной канал 72.RU и сайт «Табитуриент» демонстрируют одинаковые средние значения значимости (по 3,04 балла), при этом стандартное отклонение по «Табитуриенту» несколько выше (1,55 против 1,45), что отражает большую неоднородность использования этого ресурса. Следом расположены «РИА Новости» (Mean = 2,91; Std. = 1,49), «Новости РБК» (Mean = 2,86; Std. = 1,49) и «URA.RU Новости» (Mean = 2,85; Std. = 1,52), чьи оценки находятся на границе между «умеренно важны» и «скорее важны». Эти площадки задают медийный фон вокруг университетов и, скорее, дополняют информацию, получаемую из официальных каналов, чем выступают самостоятельным критерием выбора.

На периферии цифрового пространства по самооценкам респондентов находятся платформы с наиболее низкими средними значениями: сообщество вуза на «Дзене» (Mean = 2,82; Std. = 1,51), канал вуза на RuTube (Mean = 2,75; Std. = 1,52) и канал в MAX (Mean = 2,69; Std. = 1,62). При этом высокие значения стандартных отклонений свидетельствуют о сильной дифференциации практик: часть абитуриентов активно использует эти ресурсы, тогда как для значительной доли опрошенных они остаются малозначимыми или вообще нерелевантными при выборе вуза.

Данные подтверждают, что внутри цифрового пространства выстраивается четкая иерархия значимости источников. Ядро составляют официальные цифровые ресурсы университета – прежде всего сайт, дополняемый каналом в Telegram, «Вузопедией» и группой во «ВКонтакте». Вокруг этого ядра группируются внешние медийные и агрегаторные площадки, которые выполняют функцию уточнения, сравнения и формирования репутационного контекста, но не подменяют прямое обращение к цифровым платформам самого вуза.

Полученные результаты показывают, что цифровые платформы университетов становятся для абитуриентов ключевым ресурсом навигации в образовательном пространстве: именно через официальный сайт и связанные с ним цифровые каналы формируется первоначальное представление о качестве программ, условиях поступления и повседневной жизни вуза. При этом внешние медийные и агрегаторные площадки усиливают репутационный фон, но играют, скорее, вспомогательную роль, что требует от университетов продуманной стратегии согласования «официальных» и «периферийных» цифровых следов.

Библиографический список

1. Алешковский И.А., Гаспаришвили А.Т., Крухмалева О.В. (2021). Цифровизация в системе высшего образования: социологический анализ // *Alma mater* (Вестник высшей школы). № 8. С. 16–24.
2. Минина В.Н. (2020). Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. Т. 13. № 1. С. 84–101.
3. Смирнов А.В. (2023). Российская социология в условиях цифровизации общества: результаты анализа корпуса научных текстов // *Социологические исследования*. № 4. С. 39–50.

Информация об авторе

Дарья Дмитриевна Дружинина – магистрант, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: darya.druzhinina.02@bk.ru).

Druzhinina D.D.

UNIVERSITY DIGITAL PLATFORMS IN APPLICANT EVALUATION

Abstract. *The article analyzes the significance of university digital platforms in the assessments of applicants in the Tyumen region. Based on the survey, the hierarchy of digital sources is shown and the core of official resources that determine the choice of university is highlighted.*

Keywords: *digital platforms, digital traces, university, choice of university.*

About the author

Darya D. Druzhinina – Master Degree student, Tyumen State University (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: darya.druzhinina.02@bk.ru)

References

1. Aleshkovsky I.A., Gasparishvili A.T., Krukhmaleva O.V. (2021). Digitalization in the higher education system: sociological analysis. *Alma mater (Bulletin of Higher School)*, 8, 16–24.
2. Minina V.N. (2020). Digitalization of higher education and its social results. *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*, 13, 1, 84–101.
3. Smirnov A.V. (2023). Russian sociology in the context of digitalization of society: results of analysis of a corpus of scientific texts. *Sociological research*, 4, 39–50.

ЦИФРОВАЯ ЗАНЯТОСТЬ: ФОРМЫ, ВОЗМОЖНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ

Аннотация. *Рост сегмента цифровой занятости и распространение таких ее форм, как дистанционная, гибридная, платформенная и фриланс-занятость рассматриваются с позиций усиления социального неравенства и прекариатизации работников, что может вести к рискам социальной напряженности в обществе и требует мер регулирования.*

Ключевые слова: *цифровая занятость, дистанционная занятость, платформенная занятость, фриланс, самозанятость, прекариат, социальные риски.*

Сегодня, благодаря стремительному развитию информационно-коммуникационных технологий (дополнительно подстегнутому последствиями пандемии COVID-19), практически все сферы общественной жизни оказались подвержены процессам цифровизации. Несмотря на то, что происходящее по праву можно считать мощным драйвером трансформации современного мира в глобальном масштабе, распространение цифровых технологий одновременно сталкивает общество с новыми, ранее неизвестными, вызовами. Актуальна данная проблематика и для Российской Федерации, активно интегрирующей цифровые технологии на всех уровнях, в т. ч. в экономические структуры.

В настоящее время активно увеличивается сегмент цифровой занятости. Данное, относительно новое, социально-экономическое явление П.Е. Акулова и Н.В. Тонких характеризуют как такую трудовую деятельность, которая предполагает активное использование работниками информационно-коммуникационных технологий и инструментов в процессе выполнения своих трудовых функций (Акулова, Тонких, 2023).

Однако, кажется уместным, вести речь непосредственно об основных трудовых функциях и понимать под цифровыми работниками не просто тех, чья деятельность включает использование компьютера (например, работника почтового отделения, который использует технологии для регистрации посылок), а специалистов, чей продукт и/или деятельность протекают преимущественно в онлайн-пространстве и/или базируются на онлайн-инфраструктуре (программисты, переводчики, дизайнеры и пр.). Похожего подхода придерживаются Р.И. Капелюшников и Д.И. Зинченко, выделяя в цифровой занятости прежде всего дистанционную и платформенную формы. Отметим, что в первую очередь они включают не только тех, кто трудится в найме (что характерно для дефиниции дистанционной занятости, закрепленной в Трудовом кодексе), но и тех, кто работают сами на себя, будучи не закрепленными в конкретной организации (Капелюшников, Зинченко, 2024). Платформенная занятость подразумевает под собой использование специальных онлайн-ресурсов в качестве платформы для полного или частичного осуществления трудовой деятельности (Капелюшников, Зинченко, 2025).

Ю.Н. Короленко и Е.В. Романюк в качестве основных действующих форм цифровой занятости (помимо уже упомянутых дистанционной и платформенной занятости) предлагают рассматривать гибридный формат (часть рабочих дней на «удаленке», часть – в офисе) и фриланс (Короленко, Романюк, 2025, с. 93). Так как последний термин в научной литературе может принимать неоднозначные и довольно размытые трактовки, опираясь на мысли Т. Малоуна и Р. Лойбахера, говоря о фрилансе мы будем подразумевать электронный фриланс, т. е. работу над временными проектами в удаленном режиме (Стребков, Шевчук, 2022, с. 30).

Таким образом, сегмент цифровой занятости можно описать как совокупность рассредоточенных в пространстве электронных рабочих мест: в категорию работников цифрового сегмента могут попасть как те, кто работают в найме, но удаленно, вне территорий стандартного офисного пространства, так и автономные работники, которые организывают свою трудовую деятельность полностью самостоятельно и сотрудничают с разными заказчиками, не имея над собой «босса». Более того, отметим, что электронный фриланс, дистанционную и платформенную занятость можно охарактеризовать как зачастую пересекающиеся множества. Например, часть тех, кто работает на расстоянии с использованием электронных устройств (критерий дистанционной (удаленной) занятости), могут действовать через интернет-платформы (критерий платформенной занятости) как автономные работники (критерий электронного фриланса). Вышесказанное приводит к высокой дифференцированности и неоднородности пула цифровых работников.

Поскольку границы между различными формами платформенной занятости размыты, а сами они зачастую пересекаются, перед исследователями возникают методологические трудности, связанные с учетом удельного количества работников, вовлеченных в цифровую занятость. Согласно результатам выборочного федерального статистического обследования рабочей силы, проводимого Федеральной службой государственной статистики за 2025 год, количество занятого населения, работающего дистанционно, составило 968 тыс. человек¹. При признании факта выполнения задач дистанционно, респонденты могли указать занимались ли они этим на протяжении всей рабочей недели или на протяжении лишь нескольких дней, что позволило выявить, что 666 тыс. из них работают «гибридно». Количество платформенно-занятых работников Федеральная служба государственной статистики оценивает в 2374 тыс. человек за 2025 год². По-видимому, в данном исследовании учитывались именно наемные работники, выполняющие свои трудовые функции дистанционно или с использованием специализированных онлайн-платформ, а не все, кто работают удаленно, включая независимых работников.

При этом, согласно результатам опроса ВЦИОМ, опубликованным весной 2025 года, количество тех, кто работает преимущественно удаленно из дома (13%) и работающих «гибридно» (12%) суммарно составило 25% от общего количества работающих россиян, или около 18,5 млн человек (при оценке общего количества занятых граждан в 74 млн человек)³. Таким образом, ВЦИОМ оценивает долю тех, кто преимущественно или частично работает удаленно, исходя из более широкой интерпретации самого понятия «удаленная работа».

Наиболее сложной для учета группой цифровых работников выступают электронные фрилансеры. По данным Д.О. Стребкова и А.В. Шевчука, количество аккаунтов фрилансеров насчитывает свыше 1 млн на каждой из пяти крупных бирж удаленной работы. Однако, очевидно, что не все электронные фрилансеры используют именно биржи в качестве каналов для поиска заказов и инфраструктуры для выполнения проектов, а часть уже существующих профилей могут быть заброшенными или дублирующими другие (Стребков, Шевчук, 2022, с. 48, 55). Авторы подчеркивают, что сложности изучения данной группы связаны с трудностями однозначного идентифицирования таких работников, проектирования их репрезентативной выборки и поиска контакта с ними (Стребков, Шевчук, 2022, с. 51–53).

Наконец, говоря о цифровой занятости, стоит упомянуть один из главных способов легализации внеорганизационными цифровыми работниками своей деятельности – специальный налоговый режим «налог на профессиональный доход», также называемый «самозанятостью» (введен в 2019 году; подразумевает ставки 4 и 6%). На сегодняшний день самозанятыми стали свыше 15 млн человек⁴. Тем не менее, несмотря на существование данной возможности, довольно значительная (и с трудом поддающаяся исчислению) часть работников данного сегмента может находиться в «теневом» секторе экономики, что является важной проблемой для государства.

Цифровые формы занятости включают в себя возможности для повышения темпов экономического роста и устойчивого развития за счет: оптимизации расходов и повышения эффективности для работодателей, способствованию предпринимательской активности и культуре независимости, смягчению изоляции отдельных социальных групп (например, людей с инвалидностью) и др.

¹ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики. 2026. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 25.03.2026).

² Там же.

³ Работа из дома как новая норма // ВЦИОМ. 2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabota-iz-doma-kak-novaja-norma> (дата обращения: 25.03.2026).

⁴ Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. Сведения о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» // Федеральная налоговая служба. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 11.03.2026).

Однако для многих цифровых работников (в основном тех, которые трудятся внеорганизационно, не в найме) актуален риск прекариатизации их положения. Попадание в прекариат (общность социально-незащищенных работников) связано, прежде всего, с высоким уровнем нестабильности дохода и занятости, растущей конкуренцией, а также минимуме социальных гарантий. Так, многие цифровые независимые работники, даже уплачивающие «налог на профессиональный доход», не имеют отпусков, больничных, могут претендовать лишь на минимальные пенсии – использование таких самозанятых работников представляет собой выгодную стратегию снижения издержек, повышения оперативности и гибкости управления трудовыми ресурсами для работодателей, чем они активно пользуются (например, сервисы доставки, работа на складах маркетплейсов, такси и др.).

Конечно, не все независимые работники цифрового сегмента «метят» в прекариат – для других, скорее высококвалифицированных работающих на себя, чьи навыки имеют спрос на рынке, это может быть стилем «вольной» жизни или путем к осознанному предпринимательству. Однако те, кто оказывается в данном положении вынужденно и устойчиво представляют собой уязвимую группу, рост которой может вести к рискам роста социальной напряженности в обществе (Стребков, Шевчук, 2022, с. 38).

В современном мире стремительное развитие цифровых технологий и их внедрение в различные сферы жизни радикально трансформируют рынок труда: многие понятия традиционной занятости все еще переосмысливаются и модифицируются в соответствии с современными реалиями. Рост сегмента цифровой занятости – это сложное и многообразное явление, включающее как дистанционные, гибридные и платформенные формы работы, так и фриланс, что приводит к высокой дифференцированности и неоднородности цифровых работников, в т. ч. по уровням их прекарности, что влечет за собой значительные социальные риски. Таким образом, развитие цифровой занятости, еще проходящей этапы институционализации в Российской Федерации, требует разработки механизмов социальной защиты и регулирования, чтобы минимизировать негативные последствия и обеспечить баланс интересов всех участников рынка труда.

Библиографический список

1. Акулова П.Е., Тонких Н.В. (2023). Социально-демографические эффекты цифровизации занятости // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 73. С. 174–185.
3. Капелюшников Р.И., Зинченко Д.И. (2024). Цифровые формы занятости на российском рынке труда. Часть I: дистанционная занятость // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6. С. 157–181.
4. Капелюшников Р.И., Зинченко Д.И. (2025). Цифровые формы занятости на российском рынке труда. Часть II: платформенная занятость // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 107–129.
5. Короленко Ю.Н., Романюк Е.В. (2025). Цифровая занятость: состояние и регулирование на российском рынке труда // Научный результат. Экономические исследования. № 2. С. 93–105.
6. Стребков Д.О., Шевчук А.В. (2022). Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. Москва: Издательский дом «Высшей школы экономики». 527 с.

Информация об авторе

Егор Игоревич Елышев – студент, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: egorelishevigr@gmail.com)

DIGITAL EMPLOYMENT: FORMS, OPPORTUNITIES AND SOCIAL RISKS

Abstract. *The growth of digital employment and the proliferation of forms such as remote, hybrid, platform, and freelance employment are examined in terms of increasing social inequality and the precariatization of workers, which can lead to risks of social unrest and require regulatory measures.*

Keywords: *digital employment, remote employment, platform employment, freelancing, self-employment, precariat, social risks.*

About the author

Egor I. Elyshev – student, Tyumen State University (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: egorelishevigr@gmail.com)

References

1. Akulova P.E., Tonkikh N.V. (2023). Socio-demographic effects of employment digitalization. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 73, 174–185.
3. Kapeliushnikov R.I., Zinchenko D.I. (2024). Digital forms of employment in the Russian labor market. Part I. Distant employment. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 6, 157–181.
4. Kapeliushnikov R.I., Zinchenko D.I. (2025). Digital forms of employment in the Russian labor market. Part II. Platform employment. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1, 107–129.
5. Korolenko Yu.N., Romanyuk E.V. (2025). Digital employment: state and regulation in the Russian labor market // *Research Result. Economic Research*, 2, 93–105.
6. Strebkov D.O., Shevchuk A.V. (2022). What do we know about freelancers? Sociology of free employment. National Research University Higher School of Economics. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПАРТНЕРСТВА В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НАВЫКОВ КАК ИНСТРУМЕНТ СТРАТЕГИЙ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Аннотация. *Актуализирована проблематика поиска эффективных инструментов регулирования миграции высококвалифицированных специалистов. Проанализированы возможности и ограничения использования в регулировании миграции глобальных партнерств в сфере профессиональных навыков. Выделены направления для сокращения рисков и повышения эффективности и долгосрочной устойчивости при их применении.*

Ключевые слова: *миграция, высококвалифицированные специалисты, регулирование, глобальные партнерства в сфере профессиональных навыков, человеческий капитал, дисбалансы на международных рынках труда.*

В соответствии с материалами доклада Всемирного экономического форума «Будущее рабочих мест 2025»¹, все большее число компаний (в 2025 году – 42% из более чем тысячи опрошенных, представляющих порядка 14 млн работающих в 22 отраслях и 55 экономиках мира) сообщают об ожидаемом сокращении доступности талантов в предстоящие пять лет. В качестве критически значимого барьера ведения бизнеса в 2025–2030 гг. прогнозируется нехватка навыков, об этом заявили 63% опрошенных компаний.

На макроуровне в условиях новых глобальных вызовов, демографических угроз и жесткой конкуренции национальных экономик за лучшие трудовые ресурсы и высокое качество человеческого капитала одним из стратегических направлений государственной социально-экономической политики является привлечение высококвалифицированной иностранной рабочей силы. Такие направления регулирования определены и в Республике Беларусь: в Государственной программе «Сбалансированный рынок труда» на 2026–2030 гг.² одним из ключевых направлений в сфере регулирования миграционных процессов обозначена разработка дополнительных механизмов привлечения и эффективного использования иностранной рабочей силы, в том числе высококвалифицированных специалистов. В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 гг. в составе основных направлений реализации миграционной политики выделены, в частности, расширение перечня организованных форм привлечения в Российскую Федерацию иностранных граждан для осуществления трудовой деятельности в целях повышения эффективности регулирования численности привлекаемых иностранных работников, учета потребностей экономики Российской Федерации, интересов ее граждан, а также ситуации на российском рынке труда и тенденций ее изменения, а также совершенствование механизмов целевого организованного набора иностранных работников, а также создание инфраструктуры, обеспечивающей отбор и подготовку иностранных граждан в государствах их проживания и ряд других³.

Эффекты привлечения высококвалифицированных специалистов (ВКС) разнообразны и разнонаправлены. Они проявляются и могут быть оценены на макро- и микроэкономическом уровне. В контексте рассматриваемой темы они не являются основным объектом исследования, но отметим, что миграция ВКС влияет на экономический рост и совокупную факторную производительность, инновационность (в частности, количество выданных патентов), доход на душу населения, изменение глобального неравенства доходов и иные экономические параметры⁴ (Ortega, Peri, 2013).

¹ The Future of Jobs Report 2025 // World Economic Forum. URL: [WEF_Future_of_Jobs_Report_2025.pdf](https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2025) (accessed: 19.02.2026).

² О Государственной программе «Сбалансированный рынок труда» на 2026–2030 годы: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 02.12.2025. № 699 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22500699> (дата обращения: 24.02.2026).

³ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025. № 738. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/qVoObOeUrpLFcowQJADmTEz6DYjp7thW.pdf/> (дата обращения 24.02.2026).

⁴ The Contribution of migration to regional development, OECD regional development studies Paris: OECD Publishing. 2022. DOI: 10.1787/57046df4-en.

В публикации Ю.Д. Квашнина отмечается, что в настоящее время главными акторами, которые регулируют миграционные процессы, остаются национальные правительства. В то же время на протяжении последних десятилетий в ЕС все отчетливее прослеживаются два новых тренда: перемещение части соответствующих функций с национального уровня на наднациональный, а также увеличение роли местных органов власти в планировании и осуществлении мероприятий по привлечению ВКС (Квашнин, 2022).

Для регулирования миграции ВКС активно применяются различные инструменты (ограничение миграции, установление компенсационных платежей странам происхождения за подготовку ВКС, стимулирование последующего возвращения ВКС-мигрантов в страны происхождения и др.), но их негативные эффекты и ограничения определяют потребность в поиске иных механизмов.

Одним из современных стратегических инструментов миграционной политики, нацеленных на решение актуальных проблем рынка труда, являются глобальные партнерства в сфере профессиональных навыков – Global Skill Partnerships (GSP; далее – ГППН), реализуемые на межгосударственном уровне на принципах государственно-частного партнерства. Впервые такой инструмент был предложен в 2014 году и описан в работе М. Клеменса (Clemens, 2015). Это модель партнерств между странами происхождения и назначения мигрантов для совместного инвестирования в обучение навыкам, востребованным на рынках труда обеих стран. Работа, в рамках соглашений ГППН, направлена на решение проблемы дефицита квалифицированных кадров в развитых странах и улучшение доступа к рынку труда и возможностей занятости в странах происхождения, что способствует сокращению дисбалансов на международных рынках труда.

Первоначальная аргументация введения ГППН базировалась преимущественно на сопоставлении стоимости подготовки медсестер в странах Западной Европы и Северной Африки, а также сравнении заработных плат соответствующего медперсонала в рассматриваемых регионах. Кроме того, учитывалась нехватка медсестер в менее развитых странах на дату проведения исследования и в перспективе на 10 лет, а также возрастающий спрос на медицинский персонал и медицинские услуги в более развитых странах, который, очевидно, не может быть удовлетворен за счет внутренних возможностей либо медицинского туризма. Мотив ответственности за влияние на экономическое развитие менее развитых стран также актуален: при государственном финансировании систем образования в случае так называемой «утечки умов» за счет миграции ВКС фактически наблюдается субсидирование экономических систем более развитых стран за счет подготовки кадров в экономиках с более низким уровнем развития.

Заключение ГППН-соглашения позволяет наилучшим образом планировать детали партнерства для всех участвующих экономик, а также для физических лиц-участников обучения, и разделить возникающие издержки и выгоды. Оно ориентировано на долгосрочные потребности рынка труда и предусматривает договоренности о финансировании, уровне и территории проведения обучений. Как правило, для учеников предусматривается два вида занятий: выездной (подготовка к последующей работе за границей на постоянной или временной основе) и домашний.

Финансирование обучения либо полностью, либо частично, осуществляется субъектами страны, планирующей принять ВКС-мигрантов (правительствами разных уровней, нанимателями), или за счет студенческого кредита с учетом будущих доходов обучающихся, а также предполагает организацию и финансирование мер по мобильности. Это является экономически целесообразным с учетом различий в уровне затрат и общей стоимости подготовки специалистов соответствующей квалификации в разных странах, а наличие партнерского соглашения позволяет согласованно распределить издержки и выгоды на всех участников партнерства.

По расчетам М. Клеменса, три года обучения одной медсестры в Северной Африке, за которыми последуют пять лет работы в Западной Европе, могут стоить от 70 000 до 80 000 долл. США и более за счет разницы в стоимости обучения, и дополнительно 120 000–150 000 долл. и более за счет разницы в заработной плате. Это означает, что общая добавленная стоимость программы превысит 200 000 долл. США, даже если последний год обучения будет проходить в стране назначения (Clemens, 2015). Выбор домашнего трека обучения, предполагающего подготовку специалистов для страны происхождения, целесообразен для лиц, не имеющих намерения мигрировать. Наличие такой компоненты позволяет стимулировать накопление качественного человеческого капитала и совершенствовать программы подготовки в системах образования стран, в которых осуществляется набор обучающихся; повысить стандарты обучения и улучшить конкурентные преимущества их образовательных систем на международном рынке образовательных услуг.

Подготовка ВКС и организация их последующей миграции, в соответствии с заключенными соглашениями, снижает зависимость от посредников, повышает безопасность и позволяет получить предсказуемые преимущества от мобильности. Признание квалификаций (или аналогичные меры) формирует надежный сигнал для нанимателей о соответствии уровня квалификации предъявляемым требованиям и сокращает транзакционные издержки миграции, облегчает трансфер человеческого капитала. В целом, реализация программ ГППН снижает информационную асимметрию для всех его участников.

К настоящему времени накоплен разнообразный опыт применения ГППН в различных странах и профессиональных сферах, в частности⁵:

- Австралийско-Тихоокеанский совет по подготовке (Australia Pacific Training Coalition (APTC)) с участием Австралии, включающий девять тихоокеанских островных стран. В Восточном Тиморе, за время существования программы, содействовал получению квалификации для более чем 20 000 выпускников, 8% из которых переехали на работу в Австралию.

- ГППН в области сестринского дела между Германией и Филиппинами: обучение было начато после 2019 года. Первая партия специалистов начала работу в принимающей стране в 2023 году; в настоящее время ведется подготовка к расширению полностью финансируемого частным сектором ГППН на Филиппинах, а также к тиражированию этой модели в Мексике и других странах.

- Пилотный проект по решению проблемы нехватки рабочей силы с помощью инновационной трудовой миграции PALIM (Pilot Project Addressing Labour Shortages through Innovative Labour Migration). Существовал в период 2018–2021 гг. с участием Бельгии и Марокко. Более 100 человек прошли обучение в сфере информационно-коммуникационных технологий. Миграция была приостановлена из-за COVID-19, но 20 человек уже мигрировали или планируют это сделать.

Наблюдается трансформация проектов по используемым источникам финансирования (переход от государственного к увеличению частного финансирования), расширение успешных ГППН за счет включения новых участвующих стран. Некоторые другие партнерства, напротив, сокращаются: например, первоначальный проект ГППН между Бельгией, Марокко и Тунисом для сфер строительства и промышленности в настоящее время модифицирован и направлен на укрепление сотрудничества между национальными агентствами занятости, системами образования, а также оказание помощи работникам в подборе вакансий, подготовке к собеседованиям, обучении языку, охране здоровья и технике безопасности.

Примерами частных инициатив по подготовке квалифицированных специалистов за рубежом являются Heimerer College (ФРГ–Косово, предполагающий подготовку в сфере сестринского дела, логопедии, более 80% выпускников которого работают в Косово). Magsaysay Maritime Academy предполагает подготовку плавсостава, охватывает Филиппины, различные страны Восточной Азии, Европы, Северной Америки, около 5000 выпускников работают за границей и 1000 – внутри государства, в т. ч. в собственной местной судоходной компании Magsaysay⁶.

⁵ Acosta P., Özden Ç., Lebow J., Rodriguez L., Dahlgren E. Global skill partnerships for migration: preparing tomorrow's workers for home and abroad. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/ec7bae47-3efe-459f-b566-e236a7ddd32a>. (accessed: 19.02.2026).

⁶ Там же.

ГППН особенно результативны для подготовки специалистов среднего звена в быстро развивающихся профессиях и секторах, навыки по которым пользуются большим спросом в странах с разным уровнем дохода (строительство, медицина, виды деятельности, связанные с «зеленым переходом» и др.).

Одним из рисков реализации проектов является недостаточный уровень овладения языком принимающей стороны и межкультурными компетенциями теми, кто обучается в ГППН по «внешнему» треку, что предполагает необходимость дополнительного отбора кандидатов на обучение.

ГППН предоставляют эффективные решения для снижения остроты проблемы глобальной нехватки квалифицированных кадров за счет расширения сотрудничества и инноваций в области профессиональной подготовки и официального управления миграцией.

Сокращение рисков и повышение эффективности и долгосрочной устойчивости ГППН может быть достигнуто за счет:

- конкурсного отбора кандидатов на обучение;
- участия нанимателей и отраслевых ассоциаций из стран назначения на всех этапах разработки и реализации программы обучения, что гарантирует ВКС-мигрантам рабочие места после окончания учебы и легальные пути трудоустройства;
- предварительной разработки механизмов признания квалификаций и лицензирования, специальных визовых треков для выпускников программ ГППН;
- обоснования и выбора подходящих моделей финансирования, определения необходимых объемов подготовки для получения эффекта от масштаба, привлечения частных партнеров, заинтересованных в подготовке и привлечении иностранных специалистов;
- улучшения сбора данных о потребностях рынка труда, осуществления качественного мониторинга и оценки реализации ГППН.

Накопленный опыт применения ГППН свидетельствует, что они позволяют согласовать миграционную политику и интересы стран назначения с целями развития стран происхождения ВКС-мигрантов. Для достижения максимального эффекта ГППН должны быть встроены в национальные миграционные стратегии, дополняться мерами по интеграции мигрантов, облегчению доступа к социальным услугам (здравоохранение, образование и др.), а также к системе социального обеспечения в принимающих странах.

Рассматриваемые ГППН могут выступить действенным инструментом миграционной политики Республики Беларусь для обеспечения притока высококвалифицированных специалистов, инновационного развития системы образования.

Библиографический список

1. Квашнин Ю.Д. (2022). Стратегии европейских городов по привлечению высококвалифицированных мигрантов // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 48–59. DOI: 10.31857/S086904992201004X.
2. Clemens M. (2015). Global skill partnerships: a proposal for technical training in a mobile world. *IZA Journal of labor policy*, 4. DOI: 10.1186/s40173-014-0028-z.
3. Ortega F., Peri G. (2013). Migration, trade and income. *IZA Discussion Paper*, 7325.

Информация об авторе

Оксана Николаевна Ерофеева – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международного менеджмента, Белорусский государственный университет (Республика Беларусь, 220030, г. Минск, пр-т Независимости, д. 4; e-mail: erofeevaon@bsu.by)

GLOBAL SKILL PARTNERSHIPS AS AN INSTRUMENT OF THE ATTRACTING OF HIGH-SKILLED SPECIALISTS

Abstract. *The problem of finding effective tools for regulating migration of high-skilled specialists has been actualized. The possibilities and limitations of using Global Skill Partnerships in regulating migration are analyzed. The directions for reducing risks and increasing efficiency and long-term sustainability in their application are highlighted.*

Keywords: *migration, high-skilled specialists, regulation, Global Skill Partnerships, human capital, imbalances in international labor markets.*

About the author

Oxana N. Erofeeva – Candidate of Sciences (Economics), Associate professor of the department for international management, Belarusian state university (4, Nezavisimosti Avenue, Minsk, 220030, Republic of Belarus; e-mail: erofeevaon@bsu.by)

References

1. Kvashnin Yu.D. (2022). European urban strategies for attracting high-skilled migrants. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1, 48–59. DOI: 10.31857/S086904992201004X
2. Clemens M. (2015). Global skill partnerships: a proposal for technical training in a mobile world. *IZA Journal of labor policy*, 4. DOI: 10.1186/s40173-014-0028-z.
3. Ortega F., Peri G. (2013). Migration, trade and income. *IZA Discussion Paper*, 7325.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ РАБОЧЕГО ДНЯ ВАХТОВЫХ РАБОТНИКОВ

Аннотация. В работе рассматриваются особенности повседневной организации рабочего времени вахтовых работников нефтегазовой отрасли на основе включенного наблюдения. Анализ фокусируется на соотношении формально регламентированных процедур и неформальных практик координации, обеспечивающих выполнение производственных задач в условиях пространственной изоляции и ограниченности ресурсов.

Ключевые слова: вахтовый труд, трудовой ритм, повседневность, неформальные практики, социальная координация, Крайний Север, организационная культура.

Вахтовый метод занятости представляет собой специфическую форму организации труда, предполагающую длительное пребывание работников в удаленных производственных зонах и чередование периодов интенсивной занятости и отдыха вне места постоянного проживания. В научной литературе основное внимание уделяется влиянию сменного режима и изоляции на физическое и психологическое состояние работников, а также на баланс между работой и личной жизнью (Collinson, 1998; Stewart et al., 2017; Asare et al., 2021; McNamara, Robins, 2023). Однако внутренняя организация повседневной трудовой деятельности и механизмы координации действий внутри производственных коллективов в условиях вахты остаются менее исследованными. В отечественной социологии труда данная проблематика частично затрагивается в работах А.Н. Силина, где акцентируется внимание на специфике трудовых практик и социальной организации вахтовых коллективов (Силин, 2010).

Настоящее исследование направлено на анализ структуры рабочего дня вахтовых работников и выявление механизмов согласования действий в процессе повседневной организации труда. Эмпирической основой послужило включенное наблюдение, проведенное на нефтегазовом объекте в условиях вахтового режима. Исследователь находился внутри производственного процесса, что позволило фиксировать повседневные действия, способы распределения задач и формы взаимодействия между работниками. Материал носит ограниченный характер, однако позволяет выявить устойчивые паттерны организации рабочего времени. Анализ показывает, что рабочий день формируется как последовательность повторяющихся действий, сочетающих формальные требования и неформальные способы их реализации.

Начало смены сопровождается обязательными процедурами учета присутствия, задающими рамки включения в рабочий процесс. На этом этапе проявляется жесткая регламентация: соблюдение формальных требований является условием допуска к дальнейшей деятельности. В то же время уже в начале смены возникает необходимость в неформальном согласовании действий. Например, при распределении выездов на объекты и использовании ограниченных транспортных ресурсов работники уточняют порядок выполнения задач в устной форме, ориентируясь не только на предписания, но и на текущую ситуацию. Подобные практики демонстрируют, что формальная структура не задает полностью порядок действий, а требует постоянного воспроизводства через взаимодействие.

В первой половине дня значительная часть времени связана с подготовкой и координацией выездов. Ограниченность ресурсов (транспорт, оборудование, временные окна) делает их распределение предметом горизонтальных договоренностей. В отдельных случаях наблюдаются расхождения в ожиданиях работников относительно приоритетности задач, что приводит к напряженности и словесным конфликтам, разрешаемым непосредственно в процессе взаимодействия. Обеденный перерыв, формально закрепленный в структуре рабочего дня, выполняет не только функцию восстановления работоспособности, но и играет роль элемента организационной координации. Различие графиков для отдельных подразделений позволяет перераспределять потоки работников и снижать нагрузку на инфраструктуру, что демонстрирует управляемый характер повседневных перемещений внутри производственной среды.

Во второй половине рабочего дня происходит переход от стадии планирования и координации к стадии непосредственного выполнения производственных задач на объектах. Именно на этом этапе наиболее отчетливо проявляется зависимость деятельности от ранее сформированных неформальных договоренностей. Если в первой половине дня эти договоренности выступают как средство распределения ресурсов и задач, то во второй – как условие их практической реализуемости. При этом выявляется ключевая особенность: неформальные соглашения обладают ограниченной устойчивостью и подвержены постоянному пересмотру. Причиной этого выступают как объективные факторы – задержки транспорта, изменение производственных приоритетов, технические сбои; так и субъективные – различие в интерпретации договоренностей участниками, конкуренция за ресурсы. В результате возникает ситуация, в которой первоначально согласованный порядок действий теряет свою актуальность и требует оперативной корректировки. Такой характер взаимодействия позволяет рассматривать координацию труда не как статическую систему, основанную на следовании инструкциям, а как динамический процесс, разворачивающийся в реальном времени. Особое значение имеет тот факт, что зависимость от неформальных договоренностей усиливается именно на стадии выполнения задач. Это указывает на разрыв между формально заданной моделью организации труда и ее практической реализацией. Формальные инструкции задают лишь общий каркас деятельности, тогда как конкретное содержание работы определяется в процессе взаимодействия. Таким образом, неформальные практики выступают не дополнением, а необходимым условием функционирования производственного процесса.

Второй важный аспект связан с размытостью границ рабочего времени. Формально рабочий день ограничен установленной продолжительностью смены, однако в реальности его завершение определяется логикой выполнения задач. Это означает, что временные рамки труда подчиняются не нормативной регуляции, а производственной целесообразности. В результате рабочее время приобретает контекстуальный характер: его длительность и интенсивность варьируются в зависимости от текущей ситуации. Такая гибкость, с одной стороны, обеспечивает адаптивность производственного процесса, позволяя реагировать на изменения условий, а с другой – создает дополнительную нагрузку на работников, поскольку снижает предсказуемость их занятости. Подобная организация времени может быть интерпретирована как проявление расширения рабочего дня за пределы формальных границ, при котором труд перестает быть строго локализованным во временных рамках смены. В условиях вахтового режима это усиливается пространственной изоляцией работников и ограниченностью альтернативных форм деятельности, что фактически приводит к доминированию трудовой логики в структуре повседневности.

Таким образом, повседневная организация рабочего дня вахтовых работников может быть описана как процесс, в котором формально заданные структуры и неформальные практики взаимодействия взаимно дополняют друг друга. Социальный порядок в данных условиях поддерживается не только через регламенты, но и постоянное согласование действий между участниками производственного процесса. Полученные результаты позволяют уточнить представления о вахтовом труде, смещая аналитический фокус с макрохарактеристик условий занятости на социальные механизмы координации. Перспективным направлением дальнейших исследований является сравнительный анализ международных организационных моделей вахтового труда, а также более детальное изучение устойчивости неформальных практик в условиях изменяющихся производственных требований.

Библиографический список

1. Силин А.Н. (2010) Социальная организация вахтового труда в условиях Севера // Социологические исследования. № 5. С. 45–52.
2. Asare B.Y.A., Kwasnicka D., Powell D. [et al.]. (2021). Health and well-being of rotation workers in mining, offshore oil and gas, and construction industry: systematic review. *BMJ Global Health*, 7, e005112.

3. Collinson D.L. (1998) "Shift-ing lives": work-home pressures in North Sea oil industry. *Canadian Review of Sociology*, 3, 301–324.
4. McNamara K.A., Robbins W.A. (2023). Shift work and sleep disturbance in oil industry. *Workplace Health & Safety*, 3, 125–131.
5. Stewart N., Bunce J., Hellemans K. (2017). Two worlds of FIFO: exploration of duality, transitional lifestyle and improved community connections. *BMJ Open*, 4, e019516.

Информация об авторе

Сергей Павлович Запашиков – аспирант, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: Jayzee00@yandex.ru)

Zapashikov S.P.

DAILY ROUTINE AND ORGANIZATION OF LABOR: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE STRUCTURE OF THE WORKING DAY OF SHIFT WORKERS

Abstract. *This paper examines the daily work organization of shift workers in the oil and gas industry using participant observation. The analysis focuses on the relationship between formally regulated procedures and informal coordination practices that ensure the completion of production tasks in conditions of spatial isolation and limited resources.*

Keywords: *shift work, labor rhythm, everyday life, informal practices, social coordination, Far North, organizational culture.*

About the author

Sergey P. Zapashikov – graduate Student, Tyumen State University (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: Jayzee00@yandex.ru)

References

1. Silin A.N. (2010). Social organization of rotational work in the North. *Sociological Research*, 5, 45–52.
2. Asare B.Y.A., Kwasnicka D., Powell D. [et al.]. (2021). Health and well-being of rotation workers in mining, offshore oil and gas, and construction industry: systematic review. *BMJ Global Health*, 7, e005112.
3. Collinson D.L. (1998) "Shift-ing lives": work-home pressures in North Sea oil industry. *Canadian Review of Sociology*, 3, 301–324.
4. McNamara K.A., Robbins W.A. (2023). Shift work and sleep disturbance in oil industry. *Workplace Health & Safety*, 3, 125–131.
5. Stewart N., Bunce J., Hellemans K. (2017). Two worlds of FIFO: exploration of duality, transitional lifestyle and improved community connections. *BMJ Open*, 4, e019516.

ПРОБЛЕМЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена изучению методов стимулирования междисциплинарных исследований, а также факторов, обуславливающих эффективность междисциплинарных исследований и международной научной кооперации. Особое внимание уделено вопросам активизации международного научного сотрудничества. В статье представлены определенные механизмы стимулирования междисциплинарных исследований путем повышения объемов финансирования, активизации взаимодействия науки, бизнеса и государства, а также углубления международной научной кооперации.*

Ключевые слова: *наука, инновации, междисциплинарные исследования, государственная политика, стимулирование, развитие, эффективность.*

На современном этапе развития экономики Республики Армения стимулирование инновационной деятельности является одной из важнейших предпосылок повышения конкурентоспособности компаний, создания новых рабочих мест, стимулирования платежеспособного спроса, увеличения доходов государственного бюджета, а также расширения направлений экспорта. Активизация инновационной деятельности, как правило, предполагает осуществление междисциплинарных исследований и применение эффективных инновационных технологий.

В настоящее время многие ученые высказываются о том, что современная парадигма развития науки – это междисциплинарность как результат перехода от фрагментарности процесса познания к созданию более целостных конвергированных научных знаний и технологий под воздействием глобальных тенденций интеграции научных исследований (Киселев, Нечаева, 2014). Научное знание, накапливаясь и усложняясь, исторически разделилось на отдельные направления. Затем появились самостоятельные научные дисциплины, и эта дисциплинарная структура науки усложняется и детализируется. Обзор работ, посвященных междисциплинарности в науке, показывает, что нет единого мнения о моменте возникновения междисциплинарных исследований, а также единого подхода к трактовке этого понятия, как и единого метода организации междисциплинарных исследований. Более того, некоторые науковеды подчеркивают, что междисциплинарность присуща науке изначально, и ее не следует выделять как особый исследовательский принцип (Лысак, 2014). Вместе с тем в XX веке междисциплинарность стали изучать как философскую категорию и способ развития научного знания. Это можно объяснить тем, что междисциплинарные исследования больше всего заметны в дисциплинарно-разделенном научном знании, и современное построение науки с ее рубриками, классификаторами отраслей и номенклатурами научных специальностей само по себе является катализатором междисциплинарных связей. Согласно И.Т. Касавину, «междисциплинарное взаимодействие есть естественное состояние науки» (Касавин, 2004). По мнению же А.Н. Книгина, «во многих случаях под междисциплинарностью имеют в виду то, что раньше называлось “комплексным подходом” или систематическими (системными) исследованиями, процессом интеграции наук. Не хуже в этом смысле и диалектический принцип всесторонности рассмотрения» (Книгин, 2008).

Для того чтобы понять значение самого понятия «междисциплинарность научных исследований» и формы его практического выражения, необходимо для начала определить, что современная наука подразумевает под этим термином. На самом деле, по мнению многих ученых, не существует каких-либо «правильных» или «неправильных» определений исследовательских проектов такого типа, т. е. предполагающих поиски нового знания за счет объединения усилий в рамках нескольких отдельных дисциплин. Однако в многочисленных исследованиях явления междисциплинарности сложились общие подходы и деление ее на следующие типы, как мультидисциплинарность, междисциплинарность и трансдисциплинарность (Stock, Burton, 2011).

- **Мультидисциплинарность (Multidisciplinarity).** Наиболее часто мультидисциплинарные исследования определяются как проводимые в рамках нескольких дисциплин и преследующие несколько самостоятельных целей, объединенных единым контекстом. Также мультидисциплинарность – есть объединение методологического и концептуального инструментария различных областей науки. Таким образом, мультидисциплинарность подразумевает независимые исследования одного и того же явления в рамках отдельных дисциплин, пользующихся своими специальными методами. Преимущество такого подхода заключается в том, что результаты исследований в рамках нескольких дисциплин, раскрывающие различные аспекты одной и той же проблемы, могут быть изложены и оценены в едином ключе. Именно по этой причине многие ученые подвергают сомнению такое понятие, как «мультидисциплинарность в науке» и его новизну по сравнению с комплексным подходом к изучению объекта исследования или общим методом научного познания.

- **Междисциплинарность (Interdisciplinary).** Одно из основных отличий междисциплинарности от мультидисциплинарности в науке состоит в том, что в междисциплинарных исследованиях допускается прямой перенос методов исследования из одной научной дисциплины в другую. Междисциплинарные исследования, в основном, ориентированы на изучение определенных системных проблем, в результате чего в процессе исследования ученые, представляющие, как правило, отдельные научные направления, вынуждены «пересекать границы» своих дисциплин, чтобы создать новое знание. Это следующий уровень интеграции различных научных дисциплин, поскольку такие проекты стремятся соединить (конвергировать) дисциплинарные точки зрения и потенциально позволяют изучить полученное знание как новую дисциплину. Биофизика, биохимия, биогеохимия, математическая экономика – все это отрасли науки, возникшие как результат проведения междисциплинарных исследований. Междисциплинарный подход в науке, объединяющий исследователей из различных дисциплин, позволяет им совместно очертить масштабы проблемы, согласовать методологический подход к организации исследования и проанализировать полученные результаты. Таким образом, междисциплинарные исследования предполагают достаточно высокий уровень сотрудничества как при постановке задачи, так и при разработке методологии ее решения. Характерным для междисциплинарных исследований является то, что итоговый результат практически невозможно получить без глубокой интеграции ученых, представляющих различные дисциплины.

- **Трансдисциплинарность (Transdisciplinary).** Французский исследователь Жан Пиаже в 1970 году, в рамках международной рабочей группы «Междисциплинарность – обучение и исследовательские программы в университетах», впервые сформулировал понятие трансдисциплинарности. По его мнению, трансдисциплинарность является более высоким уровнем интеграции научных исследований, не ограничивающимся междисциплинарными отношениями, но помещает научный контекст внутрь глобальной системы, не имеющей строгих границ между дисциплинами. Трансдисциплинарность на сегодняшний день является, вероятно, наиболее востребованной и одновременно самой трудной формой научной интеграции. Однако ее актуальность для развития научного знания подтверждена возникновением в 1987 году специального Международного центра трансдисциплинарных исследований, в рамках деятельности которого в 1994 году была принята так называемая «Хартия трансдисциплинарности»¹. В Хартии сформулированы три важных аспекта этого явления. Во-первых, неотъемлемой чертой трансдисциплинарного подхода признается существование разных уровней реальности, предполагающих разные типы логики.

Во-вторых, трансдисциплинарность дополняет дисциплинарные подходы, ищет новые формы взаимодействия между дисциплинами. Она стремится раскрыть их к тому, в чем они едины, и к тому, что лежит за их пределами.

¹ Хартия трансдисциплинарности. Конвенто да Аррабида, Португалия, 2–7 ноября 1994 года. URL: <https://ciret-transdisciplinarity.org/chart/chartru.pdf>

В-третьих, трансдисциплинарное видение базируется на открытом диалоге точных и гуманитарных наук, а также на взаимодействии с искусством и духовным опытом. В любом случае исследователи этого явления сходятся в том, что трансдисциплинарный подход – это высшая форма комплексного подхода к научному познанию, основанная на взаимодействии не только ученых и исследователей, но и представителей ненаучного сообщества. Отметим, что некоторые ученые вообще скептически настроены относительно возможности реализации такой формы интеграции в науке, поскольку она предполагает сочетание междисциплинарного подхода к организации исследований с участием общественных и государственных организаций (социальных групп населения, представителей государственной власти и т. п.), но одновременно признают, что решение проблем глобального уровня, когда вопросы экономики, экологии и социологии должны решаться единомоментно, дисциплинарный подход к организации исследований часто неприменим для целостного описания изучаемой проблемы» (Tress et al., 2006).

Мультидисциплинарность и междисциплинарность, по словам Т. Ремадиера, существуют в рамках особого дисциплинарного мышления. В случае мультидисциплинарности целью преимущественно является наложение теоретических моделей разных дисциплин. «Междисциплинарность отличается от мультидисциплинарности тем, что конструирует общую модель для вовлеченных дисциплин, основываясь на диалоге между дисциплинами» (Remadier, 2004). То есть, обладая способностью порождать новые дисциплины, эти подходы развивают сложившуюся систему научного знания и в большинстве случаев характерны именно для научной стадии работы. В отличие от них такой подход, как трансдисциплинарность, лежит в основе попыток получить результаты, которые имеют широкое практическое значение. Здесь уместно обратить внимание и еще на один уровень междисциплинарности. Так, по мнению А.И. Липкина, имеет смысл ввести понятие наддисциплинарности (Липкин, 2012). Этот подход во многом связан с возникновением таких «надотраслевых технологий», как информационные технологии, нанотехнологии, биотехнологии и т. д. В отличие от трансдисциплинарного подхода, наддисциплинарный более широко обсуждается с точки зрения практического применения в рамках существующих механизмов поддержки развития междисциплинарных исследований (Ковальчук, 2011).

Как известно, междисциплинарные исследования предполагают также наличие международной кооперации, что является объективной необходимостью для развития современной науки. Международная кооперация в науке позволяет ученым из разных стран делиться своими знаниями, опытом и ресурсами, что способствует обмену идеями, ускорению темпов исследований и созданию новых научных направлений.

Преимуществами междисциплинарных исследований и международной научной кооперации являются:

- Более глубокое понимание сложных проблем: объединение знаний из разных дисциплин позволяет получить полное представление о проблеме и найти эффективный путь ее решения.
- Новые идеи и инновационные решения: междисциплинарный подход стимулирует креативность и может привести к появлению новых идей и решений, которые не могли бы быть достигнуты в рамках одной дисциплины.
- Ускорение темпов исследований: международная кооперация позволяет ученым из разных стран работать над одной проблемой одновременно, что может значительно ускорить темпы исследований;
- Эффективное использование ресурсов: междисциплинарные исследования позволяют объединять ресурсы, такие как оборудование, лаборатории и данные, что может привести к экономии средств и времени;
- Повышение качества исследований: международная экспертиза позволяет повысить качество научных исследований;
- Повышение авторитета и признания: международная кооперация может помочь исследователям повысить свой авторитет и признание в научном сообществе.

Очевидно, что в контексте осуществления междисциплинарных исследований и применения эффективных инновационных технологий особую важность приобретает обеспечение необходимого уровня финансирования исследований и разработок.

В рамках «Программы стратегического развития научной сферы до 2030 года» в Республике Армения финансирование науки планируется увеличить до 1% ВВП к 2030 году². Программа предусматривает ряд ключевых целей. В частности, планируется расширить действующую инициативу по привлечению зарубежных ученых. До 2030 года предполагается привлечь не менее 400 исследователей в качестве руководителей научных групп, из которых около 150 будут работать в Армении на постоянной основе. В ряде случаев речь идет о дистанционном формате или работе в стране в течение нескольких месяцев в году. В числе приглашенных специалистов планируется участие как минимум пяти ученых мирового уровня по показателям научных публикаций и другим международным критериям. Кроме того, предусмотрено создание государственно-частного инвестиционного фонда для финансирования исследований с высоким уровнем экономического риска. Запуску также подлежат не менее 20 научно-исследовательских программ по государственному заказу, ориентированных на потребности различных отраслей. Отдельное внимание будет уделено укреплению сотрудничества между бизнесом, вузами и научными учреждениями. В рамках создаваемого Академгородка на северо-западе Еревана планируется строительство инфраструктуры для прикладных научных разработок. Также предусмотрена переподготовка учителей на базе научных организаций. С учетом этих мер к 2030 году объем финансирования науки предполагается довести до 1% ВВП, из которых 0,75% обеспечит государственный сектор, а оставшуюся часть – частные инвестиции. Для сравнения: в 2025 году финансирование науки из государственного бюджета Армении по линии всех ведомств составило 40,2 млрд драмов (около \$105 млн), что соответствует примерно 0,3% ВВП по итогам года.

Также с 2021 года для вузов и научных центров страны было закуплено 142 единицы научного оборудования на общую сумму 13 млрд драмов (\$34 млн). В их числе суперкомпьютер, недавно введенный в эксплуатацию в Ереванском государственном университете стоимостью 3,7 млрд драмов (\$9,7 млн долларов). В 2026 году планируется приобрести еще 49 приборов на сумму 5,4 млрд драмов (\$14,1 млн). Кроме того, в 2025 году три армянских научных журнала были включены в международные рейтинговые базы научных изданий. Два из них – научные вестники Архитектурно-строительного университета Армении и Ереванского государственного университета. Существенно выросло и число публикаций армянских ученых, в том числе в ведущих мировых журналах категорий Q1 и Q2.

Учитывая современные социально-экономические реалии, предлагаются следующие подходы по стимулированию междисциплинарных исследований:

- увеличение объема внутренних затрат на исследования и разработки и увеличение в их структуре доли внебюджетных средств;
- организация в вузах обучения по новым актуальным специальностям посредством коллаборационной деятельности с соответствующими университетами и структурами;
- стимулирование инженерного образования;
- активизация взаимодействия науки, бизнеса и государства;
- углубление международной научной кооперации.

Таким образом, стимулирование междисциплинарных исследований имеет важное стратегическое значение, поскольку в дальнейшем может позволить выйти на новый уровень развития науки и экономики и повысить уровень благосостояния населения.

² Андреасян Ж.А., Финансирование науки в Армении до 2030 года нужно довести до 1% ВВП. URL: <https://am.sputniknews.ru/20260129/ministr-finansirovanie-nauki-v-armenii-do-2030-goda-nuzhno-dovesti-do-1-vvp--98210802.html>.

Библиографический список

1. Касавин И.Т. (2004). Философия познания и идея междисциплинарности // Эпистемология и философия науки. Т. 2. № 2. С. 5–14.
2. Киселев В.Н., Нечаева Е.К. (2014). К вопросу о развитии междисциплинарных научных исследований в России // Ежегодник российского образовательного законодательства. Т. 9. С. 222–238. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23815693>
3. Книгин А.Н. (2008). Междисциплинарность: основная проблема // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. № 3. С. 14–21.
4. Ковальчук М.В. (2011). Конвергенция науки и технологий – прорыв в будущее // Российские нанотехнологии. № 1–2. С. 13–23.
5. Липкин А.И. (2012). О дисциплинарном, полидисциплинарном, междисциплинарном и наддисциплинарном подходах в естественных и социогуманитарных науках, «Стены и мосты»: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях: материалы Международной научной конференции. Москва: Совпадение. С. 90–98, URL: https://www.rsuh.ru/upload/main/interhumanities/science/Sbornik_Steny_i_mosty_2012.pdf
6. Лысак И.В. (2014). Междисциплинарность и трансдисциплинарность как подходы к исследованию человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики. № 6. Ч. 2/. С. 134–137.
7. Remadier T. (2004). Transdisciplinarity and its challenges: The case of urban studies. *Futures*, 36, 433–434.
8. Stock P., Burton R.J. (2011). Defining Terms for Integrated (Multi-Inter-Trans-Disciplinary). *Sustainability Research. Sustainability*, 3, 1090–1094.
9. Tress G., Tress B., Fry G. (2006). Publishing integrative landscape research: Analysis of editorial policies of peer-reviewed journals. *Environ. Sci. Policy*, 9, 466–475.

Информация об авторе

Захарян Григорьевна Армине – кандидат экономических наук, преподаватель кафедры Экономики и управления, Международный научно-образовательный центр; Национальная академия наук Республики Армения (Республика Армения, 0019, г. Ереван, ул. Маршала Баграмяна, д. 24; e-mail: azakharian@inbox.ru)

Zakharyan A.G.

PROBLEMS OF STIMULATING INTERDISCIPLINARY RESEARCH IN THE REPUBLIC OF ARMENIA

Abstract. *The article is devoted to the study of methods for stimulating interdisciplinary research, as well as factors, that determine the effectiveness of interdisciplinary research and international scientific cooperation. Particular attention is paid to enhancing international scientific collaboration. The article presents specific mechanisms for stimulating interdisciplinary research by increasing funding, enhancing interactions between science, business and government, and deepening international scientific cooperation.*

Keywords: *science, innovation, interdisciplinary research, public policy, stimulation, development, efficiency.*

About the author

Armine G. Zakharyan – Candidate of Sciences (Economics), International scientific-educational center, department of economics and management; Lecturer, National academy of sciences of the Republic of Armenia, (24, M. Baghramyan Street, Yerevan, 0019, Republic of Armenia; e-mail: azakharian@inbox.ru)

References

1. Kasavin I.T. (2004). Philosophy of knowledge and the idea of interdisciplinarity. *Epistemology and philosophy of science*, 2, 2, 5–14.
2. Kiselev V.N., Nechaeva E.K. (2014). On the development of interdisciplinary scientific research in Russia. *Yearbook of Russian educational legislation*, 9, 222–238. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23815693>
3. Knigin A.N. (2008). Interdisciplinarity: the main problem. *Bulletin of Tomsk state university. Series: philosophy. sociology. political science*, 3, 14–21.
4. Kovalchuk M.V. (2011). Convergence of science and technology – a breakthrough into the future. *Russian nanotechnologies*, 1–2, 13–23.
5. Lipkin A.I. (2021). On disciplinary, polydisciplinary, interdisciplinary, and supra-disciplinary approaches in the natural and social sciences and humanities, "Walls and Bridges": interdisciplinary approaches in historical research: proceedings of the international scientific conference. Moscow: Sovpadenie, 90–98. URL: https://www.rsuh.ru/upload/main/interhumanities/science/Sbornik_Steny_i_mosty_2012.pdf
6. Lysak I.V. (2014). Interdisciplinarity and transdisciplinarity as approaches to the study of man. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 6, 2, 134–137.
7. Remadier T. (2004). Transdisciplinarity and its challenges: The case of urban studies. *Futures*, 36, 433–434.
8. Stock P., Burton R.J. (2011). Defining Terms for Integrated (Multi-Inter-Trans-Disciplinary). *Sustainability Research. Sustainability*, 3, 1090–1094.
9. Tress G., Tress B., Fry G. (2006). Publishing integrative landscape research: Analysis of editorial policies of peer-reviewed journals. *Environ. Sci. Policy*, 9, 466–475.

СТАБИЛЬНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ ТРУДА: ОБ АКТУАЛЬНЫХ МЕРАХ ПОДДЕРЖКИ

Аннотация. В статье выявлены ключевые тенденции развития региональных рынков труда в условиях трансформации экономики. На основе экспертных данных определены приоритетные меры государственной поддержки, включая жилищные программы и синхронизацию образования с потребностями экономики. Обоснована необходимость системного подхода для преодоления кадрового дефицита и закрепления специалистов.

Ключевые слова: рынок труда, государственная поддержка, кадровый дефицит, региональный рынок труда.

Актуальные вызовы, с которыми сталкивается Российская Федерация, обосновывают необходимость проведения регулярных исследований, направленных на выявление отношения значимых акторов рынка труда к государственным мерам поддержки. Мы исходим из предположения, что динамика текущих условий затрудняет своевременную реакцию государственной власти и, тем самым, может привести к значительному снижению эффективности стимулирующих программ, мер государственной поддержки и других способов оказания содействия представителям бизнес-сообществ с целью поддержания стабильности на рынке труда.

О проблемах и перспективах рынка труда в рамках цифровизации экономических процессов писали Р.П. Колосова, Т.О. Разумова и М.В. Артамонова в своей работе «Человек и труд в цифровой экономике» (Колосова и др., 2019), А.Л. Лукьянова обращала внимание на проблему гендерного разрыва в оплате труда (Лукьянова, 2021). Не менее примечательными являются работы И.В. Царенко об особенностях влияния рынка труда на эффективность экономики региона (Царенко, 2024), Л.А. Отставновой и Е.В. Яхваровой о конкурентоспособности человеческих ресурсов (Отставнова, Яхварова, 2014). Ранее коллективом авторов также публиковалась работа о прогнозах развития региональных рынков труда (Зинченко и др., 2025). Интерес исследователей к изучению рынка труда в постоянно меняющихся условиях не ослабевает, но подобные условия значительно усложняют процесс научной рефлексии и систематизации эмпирических данных.

В рамках данной работы мы представим результаты собственных изысканий, основанных на эмпирических социологических исследованиях на территории Ростовской, Херсонской, Запорожской областей, а также в Донецкой и Луганской Народных Республиках. Исследование реализовано в формате экспертного опроса, в котором приняли участие представители работодателей, центров занятости и учебных заведений. Основная цель исследования – выявление проблемного поля, анализ ключевых тенденций и прогноз перспектив развития региональных рынков труда в условиях трансформации социально-экономической среды, обусловленной глобальными и национальными вызовами. Количество опрошенных – 317.

Ситуация, сложившаяся на рынке труда в представленных регионах, характеризуется кадровым дефицитом, фиксируемом в самых «базовых» профессиях: учителях, медицинских работников и т. д. Очевидно, что в такой ситуации государственная власть может выступить значимым актором, способным повлиять на ситуацию при помощи различных мер поддержки. Мы предприняли попытку выявить, какие государственные решения (по мнению экспертов) могли бы способствовать улучшению ситуации с кадровой обеспеченностью. Распределение ответов экспертов представлено в табл. 1.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Какие государственные решения могли бы способствовать улучшению ситуации с кадровобеспеченностью организаций Вашей отрасли?»

Вариант ответа	Регион, %					
	Всего по массиву	Ростовская область	ДНР	ЛНР	Запорожская область	Херсонская область
Оптимизация планирования подготовки кадров для отрасли, финансирование бюджетных мест, стимулирование развития тех учебных кластеров, которые обеспечивают высокое качество выпускников.	38	40	31	33	43	37
Инвестирование в социальную инфраструктуру предприятий отрасли для повышения интереса потенциальных работников трудиться в долгосрочной перспективе на одном предприятии	33	55	31	39	32	22
Реализации жилищных программ для молодых специалистов отрасли	49	70	66	39	46	60
Снижение налоговой нагрузки на предприятия с целью повышения оплаты труда	29	65	62	20	29	20
Развитие и расширение государственных программ, ориентированных на привлечение кадров определенных категорий: молодых специалистов, студентов, пенсионеров, предпенсионеров, инвалидов и лиц с ОВЗ, безработных, ветеранов боевых действий и др.	32	50	14	26	34	36
Источник: составлено авторами.						

Представители центров занятости населения также на первое место ставят решение жилищного вопроса для молодых работников, а второе - оптимизацию планирования подготовки кадров и обеспечение бюджетных мест, но на третье место возводят уже привлечение различных категорий потенциальной рабочей силы. Распределение ответов приведено в *табл. 2*.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Какие государственные решения могли бы способствовать улучшению ситуации с занятостью населения на приоритетных производствах Вашего региона?»

Вариант ответа	Регион, %					
	Всего по массиву	Ростовская область	ДНР	ЛНР	Запорожская область	Херсонская область
Оптимизация планирования подготовки кадров для отрасли, финансирование бюджетных мест, стимулирование развития тех учебных кластеров, которые обеспечивают высокое качество выпускников.	45	25	46	42	47	49
Инвестирование в социальную инфраструктуру предприятий отрасли для повышения интереса потенциальных работников трудиться в долгосрочной перспективе на одном предприятии	41	46	42	50	40	41
Реализации жилищных программ для молодых специалистов отрасли	60	86	46	58	58	63
Снижение налоговой нагрузки на предприятия с целью повышения оплаты труда	42	68	38	42	41	33
Развитие и расширение государственных программ, ориентированных на привлечение кадров определенных категорий: молодых специалистов, студентов, пенсионеров, предпенсионеров, инвалидов и лиц с ОВЗ, безработных, ветеранов боевых действий и др.	43	61	50	58	38	44
Источник: составлено авторами.						

Таким образом, исследование показало ключевые особенности рынков труда в регионах на фоне трансформации экономики. Главная проблема – устойчивая нехватка кадров в социально значимых сферах, таких как образование и медицина. Согласно экспертному опросу, наиболее востребованными мерами госполитики стали: жилищные программы для молодых специалистов, расширение бюджетных мест в вузах и развитие социальной инфраструктуры предприятий. Также важны снижение налоговой нагрузки на бизнес и стимулирование занятости среди разных групп населения. Мнения работодателей и служб занятости совпадают: необходим комплексный подход, объединяющий образование, социальную политику и экономические инструменты. Следовательно, стабильность региональных рынков труда зависит от системной и гибкой политики, нацеленной на закрепление кадров, повышение привлекательности вакансий и синхронизацию образования с запросами экономики.

Библиографический список

1. Зинченко Я.Г., Змияк С.С., Понамарев А.Б., Понеделков А.В. (2025). Прогнозы развития региональных рынков труда в нарративах специалистов центров занятости населения Ростовской области и воссоединенных территорий Российской Федерации // Коммунология. Т. 13. № 3. С. 130–140. DOI: 10.21453/2311-3065-2025-13-3-130-140.
2. Колосова Р.П., Разумова Т.О., Артамонова М.В. (2019). Человек и труд в цифровой экономике (100-летию Международной организации труда посвящается) // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 3. С. 174–190.
3. Лукьянова А.Л. (2021). Цифровизация и гендерный разрыв в оплате труда // Экономическая политика. № 2. С. 88–117.
4. Отставнова Л.А., Яхварова Е.В. (2014). Конкурентоспособность человеческих ресурсов в системе отношений «человек – производство» // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. № 2. С. 145–151.
5. Царенко И.В. (2024). Особенности влияния рынка труда на эффективность развития экономики региона: монография. Пермь: Пермский институт ФЦИН России. 182 с.

Информация об авторах

Ярослава Геннадиевна Зинченко – кандидат социологических наук, заведующая кафедрой социологии, доцент, Южнороссийский институт управления, филиал РАНХиГС (Российская Федерация, 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 70; e-mail: zinchenko-yg@ranepa.ru)

Александр Борисович Понамарев – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Южнороссийский институт управления, филиал РАНХиГС (Российская Федерация, 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 70; e-mail: kalvarus94@gmail.com)

Zinchenko Ya.G., Ponamarev A.B.

STABILITY OF REGIONAL LABOR MARKETS: ABOUT CURRENT SUPPORT MEASURES

Abstract. *The article identifies key trends in the development of regional labor markets in the context of economic transformation. Based on expert data, priority measures of state support have been identified, including housing programs and the synchronization of education with the needs of the economy. The necessity of a systematic approach to overcome the personnel shortage and consolidate specialists is substantiated.*

Keywords: *labor markets, government support, personnel shortage, regional labor market.*

About the authors

Yaroslava G. Zinchenko – Candidate of Sciences (Sociological), head of the department of sociology, Associate Professor, South Russian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70, Pushkinskaya Street, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation; e-mail: zinchenko-yg@ranepa.ru)

Alexander B. Ponamarev – Candidate of Sciences (Sociological), Associate Professor of the Department of Sociology, South Russian Institute of Management, Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (70, Pushkinskaya Street, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation; e-mail: kalvarus94@gmail.com)

References

1. Zinchenko Y.G., Zmiyak S.S., Ponamarev A.B., Ponedelkov A.V. (2025). Forecasts for the development of regional labor markets in the narratives of specialists from employment centers in the Rostov region and the reunited territories of the Russian Federation. *Communology*, 13, 3, 130–140. DOI: 10.21453/2311-3065-2025-13-3-130-140.
2. Kolosova R.P., Razumova T.O., Artamonova M.V. (2019). People and labor in the digital economy (dedicated to the 100th anniversary of the International Labour organization). *Bulletin of Moscow University. Series 6. Economics*, 3, 174–190.
3. Lukyanova A.L. (2021). Digitalization and the gender pay gap. *Economic policy*, 2, 88–117.
4. Otstavnova L.A., Yakharova E.V. (2014). Competitiveness of human resources in the “Human–production” relationship system. *Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Institute of Business*, 2, 145–151.
5. Tsarenko I.V. (2024). Features of the labor market’s influence on the effectiveness of regional economic development: monograph. Perm: Federal state educational institution of higher education Perm institute of the federal penitentiary service of Russia.

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ МОЛОДЕЖИ Г. ТЮМЕНЬ

Аннотация. В работе приведен анализ разных теоретических подходов к определению социального самочувствия, разобраны индикаторы для его изучения, а также представлены данные авторского исследования, проведенного среди молодежи города Тюмень ($n = 406$ чел.). Выявлен уровень удовлетворенности жизнью, наиболее приоритетные жизненные сферы, а также факторы мотивации для улучшения жизни.

Ключевые слова: молодежь, социальное самочувствие, удовлетворенность, оценка жизни.

За многие годы под влиянием экономических, политических, экологических и социальных трансформаций социальное самочувствие стало ключевым индикатором жизненной активности населения. Изучение этого аспекта помогает понять, как в текущих реалиях ощущают себя отдельные личности и крупные социальные коллективы. К числу таких относится молодежь, которая из-за возрастных характеристик чаще сталкивается с повышенной тревогой и чувством неустойчивости.

При этом молодые люди выступают как активная категория, что усиливает значимость анализа их социального самочувствия. Оценка степени удовлетворенности жизнью, финансовым состоянием, карьерным выбором и психическим благополучием позволяет выявлять потенциальные риски неопределенных событий у разных сегментов молодежи и их возможные последствия, как отрицательные, так и благоприятные. Осознание настроений молодежи и особенностей ее социального самочувствия критически важно для точного прогнозирования устойчивости общества, сообществ, групп и отдельных индивидов (Андрианова и др., 2026).

Процесс трансформации охватывает последовательность временных этапов изменений, и каждый такой этап сопровождается социальными эффектами, проявляющимися в виде преобразований социосистемы. Социальная трансформация представляет собой разнообразные сдвиги в обществе, возникающие в результате как целенаправленных (управляемых), так и спонтанных социальных перемен. Трансформация подразумевает характерное изменение социокультурного, в основе которого происходят сдвиги, отражающиеся на всех сферах социальной жизни и ее качестве (Шакирова, Кокорин, 2017). Социальное самочувствие, в свою очередь, является индикатором изменений в обществе, поэтому важно его изучение для понимания направленности этих изменений. Игнорирование изменений в структуре социального самочувствия может сегодня существенно замедлить динамику общественного прогресса в российском социуме (Бойков, 1998).

Помимо социального самочувствия исследователи изучают понятие социального благополучия. Для понимания этого феномена можно обратиться к хэндбуку-справочнику по благосостоянию в редакции Эда Динера и коллег, в котором исследуются разные концепции, представлен обзор ключевых вопросов, дискуссий и критики, а также предлагается сравнительно новое разъяснение широко используемого понятия благополучия/благосостояния (well-being/welfare), уделяя особое внимание эмпирическим перспективам. Исходя из определения Эда Динера и коллег, «субъективное благополучие – это наука о том, когда и почему люди воспринимают и оценивают свою жизнь позитивно, включая такие аспекты, как позитивные чувства, удовлетворенность жизнью и оптимизм» (Diener et al., 2018).

Социологическое исследование социального самочувствия зародилось в середине 1980-х – начале 1990-х гг. и с тех пор развилось в разнообразные методологические подходы. А.С. Балабанов анализирует это понятие на уровне социальных субъектов, определяя его как эмоционально-оценочное отношение людей к окружающей социальной среде и своему положению в ней. На уровне социальных групп и сообществ данный термин характеризует общественные настроения, а также меру стабильности или нестабильности социума (Балабанов, 2003). С.Ю. Барсукова подчеркивает, что сущность понятия заключается в эмоциональном оценочном состоянии, обусловленном субъективным восприятием реальности и собственного места в ней (Барсукова, 2003). В концепции Ж.Т. Тощенко и С. Харченко социальное самочувствие выступает фундаментальным компонентом, начальным уровнем социального настроения, включая «актуальные знания, эмоции, чувства, историческую память и общественное мнение» (Тощенко, Харченко, 1996).

Чтобы измерить социальное самочувствие, нужно определить соответствующие индикаторы. Подходы ученых в этой области различаются. Например, С.А. Алексеев характеризует методологические аспекты анализа социального самочувствия молодежи, определяя ключевые индикаторы, такие как здоровье, безопасность, семейные связи, финансовое положение, условия для отдыха, качество жизненной среды, шансы на самореализацию, а затем углубляет их до 20 переменных (Алексеев, 2025). Другие авторы акцентируют внимание на разных показателях: Л.И. Михайлова фокусируется на объективных факторах (здоровье, бытовые условия, доступ к благам) (Михайлова, 2010), тогда как Д.М. Рогозин подчеркивает жизненные сферы вроде труда, семьи и материального обеспечения (Рогозин, 2007).

Исходя из различных концепций авторов, возможно выработать единую дефиницию и набор индикаторов. Социальное самочувствие выступает комплексной характеристикой, выражающей эмоционально-оценочное отношение индивидов и социальных коллективов к своему статусу в обществе и к окружающей социальной среде. На личностном уровне оно проявляется в осмыслении человеком своего положения в социуме, а на уровне сообществ – в преобладающих общественных настроениях, служа индикатором стабильности или нестабильности общества и основой более сложных элементов общественного сознания.

К объективным показателям относятся финансовое положение человека, его здоровье, жилищно-бытовые условия, специфика профессиональной занятости, степень защищенности, семейный статус и характер отношений в семье. Субъективные индикаторы отражают индивидуальное восприятие этих условий и охватывают удовлетворенность своим общественным положением и аспектами жизни вроде карьеры, семьи и финансов; личную оценку шансов на самореализацию и отдых; ощущение качества среды проживания, а также общий эмоциональный настрой и чувства по отношению к социальной реальности.

Для изучения социального самочувствия молодежи Тюмени проведен авторский онлайн-опрос ($n = 406$ человек в возрасте от 14 до 35 лет). Согласно методологии В.А. Ядова, для генеральной совокупности ($N > 5000$) и объема выборки ($n = 406$) фактическая ошибка выборки не превышает 5% (Ядов, 2007). В табл. 1 представлены результаты тех сфер жизни, которые молодые люди считают наиболее приоритетными.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Ниже приведен ряд показателей, характеризующих качество жизни. Выберите пять наиболее приоритетных для Вас сфер жизни»

Сфера	Частота	%
Безопасность	272	60
Стабильный заработок	220	49
Здоровье	208	46
Комфортные жилищные условия	200	44
Отношения в семье	180	40
Информационная доступность (телефон и Интернет)	156	35
Профессиональная карьера	149	33
Доступность медицинской помощи	144	32
Доступность объектов культуры и отдыха	121	27
Качественное образование	118	26
Развитая коммунальная инфраструктура	116	26
Экология (качество воды и воздуха)	107	24
Источник: составлено авторами.		

Из данных таблицы 1 видно, что наиболее приоритетными сферами жизни среди молодежи являются безопасность (60%), стабильный заработок (49%), здоровье (46%), комфортные жилищные условия (44%) и отношения в семье (40%). В то время как качественное образование (26%), развитая коммунальная инфраструктура (26%) и экология (24%) находятся в конце списка. Эти приоритеты подчеркивают фокус на базовых потребностях, где главное — ощущение комфорта и защищенности в повседневной жизни.

На рисунке 1 показано распределение ответов на вопрос «В какой мере Вас утомляет жизнь, которую Вы сейчас ведете?».

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «В какой мере Вас утомляет жизнь, которую Вы сейчас ведете?» (n = 406), %

Источник: составлено авторами.

Около четверти респондентов (24%) дают нейтральную оценку своей удовлетворенности жизнью. Оптимистичные ответы («по большей части устраивает» – 21% и «вполне устраивает» – 17%) в сумме превосходят негативные варианты, которые выбрало наименьшее количество респондентов. Анализ подтвердил взаимосвязь между удовлетворенностью жизнью и материальным положением: респонденты с более высоким доходом демонстрируют наибольшую удовлетворенность различными аспектами жизни. Наиболее тесная связь наблюдается с удовлетворенностью состоянием здоровья и комфортностью жилищных условий. Эта закономерность подтверждается и другими исследованиями, отмечающими, что материальное благополучие, хотя и является ключевым, но не единственным детерминантом общего самочувствия. Важную роль играют нематериальные факторы, такие как духовное состояние и наличие смысло-жизненных ориентаций (Дьякова и др., 2023). В табл. 2 изображены результаты оценки уровня заинтересованности в изменении/улучшении жизни групп по возрасту.

Таблица 2. Оценка уровня заинтересованности в изменении/улучшении своей жизни, группы по возрасту, %

Уровень заинтересованности	14–17 лет, n = 80	18–22 года, n = 82	23–27 лет, n = 60	28–35 лет, n = 184
Очень заинтересован(а)	25	49	39	29
Скорее заинтересован(а)	39	35	30	29
Скорее не заинтересован(а)	22	8	13	20
Совсем не заинтересован(а)	14	8	18	22

Источник: составлено авторами.

Исходя из данных таблицы, большая часть опрошенных (66%) проявляют интерес к жизненным изменениям, при этом 34% «очень заинтересованы» и 32% «скорее заинтересованы». Полное отсутствие интереса выразили 17% респондентов. Возрастная динамика указывает на то, что наименьшая доля высокой заинтересованности (25%) характерна для группы 14–17 лет, где преобладает умеренная готовность к изменениям (39%). Пик мотивации приходится на возраст 18–22 лет (49% «очень заинтересованы»), что связано с профессиональным становлением, после чего к 23–27 годам уровень высокой заинтересованности снижается до 39%, а доля безразличных возрастает до 18%. К 28–35 годам мотивация к изменениям существенно падает, предположительно из-за скептицизма относительно возможности перемен.

Ключевыми мотиваторами выступают улучшение качества жизни (25%), саморазвитие (25%) и материальное положение (26%), тогда как внешние обстоятельства влияют слабее. В группе 14–17 лет доминируют саморазвитие, финансы и пример окружающих (по 21%). Среди 18–22 лет ведущими мотивами становятся качество жизни (39%) и материальное положение (32%). В возрасте 23–27 лет главными стимулами выступают внешние обстоятельства (24%) и финансы (21%) (при этом доля немотивированных достигает 19%). Основные препятствия для всех возрастов едины: финансовые трудности, дефицит времени и неуверенность в себе (по 25%).

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам:

1. Наиболее приоритетными сферами жизни для молодежи г. Тюмень являются безопасность, стабильный заработок и здоровье, что указывает на значимость базовых потребностей для формирования позитивного самочувствия.

2. Общая удовлетворенность жизнью умеренно положительная, с заметной зависимостью от материального уровня.

3. Пик заинтересованности в жизненных изменениях приходится на возраст 18–22 лет, тогда как к 28–35 годам мотивация к переменам снижается.

4. Основными мотиваторами выступают улучшение качества жизни и материального положения, а главными барьерами – финансовые трудности, нехватка времени и неуверенность в себе.

Таким образом, социальное самочувствие служит важным маркером настроений молодежи, и его систематический контроль обязателен для прогнозирования социальных сдвигов и содействия конструктивным жизненным подходам в этой динамичной группе.

Библиографический список

1. Андрианова Е.В., Давыденко В.А., Хлопунова П.И. (2026). Социальное самочувствие молодежи Тюмени и Пензы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. № 1.
2. Алексеев С.А. (2025). Методологические подходы к изучению социального самочувствия молодежи // Вестник экономики, права и социологии. № 1. С. 239–244. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-239-244.
3. Балабанов А.С. (2003). Социальное неравенство: факторы углубления депривации // Социс. № 7. С. 34–41.
4. Барсукова С.Ю. (2003). Неформальная экономика и система ценностей россиян // Социс. № 1. С. 57–62.
5. Бойков В.Э. (1998). Бумеранг социального самочувствия // Социологические исследования. № 1. С. 87–90.
6. Дьякова В.В., Каргаполова Е.В., Петрова П.И. (2023). Духовное состояние как компонент социального самочувствия молодежи // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Т. 9. № 2 (34). С. 6–19.
7. Михайлова Л.И. (2010). Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. № 3. С. 46–48.
8. Рогозин Д.М. (2007). Тестирование вопросов о социальном самочувствии // Социальная реальность. № 2. С. 97–113.
9. Тощенко Ж.Т., Харченко С. (1996). Концепция социального настроения. Москва: Academia. 195 с.
10. Шакирова Е.Ю., Кокорин В.В. (2017). Революция: социальная трансформация на основе самоорганизации // Социально-гуманитарные знания. № 10. С. 192–197.
11. Ядов В.А. (2007). Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. 3-е изд. Москва: Омега-Л. 567 с.
12. Diener E., Oishi S., Tay L. (2018). Handbook of well-being. Routledge, DEF Publishers.

Информация об авторах

Дмитрий Александрович Киндеев – магистрант, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: stud0000258332@study.utmn.ru)

Полина Игоревна Хлопунова – магистрант, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: stud0000261041@study.utmn.ru)

Kindeev D.A., Khlopunova P.I.

SOCIAL WELL-BEING OF TYUMEN CITY YOUTH

Abstract. *The paper presents an analysis of various theoretical approaches to defining social well-being, analyzes indicators for its study, and presents data from the author's study conducted among young people in the city of Tyumen (n = 406 people). The level of life satisfaction, the most priority areas of life, as well as motivation factors for improving life are identified.*

Keywords: *youth, social well-being, satisfaction, life assessment.*

About the authors

Dmitry A. Kindeev – Master Degree student, Tyumen State University (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: stud0000258332@study.utmn.ru)

Polina I. Khlopunova – Master Degree student, Tyumen State University (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail stud0000261041@study.utmn.ru)

References

1. Andrianova E.V., Davydenko V.A., Khlopunova P.I. (2026). Social well-being of the youth of Tyumen and Penza. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. The Volga region. Social sciences*, 1.
2. Alekseev S.A. (2025). Methodological approaches to the study of social well-being of young people. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 1, 239–244. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-239-244.
3. Balabanov A.S. (2003). Social inequality: factors of deepening deprivation. *Socis*, 7, 34–41.
4. Barsukova S.Yu. (2003). Informal economy and the value system of Russians. *Socis*, 1, 57–62.
5. Boykov V.E. (1998) Boomerang of social well-being. *Sociological studies*, 1, 87–90.
6. Diener E., Oishi S., Tay L. (2018). Handbook of well-being. Routledge, DEF Publishers.
7. Dyakova V.V., Kargapolova E.V., Petrova P.I. (2023). Spiritual state as a component of social well-being of young people. *Bulletin of Tyumen state university. Social, economic and legal studies*, 9, 2(34), 6–19.
8. Mikhailova L.I. (2010). Social well-being and perception of the future by Russians. *Sociological studies*, 3, 46–48.
9. Rogozin D.M. (2007). Testing questions about social well-being. *Social reality*, 2, 97–113.
10. Toshchenko Zh.T., Kharchenko S. (1996). Concept of social mood. Moscow: Academia.
11. Shakirova E.Yu., Kokorin V.V. (2017) Revolution: social transformation based on self-organization. *Social and Humanitarian Knowledge*, 10, 192–197.
12. Yadov V.A. (2007). Strategy of sociological research. Description, explanation, understanding of social reality. 3rd ed. Moscow: Omega-L.

НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЕДЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ МАРКЕТПЛЕЙСОВ

Аннотация. *Статья анализирует изменения поведения покупателей на маркетплейсах: поиск товаров, влияние рекомендаций и отзывов, изменение отношения к брендам. Делается вывод, что маркетплейсы формируют новую цифровую среду потребления.*

Ключевые слова: *маркетплейс, потребительское поведение, цифровая среда, покупатель, продавец.*

Цифровизация экономики и развитие информационных технологий оказывают значительное воздействие на различные сферы общественной жизни, включая систему потребления. Одним из наиболее динамично развивающихся сегментов является электронная коммерция, ключевую роль в которой играют маркетплейсы. Их распространение способствует трансформации механизмов выбора товаров, формированию новых моделей взаимодействия между продавцами и покупателями, а также изменению структуры потребительского поведения. Целью статьи является определение основных направлений развития поведения потребителей в условиях распространения маркетплейсов. Результаты исследования позволяют систематизировать существующие знания о потребительском поведении в условиях цифровой экономики и выявить ключевые направления его трансформации под влиянием маркетплейсов.

Актуальность исследования обусловлена быстрым развитием электронной коммерции и расширением роли маркетплейсов в системе современной торговли. Согласно аналитическому исследованию агентства Data Insight, рынок электронной коммерции продолжает демонстрировать устойчивый рост. В 2024 году объем рынка розничной интернет-торговли в России достиг 11,2 трлн рублей, а общее количество выполненных онлайн-заказов составило 6,8 млрд. При этом по сравнению с предыдущим годом количество заказов увеличилось на 45%, что свидетельствует о продолжающемся расширении цифровых каналов потребления и активном использовании онлайн-платформ для приобретения товаров¹. Распространение электронной коммерции сопровождается значительным ростом аудитории онлайн-платформ. Согласно данным исследовательской компании Mediascope, среднемесячный охват площадок электронной торговли в 2025 году достиг около 80% населения России старше 12 лет, при этом 52% пользователей обращаются к электронным сервисам ежедневно².

Расширение роли маркетплейсов приводит к изменению повседневных потребительских практик, поскольку покупка товаров все чаще осуществляется посредством цифровых платформ. Это влияет на способы поиска информации, принятия решений о покупке и оценки качества продукции. В результате формируются новые модели поведения потребителей, адаптированные к особенностям платформенной среды.

Несмотря на активное развитие электронной коммерции и широкое распространение маркетплейсов, вопрос о том, каким образом платформенная среда влияет на структуру потребительского поведения, остается недостаточно систематизированным. Большинство исследований посвящено отдельным аспектам онлайн-покупок – влиянию отзывов, алгоритмических рекомендаций или ценовой конкуренции, тогда как комплексный анализ направлений трансформации потребительских практик в условиях маркетплейсов требует дальнейшего научного осмысления.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

1. рассмотреть потребление через призму социологической науки;
2. проанализировать основные направления трансформации потребительского поведения в условиях распространения маркетплейсов;
3. Обобщить выявленные тенденции изменения потребительских практик в платформенной цифровой среде.

¹ Интернет-торговля в России // Data Insight. 2025. URL: https://datainsight.ru/sites/default/files/eCommerce_2025.pdf

² Аудитория E-com // Mediascope. 2025. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/958/5sd52fq5leoqc2a2h4bkv5v2hoa48n5/HPF_Mediascope_ecom.pdf

В социологической литературе потребление рассматривается как сложный социальный процесс, включающий различные формы взаимодействия человека с товарами и услугами. Одним из подходов к анализу данного явления является концепция, предложенная А. Вардом, в которой потребление трактуется как совокупность взаимосвязанных процессов. Согласно данному подходу, потребление включает три ключевых элемента: приобретение, присвоение и оценивание. Приобретение представляет собой обмен, осуществляемый посредством рыночных и иных механизмов и обеспечивающий получение ресурсов для индивидуального и домохозяйственного обеспечения. Присвоение включает практические действия, связанные с использованием товаров и услуг для личных и социальных целей. Оценивание охватывает процессы формирования значений и смыслов, связанных с обеспечением и использованием благ (Warde, 2017, p. 19). Такое понимание позволяет рассматривать потребление не только как экономический акт покупки товаров, но и как социальную практику, включающую использование благ и формирование символических значений в повседневной жизни.

В условиях развития цифровой экономики значительное значение приобретают технологические факторы, связанные с распространением онлайн-платформ и цифровых сервисов. Маркетплейс – онлайн-платформы, объединяющие большое количество продавцов и предлагающие широкий ассортимент товаров в едином интерфейсе для пользователей (Вертакова и др., 2025, с. 63). В современном контексте явление маркетплейсов создает новую среду взаимодействия между покупателями и продавцами, что приводит к изменению способов поиска информации о товарах, оценки их качества и принятия решений о покупке.

Масштаб распространения маркетплейсов, фиксируемый аналитическими агентствами, закономерно ставит вопрос о качественных изменениях в поведении потребителей. Рост числа онлайн-заказов, увеличение ежедневной аудитории платформ и смещение поисковой активности в мобильную среду формируют устойчивые тренды, требующие систематизации. Далее будут рассмотрены основные направления трансформации потребительского поведения, выделяемые в современных исследованиях электронной коммерции.

Наиболее заметные изменения происходят на этапе приобретения. Перенос покупательской активности на маркетплейсы трансформирует способы поиска – ключевую роль начинают играть алгоритмические рекомендации, персонализированные предложения и системы фильтрации. Как отмечает Р.Н. Магомедова, «алгоритмы машинного обучения постоянно отслеживают поведение пользователей, выявляют закономерности в их взаимодействии с платформой и с высокой точностью формируют индивидуальные товарные подборки» (Магомедова, 2023, с. 547). Д. Старк и И. Паиш указывают, что в условиях платформенной экономики формируется особый тип «алгоритмического управления», где алгоритмы не просто предлагают товары, но и структурируют сам процесс поиска, ранжируя варианты и задавая параметры сравнения, чем фактически направляют потребительское поведение (Старк, Паиш, 2021, с. 81). В результате структура потребительского выбора в значительной степени определяется интерфейсом платформы и алгоритмами обработки пользовательских данных.

Важным направлением изменений является также снижение транзакционных издержек поиска информации о товарах. Возможность сравнения большого количества предложений в едином интерфейсе существенно упрощает процесс выбора и сокращает время принятия решения о покупке. По данным отчета «Поиск 2026: роль маркетплейсов...»: 71% онлайн-покупателей ответили, что часто ищут товары на маркетплейсах, тогда как поиск в обычных интернет-магазинах часто используют почти втрое меньше респондентов – 26%. При этом 28% покупателей предпочитают маркетплейсы другим способам поиска, что ставит их в один ряд с поисковыми системами как основным инструментом навигации в товарном пространстве. Более того, расширение мобильных технологий усиливает данные тенденции. Покупки все чаще совершаются через мобильные приложения маркетплейсов, что делает процесс приобретения товаров частью повседневной цифровой активности. Как фиксирует Mediascore, мобильные устройства стали доминирующим каналом выхода в интернет: 79% пользователей осуществляют поисковые запросы со смартфонов, тогда как на «десктоп» приходится лишь 39% запросов³. Возможность совершать покупки в любое время и из любой точки повышает частоту взаимодействия пользователей с платформами и способствует интеграции потребления в ежедневные практики.

³ Там же.

Трансформация потребительского поведения также проявляется в изменении отношения к брендам. В условиях маркетплейса традиционная лояльность к производителю уступает место лояльности к платформе как гаранту надежности и удобства. Потребитель все чаще ориентируется не на знакомое название бренда, а на комплексные показатели: рейтинг товара, количество отзывов, скорость доставки и условия возврата. Согласно отчету компании «Ашманов и партнеры», при в поисковых системах покупатели обращают внимание преимущественно на бренд магазина и опыт предыдущих покупок, тогда как на маркетплейсах выбор в значительно большей степени определяется рейтингом и знанием самого товара⁴. Исходя из этого, для продавцов на маркетплейсах принципиальное значение приобретает не столько формирование собственного бренда, сколько работа с товарными рейтингами и отзывами, поскольку именно они выступают основным фактором потребительского выбора в платформенной среде.

Дополнительным фактором трансформации поведения потребителей становится высокая степень ценовой прозрачности, характерная для цифровых платформ. Пользователи получают доступ к информации о стоимости аналогичных товаров у разных продавцов, а также к данным о скидках и акциях. В этих условиях возрастает чувствительность потребителей к ценовым предложениям, а процесс покупки все чаще сопровождается поиском наиболее выгодных вариантов.

Изменения затрагивают и механизмы оценивания товаров. Отсутствие непосредственного контакта с продукцией до момента ее получения усиливает зависимость потребителей от информационной среды платформы (Юдалевич, 2023, с. 68). В этих условиях ключевым источником информации становятся пользовательские отзывы и рейтинги, формирующие коллективные представления о качестве товара и надежности продавца. Решения о покупке все чаще принимаются на основе агрегированных оценок других покупателей, которые выступают своеобразным механизмом социальной верификации информации. Наряду с текстовыми отзывами возрастает значение визуальной достоверности представления товаров. Фотографии и видеоматериалы, размещенные покупателями, позволяют потенциальным потребителям сопоставить рекламное описание товара с реальным опытом его использования. Наличие пользовательского визуального контента снижает неопределенность онлайн-покупки и формирует дополнительный уровень доверия к информации о товаре (Красновская и др., 2022, с. 13).

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Рассмотренные тенденции позволяют взглянуть на маркетплейсы не просто как на канал продаж, а как на среду, которая задает новые правила взаимодействия между продавцами и покупателями. В ней привычные механизмы потребительского выбора претерпевают существенные изменения. Ключевую роль начинают играть алгоритмические рекомендации и системы фильтрации, которые структурируют товарное пространство и во многом определяют, какие позиции окажутся в поле зрения покупателя. Одновременно возрастает значимость пользовательских оценок: отзывы и рейтинги становятся основным источником информации о качестве товара, замещая в этой функции рекламные описания продавцов.

2. Меняется отношение потребителей к участникам рыночного обмена. Если в традиционной рознице покупатель выстраивал связь непосредственно с магазином или производителем, то на маркетплейсах этот контакт опосредован платформой. Продавец оказывается в тени: потребитель взаимодействует с интерфейсом площадки, ориентируется на ее условия доставки и возврата, пользуется ее программами лояльности. Производитель или конкретный магазин перестают быть главным ориентиром – на первый план выходят показатели, агрегированные платформой: рейтинг товара, количество отзывов, позиция в выдаче.

3. В более широкой перспективе можно говорить о том, что покупка перестает быть отдельным действием, требующим специальных усилий, и все чаще встраивается в повседневную цифровую активность человека. Выбор и приобретение товаров происходят естественно – в те же минуты, когда пользователь листает ленту, общается в мессенджерах или смотрит видео. Маркетплейсы становятся не просто местом для покупок, а привычным элементом повседневности, фоном, на котором строится обычный день.

⁴ Поиск 2026: Роль маркетплейсов при выборе товаров – потребительские тренды. Ашманов и партнеры. 2026. URL: https://www.ashmanov.com/static/files/search-trends-2026-marketplaces.pdf?ysclid=mmm_07vh3u8185550739

Библиографический список

1. Вертакова Ю.В., Волкова А.А., Плотников В.А. (2025). Маркетплейс как форма организации цифрового рыночного пространства: анализ экономической сущности // Цифровые модели и решения. Т. 4. № 2. С. 59–70.
2. Красноставская Н.В., Божук С.Г., Плетнева Н.А., Бочарникова А.В. (2022). Влияние онлайн отзывов покупателей на процесс принятия решения о покупке изделий ручной работы // Вестник евразийской науки. Т. 14. № 6. С. 1–18.
3. Магомедова Р.Н. (2023). Трансформация потребительского поведения на рынке e-commerce // Вопросы управления. Т. 17. № 6. С. 20–34.
4. Старк Д., Паис И. (2021). Алгоритмическое управление в экономике платформ // Экономическая социология. Т. 22. № 3. С. 71–103.
5. Юдалевич Н.В. (2023). К вопросу о важности предоставления отзывов при покупках на маркетплейсах // Бизнес-образование в экономике знаний. № 2 (25). С. 67–72.
6. Warde A. (2017). Consumption: a sociological analysis. London: Palgrave Macmillan.

Информация об авторе

Мирослава Святославовна Князева – магистрант, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: Miroslava.knyazeva.03@mail.ru)

Knyazeva M.S.

DIRECTIONS OF CONSUMER BEHAVIOR IN THE MARKETPLACE ENVIRONMENT

Abstract. *The article analyzes changes in consumer behavior on marketplaces: product search, the influence of recommendations and reviews, and the changing attitude toward brands. It concludes that marketplaces form a new digital consumption environment.*

Keywords: *marketplace, consumer behavior, digital environment, buyer, seller.*

About the author

Miroslava S. Knyazeva – Master Degree Student, Tyumen State University (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: Miroslava.knyazeva.03@mail.ru)

References

1. Vertakova Yu.V., Volkova A.A., Plotnikov V.A. (2025). Marketplace as a form of organising digital market space: analysis of economic essence. *Digital models and solutions*, 4, 2, 59–70.
2. Krasnostavskaya N.V., Bozhuk S.G., Pletneva N.A., Bocharnikova A.V. (2022). The influence of online customer reviews on the purchase decision process for handmade products. *The Eurasian scientific journal*, 14, 6, 1–18.
3. Magomedova R.N. (2023). Analyzing consumer behavior in the e-commerce market in connection with marketing tools transformation. *Management issues*, 17, 6, 20–34.
4. Stark D., Pais I. (2021). Algorithmic Management in the Platform Economy. *Journal of Economic Sociology*, 22, 3, 71–103.
5. Yudalevich N.V. (2023), On the Importance of providing reviews when shopping on marketplaces, *Business Education in the Knowledge Economy*, 2, 25, 67–72.
6. Warde A. (2017). Consumption: a sociological analysis. London: Palgrave Macmillan.

СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ БЮДЖЕТ: СТРУКТУРА И ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. *На фоне современных геополитических трансформаций и экономической нестабильности субъекты РФ обязаны выполнять социальные обязательства и достигать национальных целей, главным источником для этого выступает бюджет как ведущее звено финансовой системы.*

Ключевые слова: *бюджетная система, бюджет, бюджетная политика, социальная сфера.*

Благодарность

Исследование выполнено в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2025-0011 «Обеспечение устойчивости экономики регионов в контексте укрепления технологического суверенитета и национальной безопасности».

Бюджет представляет собой важнейший инструмент государственной политики, обеспечивающий выполнение социальных обязательств перед гражданами и создающий условия для устойчивого развития территорий. Его успешная реализация требует грамотного планирования, прозрачности расходования средств и гибкости в адаптации к изменяющимся условиям внешних вызовов.

Несмотря на высокую неопределенность глобальных процессов бюджет РФ является социально ориентированным, в структуре расходов которого приоритетным является финансирование социальной сферы. Его ключевая цель направлена на обеспечение социальной стабильности, повышение уровня и качества жизни населения, снижение уровня бедности. Отличительным признаком такого бюджета является высокая доля расходов на социальную сферу. Для реализации социально ориентированного бюджета государство использует программный подход к его формированию, в частности, государственные программы социального развития, направленные на поддержку уязвимых групп населения (дети, пенсионеры, инвалиды, многодетные семьи, малоимущие и т. д.), развитие образования и здравоохранения и др. При этом основным принципом его исполнения является гарантированное выполнение социальных обязательств государства (пенсии, пособия, льготы) и доступность базовых социальных услуг (медицина, образование, культура) для всех категорий граждан.

Структура расходов бюджетной системы Российской Федерации включает в себя обеспечение следующих основных приоритетов:

- 1) Социальная поддержка граждан (расходы на образование, здравоохранение и др.).
- 2) Укрепление национальной обороноспособности и безопасности.
- 3) Достижение национальных целей развития¹.

При этом финансирование расходов на социальную политику составляет более 28% от общего объема расходов; на укрепление национальной обороноспособности и безопасности – около 20%; на развитие национальной экономики и сферы ЖКХ – около 19%.

Специалистами Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования² подготовлены аналитические материалы о параметрах и приоритетах бюджетной политики на 2026–2028 гг. В частности, автором отмечено наибольшее увеличение следующих расходов к 2028 году: обслуживание государственного долга (25,9%), кинематограф, культуру и СМИ (25,5%), образование (16,1%), национальную экономику и охрану окружающей среды (15,1%; *рис. 1*).

¹ Аблаев Э.Ю. О проекте федерального бюджета на 2026–2028 гг. // Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. URL: http://www.forecast.ru/_Archive/analytics/Ablaev/bud20262028.pdf

² Там же.

Рис. 1. Изменение объема расходов бюджета РФ к 2021 году в разрезе структуры в 2026–2028 гг.

* Данные за 2025 год – без учета корректировок в течение года.

Источник: составлено автором по данным Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. URL: http://www.forecast.ru/_Archive/analitics/Ablaev/bud20262028.pdf.

Кроме федерального ежегодно разрабатываются региональные и местные бюджеты, которые принимают региональные и местные законодательные органы власти соответственно. Именно их совокупность и взаимосвязь создает трехуровневую бюджетную систему Российской Федерации.

В частности, бюджет Вологодской области также имеет социальную направленность, что подтверждает сохраняющаяся на протяжении многих лет структура расходов бюджета с доминирующей социальной направленностью (около 60% расходов ежегодно; табл. 1). Приоритетными с позиции бюджетного финансирования в 2025 году были следующие расходы: социальная политика (24,0%), образование (20,2%) и национальная экономика (21,9%). При этом снижение основных направлений расходов областного бюджета вызвано уменьшением доходов как федерального, так и регионального бюджетов на фоне сложных макроэкономических условий. Как отмечается в вышеупомянутом докладе, «в условиях трансформации как экономики, так и бюджетной системы, сопровождающейся снижением сырьевых доходов, перестройка структуры доходов бюджета является объективной необходимостью»³.

Так, в 2025 году по сравнению с 2021 годом снизилась доля расходов на социальную политику (на 3 п. п.), здравоохранение (на 2 п. п.), национальную экономику (на 3,2 п. п.). На 4,3 п. п. произошел рост расходов на жилищно-коммунальное хозяйство в структуре расходов областного бюджета. Остальные направления расходов увеличились незначительно: культура и кинематограф – 1,0 п. п., образование – 0,4 п. п., общегосударственные вопросы – 0,3 п. п.

³ Там же.

Таблица 1. Структура основных направлений расходов бюджета Вологодской области, %

Раздел расходов	2021 год	2022 год	2023 год	2024 год	2025 год	Изменение 2021–2025 гг., п. п.
Социальная сфера, в том числе:	61,4	60,0	55,8	52,2	57,9	-3,5
<i>социальная политика</i>	27,0	26,1	23,4	20,2	24,0	-3,0
<i>образование</i>	19,8	20,3	20,5	20,5	20,2	0,4
<i>здравоохранение</i>	11,7	9,6	8,7	8,3	9,7	-2,0
<i>культура, кинематография</i>	1,3	1,6	1,6	1,7	2,3	1,0
<i>физическая культура и спорт</i>	1,7	2,4	1,6	1,6	1,7	0,0
<i>Национальная экономика</i>	25,1	25,5	27,3	27,1	21,9	-3,2
Межбюджетные трансферты	5,2	5,9	6,3	7,2	2,1	-3,1
Общегосударственные вопросы	3,6	3,4	3,5	8,5	3,9	0,3
ЖКХ	2,8	3,2	5,1	4,1	7,1	4,3

Источник: составлено автором по данным Федерального Казначейства России. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzheto/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/>

Отдельные изменения можно выявить и в относительной динамике объемов финансирования ключевых направлений социально-экономического развития Вологодской области из средств областного бюджета. Ухудшение ситуации в экономике повлекла за собой снижение расходов и на экономическую, и на социальную сферы. В частности, расходы на национальную экономику составили лишь 78,3% к оценке 2024 года, общегосударственные вопросы – 91,5%, образование – 95,8%, ЖКХ – 96,0% (табл. 2). При этом в 2025 году наблюдались более высокие темпы роста изменения объема финансирования культуры и кинематографии (126,7% в 2025 году по сравнению с 2024 годом), здравоохранения (113,1%), физической культуры и спорта (103,6%).

Таблица 2. Изменение объема финансирования ключевых направлений социально-экономического развития Вологодской области из средств областного бюджета, % к предыдущему году

Раздел расходов	2022 год	2023 год	2024 год	2025 год
Социальная политика	109,1	100,0	105,4	115,4
Образование	115,5	112,2	126,3	95,8
Здравоохранение	92,4	100,9	121,0	113,1
Культура, кинематография	140,6	114,0	59,2	126,7
Физическая культура и спорт	161,2	74,0	77,8	103,6
Национальная экономика	114,2	119,2	113,8	78,3
Общегосударственные вопросы	107,1	112,9	68,9	91,5
ЖКХ	128,0	181,8	121,6	96,0

Источник: составлено автором по данным Федерального Казначейства России. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzheto/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/>

Таким образом, несмотря на имеющиеся риски в условиях меняющейся геополитической и экономической реальности, бюджет ориентирован на обеспечение сбалансированности и более полное финансирование стратегических задач развития региона и государства в целом.

Информация об авторе

Екатерина Дмитриевна Копытова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ekaterina-razgylina@yandex.ru)

Kopytova E.D.

SOCIALLY ORIENTED BUDGET: STRUCTURE AND PRIORITY AREAS

Abstract. *Against the background of modern geopolitical transformations and economic instability, the subjects of the Russian Federation are obliged to fulfill social obligations and achieve national goals, the main source for this is the budget as the leading link in the financial system.*

Keywords: *budget system, budget, budget policy, social sphere.*

About the author

Ekaterina D. Kopytova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ekaterina-razgylina@yandex.ru)

ИНТЕГРАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕДАКЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

Аннотация. Редакционно-издательский процесс перестал быть узкофункциональной цепочкой подготовки издания. Он стал «пошаговым планом реализации жизненного цикла – от проекта до сбыта (или даже утилизации) экземпляра и/или архивации электронного файла на специальном сервере», где ключевые этапы связываются с цифровыми инструментами и платформами. Сегодня редакционный процесс функционирует как интегрированная цифровая экосистема, в которой контент создается, адаптируется и распространяется одновременно по множеству каналов: сайтам и блогам, мобильным приложениям, подкаст-платформам, видеохостингам и социальным сетям; опирается на цифровые CMS, облачные коллаборации, инструменты для обработки данных и визуализации, автоматизированные сервисы для распределения контента и алгоритмической оптимизации охвата.

Ключевые слова: процесс цифровизации, преобразование традиционных моделей, этапы связываются с цифровыми инструментами и платформами, редакционный процесс как интегрированная цифровая экосистема, интегрированная медиасистема.

Необходимость в цифровизации обусловлена современными аспектами мирового развития. Процесс цифровизации достаточно широко распространился во все сферы человеческой жизни и становится неотъемлемой частью повседневного существования, преобразуя традиционные модели взаимодействия на уровне индивидуумов и организаций, в культурной же сфере цифровизация – это творческий процесс, ориентированный на иную, улучшенную подачу информации (Назметдинова и др., 2026, с. 7–8). Мы рассмотрим цифровизацию в редакционном процессе. Проведенный нами анализ изданий показал, что в 2019 году число зарегистрированных печатных изданий в России сократилось на 40%, а зарегистрированных электронных форматов выросло на 37%, что существенно изменило подходы в работе издательств и редакций.

Как отмечает В.В. Червонящий, цифровизация перестроила внутреннюю организацию редакции и профессиональные роли. Возникли междисциплинарные команды (дата-журналисты, UX-редакторы, SMM-менеджеры, продакшн-специалисты), требования к навыкам стали гибридными (кодирование, визуализация, работа с аналитикой, модерация), но также породило системные риски: зависимость от алгоритмов платформ и от внешних агрегаторов, давление на качество в условиях дефицита внимания и гонки за охват, усиление распространения дезинформации и потребность в новых механизмах верификации, правовая и этическая неопределенность в цифровом регулировании, кадровая деформация (риск де-скильности и коммерциализации редакционной функции) и неравномерность цифровой зрелости регионов и издательств (Червонящий, 2023).

Н.Г. Берзина и Н.Б. Лезунова также фиксируют фундаментальный сдвиг: редакционно-издательский процесс перестал быть узкофункциональной цепочкой подготовки издания «к печати» и превратился в «объемный» многоуровневый цикл, охватывающий весь жизненный путь продукта – от замысла до финальной реализации и архивирования. По их формулировке сегодня под этим процессом понимается «совокупность управленческих, организационно-административных, творческих, производственно-технических и информационно-маркетинговых задач и работ, направленных на создание изданий и их эффективную реализацию в едином медийном пространстве» (Берзина, Лезунова, 2025), что радикально расширяет круг профессиональных задач редакции.

Традиционные операции (редактирование, корректура, верстка, допечатная подготовка) сохраняют значение как техническая база, но одновременно с этим на первый план выходят маркетинг, аналитика спроса, платформенная логистика и правовое сопровождение. Так, Н.Г. Берзина и Н.Б. Лезунова подчеркивают, что цифровая трансформация изменила форму текста СМИ (теперь это чаще контент), породила триединство форматов (печатный, электронный и аудио) и сформировала новую экономику распространения (Берзина, Лезунова, 2025).

Как мы выяснили, цифровая трансформация демонстрирует сбалансированный подход. Нами проведен анализ 150 региональных и федеральных изданий, многие из которых (120) сохраняют традиционную печатную версию, но активно осваивают онлайн-форматы, делая ставку на оперативность, мультимедийность и удобство навигации. Это позволяет не только удерживать существующую аудиторию, но и привлекать новых читателей, привыкших к быстрому и разноплановому потреблению информации. Определенный интерес с точки зрения трансформации контента под влиянием СМИ представляют социальные сети. Печатные издания представлены в Одноклассниках, ВКонтакте, в Telegram. Каждая из сетей имеет свои особенности и требует адаптации контента под специфику сети.

Один из заметных трендов – адаптация контента под мобильные устройства. Большинство страниц корректно отображаются на смартфонах: шрифты читаемы, изображения сжимаются без потери качества, а меню становится выпадающим. Это критично для аудитории, которая потребляет новости «в движении»: по данным счетчиков, до 60% трафика приходит с мобильных гаджетов. Анализ контента показывает, что редакция осознанно адаптирует материалы под специфику соцсети. Тексты становятся короче, структурированнее, с четкими подзаголовками и списками, чтобы читатель мог быстро уловить суть. Активно используются визуальные акценты – яркие фотографии городских пейзажей, событий, героев статей; иногда – инфографика (например, схемы изменений в городском транспорте или графики роста цен). Новости о местных событиях (открытие парка, авария на сетях, культурный фестиваль) появляются в группе в течение 10–20 мин., в федеральных изданиях от 20 мин. И до двух часов после происшествия, что создает ощущение прямого диалога с аудиторией.

Еще один заметный тренд – тематическая сегментация. В ленте чередуются разные типы контента: срочные новости (аварии, ЧП, изменения в расписании транспорта); культурные анонсы (премьеры, выставки, концерты); социальные темы (ЖКХ, благоустройство, образование); исторические зарисовки («Наш город вчера» – цикл о старых зданиях и событиях). Такой микс, как показал анализ аудитории, удерживает внимание разновозрастных потребителей контента: от молодых пользователей (18–35 лет), интересующихся развлечениями, до старшего поколения (50+), ценящего событийный материал, материал по культуре и истории.

Вместе с тем видны и зоны для развития. Например, редко используются подкасты или лонгриды с глубокой визуализацией данных (графики, инфографика), которые могли бы усилить аналитический блок. Также пока ограничен функционал персонализации: читатель не может подписаться на уведомления по интересующим его темам или сохранить материалы в личный кабинет.

Анализируя технологические и организационные последствия цифровизации для самой схемы процесса, заметим, что он стал «пошаговым планом реализации жизненного цикла – от проекта до сбыта (или даже утилизации) экземпляра и/или архивации электронного файла на спец. сервере», где ключевые этапы связываются с цифровыми инструментами и платформами. На уровне производства это выражается в массовом внедрении цифровой верстки, автоматизированных рабочих потоков для подготовки электронных и аудиоверсий; на уровне распространения – в доминировании маркетплейсов (Ozon, Wildberries, «Яндекс.Маркет») и социальных каналов (Telegram-каналы как «интернет-журналы») (Берзина, Лезунова, 2025).

Следует отметить, что вместо линейного выпуска материалов в рамках печатного номера в проанализированных нами редакциях выстраивается многоступенчатый цикл публикаций: сначала – лаконичный анонс с ключевой информацией и призывом перейти на сайт, затем – развернутый текст с дополнениями, а в отдельных случаях – мультимедийный пост с видео, фотогалереей или интерактивными элементами.

Необходимо обратить внимание и на факт возрастающей роли искусственного интеллекта (ИИ) в редакционном процессе: от озвучивания до автоматизации иллюстраций и перевода, при этом, однако, ИИ «не может пока полноценно заменить человека» (Берзина, Лезунова, 2025). Для всех типов СМИ остается необходимость появления новых профессий (цифровой лингвист, эксперт по ИИ-этике, медиаполицейский). Не менее важны и институциональные проблемы: недостаточная статистика по сетевым изданиям, правовые пробелы, а также угроза пиратства, с которой пытаются бороться техническими средствами (цифровые отпечатки контента) и нормативными мерами (закон о блокировке «зеркал»), угроза фейков и дипфейков.

В результате, традиционная линейная цепочка подготовки материалов смещается в сторону непрерывного, многопоточного и кроссплатформенного цикла: поиск информации, создание материала, мультимедийная сборка, проверка материала и мгновенная публикация теперь происходят в реальном времени, а редакционные решения все чаще принимаются в рамках постоянной обратной связи с аудиторией. Выделяются специфические качества новых медиа, такие как мультимедийность, интерактивность, наличие обратной связи от пользователей, которые становятся определяющими параметрами современного редакционного процесса. Это означает, что редакция теперь не только собирает и проверяет факты, но и проектирует визуальные и интерактивные формы подачи, оптимизирует контент под мобильные интерфейсы, учитывает алгоритмическое распределение и персонализацию и вводит новые роли (SMM-редактор, дата-журналист, мультимедийный продюсер) (Бахадиванд, Растегари, 2020, с. 596).

Одновременно с ускорением циклов изменилась и экономика процесса: приоритет оперативности и масштабируемости онлайн-распространения сочетается с давлением монетизации (контекстная реклама, таргетинг), что заставляет редакции внедрять инструментальные решения для аналитики аудитории и автоматизации рабочего потока, сохраняя при этом стремление к качественному, аналитическому контенту в печатных приложениях как способу дифференциации. Многие авторы считают ключевыми инструментами цифровой журналистики те технологические и медиаплатформенные ресурсы, которые обеспечивают быстрый доступ к информации, ее обработку и немедленную публикацию – прежде всего Интернет, мобильные устройства и социальные сети (Назметдинова, Куличев, 2026).

Таким образом, сегодня редакционный процесс функционирует как интегрированная цифровая экосистема, в которой контент создается, адаптируется и распространяется одновременно по множеству каналов: сайтам и блогам, мобильным приложениям, подкаст-платформам, видеохостингам и социальным сетям. Происходит переход от периодичности к постоянной публикации и одноканального производства к модульной сборке материалов (текст + фото + видео + инфографика + интерактив), а также появление инструментов и практик, направленных на вовлечение аудитории и оперативную верификацию (коммуникация через комментарии, социальные опросы, краудсорсинг источников).

Редакционные процессы теперь опираются на цифровые CMS, облачные коллаборации, инструменты для обработки данных и визуализации, автоматизированные сервисы для распределения контента и алгоритмической оптимизации охвата. При этом сохраняется риск цифрового неравенства и фрагментации аудитории, а трансформация средств массовой информации в контексте перехода на цифровые технологии является очень значимым структурным элементом всей системы общества (Бахадиванд, Растегари, 2020). Поэтому современный редакционный процесс должен сочетать оперативность, мультимедийность и аудиторио-ориентированность с усиленными стандартами проверки, качества и инклюзивности доступа к контенту.

В совокупности проанализированного материала и анализа редакционной деятельности изученных нами изданий можно сделать вывод, что современный редакционно-издательский процесс уже не конвейер печати, а интегрированная медиасистема (цифровая экосистема), где содержание проектируется и производятся все возможные форматы, одновременно разрабатывается канальная стратегия продаж и обеспечивается правовая и техническая защита. Для успешной работы в этой системе издатель должен сочетать традиционную технологическую компетентность с маркетинговой, цифровой и правовой экспертизой.

Библиографический список

1. Бахадиванд Ч.З., Растегари С. (2020). Трансформация средств массовой информации в контексте перехода на цифровые технологии // МНКО. № 6 (85). С. 594–597.
2. Берзина Н.Г., Лезунова Н.Б. (2025). Изменения технологии редакционно-издательского процесса в цифровую эпоху // Вестник СПбГИК. № 62. С. 160–166.
3. Назметдинова И.С., Куличев К.М. [и др.]. (2026). Цифровизация медиаиндустрии: подходы, понятия, проблемы // Образование в цифровую эпоху: цифровые решения в образовательной практике: монография. Санкт-Петербург: ГНИИ «Нацразвитие». С. 6–15.
4. Назметдинова И.С., Куличев К.М. (2026). Цифровые инструменты в журналистской практике: классификация и функциональные возможности // Проблемы современного педагогического образования: сборник научных трудов. Ялта: РИО ГПА. Вып. 90. Ч. 2. С. 178–180.
5. Червонящий В.В. (2023). Цифровая трансформация журналистики: роль креатива и диджитал-технологий // Практический маркетинг. № 5. С. 40–49.

Информация об авторах

Кирилл Михайлович Куличев – студент, Шэньчжэньский университет МГУ–БИТ (SMBU) (Китайская Народная Республика, 518172, г. Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюеюань, д. 1; e-mail: i.nazmetdinova@yandex.ru)

Ирина Сайрановна Назметдинова – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социологии и медиакоммуникаций, Российский государственный университет социальных технологий (Российская Федерация, 107150, г. Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49); доцент кафедры общегуманитарных наук и межкультурных коммуникаций, Московский международный Университет (Российская Федерация, 125040, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 17; e-mail: i.nazmetdinova@yandex.ru)

Kulichev K.M., Nazmetdinova I.S.

INTEGRATION OF DIGITAL TECHNOLOGY INTO THE EDITING PROCESS

Abstract. *The authors note that the process of digitalization has spread widely to all areas of human life and has become an integral part of everyday existence, transforming traditional models, restructuring the internal organization of editorial offices, and changing professional roles. Today, the editorial process functions as an integrated digital ecosystem where content is created, adapted, and distributed simultaneously across multiple channels, including websites and blogs, mobile applications, podcast platforms, video hosting services, and social media. This is facilitated by the use of digital content management systems, cloud-based collaboration tools, data processing and visualization tools, automated content distribution services, and algorithmic optimization for reach.*

Keywords: *the process of digitalization, the transformation of traditional models, the stages associated with digital tools and platforms, and the editorial process as an integrated digital ecosystem, integrated media system.*

About the authors

Kirill M. Kulichev – student, Shenzhen University of Moscow State University-BIT (SMBU) (1, Gojiexueyuan Road, Shenzhen, 518172, People's Republic of China)

Irina S. Nazmetdinova – Candidate of Sciences (Pedagogical), Professor of the department of sociology and media communications, Russian State University of Social Technologies (49, Losinoostrovskaya Street, Moscow, 107150, Russian Federation); Associate Professor of the department of general humanities and intercultural communications, Moscow International University (17, Leningradsky Avenue, Moscow, 125040, Russian Federation; e-mail: i.nazmetdinova@yandex.ru)

References

1. Bahadivand Ch.Z., Rastegari S. (2020). Transformation of mass media in the context of the transition to digital technologies. *MNKO*, 6(85), 594–597 p.
2. Berzina N.G., Lezunova N.B. (2025). Changes in the technology of the editorial and publishing process in the digital age. *Vestnik SPbGIK*, 62, 160–166.
3. Nazmetdinova I.S., Kulichev K.M. [et al.]. (2026). Digitalization of the media industry: approaches, concepts, and problems. *Education in the Digital Age: Digital Solutions in Educational Practice*: monograph. Saint-Petersburg: State research institute "National development". 6–15.
4. Nazmetdinova I.S., Kulichev K.M. (2026). Digital tools in journalistic practice: classification and functional capabilities. *Problems of Modern Pedagogical Education*: collection of scientific papers. Yalta: RIO GPA, 90, 2, 178–180.
5. Chervonyashchy V.V. (2023). Digital transformation of journalism: the role of creativity and digital technologies. *Practical Marketing*, 5, 40–49.

НАПРАВЛЕНИЯ ГУМАНИЗАЦИИ ТРУДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. *Представлена авторская концепция, включающая в себя исследование гуманизации по каждому процессу взаимодействия субъекта труда с другими элементами системы труда такими как предмет труда, средства труда, условия труда. В качестве отдельного направления изучается гуманизация цифрового субъекта труда.*

Ключевые слова: *цифровой субъект труда, взаимодействие субъекта труда, предмет труда, средства труда, условия труда.*

Цифровизация экономики предъявляет новые требования к гуманизации труда. С одной стороны, цифровизация, безусловно, призвана способствовать гуманизации труда, например, заменяя монотонный низкосодержательный труд, но, с другой, в условиях цифровизации работник часто становится «придатком» машины, что, в конечном итоге, усугубляет ситуацию дегуманизации труда. Поэтому важно не просто фиксировать текущую ситуацию с гуманизацией труда в условиях цифровизации, а понимать на теоретическом уровне возможные варианты состояния гуманизации в цифровой экономике.

В теории данного вопроса мы будем использовать следующую теоретическую основу: гуманизация труда рассматривается в качестве гуманизации системы труда, то есть, изучая труд как систему взаимодействия субъекта труда, предмета труда, средств труда и условий труда, гуманизация труда будет нами исследоваться отдельно в каждом процессе взаимодействия, а именно как гуманизация взаимодействия субъекта труда и предмета труда, гуманизация взаимодействия субъекта труда и средств труда, гуманизация взаимодействия субъекта труда и условий труда. Данный подход представлен в более ранней нашей работе (Лапина, 2026). Такая теоретическая основа позволит изучить направления гуманизации в следующих ситуациях. Во-первых, цифровизация предмета труда, когда предмет труда стал цифровым. Например: раньше инженер делал чертежи на бумаге, то в условиях цифровизации стал делать «на компьютере» в специальной программе или агроном, который ранее исследовал состояние почвы вручную проходя несколько километров в ситуации цифровизации начал принимать решения на основе информации с датчиков, установленных в полях. Во-вторых, цифровизация средств труда. Например: замена коммуникаций через дисковый телефон корпоративными мессенджерами, которые позволяют одновременно фиксировать информацию и пересылать ее или замена станка с ручным управлением на станок с ЧПУ. В-третьих, цифровизация условий труда, которая проявляется через адаптивное освещение, интеллектуальные системы управления зданием, смарт-столы, экзоскелеты и др.

Кроме того, по нашему мнению, следует говорить и о цифровизации самого субъекта труда, что проявляется в изменении роли субъекта труда. Если раньше субъект труда часто выступал как «ходячая энциклопедия» в ряде профессий (чтобы быть экспертом нужно было помнить/держать в голове достаточно много информации), то сейчас, благодаря искусственному интеллекту (ИИ), субъект труда может напрямую принимать решения на основе информации, полученной от ИИ. Или нейроинтерфейсы, которые позволяют управлять компьютером или оборудованием с помощью мыслей. Цифровизация субъекта труда позволила перейти от индивидуального разума к коллективному, когда каждому сотруднику организации для принятия решения доступны wiki-базы. Кроме того, в настоящее время уже активно используются цифровые двойники сотрудников. То есть, в условиях цифровизации человек как субъект труда отвечает за результат, а сам процесс труда контролируется алгоритмами – в этом и заключается цифровизация субъекта труда.

Таким образом, направления гуманизации в условиях цифровизации будут рассматриваться как гуманизация взаимодействия элементов системы труда, когда одна или несколько частей системы являются цифровыми.

Так как под гуманизацией труда мы понимаем «приспособление (адаптацию) одной, нескольких или большинства сторон трудовой жизни к человеку» (Куцкек, Ровбель, 2014), то направления гуманизации в условиях цифровизации мы будем описывать сквозь призму того, как цифровые средства, предметы и условия труда учитывают особенности субъекта труда. Но, так как мы выше выявили и проявления цифровизации самого субъекта труда, то отдельно будет рассмотрена гуманизация цифровизации субъекта труда.

В качестве первого направления гуманизации можно рассмотреть гуманизацию взаимодействия субъекта труда с цифровыми предметами труда. Здесь гуманизация проявляется в возможностях адаптации работы с предметом труда в удобное время для субъекта – асинхронность. Если раньше нужно было ждать, когда предмет окажется на рабочем месте, то сейчас, когда предмет труда стал цифровым, субъект труда сам выбирает, когда и из какого места с ним взаимодействовать. Это позволяет максимально учесть биоритмы человека и условия его существования. Субъект труда может сам контролировать интенсивность работы с предметом труда, так как он доступен в формате 24/7. Кроме того, цифровой предмет в любой момент может быть переформатирован под удобный для конкретного человека в формат восприятия: из аудио стать написанным на бумаге и, наоборот, таблицы могут стать дашбордами, плоский чертеж – трансформироваться в 3Д-модель для удобства восприятия. Также цифровой предмет обладает обратимостью: всегда можно нажать кнопку отменить, попробовать различные варианты в поиске наиболее подходящего, не боясь ошибиться – это свидетельствует об адаптивности цифрового предмета к потребности людей к поиску и открытиям и обучению на ошибках. Цифровой предмет становится гибким, не сопротивляется изменениям, кроме того, он приближен к субъекту труда – не нужно копать землю, чтобы добраться до необходимого слоя земли и изучить его; не нужно вскрывать пациента, чтобы изучить его внутренности и спланировать операцию. Таким образом, можно сделать вывод, что благодаря цифровизации субъект труда перестает быть заложником физических свойств предмета труда. Данные физические свойства легко трансформируются под особенности субъекта труда, что свидетельствует о гуманизации труда.

Следующим направлением гуманизации является взаимодействие субъекта труда и цифровых средств труда. Благодаря цифровизации средств труда субъекту труда не нужно «дотягиваться» до требований инструментов, например, иметь необходимый рост, вес, выносливость для работы с определенным оборудованием. Теперь средство труда адаптируется под физические возможности субъекта труда. Также происходит адаптация средств труда к когнитивной нагрузке. Субъекту труда не нужно «держать в голове» всю информацию – необходимая может быть «вшита» в средствах труда, например: составление оптимального маршрута следования с учетом текущей ситуации. Средство труда (программа) может составить несколько вариантов маршрута, а субъекту труда остается лишь сделать выбор, что условно уменьшает когнитивную нагрузку. Еще одним аспектом гуманизации является адаптация средств труда к особенностям субъекта труда: подстройка интерфейса, шрифтов, цветовой гаммы, расположение элементов управления, чувствительность джойстика – все может быть адаптировано под индивидуальные особенности в условиях цифровых средств труда. Кроме того, цифровые средства труда адаптируются к уровню развития компетенций субъекта труда. Они могут выступать наставниками и развивающими системами для субъектов труда, подсказывая/подсвечивая более эффективные способы решений. Также цифровые средства труда позволяют работать удаленно из комфортных офисов, что тоже свидетельствует о гуманизации. Таким образом, гуманизация взаимодействия субъекта труда и цифровых средств труда проявляется в том, что средства труда становятся помощниками в процессе трудовой деятельности: не субъект труда обслуживает средства труда для выполнения работы, а средства труда помогают субъекту труда получить результат.

Еще одно направление гуманизации труда в условиях цифровизации – это гуманизация взаимодействия субъекта труда – цифровые условия труда. Прежде всего речь идет об адаптации условий труда к особенностям субъекта труда посредством настройки температуры воздуха, освещенности, влажности и т. п. Субъект труда может, благодаря цифровизации, создать вокруг своего рабочего места индивидуальные условия труда, которые будут поддерживать его работоспособность во время работы и способствовать восстановлению организма во время периода отдыха. Цифровизация позволяет контролировать потоки информации (например, не показывать уведомления в определенное время, чтобы не мешать субъекту труда), а также минимизировать шум, благодаря переносу коммуникаций в цифровой формат. Кроме того, цифровые условия труда создают безопасную среду: предупреждают субъекта труда, если он не надел средства защиты перед входом в опасную зону; сигнализируют о неблагоприятной обстановке на рабочем месте (например, излишняя загазованность); контролируют самочувствие субъекта труда, т. е. цифровые средства труда направлены на предотвращение возникновения внештатной ситуации и несчастных случаев. Также цифровые средства труда можно использовать для организации оптимального режима труда и отдыха субъектов труда. Средства труда могут подавать сигналы, когда субъекту необходимо отдохнуть; корректировать скорость поступления информации в периоды снижения работоспособности; менять тип нагрузки в ситуации усталости. Цифровые условия труда позволяют субъекту труда работать в своем темпе, режиме. Они обладают адаптивностью, персонализацией и могут предсказывать развитие ситуации, поэтому гуманизация труда в данном случае проявляется в заботе о безопасности, высокой продуктивности и восстановлении субъекта труда.

Вместе с тем, цифровизация затрагивает и самого субъекта труда. Она также может быть полностью или частично цифровой. Цифровой субъект труда – это субъект, чья трудовая деятельность опосредована технологиями настолько, что становится частью его физической, когнитивной и коммуникативной субъектности. Это не просто человек, «использующий компьютер», а человек, чьи компетенции и их реализация существенно дополнены, расширены, заменены цифровыми компонентами. То есть, цифровой субъект труда не может качественно выполнять свои функции без использования цифровых технологий. Естественно, у одного субъекта какие-то компетенции могут быть заменены цифровыми компонентами, а какие-то продолжать реализовываться без участия цифровых компонентов. Например, один и тот же преподаватель может объяснять материал без привлечения цифровых технологий и, в то же время, подготовка научной статьи у того же преподавателя не мыслима без использования компьютера, специальных программ для расчетов, визуализации и т. п.

Гуманизация труда цифрового субъекта труда будет заключаться в сохранении и развитии человеческой субъектности в процессе цифровизации субъекта труда. Так сохранение когнитивной субъектности проявляется в сохранении за субъектом труда принятия окончательного решения: цифровые возможности определяют варианты, просчитывают риски, но итоговое действие остается за человеком или группой людей. Кроме того, цифровые системы должны проектироваться таким образом, чтобы периодически субъект труда мог самостоятельно в аналоговом/ручном режиме выполнять свою работу. Такой подход необходим для сохранения профессиональных навыков субъекта труда. Также важным является прозрачность механизмов цифровых систем. Субъект труда должен понимать каким образом устроена система и каким образом алгоритмы формируют решения. Ситуация «черного ящика» способствует дегуманизации, т. к. не позволяет субъекту труда критически оценить то или иное решение. В качестве отдельного направления гуманизации труда цифрового субъекта труда следует отметить гуманизацию физических характеристик человека. Важно, чтобы в процессе цифровизации люди не утрачивали свои физические навыки и тактильные ощущения, а также сохраняли работоспособность всех органов чувств. Например, экзоскелет должен дополнять возможности человека, а не заменять его в трудовом процессе. Для некоторых профессий (например, врачей) важны тактильные ощущения при проведении операций и принятии верных решений, поэтому при проектировании таких систем должны оставаться возможности для физических контактов субъекта труда с предметом труда. Также важно сохранение человеческой субъектности при коммуникациях.

Цифровые платформы, используемые для обсуждения и принятия коллективных решений, должны способствовать коммуникациям, а не заменять живое общение. Доступ к экспертизе коллег не должен лишать работника возможности дискуссии. Цифровые инструменты как продолжение субъекта труда должны способствовать реализации потребности в социальной принадлежности. Принятие решений при управлении не должно быть полностью автоматизированным с той точки зрения, что при принятии решений необходимо учитывать контекст ситуации, этичность вопроса. Цифровые решения, в свою очередь, включают в себя стандартный алгоритм принятия решений. Также цифровые решения с точки зрения гуманизации не должны превращаться в доступность субъекта 24/7. Также субъектность сохраняется в условиях удовлетворения и других потребностей человека. Так, использование искусственного интеллекта не должно рассматриваться как «читинг», а, наоборот, восприниматься как развитие квалификации специалиста. Кроме того, для гуманизации труда важно сохранение ответственности за субъектом труда. Несмотря на цифровое продолжение/усиление субъект труда сохраняет свою субъектность в том числе и посредством наличия у него ответственности, которой нет у роботов (полностью цифровых участников производственного процесса).

Таким образом, мы рассмотрели основные направления гуманизации труда в условиях цифровизации. В рамках нашей концепции гуманизация труда представляет собой процесс адаптации предметов труда, средств труда и условий труда к особенностям субъекта труда, а также сохранение субъектности цифрового субъекта труда.

Библиографический список

1. Куценко В.В., Ровбель С.В. (2014). Гуманизация труда: теоретические подходы и оценка роли условий труда // Теория и практика общественного развития. № 21. С. 100–104.
2. Лапина Т.А. (2026). Концепция и оценка состояния гуманизации труда: системный подход и российская практика // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». Т. 24. № 1. С. 57–67.

Информация об авторе

Татьяна Александровна Лапина – кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и управления человеческими ресурсами, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Российская Федерация, 644077, г. Омск, пр-т Мира, д. 55а; e-mail: LapinaTA@omsu.ru)

Lapina T.A.

DIRECTIONS FOR THE HUMANIZATION OF LABOR IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Abstract. *The author presents a concept that includes a study of humanization across each process of interaction between the subject of labor and other elements of the labor system, such as the object of labor, the means of labor, and working conditions. The humanization of the digital subject of labor is explored as a separate area.*

Keywords: *digital subject of labor, interaction of the subject of labor, object of labor, means of labor, working conditions.*

About the author

Tatiana A. Lapina – Candidate of Sciences (Economics). Associate Professor of the department of regional economics and human resource management, Dostoevsky Omsk state university (55a, Mira Avenue, Omsk, 644077, Russian Federation; e-mail: LapinaTA@omsu.ru)

References

1. Kutsenko V.V., Rovbel S.V. (2014). Humanization of labor: theoretical approaches and assessment of the role of working conditions. *Theory and practice of social development*, 21, 100–104.
2. Lapina T.A. (2026). Concept and assessment of the state of humanization of labor: a systemic approach and Russian practice. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 24, 1, 57–67.

ЗАКРЫТИЕ КАДРОВОЙ ПОТРЕБНОСТИ В ВЫПУСКНИКАХ СПО В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТОДАТЕЛЯМИ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕЕСТРА МСП ПОДГОТОВЛЕННОСТИ ВЫПУСКНИКОВ И СПЕЦИФИКИ НАЙМА

Аннотация. *В настоящем исследовании представлена специфика выпускников среднего профессионального образования как трудового ресурса для предприятий из Реестра малого и среднего предпринимательства для закрытия кадровой потребности. Выявлены региональные диспропорции по сферам деятельности, которые влияют на будущие перспективы трудоустройства молодых специалистов.*

Ключевые слова: *кадровая потребность, среднее профессиональное образование, малое и среднее предпринимательство, качество трудовых ресурсов, стратегии найма.*

Проблема закрытия кадровой потребности выпускниками среднего профессионального образования (СПО) в Свердловской области имеет острый характер в силу того, что ведущими отраслями являются машиностроение, металлургия и добыча полезных ископаемых.

В имеющихся опубликованных работах, число которых невелико, представлена социологическая интерпретация оценки работодателями подготовленности выпускников СПО для последующего трудоустройства (Ключарев, 2020; Амбарова, Зборский, 2022). Основные смысловые модули, которые были показаны в публикациях, показывают, что работодатели ценят в выпускниках именно их мягкие навыки, а именно: трудолюбие, самодисциплину и усидчивость (Ключарев, 2020). В то же время, в разрезе по работодателям предприятий из Реестра малого и среднего предпринимательства (МСП), которые наиболее заинтересованы в массовых «синих воротничках», социологических исследований (Лопатина и др., 2020) еще не проводилось, тем более актуальны стратегии и обстоятельства закрытия кадровой потребности, что может дополнить пастельную картину процесса новыми штрихами и красочными пятнами.

Целью данной статьи стала характеристика взаимодействия по линии СПО–МСП в сфере закрытия кадровой потребности. Для данного исследования была избрана количественная методология, которая позволит дать первичные контуры имеющихся противоречия в данной линии взаимодействия. Информационно-эмпирическая база исследования включает в себя оригинальное анкетирование представителей работодателей из Реестра МСП, для которых найм выпускников СПО является одним из приоритетных. В январе–феврале, по итогам проведенных стратегических сессий, проводилось анкетирование представителей работодателей из Реестра субъектов малого и среднего предпринимательства. Представители работодателей отбирались из клиентской базы работодателей ($n = 186$), которые имеют тесные связи с образовательными учреждениями СПО. В силу того, что клиентская база была набрана частично методом снежного кома, частично – по результатам регистрации на стратегическое мероприятие, то полученные результаты исследования не претендуют на репрезентативность. В большей части приняли участие в анкетировании представители организаций, осуществляющих свою деятельность на территории крупных городов области – Екатеринбурга и Нижнего Тагила. Это было обусловлено тем, что выборочная совокупность представляла собой отбор доступных случаев с последующими процедурами улучшения качества анализа информации.

Согласно полученным результатам, весомую часть респондентов составили предприятий пищевой промышленности (31%), которые заинтересованы в обучении массовым «синим воротничкам». За ними следом идут в пятерке лидеров те, кто специализируется на транспортных операциях, услугах населению и сервисному обслуживанию (в основном, различные парикмахерские) (по 13%), далее следуют строители (9%) и туристические операторы вкуче с компаниями, специализирующимися на сфере гостиничного сервиса (7%). Малочисленными представителями МСП в анкетировании стали представители сфер электроэнергетики, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства и другие (рис. 1).

Рис. 1. Распределение представителей работодателей по сферам деятельности, %
 Источник: составлено автором.

Большинство опрошенных представителей организаций (78%) в течение прошедшего календарного года производили найм рабочей силы, малая часть (22%) представителей МСП набором персонала не занималась, что было обусловлено размерами самой компании – сюда попали микро- (75%) и малые предприятия (рис. 2), относящиеся к сферам пищевой промышленности, строительства, транспорта, туризма и гостиниц, а также услуг населению.

Далее у респондентов попросили оценить по пятибалльной шкале о доступности трудовых ресурсов СПО в регионе. В целом, по средним оценкам, работодатели сравнительно немного выше оценивают профессионализм найденных ресурсов: оценки выше, и стандартное отклонение самое минимальное из приведенных (значения 2,8 и 4,5). Наибольшую амбивалентность в оценках получила работа региональных центров занятости населения от 1,7 до 4,3. Остальные параметры взаимодействия (наличие трудовых ресурсов необходимой квалификации, денежная стоимость их поиска и количество времени на затраты) оказались в своеобразной «середине» и вкуче со стандартными отклонениями варьируются от оценки «2» до «4». Анализ стандартизированных остатков к максимальным значениям, являющий динамическое состояние показателей, демонстрирует, что к крайним озвученным позициям работодатели относятся достаточно прохладно (профессионализм трудовых ресурсов, их достаточное количество и качество работы ЦЗН). При доверительной вероятности в 95% эти позиции статистически независимы и друг на друга не сильно влияют. Более подвержены отрицательному влиянию как раз «центровые» позиции, показатели стандартизированных остатков по которым достигают величины менее -1,7, такие, как количество времени, затраченного на поиск трудовых ресурсов, и их денежная стоимость.

В разрезе по отраслям стоит отметить, что высокие оценки поставили представители работодателей из сфер деятельности строительства и легкой промышленности (средний балл – 4,08 и 4,4), заинтересованные, вероятно, в постоянном наборе подготовленных «синих воротничков» из СПО. В сферах ИТ и ЖКХ эти оценки были минимальными (средний балл – 2,2 и 2,6).

Рис. 2. Оценка предприятиями параметров качества трудовых ресурсов, средние баллы с учетом стандартных отклонений

Источник: составлено автором.

Следом шел вопрос, «какое, в среднем, время тратят работодатели МСП на поиск подходящего персонала требуемой квалификации?» В среднем, было установлено, что работодатели из данного реестра тратят на подбор персонала 43 дня с вариацией до 114 дней. Показательно различие наблюдений в разрезе по размеру компании: около месяца (29,6) закрывают вакансии рекрутеры предприятий среднего размера, чуть больше – 34,5 дня – специалисты по кадрам малых предприятий. Наконец, почти 2 месяца (59,4 дня) – представители микропредприятий. Любопытно, что, по мнению работодателей МСП, наиболее легкий «вход» оказывается в сферах строительства, маркетинга, здравоохранения и легкой промышленности – почти в течение недели. Наиболее тяжелый и медленный вход для соискателей представлен в сфере ЖКХ, транспорта, информационных технологий, пищевой промышленности и машиностроения – более 2 месяцев. Для соискателей без опыта период поиска сотрудника сокращается в среднем в 3 раза, до 17,4 дней, но не во всех сферах: в легкой промышленности, маркетинге и здравоохранении он практически не претерпевает изменений по сравнению с поиском квалифицированных сотрудников (недельный период). Незначительно он изменяется и для сфер сервисного обслуживания и туризма (31,3 и 35,6 дней; 18,8 и 16,8 дней соответственно). В большинстве сфер период поиска неквалифицированного специалиста сокращается до месяца, исключение составляют сферы машиностроения и сервисного обслуживания (свыше 35 дней).

Рис. 3. Оценка предприятиями длительности поиска необходимых трудовых ресурсов в зависимости от сферы деятельности, рабочих дней

Источник: составлено автором.

Следующий вопрос затрагивал оценку выпускников образовательных учреждений СПО работодателями. В целом, работодатели оценивают на твердую четверку их «хард скиллы» (средний балл – 3,94), несколько меньше их мотивацию (3,83 балла), и чуть меньше их социальные навыки (3,74 балла). В разрезе по сферам деятельности предприятий (в диапазоне от 4 до 5) работодатели из сфер электроэнергетики, легкой промышленности, строительства, здравоохранения. Между оценками «3» и «4» находится кадровый потенциал выпускников работодатели из сфер торговли, маркетинга, пищевой промышленности, сервисного обслуживания, гостиничного дела, машиностроения, металлургии, и консалтинга. Низкую среднюю оценку подготовленности выпускников в диапазоне от оценки «2» к «3» дали работодатели из сфер ЖКХ и информационных технологий. Полученные средние оценки сохраняются пропорционально и в оценках конкретных характеристик выпускников СПО: в тех же сферах наблюдаются пропорции при оценке тяжелых и мягких навыков, мотивации к работе.

Проведенное исследование показало, что наблюдается глоссолалия между работодателем и образовательным учреждением, с перекосом и переносом центра тяжести взаимодействия на образовательные аспекты подготовки, при этом решение существующей асимметрии в плане соотношения КЦП – рабочие места изменяется или крайне медленно, или этот вопрос в принципе не решается. Вероятно, также он осложняется обстоятельством несоответствия уровня навыков, который предлагает выпускнику колледж с тем, который от него требует работодатель. Наибольшие интерес во взаимодействии с колледжами и техникумами предъявляют работодатели из сфер, где постоянно требуется большое количество синих воротничков. В разрезе по параметру среднесписочной численности специалистов организации МСП закономерно проявляют интерес к образовательным учреждениям именно малые и микропредприятия, которые могут точно закрыть свою потребность. С другой стороны, думается, что и такая возможность обусловлена низким порогом входа в плане квалификации для начинающих специалистов. В общей композиции можно указать, что исследование данной специфики стратегии найма и ожиданий работодателей предприятий из Реестра МСП имеет большое значение для организации работы по трудоустройству выпускников СПО.

Библиографический список

1. Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. (2022). Что ждет студентов после... // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3. С. 67–91.
2. Ключарев Г.А. (2020). О подготовке инженерных кадров для наукоемких производств (взгляд работодателей) // Социологические исследования. № 3. С. 51–59.
3. Лопатина М.В., Леонова Л.А., Травкин П.В., Рощин С.Ю., Рудаков В.Н. (2020). Выпускники среднего профессионального и высшего образования на российском рынке труда: информационный бюллетень. Москва: НИУ ВШЭ. № 1 (147). 74 с.

Информация об авторе

Латышев Дмитрий Михайлович – аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620083, г. Екатеринбург, пр-т. Ленина, д. 51; e-mail: dimlatysh@gmail.com)

Latyshev D.M.

STAFFING REQUIREMENTS CLOSING ABOUT COLLEGE STUDENTS IN SVERDLOVSK REGION: A CHARACTERISTIC OF THEIR EDUCATION QUALITY AND HIRING PECULARITIES BY EMPLOYEES FROM MSP REGISTRY

Abstract. *This study presents the specifics of vocational education graduates as a labor resource for enterprises from the MSP Registry to meet staffing needs. Regional disparities in fields of activity have been identified, which affect the future employment prospects of young professionals.*

Keywords: *staffing requirements, vocational education, small and medium-sized enterprises, quality of labor resources, hiring strategies.*

About the author

Dmitrii M. Latyshev – graduated student, Ural federal university named after the first President of Russia (51, Lenina Avenue, Ekaterinburg, 620083, Russian Federation; e-mail: dimlatysh@gmail.com)

References

1. Ambarova P.A., Zborovsky G.E. (2022). What Awaits Students After.... *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3, 67–91.
2. Kliucharev G.A. (2020). On the Training of Engineers for High-Tech Industries (Employers' View). *Sociological Studies*, 3, 51–59.
3. Lopatina M.V., Leonova L.A., Travkin P.V., Roschin S.Yu., Rudakov V.N. (2020). Graduates of Secondary Vocational and Higher Education in the Russian Labor Market: Information Bulletin. Moscow: HSE.

КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ КАК СКРЫТЫЙ РЕСУРС КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ МОЛОДЕЖИ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ РЫНКА ТРУДА И ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. *Культурное потребление молодежи (посещение театров, музеев, фестивалей) является недооцененным ресурсом формирования трудового потенциала. Опираясь на теории человеческого, социального и культурного капиталов, автор показывает, что культурные практики развивают soft skills, расширяют профессиональные сети и формируют мотивацию к самореализации, выступая прагматичным инструментом повышения конкурентоспособности в креативной экономике.*

Ключевые слова: *молодежь, мягкие навыки (soft skills), человеческий социальный капитал, культурный капитал, креативная экономика.*

При рассмотрении формирования экосистемы благополучия населения через взаимодействие рынка труда, образования и качества жизни, за рамками традиционных стратегий развития трудовых ресурсов часто оставляется фактор, который, тем не менее, играет ключевое значение – культурное потребление молодежи.

Мы привыкли оценивать трудовой потенциал через уровень образования, здоровье или профессиональные навыки. Однако в условиях перехода к креативной экономике и постиндустриальному укладу этого становится недостаточно. Все более востребованными оказываются мягкие навыки (soft skills), такие как креативность, критическое мышление, коммуникабельность, способность к адаптации и коллаборации.

За счет чего формируются эти компетенции? Проведенный нами теоретико-методологический анализ показывает, что значимым, но недооцененным каналом выступает культурное потребление – участие молодежи в жизни театров, музеев, библиотек, фестивалей, освоение цифрового культурного контента.

Проводя исследование, мы опирались на междисциплинарный синтез нескольких классических и современных концепций:

1. Теория человеческого капитала Г. Беккера позволяет рассматривать культурное потребление как инвестицию в когнитивные способности. Посещение выставок, чтение, участие в творческих проектах расширяют кругозор и формируют критическое мышление (Беккер, 2003).
2. Концепция социального капитала Д. Коулмана показывает, что культурные события – это не только и не столько досуг, сколько среда для построения профессиональных сетей. Фестивали, волонтерство в культуре, креативные кластеры становятся точками входа в профессиональные сообщества (Coleman, 1988).
3. Теория культурного капитала П. Бурдьё объясняет, каким образом культурные практики обеспечивают доступ к социальным лифтам и престижным профессиональным траекториям (Бурдьё, 2002).
4. Эволюционная теория модернизации Р. Инглхарта и К. Вельцеля фиксирует сдвиг ценностей молодежи в сторону постматериализма (самореализация, автономия), что делает труд сферой развития, а не только источником дохода (Инглхарт, Вельцель, 2011).
5. Концепция креативной экономики Р. Флориды напрямую связывает культурное потребление с формированием «креативного класса», где ключевыми становятся толерантность, талант и технологии (Флорида, 2007).

Таким образом, культурное потребление функционирует как комплексный механизм, влияющий на трудовой потенциал сразу по трем направлениям развития:

- Когнитивное (развитие мышления, креативности);
- Социальное (расширение связей и доверия);
- Ценностное (формирование мотивации к инновациям).

Анализ современных российских и зарубежных исследований позволяет говорить не просто о гипотезах, а о подтвержденных связях:

Связь с карьерными стратегиями. Данные показывают, что молодежь с активными культурными практиками чаще ориентирована на стратегии достижения, а не на простую адаптацию. Как отмечают в своих работах Ю.А. Зубок и В.И. Чупров (Зубок, Чупров, 2018), а также Т.А. Панкова¹ и Е.М. Хворова², молодые люди, вовлеченные в культурное участие, склонны рассматривать труд как сферу самореализации, а не только как источник дохода.

Социальная и профессиональная мобильность

Исследования фиксируют, что молодые люди, вовлеченные в коллективные формы культурного досуга (фестивали, креативные индустрии), демонстрируют более высокий уровень социальной активности и готовность к профессиональной мобильности, в т. ч. межрегиональной. К аналогичным выводам приходят в своих работах Е.В. Коленькова, О.С. Харалампиду и Е.А. Безуглая, а также Е.А. Трефилова³, подчеркивая роль культурных практик в расширении социального капитала и формировании профессиональных сетей (Коленькова, 2021; Харалампиду, Безуглая, 2023).

Развитие мягких навыков

Участие в театральных постановках, цифровом творчестве и литературных клубах напрямую коррелирует с уровнем развития коммуникативных навыков и эмоционального интеллекта, то есть тех компетенций, которые рынок труда ставит сегодня на первое место. Влияние культурных практик на формирование когнитивных и креативных способностей молодежи обосновывается в работах А.Б. Дрыкина (Дрыкин, 2023) и Т.Л. Пащенко⁴. Таким образом, развитие культурного потребления играет значимую роль в системе управления благополучием населения.

На рынке труда уровень культурного потребления становится важным предиктором конкурентоспособности работника. Это сигнал для работодателей о наличии у соискателя универсальных компетенций. Представляется, что региональные стратегии занятости должны учитывать не только профподготовку, но и доступность культурной среды как фактора привлечения и удержания талантливой молодежи.

В системе образования культурное потребление выступает важнейшим ресурсом формирования у обучающихся гибких навыков (креативности, критического мышления, коммуникации) и постматериалистических ценностей самореализации, которые не могут быть в полной мере развиты в рамках формального образовательного процесса, но напрямую определяют конкурентоспособность выпускников на современном рынке труда. Традиционная образовательная система не всегда успевает за формированием гибких навыков. Внеучебная культурная активность, партнерство школ и вузов с учреждениями культуры, проектный подход в креативных индустриях должны рассматриваться не как дополнительная нагрузка, а как необходимая инвестиция в человеческий капитал.

¹ Панкова Е.И. (2022). Автореферат диссертации на соискание степени кандидата педагогических наук по ВАК РФ 13.00.05 Социально-культурные условия личностного саморазвития в деятельности студенческих научных сообществ. Москва. 27 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/sotsialno-kulturnye-usloviya-lichnostnogo-samorazvitiya-molodezhi-v-deyatelnosti-studenchesk/read>.

² Хворова Е.Б. (2009). Автореферат диссертации на соискание степени кандидата педагогических наук по ВАК РФ 13.00.05 Формирование организационно-управленческих навыков студенческой молодежи средствами социально-культурной деятельности. Тамбов. 24 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-organizatsionno-upravlencheskikh-navykov-studencheskoi-molodezhi-sredstvami-sot>

³ Трефилова Е.А. Педагогический опыт «Волонтерская деятельность как форма социальной активности подростков». URL: упок.рф/plai/library/volontyorskaya_deyatelnost_kak_forma_sotcialnoj_akt_080719.html

⁴ Пащенко Т.В., Авдеев Н.А., Гасинев М.В. Может ли школа научить мыслить. Практики развития креативного и критического мышления. URL: https://www.hse.ru/data/2022/02/17/1747891825/Human_Capital_NCMU_Digest_3_Creative_Thinking_2021.pdf

Для качества жизни и благополучия культурное потребление выполняет двойную функцию. С одной стороны, оно повышает социальное самочувствие молодежи, формируя чувство принадлежности и идентичности. С другой – выступает фактором снижения социальных рисков и повышения адаптивности к изменениям на рынке труда. Проведенный нами теоретико-методологический анализ позволяет утверждать, что культурное потребление является значимым, но пока еще недооцененным ресурсом формирования трудового потенциала молодежи. Включение этого фактора в стратегии социально-экономического развития, программы молодежной и культурной политики, образовательные стандарты позволит более эффективно выстраивать экосистему благополучия, где рынок труда, образование и качество жизни будут связаны не только экономическими, но и социокультурными механизмами. Мы предлагаем рассматривать культурные практики не как элитарный досуг, а как прагматичный инструмент повышения конкурентоспособности территорий и их жителей в условиях креативной экономики.

Библиографический список

1. Беккер Г.С. (2003). Человеческий капитал: теоретический и эмпирический анализ. Москва: ГУ ВШЭ. 467 с.
2. Бурдые П. (2002). Формы капитала // Экономическая социология. Т. 3, № 5. С. 60–74.
3. Дрыкин М.В. (2023). Роль театральной деятельности в формировании личностных качеств у студентов // Вестник науки. Т. 4. № 6 (63). С. 322–326. ISSN: 2712-8849.
4. Зубок Ю.А., Чупров В.И. (2018). Культура в жизни молодежи: потребность, интерес, ценность // Вестник Института социологии. Т. 9. № 4. С. 170–191. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.546
5. Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. Москва: Новое издательство. 464 с.
6. Коленькова М.А. (2021). Культурная социализация молодежи в досуговой деятельности: особенности и основные тренды в XXI веке // Горизонты гуманитарного знания. № 3. С. 45–50.
7. Флорида Р. (2007). Креативный класс: люди, которые меняют будущее. Москва: «Классика-XXI». 421 с.
8. Харалампиду И.Д., Безуглая Н.С. (2023). Технологии формирования креативной досуговой среды молодежи // Научный аспект. № 6.
9. Coleman J. (1988). Social capital in the creation of human capital. *American journal of sociology*, 94, 95–120.

Информация об авторах

Кристина Олеговна Малинина – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук, доцент Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. (Российская Федерация, 163020, г. Архангельск, пр-т Никольский, д. 20, e-mail: malinina.ciom@gmail.com)

Татьяна Анатольевна Бlynская – кандидат сельскохозяйственных наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук, доцент Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 163020, г. Архангельск, пр-т Никольский, д. 20, e-mail: t_blynskaya@mail.ru)

CULTURAL PRACTICES AS A HIDDEN RESOURCE OF YOUTH COMPETITIVENESS: CHALLENGES FOR THE LABOR AND EDUCATION MARKET

Abstract. *Young people's cultural consumption (attending theaters, museums, and festivals) is an undervalued resource for developing their workforce potential. Drawing on theories of human, social, and cultural capital, the author demonstrates that cultural practices develop soft skills, expand professional networks, and foster motivation for self-realization, serving as a pragmatic tool for enhancing competitiveness in the creative economy.*

Keywords: *youth, soft skills, human social capital, cultural capital, creative economy.*

About the authors

Kristina O. Malinina – Candidate of Science (Sociology), Leading Researcher, N. Laverov Federal center for integrated Arctic research of the Ural branch of the Russian academy of sciences, Associate professor of the Northern (Arctic) Federal university named after M.V. Lomonosov (20, Nikolsky Avenue, Arkhangelsk, 163020, Russian Federation; e-mail: malinina.ciom@gmail.com)

Tatiana A. Blynskaia – Candidate of Science (Agricultural), Senior Researcher, N. Laverov Federal center for integrated Arctic research of the Ural branch of the Russian academy of sciences, Associate professor of the Northern (Arctic) Federal university named after M.V. Lomonosov (20, Nikolsky avenue, Arkhangelsk, 163020, Russian Federation; e-mail: t_blynskaya@mail.ru)

References

1. Becker G.S. (2003). Human capital: a theoretical and empirical analysis. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics.
2. Coleman J. (1988). Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*, 94, 95–120.
3. Bourdieu P. (2002). Forms of capital. *Economic sociology*, 3, 5, 60–74.
4. Inglehart R., Welzel K. (2011). Modernization, cultural change and democracy: The sequence of human development. Moscow: New Publishing House.
5. Florida R. (2007). The creative class: people who change the future. Moscow: Classic XXI Publishing House.
6. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. (2018). Culture in the life of youth: need, interest, value. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 9, 4, 170–191. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.546
7. Kolenkova M.A. (2021). Cultural socialization of youth in leisure activities: features and main trends in the 21st century. *Horizons of humanitarian knowledge*, 3, 45–50.
8. Kharalampidu I.D., Bezuglaya N.S. (2023). Technologies for the formation of a creative leisure environment for young people. *Scientific aspect*, 6.
9. Drykin M.V. (2023). The role of theatrical activity in the formation of personal qualities among students. *Bulletin of Science*, 4, 6(63), 322–326.

ИЗУЧЕНИЕ ДЕФИЦИТА ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ХАНТЫ-МАНСКИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ)

Аннотация. *Целью данной работы является изучение дефицита кадров. Рассмотрена часть результатов исследования, проведенного на предприятиях-участниках Федерального проекта «Производительность труда». Сформулирован вывод о привлечении иностранной рабочей силы для сдерживания стоимости продукции предприятий.*

Ключевые слова: *человеческий капитал, производительность труда, иностранные трудовые ресурсы, дефицит кадров, категории работников.*

Изучение российских предприятий играет важную роль в развитии экономики России. Особенно важным это становится в условиях быстро изменяющихся экономических условиях. Это обусловлено формированием представлений о текущем состоянии предприятий, что позволяет вносить конструктивные предложения изменения, затрагивающие деятельность хозяйствующих субъектов, трудовые ресурсы и их человеческий капитал. В современных условиях рынка труда, когда кадровый дефицит сопровождается потребностями в инновационном развитии, значение глубокого анализа процессов, происходящих внутри предприятий, существенно возрастает. Данные исследования выступают одним из способов управления человеческим капиталом предприятий. Россия уже несколько лет находится в состоянии острого дефицита кадров, вызванного миграцией и старением населения; низким уровнем рождаемости; демографической ямой, образовавшейся в 1990-х годах; низким уровнем безработицы и др. Изучение предприятий также дополнительно нацелено на сбережение специалистов и их адаптацию к реалиям трудовой деятельности.

В январе 2024 года рабочая сила в Российской Федерации составила 75 млн 262 тыс. человек, в т. ч. занятые – 73 млн 117 тыс. чел., безработные – 2 млн 145 тыс. чел. По сравнению с январем 2022 года увеличился уровень рабочей силы в возрасте 15–72 лет с 68,1 до 68,3%, уровень занятости – с 65,1 до 66,4%, уровень безработицы снизился с 4,4 до 2,8% (Аверин и др., 2024). Дефицит высококвалифицированных работников на момент 2024 года составил 1,5 млн человек (Аверин и др., 2025).

Ослабление централизованной и обоснованной государственной политики в сфере подготовки кадров привело к снижению качества их подготовки и известному перекосу на рынке труда, например, к перепроизводству юристов и экономистов, а также усложнению проблемы дефицита квалифицированных кадров (Золин, 2019). Во многих региональных программах страны отсутствуют сведения о реализации мероприятий, направленных на актуализацию кадровой потребности на региональных рынках труда. Формирование таких мероприятий позволило бы осуществлять прогнозно-аналитическую работу с привлечением квалифицированных аналитиков рынка труда (Селиванова, Разумов, 2023).

В 2025 году в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре был проведен опрос «О кадровой политике и раскрытии трудового потенциала компании». Опрос проводился среди руководителей структурных подразделений предприятий-участников Федерального проекта «Производительность труда»¹ в очном и онлайн форматах. Опросом было охвачено 360 руководителей среднего и высшего звена по 17 различным видам деятельности компаний Югры (сельское хозяйство, добыча и переработка полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство пищевых продуктов, производство бумаги и бумажных изделий, производство готовых металлических изделий (кроме машиностроения), ремонт и монтаж машин и оборудования, обеспечение электрической энергией, газом и паром, строительство, транспортировка и хранение (включая услуги почтовой связи и др.)). Долевое распределение компаний представлено на *рисунке 1*.

¹ Опросный лист был разработан с использованием методических подходов опроса РСПП «Оценка бизнесом деловой среды в Российской Федерации», проведенного на предприятиях России в 2024 году.

Рис. 1. Долевое распределение по видам экономической деятельности опрошенных компаний ХМАО – Югры

Источник: составлено автором.

Согласно данным рисунка 1 участники опроса по видам экономической деятельности достаточно дифференцированы, и их следует разделить на три группы в зависимости от количества и их экономической деятельности.

В первую группу вошли: сельское хозяйство, охота, лесоводство и лесозаготовки, рыбное хозяйство; производство готовых металлических изделий (кроме машиностроения); производство пищевых продуктов; обеспечение электрической энергией, газом и паром.

Во вторую группу вошли: производство бумаги и бумажных изделий; обрабатывающие производства; строительство; другие производства;

В третью группу вошли: добыча и переработка полезных ископаемых; ремонт и монтаж машин и оборудования; транспортировка и хранение (включая услуги почтовой связи).

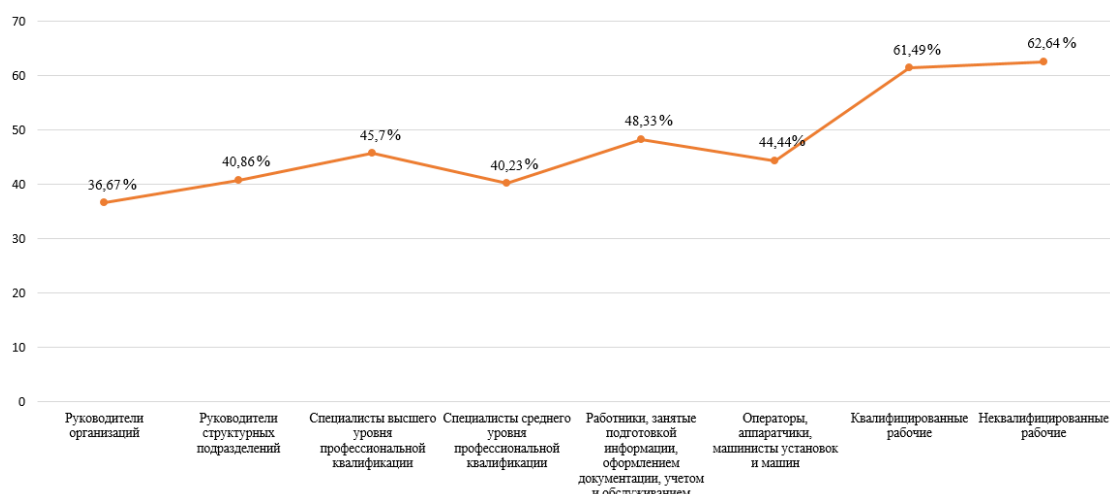

Рис. 2. Определение потребности опрошенных компаний ХМАО-Югры в сотрудниках

Источник: составлено автором.

По данным рисунка 2, компании имеют наибольшую потребность в квалифицированных (62%) и неквалифицированных рабочих (61%). В категорию с высоким уровнем потребности вошли: работники, занятые подготовкой информации, оформлением документов, учетом и обслуживанием (49%); специалисты высшей квалификации (46%); операторы, аппаратчики, машинисты моечных установок и машин (44%).

Средний уровень потребности сложился в руководителях структурных подразделений (41%) и специалистах средней квалификации (40%).

В группу с наименьшей востребованностью вошли руководители организаций (37%).

Рис. 3. Результаты анкетирования по вопросу «О привлечении к трудовой деятельности в компанию иностранных специалистов (иностранную рабочую силу, трудовых мигрантов?)»

Источник: составлено автором.

Согласно рисунку 3, иностранных трудовых мигрантов привлекают на предприятия 44% респондентов (практически половина опрошенных).

В рамках опроса рассмотрена структура специальностей, на которые компании привлекают иностранных мигрантов для осуществления трудовой деятельности, *рис. 4.*

Рис. 4. Специальности, на которые предприятия привлекают иностранных трудовых мигрантов»

Источник: составлено автором.

Неквалифицированные рабочие стали самой массовой специальностью, на которую привлекают иностранных трудовых мигрантов (84,62%). В среднюю категорию вошли квалифицированные рабочие (38,46%) и специалисты среднего уровня профессиональной квалификации (23%). Минимально привлекаются на работу операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин (7,69%).

Следует обратить внимание, что в качестве возможных вариантов ответов были предложены специальности, которые ни один респондент не выбрал: руководители организаций, руководители структурных подразделений, специалисты высшего уровня профессиональной квалификации, работники, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием.

На основе представленных данных можно сделать вывод, что кадровый дефицит по специальностям квалифицированных и неквалифицированных рабочих преодолеть значительно сложнее, поскольку стоимость трудовых ресурсов России выше, чем зарубежных. Привлечение иностранных специалистов на предприятия является одним из способов сдерживать рост издержек фонда оплаты труда и не дать увеличить цену реализуемой продукции, сохранить рентабельность и высокий уровень маржинальности в условиях снижения покупательской способности клиентов.

Библиографический список

1. Аверин А.Н., Понеделков А.В., Крицкая А.А., Степанов К.В. (2024). Подготовка кадров в условиях их дефицита // История. Культурология. Политология. № 2.
2. Аверин А.Н., Понеделков А.В., Кроха В.Г. (2025). Обеспечение занятости в условиях дефицита кадров // История. Культурология. Политология. № 2.
3. Золин И.Е. (2019). Рынок труда и проблема дефицита кадров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 10.
4. Селиванова О.В., Разумов А.А. (2023). Бедность работающего населения: анализ основных тенденций и опыт регионов по снижению ее уровня // Экономика труда. Т. 10. № 2. С. 279–296.

Информация об авторе

Илья Юрьевич Марон – аспирант, Югорский государственный университет (Российская Федерация, 628012, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16; e-mail: ilya.maron.2001@mail.ru)

Maron I.Yu.

RESEARCHING THE SHORTAGE OF LABOR RESOURCES AT RUSSIAN ENTERPRISES USING THE EXAMPLE OF THE KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS OKRUG – YUGRA

Abstract. *This paper examines a portion of the results of a study conducted at enterprises participating in the federal project “Labor Productivity” in order to study the shortage of personnel. The reasons for the need to study enterprises in the Russian economy are formulated. A conclusion is drawn regarding the attraction of foreign labor to restrain the cost of the product of labor in the context of declining purchasing power of enterprise customers.*

Keywords: *human capital, labor productivity, foreign labor resources, personnel shortage, categories of workers.*

About the author

Ilya Yu. Maron – graduate student, Yugra State University (16, Chekhova Street, Khanty-Mansiysk, 628012, Russian Federation; e-mail: ilya.maron.2001@mail.ru)

References

1. Averin A.N., Ponedelkov A.V., Kritskaya A.A., Stepanov K.V. (2024). Personnel training in conditions of their shortage. *History. Cultural Studies. Political Science*, 2.
2. Averin A.N., Ponedelkov A.V., Kroha V.G. (2025). Ensuring employment in conditions of personnel shortage. *History. Cultural Studies. Political Science*, 2.
3. Zolin I.E. (2019). Labor market and the problem of personnel shortage. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 10.
4. Selivanova O.V., Razumov A.A. (2023). Poverty of the working population: analysis of main trends and regional experience in reducing its level. *Russian journal of labor economics*, 10, 2, 279–296.

ПАРАДОКСЫ БЕДНОСТИ И ИХ ИНВАРИАНТЫ

Аннотация. *Актуальным становится изучение динамики располагаемых ресурсов, доходов и расходов на потребление массовых слоев населения и тех отдельных групп, которые входят в «границы бедности». Цель тезисов – оценить имеющиеся у них пределы запаса прочности. Данная работа посвящена анализу парадоксов бедности и их инвариантов в мире и в России, и раскрытие их содержательных составляющих. У низкоресурсных групп парадоксы бедности переходят в парадоксы стойкости.*

Ключевые слова: *социальная стратификация, децильные группы, ресурсы населения, благосостояние, парадоксы бедности и их инварианты.*

Введение

События последних четырех лет (начало СВО на Украине, усиление конфронтации со многими странами Запада, рост международной напряженности в целом, изменение производственного и потребительского поведения под влиянием санкционной войны) актуализировали важность изучения динамики располагаемых ресурсов, доходов и расходов на потребление массовых слоев населения и отдельных его групп, особенно входящих в «границы бедности», и оценить имеющих у них пределы «запаса прочности».

Актуальность. Парадокс бедности («богатая страна – бедное население») остается актуальным в современных обществах, где рост экономики и уровня занятости часто не приводит к улучшению благосостояния всех слоев населения. Так же актуален парадокс работающей бедности – ситуации, когда человек, имея работу, тем не менее остается за чертой бедности. Это явление характерно не только для многих развивающихся стран, но и для развитых экономик, включая США, страны ЕС и Россию.

Цель проведенного исследования – выявить ключевые характеристики «парадокса бедности» в мире и в России в настоящее время, и на основании теоретической рамки и статистических данных показать динамику и возможности их дальнейшего развития.

Значимость. Изучаемое явление значимо, потому что оно указывает на глубокое неравенство в обществе, неэффективное распределение доходов, влияние на когнитивные способности людей и существование скрытых доходов, искажающих реальную картину благосостояния. Аспекты парадокса бедности: экономическое неравенство: даже при экономическом росте, богатство концентрируется в руках узкой группы, не доходит до бедных слоев населения; скрытая бедность и неучтенные доходы: высокие показатели бедности могут существовать с наличием у населения теневых средств, не учитываемых официальной статистикой; многомерность феномена: бедность нельзя сводить только к доходу, важны доступ к образованию, здравоохранению, безопасности, возможностям самореализации, жилью; неравномерное распределение властных ресурсов, жизненных шансов, возможностей и форматов капитала (человеческого, социального, культурного, символического), что требует переосмысления методов борьбы с бедностью, фокусируясь не только на экономическом росте, но и на справедливости распределения редких ресурсов.

Проблема: низкоресурсные группы – это группы с сильно уязвимым положением в любом обществе. Они сталкиваются с повышенными рисками безработицы, социальной изоляцией, сравнительно слабым физическим и душевным индивидуальным здоровьем, ограниченным доступом к информации, к необходимым для жизни продуктам и услугам. Низкоресурсные группы могут служить потенциальной базой для формирования низшего класса, потому что их бедность не является ситуационной, а обусловлена долгосрочной спецификой их ресурсообеспеченности.

Обзор литературы. В мировой науке вышло два фундаментальных хэнбюка по бедности и неравенству – Всемирного банка в редакции Д. Хотона и Ш. Хандера 2009 года (Haughton, Shahidur, 2009) и в редакции У. Уэйгла 2023 года (Wagle, 2023). Первая книга состоит из 16 глав и приложений, среди рассматриваемых в ней тем – определение дефиниции бедности, причины и методы ее измерения; установление линий бедности; детерминанты и профили бедности, международные сравнения, мониторинг и оценка бедности, анализ бедности во времени, уязвимость к бедности; политика ее сокращения; использование методов регрессионного анализа и показателей неравенства; влияние налогообложения и государственных расходов на неравенство и бедность. Хотя термин «парадокс бедности» в хэнбюке не используется в качестве отдельного понятия, но в нем рассматриваются ряд сложных и противоречивых аспектов измерения и понимания бедности, которые можно интерпретировать как парадоксы или противоречия. Так, один из ключевых вопросов, изучаемых авторами, определение самого понятия бедности и ее измерение, понимаемой как «выраженное снижение благополучия» (“pronounced deprivation in well-being”) (Haughton, Shahidur, 2009, p. 1). Но это определение порождает новые вопросы: что подразумевается под «благополучием» и какой ориентир следует использовать для измерения лишений? Авторы выделяют два подхода к пониманию благополучия (и, соответственно, бедности): благополучие как возможность распоряжаться товарами в целом. В этом случае бедность измеряется через сравнение доходов или потребления индивидов с определенным порогом, ниже которого они считаются бедными – наиболее распространенный подход, рассматривающий бедность в основном в денежном выражении. Благополучие как возможность получать конкретные виды потребительских благ: достаточно ли у человека еды, жилья, здравоохранения, образования, и тогда анализ выходит за рамки традиционных денежных мер бедности.

Другой парадокс бедности связан с измерением потребления. При оценке бедности возникает вопрос, следует ли включать в расчет только базовые потребности (например, еду, которая составляет около семи десятых расходов бедных домохозяйств) или также учитывать другие расходы, такие как одежда, жилье, питье. Если домохозяйство не может позволить себе достаточное количество еды, но тратит средства на другие товары, это может указывать, что эти товары также являются базовыми потребностями и должны учитываться при определении черты бедности. Парадокс бедности связан при учете состава домохозяйства. Простое сравнение совокупного потребления домохозяйств может вводить в заблуждение, так как домохозяйства различаются по размеру и составу. При этом предполагается, что ресурсы (например, еда) распределяются внутри домохозяйства справедливо, хотя на практике распределение часто отражает распределение власти между членами домохозяйства. Возникает и такой парадокс: если дети приносят пользу родителям, то как можно утверждать, что пара с ребенком, зарабатывающая 10 000 долларов, обязательно хуже, чем бездетная пара с таким же доходом. Еще один аспект – это выбор между измерением бедности по доходам или расходам. В богатых странах чаще используют доходы, так как их проще измерить (большая часть доходов приходится на заработную плату), а в бедных странах – расходы, так как доходы сложнее количественно оценить. Все это создает сложности при международных сравнениях. Итак, хотя прямого упоминания «парадокса бедности» в книге нет, в ней подробно разбираются противоречия и сложности, связанные с определением, измерением и анализом бедности, что позволяет говорить о ряде парадоксальных аспектов этой проблемы (Haughton, Shahidur, 2009).

Второй хэнбюк охватывает глобальные, сравнительные и страновые контексты исследования бедности, анализируются международные тенденции, концептуальные и операционные рамки, даны практические анализы, применение и результаты политики (Wagle, 2023). Этот хэнбюк рассматривает вопросы измерения бедности, измерения дохода (абсолютные и относительные), кумулятивную депривацию, концепции и измерения экономического неравенства, феминистские подходы. Анализируются тенденции многомерной бедности на примерах США, Латинской Америки (ее снижение), Азии (контрасты урбанизации), Африки (хроническая депривация). Ключевые идеи группируются по концептуальным блокам многомерности бедности, которую нельзя сводить только к доходу: важны доступ к образованию, безопасности, здравоохранению, жилью, возможностям самореализации. Сама дефиниция многомерной бедности стала альтернативой монетарным измерениям благополучия.

Исследуются методологические вызовы измерения, различия в подходах к определению черты бедности (абсолютная против относительной; международная против национальной). Анализируются вопросы влияния выбора индикаторов и весов на результаты: как вариативность методик меняет картину, обосновывается необходимость учета кумулятивной депривации (накопленного лишения по нескольким сферам). Изучаются феминистские подходы к анализу бедности: как гендерные нормы и институты усиливают уязвимость женщин, исследуются нюансы «двойной нагрузки» женщин (неоплачиваемый домашний труд + занятость), разрывы в оплате, доступ к ресурсам на глобальном и региональном уровнях. Парадокс бедности в том, что экономический рост не всегда снижает неравенство; в ряде стран наблюдается усиление расслоения. В региональных кейсах представлено влияние глобальных кризисов на уязвимые группы.

Имеет значение синтез экономики, социологии, политологии, антропологии для анализа причин и последствий неравенства. Было доказано, что эффективность программ «социальной защиты» (cash transfers) зависит от дизайна и контекста. Описаны детали «ловушек бедности» (traps poverty) и показаны как структурные барьеры (дискриминация, отсутствие инфраструктуры) снижают отдачу от интервенций.

Существуют самоподдерживающиеся механизмы, когда нехватка ресурсов (денег, образования, здоровья) делает невозможным самостоятельный выход из нищеты; это замкнутый круг, поскольку отсутствие капитала не позволяет увеличить доход, а низкий доход не дает накопить капитал. Ловушка социального пособия означает, что работать становится невыгодно из-за того, что сумма пособия намного выше суммы заработной платы. Доказано, что необходимы комплексные стратегии: сочетание экономического роста, оптимального перераспределения и институциональных реформ. Было показано, что переосмысление прогресса связано с акцентом на справедливость (equity) вместо простого роста ВВП. Была переосмыслена роль социального капитала и сетей поддержки в резком снижении уязвимости. Выявлена особая важность качественных методов (кейсы, нарративы) наряду с количественными данными (Wagle, 2023).

«Парадокс бедности» во втором хэндбукке представлен как собирательное понятие для социально-экономических феноменов, где наблюдается противоречие между объективными условиями (ресурсами, ростом экономики, занятостью) и сохранением или даже усугублением бедности. Ключевые разновидности:

1) «Парадокс изобилия» («ресурсное проклятие»), когда страны с богатыми запасами природных ресурсов (нефть, газ, минералы) демонстрируют более низкий долгосрочный экономический рост, чем страны с меньшими ресурсами; высокую зависимость от сырьевого экспорта и уязвимость к колебаниям цен; слабое развитие иных секторов экономики («голландская болезнь»); повышенный уровень коррупции и неравенства; низкие показатели демократии и качества госуправления. Почему так происходит? Это происходит потому, что высокие доходы позволяют властям избегать налоговых реформ и подотчетности обществу, инвестиции концентрируются в добывающем секторе, вытесняя обрабатывающую промышленность и услуги, коррупция и рентоориентированное поведение элит снижают эффективность расходования и вложений сверхдоходов, а недиверсифицированная экономика страдает при падении цен на сырье.

2) Парадокс «работающей бедности» (working poor). Суть: работник трудится полный рабочий день (или близко к этому), но его доход остается ниже прожиточного минимума. Это встречается как в развивающихся, так и в развитых странах (США, ЕС, Россия). Основные причины: низкая минимальная зарплата и застой реальных доходов; рост стоимости жизни (жилье, медицина, образование); преобладание низкооплачиваемых секторов (услуги, розница, сельское хозяйство); нестабильная занятость и сезонная работа; недостаточная социальная поддержка (пособия, субсидии); отсутствие возможностей для профессионального роста и повышения квалификации. Какие последствия: это снижение потребительской активности и торможение экономики; социальное напряжение и протесты; ухудшение здоровья и образования из-за ограниченного доступа к услугам; межпоколенческая передача бедности.

3) Парадокс роста без снижения бедности. Суть – ВВП страны растет, безработица снижается, но доля бедных остается высокой или даже увеличивается. Механизмы поддержания: рост концентрируется в высокодоходных группах, усиливая неравенство; новые рабочие места низкооплачиваемые и, как правило, неформальные; инфляция и рост цен «съедают» номинальный прирост доходов; социальные программы не масштабируются со ростом экономики.

4) Парадокс бедности в богатой стране. Суть – государство обладает значительными ресурсами (природными, финансовыми или технологическими), но значительная часть населения остается бедной. Типичные факторы: неравномерное распределение доходов и активов; слабые институты и коррупция; неэффективная социальная политика и налогообложение; региональные диспропорции (богатые центры против бедных периферий); структурные барьеры для доступа к образованию и рынку труда.

Что объединяет эти парадоксы? Бедность сохраняется или воспроизводится во всех случаях, несмотря на наличие объективных ресурсов или позитивных макропоказателей. Это указывает на то, что бедность – это не только вопрос дефицита ресурсов, но и распределения, институтов и политики; экономический рост сам по себе не гарантирует снижения бедности; требуются целенаправленные меры по перераспределению, инвестициям в человеческий капитал и укреплению социальных гарантий. Главный вывод хэндбука: борьба с бедностью и неравенством требует отказа от упрощенных метрик; учета локальных контекстов и структурных барьеров; политики, направленной на перераспределение возможностей, а не только доходов (Wagle, 2023).

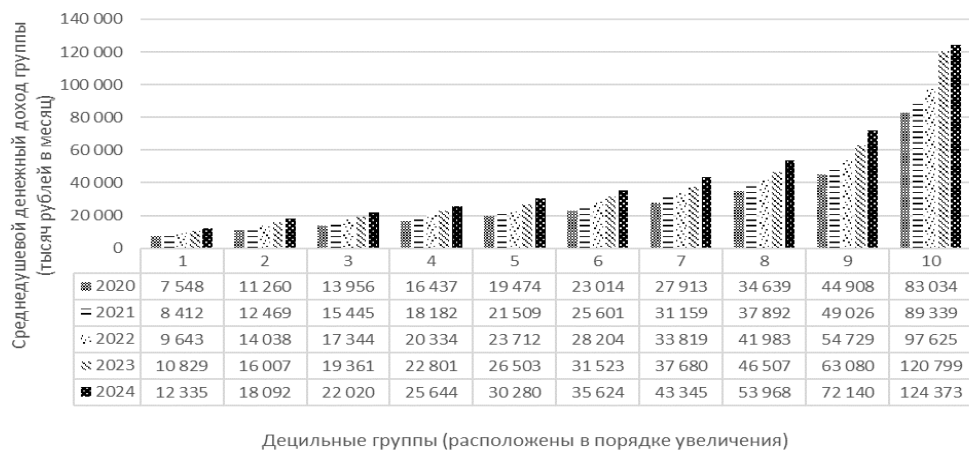
Под «парадоксом бедности» в России в настоящее время понимается ситуация, когда официальные статистические данные фиксируют рекордно низкий уровень бедности, но в обществе сохраняются системные проблемы, которые ограничивают реальное улучшение благосостояния значительной части населения. Среди исследующих эту тематику авторов – Э.Р. Ермакова и А.А. Игонина, Е.Д. Кормишкин и коллеги, Н.Е. Тихонова, которые изучение низкоресурсных групп считают необходимым для понимания структур и верных алгоритмов для построения устойчивого и хорошо развивающегося общества (Ермакова, Игонина, 2022; Кормишкин и др., 2023; Кормишкин, Моисеева, 2024; Тихонова, 2025).

Недостаточная ресурсность часто порождает «порочный круг» проблем, который может передаваться вплоть из поколения в поколение, усиливая социальное неравенство, ограничивая возможности для личностного развития, снижая уровень общественного благосостояния страны. Эти группы оказываются в уязвимом положении, сталкиваясь с повышенными рисками безработицы, проблем со здоровьем, социальной изоляцией или ограниченным доступом к информации и услугам. Низкоресурсные группы – это такие домохозяйства, которые испытывают систематический дефицит (нехватку) одного или нескольких критически важных запасов, резервов, источников для своего жизнеобеспечения: экономического, квалификационного, властного, социального.

Автор использует статистические данные Федеральной службой государственной статистики (Росстат) о располагаемых ресурсах и расходах групп населения за последние пять лет. Обследования Росстата охватывает 48 000 домохозяйств (ежеквартально). Размещения объемов выборки по субъектам РФ дано в соответствии с установленным количеством обследуемых респондентов (домохозяйств) с учетом необходимости обеспечения представительности итогов по субъектам РФ, по основным демографическим и социально-экономическим группам домашних хозяйств (исходя из приемлемого уровня ошибки выборки) и генеральной совокупности (N), служащую основой для ее построения, и составляют все частные домохозяйства, проживающие на территории РФ. Изучение статистических данных Росстата о располагаемых ресурсах и расходах на потребление домашних хозяйств по 10-ти процентным группам населения с 2020 по 2024 гг. показывает нам такие результаты. По критерию доходов группы представлены от 10% наименее обеспеченного населения до 10% наиболее обеспеченного населения. По итогам 2020 года в России на долю первой децильной группы приходилось 2% общего объема денежных доходов (7,5 тыс. руб. в месяц), а на долю последней –десятой децильной группы – 30% общего объема денежных доходов (83 тыс. руб. в месяц), что в 11 раз выше, чем средний доход в беднейшей группе.

На рисунке 1 показано, что в 2024 году в России наблюдалось значительное неравенство в доходах населения. Десятая часть самых бедных граждан получала лишь 2% от общего объема доходов страны (в среднем 12,3 тыс. руб. в месяц), в то время как на долю 10% самых богатых приходилось 30% доходов (в среднем 124,4 тыс. руб. в месяц). Разница в доходах между этими группами достигала десятикратного размера, что указывает на серьезную проблему доходного неравенства.

Более того, наблюдается существенная разница между минимальным размером оплаты труда (МРОТ); доходом, который получают 10% наименее обеспеченных граждан (первая децильная группа); доходом первой децильной группы с учетом инфляции и границ бедности. Разница разрыва между законодательно установленным минимумом и реальными доходами наиболее уязвимой части населения, имеет тенденцию к росту: 2020 год – разница составляла 4682 рубля; 2021 год – 4380 рублей; 2022 год – 4247 рублей; 2023 год – 5413 рублей; 2024 год – 7089 рублей.

Децильные группы (расположены в порядке увеличения)

Рис. 1. Среднедушевой денежный доход децильных групп с 2020 по 2024 гг.

Источник: составлено автором по данным Росстата.

Из рисунка 2 мы видим, что ниже минимального размера оплаты труда выстроились домашние хозяйства, имеющие уровень денежных доходов ниже границы бедности, которая считалась величиной прожиточного минимума до 2020 года, и все обозначенные кривые – бедности, номинальные доходы первой децильной группы и реальные доходы первой децильной группы с учетом инфляции отдаляются от тренда МРОТ вниз все больше и больше. Этот график означает не что иное, как «парадокс стойкости» – социальный феномен, когда большинство людей (до 2/3) успешно справляются с травматическим стрессом без серьезных нарушений. Парадокс состоит в том, что стойкость – типичная, а не редкая реакция, это социальная норма, а не исключение, даже после тяжелых событий.

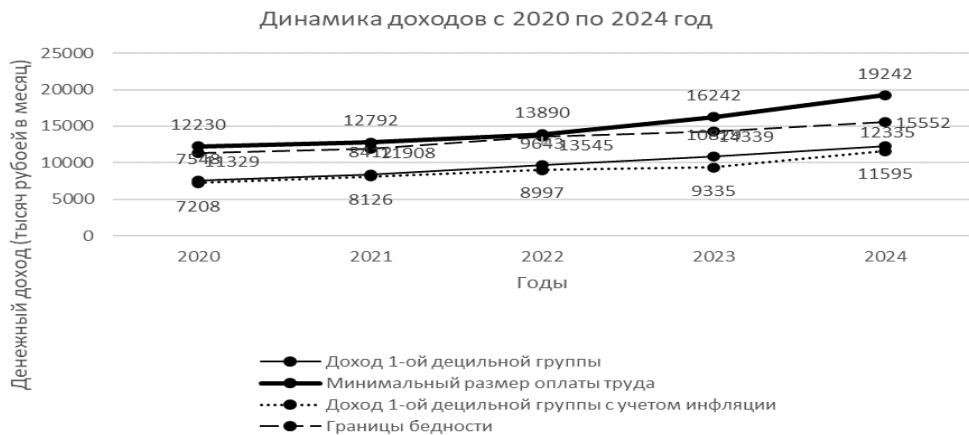

Рис. 2. Динамика соотношения минимального размера оплаты труда, дохода первых децильных групп, дохода с учетом инфляции и с учетом границами бедности с 2020 по 2024 гг.

Источник: составлено автором по данным Росстата.

Заключение

По итогам исследования можно сделать следующие выводы:

1. Адекватное изучение низкоресурсных групп помогает понять, какие процессы характеризуют положение в социальной структуре наименее благополучных групп, а также выявить, кто конкретно должен быть объектом социальной политики, направленной на улучшение их бедственного положения.
2. Низкоресурсные группы демонстрируют высокую способность адаптации к разным шокам, которая проявляется в гибком изменении потребительского поведения.
3. В условиях неопределенности усилилась тенденция к формированию «подушки безопасности» и минимизации рисков, а не к активному и рискованному инвестированию.
4. Сохраняется существенное расслоение: низкодоходные группы вынуждены экономить на базовых потребностях, в то время как обеспеченные слои сохраняют свои потребительские привычки, переходя на отечественные аналоги.
5. Наблюдается снижение готовности к крупным кредитным нагрузкам и переход к модели минимизирующего рационального потребления.

Библиографический список

1. Ермакова Э.Р., Игонина А.А. (2022). Проблема бедности в обществе с избыточным социально-экономическим неравенством // Национальная безопасность. № 5. DOI: 10.7256/2454-0668.2022.5.38744.
2. Кормишкин Е.Д., Моисеева И.В. (2024). К вопросу о «новой» бедности в России в 2000–2023 гг. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 184–203. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.10.
3. Кормишкин Е.Д., Иванова И.А., Моисеева И.В. (2023). К вопросу о бедности в России: факты, парадоксы, особенности и перспективы сокращения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 4. С. 218–235. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.12.
4. Тихонова Н.Е. (2025). Особенности финансового поведения россиян в условиях внешних шоков последних лет // Экономическая социология. Т. 26. № 1. С. 11–38. DOI: 10.17323/1726-3247-2025-1-11-38.
5. Haughton J., Shahidur R.K. (2009). Handbook on Poverty and Inequality. World Bank Document. Publisher: World Bank Publications.
6. Wagle U.R. (2023). Research Handbook on Poverty and Inequality. Publisher: Edward Elgar Publishing.

Информация об авторе

Мария Руслановна Нагоричная – аспирант, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: m.r.nagorichnaia@utmn.ru)

Nagorichnaia M.R.

THE PARADOXES OF POVERTY AND THEIR INVARIANTS

Abstract. *It is becoming relevant to study the dynamics of available resources, income, and consumption expenditures among large segments of the population and those specific groups that fall within the "poverty line". The aim of this thesis is to assess their margins of safety. This paper analyzes the paradoxes of poverty and their invariants globally and in Russia, and uncovers their substantive components. Conclusion: in low-resource groups, the paradoxes of poverty turn into paradoxes of resilience.*

Keywords: *social stratification, decile groups, population resources, welfare, poverty paradoxes and their invariants.*

About the author

Maria R. Nagorichnaia – graduate student, manager of the scientific research center, Tyumen State University (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: m.r.nagorichnaia@utmn.ru)

References

1. Ermakova E.R., Igonina A.A. (2022). The problem of poverty in a society with excessive socio-economic inequality. *National security*, № 5. DOI: 10.7256/2454-0668.2022.5.38744.
2. Kormishkin E.D., Moiseeva I.V. (2024). On the issue of the "new" poverty in Russia in 2000–2023. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17, 5, 184–203. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.10.
3. Kormishkin E.D., Ivanova I.A., Moiseeva I.V. (2023). On the issue of poverty in Russia: facts, paradoxes, specifics and alleviation prospects. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16, 4, 218–235. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.12.
4. Tikhonova N.E. (2025). Features of financial behavior of Russians in the context of external shocks of recent years. *Economic sociology*, 26, 1, 11–38. DOI: 10.17323/1726-3247-2025-1-11-38.
5. Haughton J., Shahidur R.K. (2009). Handbook on Poverty and Inequality. World Bank Document. Publisher: World Bank Publications.
6. Wagle U.R. (2023). Research Handbook on Poverty and Inequality. Publisher: Edward Elgar Publishing.

ПРОБЛЕМЫ БЕДНОСТИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ (МАТЕРИАЛЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В Г. КЫЗЫЛЕ)

Аннотация. *Автором представлены результаты социологического исследования, проведенного в 2024 году в целях анализа социально-экономического положения домохозяйств (семей) г. Кызыла, уровня и профиля бедности основных социально-экономических групп в части материального положения семей с детьми и детской бедности. Были сделаны выводы о том, что существенная часть семей сталкивается с трудностями при подготовке детей к школе перед началом учебного года, а дефицит средств бюджетах семей отрицательно влияет на условия социализации детей, которые сталкиваются с неравным доступом к дополнительному образованию и культурному досугу.*

Ключевые слова: *детская бедность, семьи с детьми, многодетные семьи, неполные семьи, социализация, неравенство возможностей, дополнительное образование, культурный досуг.*

Государственная поддержка семей с детьми в России заметно снижает уровень их бедности, однако проблемы, связанные с дефицитом бюджетов отдельных типов семей (неполные, многодетные), сохраняются. Несмотря на то, что Россия, во многом сохранившая и модернизовавшая советскую систему, имеет уникальный опыт и современные механизмы социальной поддержки семьи, материнства и детства, дискуссии относительно эффективности социальных трансфертов, направленных на поддержку отдельных типов семей (многодетных, неполных) сохраняют свою актуальность в контексте демографической политики государства, цель которой повышение рождаемости. С рисками бедности сталкиваются не только многодетные и неполные семьи, но и имеющие в своем составе студентов (Гришина, 2025).

Исследователи отмечают важность изучения вопросов детской бедности и поддержки семей с детьми (Миронова, 2025). Н.А. Бочанов указывает на тот факт, что, несмотря на внедренные в России меры поддержки многодетных семей, не удалось преодолеть неравенство в доходах и бедность этих семей (Бочанов, 2024). Независимо от бюджетной обеспеченности регионов общей проблемой остаются материальные трудности многодетных семей. Например, Е.В. Земляная, Л.А. Безвербная и Е.К. Журавлева на примере экономического положения многодетных семей Москвы и Московской области (наиболее экономически благополучных субъектов РФ) показывают, что для них так же характерны высокая кредитная нагрузка, жилищные проблемы, неуверенность в завтрашнем дне, что сдерживает рождение последующих детей, и в связи с этим подчеркивают необходимость разработки эффективных мер их поддержки (Землянова и др., 2025).

В российской социологической литературе наблюдается поиск новых инструментов и технологий поддержки семей с детьми. Так, Ш. Фарахутдинов, Л. Мехришвили, Н. Ткачева и А. Юдашин предлагают рассмотреть концепт автономности как основу для определения адресности социальной поддержки семей, а также изучить инновационные инструменты, такие как электронные социальные сертификаты и целевые потребительские субсидии (Фарахутдинов и др., 2024). О.Н. Калачикова, Ю.Е. Шматова и И.Н. Разварина, на основе анализа зарубежного опыта поддержки семей с детьми, отмечают, что с точки зрения возможности практического применения для России интерес представляют такие практики, как польские программы «500+», «карта большой семьи», «Мама 4+» и др. (Калачикова и др., 2025).

Работы российских авторов также направлены на поиск новых институциональных решений в этой сфере. С этой позиции необходимо отметить видение Д.Ф. Алиева, Е.Ш. Гонтмахера и В.В. Трубина, которые считают целесообразным изучить вопрос реализации политики социальной поддержки семьи, материнства и детства в структуре специального государственного института (Алиев и др., 2024). Следует отметить позицию Н.Г. Дехановой и Ю.А. Холоденко, согласно которой бюджетная поддержка государства не решает проблемы семьи и демографии, несмотря на рост этой поддержки, и необходима реализация принципов рациональности, адресности в условиях ограниченности ресурсов (Деханова, Холоденко, 2024).

Что касается Республики Тыва, которая сохраняет свою позицию в верхних строчках регионов с наиболее бедным населением и отличается высоким уровнем рождаемости и детности семей, то актуальность проблемы сложного экономического положения семей с детьми проявляется в большей степени, чем где-либо. Исследования, проведенные в Туве, показывают, что преимущественная часть малоимущих домохозяйств является многосоставной, имеющей детей до 18 лет. В наиболее затруднительном положении находятся многодетные и неполные семьи (Натсак, 2025). Дети до 16 лет составляют 48,1% малоимущего населения в Туве при среднероссийском показателе 39,5%, в 88,5% малоимущих домохозяйств воспитываются дети до 18 лет. Исследователи отмечают необходимость выделения неполных семей в отдельную категорию в региональной программе по снижению бедности (Натсак, 2024).

В представленном материале мы остановимся на затруднениях, которые испытывают семьи при подготовке детей к школе, на неравенстве доступа детей к дополнительному образованию в условиях дефицита в бюджетах семей с детьми и на мерах, которые можно предпринять для решения этих вопросов на региональном и муниципальном уровнях.

В апреле–июле 2024 года Тувинским институтом гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва было проведено социологическое исследование «Бедность городских семей (на примере г. Кызыла)», в ходе которого были проанализированы субъективные оценки жителями столицы своего материального положения, структура доходов и расходов домохозяйств, адаптационные стратегии, уровень бедности в многодетных, неполных семьях, в семьях, где родители являются безработными или имеют прекарную занятость. Объектом исследования выступили домохозяйства г. Кызыла (в опросе принимали участие по одному представителю домохозяйства старше 18 лет). Предмет исследования – социально-экономическое положение домохозяйств. Были использованы социологические методы количественного и качественного характера: опрос путем личного интервью, глубинные интервью. Опрос был проведен по формализованному опроснику (анкете; #500), использовалась многоступенчатая выборка, методика отбора была случайной маршрутной. Глубинные интервью (#32) были проведены по полуструктурированному опроснику и охватывали представителей разных категорий семей (полных, неполных, многодетных); лиц с разным социально-профессиональным статусом (работающих, безработных); получателей социальных пособий, выплат, субсидий; представителей разных возрастных групп.

Одним из материально затратных для родителей сезонных вопросов является подготовка детей к школе. Без затруднений самостоятельно приобрести необходимые школьные принадлежности, одежду, обувь своим детям могут 36,2% опрошенных. Сборы в школу являются несколько затруднительными для 46,3%; сильные затруднения испытывают 17,5% респондентов, имеющих детей; 17,2% опрошенных отметили, что им не хватает средств на оплату питания детей в школе. В зоне риска с точки зрения возможных негативных последствий для здоровья и влияния на успеваемость находятся дети, которые не получают бесплатного питания (все классы старше начальной школы) и чьи родители не могут обеспечить средствами на питание в школе. Кроме того, 27,1% опрошенных сообщили, что им не всегда хватает средств на оплату услуг общественного транспорта для проезда их детей до школы. 43,4% опрошенных отметили, что их дети школьного возраста не посещают учреждения дополнительного образования (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Посещают ли ваши дети школьного возраста учреждения дополнительного образования?», %

Вариант ответа	Ответ
Да	56,6
Нет	43,4
Источник: Исследование ТИГПИ «Бедность городских семей (на примере г. Кызыла)», 2024 год.	

В качестве причин того, что дети не посещают организации дополнительного образования, респонденты указали нехватку финансовых средств на оплату услуг организаций дополнительного образования – 36,2%, отсутствие интереса детей к дополнительному образованию – 21,3%, отсутствие возможности довозить ребенка до места занятий дополнительным образованием – 21,3% (табл. 2). Опрошенные (39,9%), имеющие детей школьного возраста, указали на то, что их дети не занимаются спортом. В структуре причин, по которым дети не вовлечены в детский спорт, первое ранговое место занимают ответы о том, что нет спортивных объектов, находящихся близко к дому – 44,3%, второе – высокая оплата занятий спортом (23,9%).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Если Ваши дети не посещают учреждения дополнительного образования, укажите, пожалуйста, почему?», %

Вариант ответа	Ответ
Нет финансовых средств для оплаты дополнительного образования	36,2
Некому отвозить детей на дополнительное образование	21,3
Ребенок/дети не интересуются дополнительным образованием	34,0
Другое	8,5

Источник: Исследование ТИГПИ «Бедность городских семей (на примере г. Кызыла)», 2024 год.

Глубинные интервью показали, что доступ к дополнительному образованию является одной из самых острых и актуальных проблем для многодетных и низкодоходных семей.

«Даже в детских садах дополнительное образование платное. В месяц мы платим от двух до четырех тыс. рублей за дополнительное образование двух детей в детском саду. Сын-школьник посещал бесплатную спортивную секцию по национальной борьбе «хуреи» в школе. Бесплатная секция – это нерегулярные занятия, большие простои и перерывы, если тренер куда-то уезжает или его нет по другим причинам, замену не обеспечивают, эффективность низкая. Спорт для детей в Кызыле – малодоступен» (М., 35 лет, имеет высшее образование и постоянную работу, 5 детей).

«Сын ходит в музыкальную школу, платим три тыс. в месяц. Мы считаем, что музыкальная школа – обязательна. Несмотря на нехватку денег, на это мы находим средства. Тяжело, да» (М., 48 лет, имеет высшее образование и постоянную работу, 5 детей).

В ходе исследования изучался вопрос о том, насколько семьи г. Кызыла имеют возможности обеспечивать своим детям доступ к культурным мероприятиям. На вопрос о том, позволяют ли их доходы детям школьного возраста посещать кино, концерты, хотя бы один раз в месяц, 73,6% опрошенных ответили положительно, 18,7% – отрицательно. При этом респонденты отмечали, что они (родители) не имеют такой возможности, однако ищут средства в семейном бюджете на культурный досуг детей.

Исследование выявило три проблемы для детей, которые являются результатом бедности семьи и дефицита средств – малодоступность дополнительного образования, невозможность для части родителей стабильно оплачивать питание в школьных столовых и проезд в общественном транспорте.

Бедность отрицательно влияет на качество человеческого капитала, а именно на уровень образования, здоровье и социальную субъектность. Дети, воспитываемые в бедных семьях, объективно имеют меньше шансов на получение качественного образования, дополнительного образования, и недоступность этих сфер может воспроизводить межпоколенческую бедность и социальное неравенство в будущем. С учетом этого факта в региональной и муниципальной программах по снижению бедности целесообразно выработать механизмы снижения отрицательного влияния последствий бедности и лишений на детей и качество человеческого потенциала в будущем. В первую очередь, необходимо выработать и утвердить реальную и работающую систему скидок в сфере дополнительного образования: в школах искусств (хореографических, музыкальных), детских садах; ужесточить требования к графику и содержанию работы спортивных секций в школах. Необходим поиск новых видов поддержки, которые были бы направлены на снижение детской бедности и уровня лишений: запуск карт, приложений, связанных с проездом детей на общественном транспорте и питанием в школьных столовых (для учащихся средних и старших классов), которые нужно предоставить детям-школьникам из наиболее нуждающихся семей.

Библиографический список

1. Алиев Д.Ф., Гонтмахер Е.Ш., Трубин В.В. (2024). Социальная поддержка семьи, материнства и детства: Россия и мировой опыт // Уровень жизни населения регионов России. Т. 20. № 3. С. 322–338. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_3_1_322_338.
2. Бочанов М.А. (2024). Снижение уровня бедности среди многодетных семей: направления российской государственной политики // Социально-политические науки. Т. 14. № 2. С. 55–61. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-2-55-61.
3. Гришина Е.Е. (2025). Возможные риски и проблемы в сфере социальной защиты семей с детьми, препятствующие снижению уровня бедности. Демографическое обозрение. № 12 (1). С. 86–103. DOI: 10.17323/demreview.v12i1.26580.
4. Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. (2024). Приоритеты социальной политики России в условиях глобальных социальных изменений // Социодинамика. № 3. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.3.70217.
5. Землянова Е.В., Безвербная Н.А., Журавлева Е.К. (2025). Экономическое положение многодетных семей Москвы и Московской области: социологическое исследование // Уровень жизни населения регионов России. Т. 21. № 2. С. 223–232. DOI:10.52180/1999-9836_2025_21_2_4_223_232.
6. Калачикова О.Н., Шматова Ю.Е., Разварина И.Н. (2025). Опыт поддержки многодетных семей: обзор успешных практик // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 243–272. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.14.
7. Миронова А.А. (2025). Роль частных трансфертов в поддержке семей с несовершеннолетними детьми как группы с повышенным риском бедности // Журнал исследований социальной политики. № 23 (1). С. 79–98. DOI: 10.17323/727-0634-2025-23-1-79-98
8. Натсак О.Д. (2024). Проблемы бедности неполных семей в Туве // Новые исследования Тувы. № 4. С. 204–220. DOI: 10.25178/nit.2024.4.14.
9. Натсак О.Д. (2025). Социально-демографический профиль бедного населения Республики Тыва // Журнал социологии и социальной антропологии. № 28 (2). С. 33–68. DOI: 10.31119/jssa.2025.28.2.2.
10. Фарахутдинов Ш., Мехришвили Л., Ткачева Н., Юдашкин А. (2024). Автономность как критерий принципа адресности государственной социальной поддержки семей // Журнал исследований социальной политики. № 22 (2). С. 319–338. DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-2-319-338.

Информация об авторе

Органа Доржуевна Натсак – кандидат философских наук, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Российская Федерация, 667000, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4; e-mail: nod695596@gmail.com)

Natsak O.D.

PROBLEMS OF POVERTY OF FAMILIES WITH CHILDREN (MATERIALS OF A SOCIOLOGICAL SURVEY IN KYZYL)

Abstract. *The author presents the results of a sociological survey conducted in 2024 in order to analyze the socio-economic situation of households (families) in Kyzyl, the level and profile of poverty of the main socio-economic groups in terms of the financial situation of families with children and child poverty. It was concluded that the poverty of families with children negatively affects the socialization conditions of children who face unequal access to preschool, additional education and cultural leisure.*

Keywords: *child poverty, families with children, large families, single-parent families, socialization, inequality of opportunities, additional education, cultural leisure.*

About the author

Organa D. Natsak – Candidate of Sciences (Philosophical), Tuvan institute of humanitarian and applied socio-economic research under the government of the Republic of Tuva (4, Kochetova Street, Kyzyl, 667000, Russian Federation; e-mail: nod695596@gmail.com)

References

1. Aliev D.F., Gontmakher E.Sh., Trubin V.V. (2024). Social support for family, motherhood and childhood: Russia and the world experience. *Standard of living of the population of the regions of Russia*, 20, 3, 322–338. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_3_1_322_338.
2. Bochanov M.A. (2024). Reducing poverty among large families: directions of Russian state policy. *Socio-political Sciences*, 14, 2, 55–61. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-2-55-61.
3. Grishina E.E. (2025). Possible risks and problems in the field of social protection of families with children that hinder poverty reduction. *Demographic review*, 12(1), 86–103. DOI: 10.17323/demreview.v12i1.26580.
4. Dekhanova N.G., Kholodenko Yu.A. (2024). The priorities of Russia's social policy in the context of global social changes. *Sociodynamics*, 3. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.3.70217.
5. Zemlyanova E.V., Bezverbnaya N.A., Zhuravleva E.K. (2025). The economic situation of large families in Moscow and the Moscow region: a sociological study. *Standard of living of the population of the regions of Russia*, 21, 2, 223–232. DOI: 10.52180/1999-9836_2025_21_2_4_223_232 6.
6. Kalachikova O.N., Shmatova Yu.E., Razvarina I.N. (2025). Experience in supporting large families: an overview of successful practices. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 18, 1, 243–272. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.14.
7. Mironova A.A. (2025). The role of private transfers in supporting families with minor children as a group at increased risk of poverty. *Journal of social policy research*, 23(1), 79–98. DOI: 10.17323/727-0634-2025-23-1-79-98
8. Natsak O.D. (2024). Problems of poverty of single-parent families in Tuva. *New studies of Tuva*, 4, 204–220. DOI: 10.25178/nit.2024.4.14
9. Natsak O.D. (2025). Socio-demographic profile of the poor population of the Republic of Tyva. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 28(2), 33–68. DOI: 10.31119/jssa.2025.28.2.2.
10. Farakhutdinov Sh., Mehrishvili L., Tkacheva N., Yudashkin A. (2024). Autonomy as a criterion of the principle of targeting state social support for families. *Journal of social policy research*, 22(2), 319–338. DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-2-319-338.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА СТРЕСС И КОПИНГ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА

Аннотация. В статье исследуется влияние цифровой активности и использования нейросетей и ИИ-технологий на уровень стресса и выбор копинг-стратегий студентами. Результаты опроса подтверждают гипотезу о неоднозначном влиянии данных практик на сферу стресса и копинга.

Ключевые слова: стресс, копинг, цифровой копинг, студенты, молодежь.

Современный этап развития общества характеризуется стремительной цифровой трансформацией всех сфер жизни, что оказывает существенное влияние на психологическое состояние различных социальных групп. Ускоренный темп жизни, урбанизация, глобальные кризисы, рост цен и другие экономические проблемы, личностные трудности и межличностные отношения, самореализация, работа и учеба – все эти факторы ведут к беспрецедентному росту стрессовых нагрузок в современном мире. Особого внимания заслуживает студенческая молодежь – социальная группа, которая одновременно испытывает высокую учебную нагрузку и активно осваивает новые технологические решения, включая инструменты на базе искусственного интеллекта (ИИ).

В условиях повышенной академической нагрузки, неопределенности профессионального будущего и социально-психологического давления студенты все чаще сталкиваются с хроническим стрессом. Связано это с множеством факторов, к которым, помимо вышеупомянутых, можно добавить то, что молодежь в целом более подтверждена стрессу в силу биологических причин. Подверженность социальной группы молодежи (к которой относятся и студенты) к стрессу подтверждается и исследованием ВЦИОМ¹. Среди молодежи от 18 до 24 лет со стрессом сталкивалось 45%, что значительно превышает средний показатель.

В этих условиях особую актуальность приобретает поиск эффективных стратегий совладания со стрессом (копинг-стратегий). Традиционно копинг-механизмы включали в себя личностные ресурсы, социальную поддержку и поведенческие тактики (например, спорт, хобби, общение). Однако в последние годы в арсенале студентов появились принципиально новые инструменты – цифровые копинг инструменты² и технологии на базе ИИ³. Они имеют комплексное, сложное и достаточно неоднозначное влияние на людей и общество. На данный момент эти формы копинга еще слабо изучены и в большей степени обсуждаются различными публичными деятелями, СМИ⁴, государственными институтами и т. п. При этом мнения о данных явлениях часто предвзяты, эмоционально окрашены и апеллируют к устаревшим или неверным концепциям. Таким образом, изучение цифровых форм копинга является важным и актуальным направлением, т. к. это не просто свежее и малоизученное направление стратегий преодоления, но и важный фактор, оказывающий прямое влияние на состояние молодежи и, соответственно, будущее нашего общества.

Цель исследования: концептуализировать понятие «цифрового копинга» и выявить характер влияния нейросетей и общей цифровой активности на уровень стресса и выбор копинг стратегий студентами.

¹ Стресс и как с ним бороться? // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/stress-i-kak-s-nim-borotsya>

² Азиатские игры для русских игроков // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/aziatskie-igry-dlja-russkikh-igrokov>

³ Нейросети: инструмент, а не магия. // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neiroseti-instrument-a-ne-magija>

⁴ Карасева Е., Курбанова Н. (2025). Любовные сети: могут ли ИИ-партнеры вытеснить реальные отношения // Известия. URL: <https://iz.ru/1837637/ekaterina-karaseva-naina-kurbanova/lubovnye-seti-mogut-li-ii-partnery-vytesnit-realnye-otnosheniia>

Рабочие гипотезы:

Гипотеза 1. Использование нейросетей в учебных целях выступает фактором снижения стресса за счет оптимизации временных затрат и снижения когнитивной нагрузки.

Гипотеза 2. Высокая общая цифровая активность (вне учебы) коррелирует с повышением уровня стресса вследствие информационного перенасыщения.

Гипотеза 3. Существует «эффект плато» (адаптации), когда при достижении экстремально высокого уровня цифровой активности корреляция со стрессом ослабевает.

Гипотеза 4. Высокая цифровая активность определяет выбор поведенческих копинг-стратегий, ориентированных на отвлечение.

Метод исследования

Выборочное анкетирование. Генеральная совокупность – студенты ЧГУ, обучающиеся на направлениях «Социология» и «Социальная работа» на 1–4 курсах бакалавриата и 1–2 курса магистратуры, ($n = 123$). Выборочная совокупность составила 102 человека. Метод выборки – основной массив (изучению подлежит до 70% генеральной совокупности). Инструментом исследования послужила авторская анкета, исследующая разные аспекты стресса и копинга студенческой молодежи, которая состоит из семи блоков. Опрос проводился с 3 по 10 марта 2026 года. Данные исследования были обработаны при помощи программы SPSS.

Результаты исследования

Сначала мы оценили по шкале от 0 до 10 уровень стресса студентов за последние 4 недели. Средний уровень составил 4,8. Низкий уровень стресса испытывают 21%, средний – 24%, высокий – 37%, очень высокий – 18%. Для подтверждения этих данных мы поинтересовались их субъективной оценкой о частоте возникновения стрессовых ситуаций в процессе обучения. Положительный ответ дал каждый третий студент (36%), иногда – 40%, редко – 19%, практически никогда – 4%. При этом ИИ в учебе использовали в последнее время: практически ежедневно – 34%, несколько раз в неделю – 46%, несколько раз в месяц – 17%, а не пользовалось только 3%. Корреляция между уровнем стресса и частотой использования ИИ отсутствует ($p = 0,035$). Мы изучили частоту использования ИИ и ее влияние на формирование стресса. Показатель корреляции $-0,029$ показывает отсутствие корреляции между данными показателями с незначительным обратным уклоном.

Субъективное мнение о влиянии ИИ на уровень стресса показал, что этот факт его заметно снижает – 76%, никак не влияет – 17%, повышает – 1%, затруднились ответить – 6%. Таким образом, подавляющее большинство респондентов (76%) отмечает позитивное влияние нейросетей на снижение стресса. Структура причин положительного влияния ИИ на эмоциональное состояние студента (снижается стресс): экономия времени на рутине (77%), быстрое понимание темы (51%), структурирование подготовки (40%), снижение страха «чистого листа» (35%). Среди причин повышения стресса выделили: страх ошибки (28%), зависимость от ИИ (23%), недоверие к данным ИИ (18%).

Однако нейросети являются лишь одной из форм цифровой активности, поэтому далее мы изучили взаимосвязь уровня стресса с цифровой активностью в целом, не связанной с учебной деятельностью. По количеству выбранных практик были выделены следующие группы цифровой активности: малая (17%), средняя (37%), высокая (26%), очень высокая (20%). Данный показатель демонстрирует значительно более высокую корреляцию с уровнем стресса (0,183), что представлено в *табл. 1*. Низкий уровень стресса чаще всего встречается у людей с низкой цифровой активностью. Средний и высокий – со средней активностью, а очень высокий характерен для группы высокой цифровой активности. Из общей тенденции выпадает группа очень высокой цифровой активности, так как все уровни стресса представлены в ней также как в целом по генеральной совокупности. Это может быть связано с тем, что у людей с очень высокой цифровой активностью формируется привыкание к такой жизни, и она больше не влияет на их уровень стресса. В остальных группах прослеживается четкое влияние цифровой активности на стресс – чем она выше, тем выше уровень стресса.

Таблица 1. Зависимость уровня стресса от цифровой активности

	Малая цифровая активность (0–4)	Средняя цифровая активность (5–7)	Высокая цифровая активность (8–10)	Очень высокая цифровая активность (11+)	Всего
Низкий уровень стресса	41,2	16,2	19,2	15,0	21,0
Средний уровень стресса	23,5	27,0	19,2	25,0	24,0
Высокий уровень стресса	29,4	40,5	34,6	40,0	37,0
Очень высокий уровень стресса	5,9	16,2	26,9	20,0	18,0
Источник: составлено автором.					

Далее мы изучили влияние цифровой активности и использования ИИ на выбор копинг-стратегий (типология копинга Э. Хейма). Методика позволяет оценить 26 ситуационно-специфических вариантов копинга, разделенных на три направления: когнитивные, эмоциональные и поведенческие стратегии; и три группы: адаптивные, относительно адаптивные и неадаптивные формы копинга. Для исследования инструментарий Хейма был модифицирован во множественные вопросы. В каждой сфере копинга респондент выбирал три утверждения, а не одно. Адаптивные когнитивные копинги, выбираемые студентами: самообладание (25%), проблемный анализ (45%), установка на собственной ценности (37%). Относительно адаптивные стратегии представлены придачей смысла (21%), относительностью (37%) и религиозностью (17%). Неадаптивный копинг в когнитивной сфере: диссимуляция (25%), растерянность (26%), игнорирование (27%) и смирение (40%).

Далее рассмотрим корреляцию цифровой активности респондента и частоты использования им нейросетей с данными копинг стратегиями. Цифровая активность не продемонстрировала корреляции ни с одной копинг-стратегией, а вот частота использования нейросетей показала слабую корреляцию с относительностью (0,174) и растерянностью (0,172), а обратную корреляцию с сохранением самообладания (-0,110) и религиозностью (-0,294). Это может быть связано со склонностью людей, часто прибегающих к помощи нейросетей, полагаться на них в тяжелых обстоятельствах. При этом сильная обратная корреляция с религиозностью требует дальнейшего анализа.

В эмоциональной сфере адаптивные стратегии представлены оптимизмом (69%) и протестом (23%); относительно адаптивные – эмоциональной разрядкой (30%) и пассивной кооперацией (44%); неадаптивные – подавлением эмоций (61%), покорностью (25%), самообвинением (26%) и агрессивностью (22%). В эмоциональной сфере копинга цифровая активность коррелирует с эмоциональной разрядкой (0,116) и значительно отрицательно с пассивной кооперацией (-0,214).

С частотой использования нейросетей слабо коррелируют следующие стратегии: самообвинение (-0,147), пассивная кооперация (-0,186) и агрессивность (-0,188).

В поведенческой сфере адаптивные стратегии представлены сотрудничеством (41%), альтруизмом (27%) и обращением (27%); относительно адаптивные – отвлечением (54%), компенсацией (48%) и конструктивной активностью (9%); неадаптивные – активным избеганием (45%) и отступлением (49%). В поведенческой сфере копинга цифровая активность коррелирует с отвлечением (0,213) и слабее с сотрудничеством (0,141); слабо обратно коррелирует с активным избеганием (-0,163).

Выводы

Установлено, что цифровой копинг студентами реализуется и как инструментальный (использование ИИ для решения задач), и как эмоционально-поведенческий (отвлечение через цифровой контент).

Гипотеза 1 частично подтверждена. Объективной статистической корреляции между частотой использования ИИ и уровнем стресса не выявлено, однако субъективно 76% студентов отмечают снижение стресса благодаря ИИ (экономия времени – 77%, преодоление страха «чистого листа» – 35%). Это свидетельствует о том, что нейросети воспринимаются как эффективный инструмент психологической разгрузки.

Гипотезы 2 и 3 подтверждены. Выявлена прямая корреляция между цифровой активностью и стрессом. Установлено, что наиболее уязвимая группа с высокой активностью, в то время как группа с очень высокой активностью демонстрирует признаки адаптации (привыкания).

Подтверждена гипотеза 4. Высокая цифровая активность напрямую коррелирует с копингом «отвлечение» в поведенческой сфере. Использование нейросетей ведет к росту стратегий «относительность» и «растерянность», при этом снижая опору на «самообладание» и «религиозность». Это указывает на перенос ответственности с внутренних ресурсов на внешние технологические инструменты. Высокая цифровая активность снижает склонность к «пассивной кооперации», что может свидетельствовать о росте индивидуализации и цифровом отчуждении в стрессовых ситуациях.

Результаты исследования могут быть использованы администрациями вузов, психологическими службами, кураторами академических групп и разработчиками профилактических программ для выявления групп риска по стрессу и дезадаптивному цифровому копингу. Выявленная нелинейная связь между уровнем цифровой активности и стрессом позволяет точнее настраивать меры поддержки. Направлять профилактику прежде всего на группы с высокой (но не максимальной) цифровой активностью, где вероятность напряжения и неэффективных стратегий выше.

Практическую ценность имеет и описание изменений в структуре копинг-стратегий при активном использовании нейросетей: рост «отвлечения», «растерянности» и «относительности» при снижении «самообладания» и других внутренних опор. Это можно применять для разработки кратких тренингов цифровой саморегуляции (управление вниманием, гигиена уведомлений, ограничение многозадачности, восстановление навыков самостоятельного решения задач без постоянной внешней подсказки).

Информация об авторе

Егор Эдуардович Неверов – магистрант, Череповецкий государственный университет (Российская Федерация, 162602, г. Череповец, пр-т Луначарского, д. 5; e-mail: creeper232323@yandex.ru)

Neverov E.E.

THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON STRESS AND COPING IN TODAY'S STUDENTS

Abstract. *The article examines the impact of digital activity and the use of neural networks and AI technologies on stress levels and the choice of coping strategies among students. The survey results confirm the hypothesis about the ambiguous influence of these practices on the domains of stress and coping.*

Keywords: *stress, coping, digital coping, students, youth.*

About the author

Egor E. Neverov – Master Degree student, Cherepovets State University (5, Lunacharskogo Avenue, Cherepovets, 162602, Russian Federation; e-mail: creeper232323@yandex.ru)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ В СФЕРЕ ТУРИЗМА

Аннотация. *Статья посвящена анализу трансформации занятости в сфере туризма в условиях креативной экономики. Рассматриваются гибкие формы занятости и их влияние на рынок труда. Делается вывод о росте нестабильных форм занятости и необходимости их социологического анализа.*

Ключевые слова: *креативная занятость, сфера туризма, трансформация занятости, социология труда, креативная экономика.*

Современные изменения рынка труда связаны с развитием креативной экономики, цифровизацией и распространением гибких форм занятости. В данных условиях происходит переход от стабильных форм трудовой деятельности к проектным и индивидуализированным моделям занятости. Сфера туризма выступает одной из отраслей, где данные процессы проявляются наиболее ярко. Это связано с особенностями туристской деятельности, основанной на производстве впечатлений, коммуникации и использования нематериальных ресурсов.

Процессы цифровизации, индивидуализации труда и роста нематериального производства влияют на изменение традиционных моделей занятости, а также проявление особенностей включения работников туризма в новые формы трудовой деятельности, такие как самозанятость, фриланс и платформенная занятость. Возникающие противоречия в процессе трансформации занятости, в частности между расширением возможностей профессиональной самореализации и усилением социально-трудовых рисков, а также возможных механизмов институционального регулирования креативной занятости в сфере туризма, являются неотъемлемыми элементами цели исследования.

Туристская отрасль выступает одним из динамично развивающихся сегментов экономики, в котором наиболее ярко проявляются новые формы занятости, основанные на гибкости, приятности и производства нематериальной ценности. Развитие социологического подхода к анализу креативной занятости в отраслевом разрезе способствует уточнению понятийного аппарата, в частности категории «креативная занятость», а также расширяет представления о специфике трудовых практик в сфере туризма как части креативной экономики (Александрова, 2018).

Актуальность исследования обусловлена глубокими трансформациями современного рынка труда, связанными с развитием креативной экономики, цифровизацией и распространением гибких форм занятости. В условиях перехода к экономике, основанной на знаниях и нематериальных активах, возрастает роль деятельности, связанной с производством символической и культурной ценности, что особенно характерно для сферы туризма. Несмотря на активное развитие туристской отрасли и креативных индустрий, существующие исследования недостаточно учитывают социологические аспекты занятости, в частности – особенности трудовых практик работников туризма и их социально-экономического положения.

В ходе исследования сформулированы задачи и их решение:

- проведен анализ теоретических подходов к изучению креативной занятости;
- определены особенности сферы туризма как креативной отрасли;
- выявлены основные формы занятости в туризме;
- проанализированы статистические данные, отражающие динамику занятости.

Современные исследования трансформации занятости развиваются в рамках нескольких взаимосвязанных теоретических направлений, включая теорию креативной экономики, социологию труда и исследования карьерных индустрий. В рамках теории креативной экономики ключевое значение имеют работы Джона Хокинса, который рассматривает экономику как систему, основанную на производстве и коммерциализации идей, знаний и интеллектуальной собственности. Применимый подход позволяет переосмыслить занятость как процесс создания нематериальной ценности, в котором важную роль играют креативные компетенции и способность к инновационной деятельности (Хокинс, 2011).

Критические исследования указывают на ограниченность экономико-центрированного подхода к анализу креативных индустрий. Девид Хезмондалш отмечает, что рассмотрение культурных и креативных индустрий исключительно через призму экономической эффективности приводит к недооценке условий труда и социального положения работников. Так, Розалинд Гилл и Энди Пратт рассматривают креативную занятость как форму «неолиберального труда», характеризующуюся высокой степенью индивидуализации, саморегуляции и неопределенности. В их работах подчеркивается, что креативный труд сочетает в себе элементы самореализации и эксплуатации, что проявляется в отсутствии четких границ рабочего времени, необходимости постоянного самопродвижения и высокой конкуренции.

Дополнительный теоретический ракурс задается концепцией «экономики впечатлений», разработанной Пайном и Гилмором, в рамках которой туризм рассматривается как сфера производства уникального потребительского опыта. Это позволяет интерпретировать труд работников туризма как креативный процесс, связанный с созданием эмоциональной и символической ценности. В отечественной научной традиции вопросы трансформации занятости исследуются преимущественно в рамках экономической социологии и социологии труда. В работах российских исследователей анализируются процессы распространения нестандартных форм занятости, включая самозанятость, фриланс и платформенную занятость (Квартальнов, 2017). Особое внимание уделяется изменениям структуры рынка труда, росту гибкости занятости и снижению уровня социальной защищенности работников (Зорин, Квартальнов, 2016).

Вместе с этим следует отметить, что в отечественной литературе недостаточно разработан вопрос о специфике креативной занятости в отраслевом разрезе, в частности в сфере туризма. Существующие исследования, как правило, рассматривают туризм либо с экономической точки зрения, либо в контексте индустрии услуг, не уделяя должного внимания анализу трудовых практик и социальной организации занятости (Буланова, 2015). Современные статистические данные подтверждают значимость туристской отрасли в мировой экономике: ее вклад составляет около 10% мирового валового продукта, а численность занятых достигает более 350 млн человек. Это свидетельствует о том, что сфера туризма является одной из ключевых сфер формирования новых моделей занятости, в том числе креативных и нестандартных форм трудовой деятельности (табл. 1).

Таблица 1. Основные показатели туризма в мировой экономике

Показатель	Значение	Динамика
Вклад в мировой ВВП	10,9 трлн долл.	+8,5%
Доля в мировой экономике	10%	+9%
Число занятых	357 млн чел.	+6,2%
Туристические поездки	1,4 млрд	+11%
Источник: составлено автором на основе данных «Статистический бюллетень Росстата к Всемирному дню туризма».		

Анализ динамики развития туризма в России за период 2019–2025 гг. позволяет выявить устойчивое расхождение между экономическими показателями отрасли и занятостью. За рассматриваемый период объем туристских услуг практически удвоился, а туристский поток демонстрирует восстановительный рост после пандемийного спада (до 91 млн поездок в 2024 году и 97 млн в 2025 году; рис 1.)¹.

При этом наблюдаются важные особенности:

- численность занятых снижается (с 1,16 млн до 1,02 млн человек);
- доля занятых в экономике также уменьшается (с 3,5% до 3,0%);
- при этом заработная плата растет, но остается ниже среднероссийского уровня.

¹ The Culture and Creative Sectors: Economic and Social Impact // OECD. URL: <https://www.oecd.org> (дата обращения: 16.03.2026).

Данная динамика свидетельствует о структурной трансформации занятости, при которой рост создаваемой стоимости обеспечивается не за счет увеличения численности работников, а за счет изменения организационных форм труда. Это проявляется в распространении самозанятости, платформенной занятости и проектных форм трудовой деятельности.

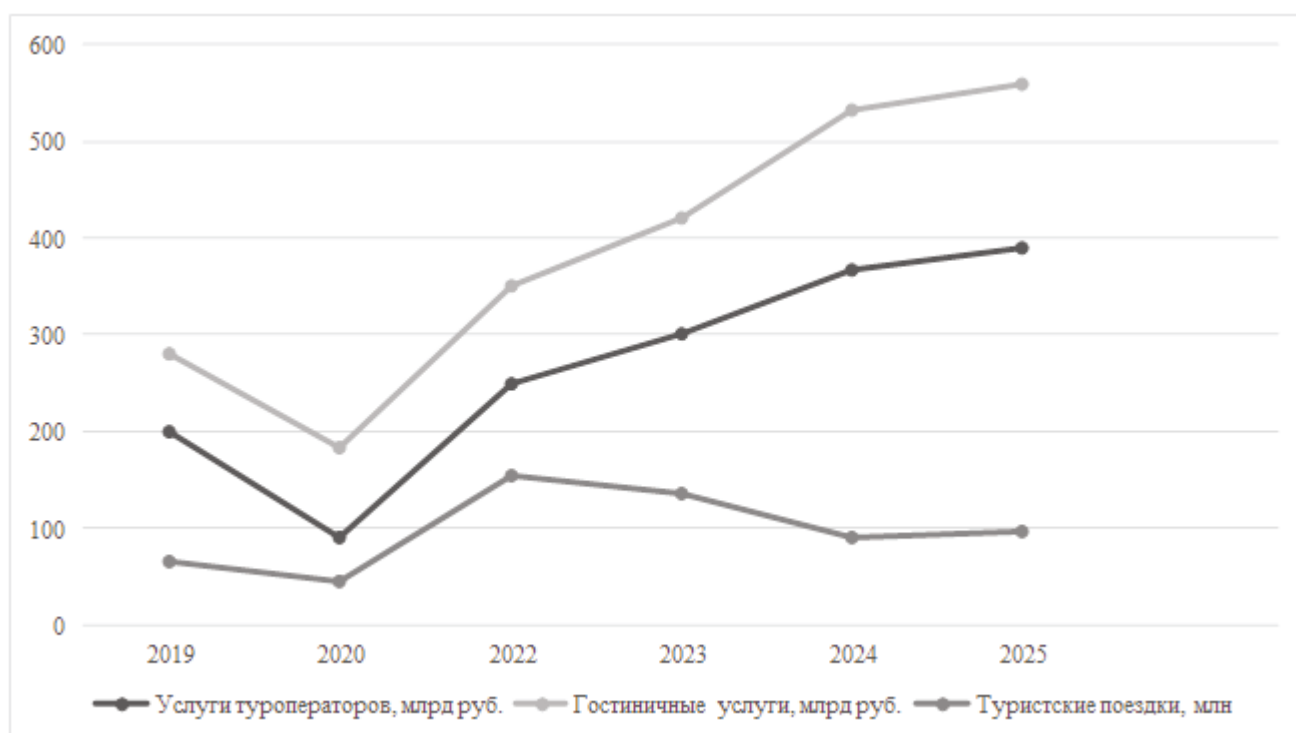

Рис. 1. Динамика развития туризма в России (2019–2025 гг.)

Источник: составлено автором на основе данных OECD. URL: <https://www.oecd.org>.

Таким образом, выявленное расхождение между динамикой экономических показателей и занятости может рассматриваться как индикатор изменения характера труда в сфере туризма и перехода к креативным формам занятости.

Научный вклад исследования заключается в том, что, во-первых, интерпретация занятости в сфере туризма как формы креативной занятости, основанной на производстве нематериальной, символической и эмоциональной ценности.

Во-вторых, в исследовании выделены основные формы занятости в туризме:

- самозанятость (индивидуальные гиды, организаторы туров);
- фриланс (создание туристского продукта);
- платформенная занятость (работа через цифровые сервисы и агрегаторы);
- гибридные формы занятости.

В-третьих, на основе анализа статистических данных показано, что рост экономических показателей туристской отрасли не сопровождается пропорциональным увеличением стабильной занятости, что свидетельствует о структурной перестройке рынка труда и распространения нестандартных форм занятости.

Таким образом, следует выдвинуть следующие выводы:

1. Трансформация занятости связана с развитием креативной экономики и цифровизации.
2. Сфера туризма является отраслью, где активно развиваются гибкие формы занятости.
3. Креативная занятость включает самозанятость, фриланс и платформенные формы.
4. Рост отрасли сопровождается снижением занятости стабильной занятости.

Библиографический список

1. Александрова А.Ю. (2018). Международный туризм: тенденции и развитие // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. № 3. С. 45–60.
2. Квартальнов В.А. (2017). Туризм как социально-экономическое явление // Туризм: право и экономика. № 2. С. 3–9.
3. Зорин И.В., Квартальнов В.А. (2016). Туризм как фактор развития экономики и общества // Сервис в России и за рубежом. Т. 10. № 4. С. 6–15.
4. Хокинс Д. (2011). Креативная экономика: как люди зарабатывают на идеях. Москва: Классика. 256 с.
5. Буланова М.С. (2015). Нестандартная занятость в современной России. Москва: Наука. 220 с.

Информация об авторе

Олег Олегович Никитин – аспирант, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: stud0000201462@utmn.ru)

Nikitin O.O.

TRANSFORMATION OF EMPLOYMENT IN THE TOURISM SECTOR

Abstract. *This article provides an analytical analysis of tourism and the creative economy. It examines flexible forms of employment and their impact on the labor market. The deferred or unspecified need for their sociological analysis is also explored.*

Keywords: *creative employment, tourism, employment transformation, sociology of labor, creative economy.*

About the author

Oleg O. Nikitin – graduate student, Tyumen State University (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: stud0000201462@utmn.ru)

References

1. Aleksandrova A.Yu. (2018). International tourism: trends and development. *Moscow University Bulletin. Series 6: Economics*, 3, 45–60.
2. Kvartalnov V.A. (2017). Tourism as a socioeconomic phenomenon. *Tourism: Law and Economics*, 2, 3–9.
3. Zorin I.V., Kvartalnov V.A. (2016). Tourism as a factor in the development of the economy and society. *Service in Russia and Abroad*, 10, 4, 6–15.
4. Hawkins J. (2011). The creative economy: how people make money on ideas. Moscow: Classica.
5. Bulanova M.S. (2015). Precarious employment in contemporary Russia. Moscow: Nauka.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ МОЛОДЕЖИ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ: ИНТЕГРАЦИЯ, БАРЬЕРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу образовательных и профессиональных стратегий молодежи с инвалидностью. Рассматриваются барьеры доступа к среднему профессиональному и высшему образованию, возрастные различия в занятости и механизмы интеграции лиц с инвалидностью на рынке труда.

Ключевые слова: рынок труда, образование, лица с инвалидностью, навыки.

Введение

Получение образования и трудовая занятость являются важнейшими основами для социальной мобильности и расширения инклюзии в обществе. Включение лиц с инвалидностью в трудовую деятельность выступает одним из ключевых факторов их интеграции в общественную жизнь. К уязвимым категориям на рынке труда традиционно относятся молодые специалисты без опыта работы и трудового стажа, а наличие инвалидности дополнительно затрудняет доступ таких лиц на рынок труда. Кроме того, люди с инвалидностью сталкиваются со сложностями в получении профессионального образования, что негативно сказывается на уровне их занятости в дальнейшем. Также люди с инвалидностью значительно реже задействованы на высококвалифицированных рабочих местах. Уровень занятости в трудоспособном возрасте лиц с инвалидностью в целом по миру ниже, чем у лиц той же возрастной категории без инвалидности. Преодоление существующих барьеров требует комплексного подхода, включающего адаптацию рабочих мест, развитие системы профессиональной реабилитации и формирование инклюзивной корпоративной культуры. В целом трудоустройство людей с инвалидностью остается одной из острых социальных проблем (Никонова и др., 2025).

Рассмотрим структуру занятых по возрастам в 2024 году (рис. 1). Так, в возрастном интервале 20–44 лет доля занятых, имеющих инвалидность, почти в два раза ниже, чем доля занятых без инвалидности, тогда как занятость среди людей с инвалидностью возрастает в более старших возрастных группах по сравнению с населением в целом. Таким образом, складывается картина, при которой лица с инвалидностью в трудоспособном возрасте остаются недостаточно вовлеченными в трудовую деятельность.

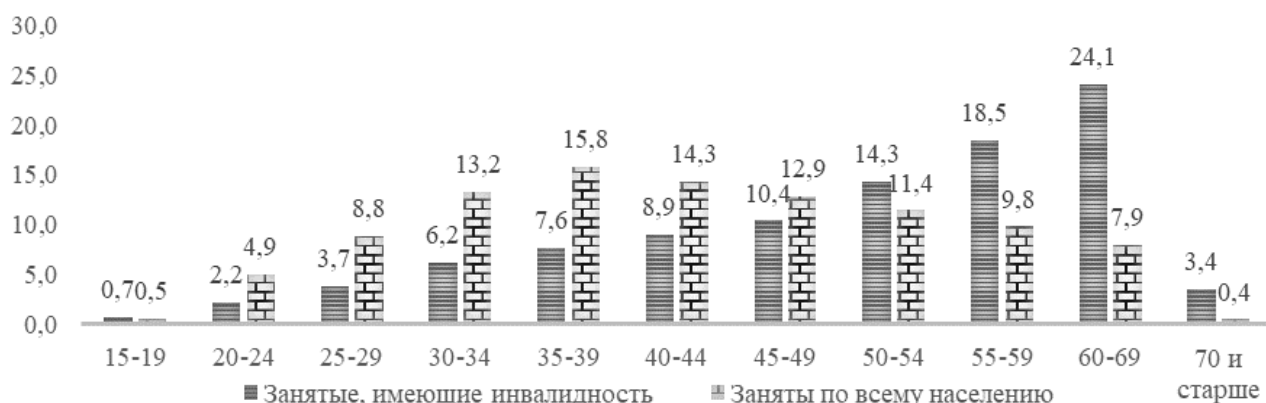

Рис. 1. Структура занятых возрасте 15 лет и старше, имеющих статус инвалида, и среди всего населения, по возрастным группам за 2024 год, %

Источник: составлено автором по данным Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/media-bank/invalid_trud_ors.xlsx (дата обращения: 01.03.2026).

Более низкий уровень занятости среди людей с инвалидностью по сравнению с лицами, не имеющими такого статуса, формируется под влиянием различных факторов, в число которых входят более низкий уровень образования или отсутствие профессиональной подготовки по востребованным профессиям на рынке труда.

Важно не только создание рабочих мест с возможностью доступа к ним людей с инвалидностью, но и обеспечение благоприятных условий для получения образования и обучения по квалификационным программам, формирующим навыки, необходимые для современной цифровой экономики. С 2016 года численность обучающихся с инвалидностью по программам среднего профессионального образования превышает численность студентов с инвалидностью, получающих высшее образование, однако с 2008 по 2015 год наблюдалась обратная тенденция (рис. 2).

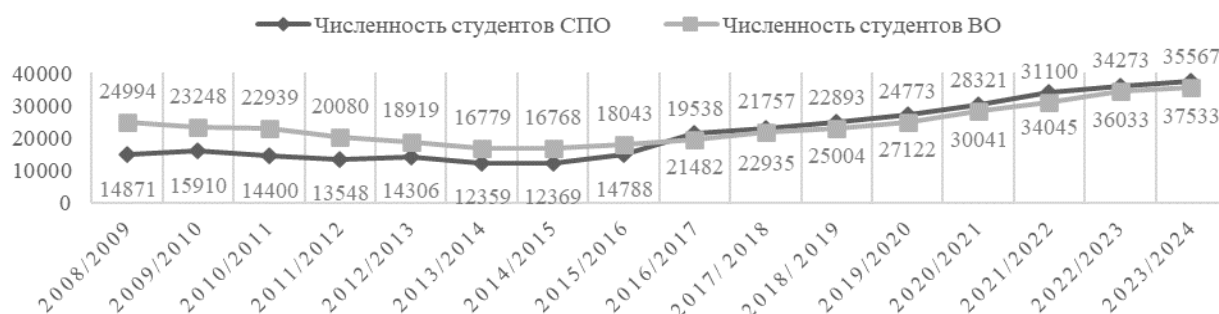

Рис. 2. Сведения об инвалидах-студентах, обучающихся по профессиональным образовательным программам СПО и ВО на начало учебного года в РФ, 2008–2024 гг., чел.
 Источник: Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, специалитета, магистратуры. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 10.02.2026).

Коэффициент завершения обучения по программам среднего профессионального образования среди студентов с инвалидностью выше, чем аналогичный показатель среди обучающихся с инвалидностью по программам высшего образования (рис. 3) (Бондаренко и др., 2025). Прослеживается тенденция снижения численности лиц с инвалидностью, завершивших обучение по программам высшего образования.

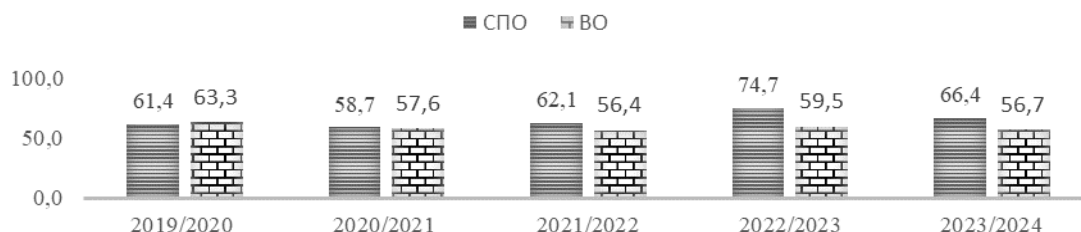

Рис. 3. Коэффициент завершения обучения по образовательным программам СПО и ВО среди инвалидов-студентов в РФ, 2020–2024 гг., %
 Источник: составлено по (Бондаренко и др., 2025).

По итогам ВПО-1 за 2025 год больше всего студентов с ОВЗ и инвалидностью по программам бакалавриата обучались на направлениях: 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)», 40.03.01 «Юриспруденция», 38.03.01 «Экономика», 09.03.01 «Информатика и вычислительная техника»; по программам специалитета лидирует укрупненная группа 31.00.00 «Клиническая медицина» и направления «Лечебное дело», «Педиатрия», «Стоматология»; по программам магистратуры наибольшей популярностью у лиц с ОВЗ и инвалидностью пользуются направления 44.04.01 «Педагогическое образование», 40.04.01 «Юриспруденция», 37.04.01 «Психология»¹.

¹ Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». 2025. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 10.02.2026).

Проблема образовательной и профессиональной интеграции молодежи с инвалидностью занимает одно из центральных мест в современном социологическом дискурсе. Как свидетельствуют результаты исследований жизненных стратегий данной социальной группы, профессиональные и образовательные траектории молодых людей с инвалидностью отличаются выраженной амбициозностью и устойчивой готовностью к освоению новых компетенций (Ковальчук, 2025). Вместе с тем, создание равных условий для каждого члена общества сегодня является мейнстримом развития инклюзивных социальных инициатив, что актуализирует необходимость системного научного осмысления образовательных возможностей и ограничений, с которыми сталкивается молодежь с ОВЗ (Кузнецова и др., 2022).

Эмпирические данные социологического исследования, проведенного в апреле–мае 2022 года среди молодых людей с инвалидностью в возрасте до 35 лет ($n = 40$ чел.), проживающих в Пензенской, Челябинской областях, Москве и Санкт-Петербурге, демонстрируют обнадеживающую картину в отношении уровня образования данной категории граждан (Кузнецова и др., 2022). Согласно полученным результатам, 70% респондентов имеют высшее или среднее профессиональное образование, при этом почти 20% обладают неполным средним или средним образованием, а отдельные представители выборки обучаются в магистратуре. Примечательно, что среди опрошенных 40% работают, около 23% учатся, 10% совмещают работу и учебу, однако 25% не имеют определенных занятий, что косвенно может свидетельствовать об отсутствии сформированных жизненных целей и стремления к саморазвитию. Подобная структура занятости указывает на то, что система образования, при всех ее достижениях, пока не в полной мере обеспечивает непрерывный переход от обучения к трудоустройству.

Анализ образовательного опыта респондентов позволяет выявить ключевые компетенции, формируемые в учреждениях высшего и среднего профессионального образования и имеющие практическое значение для последующей социальной и трудовой адаптации. Многие из участников исследования отметили ряд важных навыков, которые были ими приобретены в процессе обучения и оказались востребованы в дальнейшей жизни: на первом месте стоит навык постановки цели и ее достижения, на втором – умение вдохновлять других новыми идеями и критически мыслить (Кузнецова и др., 2022). Полезными навыками для респондентов стали также «умение слушать», «управлять временем» и «разрешать конфликты». Кроме того, значимым для респондентов навыком в их работе и общении стало «умение работать в команде». Данные результаты созвучны выводам о доминировании у молодежи с инвалидностью установки на непрерывное обучение, отражающей адаптацию к требованиям современного рынка труда (Ковальчук, 2025).

Вместе с тем образовательный путь молодых людей с инвалидностью сопряжен с рядом существенных барьеров, требующих целенаправленного устранения. К ним относятся неинтересное и чрезмерно сложное содержание обучения, несовершенство организации учебного процесса, недостаточная подготовка профессорско-преподавательского состава к работе с людьми с инвалидностью, а также случаи нетолерантного отношения со стороны однокурсников. Совокупность этих факторов формирует среду, в которой индивидуальная мотивация к обучению, при всей ее выраженности, не всегда может быть реализована в полной мере без институциональной поддержки. Важнейшим инструментом преодоления указанных барьеров и повышения качества профессиональной подготовки молодежи с инвалидностью выступают современные форматы профориентационной работы, интегрированные в систему образования. Показательным примером является международное чемпионатное движение «Абилимпикс», которое представляет собой эффективный механизм развития профессиональных навыков, компетенций и личностных качеств у молодых людей с ОВЗ, предоставляя им платформу для демонстрации умений в реальных условиях соревнований по различным профессиональным направлениям. В России проводятся национальные и региональные чемпионаты по профессиональному мастерству для людей с инвалидностью, ОВЗ. Участие в подобных мероприятиях способствует развитию не только профильных знаний, но и коммуникационных, организационных, аналитических и креативных навыков, необходимых для успешной карьеры (Газизуллина, Гурьева, 2025). Данный опыт непосредственно коррелирует с предпочтениями самих молодых людей с инвалидностью, которые среди приоритетных направлений обучения видят информационно-технологическую сферу, туризм и гостеприимство, культуру и творчество (Кузнецова и др., 2022).

Профессиональная интеграция молодежи с инвалидностью по завершении образовательных программ представляет собой актуальную как в теоретическом, так и в прикладном отношении проблему. Эмпирические данные свидетельствуют о высоком уровне трудовых притязаний данной категории: подавляющее большинство респондентов (около 80%) выражают уверенность в достижении желаемой занятости либо уже реализовали ее, демонстрируя в целом позитивные установки в отношении трудоустройства. Показательно, что порядка 40% опрошенных имеют практический опыт реализации собственных проектов, что косвенно указывает на сформированность предпринимательских компетенций, организационных навыков и готовности принимать ответственность (Кузнецова и др., 2022). Молодые люди с инвалидностью в целом ориентированы на карьерное развитие и рассматривают профессиональное признание как инструмент преодоления социальных последствий инвалидности (Ковальчук, 2025). Трудовая среда по-прежнему характеризуется существенными барьерами: физическими, инфраструктурными и средовыми, преодоление которых без системной внешней поддержки остается для молодежи с инвалидностью практически недостижимым. Эффективным ответом на данный вызов служит межведомственное партнерство образовательных организаций, работодателей и социальных служб, обеспечивающее преемственность между этапами подготовки и трудоустройства, а также содействующее развитию актуальных профессиональных компетенций. Встраивание подобных механизмов в систему высшего и среднего профессионального образования не только повышает качество профессиональной подготовки, но и формирует у обучающихся навыки самостоятельности и социальной ответственности.

Таким образом, инклюзивная модернизация образования в сочетании с внедрением современных профориентационных инструментов создает условия для превращения образовательной системы в ключевой фактор профессиональной интеграции и социальной мобильности молодежи с инвалидностью.

Заключение

Результаты проведенного исследования подтверждают, что занятость лиц с инвалидностью трудоспособного возраста сохраняется на низком уровне, притом, что данная категория молодежи обнаруживает выраженную ориентацию на получение высшего и среднего профессионального образования и включение в рынок труда. Реализация их образовательного и профессионального потенциала по-прежнему ограничивается совокупностью институциональных, инфраструктурных и социально-психологических барьеров, устранение которых требует скоординированных усилий образовательных организаций, работодателей и органов государственного управления.

Библиографический список

1. Бондаренко Н.В., Варламова Т.А., Гохберг Л.М. [и др.]. (2025). Индикаторы образования: статистический сборник. Москва: ИСИЭЗ ВШЭ. 452 с.
2. Газизуллина А.Р., Гурьева И.В. (2025). Современные формы профессиональной ориентации молодых людей с ОВЗ и инвалидностью (на примере конкурса «Абилимпикс») // Образование: традиции и инновации. № 3 (50). С. 42–45.
3. Ковальчук О.В. (2025). Жизненные стратегии молодых инвалидов // Научные результаты в социальной работе. Т. 4. № 2. С. 65–75. DOI: 10.18413/2949-267X-2025-4-2-0-3.
4. Кузнецова Е.В., Юдина В.А., Лушников А.А. (2022). Профессиональные предпочтения и перспективы трудоустройства молодых людей с инвалидностью // Вестник университета. № 11. С. 194–202. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-11-194-202.
5. Никонова О.Д., Аманьчеева А.К., Захарян А.Р., Чибирова О.К. (2025). Проблемы трудоустройства и занятости людей с инвалидностью в условиях цифровизации рынка труда // Креативная экономика. Т. 19. № 8. С. 2107–2126. DOI: 10.18334/ce.19.8.123639.

Информация об авторах

Антон Маркович Петров – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Российская Федерация, 117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: petrov-am2000@yandex.ru)

Ольга Дмитриевна Никонова – старший преподаватель, младший научный сотрудник, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Российская Федерация, 117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: Nikonova.OD@rea.ru)

Petrov A.M., Nikonova O.D.

EDUCATIONAL AND PROFESSIONAL TRAJECTORIES OF YOUNG PEOPLE WITH DISABILITIES: INTEGRATION, BARRIERS AND PROSPECTS

Abstract. *The article examines educational and professional strategies of young people with disabilities. It addresses barriers to accessing vocational and higher education, age-related differences in employment, and mechanisms for integrating persons with disabilities into the labor market.*

Keywords: *labor market, education, persons with disabilities, skills.*

About the author

Anton M. Petrov – Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: petrov-am2000@yandex.ru)

Olga D. Nikonova – Senior Lecturer, Junior Researcher, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: Nikonova.OD@rea.ru)

References

1. Bondarenko N.V., Varlamova T.A., Gohberg L.M. [et al.]. (2025). Indicators of education: Statistical digest. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics.
2. Gazizullina A.R., Guryeva I.V. (2025). Modern forms of professional orientation of young people with disabilities (on the example of the "Abilympics" competition). *Education: traditions and innovations*, 3(50), 42–45.
3. Kovalchuk O.V. (2025). Life strategies of young people with disabilities. *Scientific results in social work*, 4, 2, 65–75. DOI: 10.18413/2949-267X-2025-4-2-0-3.
4. Kuznetsova E.V., Yudina V.A., Lushnikov A.A. (2022). Professional preferences and employment prospects of young people with disabilities. *University bulletin*, 11, 194–202. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-11-194-202.
5. Nikonova O.D., Amancheeva A.K., Zakharyan A.R., Chibirova O.K. (2025). Problems of employment of people with disabilities in the context of digitalization of the labor market. *Creative economy*, 19, 8, 2107–2126. DOI: 10.18334/ce.19.8.123639.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЯХ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Аннотация. В настоящем исследовании проанализировано влияние технологических инноваций на креативные индустрии г. Тюмень. Показаны ключевые возможности цифровизации и сопутствующие риски для профессиональной идентичности и устойчивого развития сектора.

Ключевые слова: креативные индустрии, технологическая амбивалентность, городское развитие.

Креативные индустрии являются одним из наиболее динамичных сегментов мировой экономики, демонстрируя устойчивый рост и привлекая внимание более чем в 25 странах, где разрабатываются специальные программы их поддержки и оценки вклада в развитие территорий¹. В России данное направление также находится в фокусе государственной политики: на заседании Совета по развитию социальных инноваций 25 января 2024 года подчеркивалась значимость креативных кластеров для создания рабочих мест и укрепления региональной устойчивости. По данным АСИ, в секторе задействовано около 748 тыс. организаций с совокупной выручкой свыше 10,7 трлн руб. (4,21% от общей по стране), а занятость достигает почти 5% работников. В научных дискуссиях креативные индустрии все чаще рассматриваются как ключевой драйвер постиндустриального развития, обеспечивающий экономический рост и формирование новых форм труда в цифровой экономике².

Целью исследования стало изучение влияния технологических инноваций на креативные индустрии г. Тюмень, анализ вызовов и возможностей в условиях цифровизации.

Информационно-эмпирическая база исследования включает в себя результаты авторского социологического исследования, проведенного в апреле 2025 года в городе Тюмень. Тип выборки – целевая (экспертная). Экспертами выступают создатели и инвесторы успешных креативных проектов, руководители компаний-лидеров в своем сегменте. Объем выборки – 12 информантов из разных отраслей креативных индустрий, к которым относятся индустрии, основанные на историко-культурном наследии, индустрии, основанные на произведениях литературы и искусства, информационно-телекоммуникационных технологиях и прикладном творчестве (включая гастрономию, дизайн и архитектуру). Критерии отбора: опыт работы в индустрии от 3 лет.

Понятие «креативный класс» получило широкое распространение после публикации работы Р. Флориды «The Rise of the Creative Class», в которой автор описывает новую социально-экономическую группу, чья деятельность связана с производством нематериальных ценностей – идей, инноваций и интеллектуальных продуктов (Флорида, 2007). В отличие от традиционных классовых категорий, креативный класс определяется не уровнем дохода или формальным статусом, а характером труда, основанным на создании нового знания и оригинальных решений.

Креативность в интерпретации Р. Флориды выходит за рамки узкого понимания творческих способностей. Она включает способность к синтезу – объединению различных знаний и практик для решения актуальных задач (Флорида, 2007). Результатом такого синтеза может быть как технологическое изобретение, так и культурный продукт. Таким образом, креативность становится универсальной характеристикой постиндустриального общества, в котором интеллектуальный и культурный капитал играют ключевую роль.

¹ Центр городских компетенций АСИ. Влияние креативных индустрий на экономику России. URL: <https://100gorodov.ru/creativeindustries> (дата обращения: 19.09.2025).

² Креативный сектор в России демонстрирует концентрированный рост // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. URL: issek.hse.ru (дата обращения: 26.11.2025).

Флорида связывает экономический успех городов с концентрацией креативного класса. Он отмечает, что регионы с высокой долей специалистов, занятых в науке, технологиях, искусстве и дизайне, демонстрируют более высокий уровень инноваций и развития высокотехнологичных отраслей. Для оценки потенциала территорий исследователь предлагает «индекс креативности», включающий показатели технологий, талантов и толерантности – так называемую модель «трех Т». Технологии отражают уровень инновационной инфраструктуры; таланты – человеческий капитал и долю креативного класса; толерантность – открытость общества к разнообразию и новым идеям.

Современные исследования указывают на усиление технологического компонента креативных индустрий. Мюллер и соавторы рассматривают их как источник инноваций, оказывающий влияние на другие сектора экономики (Müller et al., 2008). П. Тротт подчеркивает роль технологий в расширении аудитории, создании добавленной стоимости и повышении эффективности управления культурными организациями. В отчетах европейских исследовательских центров среди ключевых тенденций выделяются автоматизация творческих процессов, цифровизация и развитие устойчивых моделей производства.

В российском контексте развитие креативных индустрий закрепляется нормативно. В проекте Федерального закона они определяются как экономическая деятельность, связанная с созданием и продвижением уникального продукта, обладающего экономической ценностью³. Закон выделяет несколько типов индустрий: основанные на культурном наследии, литературе и искусстве, информационно-телекоммуникационных технологиях и прикладном творчестве. Таким образом, российская модель сочетает культурный и экономический подходы.

Цифровая трансформация становится ключевым фактором изменений в секторе. Согласно аналитическим данным, в России наблюдается рост занятости в цифровых креативных направлениях – прежде всего в IT и видеоиграх (+42%), дизайне (+30%) и образовательных проектах (+14%)⁴. Одновременно сокращается занятость в традиционных сегментах, таких как фотография и телерадиовещание, что отражает структурные сдвиги, вызванные технологическими изменениями.

Современные тенденции цифровизации включают использование искусственного интеллекта для создания контента и оптимизации процессов, распространение гибридных форматов мероприятий, а также внедрение новых моделей монетизации, основанных на блокчейне и NFT (Кострюкова и др., 2022). Эти процессы трансформируют способы производства и потребления культурного продукта, формируя новые экономические механизмы.

Эмпирический материал демонстрирует, что технологическое развитие воспринимается представителями креативных индустрий г. Тюмень неоднородно и зависит от специфики отрасли. В большинстве случаев цифровизация интерпретируется в инструментальной логике – технологии рассматриваются как вспомогательные средства, повышающие эффективность труда и расширяющие профессиональный инструментарий. Представители ремесленных направлений: кожевенного дела, художественнойковки, ювелирного производства – допускают использование 3D-моделирования, цифровых прототипов и вспомогательных алгоритмических решений на стадии проектирования. При этом подчеркивается, что данные инструменты не подменяют ручной труд и не отменяют значимость мастерства. Цифровые технологии интегрируются в процесс как этап подготовки или оптимизации, но не как автономный субъект творчества.

Схожая позиция фиксируется в издательской сфере, где цифровые платформы используются для дистанционного редактирования и взаимодействия с авторами, а искусственный интеллект рассматривается как средство ускорения технических операций – подготовки аудиоверсий, перевода, вспомогательной обработки текста. В этом случае цифровизация воспринимается как фактор расширения доступности культурного продукта и повышения организационной гибкости, но не как замещение авторской функции.

³ О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации: Федеральный закон от 08.08.2024 № 330ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482580/ (дата обращения: 28.10.2024).

⁴ Креативный сектор в России демонстрирует концентрированный рост // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. URL: isek.hse.ru (дата обращения: 26.11.2025).

Наиболее выраженный технологический оптимизм характерен для IT-сектора и гейм-дева. В данных направлениях цифровые инновации составляют основу профессиональной деятельности и определяют ее идентичность. Обсуждаются облачные сервисы, нейросети, автоматизация рутинных задач, развитие VR/AR-форматов, снижение барьеров входа за счет платформенных решений. Технологии здесь воспринимаются как стратегический ресурс, позволяющий региональным проектам выходить на международный рынок и конкурировать в глобальной цифровой среде. В этих отраслях отсутствует выраженная тревожность по поводу автоматизации, напротив, ИИ осмысливается как средство снятия нагрузки и ускорения разработки.

В рекламной индустрии также доминирует проактивная позиция. Персонализация контента, аналитика данных, метавселенные и новые цифровые форматы рассматриваются как условия конкурентоспособности. Технологические инновации позволяют адаптировать коммуникацию к запросам аудитории и формировать новые каналы присутствия брендов.

Особый интерес представляет сфера исполнительских искусств и визуальных индустрий, где фиксируется гибридизация форматов. В интервью обсуждаются VR-концерты, стриминговые трансляции, цифровые примеры презентации модных коллекций, интерактивные публикации. Цифровизация расширяет способы взаимодействия с аудиторией и формирует мультимедийную экосистему культурного потребления. При этом сохраняется акцент на значимости живого контакта и человеческого присутствия, что указывает на сосуществование технологического расширения и ценностного ограничения.

Наряду с позитивными оценками, эмпирический материал выявляет выраженную ценностную амбивалентность. В сфере фотографии и традиционных ремесел артикулируется обеспокоенность возможностью замещения человека алгоритмами. Искусственный интеллект описывается как способный быстро генерировать «идеальный» продукт, что ставит под вопрос устойчивость профессии. Звучит критика «инфляции цифрового контента» и снижения эстетической ценности массово созданных изображений. В этих высказываниях отражается тревога по поводу стандартизации творчества и утраты аутентичности.

Критическая позиция направлена преимущественно не на технологию как таковую, а на ее последствия – переизбыток визуального продукта, обесценивание ручного труда, конкуренцию с алгоритмами. В интервью появляется запрос на «человечность» технологий, необходимость этического регулирования использования ИИ и сохранение авторского начала. Таким образом, цифровизация воспринимается как процесс, требующий нормативного и ценностного осмысления.

Вызовы, обозначенные респондентами, можно условно сгруппировать вокруг трех направлений: профессиональная конкуренция с алгоритмами, девальвация уникальности продукта в условиях массовой генерации контента и кадровый дефицит специалистов, способных работать на стыке творчества и технологий. Вместе с тем отмечаются значительные возможности: автоматизация рутинных задач, расширение рынков сбыта, развитие гибридных форматов, повышение прозрачности производства и усиление региональной конкурентоспособности.

В совокупности эмпирический материал свидетельствует о формировании модели условного принятия технологических инноваций. Доминирует установка на интеграцию цифровых инструментов в профессиональную практику при сохранении антропоцентрического ядра креативной деятельности. Степень технологического оптимизма коррелирует с цифровой природой отрасли: чем выше зависимость направления от цифровых инфраструктур, тем более позитивным оказывается отношение к инновациям. В традиционных ремесленных и визуальных сферах технологии принимаются избирательно и сопровождаются ценностной рефлексией.

Таким образом, технологическая трансформация креативных индустрий г. Тюмени характеризуется сочетанием адаптации и критического осмысления. Цифровизация выступает одновременно ресурсом модернизации и источником новых профессиональных рисков. Креативный сектор демонстрирует стремление к гибридной модели развития, в которой инновации усиливают процессы, но не подменяют культурное содержание и человеческое измерение творчества.

Библиографический список

1. Кострюкова О.Н., Мусакин А.А., Орловская В.П. (2022). Вызовы и направления развития креативных индустрии в национальном контексте // Известия СПбГЭУ. № 5-1. С. 79–85.
2. Флорида Р. (2007). Креативный класс: люди, которые меняют будущее. Москва: Классика. 421 с.
3. Müller K., Rammer C., Trüby J. (2008). The role of creative industries in industrial innovation. *ZEW Discussion Paper*, 08-109, 34.

Информация об авторе

Полина Эмилевна Посохова – магистрант, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: stud0000259268@study.utmn.ru)

Posokhova P.E.

TECHNOLOGICAL INNOVATIONS IN CREATIVE INDUSTRIES: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

Abstract. *This study analyzes the impact of technological innovations on the creative industries of Tyumen. The key opportunities of digitalization and associated risks for professional identity and sustainable development of the sector are shown.*

Keywords: *creative industries, technological ambivalence, urban development.*

About the author

Polina E. Posokhova – Master Degree student, Tyumen State University (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: stud0000259268@study.utmn.ru)

References

1. Kostryukova O.N., Musakin A.A., Orlovskaya V.P. (2022). Challenges and directions of development of creative industries in the national context. *Izvestiya SPbGEU*, 5-1, 79–85.
2. Florida R. (2007). The creative class: people who thrill me. Moscow: Klassika.
3. Müller K., Rammer C., Trüby J. (2008). The role of creative industries in industrial innovation. *ZEW Discussion Paper*, 08-109, 34.

ФОРМИРОВАНИЕ КОНТУРОВ ОЦЕНИВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. *В настоящем исследовании обосновывается переход от бинарной классификации домохозяйств к выделению модальных контуров на основе степени удаленности доходов от прожиточного минимума. Предложенный подход позволяет учитывать глубину бедности, идентифицировать группы риска и повысить адресность социальной политики.*

Ключевые слова: *социально-экономический портрет, социально-экономическое положение, модальные контуры, благосостояние, бедность, прожиточный минимум, методология оценки.*

В Российской Федерации имеется значительный корпус источников данных для создания контуров и анализа социально-экономического положения населения. Чаще всего это выборочные наблюдения домашних хозяйств, проводимые в рамках государственных статистических обследований. В программе обследования домашних хозяйств, как правило, предусматривается получение информации о доходах, расходах, потреблении продуктов питания, обеспеченности предметами длительного пользования, жилищных условиях и других характеристик условий жизни населения.

Простое разделение домохозяйств на категории бедных и небедных (ниже и выше границы бедности, соответственно) уже не вполне удовлетворяет запросам общества по следующим причинам (Елисеева, Раскина, 2017; Корчагина и др., 2019):

- Отсутствие учета глубины бедности при разработке мер, что снижает точность оценки возможного потенциала, т. к. разные группы малоимущего населения требуют разные подходы к построению мер государственной социальной поддержки
- Оценка «зоны риска» – разделение на «бедных» и «небедных» не акцентирует внимание на существовании «зоны риска» – людей, которые формально не являются бедными, но находятся в уязвимом положении, близко к границе бедности (Белопашенцева, 2022).
- Усреднение оценки – бинарный подход не позволяет выявить различия в достаточной мере, так как способен показать только разницу между средними бедными (многодетные семьи, сельские жители, работники отраслей с низкими уровнями заработных плат и др.)
- Невозможность оценить эффективность мер поддержки в достаточной степени, что затрудняет проведение социально-экономической политики, направленной на рост благосостояния населения.

В связи с этим, необходима статистическая разработка дополнительных инструментов оценивания социально-экономического положения населения. Одним из таких инструментов являются модальные контуры социально-экономического положения населения, различные варианты которых могут быть разработаны в зависимости от потребностей исследования (Овчарова, 2009; Губарев и др., 2024).

Модальные контуры – это аналитический инструмент для углубленного изучения структуры благосостояния населения. В отличие от простого деления населения на бедных и небедных, данный подход предполагает выделение групп (контуров) на основе степени удаленности среднедушевых доходов домохозяйств от установленной границы, чаще всего – регионального прожиточного минимума, но потенциально и любой границы. Это позволяет не только зафиксировать социально-экономическое положение домохозяйства или индивида, но и оценить его глубину, а также потенциал воздействия тех или иных мер социальной поддержки.

Для каждого контура имеется возможность составить детализированный социально-демографический портрет, включающий состав семьи, занятость, образование, возраст, тип населенного пункта и т. д. Это позволяет выявить наиболее уязвимые группы и разрабатывать адресные меры поддержки конкретно данных групп.

Формирование контуров невозможно без использования информационной базы. Основным источником выступает Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах (ВНДН), проводимое Росстатом, как наиболее полное из всех социально-экономических обследований. Его преимуществами являются:

- Наибольшая репрезентативность (охват – 60 тыс. домохозяйств ежегодно, один раз в 5 лет – 150 тыс. домохозяйств).
- Детализированная информация по всем источникам доходов (оплата труда, предпринимательские доходы, все виды социальных трансфертов).
- Возможность анализа на уровне домохозяйств и индивидов, а также в региональном разрезе.

Другими важными источниками являются:

1. Обследование бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ) – для анализа структуры потребления и расходов.
2. Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ) – для оценки деприваций и субъективного благополучия.
3. Открытые данные административных источников (ФНС, СФР, ЕГИССО).
4. Данные коммерческих организаций, которые в последние годы активно интегрируются для повышения точности оценок.

Для построения модальных контуров могут быть использованы как общие характеристики домохозяйств, так и отдельных его членов, прежде всего – главы домохозяйств, под которыми, как правило, понимается лицо, приносящее наибольший доход.

- Количество детей: домохозяйства делятся на группы: без детей; с одним ребенком; с двумя детьми; с тремя и более детьми. Это критически важный параметр, так как иждивенческая нагрузка является главным фактором риска бедности.

- Тип населенного пункта: город или село. Разрыв в уровне и структуре бедности между городом и деревней – одна из устойчивых характеристик России.

- Размер населенного пункта – для городов важна их величина: малые (до 50 тыс. человек), средние, крупные, мегаполисы. Исследования показывают, что бедность концентрируется именно в малых городах.

К числу характеристик, относящихся к главе домохозяйства, часто рассматриваемых в рамках построения модальных контуров, относятся:

- Статус занятости: является ли глава семьи занятым в экономике, безработным или не входит в состав рабочей силы. Это позволяет оценить долю «работающих бедных».

- Возраст: анализ, как правило, может проводиться по интервальным группам (например, 30–34 года, 35–39 лет и т. д.). Это выявляет критические возрастные периоды риска бедности.

- Уровень образования: отсутствие образования, среднее общее, среднее профессиональное, высшее. Позволяет оценить связь между человеческим капиталом и благосостоянием.

- Сфера профессиональной деятельности: отрасль, в которой занят глава семьи (сельское хозяйство, торговля, образование, обрабатывающая промышленность и т. д.). Выявляет низкооплачиваемые сектора экономики.

- Вид сектора занятости: работа в формальном (предприятия и организации) или неформальном секторе (ИП, частные лица, самозанятость).

Комбинация этих параметров позволяет эффективно отвечать на вопросы социальной политики и разработки мер государственной социальной поддержки. При возникновении необходимости, в контур могут быть включены дополнительные характеристики.

Этапы построения модального контура и его оценивания включают в себя:

1. Определение цели и выбор источника данных. На первом этапе формулируется исследовательская задача. В рамках мониторинга бедности целью является выявление или сравнение групп наиболее уязвимых и наиболее восприимчивых к мерам социальной поддержки. Источником данных, как правило, выступают микроданные выборочных обследований населения, проводимых Росстатом, так как они содержат наиболее полную информацию о всех видах доходов и социально-демографических характеристиках домохозяйств.

2. Расчет пороговых значений доходов для домохозяйств. Поскольку стоимость жизни различается для разных категорий граждан (как и индивидуальный состав домохозяйства), то использование единого (душевого) прожиточного минимума некорректно. Для каждого обследуемого домохозяйства рассчитывается его индивидуальный порог. Он определяется как средневзвешенная величина от установленных в регионе значений прожиточного минимума для социально-демографических групп (трудоспособные, пенсионеры, дети), пропорционально числу членов домохозяйства, относящихся к каждой группе.

3. Группировка домохозяйств по модальным контурам. На основе соотношения среднедушевого дохода домохозяйства к его индивидуальному ПМ вся совокупность домохозяйств распределяется по пяти модальным контурам. Эти контуры отражают не бинарный статус бедный/небедный, а степень удаленности от черты бедности и глубину проблемы:

4. Расчет модальных характеристик для каждого контура – центральный этап анализа. Для каждого из пяти выделенных контуров рассчитываются частотные распределения по набору социально-экономических и демографических признаков. В результате для каждого контура выявляется наиболее часто встречающаяся (модальная) комбинация характеристик.

5. Распространение на генеральную совокупность с учетом коэффициентов взвешивания.

6. Интерпретация и формулирование выводов. На заключительном этапе полученные модальные профили интерпретируются для разработки практических рекомендаций.

Приведем в качестве иллюстрации пример построения простейшего контура только для домохозяйств различных федеральных округов с детьми и без детей с разделением на городскую и сельскую местность (табл. 1). В качестве источника данных используем микроданные ВДН-2024. В качестве порога дохода возьмем индивидуальные границы бедности домохозяйств, зависящие от его структуры.

Таблица 1. Уровень бедности граждан в домохозяйствах по федеральным округам, городской и сельской местности

Федеральный округ		Уровень бедности, %			
		Город		Село	
Код ФО	ФО	Нет детей в ДХ	Есть дети в ДХ	Нет детей в ДХ	Есть дети в ДХ
30	ЦФО	0,8	5,9	1,9	8,5
31	СЗФО	0,4	1,7	3,1	19,9
33	ПФО	0,4	2,4	3,5	13,3
34	УФО	0,5	4,1	3,0	15,6
35	СФО	1,0	6,8	4,0	22,3
36	ДФО	0,7	6,3	6,0	17,9
37	ЮФО	0,4	2,3	2,9	15,4
38	СКФО	1,6	13,1	2,9	30,5

Источник: рассчитано автором по данным ВДН-2024.

Из таблицы видно, что наличие детей в домохозяйстве кратно увеличивает уровень бедности, причем на селе этот разрыв наиболее велик. Особенно велика вероятность попадания домохозяйств с детьми в состояние бедности в сельской местности.

Федеральные округа можно разделить на три группы по уровню бедности семей с детьми:

1. Относительно благополучные (низкая бедность): ЦФО, СЗФО, ПФО и ЮФО. Здесь уровень бедности городских семей с детьми держится в диапазоне 1,7–2,4%, что является низким показателем для макрорегионального уровня. Сельские показатели тоже ниже среднероссийских.

2. Сырьевые и промышленные (средний уровень бедности): УФО. Несмотря на высокие зарплаты в добывающем секторе село (15,6% бедности с детьми) и город (4,1%) демонстрируют средние показатели. Это может указывать на высокую внутрирегиональную поляризацию (производственные центры с высоким уровнем заработных плат и доходов и депрессивные сельские территории).

3. Зона повышенной бедности (округа с высоким уровнем бедности): СКФО (Северо-Кавказ) и ДФО (Дальний Восток), СФО (Сибирь). СКФО демонстрирует самый высокий уровень бедности. Каждая третья сельская семья с детьми (30,5%) и каждая восьмая городская семья с детьми (13,1%) живут за чертой бедности. Это объясняется высокой многодетностью (высокая иждивенческая нагрузка) в сочетании с низкой занятостью в легальном секторе экономики.

СФО и ДФО высокие показатели сельской бедности (22,3% и 17,9% соответственно). В Сибири это связано с монопрофильностью поселков и сложными климатическими условиями, удорожающими стоимость жизни при низких доходах.

Относительно низкие показатели бедности в ЦФО и ПФО показывают, что сочетание развитого несырьевого сектора экономики и действующих мер социальной поддержки (пособия на детей, адресная помощь) способно снижать риски бедности.

Главный фактор, увеличивающий риски бедности в России – это не отсутствие работы само по себе, а наличие детей, повышающее иждивенческую нагрузку, в сочетании с проживанием в сельской местности и/или депрессивном регионе, что подтверждает и другие исследования (Овчарова, 2009; Корчагина и др., 2019). Политика борьбы с бедностью должна быть переориентирована с общих выплат на точечное снижение иждивенческой нагрузки в многодетных сельских семьях и стимулирование экономического роста в аграрных и удаленных территориях.

Данный пример показывает, как формирование контуров оценивания социально-экономического положения в России эволюционирует от простой фиксации уровня бедности к сложному многофакторному анализу. К числу перспективных направлений работы относятся:

- Развитие интеграции данных, включая переход от выборочных обследований к единой экосистеме, затрагивающей административные и цифровые следы.
- Совершенствование инструментария, внедрение методов оценки многомерной бедности и долгосрочных эффектов социальных программ, повышение степени адресности программ государственной социальной поддержки.
- Учет региональной специфики, которая требует развития низовых (муниципальных) статистик и профилей (Ермакова, Игонина, 2022).

Библиографический список

1. Белопашенцева П.В. (2022). Что говорит о российской бедности депривационный подход? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4. DOI: 10.14515/monitoring.2022.4.2224.
2. Губарев Р.В., Каримов А.Г., Дзюба Е.И. (2024). Измерение многомерной бедности населения регионов России: гибридный подход // Journal of Institutional Studies. Т. 16. № 3. С. 80–95. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.3.080-095.
3. Елисеева И.И., Раскина Ю.В. (2017). Измерение бедности в России: возможности и ограничения // Вопросы статистики. № 8. С. 70–89.
4. Ермакова Э.Р., Игонина А.А. (2022). Расчет индекса множественных деприваций как методологическая основа борьбы с бедностью в депрессивных регионах (зарубежный опыт) // Национальная безопасность. № 3. С. 45–53. DOI: 10.7256/2454-0668.2022.3.38202.
5. Корчагина И.И., Прокофьева Л.М., Тер-Акопов С.А. (2019). Материальные депривации в оценках бедности // Народонаселение. № 1. С. 78–91.
6. Овчарова Л.Н. (2009). Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. Москва: М-Студио. 268 с.

Информация об авторе

Игорь Александрович Прошин – научный сотрудник, Всероссийский научно-исследовательский институт труда (Российская Федерация, 105064, г. Москва, ул. Земляной Вал, д. 34; e-mail: iproshin@vcot.info)

FORMATION OF CONTOURS FOR ASSESSING THE SOCIO-ECONOMIC STATUS OF THE POPULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION: A METHODOLOGICAL ASPECT

Abstract. *This study justifies the transition from a binary classification of households to the identification of modal contours based on the degree of income distance from the subsistence minimum. The proposed approach makes it possible to account for the depth of poverty, identify at-risk groups, and enhance the targeting of social policy.*

Keywords: *socio-economic profile, socio-economic status, modal contours, welfare, poverty, subsistence minimum, assessment methodology.*

About the author

Igor A. Proshin – Researcher, All-Russian Scientific Research Institute of Labor (34, Zemlyanoy Val Street, Moscow, 105064, Russian Federation; e-mail: iproshin@vcot.info)

References

1. Belopashentseva P.V. (2022). What does the deprivation approach tell us about Russian poverty? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 4. DOI: 10.14515/monitoring.2022.4.2224.
2. Gubarev R.V., Karimov A.G., Dzyuba E.I. (2024). Measuring multidimensional poverty in Russian regions: a hybrid approach. *Journal of Institutional Studies*, 16(3), 80–95. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.3.080-095.
3. Eliseeva I.I., Raskina Yu.V. (2017). Measuring poverty in Russia: opportunities and limitations. *Voprosy Statistiki*, (8), 70–89.
4. Ermakova E.R., Igonina A.A. (2022). Calculation of the multidimensional deprivation index as a methodological framework for poverty reduction in depressed regions (foreign experience). *National Security*, 3, 45–53. DOI: 10.7256/2454-0668.2022.3.38202.
5. Korchagina I.I., Prokofieva L.M., Ter-Akopov S.A. (2019). Material deprivations in poverty assessments. *Population*, 1, 78–91.
6. Ovcharova L.N. (2009). Theoretical and practical approaches to assessing the level, profile and factors of poverty: Russian and international experience. Moscow: M-Studio.

СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ ЦИФРОВОЙ РЕПУТАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена социальным практикам формирования цифровой репутации через рейтинги и отзывы как компонентам символического капитала. В рамках теории П. Бурдьё цифровая репутация представлена как форма символического капитала, основанного на доверии и признании. Предложена концептуальная основа для ее изучения.*

Ключевые слова: *цифровая репутация, пользователь, цифровые платформы, рейтинг, отзывы.*

С распространением технологий поддержки рыночных взаимодействий через цифровые коммуникации, такие как цифровые платформы, маркетплейсы, социальные сети, произошла трансформация форм представления практически всех аспектов социального действия. Рыночные взаимодействия, включающие рекламу, торговлю, поиск клиентов и партнеров, найм сотрудников и взаимодействие с ними, внутрифирменные и межфирменные коммуникации, стали существенно более открытыми, в первую очередь, через цифровые следы¹.

Важным компонентом цифровых следов являются эмоции и впечатления потребителей от товаров или услуг (Пайн и др., 2018). Удовлетворенность клиентов фиксируется не только в устных благодарностях или жалобных книгах, но и в цифровом следе – отзывах и рейтингах на цифровых платформах, что придает публичный характер взаимодействия между клиентом и бизнесом. Для потенциальных клиентов оценки стали ключевым ориентиром, поэтому они обращают внимание одновременно и на рейтинг, и на содержание отзывов при выборе товаров и услуг, поскольку они формируют цифровую репутацию. Можно предложить рассмотрение расширенного варианта понятия. Цифровая репутация – это имидж человека, фирмы, региона и властных институтов, сообщества, страны, процесса, продукта (практически любого актора или действия), который формируется из информации в интернете (Сиротин, 2023; Викулова и др., 2023; Баженова, Ширинкина, 2024; Зоидзе, 2025; Андриенко, 2026).

В этом континууме определений плавают множество компонентов цифровых взаимодействий и их следов, которые сегодня не просто составляют устойчивое мнение (репутацию), но и часто замещают его. Целью данной статьи является систематизация направлений исследований цифровой репутации, обоснование значимости невидимого фактора (символического капитала) в ее формировании и определение перспектив дальнейших исследований в данной области.

Значимость обращения к данному аспекту обусловлена тем, что рейтинги и отзывы на цифровых платформах выступают не только источником формирования доверия и символического капитала организации, но и рычагом давления на компании. Руководствуясь принципом «потребитель–король», организации вынуждены любой ценой избегать негативных оценок, что повышает неформальные требования к сотрудникам².

С другой стороны, оставление отзывов и оценок на цифровых платформах становится для пользователей обыденной практикой, которая трансформирует привычные формы повседневного взаимодействия. В условиях потребительского выбора (обращения к организации или специалисту) анализ доступной на платформах информации становится неотъемлемым элементом повседневности. При рассмотрении этих практик ключевое значение приобретает социология повседневности, в частности понятие «потребительского доверия» П. Штомпки, фиксирующее роль доверия в повседневных ситуациях выбора товаров и услуг (Штомпка, 2020, с. 121).

¹ Есть ли место человечности в цифровом пространстве? // Mildberry. URL: <https://mildberry.ru/cases/est-li-mesto-chelovechnosti-v-cifrovom-prostranstve/> (дата обращения: 25.03.2026).

² Котлер Ф. (2006). Маркетинг менеджмент. Экспресс-курс. Санкт-Петербург: Питер. 464 с.

Теоретической рамкой для анализа оставления отзывов, оценок и потребительского выбора как повседневных феноменов выступает понятие социальных практик в интерпретации П. Бурдьё. Социальные практики представляют собой опривыченные, порождаемые габитусом конструкторы, отличающиеся двойственной природой: с одной стороны, они устойчивы и рутинизированы, с другой – текучи и процессуальны, поскольку их компоненты рекурсивно взаимосвязаны. Производимые социальными агентами в поле объективных и субъективных структур практики выступают одновременно их следствием и причиной, что позволяет проводить социальное различие: «когда агент что-либо совершает, он отличает себя от предмета своей практики; то, что и как он производит, отличает его предмет деятельности от других; его способ и манера действия отличается от характеристик других агентов» (Бурдьё, 2001).

Данная логика разворачивается в понятийном аппарате социологии Бурдьё. Социальное пространство структурировано относительно автономных полей, в которых агенты, обладая различными формами капитала, занимают определенные позиции. Символическая власть, которую он анализирует на примере политического поля, реализуется как способность внушать признание и навязывать легитимное видение социальной реальности. Для осуществления символической власти необходим символический капитал, ключевыми детерминантами которого выступают доверие и признание; эффективность этой власти зависит от авторитета носителя и от того, насколько предлагаемые им представления соответствуют действительности (Бурдьё, 2007, с. 200).

Экстраполируя данную логику на цифровое пространство, можно утверждать, что обратная связь от пользователей в виде рейтингов, оценок и отзывов представляет собой объективированную форму символического капитала организации. Ресурс власти в данном случае выражается через совокупность индивидуальных пользовательских оценок и их агрегированный показатель – общий рейтинг на цифровой платформе.

Также необходимо учитывать доверие пользователей не только к рейтингу и отзывам, но и к самой платформе. В научной литературе выделяют разнообразные факторы, определяющие уровень доверия к цифровым платформам: от личностных характеристик пользователей (возраст, социально-экономический статус, цифровая грамотность, доверие к цифровой среде) до свойств самих платформ. Ключевое значение среди последних приобретают факторы, связанные с репутацией платформы: квалификация специалистов, удобство интерфейса, обеспечение конфиденциальности и наличие отзывов (Михайлова и др., 2024).

Сетевая экспансия платформ, ведущая к формированию крупных монополий, создает иллюзию автономного, алгоритмически опосредованного механизма производства репутации (Радаев, 2022). Однако за каждым рейтингом и отзывом, объективированным на платформе, стоит конкретное взаимодействие между клиентом и сотрудником. Именно в этом взаимодействии: через управление эмоциями, поддержание доверия, сглаживание конфликтов – фактически производится тот материал, который впоследствии легитимизируется как символический капитал (Радаев, 2023).

Согласно определению А. Конькова и Л. Сарбаа, «репутация представляет собой общественное мнение о качествах, достоинствах и недостатках организации в сфере делового оборота, которое аккумулирует в себе и бренд, и имидж» (Коньков, Сарбаа, 2020).

Однако распространение цифровых платформ и социальных медиа привело к трансформации механизмов формирования и трансляции репутации, что делает необходимым выделение ее отдельной разновидности – цифровой репутации. В рамках данного исследования цифровая репутация выступает как вид репутации, представляющей общественное мнение о качествах, достоинствах и недостатках организации, формируемой и транслируемой в цифровой среде (на цифровых платформах, социальных медиа, сайтах с отзывами, рейтингами, оценками). Ее специфика заключается в том, что она формируется благодаря оценкам анонимных пользователей и существует исключительно в цифровой среде, воздействуя на потенциальных потребителей, формируя их первое впечатление о товарах или услугах, тем самым становясь одним из важнейших факторов потребительского выбора.

В научной литературе сложились подходы, рассматривающие отзывы и оценки в контексте социальных практик управления репутацией. В рамках управленческого подхода отзывы трактуются не как пассивный результат, а инструмент управления клиентской активностью и достижения коммерческого успеха (Новосельский и др., 2024). Социологические исследования дополняют эту перспективу, фокусируясь на стратегиях реагирования бизнеса на пользовательские оценки в цифровой среде (Сиротин, 2023). Однако оба подхода рассматривают отзывы преимущественно как данность, не затрагивая вопрос о том, как они производятся на микроуровне – в непосредственном взаимодействии между клиентом и сотрудником.

В качестве авторского решения предлагается рассматривать внешние и внутренние факторы формирования цифровой репутации, а также учитывать влияние символического капитала организации на формирование цифровой репутации.

Проведенный теоретический анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, цифровая репутация, объективированная в виде рейтингов и отзывов, выступает значимым фактором потребительского выбора. Обращая внимание на положительные оценки, потенциальный клиент интерпретирует их как сигнал о том, что у посетивших организацию сформировался положительный опыт и их потребности были удовлетворены. Тем самым отзывы на цифровых платформах выполняют функцию трансляции доверия, выступая институционализированной формой символического капитала в цифровой среде.

Во-вторых, в цифровой среде социальные практики пользователей (написание отзывов, выставление рейтингов) приобретают характер новой, публичной формы обратной связи, приходящей на смену традиционным книгам жалоб и межличностной коммуникации.

В-третьих, общественное мнение о качествах, достоинствах и недостатках организации, формируемое и транслируемое в цифровой среде посредством пользовательских практик оценивания (отзывы, рейтинги, комментарии), выступает значимым фактором доверия и конкурентоспособности в сфере услуг. Цифровая репутация превращается в критический ресурс – форму символического капитала, от которого зависит видимость организации на платформе и ее конкурентоспособность.

Библиографический список

1. Андриенко А.С. (2026). Имидж и репутация бренда в цифровой среде: оценка и развитие // Экономика и бизнес: теория и практика. 2026. № 2. С. 12–18.
2. Баженова Е.А., Ширинкина М.А. (2024). Коммуникативные приемы управления цифровой репутацией органов исполнительной власти // Виртуальная коммуникация и социальные сети. Т. 3. № 3. С. 255–263.
3. Бурдые П. (2007). Социология социального пространства. Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя. 288 с.
4. Бурдые П. (2001). Практический смысл. Санкт-Петербург: Алетейя. 562 с.
5. Викулова Л.Г., Короленко О.И., Макарова И.В. (2023). Цифровая репутация научного сообщества: сайт Французской академии // *Crede Experto*: транспорт, общество, образование, язык. № 1. С. 234–250.
6. Зойдзе Э.А. (2025). Цифровая репутация издательства в дискурсивном пространстве сайта // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. № 1 (57). С. 133–147.
7. Коньков А.Т., Сарбаа Л.Н. (2020). Соотношение понятий «репутация», «имидж», «бренд» и «паблисити» // Гуманитарный научный вестник. № 10. С. 244–250.
8. Михайлова О.Р., Фомичева Е.В., Жыргалбек кызы Ж. (2024). Факторы доверия цифровым платформам оказания психологической помощи: обзор литературы // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 27. № 2. С. 179–210.
9. Новосельский С.О., Попова С.А., Шапиро А.А. (2024). Работа с отзывами как инструмент управления клиентской активностью и достижения коммерческого успеха // Вестник Университета мировых цивилизаций. Т. 15. № 2 (43). С. 105–111.
10. Пайн Б.Д., Джеймс Х., Ливинская Н.А. (2018). Экономика впечатлений. Как превратить покупку в захватывающее действие: практическое пособие. Москва: Альпина Паблишер. 384 с.
11. Радаев В.В. (2022). Экспансия платформ как вызов социологии // Социологические исследования. № 12. С. 15–28.

12. Радаев В.В. (2023). Эмоционально нагруженное потребление в современной России. Часть первая: теоретические основы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5 (177). С. 202–220.
13. Сиротин В.А. (2023). Социальная цифровая репутация бизнес-организаций г. Волгограда: социолого-управленческий анализ // Социально-гуманитарные знания. № 5. С. 39–41.
14. Сиротин В.А. (2023). Стратегия управления цифровой репутацией бизнес-организаций Волгограда: социологический аспект // Социально-гуманитарные знания. № 6. С. 37–41.
15. Штомпка П. (2020). Доверие основа общества: монография. Москва: Логос. 440 с.

Информация об авторе

Елена Юрьевна Пунцилева – магистрант, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: lena.puncileva@mail.ru)

Puncileva E.Yu.

SYMBOLIC CAPITAL OF DIGITAL REPUTATION

Abstract. *The article examines social practices of digital reputation formation through ratings and reviews as components of symbolic capital. Drawing on P. Bourdieu's theory, digital reputation is conceptualized as a form of symbolic capital grounded in trust and recognition. A conceptual framework for its study is proposed.*

Keywords: *digital reputation, user, digital platforms, rating, reviews.*

About the author

Elena Yu. Puncileva – Master Degree student, Tyumen State University (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: lena.puncileva@mail.ru)

References

1. Andrienko A.S. (2026). Brand image and reputation in the digital environment: evaluation and development. *Economics and Business: Theory and Practice*, 2, 12–18.
2. Bazhenova E.A., Shirinkina M.A. (2024). Communicative techniques for managing the digital reputation of executive authorities. *Virtual Communication and Social Networks*, 3, 3, 255–263.
3. Bourdieu P. (2007). *Sociology of Social Space*. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletheia.
4. Bourdieu P. (2001). *Practical Reason*. St. Petersburg: Aletheia.
5. Vikulova L.G., Korolenko O.I., Makarova I.V. Digital reputation of the scientific community: the website of the French academy. *Crede Experto: Transport, Society, Education, Language*, 1, 234–250.
6. Zoidze E.A. (2025). Digital reputation of a publishing house in the discursive space of the website. *Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series: Philology. Theory of Language. Language Education*, 1(57), 133–147.
7. Konkov A.T., Sarbaa L.N. (2020). Correlation of the concepts "Reputation," "Image," "Brand," and "Publicity". *Humanitarian Scientific Bulletin*, 10, 244–250.
8. Mikhailova O.R., Fomicheva E.V., Zhyrgalbek kyzy Zh. (2024). Factors of trust in digital platforms for providing psychological assistance: a literature review. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 27, 2, 179–210.
9. Novoselsky S.O., Popova S.A., Shapiro A.A. (2024). Working with reviews as a tool for managing customer activity and achieving commercial success. *Bulletin of the University of World Civilizations*, 15, 2(43), 105–111.
10. Pine B.J., Gilmore J.H., Livinskaya N.A. (2018). *The Experience Economy: How to Turn a Purchase into a Captivating Action: Practical Guide*. Moscow: Alpina Publisher.
11. Radaev V.V. (2022). The expansion of platforms as a challenge to sociology. *Sociological Studies*, 12, 15–28.
12. Radaev V.V. (2023). Emotionally charged consumption in modern Russia. Part one: theoretical foundations. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 5(177), 202–220.
13. Sirotin V.A. (2023). Social digital reputation of business organizations in Volgograd: a sociological and managerial analysis. *Social and Humanitarian Knowledge*, 5, 39–41.
14. Sirotin V.A. (2023). Strategy for managing the digital reputation of business organizations in Volgograd: a sociological aspect. *Social and Humanitarian Knowledge*, 6, 37–41.
15. Sztompka P. (2020). *Trust: The Foundation of Society: monograph*. Moscow: Logos.

ПАРАДОКС ПЛАТФОРМ В ЦИФРОВОМ ТРУДЕ

Аннотация. Работа посвящена анализу феномена «парадокс платформ» в контексте трансформации трудовых отношений. Авторы рассматривают специфику проявления парадоксов в сфере платформенно-организованного труда. Выявляется сущность ключевых противоречий, предлагается модель адаптивного регулирования.

Ключевые слова: парадокс платформ, алгоритмы, платформы, цифровая среда, цифровой труд.

Цифровые технологии активно внедряются в трудовую деятельность, меняя не только социальную реальность, но и характер трудовых отношений. Ключевым инструментом организации труда в цифровой среде становятся алгоритмическое управление и платформенные решения. Алгоритмы берут на себя функции распределения задач, оценки качества и мотивации работников, что, с одной стороны, повышает эффективность, а с другой – порождает новые формы контроля и отчуждения. В современном научном дискурсе под цифровым трудом понимается форма трудовой активности, опосредованной цифровыми платформами, алгоритмами и информационно-коммуникационными технологиями, которая может включать как выполнение конкретных заданий (например, доставка, такси, фриланс), так и производство данных, контента и иных цифровых активов, имеющих экономическую ценность. Цифровой труд характеризуется размыванием границ между рабочим и личным временем, фрагментарностью занятости, а также специфической формой управления, при которой ключевые функции координации и контроля передаются алгоритмическим системам.

Цель исследования заключается в системном анализе парадокса платформ как фундаментального противоречия цифрового труда. В условиях развития платформенных бизнес-моделей (маркетплейсы, агрегаторы, социальные сети) обостряется противоречие между декларируемой открытостью цифровой среды и реальными практиками управления трудом. Основная проблема заключается в том, что инструменты, созданные для упрощения работы (алгоритмы, стандарты), на практике превращаются в источник новых форм контроля, бюрократии и отчуждения, угрожая устойчивости экосистем.

Теоретические основания исследования цифрового труда. Для системного анализа парадокса платформ необходимо обратиться к ключевым теоретическим подходам, сложившимся в исследовательском поле цифрового труда. Одним из первых систематическое осмысление новых форм занятости в цифровую эпоху предложил Требор Шольц, который ввел в научный оборот понятие «цифровой труд» (digital labor), определяя его как деятельность, опосредованную цифровыми платформами и алгоритмами, где границы между работой, игрой и повседневностью размываются (Scholz, 2012). Шольц обращает внимание на парадоксальный характер платформенной занятости: при внешней свободе и гибкости работник оказывается встроенным в систему тотального контроля, что побудило исследователя разработать альтернативную модель «платформенного кооперативизма» (platform cooperatives), демократически управляемых платформ, принадлежащих самим работникам (Scholz, 2023).

Важный вклад в осмысление социальной структуры цифрового труда внес Гай Стэндинг, разработавший концепцию «прекариата» – нового социального класса, формирующегося в условиях нестабильной занятости, размывания трудовых гарантий и утраты профессиональной идентичности (Standing, 2011). Стэндинг показывает, что платформенный капитализм (platform capitalism) выступает ключевым драйвером прекаризации: цифровые платформы, позиционирующие себя как «экономику совместного потребления» (sharing economy), в реальности выступают трудовыми посредниками (labor brokers), извлекающими прибыль из уязвимого положения исполнителей (Scholz, 2023). Исследователь выделяет три специфические формы трудовых отношений в платформенной экономике: «консьерж-экономику» (concierge economy), «облачный труд» (cloud labor) и занятость с нулевыми часами (zero-hour employment), каждая из которых порождает особые механизмы экономической незащищенности¹.

¹ Qiu J.L., Yeo S., Maxwell R. (2025). The Handbook of Digital Labor. Hoboken: Wiley.

В последние годы значительное внимание исследователей привлекает феномен алгоритмического управления (algorithmic management) – принципиально новой формы организации труда, при которой функции координации, контроля, оценки и дисциплинирования работников передаются алгоритмическим системам (Kellogg et al., 2020). Как отмечают российские исследователи Г.В. Еремичева и Г.А. Меньшикова, «цифровые платформы формируют новый тип управления, основанный на технологиях искусственного интеллекта: алгоритмы, правила, инструкции и рейтинги (ранкинги) создают особый механизм контроля, вступающий в противоречие с гуманистическими аспектами трудовых отношений» (Еремичева, Меньшикова, 2023). А.А. Писарев, анализируя концепцию алгоритмического управления А. Рувруа, показывает, что алгоритмическое управление устраняет субъективацию из управленческих практик: индивид редуцируется к «дивиду» (dividual) – набору данных, а власть перестает нуждаться в трансляции какого-либо образа мира или субъекта, руководя поведением «в темноте» (Писарев, 2025).

Современные исследования фиксируют противоречие между декларируемой эмансипацией и реальной уязвимостью платформенных работников. Л. Камерон с соавторами вводят понятие «парадокс платформ» (platform paradox), определяя его как противоречие между нарративом предпринимательской свободы и реальным опытом экономической нестабильности, инвазивного алгоритмического контроля и ненормированной занятости (Cameron et al., 2025). Авторы показывают, что данный парадокс воспроизводится через механизмы «неонормативного контроля» (neo-normative control): фрейминг себя как продукта (framing self-as-product), интеграцию целостной личности (whole self-integration) и гипергеймификацию (hyper-gamification). Эти механизмы заставляют работников переживать себя как независимых предпринимателей, одновременно усиливая их контроль со стороны платформы.

Важное направление исследований связано с анализом правового статуса платформенных работников. Как отмечает В.В. Цветков, Европейский Союз инициировал разработку директивы по регулированию труда работников цифровых платформ, направленной на преодоление правовой неопределенности и предоставление платформенным занятым социальных гарантий, традиционно связанных с трудовыми отношениями (Цветков, 2025). Однако, как показывает опыт различных стран, регуляторные решения сталкиваются с сопротивлением платформенных корпораций, которые настаивают на статусе исполнителей как независимых подрядчиков, а не наемных работников (Standing, 2011; 2018).

Таким образом, теоретическая рамка исследования парадокса платформ опирается на три взаимосвязанных направления: во-первых, концептуализацию цифрового труда и платформенного капитализма (Шольц, Стэндинг); во-вторых, анализ алгоритмического управления как новой формы власти и контроля (Рувруа, Келлог, Писарев); в-третьих, изучение противоречий между эмансипационными нарративами и реальными практиками уязвимости (Камерон, Цветков). Данная теоретическая рамка позволяет системно проанализировать проявления парадокса платформ в различных сегментах цифрового труда.

Сущность парадокса и определение. Опираясь на концепцию М. Гильена (Guillén, 2021) и классификацию, представленную в «The Handbook of Digital Labor»², «парадокс платформ» (platform paradox) можно определить как ситуацию в цифровой экономике, при которой развитие платформы и внедрение управленческих алгоритмов приводят к результатам, противоположным изначально заявленным целям.

В этих условиях возникает феномен «цифровой фрустрации», который исследователи рассматривают как одну из предпосылок социальной аномии (Сагитов, 2024). Пользователи и работники платформ сталкиваются с ситуацией, когда технологии, призванные упростить жизнь, начинают ее усложнять, вызывая разочарование и стресс.

Работа через цифровые платформы (агрегаторы такси, фриланс-биржи, маркетплейсы) требует от пользователей передачи большого объема личной информации – от геолокации до данных банковских карт. Это неизбежно ставит вопрос о том, насколько безопасна такая модель взаимодействия. Цифровая трансформация в целом существенно меняет представления людей о безопасности: если раньше основным страхом была угроза физического ограбления, то сегодня акцент смещается в сторону опасений за сохранность персональных данных. Возникает проблема цифрового доверия, и именно платформы оказываются в эпицентре, поскольку они аккумулируют огромные массивы данных и часто становятся объектами кибератак или утечек информации.

² Там же.

Парадокс стандартизации и инноваций. Сущность противоречия: стандартизация рассматривается одновременно и как условие, и как барьер для инноваций. Двойственная роль стандартизации: позитивная – обеспечивает совместимость систем, снижает риски внедрения новых технологий, повышает доверие потребителей; негативная – жесткие или устаревшие стандарты ограничивают инновационный потенциал, создают технологические барьеры. Причины обострения: жесткость норм, инерция рынка (консенсусный характер разработки стандартов), различия в регулировании между странами.

Пример в сфере цифрового труда: на фриланс-биржах, таких как Upwork или Kwork, стандартизированные формы оценки исполнителей (рейтинги, количество выполненных заказов, процент своевременных сдач) часто не учитывают специфику сложных творческих или технических проектов. В результате работники вынуждены ориентироваться на формальные метрики, избегая нестандартных, но потенциально более интересных и высокооплачиваемых задач, поскольку любое отклонение от «усредненного» профиля рискует снижением рейтинга и, как следствие, видимости в поиске платформы.

Парадокс самовыражения и алгоритмов. Сущность противоречия: платформы, позиционирующиеся как пространство свободы, через алгоритмы продвижения создают «диктатуру трендов». Следствие: унификация контента, подавление уникальности, подчинение авторов внешним алгоритмическим требованиям.

Пример в сфере цифрового труда: видеоблогеры и создатели контента на YouTube или TikTok сталкиваются с ситуацией, когда алгоритмы рекомендаций де-факто диктуют формат, длину и даже эмоциональную тональность видео. Труд креатора превращается в непрерывную адаптацию к «алгоритмической целесообразности»: заголовки, обложки и структура контента подчиняются не творческой логике, а необходимости удержания внимания в условиях жесткой конкуренции за охваты. Это приводит к эмоциональному выгоранию и унификации творческого самовыражения.

Парадокс эффективности (platform smells). Сущность противоречия: инструменты, призванные упростить процессы, порождают новые формы бюрократии. Проявление: усложнение управления зависимостями, рост издержек на поддержку платформы, превышающих издержки на саму деятельность.

Пример в сфере цифрового труда: водители такси, работающие через агрегаторы (например, Яндекс.Такси или Uber), вынуждены взаимодействовать с многоуровневой системой автоматизированных проверок, чат-ботов поддержки и алгоритмических штрафов. Вместо прямого диалога с заказчиком или представителем компании они тратят значительное время на оспаривание автоматически наложенных санкций, заполнение форм и подтверждение своей добросовестности. Издержки на «алгоритмическую бюрократию» снижают реальный доход и увеличивают психологическую нагрузку.

Экономический парадокс («Победитель получает все»). Сущность противоречия: стратегия открытости для привлечения участников (сетевой эффект) оборачивается монополизацией. Следствие: платформа-монополист диктует условия, перераспределяет прибыль в свою пользу, что создает угрозу устойчивости экосистемы.

Пример в сфере цифрового труда: крупные платформы курьерской доставки (Delivery Club, Яндекс.Еда) на этапе масштабирования привлекают исполнителей гибким графиком и бонусами. Однако после завоевания доминирующего положения на рынке они начинают последовательно снижать ставки за заказы, ужесточать требования к времени выполнения и вводить штрафные санкции, которые исполнители не могут оспорить. Курьеры, не имея возможности перейти на альтернативные платформы из-за их отсутствия или недостаточной клиентской базы, оказываются в экономически уязвимом положении.

Причины возникновения парадоксов платформ. Феномен парадокса платформ не является случайным сбоем, а порождается совокупностью системных факторов. Прежде всего это жесткость и неактуальность стандартов: установленные нормы, призванные упорядочивать деятельность, со временем перестают учитывать технологические изменения и начинают выступать в роли барьера, ограничивающего инновационный потенциал участников. Данная проблема усугубляется инерцией рынка и запаздыванием институциональных изменений, поскольку разработка и обновление стандартов требуют консенсуса между множеством игроков, что делает регуляторные механизмы заведомо более медленными по сравнению с темпами технологического развития.

Дополнительным фактором выступают различия в национальных регуляторных нормах: фрагментация правового поля создает барьеры для масштабирования платформенных решений и вынуждает участников адаптироваться ко множеству противоречивых требований, что снижает эффект глобальной координации. Внутри самих платформ ключевую роль играет непрозрачность алгоритмического управления: работники вынуждены подчиняться правилам, логика которых им недоступна, что порождает состояние неопределенности и фрустрации. Наконец, фундаментальной причиной выступает асимметрия власти между платформой и участниками: платформа обладает исключительным правом изменять «правила игры» в одностороннем порядке, тогда как исполнители, заказчики и креаторы лишены рычагов влияния и возможности коллективного действия, что закрепляет их уязвимое положение.

Конкретные проявления данных противоречий и необходимость их разрешения отчетливо прослеживаются в ряде эмпирических кейсов. Так, развитие дронов и беспилотных технологий потребовало срочного пересмотра авиационных стандартов и нормативов (Демьянов, Миргородская, 2023), поскольку существующие правила, разработанные для пилотируемой авиации, не учитывали специфику новых устройств и блокировали развитие целой отрасли. Аналогичная ситуация наблюдается в сфере телекоммуникаций: различия в стандартах на 5G между Европой, США и Китаем создают фрагментацию глобального рынка, вынуждая производителей оборудования адаптироваться к нескольким регуляторным режимам, что замедляет внедрение технологии и повышает издержки. В сфере IT-услуг фиксируется конфликт процессного подхода ITSM с требованиями ГОСТ³, где гибкие управленческие практики входят в диссонанс с жесткими нормативами, что иллюстрирует противоречие между инновационными методами организации труда и устаревшими институциональными требованиями.

Таким образом, парадокс платформ в цифровом труде проявляется как системное противоречие между потенциалом технологической оптимизации и реальными практиками контроля, унификации и экономической асимметрии. Разрешение данных противоречий требует не только технологических, но и институциональных решений, включая повышение прозрачности алгоритмического управления, пересмотр стандартов с участием работников и развитие механизмов коллективной защиты интересов субъектов цифрового труда.

Библиографический список

1. Демьянов Д.С., Миргородская М.Г. (2023). Состояние и перспективы развития беспилотных технологий в коммерческой деятельности // Экономика строительства. № 9. С. 88–91.
2. Еремичева Г.В., Меньшикова Г.А. (2025). Платформенная занятость и алгоритмический менеджмент – новый уровень работы и управления на современном рынке труда // Семiotические исследования. Т. 5. № 4. С. 82–96.
3. Писарев А.А. (2025). Алгоритмическое управление: субъективация под вопросом // Вопросы философии. № 10. С. 89–100.
4. Сагитов С.Т. (2024). Цифровизация сферы культуры России: этапы и проблемы // Социологическая наука и социальная практика. Т. 12. № 1. С. 80–93.
5. Цветков В.В. (2025). Инициатива ЕС по правовому регулированию труда работников цифровых платформ // Трудовое право в России и за рубежом. № 1. С. 45–48.
6. Cameron L.D., Chan C.K., Anteby M. (2025). Selling the self: neo-normative control and the platform paradox. *Research in Organizational Behavior*, 45, 100217.
7. Guillén M.F. (2021). The Platform Paradox: How Digital Businesses Succeed in an Ever-Changing Global Marketplace. Philadelphia: Wharton School Press, The Wharton School, University of Pennsylvania.
8. Kellogg K.C., Valentine M.A., Christin A. (2020). Algorithms at work: the new contested terrain of control. *Academy of Management Annals*, 14, 1, 366–410.
9. Scholz T. (2012). Digital Labor: The Internet as Playground and Factory. New York: Routledge.
10. Scholz T. (2023). Own This! How Platform Cooperatives Help Workers Build a Democratic Internet. London: Verso Books.
11. Standing G. (2018). Taskers in the Precariat: Confronting an Emerging Dystopia. *Alternative Futures*, Ithaca: Cornell University Press. 115–130.
12. Standing G. (2011). The Precariat: The New Dangerous Class. London: Bloomsbury Academic.

³ ГОСТ Р ИСО/МЭК 15504. Информационная технология. Оценка процесса. Ч. 1–4. Москва: Стандартинформ,

Информация об авторах

Гульнара Фатыховна Ромашкина – доктор социологических наук, профессор кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru)

Владимир Талгатович Шин – магистрант, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: stud0000320303@utmn.ru)

Romashkina G.F., Shin V.T.

THE PLATFORM PARADOX IN DIGITAL LABOR

Abstract. *The work is devoted to the analysis of the phenomenon of the "platform paradox" in the context of the transformation of labor relations. The authors consider the specifics of the manifestation of paradoxes in the field of platform-organized labor. The essence of the key contradictions is revealed, and a model of adaptive regulation is proposed.*

Keywords: *platform paradox, algorithms, platforms, digital environment, digital labor.*

About the authors

Gulnara F. Romashkina – Doctor of Sciences (Sociological), Professor of the Department of Economic Security, System Analysis and Control, Tyumen State University (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru)

Vladimir T. Shin – Master Degree student, Tyumen State University (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: stud0000320303@utmn.ru)

References

1. Demyanov D.S., Mirgorodskaya M.G. (2023). State and development prospects of unmanned technologies in commercial activities. *Construction Economics*, 9, 88–91.
2. Eremicheva G.V., Men'shikova G.A. (2025). Platform employment and algorithmic management – a new level of work and management in the modern labor market. *Semiotic studies*, 5, 4, 82–96.
3. Pisarev A.A. (2025). Algorithmic management: subjectivation under question. *Voprosy filosofii*, 10, 89–100.
4. Sagitov S.T. (2024). Digitalization of the cultural sphere in Russia: stages and problems. *Sociological Science and Social Practice*, 12, 1, 80–93.
5. Tsvetkov V.V. (2025). The EU initiative on legal regulation of digital platform workers labor. *Labor Law in Russia and Abroad*, 1, 45–48.
6. Cameron L.D., Chan C.K., Anteby M. (2025). Selling the self: neo-normative control and the platform paradox. *Research in Organizational Behavior*, 45, 100217.
7. Guillén M.F. (2021). *The Platform Paradox: How Digital Businesses Succeed in an Ever-Changing Global Marketplace*. Philadelphia: Wharton School Press, The Wharton School, University of Pennsylvania.
8. Kellogg K.C., Valentine M.A., Christin A. (2020). Algorithms at work: the new contested terrain of control. *Academy of Management Annals*, 14, 1, 366–410.
9. Scholz T. (2012). *Digital Labor: The Internet as Playground and Factory*. New York: Routledge.
10. Scholz T. (2023). *Own This! How Platform Cooperatives Help Workers Build a Democratic Internet*. London: Verso Books.
11. Standing G. (2018). *Taskers in the Precariat: Confronting an Emerging Dystopia*. Alternative Futures, Ithaca: Cornell University Press. 115–130.
12. Standing G. (2011). *The Precariat: The New Dangerous Class*. London: Bloomsbury Academic.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШКОЛЬНИКОВ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

Аннотация. Организация исследовательской деятельности обучающихся – это универсальный по своему содержанию и эффективный по целеполаганию механизм достижения высоких результатов освоения учебных программ, но одна из самых чувствительных форм учебной деятельности – цифровизация. В связи с этим перед педагогическим сообществом стоит ряд задач, связанных с пониманием необходимости и эффективности применения цифровых технологий и искусственного интеллекта.

Ключевые слова: Научно-образовательный центр, исследовательская деятельность, искусственный интеллект, риски и возможности использования искусственного интеллекта.

В современном обществе уже не вызывает удивления тот факт, что цифровые технологии и искусственный интеллект (ИИ) становятся неотъемлемой частью жизни современного человека и оказывают все большее влияние во всех сферах жизнедеятельности. Образование не исключение. В условиях глобальных перемен и вызовов претерпевают изменения требования, предъявляемые к результату получения знаний, умений и навыков. Стремительный рост цифровизации ставит перед школой принципиально новые задачи, связанные с пониманием необходимости и эффективности применения цифровых технологий, а также поиском эффективных методов и форм работы, позволяющих достигать высокие результаты в обучении. Прежде всего речь идет о компетентностном подходе, когда выпускник овладевает такими умениями и навыками, благодаря которым он может адекватно и эффективно взаимодействовать с постоянно меняющимся миром.

Одним из важных универсальных наборов умений и навыков является исследовательская компетентность, которую можно развивать не только в ходе любого учебного предмета (от постановки проблемного вопроса обучающимися до их самооценки и самоанализа полученного результата), но и в процессе научно-исследовательской деятельности школьников (Сагидуллина, 2025). В Концепции развития исследовательской деятельности учащихся исследовательская деятельность понимается как поиск ответа на творческую, исследовательскую задачу с заранее неизвестным решением, и означает – извлечь нечто «из следа», т. е. восстановить некоторый порядок вещей по косвенным признакам, отпечаткам общего закона в конкретных, случайных предметах (Алексеев, 2002). В процессе данного вида деятельности формируется особый тип мышления, позволяющий, с одной стороны, активно и самостоятельно овладевать новыми знаниями, а с другой – развивать определенные личностные характеристики, умения и навыки, которые затем проецируются на все сферы деятельности в будущем (самоорганизация, самообучение, саморегуляция, самоопределение и саморазвитие).

В ходе исследовательской деятельности школьники развивают практические умения и навыки ориентации в информационном потоке, целеполагания, планирования, выбора методов решения поставленных задач, а самое главное – применения полученных знаний на практике. Эта форма учебной деятельности отражает одну из приоритетных задач педагогической деятельности и является одной из самых уязвимой перед технологиями искусственного интеллекта.

В настоящее время уже есть исследования, посвященные изучению направлений применимости технологий искусственного интеллекта в образовании. К проблеме определения понятия и возможностей искусственного интеллекта обращаются такие исследователи, как Э.М. Пройдаков, Г.С. Осипов, П.М. Морхат, И.В. Понкин и А.И. Редькина, М.И. Хубулова, Е.Ю. Баракина, Н.В. Муравьева, И.Н. Габдулов, И.Ю. Пашенко и др. Искусственный интеллект понимается исследователями в зависимости от того, на каком аспекте изучения сконцентрировано их внимание. По мнению Г.Л. Огаркова таких аспектов традиционно может быть два, когда любое понятие рассматривается в широком (научном) и узком (прикладном) смысле (Огарков, 2023):

1. Искусственный интеллект в контексте научного понимания – область научного знания о взаимосвязи искусственного и человеческого интеллекта.

2. Искусственный интеллект в контексте прикладного понимания – это инструментарий (какая-либо система), обладающий характеристиками человеческого мышления и поведения.

В утвержденной Президентом Национальной стратегии развития искусственного интеллекта¹ акцентируется внимание именно на прикладном понимании ИИ как комплексе технологических решений, который позволяет имитировать когнитивные функции человека: информационно-коммуникационная инфраструктура, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Некоторые направления применения использования технологии искусственного интеллекта в образовании представлены в *табл. 1*.

Таблица 1. Направления применения искусственного интеллекта в образовании

Область применения ИИ	Сущность, примеры
Персонализированное обучение	1. Анализ данных о ходе выполнения тестовых заданий, практических работ, затраченного времени на изучение материала; 2. Создание индивидуальных планов обучения, заданий, учебных материалов в зависимости от достигнутых успехов или возникших трудностей с его освоением. Если система определяет, что обучающийся быстро усваивает материал по отдельной теме, она может предложить более сложные задания, подстраиваясь под его темп обучения.
Автоматизация административных процессов	1. Быстрая и точная проверка разного рода заданий и предоставление обратной связи; выявление и исправление пробелов в освоения учебного материала. 2. В письменных работах анализируется корректность использования понятий, грамматика, структура работы, хода решения. 3. Составление планов, отчетов, отслеживание расписания и успеваемости обучающихся.
Прокторинг	1. В режиме реального времени анализируется поведение обучающегося во время проведения оценочных испытаний (видео, аудио, действиях с мышью и клавиатурой). Например, система может обнаружить быстрое и необычное перемещение мыши, длительный отвод взгляда от экрана, повтор одних и тех же действий, периоды длительной неактивности, изменение скорости набора текста и т. д.
Интерактивность учебного процесса	1. Виртуальные ассистенты и чат-боты (текстовые или голосовые) помогают не только в поиске информации, но и в выполнении заданий. 2. Виртуальная и дополненная реальность позволяют погрузиться в историческое событие, изучить анатомию, исследовать космос, не выходя из аудитории.
Инклюзивность	1. Системы распознавания речи, голосовой ввод, автоматический перевод текста.
Источник: составлено по (Еськин, 2023; Юров, 2023).	

Л.С. Илюшин и Н.А. Торпашева считают, что ИИ можно использовать для:

– генерации текста, проверки грамматики и орфографии, анализа текстовых данных и выявления ключевых слов, автоматического перевода текстов, автоматического создания тестовых заданий и учебных материалов на основе учебных программ;

– распознавания и транскрипции речи, создания аудио-уроков и обучающих материалов с использованием голосовых ассистентов, автоматического выделения ключевых моментов из аудио-лекций, анализа тональности и эмоций в аудио-контенте.

– создания иллюстраций и изображений для учебных материалов, автоматического распознавания и классификации изображений в учебных приложениях, анализа объектов на фотографиях, генерации фото-контента на основе текстового описания.

– создания видеуроков и обучающих видеоматериалов, автоматической обработки и анализа видео-контента, распознавания эмоций и реакций студентов во время онлайн-обучения, автоматической генерации видео-контента на основе аудиодорожки или текстового описания.

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с "Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года"): Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490.

Очевидно, искусственный интеллект – это, прежде всего, вспомогательный инструмент для автоматизации некоторых аспектов деятельности, и его внедрение делает современное образование более гибким и динамичным. Обучающиеся получают возможность эффективно и дифференцированно усваивать учебный материал с учетом своих индивидуально-личностных возможностей и особенностей. Педагогам предоставляется возможность уйти от решения административных вопросов, автоматизируя их с помощью искусственного интеллекта, и больше уделить внимание, например, анализу трудностей в освоении материала и их устранению и т. д.

Для Научно-образовательного центра Вологодского научного центра РАН – это является актуальным вопросом, т. к. он более 20 лет осуществляет просветительскую деятельность со школьниками путем включения их в научно-исследовательскую деятельность: разработка своего первого научного труда, его защита на конференции и публикация в сборнике. Рассмотрим этапность исследовательской деятельности со школьниками:

1. Постановка проблемы, определение целей, задач, объекта, предмета научно-исследовательской работы (далее НИР). В Научно-образовательном центре ВолНЦ РАН подготовка исследовательских школьных работ возможна по трем основным направлениям: экономика, социология и биоэкономика. Традиционно организуются встречи, в ходе которых обсуждаются темы работ, исходящие как от самих школьников, так и от наставников.

2. Составление плана исследования, определение структуры. Наставник разрабатывает план по подготовке работы с указанием названия этапа и сроков реализации. На протяжении всего периода подготовки работы наставником осуществляется контроль выполнения и корректировка данного плана. Взаимодействие наставника и школьника носит гибкий характер, но преимущественно проходит в очном формате. Определяются основные части работы: введение, теоретическая часть, практическая часть, выводы, заключение.

3. Обзор литературных источников по теме. Наставник рекомендует виды литературных источников (журналы, книги, сборники и т. д.), акцентирует внимание на необходимости включения каких-либо определенных и имеющих весомое значение работы авторов.

4. Проработка теоретической и практической частей НИР. Сбор и анализ литературных источников, изучение фактов, сопоставление мнений, определение авторской позиции, определение методов (наблюдение, опрос, интервью, эксперимент и др.), сбор материала, его анализ и обобщение, сопоставление конечного результата с поставленными задачами.

5. Оформление НИР в соответствии с положением конкурса. Научно-образовательный центр ежегодно проводит конкурс научно-исследовательских работ школьников.

6. Подготовка презентации для защиты НИР на конференции по итогам конкурса «Экономика региона глазами старшеклассников». Уделяется внимание не только содержанию презентации, но и регламенту и тренировке выступления – на что обратить внимание, как реагировать и отвечать на вопросы, аргументировать и т. д.

На всех этапах реализации исследовательской деятельности очевидно присутствие коммуникативного компонента. Совместная работа наставника и обучающегося или группы предполагает активное общение, обсуждение этапов подготовки проекта, учет замечаний по работе и их устранение, доказательная аргументация личного мнения, принятие позиции другого. Именно этот аспект работы остается вне поля управления искусственного интеллекта и развивается только в социальной среде при непосредственном контакте человека с человеком.

Безусловно, с помощью технологий ИИ можно ускорить прохождение этапов: путем генерации идей через любые поисковые интернет-системы, чат-боты и ИИ-помощников формируется список тем в интересующей области; подбираются литературные источники; предлагаются задачи, необходимые решить в ходе исследования; планируется работа; подсчитываются полученные данные; создаются презентации и т. д. Но даже в этом случае, необходима корректировка получаемой информации самим человеком.

Бесконтрольное использование ИИ вырабатывает привычку искать уже готовые ответы, а не думать. Чрезмерное обращение к нейросетям угнетает умение решать нестандартные задачи. О каком специалисте будущего, обладающего адекватными и эффективными навыками взаимодействия с постоянно меняющимся миром, можно говорить? Ведь все-таки технологии искусственного интеллекта для обучения создаются специалистами информационных технологий, а не педагогами. Их разработки моделируют процесс обучения по алгоритму «представление–тестирование–обратная связь», а не как развивающуюся среду (Платов, Гаврилина, 2024).

Необходимо обучать самих педагогов новым технологиям не только для того, чтобы было четкое понимание в каких случаях допустимо применение технологий ИИ, а где это категорически запрещено, но и для выработки навыка работы и применения таких технологий. Здесь остро возникает несколько вопросов: позволит ли современная образовательная программа эффективно и результативно встроить обучающие курсы для педагогов? Насколько оснащено технически образовательное учреждение? Каков уровень доступности оборудования и стабильности Интернета? Остро стоит вопрос этики и ответственности.

Таким образом, возможность применения технологий ИИ при организации исследовательской деятельности школьников – это реальность, которая по-прежнему требует контроля человека. Чтобы не обесценить сам процесс исследовательской деятельности, главная задача которого, как упоминалось выше, развитие самостоятельности познания и когнитивных функций.

Библиографический список

1. Алексеев С.В. (2002). Концепция развития исследовательской деятельности учащихся // Исследовательская работа школьников. № 1. С. 24.
2. Еськин Д.Л. (2023). Использование технологий искусственного интеллекта в обучении // Мир науки, культуры, образования. № 6 (103). С. 329–331.
3. Илюшин Л.С., Торпашева Н.А. (2024). Технологии искусственного интеллекта как ресурс трансформации образовательной практики // Ярославский педагогический вестник. № 3 (138). С. 62–71.
4. Огарков Г.Л. (2023). Дифференцированный подход к дефиниции «Искусственный интеллект»: системная валидность и методологическая необходимость // Информатизация в цифровой экономике. Т. 4. № 3. С. 279–294.
5. Платов А.В., Гаврилина Ю.И. (2024). Искусственный интеллект в образовании: эволюция и барьеры // Научный результат. Педагогика и научный результат. Педагогика и психология образования. Т. 10. № 1. С. 26–43.
6. Сагидуллина Е.А. (2025). Развитие исследовательской компетентности обучающихся в процессе проектно-исследовательской деятельности (на примере Научно-образовательного центра Вологодского научного центра РАН) // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы X Международной научно-практической интернет-конференции г. Вологда, 24–28 марта 2025 года. Вологда: ВолНЦ РАН. С. 323–328.
7. Юров С.С. (2023). Начало эпохи искусственного интеллекта в образовании // Экономика и бизнес в условиях цифровой трансформации и новых вызовов: материалы Международной научно-практической конференции. г. Москва, 14 апреля 2023 года. Москва: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Институт бизнеса и дизайна». С. 485–491.

Информация об авторе

Евгения Анатольевна Сагидуллина – инженер-исследователь, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: timurandko@mail.ru)

Sagidullina E.A.

RESEARCH ACTIVITIES OF SCHOOLCHILDREN IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: OPPORTUNITIES AND RISKS

Abstract. *The organization of research activities of students is a universal in its content and effective in terms of goal-setting mechanism for achieving high results in the development of educational programs, but one of the most sensitive forms of educational activity to digitalization. In this regard, the pedagogical community faces a number of tasks related to understanding the necessity and effectiveness of the use of digital technologies and artificial intelligence.*

Keywords: *Research and Education Center, research activities, artificial intelligence, risks and opportunities of using artificial intelligence.*

About the author

Evgeniya A. Sagidullina – Research Engineer, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: timurandko@mail.ru)

References

1. Alekseyev S.V. (2002). The concept of development of research activity of students. *Research work of schoolchildren*, 1, 24.
2. Yeskin D.L. (2023). Use of technologies of artificial intelligence in training. *The world of science, culture, education*, 6(103), 329–331.
3. Ilyushin L.S., Torpashyova N.A. (2024). Artificial intelligence technologies as a resource for transforming educational practice. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 3(138), 62–71.
4. Ogarkov G.L. (2023). A differentiated approach to the definition of "Artificial intelligence": system validity and methodological necessity. *Informatization in the digital economy*, 4, 3, 279–294.
5. Platov A.V., Gavrilina Yu.I. (2024). Artificial intelligence in education: evolution and barriers. *Scientific result. Pedagogy and scientific result. Pedagogy and psychology education*, 10, 1, 26–43
6. Sagidullina E.A. (2025). Development of students' research competence in the process of design and research activities (on the example of the Scientific and Educational Center of the Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences). Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions: materials of the X International Scientific and Practical Conference, Vologda, March 24–28, 2025. Vologda: VolSC RAS 323–328.
7. Yurov S.S. (2023). The Beginning of the Era of Artificial Intelligence in Education // Economics and Business in the Context of Digital Transformation and New Challenges: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 14, 2023. Moscow: Autonomous Non-Profit Higher Education Institution "Institute of Business and Design", 485–491.

МООК В ОЦЕНКАХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ: БАРЬЕРЫ ВНЕДРЕНИЯ И ЗОНЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье рассматривается отношение преподавателей вузов к массовым открытым онлайн-курсам как инструменту модернизации образовательного процесса. На основе анализа серии полуструктурированных интервью с преподавателями Тюменского государственного университета ($n = 9$) выявлены ключевые барьеры, препятствующие активному внедрению МООК в образовательную практику, а также определены зоны развития и факторы, способствующие повышению мотивации преподавателей к созданию и использованию онлайн-курсов. Полученные результаты могут быть использованы при разработке управленческих решений в сфере цифровизации высшего образования.

Ключевые слова: массовые открытые онлайн-курсы, онлайн-образование, онлайн-обучение, преподаватели, интеграция, отношение.

Цифровая трансформация высшего образования является одним из основных трендов последних десятилетий. Интеграция массовых открытых онлайн-курсов (МООК) в образовательный процесс российских вузов рассматривается как перспективный инструмент модернизации, способствующий повышению доступности образования, индивидуализации обучения и расширению академической мобильности. Однако, как показывает практика, процесс внедрения МООК сталкивается с рядом сложностей, связанных не только с техническими и экономическими аспектами, но и с человеческим фактором – отношением ключевых участников образовательного процесса, прежде всего преподавателей.

Преподаватели выступают не только пользователями существующих онлайн-курсов, но и потенциальными создателями нового образовательного контента. Их мнение о преимуществах, недостатках и перспективах использования МООК во многом определяет успешность интеграции данных форматов в учебные планы и реальную образовательную практику. В связи с этим изучение оценок университетских преподавателей, выявление барьеров, с которыми они сталкиваются, и зон развития, открывающихся благодаря МООК, представляется актуальной исследовательской задачей.

Под МООК понимаются онлайн-курсы, характерным признаком которых является открытый доступ (без ограничений) к учебным и контрольно-измерительным материалам для слушателей в объеме, достаточном для достижения заявленных результатов обучения и их оценки (Гречушкина, 2018). В научной литературе выделяются различные модели интеграции МООК в образовательный процесс вуза: индивидуальная (студент самостоятельно выбирает курс из утвержденного перечня), институциональная с полной или частичной заменой (университет заранее включает онлайн-курс в учебный план), а также использование курсов в качестве дополнительного материала (Панфилова, Кафиятуллина, 2018). Исследователи отмечают, что отношение преподавателей к МООК формируется под влиянием множества факторов, включая воспринимаемую полезность курсов, уровень технической компетентности, наличие институциональной поддержки и опасения относительно изменения собственной роли в образовательном процессе (Захарова, Танасенко, 2019; Горбенко и др., 2020).

Эмпирической базой работы выступают материалы серии полуструктурированных интервью с преподавателями Тюменского государственного университета, проведенных в апреле–мае 2024 года. В качестве информантов выступили штатные преподаватели различных образовательных подразделений (институтов/школ) ТЮмГУ: Финансово-экономического института, Института государства и права, Школы естественных наук, Института социально-гуманитарных наук, Школы образования, Передовой инженерной школы, Школы компьютерных наук, Школы перспективных исследований (SAS), Антропошколы. Всего было опрошено 9 человек (5 женщин и 4 мужчины), занимающих должности доцентов и руководителей образовательных программ. Интервью проводились в очном формате с записью на диктофон и последующей транскрибацией.

Проведенное исследование показало неоднозначность оценок преподавателей в отношении массовых открытых онлайн-курсов. Большинство информантов признают значимость и перспективность данного формата, однако их отношение варьируется от позитивно-нейтрального до скептического. Информанты, имеющие опыт использования MOOK в преподавательской деятельности, отмечают, что онлайн-курсы могут эффективно использоваться как дополнительный материал для углубленного изучения отдельных тем: «Я использую только как дополнительно... когда даешь задание, где разобраться в чем-то поглубже, отправляю какой-нибудь хороший, проверенный мною MOOK» (Ж, инженер, ПИШ). Однако, по ее словам, студенты неохотно реагируют на такие предложения: «процентов, наверное, максимум пять реагируют».

Некоторые преподаватели используют короткие MOOK, размещенные на платформах ПостНаука, Stepik, OpenEDU. При этом полноценной интеграции чужого онлайн-курса в свой учебный курс не происходит: «к сожалению, я еще не дошел до того, чтобы в рамках курса полноценно интегрировать чей-то MOOK, потому что тогда всегда возникает вопрос, что дать из MOOK, а что дать из непосредственно курса» (М, социолог, ШПИ). Анализ интервью позволил выделить несколько групп барьеров, препятствующих активному внедрению MOOK в образовательную практику.

Организационно-административные барьеры

Наиболее значимым барьером, по мнению информантов, является отсутствие системной поддержки со стороны университета и разграничения труда при создании онлайн-курсов. Один из информантов отметил: «Кто этим будет заниматься? Я этим буду заниматься! У меня и так полторы ставки преподавания. Этим будет заниматься университет? может быть, но у университета нет ресурсов заниматься продвижением курсов» (М, антрополог, Антропошкола). Другой информант указал на необходимость создания специализированного сервиса сопровождения: «Если это будет сервис по сопровождению... дизайнер, контент-менеджер должны тебе подсказать, каким образом, в какую форму лучше это облачить для того, чтобы это выглядело визуально красиво, понятно, удобно для восприятия... вот эта работа должна точно сопровождаться» (Ж, инженер, ПИШ). Информанты, имевшие опыт создания онлайн-курсов в прошлом, отметили, что ранее университет предоставлял необходимое обучение и техническую поддержку: «У нас своя была студия, где записывали MOOK... повышали нам квалификацию по этому поводу и проводили обучение, как писать, как держаться, как на камеру смотреть, какие лучше использовать визуальные составляющие» (Ж, инженер, ПИШ). Отсутствие подобной поддержки в настоящее время рассматривается как серьезное препятствие.

Технические и ресурсные барьеры

Создание качественного онлайн-курса требует значительных временных и трудовых затрат, что отмечалось многими информантами: «Чтобы курс (онлайн-курс) был качественным, нужно работать над ним, наверно, в три раза больше по времени, по усилиям, чем на разработку курса, который читается офлайн» (Ж, социолог, ФЭИ). Техническая сложность процесса также выступает барьером: «Если ты представляешь, что я вот сейчас начну с самого начала... ладно проработать программу, лекции, но вот эти технические моменты: запись, картинка, звук, чтобы все это было на достойном качестве и если некому это делегировать, то ты уже задумываешься – а нужно ли?» (Ж, филолог, СоцГум).

Психологические и профессиональные барьеры

Среди психологических барьеров информанты называли страх перед неполнотой или неактуальностью знаний, которые будут зафиксированы в курсе. Особенно остро это проявляется в быстро развивающихся областях: «Лично в моей области сейчас идет очень бурное развитие, я могу чего-то не знать в силу того, что я не успеваю за этим следить... отпугивает, что ты неактуальные какие-то вещи рассказываешь» (Ж, инженер, ПИШ). Другой психологический барьер – некомфортность «вещания в пустоту»: «Он эмоционально некомфортный... гораздо приятнее, когда ты видишь реакцию человека на твои слова. Ты можешь из-за этого как-то скорректировать свою речь» (М, биолог, ШЕН). Отдельно отмечался страх негативной оценки со стороны коллег-специалистов: «психологический момент – а вдруг посмотрит кто-то, кто круче меня разбирается в вопросе, и он скажет: “ну ты дурачок, что за фигню рассказал?”» (М, биолог, ШЕН).

Институциональные барьеры

Некоторые информанты выражали сомнения в том, что развитие MOOK является перспективным направлением для повышения конкурентоспособности университета: «То, что у какого-то университета развитая инфраструктура онлайн-курсов, мне кажется, особо его не подтягивает по основной университетской миссии... сравнивают не по количеству онлайн-студентов, а по трудоустройству выпускников, по научным статьям» (М, антрополог, Антропошкола). Указывалось также на разведенность офлайн и онлайн образовательных процессов в университете: «Образовательные российские стандарты не знают таких вещей как онлайн-курсы... это неизбежно будет два не пересекающихся множества» (М, антрополог, Антропошкола).

Несмотря на выявленные барьеры, информанты называли ряд факторов, которые могли бы способствовать их вовлечению в создание и использование MOOK.

1. Наличие запроса и обратной связи.

Наиболее значимым фактором, по мнению преподавателей, является наличие запроса – как внешнего (от руководства, от студентов), так и внутреннего (желание поделиться уникальными знаниями). Обратная связь от слушателей выступает мощным мотиватором: «Когда есть какой-то эффект, когда приходит понимание, что это действительно кому-то важно, кому-то нужно, кому-то пригодится... мотивация очень возрастает» (Ж, математик, ШКН).

2. Возможность делиться уникальными знаниями.

Информанты отмечали, что мотивация к созданию MOOK возрастает, если у них есть уникальные знания, которые могут быть полезны широкой аудитории: «Мотивирует делиться уникальными знаниями или как-то уникально будет преподаваться» (Ж, инженер, ПИШ); «возможность передать свои уникальные наработки большему количеству людей» (М, биолог, ШЕН).

3. Материальное стимулирование и разделение труда.

Хотя большинство информантов не называли материальные факторы основными, они признавали их значимость: «Деньги всегда влияют, конечно... если за курс предложат определенную сумму денег, я думаю, что вы согласитесь разрабатывать этот курс» (М, юрист, ИГИП). При этом подчеркивалась важность разделения труда: «Если моя задача просто преподавать, следить за усваиваемостью студентами – ок, и мне за это еще платят... в университете я же не бегая по улицам, не ищу студентов. Этим занимается приемная комиссия. Все то же самое есть и для онлайн-курсов. Только в университете этим никто не занимается» (М, антрополог, Антропошкола).

4. Профессиональное развитие.

Некоторые информанты рассматривали создание MOOK как возможность профессионального роста и освоения нового формата: «Это как некий новый этап развития, новый этап работы, способ отдать знания большему количеству людей» (Ж, математик, ШКН).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что отношение преподавателей к массовым открытым онлайн-курсам характеризуется сочетанием признания их потенциала и наличием серьезных барьеров, препятствующих активному внедрению. Основными барьерами выступают: отсутствие системной организационной и технической поддержки со стороны университета, высокие временные и трудовые затраты на создание качественных курсов, психологическая некомфортность работы без обратной связи, а также институциональная разобщенность офлайн и онлайн образовательных процессов. Зоны развития связаны с созданием условий, при которых преподаватели могли бы сосредоточиться на содержательной части курсов, делегируя технические, административные и маркетинговые задачи специализированным подразделениям. Важным фактором мотивации является наличие запроса и обратной связи от слушателей, а также возможность делиться уникальными знаниями с широкой аудиторией. Полученные результаты могут быть использованы при разработке программ поддержки преподавателей, участвующих в создании онлайн-курсов, а также при формировании стратегии развития цифровой образовательной среды в университетах.

Библиографический список

1. Горбенко В.Д., Доминова Т.Н., Ильина Н.О., Кумбашева Ю.А. (2020). Оценка уровня готовности преподавателей русского языка как иностранного к использованию и созданию онлайн-курсов // Перспективы науки и образования. № 6 (48). С. 234–247.
2. Гречушкина Н.В. (2018). Онлайн-курс: определение и классификация // Высшее образование в России. № 6. С. 125–134.
3. Захарова У.С., Танасенко К.И. (2019). MOOK в высшем образовании: достоинства и недостатки для преподавателей // Вопросы образования. № 3. С. 176–202.
4. Панфилова Е.Е., Кафиятуллина Ю.Н. (2018). Проблемы интеграции онлайн-обучения в образовательный процесс высших учебных заведений // СИЛА систем. № 4. С. 16–26.

Информация об авторе

Анастасия Алексеевна Соколова – магистрант, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: stasyfalcon@mail.ru)

Sokolova A.A.

MOOCS IN THE ASSESSMENTS OF UNIVERSITY INSTRUCTORS: IMPLEMENTATION BARRIERS AND AREAS FOR DEVELOPMENT

Abstract. *The article examines the attitude of university instructors towards massive open online courses as a tool for modernizing the educational process. Based on the analysis of a series of semi-structured interviews with instructors from the University of Tyumen (N=9), key barriers hindering the active integration of MOOCs into educational practice are identified. Additionally, areas for development and factors that increase instructors' motivation to create and use online courses are determined. The findings can be utilized in developing management decisions in the field of higher education digitalization.*

Keywords: *massive open online courses, online education, online learning, university instructors, integration, attitudes.*

About the author

Anastasia A. Sokolova – Master Degree student, Tyumen State University (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: stasyfalcon@mail.ru)

References

1. Gorbenko V.D., Dominova T.N., Ilyina N.O., Kumbasheva Y.A. (2020). Assessment of the readiness of teachers of Russian as a foreign language to use and create online courses. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, 48(6), 234–247.
2. Grechushkina N.V. (2018). Online course: Definition and classification. *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 6, 125–134.
3. Panfilova E.E., Kafiyatullina Y.N. (2018). Problems of integrating online learning into the educational process of higher education institutions. *SILA sistem*, 4, 16–26.
4. Zakharova U.S., Tanasenko K.I. (2019). MOOCs in higher education: Advantages and disadvantages for instructors. *Voprosy obrazovaniya*, 3, 176–202.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЮ РЫНКА ТРУДА В РОССИИ

Аннотация. *Статья посвящена вопросам влияния страновых особенностей на функционирование российского рынка труда. Рассматриваются такие аспекты как территориальная протяженность, макроэкономические трансформации, геополитическая напряженность, а также институциональные факторы и их воздействие на рынок труда.*

Ключевые слова: *рынок труда, функционирование рынка труда, глобальные тренды, национальные вызовы, Российская Федерация.*

Векторы развития российского рынка труда в современных условиях во многом определяются комплексным влиянием ряда глобальных мегатрендов. К числу системообразующих факторов, определяющих как текущую ситуацию, так и долгосрочную перспективу, относятся: демографическое старение, технологическая трансформация (цифровизация и автоматизация), геополитическая турбулентность, ужесточение экологических стандартов и социокультурные сдвиги (Слатов и др., 2023; Цыганкова, 2023; Гавров, Мальченко, 2025). Наряду с общемировыми тенденциями, значительную роль в трансформации рынка труда играют и некоторые страновые особенности, также задающие контуры его изменений.

Одним из главных факторов в данном отношении является территориальный (пространственный). Обширность масштабов страны и неравномерное расселение населения приводят к территориальной дифференциации ресурсов и капитала, что вкупе со сжатием освоенного пространства порождает диспропорции по уровню трудового потенциала, воздействует на трудовые стратегии населения, которые сказываются на развитии региональных и муниципальных рынков труда (Соловьева, 2022). Существенные межрегиональные различия в уровнях социально-экономического развития и демографических параметрах способствуют неравномерному распределению трудовых ресурсов и миграции населения в более развитые субъекты, формируя дисбалансы спроса и предложения рабочей силы. В результате одни регионы становятся трудоизбыточными, другие – трудодефицитными (табл. 1), причем количество вторых в два раза превышает число первых. Коэффициент замещения трудовых ресурсов также имеет значительную территориальную дифференциацию: разрыв между поллярными Северо-Кавказским и Центральным федеральными округами составляет 1,7 раза. При этом диспропорции в развитии рынков труда наблюдаются не только в региональном и муниципальном, но и на поселенческом уровне.

Таблица 1. Дифференциация российских регионов по соответствию спроса и предложения на рынке труда, 2023 год

Трудоизбыточные регионы (21 субъект)	Трудодостаточные регионы (20 субъектов)	Трудодефицитные регионы (44 субъекта)
Кабардино-Балкарская Республика, республики Северная Осетия и Мордовия, Воронежская, Пензенская области и др.	Оренбургская, Омская, Ростовская области, Забайкальский, Ставропольский края и др.	Москва и Московская область; Санкт-Петербург и Ленинградская область; Калужская, Смоленская, Брянская, Калининградская, Амурская области; Севастополь и Республика Крым; Хабаровский и Красноярский края и др.
Источник: составлено по (Леонова, Синеглазова, 2025).		

На обозначенные проблемы наслаивается также влияние макроэкономических тенденций и геополитического фактора, которые во многом взаимосвязаны. Прежде всего это касается структурной трансформации рынка труда, обусловленным, в последние годы, воздействием пандемии коронавируса и усилением санкционного давления. В результате действия этих обстоятельств произошли рекордное снижение уровня безработицы и рост спроса на рабочую силу. Дополнительный спрос образовался по причине бюджетных вливаний в обрабатывающую промышленность, программы импортозамещения и ОПК¹. Кроме того, сокращение численности рабочей силы по причине оттока населения и мобилизации сузили ее предложение. Все это привело к резким различиям структуры спроса и предложения, а также ускорению оборота рабочей силы и ее межотраслевого перераспределения (Капелюшников, 2024). Такая рассогласованность свидетельствует об усилении дефицита кадров в экономике. В данных условиях организации вынуждены конкурировать за специалистов, что выливается в рост заработных плат. Так, за 2025 год размер среднемесячной заработной платы увеличился на 13,5%, в 2026 году эксперты также прогнозируют ее повышение на уровне 8,2%, причем в основном оно будет носить точечный характер: IT-сектор, строительство, логистика и оборонная промышленность².

Здесь также необходимо отметить проблему низкой производительности труда в России, которая выступает еще одним вызовом для рынка труда. При этом ее динамика крайне нестабильна: в 2020 году было отмечено снижение на 2,9%, в 2021 году – рост на 4,4%, затем в 2022 году опять падение на 6,8%, а в 2023 и 2024 гг. – увеличение на 5,3 и 1,0% соответственно³. Именно повышение ее уровня является ключевым направлением преодоления дефицита кадров. Однако в условиях опережающего роста зарплат, по сравнению с производительностью труда, будет сохраняться повышенное проинфляционное давление (Карлова, Пузанова, 2025, с. 16).

Институциональные факторы также играют существенную роль в функционировании российского рынка труда. Помимо уже обозначенных санкционных ограничений, развития нестандартной занятости и конъюнктуры рынка труда к ним можно отнести наличие значительного сегмента теневой занятости. На 2025 год ее масштабы по разным оценкам составляют порядка 5–10 млн человек⁴. Это негативно сказывается не только на объемах налоговых поступлений, но и приводит к проблемам с соблюдением трудовых прав, снижением социальной защищенности работников. Среди формальных институтов также выделяются государственные службы занятости и профсоюзы, эффективность функционирования которых регулярно подвергалась критике. И, если в первом направлении в последнее время проводится достаточно много мероприятий по модернизации деятельности⁵, то по отношению к профсоюзам со стороны работников сохраняется скептицизм в том, что они реально могут воздействовать на ситуацию в области социально-трудовых отношений⁶. Кроме того, функционирование рынка труда напрямую регулируется трудовым законодательством и активной политикой содействия занятости.

¹ Спрос на профессии прогнозировать крайне сложно // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6378120> (дата обращения: 03.03.2026).

² Макроэкономический опрос Банка России // Центробанк. URL: https://cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/?f- (дата обращения: 03.03.2026); Эксперты назвали специальности с наибольшим ростом зарплат в 2026 году // Известия. URL: <https://iz.ru/2023/01/13/eksperty-nazvali-spetcialnosti-s-naibolshim-rostom-zarplat-v-2026-godu> (дата обращения: 03.03.2026).

³ Эффективность экономики России // Росстат. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/11186> (дата обращения: 03.03.2026).

⁴ Бой тени: зарплату в конвертах получают около 8 млн россиян // Известия. URL: <https://iz.ru/2023/07/29/mariia-stroiteleva/boj-teni-zarplatu-v-konvertah-poluchayut-okolo-8-mln-rossiyan> (дата обращения: 03.03.2026).

⁵ В РФ на комплексную модернизацию центров занятости направят 5,2 млрд рублей в 2025 году человек // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20391811> (дата обращения: 03.03.2026).

⁶ Профсоюзы в России 2023 года: восприятие наемными работниками производственной сферы // РГГУ. URL: <https://rsuh.digital/trade-unions-russia-2023> (дата обращения: 03.03.2026).

В данной сфере также остаются определенные проблемы. Так, не лишен недостатков новый закон о занятости населения⁷: отмечаются сложности с доступом к цифровым платформам для получения услуг и необходимость взаимодействия через них, введение ограничения на отказ от вакансий⁸, непроработанность с точки зрения обеспечения социальной защиты самозанятых и платформенных работников⁹ и др. Таким образом, действие институциональных факторов проявляется в формировании относительно стабильного, но не вполне гибкого рынка труда с высокой долей неформальности и региональными диспропорциями. Совершенствование указанных и иных (МРОТ, пособие по безработице, налогообложение доходов и т. д.) институтов на рынке труда будет способствовать повышению эффективности его функционирования и улучшению благосостояния населения.

Таким образом, современная динамика российского рынка труда задается рядом глобальных мегатрендов. В дополнение к этому на его функционирование влияют и некоторые страновые особенности, в частности, значительная территориальная протяженность, макроэкономические тенденции, санкционные и институциональные ограничения, влекущие за собой определенные негативные последствия. Так, усиливаются структурные дисбалансы и дефицит кадров в ряде отраслей, сохраняются высокая доля занятости в неформальном секторе и территориальные диспропорции спроса и предложения и др. В текущей ситуации значимыми направлениями остаются повышение трудовой мобильности населения и оптимизация миграционной политики, рост производительности труда, совершенствование институциональной среды, более активное использование трудового потенциала старшего поколения и т. д.

Библиографический список

1. Гавров С.Н., Мальченко Д.А. (2025). Экономическая и социокультурная трансформация рынка труда: поколения Y и Z // Вопросы политологии. Т. 15. № 3 (115). С. 878–884. DOI: 10.35775/PSI.2025.115.3.013.
2. Капельюшников Р.И. (2024). Экспансия вакансий на российском рынке труда: динамика, структура, триггеры // Вопросы экономики. № 7. С. 81–111. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-7-81-111.
3. Карлова Н., Пузанова Е. (2025). Адаптация промышленности к новым условиям на рынке труда: результаты опроса предприятий. Аналитическая записка. Москва: Центральный банк Российской Федерации. 22 с.
4. Леонова Т.Н., Синеглазова В.Ю. (2025). Рынок труда в Российской Федерации: трансформация, новые вызовы, ключевые барьеры и возможности // Вестник университета. № 3. С. 99–110. DOI: 10.26425/1816-4277-2025-3-99-110.
5. Слатов Д.Г., Соловова Н.В., Суханкина Н.В. (2023). Особенности современного российского рынка труда в условиях глобальных вызовов // Менеджмент в России и за рубежом. № 5. С. 12–21.
6. Соловьева Т.С. (2022). Особенности занятости населения России в контексте пространственного развития территорий // Экономика труда. 2022. Т. 9. № 7. С. 1147–1166. DOI: 10.18334/et.9.7.114801.
7. Цыганкова И.В. (2023). Изменения в социально-трудовой сфере под влиянием развития «зеленой» экономики // Управленческое консультирование. № 8. С. 52–63. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-8-52-63.

⁷ О занятости населения в Российской Федерации: Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464093/ (дата обращения: 03.03.2026).

⁸ Пособие по безработице в 2025 году: кому положено и как получить // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/spravka/posobie-po-bezrabotitse> (дата обращения: 03.03.2026).

⁹ Новый федеральный закон о занятости населения в РФ: достоинства, недостатки, практическое применение // Russian business. URL: <https://rb.ru/opinion/novyy-zakon-o-zanyatosti-naseleniya/> (дата обращения: 03.03.2026).

Информация об авторе

Татьяна Сергеевна Соловьева – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: solo_86@list.ru)

Soloveva T.S.

NATIONAL CHALLENGES TO THE FUNCTIONING OF THE LABOR MARKET IN RUSSIA

Abstract. *The article discusses the influence of various country-specific factors on the Russian labor market. It examines aspects such as the territorial extent of the country, macroeconomic changes, geopolitical tensions, and institutional factors, and how they all affect the labor market.*

Keywords: *labor market, labor market functioning, global trends, national challenges, Russian Federation.*

About the author

Tatiana S. Soloveva – Candidate of Science (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: solo_86@list.ru)

References

1. Gavrov S.N., Malchenko D.A. (2025). Economic and socio-cultural transformation of the labor market: generations Y and Z. *Political Science Issues*, 15, 3(115), 878–884. DOI: 10.35775/PSI.2025.115.3.013.
2. Kapeliushnikov R.I. (2024). Expansion of vacant jobs in the Russian labor market: Dynamics, composition, triggers. *Voprosy Ekonomiki*, 7, 81–111. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-7-81-111.
3. Karlova N., Puzanova E. (2025). Adaptation of the industry to new labor market conditions: findings from a survey of businesses. Analytical report. Moscow: The Central Bank of Russia.
4. Leonova T.N., Sineglazova V.Yu. (2025). Labor market in the Russian Federation: transformation, new challenges, key barriers, and opportunities. *Vestnik Universiteta*, 3, 99–110. DOI: 10.26425/1816-4277-2025-3-99-110.
5. Slatov D.G., Solovova N.V., Sukhankina N.V. (2023). Peculiarities of the modern Russian labor market in the context of global challenges. *Management in Russia and Abroad*, 5, 12–21.
6. Soloveva T.S. (2022). Features of the Russian population employment in the context of spatial development. *Russian Journal of Labor Economics*, 9(7), 1147–1166. DOI: 10.18334/et.9.7.114801.
7. Tsygankova I.V. (2023). Changes in the social and labor sphere under the influence of the development of the green economy. *Administrative consulting*, 8, 52–63. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-8-52-63.

ЖИЛИЩНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ)

Аннотация. *Представлены результаты эмпирического исследования жилищной обеспеченности многодетных семей в Республике Карелия. Анализ данных показал наличие разницы в жилищных условиях многодетных, проживающих в сельской и городской местности, а также в зависимости от уровня доходов.*

Ключевые слова: *многодетная семья, жилищная обеспеченность, Республика Карелия.*

На фоне активных изменений экономических условий все более значимое место в жизни россиян занимает жилищная проблема. Особую роль она играет, когда речь заходит о репродуктивных установках россиян. Так, по результатам исследования ВЦИОМ, четверть опрошенных видит жилищную проблему в качестве детерминанты откладывания рождения детей и создания семьи¹. Другая сторона проблемы – непосредственно жизнь существующих семей в заданных обстоятельствах. Наибольшего внимания здесь заслуживают отдельные группы семей, чьи материально-финансовые возможности могут охарактеризоваться как ограниченные. Одной из таких уязвимых групп является многодетная семья.

В 2025 году Росстат обозначил число семейных ячеек, в составе которых трое и более несовершеннолетних детей, официально признанными нуждающимися в жилищных помещениях². Их число составляет 119 430 ед. в целом по стране и 471 ед. – в Карелии. По данным, предоставленным Министерством социальной защиты РК, число многодетных семей с тремя и более несовершеннолетними детьми составляет 7 322 семьи. Исходя из этого, следует, что фактически 6,5% многодетных семей находятся в крайне тяжелом с точки зрения жилищных условий положении, а именно не имеют собственного жилья.

Многодетная семья как одна из наиболее уязвимых групп населения является объектом рассмотрения данной работы. Цель исследования – описать жилищные условия многодетных семей Республики Карелия, а также показать их зависимость от уровня дохода семьи и типа местности, в которой они проживают. Данные о жилищных условиях многодетных были получены из результатов исследования социально-экономического портрета многодетной семьи в Республике Карелия. Сбор эмпирического материала проводился в период с декабря 2025 по март 2026 года.

Генеральная совокупность исследования составила 7 322 семьи из 18 районов Республики. Выборочная совокупность составила 804 многодетных семьи. Метод исследования – онлайн-анкетирование. В качестве объекта исследования выступили семьи, проживающие в Республике Карелия, в составе которых есть трое и более детей до 18 лет и старше на иждивении. Предмет исследования – социально-экономическое (в том числе материальное и имущественное) положение семей, проживающих в Республике Карелия, в составе которых трое и более детей до 18 лет и старше на иждивении.

Описание жилищных условий следует рассматривать с качественной и количественной стороны. Среди количественных показателей очевидна необходимость рассмотрения размера жилплощади, которой располагают семьи. В среднем многодетная семья в регионе занимает жилье площадью 84,7 м², при этом наглядно видна разница между городской и сельской местностью: 75,7 и 114,6 м² соответственно. Несоответствие в размерах жилья вполне может быть обусловлено распространением квартирного и домового жилья в различных типах местности.

¹ Квартирный ответ на демографический вопрос // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kvartirnyi-otvet-na-demograficheskii-vopros> (дата обращения: 06.03.2026).

² Число многодетных семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях на конец года // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807> (дата обращения: 06.09.2024).

Преобладающий размер площади жилья в сельской местности не означает увеличение количества жилых комнат, и даже наоборот, мы можем видеть обратную связь между этими показателями. Так, многодетная семья в городской местности имеет жилье в 3,3 комнаты, а в сельской – 3,1. Разумеется разница не может являться существенной, сам же факт ее наличия позволяет предположить, что меньшее количество жилых комнат в сельской местности компенсируется их большей площадью.

Среднее число детей, которое приходится на многодетную семью в регионе, составляет 3,5 ребенка, при этом в городской местности их число составляет 3,3 ребенка, а в сельской местности – 3,7. Из этих данных мы можем предполагать, что в сельской местности чаще осуществляется практика проживания нескольких детей в одной комнате. В таком случае вероятно, что размер комнаты будет больше, чем в городской местности, и это создает предпосылку к совместному проживанию нескольких детей. Качественные характеристики свидетельствуют о преимущественном проживании многодетных семей в квартирном жилье в собственности (*рис. 1*), что в целом соответствует соотношению опрошенных по типу местности проживания, 77% из них – городские жители.

Рис. 1. Распределение многодетных семей по типам жилья, %

Источник: составлено авторами.

При том, что почти 70% опрошенных имеет собственное жилье, мы хотим обратить внимание на оставшуюся треть, а именно на многодетных, без имущества в собственности. Возвращаясь к данным Росстата о количестве семей, признанных нуждающимися в жилых помещениях, мы можем констатировать, что их число в реальности в два раза больше. Возможно, что часть семей проживает во временном жилье в ожидании переезда, но, как мы увидим далее, это будет характерно скорее для семей с повышенными доходами. Стоит отметить и то, что 48% квартир, находящихся в собственности семей респондентов, не дают нам возможности говорить о их состоянии. Мы можем предположить, что они могут находиться в аварийном состоянии и их качество соответственно ниже.

Жилищные условия в городской и сельской местности. Переходя к детализации качества жилищных условий, необходимо рассмотреть его изменение в зависимости от типа местности. Мы можем видеть подтверждение нашей гипотезы о преобладании многодетных, проживающих в квартирном жилье в городской местности, семей, и наоборот. При этом доля квартирнoго жилья в сельской местности также остается на высоком уровне (*рис. 2*).

Одновременно мы видим снижение доли сельских семей, выплачивающих ипотечный кредит. Неактуальность ипотеки для сельских многодетных семей может быть детерминирована несколькими обстоятельствами. Во-первых, трудоемкостью строительства нового жилья. Во-вторых, наличием финансовых ограничений, которые могут накладываться на предыдущую проблему. Возможно, что при таких обстоятельствах семьи, решившиеся на использование ипотеки, приобретают квартирное жилье. Таким образом, семьи стремятся к выбору наиболее эффективного способа использования ипотеки. Отметим наличие разницы между семьями, не имеющими жилья в собственности: их число в сельской местности чуть выше, однако остается на достаточно высоком уровне, составляя до 18% от всех семей.

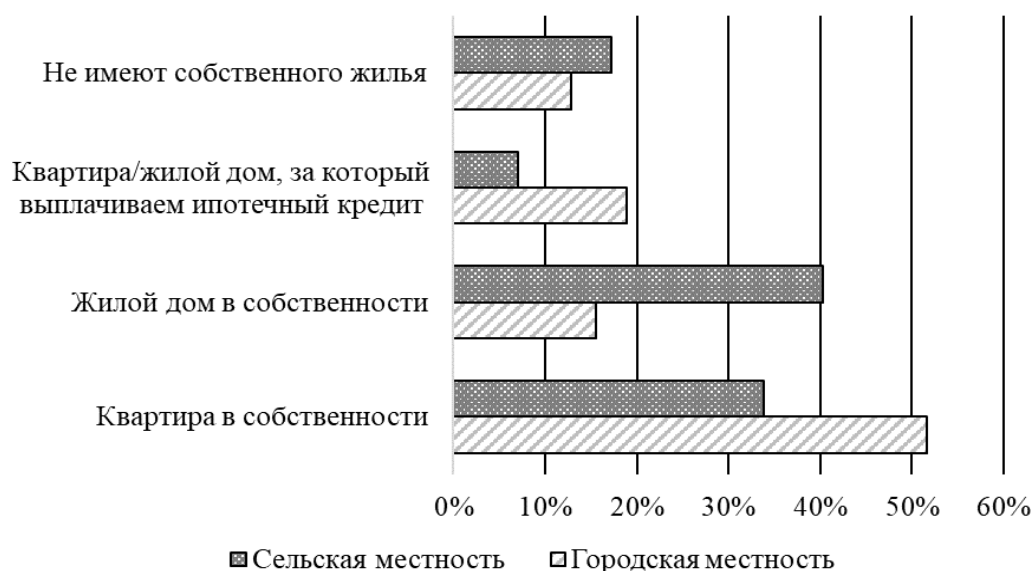

Рис. 2. Распределение многодетных семей по типам жилья в зависимости от местности проживания, %

Источник: составлено авторами.

Зависимость условий жилья от уровня дохода. Распределение типов жилья многодетных семей от уровня дохода на одного члена домохозяйства показывает на наличие как сходств, так и различий (рис. 3). Вне зависимости от уровня доходов семьи предпочитают квартирное жилье. С ростом поступления денежных средств снижается количество семей, либо не обладающих жильем совсем, либо проживающих в ипотечном жилье. Параллельно отмечается рост семей, выбирающих местом проживания домовое жилье. Это в особенности характерно для семей, чей доход на одного члена семьи составляет более чем два прожиточных минимума. Для этой доходной категории очевидно более низкое количество семей, не имеющих собственного жилья. От общего числа многодетных с доходами более двух прожиточных минимумов, в эту группу вошли проживающие в съемном жилье или у родственников/знакомых (по 1%), а также проживающие в муниципальном/государственном жилье (4%).

Рассматривая эту же группу по типу жилья в доходной категории «менее одного прожиточного минимума», мы увидим несколько другую картину: проживают в съемном жилье — 19%, у родственников/знакомых — 16%, в муниципальном/государственном жилье — 17%. Мы можем предположить, что в эту группу относятся семьи, являющиеся либо, так называемыми, «новым многодетными», либо семьями со стагнирующим состоянием бедности. Ситуация меняется в случае с высокодоходными многодетными. К ним, скорее всего, будут относиться семьи, ждущие переезда в новое жилье, или семьи военных, получивших государственное жилье во временное пользование. Это может быть характерно и для семей, проживающих в ипотечном жилье.

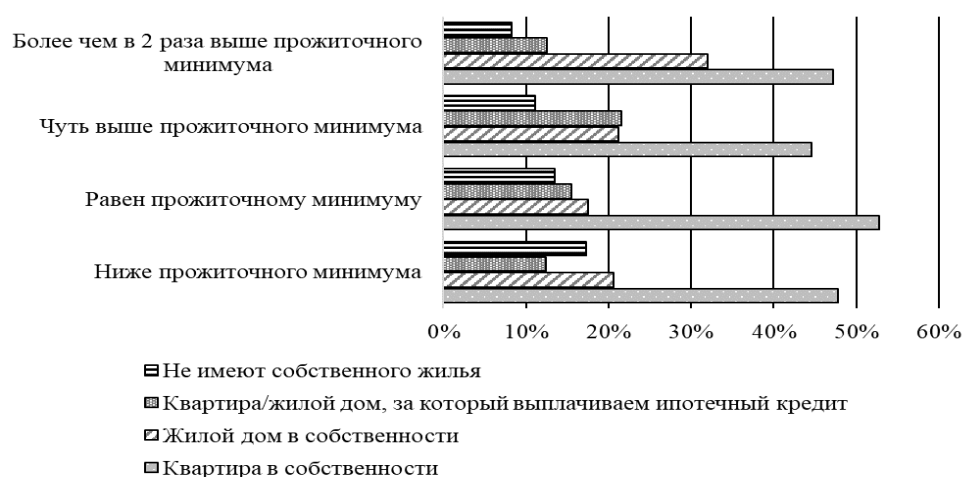

Рис. 3. Распределение многодетных семей по типам жилья в зависимости от уровня дохода в прожиточных минимумах на члена семьи, %

Источник: составлено авторами.

Оценка удовлетворенности жилищными условиями. Помимо обозначенных закономерностей нами был рассмотрен вопрос удовлетворенности жилищными условиями среди многодетных семей сельской и городской местности. В результате выяснилось, что удовлетворены своим жильем две трети городских многодетных семей против половины сельских, что связано с наличием в городе более развитой инфраструктуры, в т. ч. качественных коммунальных услуг и более высокого состояния жилья. В то же время недостатки городского жилья (например, нехватка парковочных мест, относительная стесненность квартир) отсутствуют у жителей сельской местности, имеющих собственный участок, чистый воздух и т. д.

В рамках данной работы нами был проведен компаративный анализ качественных и количественных характеристик жилищных условий многодетных семей Республики Карелия. Следует еще раз отметить наличие разницы между официально декларируемым количеством семей, нуждающихся в жилье, и их реальным значением. Эта разница показывает необходимость приведения в действие соответствующих мер социальной поддержки, которые смогли бы обеспечить их жилищной собственностью. Многодетная семья типичного северного региона находится в состоянии явной жилищной уязвимости. Решение описанной проблемы способно не только улучшить качество жизни многодетных семей, но и создать более позитивный образ многодетности и семейного образа жизни в целом.

Информация об авторах

Наталья Леонидовна Фадеева – старший преподаватель, Петрозаводский государственный университет (Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, д. 33; e-mail: nata84fa@mail.ru)

Александр Алексеевич Комаров – студент, Петрозаводский государственный университет (Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, д. 33; e-mail: sashakom2004@mail.ru)

Fadeeva N.L., Komarov A.A.

HOUSING PROVISION FOR LARGE FAMILIES: ACCORDING TO THE RESULTS OF A SOCIOLOGICAL STUDY IN THE REPUBLIC OF KARELIA

Abstract. *The authors present the results of an empirical study of the housing conditions of large families in the Republic of Karelia. The analysis of the data showed that there is a difference in the housing conditions of large families living in rural and urban areas, as well as depending on the income level.*

Keywords: *large family, housing security, Republic of Karelia.*

About the authors

Natalia L. Fadeeva – Senior Lecturer, Petrozavodsk State University (33, Lenin Avenue, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; e-mail: nata84fa@mail.ru)

Alexander A. Komarov – student, Petrozavodsk State University (33, Lenin Avenue, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; e-mail: sashakom2004@mail.ru)

СООТВЕТСТВИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ МОЛОДЫХ ИНЖЕНЕРОВ ТРЕБОВАНИЯМ РАБОТОДАТЕЛЯ: АНАЛИЗ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ВУЗОВ И РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. *Статья посвящена исследованию профессиональных компетенций молодых инженеров в условиях возрастающей потребности в кадрах инженерной специализации. На анализе материалов открытых источников выявлены пробелы и различия в подготовке молодых специалистов в регионе, что позволяет их учесть для уточнения образовательных программ вузов и налаживании более эффективного взаимодействия между бизнесом и образованием.*

Ключевые слова: профессиональные компетенции, молодые специалисты, инженеры.

Инженерные профессии сегодня обладают повышенной важностью в контексте долгосрочных целей развития Российской Федерации. Во-первых, они обусловлены демографическим переходом и сжатием предложений труда, что повышает актуальность высокотехнологичных секторов экономики, которые могут обходиться без большого количества трудовых ресурсов. Во-вторых, глобальная конкуренция за технологии обуславливает необходимость подготовки высококвалифицированных кадров. В 2026 году инженеры стали одной из наиболее востребованных профессий на российском рынке (Климова, Устинова, 2021). В связи с этим внимание исследователей сосредотачивается на качественных характеристиках выпускников вузов как в целом и инженерной специализации, в частности, изучается уровень освоенных ими профессиональных навыков и их соответствие современному производству (Бабынина, Грунина, 2026).

На основе компетентностного подхода мы можем выяснить как соответствуют компетенции молодых специалистов инженерной специализации требованиям регионального рынка труда. Информационную базу исследования составили основные профессиональные образовательные программы и учебные планы вузов Вологодской области (по профилю машиностроения) – Вологодского государственного университета (ВоГУ) и Череповецкого государственного университета (ЧГУ), а также вакансии с сайта онлайн-рекрутинга «HeadHunter». В качестве работодателя рассмотрен ОАО «Вологодский оптико-механический завод», одно из крупнейших предприятий региона, специализирующееся на приборостроении.

В первом квартале 2026 года от ОАО «ВОМЗ» всего было опубликовано 66 вакансий. Нами были отобраны вакансии ИТР-специализации, в которых требовались инженеры или специалисты с высшим образованием по профилю машиностроения. В выборочную совокупность вошло 29 вакансий (рис. 1).

Рис. 1. Структура вакансий ИТР-специализации на ОАО «ВОМЗ» в феврале 2026 года, %
Источник: составлено автором на основе данных HeadHunter. URL: <https://hh.ru>.

Полученные результаты исследования представлены в *табл. 1*. Для соотнесения профессиональных компетенций с запросами работодателей нами были выбраны и рассмотрены образовательные программы и учебные планы по направлению «машиностроение», «Конструкторско-технологическое обеспечение машиностроительных производств», «Автоматизация технологических процессов и производств» различных профилей.

Таблица 1. Соответствие основных профессиональных образовательных программ высшего образования требованиям рынка труда (на примере ОАО «ВОМЗ»)

Профессиональная компетенция	ВоГУ 15.03.01 Машиностроение (профиль: Цифровой инжиниринг в машиностроении) бакалавриат	ВоГУ 15.03.01 Машиностроение (профиль: Оптические приборы и системы в машиностроении) бакалавриат	ВоГУ 15.03.05 Конструкторско-технологическое обеспечение машиностроительных производств (профиль: Технология машиностроения)	ЧГУ 15.03.04 Автоматизация технологических процессов и производств (профиль: Интеллектуальные системы в современных автоматизированных производствах) бакалавриат	ЧГУ 15.03.04 Автоматизация технологических процессов и производств (профиль: Интеллектуальные и робототехнические системы в современных автоматизированных производствах)
Пользователь ПК	+	+	+	+	+
Владение MS Office	+	+	+	+	+
Умение работать в программах трехмерного моделирования (САПР)	+	+	+	+	+
Умение работать в программах автоматизированных системах управления предприятием (АСУП)	-	-	-	+	+
Знание 1С	-	-	-	-	-
Знание микропроцессоров и их программирование	-	-	-	+	+
Знание языка программирования Python	-	+	-	-	-
Ведение документации, документальное сопровождение	+	+	+	+	+
Чтение и разработка конструкторской и технической документации	+	+	+	+	+
Умение работать в коллективе	+	-	+	+	+
Навыки делового общения	-	-	+	+	+
Организаторские навыки, лидерство	-	-	-	+	+
Знание законодательных и правовых актов (в профессиональной деятельности)	-	-	-	+	+
Умение выявлять и анализировать дефекты продукции	-	+	-	-	-
Работа в условиях многозадачности	-	-	-	-	-
Источник: составлено автором на основе данных HeadHunter. URL: https://vologda.hh.ru/ (дата обращения: 15.03.2026); Сайт Вологодского государственного университета. Информация о реализуемых образовательных программах. URL: https://vogu35.ru/sveden/education (дата обращения: 15.03.2026).					

Результаты нашего исследования показывают, что выпускники во всех рассмотренных нами образовательных программах и планах оказываются потенциально готовыми только по ряду базовых профессиональных компетенций: знание ПК и MS Office, умение читать и разрабатывать конструкторскую документацию, вести документооборот, работать в программах трехмерного моделирования и проектирования (САПР). Здесь также имеются свои нюансы. В учебных планах и программах не уточняется, каким именно программам обучаются студенты. В вакансиях ОАО «ВОМЗ» содержится обширный перечень программ проектирования, навыками работы в которых в идеале должен владеть инженер. Не исключено, что при трудоустройстве молодым специалистам придется столкнуться с необходимостью пере- и дообучения или с высокой конкуренцией с соискателями, имеющих больше подобных программ в портфолио.

В целом можно резюмировать:

– некоторые компетенции (работа в режиме многозадачности и знание 1С) не учтены ни в одной из программ, а некоторые компетенции (умение выявлять и анализировать дефекты продукции) учтены всего в одной программе;

– в некоторых программах не сформированы определенные компетенции цифровой культуры – навыки программирования на Python и знания о микропроцессорах.

Потенциально сильными сторонами выпускников ЧГУ являются знание законодательных и правовых актов, организаторские и лидерские способности, которым посвящены отдельные предметы в учебном плане, а также умение работать с АСУП и микропроцессорами. Выпускники ВоГУ обладают потенциалом навыков по работе в Python и выявлению дефектов в оборудовании.

Перспективы исследования заключаются в более глубоком факторном анализе институциональной среды научно-образовательного пространства и оценке ее влияния на воспроизводство человеческого потенциала региона с учетом требований современной экономики и национальных проектов. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования результатов для уточнения образовательных программ, налаживания более плотного взаимодействия между вузами и предприятиями. Результаты работы также могут быть использованы местными органами исполнительной власти при планировании образовательной и кадровой политики.

Библиографический список

1. Климова Ю.О., Устинова К.А. (2021). Несоответствие уровня подготовки ИТ-кадров требованиям работодателей: проблемы и пути их преодоления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 5. С. 202–219. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.12
2. Бабынина Л.С., Грунина И.С. (2026). Кадровый спрос и дефицит компетенций в отрасли беспилотных авиационных систем: анализ рынка труда и образовательных программ // Лидерство и менеджмент. Т. 13. №3. С. 377–390. DOI: 10.18334/lim.13.3.124612.

Информация об авторе

Александр Васильевич Фетюков – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д 56а; e-mail: s.fet94@rambler.ru)

Fetyukov A.V.

CONFORMITY OF PROFESSIONAL COMPETENCIES OF YOUNG ENGINEERS: ANALYSIS OF UNIVERSITIES EDUCATIONAL PROGRAMS AND THE DEMANDS OF REGIONAL LABOR MARKET (ON EXAMPLE OF THE VOLOGDA REGION)

Abstract. *This article examines the professional competencies of young engineers amidst the growing demand for engineering professionals. The analysis of open-source materials reveals gaps and differences in the training of young specialists in the region, allowing these gaps to be addressed when refining university curricula and establishing more effective collaboration between business and education.*

Keywords: *professional competencies, young professionals, engineers.*

About the author

Aleksandr V. Fetyukov – Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: s.fet94@rambler.ru)

References

1. Klimova Yu.O., Ustinova K.A. (2021). The Discrepancy between the level of IT personnel training and employer requirements: problems and ways to overcome them. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14, 5, 202–219. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.12
2. Babynina L.S., Grunina I.S. (2026). Personnel demand and skill deficit in the unmanned aerial systems industry: an analysis of the labor market and educational programs. *Leadership and Management*, 13, 3, 377–390. DOI: 10.18334/lim.13.3.124612.

ВЛИЯНИЕ ПОКОЛЕНИЙ И ПОЛА НА ВЫБОР ТРУДОВОЙ ТРАЕКТОРИИ: ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА РОССИЙСКИХ ДАННЫХ

Аннотация. В статье рассматривается влияние поколенческой принадлежности и гендерных стереотипов на формирование карьерных стратегий россиян. Теоретической рамкой выступает теория поколений Штрауса-Хоува, концепция прекариата Стэндинга и интерсекциональный подход. Исследование выявляет значимые различия в отношении к стабильности, готовности к смене профессии и формам занятости между поколениями X, Y и Z. Особое внимание уделено пересечению поколенческих и гендерных факторов: показано, что карьерная траектория женщин даже в пределах одного поколения остается более прерывистой и подверженной влиянию «стеклянного потолка».

Ключевые слова: трудовые траектории, теория поколений, гендерная асимметрия, карьерные стратегии, российский рынок труда, миллениалы, зумеры.

Современный рынок труда отличается высокой турбулентностью: автоматизация, платформенная занятость и смена ценностных парадигм вытесняют линейную модель карьеры (учеба–работа на одном предприятии–пенсия). Особенно это заметно в России, где глобальные тренды накладываются на последствия постсоветских трансформаций.

В фокусе внимания находятся различия в отношении к формам занятости, карьерной мобильности и факторам, ограничивающим профессиональный рост. Теоретической основой служат работы Н. Хоува и У. Штрауса, в адаптации В.В. Радаева, а также интерсекциональный анализ, который позволяет рассматривать гендер не изолированно, а в связке с возрастом и социальным классом (Новикова, 2024).

Теория поколений предполагает, что люди, родившиеся в определенный исторический период и пережившие сходные социальные события в возрасте 10–25 лет, формируют общие ценности и модели поведения. Применительно к современной России исследователи оперируют тремя активными когортами: поколение X (1969–1981 годы рождения), миллениалы или поколение Y (1982–1999 гг. р.) и зумеры или поколение Z (2000–2011 гг. р.). Согласно данным Росстата за 2024 год, распределение занятых по возрастным группам выглядит следующим образом: в возрасте 40–44 лет (преимущественно поколение X) занято 10 634 тыс. человек, в возрасте 30–34 лет (миллениалы) – 9 825 тыс. человек, в возрасте 20–24 лет (зумеры) – 3 644 тыс. человек.

Для поколения X, чья социализация пришлась на перестройку и кризис 1990-х, характерна не только высокая адаптивность, но и стремление к стабильности. Это «кризисное» поколение научилось выживать в условиях неопределенности, однако его трудовая этика базируется на понятиях долга и лояльности работодателю. В возрастной группе 50–54 лет (старшие представители поколения X) занято 8 468 тыс. человек, что демонстрирует их устойчивую вовлеченность в рынок труда.

Миллениалы (Y) выросли в эпоху относительной экономической стабилизации. Им свойственно стремление к поиску баланса между работой и личной жизнью (work-life balance), они более мобильны и готовы менять работодателя ради карьерного роста, но при этом ценят корпоративные социальные гарантии. Наиболее многочисленная группа занятых в российской экономике сегодня – это возрастная когорта 35–39 лет (ядро миллениалов), насчитывающая 11 713 тыс. человек¹.

Зумеры (Z) – первые «цифровые аборигены». Они не представляют жизнь без интернета, склонны к мультизадачности, но демонстрируют короткий горизонт планирования. Для них карьера – это набор проектов, приносящих удовлетворение «здесь и сейчас». В возрастной группе 20–24 лет занято 3 644 тыс. человек, из которых 2 074 тыс. мужчин и 1 570 тыс. женщин. Исследование ВЦИОМ 2025 года показывает, что 56% молодежи ставят трудоустройство и профессиональный рост на первое место².

¹ Труд и занятость в России. 2025. Статистический сборник // Демоскоп. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2026/01105/biblio01.php>

² 56% молодежи выбирают трудоустройство своим приоритетом. // ВЦИОМ. URL: <https://obltv.ru/news/vciom-56-molodezi-staviat-trudoustroistvo-na-pervyi-plan-26511>

Однако поколенческий анализ был бы неполным без учета гендерного фактора. И.Н. Тартаковская в своих работах подчеркивает, что карьерные стратегии рабочих и служащих в России жестко стратифицированы по полу (Тартаковская, 2017). Существует «гендерный габитус»: женщины, даже обладая карьерными амбициями, часто ориентированы на успех в приватной сфере, тогда как мужской габитус связывает успех с профессиональной реализацией. В рамках интерсекционального подхода возраст и пол образуют сложную комбинацию, порождающую специфические уязвимости. Так, молодые женщины в регионах оказываются на перекрестке дискриминаций: возрастных («нет опыта») и гендерных («пойдет в декрет»).

Аналитика основана на двух типах источников. Количественные данные представлены официальным статистическим сборником Росстата «Труд и занятость в России. 2025», содержащим детализированные показатели по половозрастным группам, а также оперативными данными Росстата за октябрь 2025 года об уровне занятости и безработицы.³ Дополнительно используются данные рекрутинговой компании Marksman «Карьерные стратегии поколений» (май 2025 года)⁴, в рамках которого было проанализировано 6 700 резюме соискателей из городов-миллионников и региональных центров РФ. Для наглядности различий в трудовых траекториях трех поколений приведены в таблице (табл. 1).

Таблица 1. Карьерные стратегии поколений X, Y и Z в России

Критерий	Поколение X (41–56 лет)	Миллениалы / Y (25–40 лет)	Зумеры / Z (18–24 года)
Численность занятых (2024 год)	40–54 года: 28 644 тыс. чел.	25–39 лет: 28 049 тыс. чел.	20–24 года: 3 644 тыс. чел.
Преобладающий формат занятости	Смешанный: 64% – только найм, 36% совмещают найм с фрилансом/проектами	Традиционный найм (78%)	Традиционный найм (76%), 21% совмещают с проектами
Лояльность работодателю	Высокая (в среднем 6,5 лет в компании)	Средняя (2,5 года)	Низкая (1–1,5 года)
Смена профессии	39% работают не по специальности	32% сменили сферу	21% работают не по специальности
Готовность к переезду	28% (ограничена семьей и опытом кризисов)	35% (высокая мобильность)	Данных недостаточно, но высокая мотивация в регионах
Приоритеты при выборе работы	Оплата труда, безопасность, стабильность	Оплата, психологический комфорт, удовольствие	Оплата, удовольствие, гибкий график
Источник: составлено автором на основе данных Marksman. URL: https://www.marksmans.ru/expertise/karernye-strategii-pokoleniy-kak-menyayutsya-prioritety-na-rynke-truda/			

Как видно из данных, гипотеза о «текущем» поколении Z подтверждается лишь отчасти: зумеры реже меняют профессию (21%), но часто работодателя, пробуя разные корпоративные культуры для накопления профессионального капитала. Поколение X, напротив, чаще меняет профессию (39%), оставаясь у одного работодателя около 7 лет, они переучиваются внутри компании, избегая выхода на внешний рынок.

Важной региональной особенностью является разрыв в форматах занятости среди зумеров. В Москве и Санкт-Петербурге лишь 12% совмещают работу с подработками, а в регионах этот показатель достигает 31%. Молодежь из регионов вынуждена компенсировать низкие стартовые зарплаты фрилансом и удаленной работой на столичные компании, что формирует гибридную занятость как вынужденную меру, а не как осознанный выбор.

При наложении на поколенческую структуру гендерного фактора картина становится более сложной. Официальные данные Росстата за октябрь 2025 года показывают, что доля женщин среди занятых составляет 48,9%⁵. При этом средняя продолжительность поиска работы различается: женщины ищут работу в среднем 5,6 месяца, мужчины – 5,4 месяца. Однако данные за первое полугодие 2025 года, проанализированные «Известиями», показывают иную динамику: в среднем на трудоустройство у женщин уходит 5 месяцев и 3 дня, что на 4 дня меньше, чем у мужчин. Эксперты связывают это с кадровым дефицитом и готовностью женщин соглашаться на менее оплачиваемые должности в обмен на гибкий график⁶.

³ Труд и занятость в России. 2025 // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries

⁴ Карьерные стратегии поколений: как меняются приоритеты на рынке труда // Marksman. URL: <https://www.marksmans.ru/expertise/karernye-strategii-pokoleniy-kak-menyayutsya-prioritety-na-rynke-truda/>

⁵ В РФ трудоустроено более 60% населения старше 15 лет // Росстат. URL: <https://nbj.ru/news/rosstat-v-rf-trudoustroeno-bolee-60-nase/71409/>

⁶ Женщины в России стали трудоустраиваться быстрее мужчин впервые за пять лет // Известия. URL: <https://ti71.ru/n154770.html>

В табл. 2 представлено влияние пола на карьерные стратегии внутри поколенческих групп с использованием официальных статистических данных. Детальный анализ возрастных групп показывает существенные различия в занятости мужчин и женщин. В молодых возрастах (20–24 года) занято 2 074 тыс. мужчин и 1 570 тыс. женщин, что отражает более ранний выход мужчин на рынок труда. В репродуктивных возрастах (30–34 года) разрыв сокращается: 5 195 тыс. мужчин против 4 630 тыс. женщин. В старших возрастах (50–54 года) занято 4 029 тыс. мужчин и 4 439 тыс. женщин – более высокая занятость женщин в предпенсионном возрасте.

Таблица 2. Интерсекциональный анализ: влияние пола на карьерные траектории

Параметр	Мужчины (все поколения)	Женщины (все поколения)
Численность занятых в 2024 году	37 882 тыс. чел.	36 307 тыс. чел.
Доля в занятости	51,1%	48,9%
Среднее время поиска работы	5,4 месяца	5,6 месяца
Среднее время поиска работы за первое полугодие 2025 года	5 месяцев 7 дней	5 месяцев 3 дня
Разрыв в оплате труда	База (выше на 27%)	-27% от уровня мужчин
Горизонт планирования	Долгосрочный, ориентированный на карьерный рост	Прерывистый, часто синхронизированный с семейным циклом
Карьерные риски	Готовность к вертикальному росту, в том числе через переезд	Склонность к горизонтальной мобильности или «застреванию» на позиции
Специфика рабочего класса	Успех связан с качеством жизни и зарплатой (мужской габитус)	Ориентация на приватную сферу, работа как "второстепенная" роль (женский габитус)
Источник: составлено авторами на основе данных Известий. URL: https://ti71.ru/n154770.html		

Исследования показывают, что даже высокообразованные миллениалы и зумеры воспроизводят традиционные гендерные контрасты. Для женщин-рабочих характерен короткий горизонт планирования: они реже строят долгосрочные образовательные стратегии, так как их трудовая траектория воспринимается как второстепенная по отношению к семейной жизни. У мужчин того же класса кризисные ситуации (потеря работы) часто ведут к маргинализации, тогда как женщины мобилизуют социальные сети и находят новые источники дохода, пусть и с более низким статусом.

Таким образом, если зумеры-мужчины готовы рисковать и строить карьеру в стартапах, то их сверстницы чаще ищут гарантии занятости, опасаясь, что фриланс и проектная работа не смогут обеспечить им социальную защиту в случае рождения ребенка.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, поколенческая принадлежность является значимым предиктором трудовой траектории: поколение X делает ставку на стабильность и вторичную профессиональную социализацию, миллениалы – на баланс интересов и корпоративный комфорт, зумеры – на быструю смену ролей и накопление разнообразного опыта. Официальные данные подтверждают значительную долю поколения X (28,6 млн) и миллениалов (28,0 млн) в структуре занятости, тогда как зумеры только входят на рынок труда (3,6 млн).

Во-вторых, региональный фактор усиливает поколенческие различия. Молодежь регионов вынуждена осваивать гибридные формы занятости раньше и активнее столичных сверстников. Общий дефицит кадров на российском рынке труда, достигший 1,8 млн вакансий при 1,7 млн безработных⁷, создает предпосылки для дальнейшей трансформации трудовых траекторий всех поколений.

В-третьих, пол остается устойчивой стратифицирующей переменной: гендерный габитус влияет на поколенческие тренды. Карьерные траектории женщин менее линейны и сильнее зависят от семейных обстоятельств, а при сохранении разрыва в 27% в оплате труда женщины впервые за пять лет находят работу быстрее мужчин. Игнорирование этих факторов ведет к воспроизводству неравенства.

Для бизнеса и государства это означает необходимость разработки адресных мер: создание внутрикорпоративных «лифтов» для поколения X, гибких графиков для родителей-миллениалов (особенно женщин) и проектных стажировок для зумеров из регионов.

⁷ Количество вакансий на рынке труда превысило число безработных // Центр занятости населения. URL: <https://czn.mos.ru/EE/News/NewsCard/1059>

Библиографический список

1. Новикова В.С. (2024). Теоретико-методологические подходы к исследованию поколений: сравнительный анализ // Вестник Майкопского государственного технологического университета. № 4.
2. Тартаковская И.Н. (2017). Гендерные аспекты социальной мобильности рабочего и среднего классов. Социальная мобильность в России: поколенческий аспект. Москва: Институт социологии РАН. С. 237–271.

Информация об авторах

Илиза Ильдаровна Хабибуллина – студент, Уфимский университет науки и технологий (Российская Федерация, 450076, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 3/4; e-mail: iliza.khabibullina.14@mail.ru)

Элиза Ильгизовна Хакимова – студент, Уфимский университет науки и технологий (Российская Федерация, 450076, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 3/4; e-mail: eliza.khakimova.06@mail.ru)

Научный руководитель: Танзиля Ахтямовна Даутова – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления, Уфимский университет науки и технологий (Российская Федерация, 450076, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 3/4; e-mail: dautova_07@mail.ru)

Khakimova E.I., Khabibullina I.I.

THE INFLUENCE OF GENERATIONS AND GENDER ON THE CHOICE OF A WORKING TRACK: AN EMPIRICAL STUDY BASED ON RUSSIAN DATA

Abstract. *The article examines the influence of generational affiliation and gender stereotypes on the formation of career strategies among Russians. The theoretical framework is based on the Strauss-Howe theory of generations, the concept of the precariat by G. Standing, and the intersectional approach. The study reveals significant differences in attitudes towards stability, readiness to change professions, and employment forms between generations X, Y, and Z. Special attention is paid to the intersection of generational and gender factors: it is shown that women's career trajectories remain more discontinuous and influenced by the "glass ceiling" even within the same generation.*

Keywords: *labor trajectories, generational theory, gender asymmetry, career strategies, Russian labor market, millennials, zoomers.*

About the authors

Iliza I. Khabibullina – student, Ufa University of Science and Technology (3/4, Karl Marks Street, Ufa, 450076, Russian Federation; e-mail: iliza.khabibullina.14@mail.ru)

Eliza I. Khakimova – student, Ufa University of Science and Technology (3/4, Karl Marks Street, Ufa, 450076, Russian Federation; e-mail: eliza.khakimova.06@mail.ru)

Scientific supervisor: Tanzilya A. Dautova – Candidate of Sciences (Sociological), Professor of the Department of Public Administration, Ufa University of Science and Technology (3/4, Karl Marks Street, Ufa, 450076, Russian Federation; e-mail: dautova_07@mail.ru)

References

1. Novikova V.S. (2024). Theoretical and methodological approaches to the study of generations: a comparative analysis. *Bulletin of Maikop State Technological University*, 4.
2. Tartakovskaya I.N. (2017). Gender Aspects of Social Mobility in the Working and Middle Classes. Social Mobility in Russia: The Generational Aspect. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 237–271.

ВЛИЯНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА РЫНОК ТРУДА И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ: ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ АРКТИКИ

Аннотация. *В статье анализируется влияние экологической ситуации на рынок труда и качество жизни населения в Мурманской области как ключевых условий формирования человеческого капитала в арктическом регионе. Рассматриваются динамика занятости и заработной платы, а также показатели качества городской среды. Предложены меры по интеграции экологических приоритетов в региональную политику занятости и развития человеческого капитала. Результаты исследования имеют значение для выработки стратегий устойчивого социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации.*

Ключевые слова: *рынок труда, качество жизни, экология, Мурманская область, Арктика, человеческий капитал, качество городской среды, устойчивое развитие.*

Мурманская область как часть Арктической зоны Российской Федерации представляет собой крупный индустриальный регион с развитым горнодобывающим, металлургическим и транспортно-логистическим комплексом, формирующим значительную часть валового регионального продукта и занятости. В то же время концентрация промышленных производств и природно-климатические условия определяют повышенную экологическую нагрузку на население, что напрямую влияет на рынок труда, качество жизни и возможности формирования человеческого капитала.

На фоне перехода к устойчивому развитию Арктики исследование влияния экологической ситуации на социально-экономические процессы в Мурманской области приобретает особую актуальность. Вопрос состоит не только в оценке текущего состояния окружающей среды, но и в анализе того, как экологические риски трансформируются в изменения структуры занятости, миграционного поведения населения и качества человеческого капитала региона.

Цель исследования – оценить влияние экологической ситуации на рынок труда и качество жизни населения в Мурманской области и показать, как данные факторы определяют условия формирования человеческого капитала в арктическом регионе. Для достижения цели решаются следующие задачи: охарактеризовать особенности рынка труда Мурманской области и его динамику; проанализировать показатели качества городской среды и условий жизни населения; рассмотреть ключевые экологические проблемы региона; обосновать взаимосвязь экологии, рынка труда и человеческого капитала в контексте устойчивого развития Арктики.

Информационная база исследования включает официальные данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области, а также данные мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения Мурманской области.

Концепция человеческого капитала рассматривается как совокупность знаний, навыков, компетенций и здоровья, которыми располагает индивид и общество, и которые используются для участия в экономической деятельности и обеспечения экономического роста. В условиях Арктики данная категория включает способность населения адаптироваться к экстремальному климату, сезонным колебаниям и повышенным экологическим рискам.

Современные исследования подчеркивают, что человеческий капитал арктических регионов формируется под воздействием комплекса факторов: уровня доходов, доступности образования и здравоохранения, качества городской среды, состояния окружающей среды и экосистемных услуг (Красулина, 2017). Экологическое измерение становится критическим: загрязнение воздуха, воды и почв, накопленный техногенный ущерб и высокий уровень эколого-зависимых заболеваний ограничивают трудоспособность и снижают продолжительность здоровой жизни, тем самым ухудшая человеческий капитал.

Качество жизни в арктических регионах рассматривается как интегральная характеристика, включающая материальные условия, доступность социальных услуг, состояние городской среды и экологическую безопасность. Для Мурманской области, где промышленное развитие и урбанизация сочетаются с высокой экологической нагрузкой, баланс между экономическими и экологическими факторами определяет устойчивость воспроизводства человеческого капитала¹.

Рынок труда Мурманской области в последние годы характеризуется низким уровнем формальной безработицы при сохраняющихся структурных дисбалансах и демографических ограничениях. По данным Росстата, уровень безработицы в регионе в октябре 2024 года снизился до 2,6%, что является одним из минимальных значений на фоне Северо-Западного федерального округа. В 2024 году численность рабочей силы составляла около 349,5 тыс. человек, из которых 340,4 тыс. были заняты и 9,2 тыс. относились к безработным; за год численность рабочей силы сократилась на 3,7 тыс. человек².

Сводная характеристика основных показателей рынка труда в Мурманской области представлена в *табл. 1*.

Таблица 1. Основные показатели рынка труда в Мурманской области

Год	Численность рабочей силы, тыс. чел.	Занятое население, тыс. чел.	Безработные, тыс. чел.	Уровень безработицы, %	Среднемесячная номинальная зарплата, руб.
2022	355	344	11	3,1	63 000
2023	353,2	343	10,2	2,9	68 000
2024	349,5	340,4	9,2	2,6	73 000

Источник: составлено автором на основе данных Банка России. URL: <https://cbr.ru/press/regevent/?id=53817>

Динамика уровня безработицы представлена на *рисунке 1*, где демонстрируется устойчивое снижение показателя в 2022–2024 гг. (с 3,1 до 2,6%).

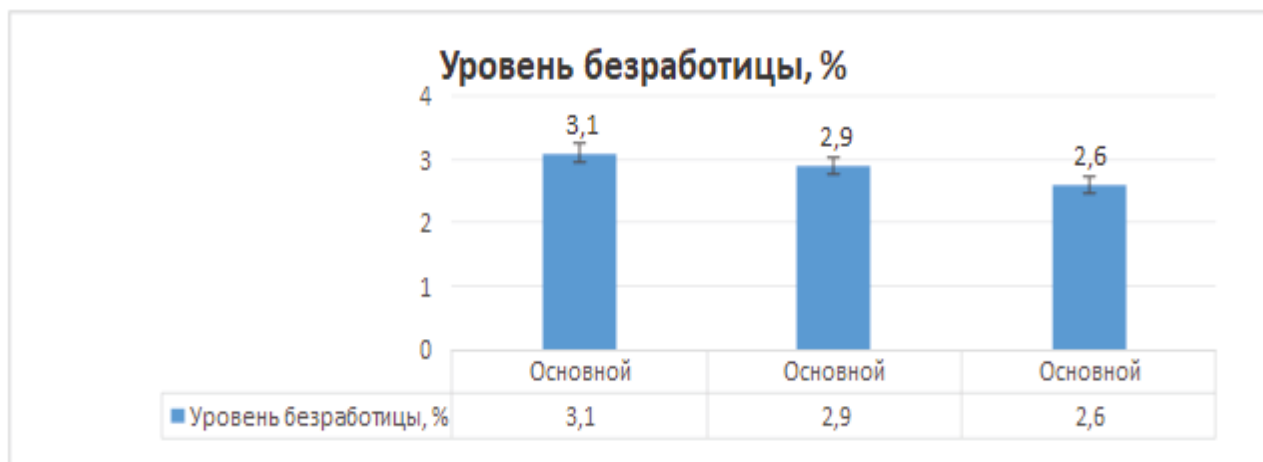

Рис. 1. Динамика уровня безработицы в Мурманской области, 2022–2024 гг., %

Источник: составлено автором.

¹ Мурманская область – лидер по качеству городской среды в Русской Арктике // Интернет-издание Kn51. URL: <https://kn51.ru/2025/05/14/murmanskaya-oblast-lider-po-kachestvu-gorodskoj-sredy-v-russkoj-arktike/> (дата обращения: 13.03.2026).

² Региональная экономика: анализ ситуации на рынке труда Северо-Западного федерального округа (уровень безработицы в Мурманской области, 2024 г.) // Банк России. URL: <https://cbr.ru/press/regevent/?id=53817> (дата обращения: 10.03.2026); Рынок труда Мурманской области, 2024–2025 гг. (данные по численности рабочей силы и безработице) // Мурманскстат. URL: <https://murmansk.rbc.ru/murmansk/07/06/2025/683efc3b9a79471add2d6008> (дата обращения: 11.03.2026); Мурманская область – лидер по качеству городской среды в Арктической зоне России // Платформа. Устойчивое развитие. URL: <https://sdpl.ru/5100-murmanskaya-oblast-lider-po-kachestvu-gorodskoj-sredy-v-arkticheskoy-zone-rossii.html> (дата обращения: 13.03.2026).

В структуре занятости значительную роль играют горнодобывающая промышленность, металлургия, энергетика и транспортно-логистический сектор, ориентированные на освоение минерально-сырьевой базы Арктики. При этом растет доля занятых в сфере услуг и обслуживания, о чем свидетельствует рост числа рабочих мест в административной сфере, сервисе, туризме и общепите.

Формирование человеческого капитала осложняется экологическим фактором: часть высокооплачиваемых рабочих мест расположена в экологически неблагоприятных зонах, что повышает риски профессиональных заболеваний и снижает долгосрочную привлекательность таких мест работы для квалифицированных специалистов³.

Качество городской среды является важнейшим элементом качества жизни и фактором притяжения человеческого капитала. Индекс качества городской среды в Мурманской области с 2018 года увеличился со 182 до 209 единиц; регион занимает одно из ведущих мест в Арктической зоне России и входит в число лидеров по стране. Это стало результатом реализации федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» и региональных программ благоустройства (Мартынова, 2023).

В регионе с 2019 года работы по благоустройству проведены в 100% населенных пунктов, обустроено 157 общественных пространств и более 450 детских игровых и спортивных комплексов, из которых 80 были реализованы в 2024 году. Индикаторы качества городской среды в отдельных городах Мурманской области представлены в *табл. 2*.

Таблица 2. Индекс качества городской среды в городах Мурманской области

Город	Индекс, баллы	Характеристика качества городской среды
Мурманск	235	Благоприятная среда
Мончегорск	239	Благоприятная среда
Апатиты	228	Близкая к благоприятной среда
Североморск	226	Средний уровень качества среды
Среднее по Мурманской области	233	Благоприятная среда
Источник: составлено авторами по данным Росстата. URL: https://51.rosstat.gov.ru .		

Улучшение городской среды повышает комфорт проживания, доступность общественных пространств, транспортной и социальной инфраструктуры, что способствует закреплению населения и привлечению рабочих ресурсов. В то же время концентрация населения в промышленных центрах усиливает воздействие неблагоприятных экологических факторов, что особенно важно при оценке долгосрочного развития человеческого капитала.

Экологическое состояние Мурманской области остается одним из ключевых факторов, определяющих качество жизни и здоровье населения. Регион исторически связан с крупными горнодобывающими и металлургическими предприятиями, выбросы которых формируют загрязнение атмосферного воздуха, почв и вод, что усиливает нагрузку на экологию⁴.

Реализуются меры по улучшению экологической ситуации: модернизация очистных сооружений, планы по сохранению экологии до 2030 года, усиление систем мониторинга⁵.

Экологическая ситуация в Мурманской области оказывает комплексное воздействие на рынок труда и качество жизни, формируя специфические условия воспроизводства человеческого капитала. С одной стороны, высокая концентрация промышленности создает многочисленные рабочие места и способствует росту доходов; медианная заработная плата, заявляемая работодателями весной 2024 года, увеличилась примерно до 66,6 тыс. руб. С другой стороны, значительная часть таких рабочих мест относится к экологически нагруженным, что повышает риск заболеваний и ухудшает долгосрочное состояние здоровья работников.

³ Природные ресурсы и экология Мурманской области: проект постановления. URL: <https://openregion.gov-murman.ru/upload/iblock/41b/n9mz8g2kpnvcq3qtzvh36clv66fhjnk/proekt-PP.pdf> (дата обращения: 17.03.2026).

⁴ Состояние окружающей среды. Мурманская область // Национальное бюро экологического контроля. URL: <https://nbcrs.org/regions/murmanskaya-oblast/sostoyanie-okruzhayushchey-sredy> (дата обращения: 17.03.2026).

⁵ МАП 2025: планы по сохранению экологии до 2030 года в Мурманской области // Министерство природных ресурсов и экологии Мурманской области. URL: <https://mpr.gov-murman.ru/news/543882/> (дата обращения: 17.03.2026).

Таким образом, для части работников возникает своеобразная «экологическая цена» дохода, когда рост заработной платы и доступ к социальным льготам сопровождаются ростом или сохранением высоких экологических рисков. В долгосрочной перспективе это снижает уровень человеческого капитала региона, так как ухудшается здоровье трудоспособного населения и повышается вероятность его миграции в другие регионы.

Качество городской среды и развитие социальной инфраструктуры частично компенсируют негативное влияние экологических факторов, повышая комфорт проживания, безопасность и доступ к услугам. Современные программы благоустройства создают новые рабочие места в строительстве, сфере услуг, туризме, а также формируют спрос на специалистов по экологическому проектированию, энергоэффективности и «зеленым» технологиям. Это способствует диверсификации рынка труда и появлению менее экологически нагруженных сегментов занятости.

Однако без системной экологической модернизации промышленности и энергетики, развития «зеленых» рабочих мест и интеграции экологических целей в политику занятости потенциал человеческого капитала остается ограниченным. Стратегии развития Мурманской области, ориентированные на сохранение экологии до 2030 года, могут стать основой для формирования новой модели развития, в которой экологическая безопасность будет рассматриваться как ключевое условие привлечения и воспроизводства человеческого капитала.

Библиографический список

1. Мартынова А.А. (2023). Территориальное зонирование Мурманской области по основным эколого-зависимым заболеваниям среди населения Мурманской области // Российская Арктика. № 3. С. 29.
2. Красулина О.Ю. (2017). Человеческий капитал: его роль в социально-экономическом развитии Арктической зоны // Экономика. Налоги. Право. №4.

Информация об авторах

Анастасия Николаевна Чапаргина – старший научный сотрудник ФИЦ КНЦ РАН (Российская Федерация, 184200, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24А); доцент кафедры экономики, управления и социологии, Мурманский арктический университет (Российская Федерация, 184209, г. Апатиты, ул. Лесная, д. 29; e-mail: achapargina@yandex.ru)

Анастасия Олеговна Шарабашева – студент, Мурманский арктический университет (Российская Федерация, 184209, Россия г. Апатиты, ул. Лесная, д. 29); лаборант, Полярно-альпийский ботанический сад-институт им. Н.А. Аврорина (Российская Федерация, 184256, Россия, г. Кировск, ул. Ботанический сад; e-mail: anastar.2001@mail.ru)

Chapargina A.N., Sharabasheva A.O.

IMPACT OF THE ENVIRONMENTAL SITUATION ON THE LABOR MARKET AND QUALITY OF LIFE IN THE MURMANSK REGION: FORMATION OF HUMAN CAPITAL IN THE ARCTIC CONDITIONS

Abstract. *This article analyzes the impact of the environmental situation on the labor market and quality of life in the Murmansk Region as key factors in the development of human capital in the Arctic region. Employment and wage dynamics, as well as indicators of urban environmental quality, are examined. Measures for integrating environmental priorities into regional employment and human capital development policies are proposed. The study's results are relevant for developing strategies for the sustainable socioeconomic development of the Arctic zone of the Russian Federation.*

Keywords: *labor market, quality of life, ecology, Murmansk Region, Arctic, human capital, urban environmental quality, sustainable development.*

About the authors

Anastasia N. Chapargina – Senior Researcher, Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences (24A, Fersman Street, Apatity, 184209, Russian Federation); Associate Professor of the department of economics, management and sociology, Apatity branch of Murmansk Arctic University (29, Lesnaya Street, Apatity, 184209, Russian Federation; e-mail: achapargina@yandex.ru)

Anastasia O. Sharabasheva – student, Apatity branch of Murmansk Arctic University (29, Lesnaya Street, Apatity, 184209, Russian Federation); Laboratory Assistant, Avrorin Polar-Alpine Botanic Garden-Institute (Botanicheskiy Sad Street, Kirovsk, 184256, Russian Federation; e-mail: anastar.2001@mail.ru)

References

1. Martynova A.A. (2023). Territorial zoning of the Murmansk region by the main environmentally related diseases among the population of the Murmansk region. *Russian Arctic*, 3, 29.
2. Krasulina O.Yu. (2017). Human capital: its role in the socioeconomic development of the Arctic zone. *Economy. Taxes. Law*, 4.

**ПЕДАГОГИ КАК АГЕНТЫ STEM-ПРОФОРИЕНТАЦИИ: ПРАКТИКИ И БАРЬЕРЫ
ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОГО КАПИТАЛА ШКОЛЬНИКОВ**

Аннотация. В статье анализируется роль учителей как ключевых агентов профориентации в STEM-профессиях. С опорой на концепцию научного капитала Л. Арчер, которая расширяет теорию капиталов П. Бурдье применительно к научно-технической сфере, рассматриваются практики, используемые педагогами для STEM-профориентации, а также барьеры, ограничивающие эффективность этой работы. Выявлено противоречие между высокой субъективной оценкой учителями своей роли в профориентационной работе (47,9% считают ее ключевой) и низкой реальной активностью (только 10,8% самостоятельно иницируют эту работу). Основным барьером является нехватка ресурсов и времени (65,3% педагогов сообщают о перегруженности учебных программ и нехватке времени на уроках), что делает затруднительной персонализированную передачу научного капитала. К дополнительным препятствиям относятся дефицит у учителей собственного научного капитала, слабые горизонтальные связи школ с предприятиями и научными организациями, а также разрыв между предлагаемыми школами форматами и ожиданиями родителей и учащихся.

Ключевые слова: социология образования, профориентация, школы, учителя, научный капитал, STEM-профессии, профессиональное самоопределение.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке РНФ № 25-28-00618 «(Не)Школьные практики профориентации в сфере STEM-профессий: опыт педагогов в профориентации и представления школьников о профессиях технического направления интеллектуального труда».

Сегодня перед российским обществом стоят цели достижения технологического лидерства, цифровой трансформации, развития устойчивой и динамичной экономики, а также реализации потенциала каждого человека, развития его талантов, воспитания патриотичной и социально ответственной личности¹, что актуализирует проблемы профориентации молодежи в сферах STEM (техническом направлении интеллектуального труда – Science, Technology, Engineering, Mathematics). В этом аспекте система школьного образования выступает основной опорой государства в достижении национальных целей, а педагоги – ключевыми акторами, которые выступают трансляторами информации о профессиях и агентами социализации, формирующими у школьников ценностные ориентиры и представления о собственных способностях и талантах. Однако по данным опроса ВЦИОМ, влияние школьных учителей и системы профориентации в выборе профессии не так велико: в качестве одного из четырех значимых в выборе профессии факторов рассказы учителей выбрали 8% респондентов, экскурсии на предприятия и места работы – 4%, а результаты профориентационных тестов и лекции – по 2%². Настоящее исследование направлено на выявление реализуемых школьными учителями практик STEM-профориентации и барьеров в формировании научного капитала учащихся в контексте профессионального самоопределения.

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 26.03.2026).

² Профориентация: хорошо, но мало! Будущую профессию россияне выбирают главным образом по интересам, а мнение семьи и окружения играет гораздо большую роль, чем профориентация // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/proforientaciya-khorosho-no-malo?ysclid=mbjpgnc9dp550261780>

Теоретической основой исследования выступает концепция научного капитала, основанная на теории капитала Пьера Бурдьё и расширенная Луизой Арчер и ее коллегами применительно к научной сфере. Научный капитал охватывает культурный (знания принципов науки, интерес к научным открытиям), социальный (знакомства с людьми, работающими в науке) и символический капиталы (идентификация себя с научным сообществом, признание себя «научным человеком»). Отмечается, что уровень развития научного капитала ученика напрямую связан с намерением продолжать образование и затем работать в сферах STEM (Archer et al., 2015). Отметим, что научный капитал учителя оказывается основой для профориентационной работы, поскольку невозможно сформировать в ученике то, чем не обладает сам педагог. Обладая знаниями о научных открытиях, связями с вузами и предприятиями, педагог выступает «мостиком», расширяющим доступ учащихся к информации, ресурсам, профессиональным сообществам. В то же время дефициты научного капитала педагога могут ограничивать спектр предлагаемых вариантов.

Эмпирической базой выступают результаты авторского исследования, проведенного в марте–апреле 2025 года методом массового анкетного опроса ($n = 1849$). В число респондентов вошли: учителя начальных классов (38%); педагоги, преподающие STEM предметы в классах основного и среднего образования (42%); специалисты и педагоги с административной нагрузкой, в компетенцию которых входят вопросы профориентации: психологи, социальные педагоги, администрация школ и т. п. (20%). В качестве регионов исследования были выбраны г. Москва (крупнейший научный и образовательный центр страны с развитой промышленной и IT-инфраструктурой); г. Самара (крупный промышленный центр, ПФО); г. Ростов-на-Дону (крупнейший центр сельскохозяйственного машиностроения, ЮФО) (Колесникова, Черевкова, 2025).

Анализ результатов опроса демонстрирует существенное противоречие при анализе самооценки педагогами своей агентности в профориентации: 47,9% респондентов считают свою роль ключевой, что говорит о высокой внутренней мотивации и готовности брать на себя ответственность за профессиональное будущее учеников. С другой стороны, почти равная доля педагогов (48,8%) характеризуют свою роль как вспомогательную: они либо не уверены в своем праве быть главным агентом профориентации и делегируют эту функцию родителям и другим структурам (психологам, администрации, госплатформам), либо сталкиваются с барьерами, которые препятствуют полноценной реализации ими этой части воспитательной работы; 3,1% педагогов оценили свою роль как минимальную (0,2% выбрали ответ «другое»).

В этой связи интересно, кого педагоги видят инициатором профориентационной работы в организации (табл. 1): три четверти респондентов (74,6%) выбрали вариант «руководитель/администрация», что свидетельствует о вертикальной модели управления – решение о том, что профориентация нужна и о том, через какие практики она будет реализовываться, принимается на уровне директора и его заместителей и затем «спускается» на уровень воспитателей, психологов, методистов (36,6% отметили их в качестве инициаторов) и педагогов-предметников (35,7%).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Кто иницирует работу по профориентации в Вашей образовательной организации?», множественный выбор, %

Руководитель/администрация ОО	74,6
Соответствующие специалисты внутри ОО (воспитатели, психологи, методисты)	36,6
Учителя-предметники	35,7
Внешние партнеры ОО (представители предприятия/организаций, местной общественности)	20
Я сам(а)	10,8
Родители учеников	5,5
Ученики	2,7
Другое	0,6
Источник: массовый анкетный опрос, 2025.	

Показательно, что только каждый десятый респондент инициирует профориентационную работу самостоятельно (10,8%) – т. е., даже при оценке значимости своей роли как ключевой, педагоги демонстрируют низкую агентность; 20% респондентов в качестве инициаторов отметили внешних партнеров, а вот родители учеников (5,5%) и тем более сами ученики (2,7%) от процесса инициации практически (само)устранены – либо профориентация считается ответственностью школы и управленческой задачей, либо данные потребности родители стараются удовлетворить в организациях дополнительного образования, через специализированные платформы, платное консультирование и иные каналы.

Наиболее полезными для своих учеников источниками информации о STEM-профессиях (табл. 2) педагоги считают не рассказ о профессиях в процессе обычного урока как наиболее органичную форму интеграции профориентации в образовательный процесс (23,3%), а специализированные источники и мероприятия: сайт «Билет в будущее» (49,7%), уроки профориентации (44,7%), внеурочные школьные мероприятия (37,1%), экскурсии и иные мероприятия с привлечением внешних партнеров (34,2%) и профориентационное консультирование и тестирование (33,7%). Это свидетельствует о том, что профориентация остается вынесенной за скобки основного образовательного процесса, что противоречит идее формирования научного капитала как результата персонализированного, длительного взаимодействия ученика с носителем научной культуры.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Какие источники наиболее полезны для Ваших учеников для получения информации о различных профессиях в области науки, промышленности, инженерии и информационных технологий?», множественный выбор, %

Сайт «Билет в будущее / Россия — мои горизонты»	49,7
Специальные уроки по профориентации	44,7
Внеурочные школьные мероприятия, где участвуют все ученики	37,1
Активности в рамках школьного сотрудничества с предприятиями промышленности, науки и бизнеса	34,2
Школьное консультирование учеников по выбору профессии, профориентационное тестирование	33,7
Активности в организациях доп. образования (Точки роста, Кванториум, Кидбург и т. д.)	28,6
Внеурочные школьные мероприятий, где участвуют только желающие ученики	24
Контекстный рассказ о профессиях в процессе обычного урока, при подаче основного материала	23,3
Мероприятия, которые организует город	22,9
Информация от родителей и родственников	18,9
Внешкольные активности, где участвуют только желающие	15,3
Информация из художественной литературы и СМИ (интернет, телевизор, соц. сети и т. д.)	14,6
Наблюдение за повседневной жизнью и окружающими взрослыми	12,3
Информация от друзей и сверстников	10,5
Ничего из вышеперечисленного	2
Другое	0,4
Источник: массовый анкетный опрос, 2025.	

Очевидно, что педагоги сталкиваются с рядом барьеров в реализации профориентации, которые можно классифицировать в четыре группы (табл. 3).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Расскажите, пожалуйста, какие факторы в наибольшей степени осложняют работу по профориентации?», множественный выбор, %

1	Отсутствие времени на уроке, перегруженность учебных планов и чрезмерная нагрузка	65,3
	Недостаток опыта у учителей	21,6
2	Отсутствие внутренней мотивации, профессиональное выгорание педагогов	14,8
	Недостаточная поддержка и мотивация со стороны администрации ОО, директора	10,6
	Низкая заинтересованность промышленных и научных предприятий в сотрудничестве с ОО	14,9
3	ОО не может найти контакты с представителями бизнеса, науки и промышленности	13,3
	Низкая заинтересованность образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования (вузы, колледжи и т.п.) в сотрудничестве с организациями среднего общего образования	7,6
4	Незаинтересованность и даже критика от родителей учеников	16,3
	Ученикам это не очень интересно	15,1
	Ничего из вышеперечисленного	6,4
	Другое	0,6
Источник: массовый анкетный опрос, 2025.		

Доминирующим барьером выступает ресурсно-временной дефицит: нехватка времени на уроке (65,3%) – абсолютный лидер, в три раза превышающий по значимости последующие факторы. С точки зрения концепции научного капитала, это означает, что у учителя нет времени на персонализацию – «живую» передачу знаний и создание научного интереса, которые составляют ядро формирования научного капитала ученика, а сама профориентация становится дополнительной нагрузкой, а не органичной частью учебного процесса. Вторая группа барьеров – недостаток компетенций и мотивации у учителей – указывает на недостаточную методическую подготовку к профориентации (особенно актуально для STEM-дисциплин, где требуется знание не только педагогики, но и современного состояния науки и промышленности), выгорание из-за отсутствия поддержки и системной мотивации. Третья группа объединяет барьеры, связанные с недостатком социального капитала школы, что указывает на слабость горизонтальных связей и формальный, эпизодический характер сотрудничества школ с бизнес- и научными организациями. Наконец, четвертая группа барьеров связана с обратной связью от целевой аудитории и показывает разрыв между теми практиками, которые предлагает школа, и тем, чего ожидают родители и ученики.

Таким образом, исследование показывает, что педагоги, имея потенциал играть ключевую роль в формировании научного капитала учащихся, сталкиваются с системными ограничениями в современных российских школах, которые превращают профориентацию в институционально закрепленную деятельность, но лишенную персонализации. Возникает феномен институционализированного, но не персонализированного научного капитала: научный капитал формально присутствует в школе в виде институциональных структур (профессиональный минимум, партнерство с вузами и бизнесом, методические объединения), но не персонализирован – не присвоен конкретными педагогами как их собственный ресурс (знания, связи, идентичность) и потому не может быть эффективно передан ученикам через живое, укорененное в повседневном взаимодействии наставничество. Преодоление этого противоречия требует не столько расширения формальных партнерских отношений и увеличения количества мероприятий, сколько создания условий для восстановления агентности учителей: снижения учебной нагрузки, вовлечения преподавателей в соответствующие научные и отраслевые сообщества для увеличения их собственного научного капитала и перехода от вертикальной к горизонтальной модели инициации, при которой интересы учителей, родителей и самих учеников учитываются при определении форматов и содержания профориентационной работы.

Библиографический список

1. Колесникова Е.М., Черевкова А.И. (2025). Значимость научного капитала школьных учителей для реализации процесса профориентации в сфере предметов STEM // Социологическая наука и социальная практика. Т. 13. № 4. С. 59–85. DOI: 10.19181/snsp.2025.13.4.3.
2. Archer L., Dawson E., DeWitt J., Seakins A., Wong B. (2015). Science capital: a conceptual, methodological, and empirical argument for extending Bourdieusian notions of capital beyond the arts. *Journal of Research in Science Teaching*, 52, 7, 922–948. DOI: 10.1002/tea.21227.

Информация об авторах

Алена Игоревна Черевкова – кандидат социологических наук, младший научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (Российская Федерация, 109544, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5; e-mail: yaitskova_a@mail.ru)

Галина Игоревна Чикарова – кандидат социологических наук, младший научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (Российская Федерация, 109544, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5; e-mail: galia201292@gmail.com)

SCHOOL TEACHERS AS AGENTS OF STEM CAREER GUIDANCE: PRACTICES AND BARRIERS TO THE FORMATION OF STUDENTS' SCIENTIFIC CAPITAL

Abstract. *This article analyzes the role of teachers as key agents of career guidance in STEM professions. Drawing on L. Archer's concept of scientific capital, which extends Pierre Bourdieu's theory of capitals to the scientific and technical sphere, the article examines the practices used by teachers for STEM career guidance, as well as the barriers that limit the effectiveness of this work. A contradiction was revealed between teachers' high subjective assessment of their role in career guidance (47.9% consider it key) and low actual activity (only 10.8% initiate it independently). The main obstacle is a lack of resources and time (65.3% of teachers report an overloaded curriculum and a lack of time in the classroom), which makes it impossible to personalize the transfer of scientific capital. Additional obstacles include teachers' lack of personalized scientific capital, weak horizontal connections between schools and businesses and research organizations, and a gap between the formats offered by schools and the expectations of parents and students.*

Keywords: *sociology of education; career guidance; schools; teachers; scientific capital; STEM professions; professional self-determination.*

About the authors

Alena I. Cherevkova – Candidate of Sciences (Sociological), Junior Researcher, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (5, Bol'shaya Andronyevskaya Street, Moscow, 109544, Russian Federation; e-mail: yaitskova_a@mail.ru)

Galina I. Chikarova – Candidate of Sciences (Sociological), Junior Researcher, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (5, Bol'shaya Andronyevskaya Street, Moscow, 109544, Russian Federation; e-mail: galia201292@gmail.com)

References

1. Kolesnikova E.M., Cherevkova A.I. (2025). The importance of school teachers' scientific capital for implementing the process of vocational guidance in stem subjects. *Sociological science and social practice*, 13, 4, 59–85. DOI: 10.19181/snsp.2025.13.4.3.
2. Archer L., Dawson E., DeWitt J., Seakins A., Wong B. (2015). Science capital: a conceptual, methodological, and empirical argument for extending Bourdieusian notions of capital beyond the arts. *Journal of Research in Science Teaching*, 52, 7, 922–948. DOI: 10.1002/tea.21227.

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ МЕНЕДЖМЕНТЕ

Аннотация. В статье освещена актуальная проблема поиска баланса между изменчивостью окружающей действительности и возможностью выработки адекватной реакции на эти изменения со стороны стратегического менеджмента современных организаций. Поиск этот крайне важен, так как повышает шансы на устойчивое развитие в будущем. Внимание к изучению современных трендов стратегического менеджмента окупается высокой эффективностью деятельности организации в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: стратегический менеджмент, эффективность организации, устойчивое развитие.

Менеджмент как наука и практика не стоит на месте, и с каждой новой эпохой появляются новые тенденции, которые связаны с изменениями в обществе, технологиями и глобальными экономическими условиями. Если в XX веке основной фокус был на эффективности производства и иерархической структуре, то сегодня стратегический менеджмент превращается в сложную, многоуровневую дисциплину, стоящую на стыке психологии, IT и экологии. Современные тренды в менеджменте отражают вызовы и возможности современного мира, включая цифровизацию, устойчивое развитие, гибкость в управлении и другие важные аспекты. Актуальность данной темы обусловлена тем, что компании, игнорирующие эти тренды, рискуют потерять свою конкурентоспособность и долю рынка в пользу более адаптивных игроков. В данном исследовании мы рассмотрим тенденции, определяющие современный менеджмент, а также их влияние на организационную эффективность и конкурентоспособность (Шабунова и др., 2022).

Одним из главных трендов в менеджменте является цифровизация. Внедрение новых информационных технологий трансформирует подходы к управлению. Это не просто автоматизация существующих процессов, а фундаментальное изменение бизнес-моделей, которое подразумевает следующие тенденции.

– Автоматизация бизнес-процессов. Использование программного обеспечения для снижения человеческого фактора и повышения эффективности. Автоматизация позволяет сократить время на выполнение рутинных задач, что освобождает ресурсы для более стратегических инициатив. Внедрение RPA-решений (Robotic Process Automation) позволяет компаниям обрабатывать огромные массивы данных в бухгалтерии, логистике и HR без ошибок и круглосуточно.

– Аналитика данных (Big Data). Компании все чаще используют данные для принятия обоснованных решений, анализа поведения клиентов и прогнозирования трендов. Большие данные и машинное обучение становятся важными инструментами для выявления паттернов и оптимизации бизнес-процессов. Data-Driven подход (управление на основе данных) позволяет не просто реагировать на текущие события, но и с высокой точностью прогнозировать спрос, предотвращать отток клиентов и персонализировать предложения до того, как клиент осознал свою потребность.

Удаленная работа и гибридные форматы. Пандемия COVID-19 ускорила процесс перехода на удаленные формы работы, требуя от менеджеров адаптации к новым условиям. Это привело к необходимости разработки новых стратегий управления командами и поддержания корпоративной культуры в виртуальной среде. Сегодня тренд смещается в сторону гибридных форматов, где критически важным становится асинхронное взаимодействие, цифровой этикет и создание «цифрового рабочего места», объединяющего все коммуникационные и продуктовые инструменты в единую экосистему.

Кибербезопасность как часть стратегии. С ростом цифровизации возрастают и риски утечек данных. Обеспечение кибербезопасности перестало быть задачей только IT-отдела и стало неотъемлемой частью стратегического планирования, влияя на доверие клиентов и репутацию компании.

Современные организации сталкиваются с быстрыми изменениями на рынке и часто непредсказуемыми обстоятельствами. Поэтому трендом становится стремление к гибкости и адаптивности (Шатунова, 2024).

- Применение Agile и Scrum для повышения скорости реакции на изменения. Эти методологии позволяют командам быстро адаптироваться к новым требованиям и улучшать качество конечного продукта. Однако современный тренд выходит за рамки IT-отделов: происходит масштабирование Agile на всю организацию (через фреймворки SAFe, LeSS), что требует перестройки работы финансовых, юридических и HR-служб.

- Диверсификация бизнес-моделей. Компании ищут новые подходы к созданию ценности и расширению своей аудитории. Это может включать в себя разработку новых продуктов, выход на новые рынки или изменение существующих бизнес-процессов. В условиях нестабильности успешные компании используют сценарное планирование, разрабатывая несколько вариантов развития событий одновременно.

- Принцип «бережливого стартапа» (Lean Startup). Крупные корпорации перенимают у стартапов подход к быстрому созданию минимально жизнеспособного продукта (MVP) и его тестированию на рынке. Это позволяет минимизировать издержки в случае неудачи и быстрее находить успешные бизнес-модели.

Среди современных трендов сильным влиянием является стремление компаний к устойчивому развитию и социальной ответственности. Концепция ESG (Environmental, Social, Governance) становится стандартом ведения бизнеса, так как инвесторы и потребители все чаще оценивают компании по этим критериям (Дуплинская, Ступина, 2025):

- Экологическая осознанность (Environmental). Многие компании внедряют экологически чистые практики и стремятся снизить углеродный след. Это не только улучшает имидж компании, но и отвечает на растущий спрос потребителей на экологически безопасные продукты. Тренд на циклическую экономику (Reuse, Recycle) заставляет компании пересматривать цепочки поставок и упаковку, превращая отходы одного производства в ресурс для другого.

- Социальные инициативы (Social). Организации активно участвуют в социальных проектах, понимая важность благосостояния общества для своего имиджа и долгосрочной устойчивости. Социальная ответственность становится неотъемлемой частью корпоративной стратегии. Это включает не только благотворительность, но и справедливые условия труда во всей цепочке поставок, поддержку местных сообществ и этичный маркетинг.

- Корпоративное управление (Governance). Прозрачность управления, борьба с коррупцией и соблюдение прав акционеров становятся ключевыми факторами доверия к бизнесу. Компании с высокими стандартами управления легче привлекают долгосрочные инвестиции (Терешкина и др., 2024).

Среди приоритетов современного менеджмента – управление человеческим капиталом. В организациях усиливается внимание к развитию сотрудников:

- Обучение и развитие (Lifelong Learning). Компании инвестируют в постоянное образование работников, предлагая тренинги и программы повышения квалификации. Это позволяет не только повышать уровень компетенций сотрудников, но и способствует их мотивации и удовлетворенности работой. В эпоху быстрого устаревания навыков (например, с приходом ИИ) корпоративное обучение переходит в формат микро-обучения и геймификации, позволяя сотрудникам осваивать новые компетенции прямо в рабочем потоке.

- Работа с талантами (Talent Management). Привлечение и удержание талантливых специалистов становятся важными задачами для успешного менеджмента. Создание привлекательной рабочей среды и возможностей для карьерного роста помогает удерживать ключевых сотрудников. Конкуренция за кадры смещается в сторону создания сильного HR-бренда и предложения уникального ценностного предложения для сотрудника (EVP), включающего не только зарплату, но и смыслы, гибкость и заботу о благополучии.

- Забота о ментальном здоровье (Mental Health). Современные компании осознают, что продуктивность напрямую зависит от психологического состояния команды. Программы поддержки ментального здоровья, борьба с выгоранием и создание психологически безопасной среды становятся такими же важными, как и медицинская страховка.

Современные тренды в менеджменте также акцентируют внимание на лидерстве и формировании корпоративной культуры (Шатунова, 2023).

– Лидеры должны вдохновлять и мотивировать сотрудников, формируя атмосферу поддержки и инноваций. Эффективные лидеры способны создать видение, которое объединяет команду и направляет ее к достижению общих целей. Современный лидер – это не надзиратель, а коуч и фасилитатор, обладающий высоким эмоциональным интеллектом (EQ), способный услышать команду и создать условия для их самореализации.

– Разнообразие и включение (Diversity and Inclusion). Создание мультикультурной и инклюзивной среды как способа повышения креативности и удовлетворенности сотрудников. Разнообразие в команде способствует более широкому спектру идей и решений, что в свою очередь улучшает общую производительность. Компании внедряют программы по борьбе с неосознанными предубеждениями при найме и создают условия для работы людей с разными физическими возможностями и культурным бэкграундом.

– Децентрализация и самоуправление. Иерархические структуры становятся слишком медленными. Набирает популярность тренд на бирюзовые организации и децентрализацию, где решения принимаются на месте исполнителями, наделенными высоким уровнем доверия и ответственности.

Таким образом, современные тренды в менеджменте представляют собой ответ на вызовы современности. Цифровизация, гибкость, устойчивое развитие, внимание к человеческому капиталу и лидерство формируют новые подходы к управлению организацией. Успешные компании смогут адаптироваться к этим изменениям, что позволит им оставаться конкурентоспособными в быстроменяющемся мире. Важно отметить, что внедрение этих трендов требует не только изменений в стратегиях и процессах, но и культурных изменений внутри организаций, что является ключом к долгосрочному успеху.

Подводя итог, можно сказать, что стратегический менеджмент будущего – это симбиоз человека и технологий. Компании, которые смогут оседлать волну технологического прогресса, не потеряв при этом человеческого лица, и которые сумеют встроить принципы устойчивого развития в свое ДНК, станут лидерами новой экономики. Основная задача современного стратега – найти баланс между скоростью (Agile), стабильностью (устойчивое развитие) и человечностью (эмпатия и культура) для создания по-настоящему жизнеспособной и процветающей организации.

Библиографический список

1. Дуплинская Е.Б., Ступина Ю.В. (2025). Большие данные в финансовом секторе: вызовы и риски // Вопросы новой экономики. № 2 (74). С. 79–84.
2. Терешкина Н.Е., Помешкин И.Д., Рамазанов Н.С. (2024). Перспективы искусственного интеллекта в бизнесе. Новая реальность: экономика, менеджмент, социальные коммуникации: материалы всероссийской научно-практической конференции с Международным участием. Новосибирск. С. 234–240.
3. Шабунова А.А. [и др.]. (2022). Социальное развитие территорий: актуальные тренды и новые вызовы. Вологда: ВолНИЦ РАН. 295 с.
4. Шатунова Т.Е. (2024). О необходимости гармонизации процесса управления специалистами организаций железнодорожного транспорта в контексте устойчивого экономического развития // Вопросы новой экономики. № 1 (69). С. 91–98.
5. Шатунова Т.Е. (2023). Теоретические аспекты построения ментальной модели организационной ситуации в контексте устойчивого экономического развития // Вопросы новой экономики. № 1 (65). С. 55–64.

Информация об авторах

Татьяна Евгеньевна Шатунова – старший преподаватель, Сибирский государственный университет путей сообщения (Российская Федерация, 630049, г. Новосибирск, ул. Д. Ковальчук, д. 191; e-mail: shatun678@mail.ru)

Богдан Денисович Быков – студент, Сибирский государственный университет путей сообщения (Российская Федерация, 630049, г. Новосибирск, ул. Д. Ковальчук, д. 191)

Арина Константиновна Кислинская – студент, Сибирский государственный университет путей сообщения (Российская Федерация, 630049, г. Новосибирск, ул. Д. Ковальчук, д. 191).

Shatunova T.E., Bykov B.D., Kislinskaya A.K.

CONTEMPORARY TRENDS IN STRATEGIC MANAGEMENT

Abstract. *This article addresses the pressing issue of finding a balance between the volatility of the environment and the ability of strategic management to develop an adequate response to these changes in modern organizations. This search is extremely important, as it increases the chances of sustainable development in the future. Attention to studying modern trends in strategic management pays off in high organizational performance over the long term.*

Keywords: *strategic management, organizational effectiveness, sustainable development.*

References

1. Duplinskaya E.B., Stupina Yu.V. (2025). Big data in the financial sector: challenges and risks. *Issues of the New Economy*, 2(74), 79–84.
2. Tereshkina N.E., Pomeshkin I.D., Ramazanov N.S. (2024). Prospects of Artificial Intelligence in Business. New Reality: Economics, Management, Social Communications. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Novosibirsk, 234–240.
3. Shabunova A.A. [et al.]. (2022). Social development of territories: current trends and new challenges. Vologda.
4. Shatunova T.E. (2024). On the need to harmonize the management process of specialists in railway transport organizations in the context of sustainable economic development. *Issues of the New Economy*, 1(69), 91–98.
5. Shatunova T.E. (2023). Theoretical aspects of constructing a mental model of an organizational situation in the context of sustainable economic development. *Issues of the New Economy*, 1(65), 55–64.

About the authors

Tatyana E. Shatunova – Senior Lecturer, Siberian State Transport University (191, D. Kovalchuk Street, Novosibirsk, 630149, Russian Federation; e-mail: shatun678@mail.ru)

Bogdan D. Bykov – student, Siberian State Transport University (191, D. Kovalchuk Street, Novosibirsk, 630149, Russian Federation)

Arina K. Kislinskaya – student, Siberian State Transport University (191, D. Kovalchuk Street, Novosibirsk, 630149, Russian Federation)

ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА СТАРШИХ ВОЗРАСТОВ: ЦИФРОВОЙ РАЗРЫВ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Аннотация. *Статья рассматривает феномен цифрового разрыва (digital divide) среди лиц пожилого и старческого возраста, анализирует его структурные проблемы и выявляет потенциальные возможности для интеграции данной когорты населения в цифровую среду.*

Ключевые слова: *население старших возрастов, цифровая среда, цифровые навыки, взаимодействие населения старших возрастов с органами государственной власти через интернет, многомерность цифрового разрыва в старших возрастах.*

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с темами НИР ИПРЭ РАН «Новые условия и факторы социально-экологического развития регионов России в условиях цифровой трансформации экономики и общества» (№ Г.Р. 124012000100-7; код – «FMGS-2024-0002») и «Разработка теоретико-методологических положений научно-технологического развития экономики на основе инновационной динамики и формирование механизмов ее реализации в регионах» (№ Г.Р. 124011600045-8; код – «FMGS-2024-0001»).

Современному этапу социально-экономического развития имманентно множество вызовов самого разного характера. Одним из них, бесспорно, является старение населения или увеличение доли пожилых в общей численности населения. Эта тенденция свойственна большинству стран мирового сообщества. Так, согласно прогнозам ВОЗ, ожидается, что к 2030 году численность людей в возрасте 60 лет и старше увеличится до 1,4 млрд человек (1/6 часть жителей планеты), к 2050 году – до 2,1 млрд человек. Численность населения в возрасте 80 лет и старше за период с 2020 по 2050 гг. вырастет втрое и достигнет 426 млн человек¹. Согласно же прогнозам Росстата, в России к началу 2046 году число граждан старше трудоспособного возраста достигнет 37,3 млн человек, или 26,9% населения².

Другой, не менее важной тенденцией современности является выраженный переход значительной части экономических и социальных процессов в цифровое пространство.

Взаимодействие с ним начинает опосредовать все более широкий круг социальных интеракций, экономических и рабочих процессов. При этом усиливается межпоколенческий разрыв – дети, выросшие в условиях изначального взаимодействия с цифровой средой («цифровое поколение»), значительно активнее и легче адаптируются к сосуществованию с ней, чем представители «докомпьютерных» поколений.

На перекрестье этих тенденций как раз находится обозначенная в заглавии тема. Действительно, если обратиться к официальной статистике, то можно увидеть следующую картину (рис. 1; 2).

¹ Старение и здоровье // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health> (дата обращения 05.03.2026).

² Как старение населения повлияет на экономику России // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/26/09/2025/68d6dfdd9a79472452adde84> (дата обращения 05.03.2026)

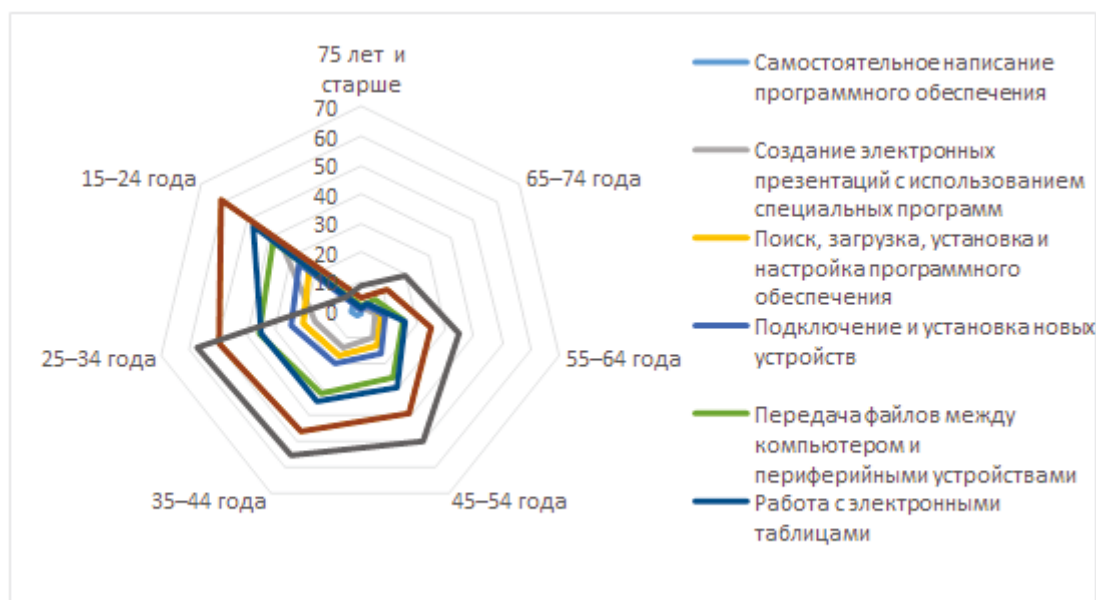

Рис. 1. Цифровые навыки населения по возрастным группам, 2024 год, %
Источник: составлено авторами на основе данных (Абашкин и др., 2026, с. 164).

Как видно из данных, представленных на рисунке 1, объем базовых цифровых навыков, которыми владеют российские граждане, по всем выделенным позициям отчетливо сокращается по мере увеличения возраста.

Если рассматривать уровень владения населением цифровыми навыками, то можно наблюдать аналогичную картину.

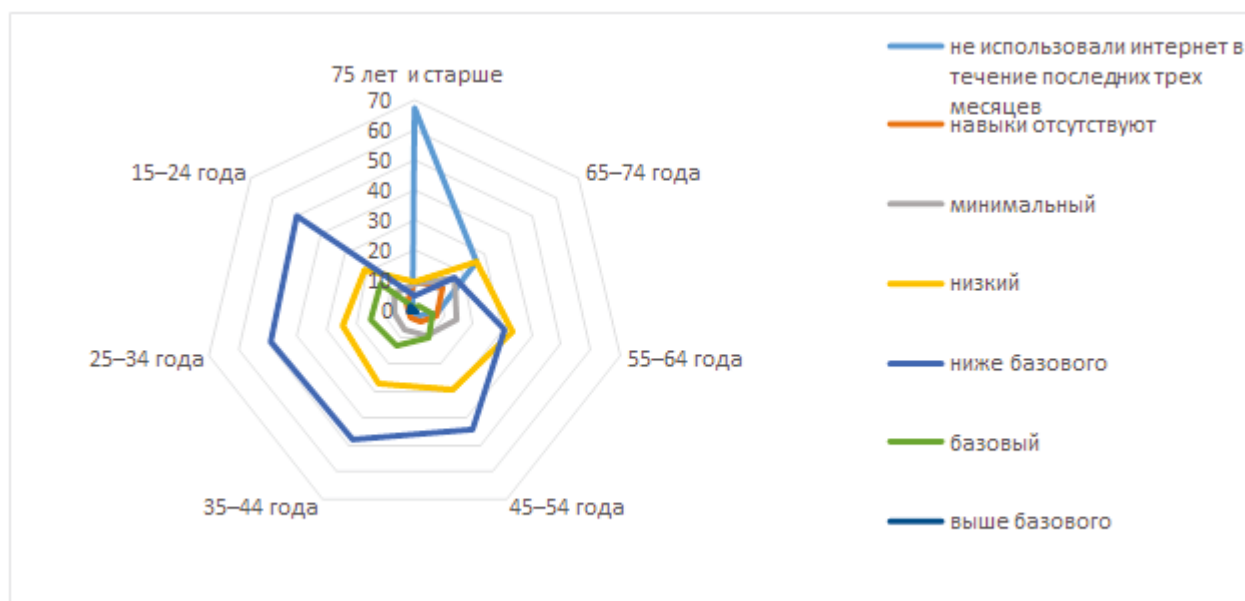

Рис. 2. Уровень владения цифровыми навыками по возрастным группам, 2024 год, %
Источник: составлено авторами на основе данных (Абашкин и др., 2026, с. 165).

В частности, на рисунке 2 отчетливо просматривается различие конфигурации между различными возрастными группами. Очевидно понижение его, начиная с возраста 64 года и старше и практическое его «схлопывание» в самых старших возрастах: от 75 лет и выше. В связи с этим имеет смысл говорить о многомерности цифрового разрыва в старших возрастах.

Возникновение цифрового разрыва в рассматриваемой группе имеет много причин и проявляет себя на нескольких взаимосвязанных уровнях. Нами выделено три группы причинных факторов его возникновения.

1. Доступ к цифровой среде (первый уровень разрыва) – сохраняются проблемы физической и экономической доступности цифровых устройств и высокоскоростного интернета, особенно в сельской местности и для малообеспеченных пенсионеров.

2. Навыки и компетенции (второй уровень разрыва) – наиболее проблемный его аспект включает в себя:

- техническую неграмотность – трудности в освоении интерфейсов, управлении устройствами, понимании базовых принципов работы приложений;
- недостаточную информационную и медиаграмотность – низкая способность критически оценивать достоверность информации в сети, распознавать киберугрозы (фишинг, мошенничество), защищать персональные данные;
- мотивационный барьер – отсутствие интереса, страх перед сложными технологиями, ощущение ненужности цифровых навыков в повседневной жизни, негативные установки («это не для моего возраста/поколения»).

3. Эффективность использования (третий уровень разрыва) – даже при наличии доступа и базовых навыков наблюдается ограниченность использования лицами старших возрастов цифровых сред для решения реальных значимых задач: удаленное получение государственных и медицинских услуг (телемедицина), финансовые операции (онлайн-банкинг), профессиональная деятельность или образование, социальная активность и коммуникация. Примером могут служить сведения государственной статистики о способах взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления (рис. 3).

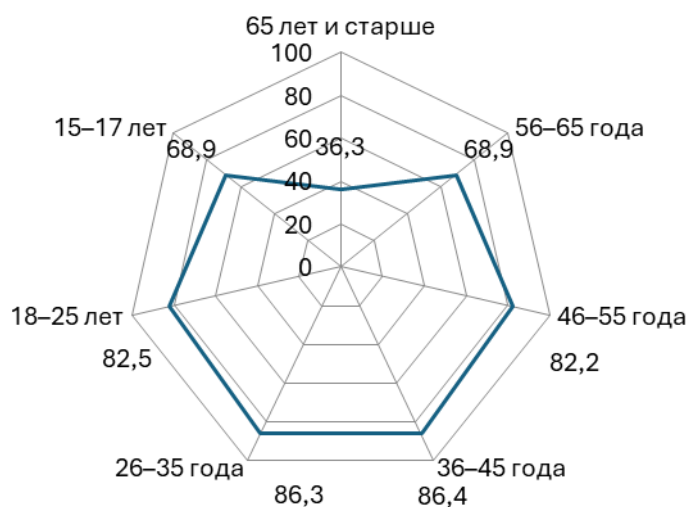

Рис. 3. Взаимодействие населения с органами государственной власти и местного самоуправления через интернет, 2024 год, %

Источник: составлено авторами на основе данных (Абашкин и др., 2026, с. 192).

Рисунок 3 является иллюстрацией тезиса об относительно низком уровне взаимодействия пожилых с государственными сервисами в цифровом формате.

Последствиями цифрового разрыва являются усиление социальной изоляции и эксклюзии, ограничение доступа к актуальным услугам и информации, снижение качества жизни и рост зависимости пожилых от помощи третьих лиц.

Направления решений и новые возможности

Преодоление цифрового разрыва открывает значительные перспективы как для самих пожилых людей, так и для общества в целом. Ключевые направления включают, по нашему мнению, нижеперечисленные направления.

- Разработка инклюзивных технологий (геронто-дизайн) – создание интерфейсов и устройств с учетом возрастных изменений (зрения, моторики, когнитивных функций): крупные шрифты, контрастные цвета, упрощенная навигация, голосовое управление.

- Создание адаптированных образовательных программ – организация курсов цифровой грамотности на базе библиотек, социальных центров, НКО. Важны методики, учитывающие особенности обучения в зрелом возрасте: низкий темп, практико-ориентированность, поддержка со стороны сверстников (тьюторы-волонтеры из числа активных/«новых» пенсионеров).

- Стимулирование мотивации через релевантный контент и сервисы. Интеграция цифровых решений в повседневные потребности: общение с семьей (видеосвязь), здоровье (трекеры, напоминания о приеме лекарств), досуг (доступ к культурным архивам, виртуальные путешествия), безопасность (тревожные кнопки, «умный дом»).

- Нормативно-правовая и инфраструктурная поддержка. Развитие цифровых государственных услуг с обязательным сохранением офлайн-альтернатив, субсидирование интернет-трафика и устройств для нуждающихся, создание публичных точек доступа с консультационной помощью.

- Формирование позитивного медиаобраза. Публичная демонстрация успешных практик цифровой адаптации старшего поколения в СМИ для преодоления стереотипов и изменения социальных установок.

В условиях быстрой технологической эволюции и растущей неоднородности группы «старшие возраста» поверхностные или умозрительные подходы неэффективны. Экспертный опрос (включая анкетирование и углубленные интервью) выступает ключевым инструментом, во-первых, для верификации проблем – выявление реальных, а не предполагаемых барьеров от специалистов, работающих непосредственно с целевой группой (геронтологи, социальные работники, педагоги, IT-разработчики в области инклюзивного дизайна и, не в последнюю очередь, сами пожилые люди). Во-вторых, для консенсусного решения проблем объединение знаний из разных областей (социальная работа, IT, психология старения, право) формирует основу для формирования стратегий и создания комплексных междисциплинарных программ интеграции старших поколений. И, в-третьих, адаптации общих моделей к локальному контексту – экспертные опросы позволяют изучить и учесть культурные особенности и инфраструктурные возможности как на страновом, так и на региональном уровнях.

Цифровой разрыв среди лиц старших возрастов представляет собой сложный культурный и социотехнический вызов, требующий системного ответа. Его преодоление лежит на пересечении технологической адаптации, целенаправленного образования пожилых и изменения социального климата. Экспертный опрос в данном контексте является не просто исследовательской процедурой, а необходимым элементом управления процессом цифровой инклюзии, обеспечивающим релевантность, устойчивость и практическую ориентированность разрабатываемых решений.

Библиографический список

1. Абашкин В.Л., Абдрахманова Г.И., Бочаров М.Я., Вишневский К.О., Гохберг Л.М. [и др.]. (2026). Индикаторы цифровой экономики: статистический сборник. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Москва: ИСИЭЗ ВШЭ. 304 с.

Информация об авторах

Наталия Николаевна Шестакова – кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН (Российская Федерация, 190013, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38; e-mail: nnshestakova@gmail.com)

Михаил Георгиевич Джанелидзе – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН ((Российская Федерация, 190013, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38; e-mail: ipre-dj@yandex.ru)

Shestakova N.N., Djanelidze M.G.

THE INFORMATION ENVIRONMENT OF OLDER AGES: THE DIGITAL DIVIDE AND NEW OPPORTUNITIES

Abstract. *This article examines the digital divide phenomenon among the elderly and very old, analyzes its structural problems, and identifies potential opportunities for integrating this population cohort into the digital environment.*

Keywords: *older population, digital environment, digital skills, online interactions between older populations and government agencies, multidimensionality of the digital divide in older ages.*

About the authors

Natalia N. Shestakova – Candidate of Sciences (Engineering), Leading Researcher, Institute for Regional Economy Studies of the Russian Academy of Science (38, Serpukhovskaya Street, Saint Petersburg, 190013, Russian Federation; e-mail: nnshestakova@gmail.com)

Mikhail G. Djanelidze – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Institute for Regional Economy Studies of the Russian Academy of Science (38, Serpukhovskaya Street, Saint Petersburg, 190013, Russian Federation; e-mail: ipre-dj@yandex.ru)

References

1. Abashkin V.L., Abdrakhmanova G.I., Bocharov M.Ya., Vishnevsky K.O., Gokhberg L.M. [et al.]. (2026). Digital Economy Indicators: Statistical Digest. National Research University "Higher School of Economics". Moscow: ISSEK HSE.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА»: ТЕНДЕНЦИИ И СИСТЕМНЫЕ НЕДОСТАТКИ

Аннотация. В докладе проанализирован паспорт федерального проекта «Производительность труда». Выявлены системные недостатки документа (подмена результата активностью, формализация показателей, отсутствие увязки финансирования с потребностями) и предложены меры по их устранению для достижения целевых показателей.

Ключевые слова: производительность труда, Федеральный проект, системные недостатки, эффективность управления, социальная сфера.

Проблема повышения производительности труда в России стояла на протяжении многих лет, что стало основанием для разработки соответствующего национального проекта, просуществовавшего с 2018 по 2024 год. С 2025 года данный вопрос решается в рамках Федерального проекта (ФП) «Производительность труда», входящего в состав национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика». Данный проект направлен на повышение эффективности бизнеса и социальной сферы и включает в себя обучение инструментам повышения эффективности труда и внедрение принципов бережливого производства¹.

В ходе рабочей поездки в Республику Мордовия министр экономического развития РФ М. Решетников провел совещание по вопросам реализации ФП «Производительность труда» и указал на ее эффективность. По итогам 2025 года в ФП участвовали 7900 предприятий базовых несырьевых отраслей с совокупной выручкой свыше 20 трлн рублей. Средний рост выработки по реализованным проектам составил 58%, а сроки производства продукции сокращены на 30%. Решетников акцентировал внимание на реализации следующего этапа реализации ФП – с 2026 года будут запущены детализированные отраслевые программы повышения производительности труда, что предполагает работу на уровне подотраслей и предприятий с возможностью расчета эффекта для экономики и рынка труда².

В то же время, параллельно с заявлениями высоких чиновников, Президент РФ охарактеризовал рост производительности труда в России как скромный (+1,1% в 2025 году)³.

В Вологодской области 46 промышленных предприятий получили поддержку Регионального центра компетенций в сфере производительности труда. Всего принимает участие в его реализации 65 предприятий и 9 медицинских организаций⁴. Регион отчитался о перевыполнении плановых показателей по вовлечению предприятий.

¹ Александр Новак подвел предварительные итоги реализации федерального проекта «Производительность труда» в 2025 году // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: https://economy.gov.ru/material/news/aleksandr_novak_podvyol_predvaritelnye_itogi_realizacii_federalnogo_proekta_proizvoditelnost_truda_v_2025_godu.html (дата обращения: 26.03.2026)

² Минэкономразвития: по итогам 2025 года выработка на предприятиях в федпроекте «Производительность труда» выросла на 58% // Производительность.рф. URL: <https://производительность.рф/presscenter/news/minekonomrazvitiya-po-itogam-2025-goda-vyrobotka-na-predpriyatiyah-v-fedproekte-proizvoditelnost-truda-vyroslo-na-58/> (дата обращения: 26.03.2026).

³ Путин: рост производительности труда в стране остается крайне низким // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2025/12/19/1164730-putin-rost-proizvoditelnosti> (дата обращения: 26.03.2026)

⁴ 65 промышленных предприятий и девять медорганизаций Вологодчины участвуют в федеральном проекте «Производительность труда» // Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: https://www.vologda-oblast.ru/novosti/65_promyshlennykh_predpriyatiy_i_devyat_medorganizatsiy_vologodchiny_uchastvuyut_v_federalnom_proekte_proizvoditelnost_truda/?clckid=dfef96ba (дата обращения: 26.03.2026).

Следует отметить, что критика мероприятий по наращиванию производительности труда сопровождается их с начала реализации одноименных национального и федерального проектов. В 2020 году авторы (Мирончук и др., 2020) выделили основные причины низкой производительности труда: высокая степень износа основных фондов, отсутствие профессионального персонала, непрозрачное и избыточное регулирование. Не оспаривая значимость указанных факторов, следует отметить, что выполнение плановых показателей национально-го проекта привело к росту производительности труда на 8,2% за семь лет⁵. Даже с учетом тренда на замедление роста производительности труда в мире (с 1% в начале 2000-х до 0,3% в начале 2020-х)⁶ уровень показателя в развитых странах больше российского в 3–4 раза⁷ (Ермаков и др., 2022). Подобное отставание необходимо сокращать форсированными темпами, что подразумевает активное внедрение автоматизации и роботизации в производственные процессы. В то же время по показателю плотности роботизации на 2023 год Россия сильно отстает от остального мира – 19 роботов на 10 тыс. работников при среднем показателе в мире 162 робота на 10 тыс. работников⁸.

Опираясь на паспорт Федерального проекта «Производительность труда» можно отметить его особенности, указывающие на риски достижения целевого показателя. Специфической особенностью, заложенной в документе, является распространение инструментов повышения производительности труда на непромышленные сферы, в паспорте детализированы показатели для сферы здравоохранения, образования, культуры, физической культуры и спорта, социального обслуживания. Данное расширение проекта свидетельствует о переходе от узкоотраслевого понимания производительности к общесистемному.

Проект акцентирует внимание на институциональном строительстве и инфраструктуре поддержки – создание и развитие сети институтов-посредников (центры компетенций). Существенная часть контрольных точек учитывает скорость наращивания инфраструктуры, количество соглашений о субсидиях, формирование планов-графиков и др. Эти мероприятия напрямую не связаны с наращиванием производительности.

Помимо комплексного характера предлагаемых инструментов (прямое финансирование, методологическая поддержка, цифровизация и административное сопровождение) в паспорте проекта добавлена декомпозиция показателей на региональный уровень, что позволяет отслеживать каждого региона. Отметим также двойственность системы оценки эффективности, т. к. существует два типа показателей: ориентированных на достижение конечного экономического результата (доля предприятий, достигших ежегодного прироста производительности труда в 5%) и оценивающих охват (доля организаций, вовлеченных в реализацию проектов).

Указывая на специфику проекта, необходимо также отметить те слабые места, которые угрожают достижению целевых показателей. Прежде всего декларативность и разрыв между целями и ресурсами – формулировки паспорта федерального проекта описывают активность (проведение мероприятий), а не результат (рост производительности), что может привести к подмене понятий. В реальности формальное выполнение процедур будет засчитано как достижение цели, даже если не приведет к повышению производительности труда. Кроме того, отсутствует корреляция между административными действиями (подачей заявок, утверждением документов) и итоговыми целевыми показателями.

⁵ За семь лет производительность труда в России выросла на 8,2% // Российская газета. URL: https://rg.ru/2025/11/06/za-sem-let-proizvoditelnost-truda-v-rossii-vyrosla-na-82.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 26.03.2026).

⁶ Производительность труда. Уроки развитых стран // Бюджет.ру. URL: <https://bujet.ru/article/367208.php#:~:text=Именно%20поэтому%20экономисты%20в%20развитых%20странах%20обеспокоены,в%20среднем%20по%20миру%2C%20согласно%20данным%20Международного> (дата обращения: 26.03.2026).

⁷ Почему в России низкая производительность труда // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2025/03/26/1100191-pochemu-v-rossii-nizkaya-proizvoditelnost-truda> (дата обращения: 26.03.2026).

⁸ Парадокс российской автоматизации. Роботизация промышленности спровоцирует рост зарплат // Cnews.ru. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2026-01-20_paradoks_rossijskoj_avtomatizatsii (дата обращения: 26.03.2026).

Частой проблемой реализации проектов является административная перегруженность и дублирование структур. В паспорте проекта прописано создание центров компетенций, однако нет четкого разграничения функций этих отраслевых подразделений, что может привести к дублированию задач и конкуренции за бюджеты. При этом значительная часть финансирования направлена на их содержание, а не на стимулирование предприятий.

Серьезные вопросы вызывает формальный характер показателей по организациям социальной сферы – нет оценки качества внедрения или достигнутого эффекта. Показатели результативности не всегда корректно отражают производительность труда в бюджетной сфере. Также четко разделены результаты для промышленности и социальной сферы. Нет механизма, обеспечивающего синергию между промышленным и социальным блоками, когда повышение производительности стимулирует развитие социальной сферы через рост налоговых поступлений.

Финансовые потоки определены в плановом порядке, однако их распределение не всегда обосновано. Финансирование распределено неравномерно без обоснования, прогнозные значения заложены «с запасом» без привязки к реальным проектам. Для более глубокого обоснования необходим анализ эффективности использования средств в прошлых периодах.

Можно также отметить, что в проекте нет механизмов корректировки целевых показателей с учетом макроэкономических факторов. Паспорт не учитывает достижения роста производительности за счет сокращения численности персонала (в кризис). В условиях санкционного давления не рост, а сохранение производительности на прежнем уровне может считаться значительным достижением. Кроме того, нет механизма корректировки планов при ухудшении макроэкономической ситуации.

Анализ контрольных точек позволяет сделать вывод о возможности имитации активности на региональном уровне, что подменяет реальное наращивание производительности. Нет ясности, как будут оцениваться эффекты внедрения практики на предприятии, если производительность не вырастет, что свидетельствует об отсутствии механизма обратной связи и корректировки.

Упор в проекте сделан на субсидии и обучение, однако нет финансовых стимулов для предприятий, достигших целевых показателей. Механизмы ответственности, помимо возврата субсидий, отсутствуют. В рамках проекта не предусмотрена дифференциация подходов для крупного, среднего и малого бизнеса. Показатели для организаций культуры (увеличение количества посещений организаций культуры в расчете на одного работника) и образования (численность обучающихся на одного работника образовательной организации) подразумевают рост нагрузки на персонал, что противоречит цели повышения качества услуг.

Таким образом, на основе анализа паспорта федерального проекта «Производительность труда» можно выделить ряд слабых мест, которые затруднят достижение целевых показателей. Недостатки носят системный характер и свидетельствуют о необходимости доработки документа для достижения запланированных результатов. В проекте акцент смещен с результата на процесс, нет жесткой увязки процедур с их экономическими эффектами. Риск формализации при создании структур и проведении обучения может не привести к реальному росту производительности труда. Распределение финансирования не всегда обосновано, нет анализа эффективности затрат. Проект не учитывает возможность макроэкономических шоков, что приводит к невозможности достижения плановых показателей вне зависимости от усилий участников. Отсутствие единой системы оценки эффективности создает разрыв между промышленным и социальным блоками.

Ослабить негативное действие вышеописанных барьеров можно обеспечив жесткую привязку между проведением мероприятий и реальным ростом производительности, внедрив механизмы корректировки планов с учетом внешних факторов, разработав прозрачную методику распределения финансирования в зависимости от потенциала региона и сократив количество формальных контрольных точек в пользу показателей, измеряющих реальные изменения в результатах деятельности организаций.

Библиографический список

1. Ермаков Г.П., Труничкина Е.И., Труничкина М.Н. (2022). Производительность труда в России и мире на начальной стадии пандемии COVID-19 в 2020 году // Экономика труда. Т. 9. № 3. С. 533–554. DOI: 10.18334/et.9.3.114317
2. Мирончук В.А., Сычанина С.Н., Шолин Ю.А. (2020). Анализ причин низких показателей производительности труда в Российской Федерации // ЕГИ. 2020. № 2 (28).

Информация об авторе

Елена Юрьевна Широкова – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: shir11@bk.ru)

Shirokova E.Yu.

FEDERAL LABOR PRODUCTIVITY PROJECT: TRENDS AND SYSTEMIC SHORTCOMINGS

Abstract. *The report analyzes the passport of the federal project "Labor Productivity". Systemic shortcomings of the document (substitution of results with activity, formalization of indicators, lack of linkage between funding and actual needs) are identified, and measures to eliminate them are proposed to achieve target indicators.*

Keywords: *labor productivity, federal project, systemic shortcomings, management efficiency, social sphere.*

About the author

Elena Y. Shirokova – Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: shir11@bk.ru)

References

1. Ermakov G.P., Trunichkina E.I., Trunichkina M.N. (2020). Productivity labor in Russia and in the world at the initial stage of the COVID-19 pandemic in 2020. *Labor economics*, 9, 3, 533–554. DOI: 10.18334/et.9.3.114317
2. Mironchuk V.A., Sychanina S.N., Sholin Yu.A. (2020). Analysis of the causes of low labor productivity in the Russian Federation. *EGI*, 2(28).

ТИПЫ ТРУДОВОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. *Статья посвящена проблемам сферы труда в условиях трендов поливоркинга и саббатикала в молодежной среде. Показано, что развитие рынка труда связано с необходимостью учета трендов неформатной занятости. Отмечена необходимость пересмотра организации практик удержания сотрудников, расчета трудового стажа, системы социальных гарантий в сфере занятости.*

Ключевые слова: *сфера труда, поливоркинг, саббатикал, сохранение ресурсов, молодежь, трудовое поведение.*

Стремительная трансформация общественных систем, осуществляемая на основе проникновения цифровых технологий во все сферы жизни человека, способствует развитию не только стран с сильным экономическим потенциалом, но и открывает возможности тем регионам, которые характеризуются ограниченностью ресурсов в той или иной сфере. Однако нарастающая интенсивность глобальных процессов диктует необходимость максимального вовлечения всех активов в воспроизводственный цикл, синергии цифровых инноваций с экономическими инструментами развития и социальным потенциалом людей. Возрастающая потребность в более интенсивном использовании всех резервов развития обусловлена в т. ч. динамикой социо-демографических процессов, сменой ценностных ориентаций в обществе, общим нарастанием интенсификации жизни.

Одной из сфер, трансформацию которой в свете процессов глобализации и цифровизации можно охарактеризовать как радикальную, является рынок труда, который из совокупности отдельных национальных систем эволюционировал в единую связанную и созависимую систему, что становится вызовом для национальных правительств по сохранению баланса на собственных рынках занятости. Так, в условиях цифровизации, экономической нестабильности, социальных трансформаций и смены ценностных ориентиров рынок труда остается важнейшим объектом регулирования государственной политики.

В тоже время структурные изменения в сфере труда связаны с процессами масштабного перехода занятости из традиционных промышленных и сельскохозяйственных областей в сферу услуг и информационных технологий; переносом низкоквалифицированных неэкологичных производств в регионы с дешевой рабочей силой; внедрением ИИ и ИКТ-технологий, которые позволяют расширять число занятых за счет работников из отдаленных регионов, пожилого возраста и лиц с ограничениями здоровья. Существует также поле проблем, связанных с процессами технологизации и цифровизации, развитием всех способов коммуникаций. Развитие электронной коммуникации и технологий искусственного интеллекта сформировало среду цифровой культуры, которая кардинально отличается от естественной по своей природе (создана самим человеком) и формату (виртуальность, вседоступность), но оказывает на развитие человека существенное воздействие, постепенно меняя общество в целом. Стремительно меняется сфера повседневной жизни человека: труд, образование, быт, коммуникация, что со временем приведет к возникновению новой формации людей, мышление и культура которых будет существенно отличаться от сегодняшних. Изменится подход к получению образования, в системе которого искусственный интеллект сменит педагогов алгоритмами. В современном мире сфера труда и занятости также стала полем активного внедрения цифровых новаций, при этом, под предлогом значимости, масштабы проникновения цифровых технологий в нее поразительны.

Таким образом, для проведения мероприятий по успешной актуализации ресурсов сферы труда необходимо формирование новых подходов к оптимизации занятости, что требует соответствующего понимания тенденций, характерных для трудовой сферы, и учета когерентности процессов, происходящих во всех областях общественной жизни. Разработка действенных мер должна быть направлена не только на стабилизацию экономической составляющей рынка занятости и национального дохода, но и на выработку превентивных мер по недопущению острого дефицита занятых в экономике, снижения квалификационных характеристик трудового потенциала.

Отметим, что сфера общественного воспроизводства в настоящее время расширяется за счет таких факторов как социальный капитал и духовно-психологическое образование (настроения, социальное самочувствие, состояние здоровья и т. д.). Эти ресурсы, формирующиеся в социальной среде, напрямую определяют качество жизни и трудовую активность людей, но при этом тесно связаны со сферой экономики и технологий. Возникает эффект синергии: различные сферы жизни постоянно обмениваются ресурсами и адаптируются друг к другу, что позволяет обществу эффективно функционировать и прогрессировать.

Эффективное моделирование процессов занятости в условиях современного рынка труда должно включать в себя задачу не только преодоления вызовов, связанных с экономической нестабильностью, но и учитывать тренды в отношении трудовой деятельности всех поколений трудоспособного возраста, например, такие как саббатикал и поливоркинг.

Саббатикал – набирающий популярность среди молодого поколения тип трудового поведения, подразумевающий возможность организации длительной паузы от работы (от 3 месяцев до года). От трудового отпуска саббатикал отличается продолжительностью, целями (мотивами), и тем, что, как правило, данный период нерабочего времени не оплачивается, при этом существует возможность возвращения на прежнее рабочее место. Основными мотивами реализации практики саббатикал являются отдых, с целью переосмысления жизненных задач, будущих планов, анализа личностного потенциала и восстановления ресурсов; обучение с целью приобретения новых знаний по существующей профессии или же освоения иной специальности (Тихонова, 2019). Важным представляется и то, что если раньше длительные перерывы в работе были доступны в основном профессорскому и научному составу ВУЗов или руководителям высшего звена (состоятельные, элитарные сотрудники), то сегодня саббатикал практически не связан с социальным статусом или этапом карьеры, он доступен для широкого круга населения.

В свою очередь поливоркинг, также наблюдающийся преимущественно в среде молодого поколения работников тип занятости, определяется как одновременное совмещение сразу нескольких работ, проектов или подработок. Зачастую данные виды деятельности относятся к разным профессиональным сферам. Основными мотивами практики поливоркинга считаются экономические – повышение дохода и возможность монетизации своего досугового хобби¹. Отметим, что совмещение нескольких видов деятельности существовало еще в доиндустриальную эпоху, т. к. крестьяне были и ремесленниками, и животноводами, а горожане владели мастерскими профессиями, продавали свои товары, занимались обучением новых работников. Процессы индустриализации привели к формализации профессий и распространению жизненной модели «одна работа на всю жизнь». Занятость сразу в нескольких сферах труда стала характеристикой малообеспеченных слоев населения: мигранты, студенты, социально неблагополучные лица. Сегодня поливоркинг распространен не столько как возможность получения дополнительного дохода, а скорее как форма реализации человеческого потенциала в разных сферах деятельности².

Практики саббатикала и поливоркинга различаются по форме реализации – длительные периоды нерабочей деятельности и, напротив, интенсивный труд на нескольких работах одновременно. Однако можно отметить общую мотивационную основу данных типов трудового поведения – (пере)оценка личностных ресурсов с целью их более эффективного использования: реструктуризация навыков, сбережение физического и психического здоровья, реализация потенциала в той сфере и с той динамикой, которая отвечает потребностям и соответствует накопленному капиталу (образование, опыт, социально-демографические характеристики, здоровье и т. д.). Таким образом, приверженность стратегиям эффективной ресурсосберегающей самоактуализации является одной из основных характеристик молодого поколения трудоспособного населения.

¹ Исследование: россияне перестали скрывать подработки от основного работодателя // СКБ Контур. URL: https://kontur.ru/press/news/56593-rossiyane_perestali_skryvat_podrabortki (дата обращения: 18.03.2026).

² Polyworking, June 2025 // Monster work watch24. URL: <https://monsterworkwatch24.my.canva.site/monster-poll-polyworking> (дата обращения: 18.03.2026).

Развитие рынка занятости в современных условиях происходит с учетом распространения данных трендов трудового поведения в практиках жизнедеятельности молодежи. При этом важно также принимать во внимание весь спектр возможных неоднозначных моделей взаимодействия рынка труда и занятой молодежи, связанных с нестабильностью занятости, обусловленной стратегиями поливоркинга и саббатикал. В число основных вызовов сферы занятости в данном контексте входит:

- необходимость пересмотра системы начисления трудового стажа;
- необходимость трансформации системы предоставления социальных гарантий: выплаты в связи с заболеванием, рождением ребенка, трудовым отпуском, иные виды страхования работников;
- пересмотр системы оценки профессиональных навыков, системы повышения квалификации персонала; системы, обеспечивающей карьерный рост;
- разработка эффективных стратегий привлечения временного персонала на замещающие позиции;
- переструктурирование системы контроля рабочего времени, результативности сотрудников;
- разработка программ адаптации/реадаптации в трудовом коллективе для тех, кто занят в поливоркинге или же вернулся к своим обязанностям после длительного перерыва.

Нелинейность, неформатность занятости как явление на рынке труда изучается в рамках социологии и экономической теории довольно давно, часто связывается с дисфункциями рынка труда, а также с изменением институциональной структуры экономики. В тоже время отметим, что как саббатикал, так и поливоркинг имеют в своей основе не столько экономические мотивы, сколько связаны с социальными характеристиками молодого поколения. Так, современный ритм жизни предполагает высокую степень уровня адаптации человека к быстро меняющимся социально-экономическим условиям. Становится крайне важным иметь дополнительный источник дохода и быстро осваивать новую профессию. В тоже время современное молодое поколение не задумывается о пенсии. Для них она, во-первых, слишком далекое событие, а во-вторых, среди них отмечается недостаточно высокий уровень доверия пенсионной системе в целом, как механизму обеспечения долгосрочного блага в будущем. Причинами распространения нестандартных форм трудового поведения являются также экономическая нестабильность, связанная с пандемией, инфляцией, переструктурированием рынка труда, и технологические изменения, обусловленные развитием цифровой экономики, появлением ИИ-агентов, возможности удаленного формата работы (Анисимов, 2017).

Таким образом, изменения трудовых практик уже присутствуют в сфере занятости. Они безвозвратно вошли в нашу реальность, изменили ее и стали неотъемлемой составляющей повседневной жизни человека. Тем не менее инновации, реализуемые в сфере труда, следует проводить с осторожностью и оценивать не столько как социально-технологический эксперимент, а, скорее, как этап к трансформации всей структуры занятости, социального воспроизводства и обеспечения. Это, в свою очередь, требует разработки новых правовых и нравственных стандартов, чтобы интеграция новаций в сферу труда была безопасной, эффективной и приемлемой для человека.

Библиографический список

1. Анисимов Р.И. (2017). Труд в эпоху неопределенности // Социологические исследования. № 11. С. 44–52. DOI: 10.7868/S013216251711006X
2. Тихонова Н.Е. (2019). Прекариат и перспективы изменения социальной структуры российского общества // Социологические исследования. № 2 (2). С. 167–173. DOI: 10.31857/s013216250004023-8

Информация об авторе

Наталья Ивановна Яковлева – научный сотрудник, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси (Республика Беларусь, 220072, Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2; e-mail, an.nata.an@gmail.com)

TYPES OF YOUTH WORK BEHAVIOR

Abstract. *This article examines employment issues in the context of trends in polyworking and sabbatical work among young people. It is shown that labor market development requires taking into account trends in instability employment and resource-saving behavior. The article also highlights the need to review hiring and retention practices, seniority calculations, and the system of providing social guarantees in employment.*

Keywords: *work, polyworking, sabbatical work, resource conservation, young people, work behavior.*

About the author

Natallia I. Yakauleva – Researcher, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1/2, Surganova Street, Minsk, 220072, Republic of Belarus; e-mail: an.nata.an@gmail.com)

References

1. Anisimov R.I. (2017). Labor in the uncertainty epoch. *Sociological Research*, 11, 44–52. DOI: 10.7868/S013216251711006X.
2. Tikhonova N.E. (2019). Precariat and Prospects for Changes in Russian Society Social Structure. *Sociological Research*, 2, 167–173. DOI: 10.31857/s013216250004023-8.

СЕКЦИЯ № 3

**Социокультурная трансформация российского общества:
результаты и перспективы**

ВОЛОНТЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СТРУКТУРЕ ЗАНЯТОСТИ: ФОРМЫ УЧАСТИЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

Аннотация. *Статья посвящена анализу волонтерской деятельности российской молодежи как формы занятости на основе микроданных обследования рабочей силы Росстата за 2024 год. Показано, что участие молодежи в волонтерстве определяется возрастом, полом, типом поселения, уровнем образования и характером занятости, при этом преобладают нерегулярные и неформальные формы участия. Результаты исследования не подтверждают прямую связь молодежного волонтерства с накоплением человеческого капитала.*

Ключевые слова: волонтерство, занятость, молодежь, капитал, ресурсы.

В российском публичном дискурсе волонтерство обычно описывается как растущая и безусловно позитивная практика гражданского участия, а молодежь – как его главный носитель¹. Добровольческую деятельность связывают с самореализацией, профессиональным ростом и накоплением человеческого капитала (Bruno, Fiorillo, 2016; Wilson et al., 2020).

Цель исследования – определить место волонтерства в структуре занятости российской молодежи и оценить его связь с накоплением человеческого капитала. Эмпирическая база: микроданные выборочного обследования рабочей силы Росстата за 2024 год²; молодежная подвыборка 15–35 лет включает 263 654 респондента. Используются сравнение средних и логистическая регрессия для четырех форм активности: сбор средств, благоустройство территорий, помощь животным и социальные работы.

Данные показывают, что молодежное волонтерство в России не является массовой формой повседневной активности. В 2024 году в него были вовлечены около 1,53 млн человек, или 4,3% от общей численности молодежи. Для большинства участников характерно эпизодическое участие: 60% привлекаются к добровольческой деятельности лишь несколько раз в год или от случая к случаю. Еще одна принципиальная особенность состоит в преобладании неформальных практик: 73% молодых добровольцев действуют вне устойчивых организационных структур. Это означает, что волонтерство для значительной части молодежи выступает не как стабильная институционализированная деятельность, а как дополнительная и ситуативная форма включенности в общественную жизнь.

Возрастная динамика нелинейна. По абсолютной численности выделяются когорты 15–19 и 30–35 лет, но по удельному весу волонтерство более характерно для младших групп. При взрослении меняется функция участия: на ранних этапах оно чаще встроено в образовательные и организационные форматы, позднее – в самостоятельные инициативы и поддержание социального капитала. Наибольшая средняя интенсивность наблюдается в группе 20–24 лет, то есть в период профессионального самоопределения; в старших возрастах средние затраты времени снижаются, а разброс траекторий возрастает.

¹ Воспринимаемые эффекты и потенциал развития добровольчества в Российской Федерации // ВЦИОМ. URL: <https://edu.dobro.ru/upload/iblock/aa7/zk7gjcwd34aohsnyiky21dbbk8kyueya.pdf> (дата обращения: 21.03.2026).

² Микроданные выборочного обследования рабочей силы // Росстат. 2024. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 22.03.2026).

Связь волонтерства с экономической активностью также неоднозначна (рис. 1).

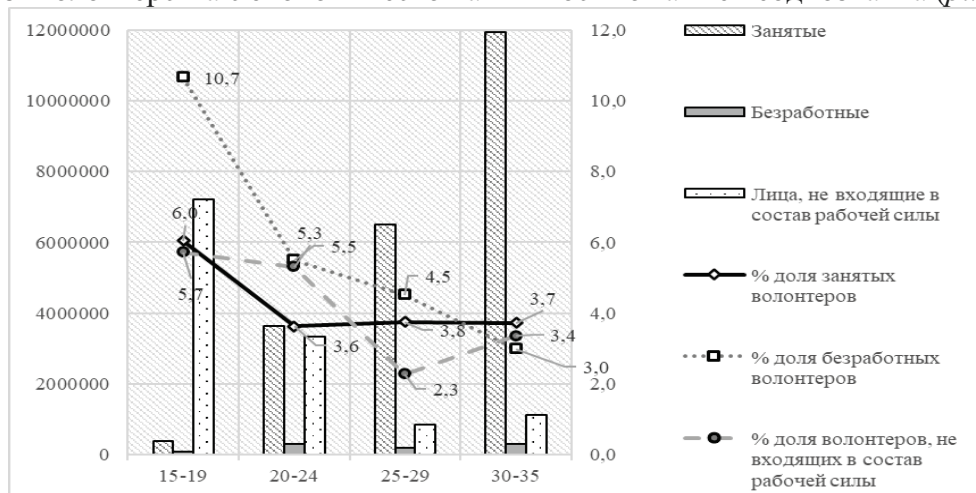

Рис. 1. Распределение молодежи по статусу на рынке труда и доля волонтеров по возрастным группам, %

Источник: составлено автором.

Наемные работники составляют около 55% молодых волонтеров, но внутри категории интенсивность участия невысока – примерно 3,7%. У самозанятых она достигает 14,2%, что указывает на роль гибкого режима занятости. В то же время экономический статус объясняет лишь небольшую часть различий в длительности добровольческой активности – свободное время само по себе не превращается в устойчивое участие.

Разные формы добровольческой активности тяготеют к разным социальным профилям. Сбор средств на благотворительность чаще связан с городской средой, мужской моделью участия, более старшими молодежными возрастными группами и гибкими режимами занятости, включая удаленную, дополнительную и неформальную работу. Вероятность включенности в фандрайзинг выше и у молодых людей с более высоким уровнем образования, что позволяет трактовать этот тип волонтерства как практику, опирающуюся на развитые коммуникативные сети, цифровые ресурсы и организационные компетенции.

Благоустройство территорий, напротив, теснее связано с сельской средой и локальными горизонтальными связями. В такие практики чаще вовлечены женщины, состоящие в браке респонденты, а также молодежь со средним и средним профессиональным образованием. Положительную роль здесь играют удаленная и неформальная занятость, тогда как дополнительная оплачиваемая работа ограничивает участие. Это указывает на более встроенный характер территориального волонтерства в повседневную жизнь местных сообществ.

Помощь животным и социальные работы также демонстрируют собственную логику вовлеченности. Помощь животным чаще характерна для сельской молодежи и женщин; социальные работы – для молодых людей, не состоящих в браке, проживающих в сельской местности, при заметной роли среднего профессионального образования. При этом удаленная занятость, дополнительная работа и рост общей трудовой нагрузки уменьшают вероятность включенности в социальное волонтерство. Даже внутри молодежного добровольчества мы видим не единый механизм, а набор разных форм гражданского участия, по-разному связанных с образом жизни, типом поселения и трудовым режимом.

Полученные результаты позволяют уточнить вопрос о связи волонтерства с человеческим капиталом. С одной стороны, добровольческая деятельность действительно остается пространством социализации, освоения коммуникативных навыков, накопления организационного опыта и расширения социальных связей. Для молодежи на этапе перехода к взрослой жизни это значимый ресурс. С другой стороны, эмпирические данные не подтверждают представление о прямой и сильной связи между участием в волонтерстве и успешностью на рынке труда. Добровольческий опыт не конвертируется автоматически в трудовые преимущества и не может рассматриваться как универсальный инструмент карьерного продвижения.

Для части молодых людей волонтерство включено в стратегии самопрезентации и накопления опыта, для другой – связано прежде всего с локальной солидарностью и реакцией на конкретные дефициты среды. Низкая объяснительная сила регрессионных моделей, особенно в случае социальных работ, показывает, что статистически наблюдаемые характеристики не исчерпывают причин участия.

Библиографический список

1. Bruno B., Fiorillo D. (2016). Voluntary work and wages. *Annals of Public and Cooperative Economics*, 87, 2, 175–202. DOI: 10.1111/apce.12090.
2. Wilson J., Mantovan N., Sauer R.M. (2020). The economic benefits of volunteering and social class. *Social Science Research*, 85, 102368. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2019.102368.

Информация об авторе

Дарья Юрьевна Агафонова – старший преподаватель, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: d.y.agafonova@utmn.ru)

Agafonova D.Yu.

VOLUNTEER ACTIVITY OF RUSSIAN YOUTH IN THE EMPLOYMENT STRUCTURE: FORMS OF PARTICIPATION AND SOCIO-ECONOMIC DETERMINANTS

Abstract. *The article analyzes volunteer activity among Russian youth as a form of employment based on microdata from Rosstat's Labour Force Survey (2024). The findings show that young people's participation in volunteering is shaped by age, gender, type of settlement, level of education, and employment characteristics, while irregular and informal forms of participation prevail. The results do not confirm a direct relationship between youth volunteering and the accumulation of human capital.*

Keywords: *volunteering, employment, youth, capital, resources.*

About the author

Daria Y. Agafonova – Senior Lecturer, Tyumen State University (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: d.y.agafonova@utmn.ru)

References

1. Bruno B., Fiorillo D. (2016). Voluntary work and wages. *Annals of Public and Cooperative Economics*, 87, 2, 175–202. DOI: 10.1111/apce.12090.
2. Wilson J., Mantovan N., Sauer R.M. (2020). The economic benefits of volunteering and social class. *Social Science Research*, 85, 102368. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2019.102368.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В ПОЛЕ РЕГИОНАЛЬНОГО КИНОПРОИЗВОДСТВА: ОТ НЕФОРМАЛЬНЫХ СЕТЕЙ К ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

Аннотация. *Исследуется региональное кинопроизводство Российской Федерации в условиях дефицита институтов. На базе десяти интервью демонстрируется: ресурсом выживания акторов служит социальный капитал. Эволюция поля требует конвертации неформальных сетей в устойчивые институты на местах.*

Ключевые слова: *региональный кинематограф, социальный капитал, институционализация, институциональный изоморфизм, сильные и слабые связи.*

Введение

Региональный кинематограф в России функционирует в условиях структурного дефицита формальных институтов (рынка труда, финансирования, дистрибуции), компенсируя его мобилизацией социального капитала через неформальные сети. Именно поэтому изучение взаимодействия внутри сетей позволяет лучше понять феномен регионального кино как устойчивое социальное поле, способное к самовоспроизводству вопреки экономическим ограничениям. Современные отечественные исследователи также отмечают, что региональное кино во многом держится на активной позиции самих режиссеров, привлечении местных жителей в качестве актеров и финансировании из собственных средств или через помощь друзей (как, например, в Бурятии или Калужской области) (Левченко, Роговая, 2023; Левченко, 2023).

В качестве ключевой исследовательской проблемы данного исследования поднимается вопрос, за счет каких механизмов обеспечивается воспроизводство социального поля регионального кинопроизводства. В частности, как в условиях институционального дефицита организуются процессы кооперации, распределения ролей, привлечения ресурсов и легитимации проектов.

Социальное поле регионального кинопроизводства понимается как пространство позиций и отношений, структурированное распределением различных форм капитала (Бурдье, 2004). Позиции агентов в поле определяются объемом и структурой доступных им ресурсов, а также их включенностью в сети взаимодействий, обеспечивающие доступ к этим ресурсам. В условиях слабой институционализации особое значение приобретает именно социальный капитал, рассматриваемый нами не как абстрактный ресурс, а как конкретная конфигурация «сильных» (доверие и вовлеченность) и «слабых» (новые ресурсы и возможности) связей (Грановеттер, 2009). Это различие позволяет уточнить характер социальных связей в региональном кинематографе и их влияние на организацию производства.

Анализируя социальное поле регионального кинопроизводства, мы рассматриваем его в том числе как систему, структурированную не только ресурсами, но и нормами, правилами и механизмами легитимации. Опираясь на неоинституциональный подход, мы рассматриваем федеральный центр (Москва и шире – российская киноиндустрия) как источник институционального давления, задающий правила, стандарты и механизмы легитимации (ДиМаджио, Пауэлл, 2010). Влияние федерального центра может приводить к процессам институционального изоморфизма, вынуждая региональных акторов искать стратегии адаптации к доминирующим моделям, или же, наоборот, выстраивать стратегии автономного существования.

Сочетание данных подходов позволяет рассматривать региональный кинематограф как поле, в котором социальный капитал выстраивается через конкретные сети взаимодействий и одновременно формируется под воздействием институциональных норм и ожиданий. Такой теоретический синтез дает возможность анализировать не только распределение ресурсов, но и процессы их мобилизации, легитимации и трансформации в условиях неравномерного институционального развития.

Методология исследования

Выбор качественной методологии исследования строго детерминирован заявленной теоретической рамкой: необходимость изучения неформальных сетей и латентных процессов конвертации капиталов требует фокусировки на субъективном опыте, стратегиях и повседневных практиках самих агентов поля.

Эмпирическую базу качественного исследования составили 10 глубинных полуструктурированных интервью с двумя целевыми группами кинематографистов: локальными акторами из региональных центров (Самара, Казань, Уфа, Якутск и др.) и агентами, мигрировавшими в федеральный центр (Москву). Бинарный дизайн выборки позволил операционализировать заявленную теоретическую рамку. Нарративы первой группы выявили микропрактики мобилизации локальных «сильных связей» и специфику регионального габитуса. Опыт второй группы зафиксировал траектории трансформации капиталов при переходе в индустриальные сети и стратегии адаптации к столичному изоморфизму. Комплексный анализ этих нарративов связывает макросоциологические ограничения периферии с субъективными тактиками выживания ее агентов.

«Семейный» капитал и размытость ролей как эффект слабой институционализации. В условиях институционального дефицита и отсутствия развитого рынка труда воспроизводство регионального кино обеспечивается за счет мобилизации неформального социального капитала, что неизбежно ведет к размытости профессиональных ролей.

Информанты описывают локальные производственные сети через метафоры «семьи» и «человеческих отношений», подчеркивая эмоциональную вовлеченность и их компенсаторную функцию: «Как будто бы в больших корпорациях, все равно, даже в команде, ты можешь себя чувствовать одиноким человеком, ну, вот, а здесь...ты все равно чувствуешь, что сейчас за тобой стоят люди, которые придут и поддержат тебя, когда ты решишься снимать этот проект» (Тимур, Уфа).

Этот же ресурс позволяет рекрутировать кадры из смежных сфер: «Ты зовешь там какого-нибудь чувака, который, не знаю, у него классный бизнес по одежде. Ты его зовешь художником по костюмам. А этот парень рукастый – ты его зовешь художником-постановщиком в команду... ты не выбираешь, с кем из них работать. Ты просто говоришь, я буду работать с ним, а потом вместе с ним получаешь этот опыт» (Максим, Тюмень, переехал в Москву).

В терминах сетевого подхода на старте проектов доминируют плотные кластеры «сильных связей» (доверие, взаимовыручка), однако острая нехватка узких специалистов успешно компенсируется активацией «слабых связей», когда в поле вовлекаются непрофессионалы. Позиции агентов в таком социальном пространстве определяются ситуативно, исходя из объема доступного доверия, а не формальной квалификацией. Это подтверждают и слова информанта Ильи из Нижнего Новгорода: «в регионе можно пробовать себя в разных профессиях, разных качествах, брать целиком на себя какие-то творческие задачи» (Илья, Нижний Новгород). Подобная неформальная координация гарантирует отрасли высокую гибкость и выживаемость на ранних этапах, однако закладывает структурные противоречия для ее дальнейшей профессионализации. Такой подход запускает особые механизмы «входа» и функционирования внутри поля регионального кинематографа. Через сильные и слабые связи активизируется неформальный отбор в региональную киноиндустрию. Навыки и опыт как культурный капитал в воплощенном состоянии формируются через обучение в процессе деятельности.

Специфический «региональный габитус» кинематографистов характеризуется вынужденной многофункциональностью и необходимостью постоянной конвертации личных связей в экономические ресурсы, что ведет к истощению самих акторов. Ввиду отсутствия прозрачных механизмов финансирования агентам приходится добывать бюджеты через личные знакомства, минуя формальные институты. Так, информант Алексей из Самары критикует непоследовательную грантовую систему и указывает на дисфункцию Союза кинематографистов, который выступает неэффективным посредником в этом процессе обмена. Подобная деинституционализированная среда и совмещение множества ролей на площадке требуют от участников регулярных трудовых «подвигов».

Процесс трансформации социального капитала в экономический (финансирование) и символический (признание) капиталы в условиях периферии сопровождается колоссальными транзакционными издержками на поддержание неформальных сетей. Исчерпание ресурса «семейного» капитала ограничивает масштабирование производства и неизбежно ведет к эмоциональному выгоранию, заставляя наиболее активных субъектов искать выход за пределами регионального поля.

Москва как источник институционального давления и «магнит». Взаимодействие региональных сетей с федеральным центром (Москвой) носит глубоко амбивалентный характер: выступая главным источником ресурсов и профессиональных сетей, центр одновременно оказывает мощное институциональное давление на локальную автономию.

С одной стороны, информанты признают безальтернативность столицы: «Как будто в региональном кино либо невозможно существовать, либо очень трудно, без связки с Москвой и специалистами федерального кино» (Ильдар, Казань). В этой цитате информанта «связка» значит не просто выстраивание сетей связей с акторами федерального поля, но и доступ к ресурсам: материальным, техническим, дистрибуционным, маркетинговым. С другой стороны, интеграция чревата диктатом индустриальных стандартов: «Продюсеры часто “забывают” локальные истории ради абстрактного коммерческого успеха» (Никита, Москва).

Кроме того, актерам приходится мобилизовать внешние связи для преодоления имплицитной «стигмы любительства». По признанию информанта, специализирующегося на прокате, с этим сталкиваются проекты даже внутри того региона, в котором произведены. Данная стигма преодолевается также с помощью накопленного социального капитала, начиная от личного авторитета (поиск контактов и общение) и заканчивая кинокритикой: «Про этот феномен много чего уже написано, сказано, книги вон выходят» (Анна, Казань). Таким образом, социальный капитал стремится включить в свои сети критиков, фестивальных отборщиков, экспертов, т. е. требует формирования специфических социальных связей в борьбе за легитимность и институциональное присутствие. Федеральный центр обладает максимальной концентрацией экономического и символического капитала, занимая доминирующую позицию в поле. Давление столицы вынуждает регионы к институциональному изоморфизму – принудительной адаптации к индустриальным моделям ради получения легитимации. Таким образом, попытка преодолеть ресурсный голод через вертикальные иерархические связи таит в себе прямую угрозу стандартизации культурного продукта и утраты уникальной региональной идентичности.

Структурные ограничения поля и институциональное давление центра порождают три макростратегии выживания: миграцию, кооперацию и автономию.

Первая стратегия превращает регионы в инфраструктурных доноров: «Молодые люди, которых в принципе ничего не держит, они, конечно, уезжают в Москву, и в том числе, наши студенты» (Алексей, Самара). Этот выбор мотивирован желанием «просто работать в кино», а не «убиваться и уговаривать людей». Вторая стратегия представляет собой попытку компромиссного разделения функций: «Москва обеспечивает финансирование и прокат, тогда как региональное кино предстает носителем аутентичности и глубины смыслов» (Ильдар, Казань).

Третья стратегия (автономия) – репрезентирована феноменом якутского кино. Начавшись как «баловство» в кругу друзей-энтузиастов (Владимир, Якутия), локальное производство со временем заручилось масштабной господдержкой (студия «Сахафильм»), частными инвестициями (фонд «Синет») и экономически конвертируемым внутренним зрительским спросом. В оптике П. Бурдые и М. Грановеттера этот кейс демонстрирует успешную конвертацию локального социального капитала в символическое признание и экономические ресурсы через переход от замкнутых «сильных связей» к институционализированной сети «слабых связей» с государством и инвесторами.

В теории данные стратегии отражают спектр адаптаций к институциональному дефициту: миграция выступает радикальным переходом к столичным «слабым связям» ради снижения транзакционных издержек; кооперация объединяет столичный «индустриальный мир» с региональным «миром вдохновения», а локальная автономия обеспечивает внутреннюю легитимацию, институционализируя «семейный» капитал на местах (Болтански, Тевено, 2013).

Наличие вариативных стратегий доказывает, что региональные агенты не являются пассивными жертвами принудительного институционального изоморфизма. Они способны действовать рационально: адаптироваться к правилам доминирующего центра через миграцию, выстраивать с ним взаимовыгодный обмен ресурсами или формировать собственную жизнеспособную креативную экономику без потери творческой независимости.

Заключение

Региональный кинематограф представляет собой динамичное социальное поле, выживание которого в условиях институционального дефицита зависит от успешной мобилизации и конвертации социального капитала. Доминирующий на старте «семейный» капитал компенсирует нехватку ресурсов, но ведет к профессиональному выгоранию. Дальнейшая эволюция поля требует обязательного перехода от замкнутых «сильных» связей к интегрирующим «слабым» посредством трех макростратегий: миграции в Москву, компромиссной кооперации или построения автономной индустрии. Столичный центр при этом носит амбивалентный характер, выступая источником легитимации и одновременно механизмом принудительного институционального изоморфизма. Жизнеспособность локальных креативных индустрий детерминирована способностью акторов трансформировать неформальные сети в устойчивые автономные институты на местах. Это позволяет снижать транзакционные издержки и сохранять творческую независимость от давления центра.

Библиографический список

1. Аргылов Н.А., Охлопкова У.В. (2022). Факторы формирования и развития регионального кино в России: якутский феномен // Меди@льманах. № 6 (113). С.107–117.
2. Болтански Л., Тевено Л. (2013). Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов. Москва: Новое литературное обозрение. 576 с.
3. Бурдые П. (1993). Социология политики. Москва. 336 с.
4. Бурдые П. (2004). Формы капитала. Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. Москва.
5. Грановеттер М. (2009). Сила слабых связей // Экономическая социология. Т. 10. № 4. С. 31–50.
6. ДиМаджио П.Д., Пауэлл У.В. (2010). Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология. Т. 11. № 1. С. 35–56.
7. Левченко Н.В. (2023). Кинематограф в регионах РФ: советские киностудии и современное состояние // Социология. № 5. С. 183–194.
8. Левченко Н.В., Роговая А.В. (2023). Региональное кино: социальная реальность или миф? // Мониторинг правоприменения. № 4 (49). С. 81–90. EDN: SIEMIG.

Информация об авторе

Дмитрий Сергеевич Горохов – аспирант, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (Российская Федерация, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34; e-mail: gorokhovdms@gmail.com)

Gorokhov D.S.

SOCIAL CAPITAL IN THE FIELD OF REGIONAL FILM PRODUCTION: FROM INFORMAL NETWORKS TO INSTITUTIONALIZATION

Abstract. *The study examines Russian regional cinema under an institutional deficit (Bourdieu, Granovetter). Based on 10 interviews, it demonstrates: social capital serves as a survival resource. The field's evolution requires converting informal networks into sustainable local institutions.*

Keywords: *regional cinema, social capital, institutionalization, institutional isomorphism, strong and weak ties.*

About the author

Dmitriy S. Gorokhov – graduate student, Samara National Research University. (34, Moskovskoye Schosse, Samara, 443086, Russian Federation; e-mail: gorokhovdms@gmail.com)

References

1. Argylov N.A., Okhlopkova U.V. (2022). Factors of formation and development of regional cinema in Russia: the Yakut phenomenon. *Media@lmanakh*, 6(113), 107–117.
2. Boltanski L., Thévenot L. (2013). *On Justification: Economies of Worth*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie.
3. Bourdieu P. (1993) *Sociology of Politics*. Moscow.
4. Bourdieu P. (2004). *The Forms of Capital*. *Western Economic Sociology: A Chrestomathy of Modern Classics*. Moscow.
5. DiMaggio P.J., Powell W.W. (2010). The iron cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields. *Economic Sociology*, 11, 1, 35–56.
6. Granovetter M. (2009). The strength of weak ties. *Economic Sociology*, 10, 4, 31–50.
7. Levchenko N.V. (2023). Cinematography in the regions of the Russian Federation: Soviet film studios and the current state. *Sociology*, 5, 183–194.
8. Levchenko N.V., Rogovaia A.V. (2023). Regional cinema: social reality or myth? *Monitoring of Law Enforcement*, 4(49), 81–90. EDN: SIEMIG.

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ДОСУГОВЫЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ В КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЯХ

Аннотация. В статье рассматриваются интерактивные досуговые практики молодежи как форма вовлекающего культурного опыта, формирующаяся в условиях цифровизации и трансформации культурной среды. Показано, что распространение данных практик определяется сочетанием индивидуальных потребностей с институциональными условиями развития креативных индустрий.

Ключевые слова: молодежь, досуг, интерактивные практики, креативные индустрии, геймификация, социальное взаимодействие.

В условиях трансформации культурной среды и цифровизации повседневности происходит изменение характера досуговых практик молодежи. Современный досуг все в большей степени ориентирован на вовлеченность и активное участие, что выражается в распространении интерактивных форм: квестов, иммерсивных шоу, ролевых перформансов и интеллектуальных игр. Подобные практики предполагают не пассивное потребление, а включенность в процесс создания культурного опыта.

Цель исследования заключается в выявлении и теоретическом обосновании мотивационных и институциональных факторов формирования интерактивных досуговых практик молодежи. Значимость исследования определяется необходимостью анализа интерактивных форм досуга как механизмов воспроизводства социальных связей и формирования новых моделей культурного поведения. Актуальность исследования обусловлена одновременным усилением интереса молодежи к вовлекающим форматам досуга и институционализацией креативных индустрий¹.

В современных исследованиях креативные индустрии рассматриваются как сектор экономики, основанный на производстве культурного и символического продукта, где ключевую роль играют творчество, интеллектуальная собственность и пользовательский опыт (Бокова, 2014). В этом контексте интерактивные досуговые практики могут быть интерпретированы как часть индустрии развлечений, поскольку их результатом является организованный опыт социального взаимодействия и эмоционального вовлечения. В связи с этим важное значение приобретает как анализ самих форм досуга, так и факторов, определяющих их распространение и развитие.

Проблема исследования заключается в недостаточной разработанности теоретических моделей, объясняющих, каким образом сочетаются индивидуальные мотивации участия в интерактивных практиках и институциональные условия их распространения.

Для решения поставленной проблемы сформулированы и решены следующие задачи исследования:

1. Проанализировать теоретические подходы к изучению досуга и вовлекающих практик.
2. Выявить и систематизировать мотивационные факторы участия молодежи.
3. Типологизировать институциональные условия формирования интерактивных практик.
4. Разработать аналитическую модель их взаимосвязи.

Методологическая основа исследования включает интеграцию социологических теорий досуга, неоинституционального подхода и теорий мотивации, что позволяет рассматривать интерактивные практики как результат взаимодействия субъективных установок и структурных условий.

¹ О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации: Федеральный закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ \\\ Сайт администрации президента. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50912> (дата обращения: 03.03.2026).

Обзор литературы показывает, что современные исследования фиксируют переход от пассивных форм досуга к вовлекающим, основанным на участии и геймификации (Краснова, 2024). Отмечается, что досуг становится пространством формирования социальных связей и идентичности (Римская и др., 2025). В работах, посвященных креативным индустриям, подчеркивается рост значения нематериального культурного производства и событийных форм потребления (Жупарова, Исмаил, 2021; Панасенко и др., 2025). Вместе с тем взаимосвязь мотивационных и институциональных факторов в рамках единой аналитической модели остается недостаточно разработанной.

Научная новизна исследования заключается в интерпретации интерактивных досуговых практик как сегмента креативных индустрий, в котором производство ценности осуществляется через управляемое социальное взаимодействие.

Предлагается аналитическая модель, включающая два уровня: индивидуальный (мотивации участия: коммуникация, эмоциональный опыт, самовыражение) и структурный (институциональные условия: инфраструктура, культурные нормы, доступность).

Мотивационные факторы формируют спрос на интерактивные практики, тогда как институциональные условия определяют возможности их реализации и масштабирования (Ильиных 2016; Иванова и др., 2017). Таким образом, интерактивные формы досуга выступают не только разновидностью развлекательной активности, но и институционально оформленным элементом современной культурной среды, встроенным в логику креативной экономики.

Выводы:

1. Интерактивные досуговые практики отражают переход к вовлекающим формам потребления культурного продукта.

2. Их развитие определяется взаимодействием мотивационных и институциональных факторов.

3. Интерактивные формы досуга интегрированы в сектор креативных индустрий как формы производства нематериального культурного опыта.

4. Ключевыми драйверами выступают потребности в коммуникации, эмоциональной вовлеченности и коллективном участии.

Библиографический список

1. Бокова А.В. (2014). Креативные индустрии: административный и научный подходы к определению понятия // Вестник Томского гос. ун-та. № 389. С. 98–101.
2. Жупарова А.С., Исмаил Г.Ж. (2021). Экономика креативных индустрий: сущность и основные характеристики // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. № 3. С. 36–45.
3. Иванов С.Ю., Иванова Д.В., Галкин А.Н. (2017). Ценностные ориентации и досуговые предпочтения студенческой молодежи // Социально-гуманитарные знания. № 3. С. 1–16.
4. Ильиных С.А. (2016). Стиль потребления: исследование досуговых практик россиян // Теория и практика общественного развития. № 3. С. 1–4.
5. Краснова Т.И. (2024). Геймификация как катализатор вовлеченности студентов // Мир науки, культуры, образования. № 1 (104). С. 158–160.
6. Панасенко С.В., Христофорова И.В., Сурай Н.М. (2025). Современные проблемы и перспективы развития креативных индустрий в России // Экономика. Профессия. Бизнес. № 2. С. 95–102.
7. Римская О.Н., Енина С.А., Посохова Н.В. (2025). Концептуализация досуга: философские основания свободного времени и его роль в формировании культурной идентичности // НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право. № 4. С. 942–950.

Информация об авторе

Виктор Сергеевич Горбунов – магистрант, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: stud0000260507@study.utmn.ru)

INTERACTIVE LEISURE PRACTICES OF YOUTH IN CREATIVE INDUSTRIES

Abstract. *The article examines interactive leisure practices of young people as a form of engaging cultural experience emerging in the context of digitalization and transformation of the cultural environment. It is shown that the spread of these practices is determined by a combination of individual needs with institutional conditions for the development of creative industries.*

Keywords: *youth, leisure, interactive practices, creative industries, gamification, social interaction.*

About the author

Viktor S. Gorbunov – Master Degree student, Tyumen State University (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: stud0000260507@study.utmn.ru)

References

1. Bokova A.V. (2014). Creative industries: administrative and scientific approaches to defining the concept. *Bulletin of Tomsk State University*, 389, 98–101.
2. Zhuparova A.S., Ismail G.Zh. (2021). Economy of creative industries: essence and main characteristics. *Models, Systems, and Networks in Economy, Technology, Nature, and Society*, 3, 36–45.
3. Ivanov S.Yu., Ivanova D.V., Galkin A.N. (2017). Value orientations and leisure preferences of student youth. *Social and Humanitarian Knowledge*, 3, 1–16.
4. Ilyinykh S.A. (2016). Consumption style: a study of leisure practices of Russians. *Theory and Practice of Social Development*, 3, 1–4.
5. Krasnova T.I. (2024). Gamification as a catalyst for student engagement. *The World of Science, Culture, and Education*, 1 (104), 158–160.
6. Panasenkov S.V., Khristoforova I.V., Surai N.M. (2025). Current problems and prospects for the development of creative industries in Russia. *Economy. Profession. Business*, 2, 95–102.
7. Rimskaya O.N., Enina S.A., Posokhova N.V. (2025). Conceptualization of leisure: philosophical foundations of free time and its role in the formation of cultural identity. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 4, 942–950.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ: ПЕРЕХОД ОТ ТЕЛЕВИДЕНИЯ К СТРИМИНГОВЫМ ПЛАТФОРМАМ

Аннотация. В статье рассматривается трансформация медиапотребления в условиях перехода от телевидения к стриминговым платформам. Анализируются теоретические подходы и результаты фокус-группы студентов, выявляющие особенности восприятия и практик медиадосуга.

Ключевые слова: медиапотребление, стриминговые платформы, телевидение, студенты, цифровая культура.

Трансформация медиапотребления является важной характеристикой современного информационного общества. В последние десятилетия наблюдается устойчивый переход аудитории от традиционного телевидения к цифровым стриминговым платформам. Распространение интернета, развитие мобильных устройств и изменение повседневных практик досуга существенно изменили способы потребления медиаконтента. Телевидение, которое долгое время занимало центральное место в структуре медиапотребления, постепенно уступает место онлайн-сервисам. Данная трансформация связана не только с технологическими изменениями, но и с изменением социальных практик восприятия информации и развлечений.

Целью данной статьи является анализ трансформации медиапотребления в условиях распространения стриминговых платформ и выявление особенностей восприятия медиаконтента молодежной аудиторией. Для достижения цели использованы теоретический анализ социологических концепций коммуникации и восприятия, а также качественный метод фокус-группы. Фокус-группа была проведена среди студентов третьего курса направления «Социология» Тюменского государственного университета. Метод позволил выявить особенности повседневных практик просмотра медиаконтента и отношение студентов к различным медиаплатформам.

Теоретическое осмысление трансформации медиапотребления опирается на ряд социологических концепций, которые рассматривают процессы коммуникации и восприятия социальной реальности. Важное значение имеет теория коммуникативного действия Юргена Хабермаса. Социолог рассматривает коммуникацию как основу формирования общественного мнения и социального взаимодействия. По мнению Хабермаса, медиа играют значимую роль в формировании публичной сферы и в распространении смыслов в обществе (Хабермас, 2016). Традиционное телевидение долгое время выступало важным элементом публичной коммуникации. Оно формировало общую информационную повестку и создавало единое пространство обсуждения. Однако развитие цифровых платформ изменило структуру медиакommunikation. Аудитория получила возможность самостоятельно выбирать контент и время его просмотра. В результате коммуникация стала более фрагментированной.

Для понимания того, как люди воспринимают медиаконтент, важна феноменологическая социология. Альфред Шюц изучал повседневную реальность, которую он называл жизненным миром. Этот мир воспринимается человеком как самоочевидный и привычный (Шюц, 2004). Медиа являются частью этого повседневного опыта. Практики просмотра фильмов, сериалов или телевизионных передач включены в рутину повседневной жизни. С развитием стриминговых сервисов изменился характер этой рутины. Просмотр контента стал более индивидуализированным и гибким. Человек самостоятельно конструирует свой медиадосуг и выбирает удобное время для просмотра.

Важную роль в анализе восприятия медиа играет конструктивистский подход. Согласно этой позиции, социальная реальность не является простым отражением объективного мира. Она формируется в процессе социального взаимодействия и закрепляется в языке и культуре. Питер Бергер и Томас Лукман отмечали, что повседневная реальность создается и поддерживается социальными практиками и коммуникацией (Бергер, Лукман, 1995). Медиа являются одним из ключевых механизмов такого конструирования. Через медиаконтент распространяются культурные нормы, ценности и интерпретации событий. Переход к стриминговым платформам изменяет способы такого конструирования. Пользователь получает возможность выбирать источники информации и формировать индивидуальную медиасреду.

Дополнительное объяснение различий в медиапотреблении дает теория Пьера Бурдьё. Габитус представляет собой систему устойчивых установок и привычек, которые формируются в процессе социального опыта (Бурдьё, 2001). Он определяет вкусы человека и его культурные предпочтения. Практики потребления медиаконтента также связаны с габитусом. Выбор фильмов, сериалов и платформ зависит от культурного капитала и социальных условий жизни. Например, молодежь, которая выросла в цифровой среде, чаще ориентируется на онлайн-платформы. Для старших поколений более привычным остается телевидение. Таким образом, изменение медиапотребления связано не только с технологиями, но и с социальными структурами.

Согласно данным отраслевых исследований, в последние годы наблюдаются заметные изменения в структуре медиапотребления и формах досуга аудитории. В частности, фиксируется устойчивое снижение интереса к посещению кинотеатров: по итогам 2025 года общее число зрителей составило около 108 млн человек, что значительно ниже показателей предыдущих лет и почти вдвое уступает уровню пятилетней давности¹. Одним из факторов данной динамики является рост стоимости билетов, средняя цена которых достигла примерно 425 рублей, что снижает доступность кинотеатров для части аудитории и делает такой формат досуга менее регулярным. На этом фоне особенно заметен рост популярности цифровых сервисов: рынок онлайн-кинотеатров демонстрирует существенное расширение, увеличившись почти на 40% за тот же период². Это свидетельствует о постепенном смещении интереса пользователей в сторону более доступных и гибких форм просмотра медиаконтента, позволяющих выбирать удобное время и формат потребления. Подобные тенденции, зафиксированные на уровне индустрии, подтверждают значимость изучения повседневных медиапрактик аудитории и обосновывают обращение к качественным методам исследования, в частности к проведению фокус-группы.

Эмпирическая часть исследования была основана на проведении фокус-группы среди студентов третьего курса направления «Социология» Тюменского государственного университета. В ходе обсуждения участники рассказывали о своих практиках просмотра телевизионного и онлайн-контента. Результаты показали, что телевидение практически не занимает значимого места в медиапотреблении студентов. Большинство участников отметили, что они почти не смотрят телевизор. В тех случаях, когда просмотр все же происходит, это связано с семейной ситуацией. Студенты объясняли, что телевизор обычно смотрят их родители. В результате они могут присоединиться к просмотру, находясь дома.

При этом участники отмечали, что если они все же смотрят телевизионные передачи, то чаще всего это развлекательные программы. Наиболее часто упоминалась программа «Битва экстрасенсов». Однако такой просмотр не является регулярной практикой. Он возникает ситуативно и связан с совместным просмотром в семье.

Основной медиапрактикой студентов является использование онлайн-платформ. Среди наиболее популярных сервисов участники называли YouTube, Кинопоиск и Zona. Другие платформы также используются, однако значительно реже. Студенты отмечали, что стриминговые сервисы дают больше возможностей выбора. Пользователь может самостоятельно решить, что и когда смотреть. Это делает просмотр более удобным по сравнению с телевизионным расписанием.

При этом в группе были участники, которые выражали недоверие к некоторым онлайн-платформам. Они объясняли это низким качеством озвучки и сомнениями в надежности сервисов. Такие студенты предпочитали использовать ограниченное количество проверенных платформ.

¹ В кинотеатрах становится пусто // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8251865> (дата обращения: 19.03.2026)

² Аудитория российских онлайн-кинотеатров выросла на треть // РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/03/02/2026/6980be909a7947a158af4bf7 (дата обращения: 19.03.2026)

Интересно, что участники обсуждения отмечали и положительные стороны телевидения. В первую очередь они говорили о совместном семейном просмотре. Этот опыт воспринимается как важный семейный ритуал. Совместный просмотр создает атмосферу общения и приносит положительные эмоции. Таким образом, телевидение сохраняет символическое значение как форма коллективного досуга.

Одной из причин популярности онлайн-платформ участники называли экономические факторы. По их мнению, просмотр фильмов дома является более доступным по сравнению с посещением кинотеатров. Один из участников отметил: «Чтобы сходить в кино, нужно отдать с человека по 800 рублей. Зачем это делать, если можно купить расширенную подписку с Яндекс Плюс с Амедиатекой за эти же деньги и месяц смотреть что угодно». Эта позиция отражает рациональный подход к выбору форм досуга.

При этом студенты отмечали, что им нравится ходить в кино. Они воспринимают поход в кинотеатр как социальное событие. Важную роль играет возможность провести время с друзьями. Однако рост цен на билеты делает такие походы менее регулярными. Многие участники отмечали, что вместо кинотеатра они собираются дома и смотрят фильмы или сериалы на онлайн-платформах.

Особое место в медиапотреблении студентов занимают сериалы. Участники объясняли свою заинтересованность тем, что сериал позволяет длительное время следить за развитием истории и переживать вместе с героями. По их словам, длительный сюжет создает эффект проживания определенного периода вместе с персонажами.

Однако участники отмечали и отрицательные стороны сериального формата. Многие говорили о раздражении, которое вызывает необходимость ждать новую серию. Некоторые участники признавались, что предпочитают не начинать просмотр до выхода всего сезона. После выхода всех серий они смотрят их подряд. Такая практика получила название биндж-вотчинг. Отвечая на вопрос о времени, которое они тратят на просмотр медиаконтента, участники оценивали его примерно в четыре серии сериала в день. Это свидетельствует о высокой роли онлайн-контента в структуре повседневного досуга студентов.

Результаты фокус-группы показывают заметное изменение медиапотребления молодежи. Телевидение постепенно утрачивает свою доминирующую роль. Основным источником медиаконтента становятся онлайн-платформы. При этом телевидение сохраняет значение как элемент семейных традиций и совместного досуга. Переход к стриминговым сервисам связан с удобством использования, экономическими факторами и возможностью индивидуального выбора контента. Рассмотренные теоретические подходы позволяют интерпретировать эти изменения как часть более широкой трансформации коммуникационных практик и способов восприятия социальной реальности.

Подводя итог, формулируем следующие выводы:

1. Телевидение практически утратило значимость в повседневном медиапотреблении студентов и используется преимущественно ситуативно, чаще всего в контексте совместного семейного просмотра.

2. Основной формой медиапотребления молодежи являются онлайн-платформы, которые ценятся за удобство, свободу выбора контента и времени просмотра.

3. Просмотр медиаконтента носит интенсивный и сериал-ориентированный характер: студенты регулярно смотрят сериалы, часто практикуют биндж-вотчинг и тратят значительное количество времени на онлайн-контент.

Библиографический список

1. Бергер П., Лукман Т. (1995). Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва: Медиум. 323 с.
2. Бурдые П. (2001). Практический смысл. Санкт-Петербург: Алетейя. 562 с.
3. Хабермас Ю. (2016). Структурное преобразование публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества. Москва: Весь Мир. 344 с.
4. Шюц А. (2004). Избранное. Мир, светящийся смыслом. Москва: Российская политическая энциклопедия. 1056 с.

Информация об авторах

Даурия Алексеевна Григорова – магистрант, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: dauriiia@mail.ru)

Александра Евгеньевна Шевцова – магистрант, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: alexendra.shevc@yandex.ru)

Grigorova D.A., Shevtsova A.E.

TRANSFORMATION OF MEDIA CONSUMPTION: THE SHIFT FROM TELEVISION TO STREAMING PLATFORMS

Abstract. *The article examines the transformation of media consumption in the context of the shift from television to streaming platforms. It analyzes theoretical approaches and focus group results revealing students' media perception and everyday viewing practices.*

Keywords: *media consumption, streaming platforms, television, students, digital culture.*

About the authors

Dauria A. Grigorova – Master Degree student, Tyumen State University (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: dauriiia@mail.ru)

Alexandra E. Shevtsova – Master Degree student, Tyumen State University (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: alexendra.shevc@yandex.ru)

References

1. Berger P., Lukman T. (1995). The Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge. Moscow: Medium.
2. Bourdieu P. (2001). Practical Sense. Saint Petersburg: Aleteia.
3. Habermas J. (2016). The Structural Transformation of the Public Sphere. Research on the Category of Bourgeois Society. Moscow: Ves' Mir.
4. Schutz A. (2004). Selected Works. The World Glowing with Meaning. Moscow: Russian Political Encyclopedia.

СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ ИЛИ РЕСУРСЫ? ПОТРЕБЛЕНИЕ ЦИФРОВОГО КОНТЕНТА НЕРАБОТАЮЩИМ И РАБОТАЮЩИМ НАСЕЛЕНИЕМ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Аннотация. *Проведен анализ различий включенности людей старшего возраста в потребление цифрового контента в соответствии с характером трудовой занятости. Показано, что работающие проявляют большую включенность, а неработающие затрачивают несколько больше финансовых ресурсов на потребление контента в сети.*

Ключевые слова: интернет, цифровые технологии, цифровизация, цифровые неравенства, цифровой контент, лица старшего возраста, работа, досуг.

Цифровые технологии проникли во все сферы жизни современного общества и затрагивают множество различных аспектов повседневности человека. Цифровизация обладает, с одной стороны, потенциалом инклюзии, с другой, может стать катализатором изоляции отдельных групп, что, в свою очередь, негативно сказывается на благополучии повседневной жизни, ограничивает доступ к социальным и экономическим ресурсам и препятствует полноценному участию в жизни современного цифрового общества.

Исследования цифрового неравенства демонстрируют, что проблема уже не сводится исключительно к различиям в доступе к инфраструктуре, ключевым становится вопрос не только о том, используют ли люди интернет, а о том, каким образом они его используют и какие преимущества это им дает. Кроме того исследования доказывают, что цифровые разрывы усугубляют социальные неравенства (Вершинская, 2011; Белопашенцева, 2022).

Безусловно, особую роль это играет для лиц старшего возраста, так называемых «цифровых мигрантов», которые, безусловно, наращивают свою цифровую включенность, но все еще уступают другим возрастным группам и представляют собой крайне неоднородную группу пользователей цифровых технологий, что обусловливается их различным опытом работы, навыками и мотивами использования цифровых технологий.

Цифровые неравенства детерминируются рядом факторов, и если такие из них, как тип поселения, возраст, уровень образования изучены достаточно для подтверждения многих гипотез, то в нашем исследовании обратимся к доходному фактору, рассмотрение которого ограничено. Влияние доходов домохозяйства на потребление цифрового контента, цифровых товаров и услуг является неоднозначным. Требования к цифровой инфраструктуре постоянно увеличиваются, она требует модернизации, цены на услуги связи также растут, в виду активного развития практик защиты авторского права многие культурные образцы могут быть потреблены только на платных условиях, что может стать значительной статьёй расходов (Груздева, 2024). В данном исследовании предпринимается попытка проверки влияния доходного фактора на цифровые разрывы через призму цифрового потребления, под которым мы понимаем потребление товаров, услуг, контента с использованием интернета и онлайн-форм. В данном исследовании предпринимается попытка рассмотрения особенностей использования цифрового контента людьми старшего возраста в зависимости от их трудовой занятости, т. к. ранее нами неоднократно было доказано, что именно занятость человека в старшем возрасте влияет на его более высокую цифровую включенность (публикации в печати). Предполагается, что различия между данными группами лиц старшего возраста связаны с изменениями стиля жизни, уровня материального и финансового обеспечения, что влияет на особенности потребления.

Понимание этих различий важно для дальнейшего развития цифровой инфраструктуры и расширения спектра электронных услуг, предназначенных для удовлетворения запросов широкой аудитории.

Целью исследования является анализ различий включенности людей старшего возраста в цифровое потребление контента в соответствии с наличием или отсутствием трудовой занятости. Нами сформулированы две противоположных гипотезы для проверки:

Н1. Работающее население старшего возраста, ввиду наличия больших финансовых возможностей, активнее включено в потребление цифрового контента.

Н2. Неработающее население старшего возраста, ввиду наличия больших временных ресурсов, активнее включено в потребление цифрового контента.

Эмпирической базой анализа стали данные социологического опроса «Цифровое благополучие населения», проведенного в Вологодской области в 2025 году (n = 1000 чел. старше 50 лет). Выборка репрезентативна по соотношению городского и сельского населения, типам населенных пунктов и половозрастной структуре взрослого населения региона, не превышает 3%.

Обратимся к результатам. Большая часть респондентов (74%) отметили, что пользуются интернетом. Среди тех, кто занят на рынке труда, такой показатель был выше и составил 92%. В свою очередь среди неработающего старшего населения почти половина не пользуется интернетом (рис. 1).

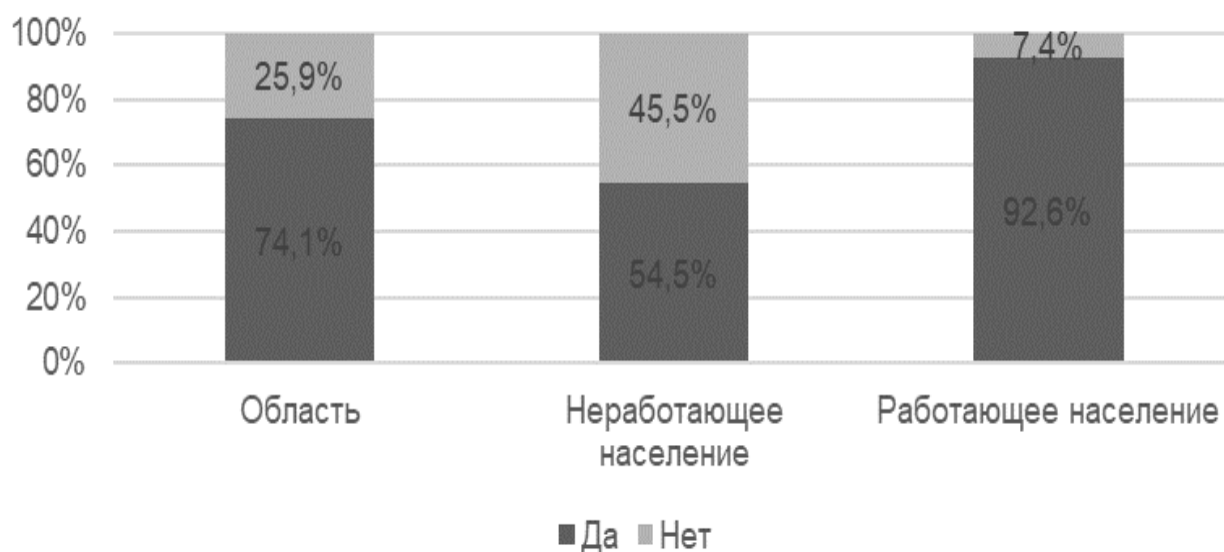

Рис. 1. Пользование интернетом респондентами, %

Источник: составлено автором по данным социологического опроса «Цифровое благополучие населения»; n = 1000.

Платный контент (платежи сверх абонентской платы за связь и интернет) с определенной долей периодичности приобретают в районе трети лиц старшего возраста (29%). Более 80% неработающих лиц старшего возраста не включены в потребление платного контента, среди работающих – 63% (рис. 2). Для данной категории населения это скорее не часть сформированной потребительской стратегии, большая часть совершала лишь разовые платежи (при возникновении необходимости) и наибольшие различия между рассматриваемыми группами именно в данном варианте потребления. В регулярное потребление платного контента включены только 14% неработающих и 37,6% занятых лиц старшего возраста.

Ключевыми факторами, влияющими на отказ от потребления цифрового контента и платных интернет-подписок, оказалось достаточное количество информации и развлечений, которые можно получить бесплатно, а также высокая стоимость предлагаемого контента и возможные проблемы с безопасностью данных. Значительной разницы в выборе факторов среди работающего и неработающего населения не обнаружено.

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Приходилось ли Вам оплачивать контент, платные услуги в интернете, помимо абонентской платы?»
% от тех, кто пользуется интернетом

Источник: составлено автором по данным социологического опроса «Цифровое благополучие населения»; n = 1000.

Среди основных видов приобретаемого цифрового контента у работающего населения сильно выделяются подписки в онлайн-кинотеатрах, просмотр платных фильмов и сериалов (62%); подписки на музыкальные сервисы (37%) и покупка платных информационных, обучающих материалов (26%). В данном случае контент используется для повышения культурного капитала и организации досуга. Для неработающего населения более выражены возможные стратегии экономии и поиска выгоды, а именно приобретение подписок для получения скидок в магазинах и маркетплейсах (26%) для сравнения, среди работающего населения данный вид контента назвали только 17% (рис. 3).

Такие виды как плата за игры, отмена рекламы и облачные хранилища оказались одинаково невостребованными для лиц старшего возраста.

Рис. 3. Основные виды цифрового контента, приобретаемого респондентами, %

Источник: составлено автором по данным социологического опроса «Цифровое благополучие населения»; n = 1000.

Несмотря на то, что работающее население оказалось более активным в потреблении цифрового контента, все же наблюдается тенденция к большим финансовым тратам у неработающего населения (табл. 1). Особенно это заметно при сравнении размера этих трат с прожиточным минимумом пенсионеров, установленным в регионе.

Таблица 1. Размер ежемесячных трат на платный контент

	Неработающие лица старшего возраста	Работающие лица старшего возраста
Среднее значение, руб.	1207	1102
Медианное значение, руб.	1000	500
% к размеру ПМ	7,9*	5,6**
*Для неработающих лиц старшего возраста произведено сравнение средних значений трат на платные подписки по отношению к ПМ пенсионера ** Для работающих лиц старшего возраста произведено сравнение средних значений трат на платные подписки по отношению к ПМ трудоспособного населения. Источник: данные социологического опроса «Цифровое благополучие населения», n = 1000.		

Выдвигаем предположение, что экономия финансовых ресурсов вследствие отсутствия ежедневных рабочих расходов (затраты на транспорт, питание вне дома, рабочая одежда и пр.) предоставляет дополнительную свободу выбора и открывает возможности для осознанного инвестирования высвобожденных средств непосредственно в потребление платных культурных образцов и расширение возможностей досуга. Для обеих расстраиваемых групп в 80% случаев плата за контент – это часть расходов, на которой они готовы и пытаются экономить.

Таким образом, подтверждается вывод о том, что работа в условиях цифровизации общества и экономики значительно детерминирует включенность людей старшего возраста в пользование интернетом, развитие навыков и получения определенных бонусов, в т. ч. использования возможностей цифрового потребления. Исследование показало, что довольно весомая часть лиц старшего возраста (29%) так или иначе включена в потребление платного контента. Безусловно, поставщикам этих услуг важно учитывать вероятный рост интереса. Первая гипотеза подтвердилась частично: работающее население не только чаще пользуется интернетом, но и в целом более активно в потреблении цифрового контента. Вместе с тем несколько уступает по тем суммам, которые они реально тратят, покупая контент. Вторая гипотеза не подтвердилась: неработающее население все же менее активно в потреблении цифрового контента, однако трат несколько больше финансовых ресурсов на данные расходы. Влияние наличия временных ресурсов у незанятых не удалось доказать. Однако, ведущей причиной отказа от подобных практик является то, что множество информации можно получить бесплатно, что особенно важно ввиду наличия свободного времени (воспользоваться льготами для пенсионеров, посещать более выгодные акционные мероприятия в дневное время, участвовать в проектах по поддержке и продвижению культурных инициатив, в том числе для лиц старшего возраста).

Результаты данного исследования могут быть учтены государственными и общественными учреждениями, а также частными компаниями при разработке более адресных и эффективных стратегии привлечения и удержания пользователей старшего возраста, предложения удобных и привлекательных цифровых продуктов и услуг. Также могут способствовать развитию инклюзивного цифрового пространства и повышению качества жизни лиц старшего возраста, в т. ч. для наполнения их досуга, расширения возможностей межпоколенного общения. В регионах и на федеральном уровне уже вносятся подобные инициативы. Так, в Государственной Думе предложили создать карту для совместного досуга пенсионеров и внуков, а в регионах в рамках реализации проекта «Пушкинская карта» уже неоднократно запускали акцию «Веди родителей в музей, театр, концертный зал»¹.

¹ В ГД предложили создать карту для совместного досуга пенсионеров и внуков // RT. URL: https://russian.rt.com/russia/news/1607772-karta-semya-dosug?utm_source=rss&utm_medium=rss&utm_campaign=RSS; Юных вологжан призывают сводить родителей в музей, театр, концертный зал // Вологда.пф. URL: <https://xn--80adde7arb.xn--p1ai/news/culture/166173/>

Библиографический список

1. Белопашенцева П.В. (2022). Что говорит о российской бедности депривационный подход? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4. С. 110–129. DOI: 10.14515/monitoring.2022.4.2224.
2. Вершинская О.Н. (2011). Цифровой раскол – новый вид экономического неравенства? // ВИПЕРСОН. Публикации. Эксклюзив.
3. Груздева М.А. (2024). Доходный фактор цифрового неравенства // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: Материалы IX международной научно-практической интернет-конференции. Вологда. С. 197–202.

Информация об авторах

Мария Андреевна Груздева – кандидат экономических наук, заведующий центром социально-демографических исследований, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, e-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru)

Алена Алексеевна Корзина – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, e-mail: Lawrentjewa.alyona2016@yandex.ru)

Gruzdeva M.A., Korzina A.A

FREE TIME OR RESOURCES? DIGITAL CONTENT CONSUMPTION BY UNEMPLOYED AND WORKING OLDER AGED POPULATION

Abstract. *The analysis of the differences in the inclusion of older people in the consumption of digital content in accordance with the nature of employment. It is shown that working people show greater inclusion, and non-working people spend somewhat more financial resources on the consumption of content on the network.*

Keywords: *internet, digital technologies, digitalization, digital divide, digital content, senior citizens, work, leisure.*

About the authors

Maria A. Gruzdeva – Candidate of Sciences (Economics), Head of the Center for socio-demographic research, Leading Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru)

Alena A. Korzina – Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: Lawrentjewa.alyona2016@yandex.ru)

References

1. Belopashentseva P.V. (2024). What does the deprivation approach say about Russian poverty? *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 4, 110–129. DOI: 10.14515/monitoring.2022.4.2224.
2. Vershinskaya O.N. (2011). Is the digital divide a new type of economic inequality? *VIPERSON. Publications. Exclusive*.
3. Gruzdeva M.A. (2024). Income factor of digital inequality. Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements: proceedings of the IX international scientific and practical internet conference. Vologda, 197–202.

СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВА И ИСЛАМСКИХ НКО КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА И АДРЕСНОЙ ПОДДЕРЖКИ УЯЗВИМЫХ ГРУПП

Аннотация. *Статья посвящена проблеме ресоциализации бывших заключенных на примере деятельности некоммерческих организаций в Республике Татарстан. Рассмотрена модель социального партнерства между государственными структурами и исламской некоммерческой организацией, а также привлечение бывших осужденных в качестве волонтеров и наставников.*

Ключевые слова: *ресоциализация, пробация, осужденные, рецидив преступлений, социальное партнерство, институты гражданского общества, равный консультант.*

Интеграция граждан, вышедших из мест лишения свободы в здоровое общество, остается одним из самых сложных вызовов для современной России. Несмотря на усилия государства, статистика демонстрирует высокий уровень криминального рецидива: более половины осужденных (57%)¹ вновь оказываются за решеткой, причем треть из них совершают новые преступления уже в первый год после освобождения. Корень проблемы кроется в глубокой социальной дезадаптации: бывший заключенный сталкивается с тотальным неприятием на рынке труда, отсутствием жилья, разрывом семейных и дружеских связей, что часто усугубляется алкогольной или наркотической зависимостью.

Долгое время системная помощь таким людям в России отсутствовала. Ситуация начала меняться с принятием в 2023 году закона «О пробации»², который заработал в полную силу с января 2024 года. Этот документ определил вектор на коррекцию социального поведения и ресоциализацию осужденных. Однако, еще до принятия закона в России существовали несколько некоммерческих организаций (НКО), нацеленных на разностороннее решение проблемы реабилитации бывших заключенных. Примером тому служит автономная некоммерческая организация «Центр реабилитации и адаптации» (ЦРА), г. Казань, которая уже более полутора десятилетия успешно занимается тем, что сейчас называют пробацией (Филоненко, 2024; Гузельбаева, 2025). Центр предоставляет возможности для приобретения профессии и повышения квалификации, занимается трудоустройством и помощью с временным расселением, поиском жилья, оказывает правовую, медицинскую, психологическую поддержку.

Статья основана на социологическом исследовании, проведенном в 2025 году, которое включало анализ работы ЦРА через серию интервью с его бенефициарами (бывшими заключенными), персоналом, а также сотрудниками ФСИН из Татарстана и Пермского края. Методология включала как глубинные интервью, так и фокус-группы с волонтерами. Это позволило выявить уникальные механизмы успеха данной организации.

Тюремное заключение, как показывает практика российской и зарубежной пенитенциарной системы, ведет не столько к исправлению осужденных, сколько к усугублению их положения. Человек выходит из мест лишения свободы с целым набором проблем: утраченная профессия, подорванное здоровье, агрессия и чувство потерянности. Криминальная субкультура, царящая в колониях, подменяет собой моральные нормы, делая адаптацию на воле почти невозможной. Именно в этот момент необходима «скорая социальная помощь», которую и предлагает ЦРА.

Ключевой особенностью ЦРА является то, что его создали и в нем работают люди, которые сами прошли через пенитенциарную систему. Их собственный травматический опыт (так называемых «раненых целителей» – «wounded healers») стирает барьер недоверия между помощником и подопечным (Lebel et al., 2015). Они говорят на одном языке и знают реальные проблемы изнутри. Феномен «раненного целителя» является разновидностью практики «равного консультанта» («peer support»), который используется для работы с уязвимыми группами, в том числе в процессе избавления от зависимостей или адаптации к серьезным заболеваниям (Смолина, Рябухина, 2026; Ali et al., 2015).

¹ Генпрокуратура сообщила о сокращении рецидивной преступности в РФ // ТАСС. 4 янв. 2025. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22821309> (дата обращения: 01.03.2026).

² О пробации в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/48882> (дата обращения: 01.03.2026).

В мировой науке и практике активно изучается феномен волонтерства бывших заключенных в США (Reicher et al., 2025), Португалии (Salselas, Pinto de Costa, 2022), Израиле (Elisha, 2023), Японии (Porporino, 2022) и др. Концепция «wounded healers» описывает именно этот механизм: помогая другим, человек закрепляет собственную реабилитацию. Деятельность, связанная с заботой о других, становится мощным фактором отказа от преступного прошлого.

Отдельного внимания заслуживает роль религии. В российских тюрьмах растет число последователей ислама (так называемые «зеленые зоны»). В отличие от традиционного восприятия этого тренда как угрозы распространения радикализма, ЦРА увидел в исламе потенциал для созидания. Основатели центра, принявшие ислам как личную идеологию спасения, интегрировали духовную поддержку (в т. ч. через взаимодействие с имамами и священниками) в общую светскую программу реабилитации. При этом вера остается личным выбором каждого и не является обязательным условием.

Главная ставка в работе ЦРА сделана на труд. Безработный человек, по мнению руководства Центра, неизбежно вернется к прежнему образу жизни. Поэтому подопечным не просто ищут вакансии, но и обучают новым профессиям, взаимодействуя с пулом лояльных работодателей. Именно обязательный труд, помноженный на наставничество равных, становится тем фундаментом, который позволяет человеку закрепиться в новой жизни.

Одна из причин долговременной и успешной деятельности ЦРА является кооперация с государственными структурами. Получив поддержку от сотрудников ФСИН и властей Татарстана, включая Духовное управление мусульман, Центр реабилитации и адаптации смог вырасти из инициативной группы в устойчивую организацию с широкими ресурсными возможностями. Открыты региональные подразделения по ресоциализации осужденных в семи регионах России, расширяется список предоставляемых услуг. Финансируется организация исключительно пожертвованиями бизнеса и частных лиц, что говорит о высоком кредите доверия в регионе. Результаты работы впечатляют: более 30 тысяч человек получили помощь за 15 лет.

В итоге мы видим эффективную модель социального партнерства. Государство, представленное ФСИН и региональными властями, делегирует часть функций и оказывает поддержку компетентной некоммерческой организации. АНО ЦРА, в свою очередь, обладает уникальной компетенцией – доверием со стороны самой сложной аудитории. Такой симбиоз оказывается гораздо продуктивнее чисто административных методов и представляет собой готовое решение для масштабирования по всей стране.

Библиографический список

1. Гузельбаева Г.Я. (2025). Опыт мусульман – бывших заключенных – в практике ресоциализации лиц с криминальным прошлым // Политическое пространство и социальное время: геополитические модели формирования полицентричного мира. Сборник научных трудов XLIV Международного Харакского форума 21–25 ноября 2024 г., г. Ялта – Симферополь. Симферополь: ИТ «АРИАЛ». С. 128–132.
2. Смолина Н.С., Рябухина В.И. (2026). Равное консультирование как технология социальной работы с людьми, испытывающих сложности преодоления зависимости или адаптации к заболеванию // Социодинамика. № 1. С. 62–84. DOI: 10.25136/2409-7144.2026.1.77413.
3. Филоненко Т.В. (2024). Участие негосударственных институтов в постпенитенциарной адаптации осужденных // Вопросы российского и международного права. Т. 14. № 8–1. С. 165–177.
4. Ali K., Farrer L., Gulliver A., Griffiths K.M. (2015). Online peer-to-peer support for young people with mental health problems: a systematic review. *JMIR Mental Health*, 2, 2. DOI: 10.2196/mental.4418.
5. Elisha E. (2023). Ex-Convicts in an official role of peer-supporters: toward convict therapy. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 67, 15, 1565–1580. DOI: 10.1177/0306624X231159890.
6. LeBel T.P., Richie M., Maruna S. (2015). Helping others as a response to reconcile a criminal past: the role of the wounded healer in prisoner reentry programs. *Criminal Justice and Behavior*, 42, 1, 108–120, DOI: 10.1177/0093854814550029.
7. Porporino F.J. (2022). Valuing volunteers in corrections: learning from the volunteer probation officer scheme in Japan. *Advancing Corrections Journal*, 1, 13, 96–108. DOI: 10.65264/HVHC3932.

8. Reichert J., Wang J., Maranville R., Ott Hill E., Gruschow K. (2025). Recidivism outcomes of Illinois prison work release program participants. *Justice, Opportunities, and Rehabilitation*, 64, 6, 400–422. DOI: 10.1080/2997965X.2025.2518976.
9. Salselas M., Pinto de Costa M. (2022). The experience of volunteers in prison in Portugal: a qualitative study. *Frontier Psychiatry*, 12, 778119. DOI: 10.3389/fpsy.2021.778119.

Информация об авторе

Гузель Яхиевна Гузельбаева – кандидат социологических наук, доцент, Казанский федеральный университет (Российская Федерация, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18); доцент, Казанский государственный медицинский университет (Российская Федерация, 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 39; e-mail: Guzel.Guzelbaeva@kpfu.ru)

Guzelbaeva G. Ya.

COOPERATION BETWEEN THE STATE AND ISLAMIC NGOs AS A FACTOR IN SOCIETAL COOPERATION AND TARGETED SUPPORT FOR VULNERABLE GROUPS

Abstract. *The article addresses the problem of resocialization of former prisoners through a case study of an NGO operating in the Republic of Tatarstan. It examines a model of social partnership between state structures and an Islamic non-profit organization, as well as the involvement of former convicts as volunteers and mentors.*

Keywords: *resocialization, probation, convicts, criminal recidivism, social partnership, civil society institutions, peer support.*

About the author

Guzel Y. Guzelbaeva – Candidate of Science (Sociological), Associate Professor, Kazan Federal University (18, Kremlyovskaya Street, Kazan, 420008, Russian Federation); Associate Professor, Kazan State Medical University (39, Butlerova Street, Kazan, 420012, Russian Federation; e-mail: Guzel.Guzelbaeva@kpfu.ru)

References

1. Guzelbaeva G. Ya. (2025). The Experience of Muslim Ex-Prisoners in the Practice of Resocialization of Persons with a Criminal Experience. *Political Space and Social Time: Geopolitical Models of the Formation of a Polycentric World. Collection of Scientific Works of the XLIV International Kharksa Forum*, November 21-25, 2024, Yalta. Simferopol. Simferopol: ARIAL publ. 128–132.
2. Smolina N.S., Ryabuhina V.I. (2026). Peer-support as a social work technology for people struggling with addiction or adapting to a disease. *Sociodynamics*, 62–84. DOI: 10.25136/2409-7144.2026.1.77413.
3. Filonenko T.V. (2024). Participation of non-governmental institutions in post-penitentiary adaptation of convicts. *Matters of Russian and International Law*, 14, 8-1, 165–177.
4. Ali K., Farrer L., Gulliver A., Griffiths K.M. (2015). Online peer-to-peer support for young people with mental health problems: a systematic review. *JMIR Mental Health*, 2, 2. DOI: 10.2196/mental.4418.
5. Elisha E. (2023). Ex-Convicts in an official role of peer-supporters: toward convict therapy. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 67, 15, 1565–1580. DOI: 10.1177/0306624X231159890.
6. LeBel T.P., Richie M., Maruna S. (2015). Helping others as a response to reconcile a criminal past: the role of the wounded healer in prisoner reentry programs. *Criminal Justice and Behavior*, 42, 1, 108–120. DOI: 10.1177/0093854814550029.
7. Porporino F.J. (2022). Valuing volunteers in corrections: learning from the volunteer probation officer scheme in Japan. *Advancing Corrections Journal*, 1, 13, 96–108. DOI: 10.65264/HVHC3932.
8. Reichert J., Wang J., Maranville R., Ott Hill E., Gruschow K. (2025). Recidivism outcomes of Illinois prison work release program participants. *Justice, Opportunities, and Rehabilitation*, 64, 6, 400–422. DOI: 10.1080/2997965X.2025.2518976.
9. Salselas M., Pinto de Costa M. (2022). The experience of volunteers in prison in Portugal: a qualitative study. *Frontier Psychiatry*, 12, 778119. DOI: 10.3389/fpsy.2021.778119.

ПРИОРИТЕТНЫЕ ЦЕННОСТИ И ЖИЗНЕННЫЕ ПЛАНЫ ВОРОНЕЖСКИХ СТУДЕНТОВ

Аннотация. В настоящем исследовании представлены особенности и тенденции изменения приоритетных ценностей и жизненных планов воронежских студентов.

Ключевые слова: студенты, ценности, жизненный план.

Важнейшей характеристикой студентов и их образа жизни являются ценностные ориентации. Они оказывают активное влияние на выбор главных жизненных целей, определяют направленность и мотивы действий будущих специалистов, содержание образа жизни, их настроение, жизненные планы.

В связи с этим при проведении исследования важно было выявить, что по мнению воронежских студентов считается главным, наиболее ценным и значительным в жизни.

Каким же образом изменяется структура смысложизненных ценностей студенческой молодежи? Эти изменения фиксировались нами с 1998 по 2024 год (табл. 1).

Таблица 1. Что считают главным, ценным для себя в жизни воронежские студенты, по годам, %

Жизненные ценности	1998 год	2003 год	2024 год
Служение идеалам добра и справедливости	18	17	21
Главное быть независимым, материально обеспеченным	57	64	67
Создание хорошей семьи и воспитание детей здоровыми и счастливыми	64	66	53
Смысл жизни в том, чтобы получить как можно больше удовольствия	18	16	52
Получение хорошего образования, стать высококвалифицированным специалистом	30	27	31
Иметь комфорт, бытовую устроенность	19	17	33
Творчество, выражение собственного «я»	21	18	24
Источник: составлено автором.			

Большинство студентов самым главным для себя в жизни считают независимость, материальную обеспеченность, а также создание хорошей семьи и воспитание детей здоровыми и счастливыми. При этом есть и нюансы: если в двух предшествующих исследованиях семья традиционно была на первом месте, то в 2024 году она переместилась на второе место, уступив первое материальной обеспеченности. Если раньше ценность получения хорошего образования и возможность стать высококвалифицированным специалистом находилась на третьем месте, то в 2024 году эта она переместилась на пятое место. На третье же место вышла возможность получать от жизни как можно больше удовольствий.

Удельный вес таких молодых людей вырос по сравнению с предыдущими исследованиями более чем в три раза. Вдвое выросло и число тех, кто главным в жизни стремится иметь комфорт и бытовую устроенность.

Представляют интерес и определенные различия в ответах студентов факультетов разного профиля. Учащиеся на естественнонаучных факультетах в меньшей степени, чем другие, считают главным в жизни творчество, выражение собственного «я». Служение идеалам добра и справедливости в меньшей степени отмечается студентами факультетов технического профиля. Также для студентов естественнонаучных факультетов ценность хорошей семьи несколько меньше, чем у студентов двух других групп факультетов (табл. 2).

Таблица 2. Что считают главным, ценным для себя в жизни студенты факультетов разного профиля, %

Жизненные ценности	Естественнонаучные факультеты	Гуманитарные факультеты	Технические факультеты
Служение идеалам добра и справедливости	23	21	14
Главное быть независимым, материально обеспеченным	68	64	71
Создание хорошей семьи и воспитание детей здоровыми и счастливыми	45	59	67
Смысл жизни в том, чтобы получить как можно больше удовольствия	56	51	52
Получение хорошего образования, стать высококвалифицированным специалистом	28	33	32
Иметь комфорт, бытовую устроенность	36	31	34
Творчество, выражение собственного «я»	21	27	19
Источник: составлено автором.			

По мнению молодых людей, осуществлению их жизненных планов могут помешать различные обстоятельства, прежде всего, объективного характера (табл. 3).

Таблица 3. Как Вы думаете, что может помешать Вам в осуществлении Ваших жизненных планов и замыслов? по годам, %

Причина	1998 год	2024 год
Недостаток воли, настойчивости	29	36
Недостаток способностей	10	25
Политическая и экономическая ситуация в стране	46	37
Материальное положение	45	36
Неумение общаться, располагать к себе людей	8	16
Конкуренция, недоброжелательное отношение окружающих	14	18
Состояние здоровья (свое и близких)		19
Отсутствие связей с нужными людьми	33	32
Ничего не может помешать	1	17
Источник: составлено автором.		

Студенты воронежских вузов считают, что многое будет зависеть от политической и экономической ситуации в России (37%), от их материального положения (36%). Каждый третий опрошенный студент уверен, что воплощению в жизнь его замыслов может помешать отсутствие связей с нужными людьми, а 18% респондентов ссылаются на недоброжелательное отношение окружающих и конкуренцию как преграду на пути реализации жизненных планов.

Обращает на себя внимание тенденция сокращения числа тех, кто называет политическую и экономическую ситуацию, а также материальное положение главным препятствием на пути осуществления жизненных планов. Практически не изменилось число отметивших отсутствие связей с нужными людьми.

Вместе с тем возросло значение субъективных трудностей, связанных с особенностями развития личности студента. Выросло число тех, кто отмечает недостаток своих способностей, а также неумение общаться, располагать к себе людей. Существуют также определенные различия в оценке этих факторов у мужчин и женщин (табл. 4).

Таблица 4. Как Вы думаете, что может помешать Вам в осуществлении Ваших жизненных планов и замыслов? по полу, %

Причина	Мужчины	Женщины	Всего
Недостаток воли, настойчивости	38	35	36
Недостаток способностей	27	24	25
Политическая и экономическая ситуация в стране	34	40	37
Материальное положение	29	40	36
Неумение общаться, располагать к себе людей	20	14	16
Конкуренция, недоброжелательное отношение окружающих	17	19	18
Состояние здоровья (свое и близких)	16	20	19
Отсутствие связей с нужными людьми	33	32	32
Ничего не может помешать	20	15	17
Источник: составлено автором.			

Так, среди тех, кто называет политическую и экономическую ситуацию, также материальное положение в качестве главного препятствия на пути осуществления жизненных планов, несколько больше женщин, а мужчины несколько больше отмечают неумение общаться, располагать к себе людей. Мужчины более самоуверенны, отмечая ответ, что им ничего не может помешать. Существуют и различия в оценке препятствий в зависимости от профиля факультета (табл. 5).

Таблица 5. Как Вы думаете, что может помешать Вам в осуществлении Ваших жизненных планов и замыслов? по профилю обучения, %

Причина	Естественнонаучные факультеты	Гуманитарные факультеты	Технические факультеты
Недостаток воли, настойчивости	36	34	41
Недостаток способностей	26	24	27
Политическая и экономическая ситуация в стране	42	38	27
Материальное положение	37	36	38
Неумение общаться, располагать к себе людей	15	14	26
Конкуренция, недоброжелательное отношение окружающих	15	20	17
Состояние здоровья (свое и близких)	19	19	17
Отсутствие связей с нужными людьми	31	33	32
Ничего не может помешать	18	17	15
Источник: составлено автором.			

Так, наиболее чувствительны к политической и экономической ситуации в стране студенты естественнонаучных факультетов. Неумение общаться, располагать к себе людей чаще других отмечают у себя студенты технических факультетов. Конкуренцию, недоброжелательное отношение окружающих чаще называют студенты гуманитарных факультетов.

Полученные в ходе опроса данные показывают, что у всех групп студентов, выделенных по разным основаниям, существует ряд однотипных факторов, которые могут помешать им в осуществлении жизненных планов и целей. Для оправдания своей нереализованности каждый может назвать несколько причин, в большей степени объективных. Обстоятельства оказываются сильнее желания осуществить жизненные планы и замыслы. А может быть это попытка себя оправдать?

Молодежь всегда устремлена в будущее. Сказанное особенно характерно для студенчества. Молодые люди по-разному относятся к своей будущей жизни: их оценки располагаются на шкале от оптимизма до страха и отчаяния (табл. 6).

Таблица 6. Настроение, с которым студенты смотрят в будущее, по полу, %

Настроение	2024	Мужчины	Женщины
Надежда и оптимизм	50	45	53
Спокойно, без особых надежд и иллюзий	34	35	34
Со страхом и отчаянием	8	12	6
Затрудняюсь ответить	8	8	8
Источник: составлено автором.			

Обнадеживающим является то, что половина студентов смотрят в будущее с надеждой и оптимизмом. Еще треть – спокойно, хотя и без особых надежд и иллюзий. Такая позиция противоречива. Здесь и понимание того, что нельзя ждать осуществления в будущем всех своих желаний и стремлений, и отражение того, что может случиться всякое и надо быть готовым к сложным жизненным реалиям.

Из общего количества опрошенных студентов 6% смотрят в будущее со страхом и отчаянием, причем в большей степени это мужчины. Для сравнения: по данным исследования образа жизни воронежского студенчества, проведенного в конце 90-х годов, доля тех, кто страшился своего будущего составляла 5%. Изменения в оценках не очень значительные. Много это или мало? С одной стороны, это показатель уверенности молодых людей в своем будущем. С другой стороны, за этой цифрой стоят реальные молодые люди, которые испытывают по тем или иным причинам неверие в свои силы и даже страх. Рассмотрим также эти показатели по профилю факультетов (табл. 7).

Таблица 7. Настроение, с которым студенты смотрят в будущее, по профилю обучения, %

Настроение	Естественнонаучные факультеты	Гуманитарные факультеты	Технические факультеты	Весь массив
Надежда и оптимизм	45	53	46	50
Спокойно, без особых надежд и иллюзий	38	32	35	34
Со страхом и отчаянием	7	8	11	8
Затрудняюсь ответить	9	7	8	8
Источник: составлено автором.				

Обращает на себя внимание тот факт, что наибольший оптимизм проявляют студенты гуманитарных факультетов. Определенную тревогу при этом вызывает позиция «студентов-технарей». Затруднились оценить свое настроение чуть менее одной десятой доли опрошенных молодых людей.

Полученные данные позволяют говорить о том, что, несмотря на все сложности экономического, политического и социального развития российского общества, подавляющее большинство современных студентов – оптимисты (табл. 8).

Таблица 8. Чем студенты планируют заняться после окончания вуза, по полу, %

Вид деятельности	мужчины	женщины
Буду устраиваться на работу	41	46
Организирую (продолжу) свое дело	17	14
Займусь устройством личной жизни	5	2
Поступлю в магистратуру	17	17
Продолжу образование в очной (заочной) форме	4	4
Постараюсь уехать жить за границу	1	4
Не знаю, еще не определился	16	13
Источник: составлено автором.		

Как видно из приведенных данных, почти половина респондентов обоего пола планируют после вуза устройство на работу. Второе место по популярности занимают поступление в магистратуру, а также занятие собственным бизнесом (несколько популярнее у мужчин). Обращает на себя внимание и определенное количество не определившихся по этому вопросу.

Картина будущего будет неполной, если мы не выявим те опасности и страхи, которые высказываются молодыми людьми относительно их будущего. Приведем эти данные в табл. 9.

Таблица 9. Что больше всего опасаются студенты в будущем? %

Задумываясь о своем будущем, чего ты опасаться больше всего?	Всего	Мужчины	Женщины
Работать, где не нравится, не имея возможности сменить место работы	24	27	24
Оказаться одиноким человеком	17	17	20
Получать заработную плату, которая не позволит мне жить так, как я хочу	11	11	16
Оказаться безработным	2	2	3
Заболеть неизлечимой болезнью	7	7	7
Бедности	6	7	6
Разочарования в выбранном деле/профессии	3	3	3
Вынужденно трудоустроиться на неинтересную, но денежную работу	1	1	1
Отчисления (боюсь, что не смогу доучиться/получить диплом)	2	3	1
Неудачи в любви	3	3	3
Стать жертвой преступников	2	2	2
Пойти служить в армию	2	4	-

Как видно, молодые люди отмечают определенные опасения и страхи, которые могут подстергать в будущем. Так, каждого четвертого страшит перспектива работать, где не нравится, не имея возможности сменить место работы. На втором месте перспектива оказаться одиноким человеком, несколько более у женщин. На третьем месте ситуация с зарплатой, которая не позволяет жить так, как хочется, причем несколько более у женщин. Остальные моменты оказались не столь значимы.

Информация об авторе

Александр Борисович Довеико – кандидат социологических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Российская Федерация, 394018, г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1; e-mail: modest0909@yandex.ru)

Doveiko A.B.

PRIORITY VALUES AND LIFE PLANS OF VORONEZH STUDENTS

Abstract. *This study presents the characteristics and trends of changes in priority values and life plans of Voronezh students.*

Keywords: *students, values, life plans.*

About the author

Aleksandr B. Doveiko – Candidate of Sciences (Sociological), Associate Professor, Voronezh State University (1, University Square, Voronezh, 394018, Russian Federation; e-mail: modest0909@yandex.ru)

ВИРТУАЛЬНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ БЛОГЕРОВ

Аннотация. В статье рассматривается феномен цифровой идентичности блогеров через призму теории социального капитала. Анализируются классические подходы к понятию социального капитала и особенности его формирования в условиях цифровизации общества и развития сетевых коммуникаций.

Ключевые слова: социальный капитал, цифровая идентичность, блогинг, блогер, блогосфера, сетевое общество, слабые социальные связи.

Современное общество невозможно рассматривать вне процессов цифровизации, которые охватывают все больше сфер социальной жизни и выступают одним из ключевых индикаторов масштабных социокультурных трансформаций. Цифровые технологии постепенно интегрируются в повседневные практики людей, формируя новые модели коммуникации, занятости, потребления информации и самопрезентации.

Развитие цифровых технологий не только расширило возможности оперативной коммуникации на глобальном уровне, но и в определенной степени трансформировало традиционные формы социального взаимодействия, основанные на институциональных ролях и офлайн-коммуникациях. В результате возникают новые формы социального присутствия, формирующиеся в медиасреде и опирающиеся на сетевые коммуникации.

Целью настоящего исследования является рассмотрение цифровой идентичности блогеров через призму теории социального капитала и выявление особенностей формирования социальных связей и ресурсов в цифровой среде. Актуальность данной темы обусловлена преобразованием механизмов формирования и воспроизводства социальных связей. В этой связи особое значение приобретает феномен цифровой идентичности, формирующийся в процессе онлайн-коммуникации и постоянного присутствия человека в цифровом пространстве. В той или иной степени данный вид идентичности присущ практически каждому пользователю интернета, поскольку он складывается на основе цифрового следа – совокупности действий пользователя в сети, включая публикации, комментарии, визуальные материалы и другие формы активности. Вместе с тем в условиях расширения онлайн-коммуникаций возникает исследовательская проблема, связанная с недостаточным осмыслением механизмов формирования социальных ресурсов и сетевых связей в медиапространстве, в частности в блогосфере.

Одной из наиболее наглядных форм проявления цифровой идентичности является блогерская идентичность. Она формируется в публичном медиапространстве, поддерживается регулярным взаимодействием с аудиторией и напрямую связана с процессами накопления и использования социальных ресурсов. Анализ цифровой идентичности блогеров через призму концепции социального капитала позволяет рассмотреть новые механизмы социальной интеграции и выявить внешние эффекты, возникающие вследствие трансформации структуры социальных связей в цифровую эпоху.

Понятие социального капитала было впервые введено французским социологом П. Бурдьё, который определял его как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью... отношений взаимного знакомства и признания» (Бурдьё, 1986, с. 66). Иными словами, социальный капитал накапливается благодаря принадлежности индивида к определенной группе и поддержанию устойчивых социальных связей, которые обеспечивают доступ к различным материальным и символическим ресурсам.

Дальнейшее развитие данная концепция получила в работах американского социолога Дж. Коулмана. Он рассматривал социальный капитал как ресурс, возникающий из структуры социальных отношений и проявляющийся в нормах, доверии и устойчивых связях между людьми. По его мнению, социальный капитал проявляется в формах неформальной социальной организации, которые способствуют достижению индивидуальных и коллективных целей. К примеру, нормы сообщества (поддерживающие образовательные ценности), устойчивые связи между студентами или профессиональные контакты могут облегчать доступ к информации, способствовать академическим достижениям или расширять возможности трудоустройства. (Коулман, 2004, с. 41–42).

Американский политолог и социолог Р. Патнэм акцентирует внимание на ключевых характеристиках социального капитала, прежде всего на доверии и сотрудничестве. В его интерпретации доверие выступает важнейшим компонентом социального капитала и делает возможным более эффективное взаимодействие между людьми. При этом доверие, лежащее в основе социального капитала, не является безусловным или слепым, оно формируется на основе знаний о поведении и репутации участников взаимодействия, а также ожиданий относительно их действий в будущем (Патнэм, 1996, с. 211). Социальный капитал, подобно другим его формам, обладает продуктивным характером: он позволяет достигать целей, которые были бы недостижимы при отсутствии устойчивых отношений доверия и взаимности. В отличие от экономического капитала, который, как правило, принадлежит отдельным индивидам, социальный имеет коллективный характер и выступает общим ресурсом группы, зачастую возникая как побочный результат других социальных взаимодействий и совместной деятельности.

Таким образом, в работах различных исследователей прослеживаются два общих аспекта. Во-первых, социальный капитал обеспечивает доступ к поддержке, информации, признанию и возможностям, которые не могут быть сведены к экономическим ресурсам. Во-вторых, данный вид капитала наращивается не изолированно, а в процессе взаимодействия между людьми и участия в социальных сетях и сообществах. В классическом понимании он связан с устойчивыми социальными связями, нормами взаимности и коллективной поддержкой.

Тем не менее, в условиях цифровой трансформации общества сама логика формирования социального капитала претерпевает изменения. Если ранее его накопление происходило преимущественно в рамках локальных или институциональных структур, то сегодня все большую роль играют сетевые формы взаимодействия. Об этом еще десятилетие назад писали российские исследователи, когда различные социальные сети только набирали популярность (Хайкин, Крутик, 2014). Как отмечает О.А. Чебунина: «Информатизация общества привела к формированию новой модели социальной коммуникации, значительному росту объема ее виртуального сегмента, обозначив тем самым четкую тенденцию к постепенному замещению реальных социальных связей виртуальными» (Чебунина, 2019). В то же время, по мнению О.А. Игумнова, современная социальная реальность обладает гибридным характером. Именно поэтому социальный капитал «вошел» в интернет-среду, а интернет-среда «вошла» в социальный капитал (Игумнов, 2024, с. 7).

В настоящее время можно наблюдать, как социальные связи начинают формироваться и поддерживаться в медиaprостранстве, где важное значение приобретают видимость, вовлеченность и устойчивость цифрового присутствия. Таким образом, возникает феномен сетевого или цифрового социального капитала, основанного на онлайн-коммуникациях. Одной из сред, где подобные процессы проявляются наиболее ярко, является блогосфера, которая представляет собой пространство, где эти процессы проявляются в наиболее концентрированной форме. Онлайн-присутствие становится самостоятельным каналом накопления социальных ресурсов, а публичная самопрезентация инструментом их поддержания. Как отмечает П. Бурдье: «Воспроизводство социального капитала предполагает непрекращающуюся работу по установлению социальных связей, непрерывные серии обменов, в ходе которых признание постоянно утверждается и подтверждается» (Бурдье, 1986, с. 68). Следовательно, в медиасреде социальные связи становятся наблюдаемыми, динамичными и количественно выражаемыми: подписки, комментарии, репосты и другие формы сетевой активности выступают индикаторами вовлеченности аудитории и устойчивости социальных связей.

В этом контексте цифровая идентичность блогеров представляет собой устойчивый публичный образ, формируемый совокупностью различных компонентов, включая регулярную коммуникацию с аудиторией, визуальные и текстовые стратегии самопрезентации, а также участие в сетевых взаимодействиях. Она не сводится к индивидуальному выражению, а становится социальным ресурсом, основой для формирования доверия, признания и включенности в определенные коммуникационные сети.

Стоит отметить, что блогеры являются активными пользователями социальных сетей. Они не только потребляют, но и создают контент. Соответственно, их социальный капитал более масштабен и имеет свойство конвертироваться в реальный экономический и социальный капитал в разы быстрее и легче, чем у пассивных пользователей (Чебунина, 2019). Это также подтверждается высказыванием российских исследователей А. Родионовой и С. Шелонаевым, которые уточняют, что социология описывает медиа-агентов через призму социального капитала как совокупности ресурсов, связанных с властью, доступом, престижем. Они подчеркивают, что сегодня блогер без высшего образования может обладать большим социальным капиталом, чем академик, просто потому что у него есть прямая аудитория и влияние¹. То есть авторы, подписчики, комментаторы и иные участники онлайн-сообществ формируют сеть контактов, в которой циркулируют информация, рекомендации и различные формы взаимной поддержки. На практике это проявляется в способности блогера оперативно получить необходимую информацию со стороны собственной аудитории. Например, когда блогер публично обращается к подписчикам с просьбой о помощи в поиске информации, срочных контактов специалистов или решении бытовых вопросов, то среди аудитории почти всегда находятся люди, готовые откликнуться в кратчайшие сроки. В обратную сторону такие ситуации так же возможны, что демонстрирует функционирование сети социальных связей, основанных на добровольном взаимодействии и взаимной поддержке.

При этом общее количество подписчиков или тематика блога не являются определяющими факторами. Данный пример ярко иллюстрирует теорию слабых связей. Автор теории М. Грановеттер утверждает, что именно слабые связи (отношения между людьми, не находящимися в тесном или регулярном взаимодействии) играют важную роль в распространении информации и обеспечении социальной мобильности. В частности, анализируя процессы трудоустройства, американский социолог пришел к выводу, что новые возможности чаще возникают благодаря знакомым и контактам второго круга, а не близким друзьям или родственникам (Грановеттер, 2009). Поскольку социальный капитал можно трактовать как наличие полезных контактов в окружении, к которым можно обратиться за помощью или какой-либо информацией, это объясняет эффективность блогерских сетей. Зачастую подписчики не находятся в частом, близком, личном взаимодействии с автором или между собой, но одновременно с этим формируют широкую сеть слабых контактов, через которую распространяется информация и появляются новые возможности для взаимодействия. Таким образом, аудитория блогера может рассматриваться как сеть слабых связей, способствующая расширению социального капитала как самого автора, так и участников этой сети. Благодаря цифровым платформам такие связи становятся более многочисленными и географически распределенными, что существенно увеличивает потенциал распространения информации и взаимодействия.

Проведенный анализ позволяет сделать общий вывод о том, что изучение цифровой идентичности блогеров через призму теории социального капитала позволяет по-новому интерпретировать процессы формирования социальных связей в медиaprостранстве.

В результате исследования были сделаны следующие выводы:

1. Блогосфера выступает особой коммуникативной средой, в которой публичная самопрезентация, регулярное взаимодействие с аудиторией и поддержание сетевых контактов становятся важными механизмами накопления социальных ресурсов.

2. Цифровая идентичность блогеров в данном контексте может рассматриваться как результат постоянного взаимодействия автора и аудитории, в ходе которого формируются устойчивые сети связей, основанные на взаимном признании, вовлеченности и обмене символическими ресурсами.

3. Феномен цифровой идентичности блогеров демонстрирует, что социальный капитал все чаще формируется не только в рамках традиционных социальных институтов, но и в цифровых коммуникационных средах.

4. Обращение к концепции социального капитала позволяет выявить новые формы социального взаимодействия, возникающих в условиях развития сетевых технологий, а также расширяет возможности социологического анализа современных медиапрактик.

5. Исследование подобных явлений способствует более глубокому пониманию трансформаций социальной структуры и коммуникативных практик в современном обществе.

¹ Родионова А. Шелонаев С. (2026). Социальный капитал блогера может обгонять капитал академика // InScience.News. URL: <https://inscience.news/ru/article/discussion/socialny-kapital-blogera-mozhet-obgonyat-kapital> (дата обращения: 04.03.2026).

Библиографический список

1. Бурдьё П. (1986). Формы капитала // Экономическая социология. Т. 3. № 5. С. 60–74.
2. Грановеттер М. (2009). Сила слабых связей // Экономическая социология. Т. 10. № 4. С. 31–50.
3. Игумнов О.А. (2024). «Виртуализация» социального капитала организации проблема управления в условиях цифровизации. DOI: 10.61726/5464.2024.72.31.001
4. Коулман Д.С. (2004). Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора // Экономическая социология. Т. 5. № 3. С. 35–44.
5. Патнэм Р. (1996). Чтобы демократия сработала: гражданские традиции современной Италии. Москва: Ad Marginem. 288 с.
6. Хайкин М.М., Крутик А.Б. (2014). Социальный капитал и социальные сети // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. № 1. С. 85–92.
7. Чебунина О.А. (2019). Виртуальный социальный капитал в процессе интернет-социализации молодежи // Гуманитарий Юга России. № 1. С. 229–241.

Информация об авторе

Юлия Евгеньевна Илларионова – магистрант, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: ieillarionova@gmail.com)

Illarionova Y.E.

VIRTUAL SOCIAL CAPITAL OF BLOGGERS

Abstract. *The article examines the phenomenon of bloggers' digital identity through the concept of social capital. The study analyzes classical theories of social capital and explores its transformation in the context of digitalization and the development of network communication.*

Keywords: *social capital, digital identity, blogging, blogger, blogosphere, network society, weak ties.*

About the author

Yuliya E. Illarionova – Master Degree student, Tyumen State University (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: ieillarionova@gmail.com)

References

1. Bourdieu P. (1986). Forms of capital. *Economic Sociology*, 3, 5, 60–74.
2. Granovetter M. (2009). The strength of weak ties. *Economic Sociology*, 10, 4, 31–50.
3. Igumnov O.A. (2024). "Virtualization" of an organization's social capital: a management problem in the context of digitalization. DOI: 10.61726/5464.2024.72.31.001
4. Coleman J.S. (1996). Economic sociology from the point of view of rational choice theory. *Economic Sociology*, 5, 3, 35–44.
5. Putnam R. (1996). Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Moscow: Ad Marginem.
6. Khaikin M.M., Krutik A.B. (2014). Social capital and social networks. *Bulletin of SUSU. Series: Economics and Management*, 1, 85–92.
7. Chebunina O.A. (2019). Virtual social capital in the process of online socialization of youth. *Humanitarian of the South of Russia*, 1, 229–241.

МОТИВЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ МАРКЕТПЛЕЙСОВ

Аннотация. *Цифровизация экономики меняет потребительские практики и требуется большее изучение данной темы. В работе рассмотрены теоретические подходы социологов (Т. Веблен, Р. Мертон, Г. Зиммель) и результаты эмпирических исследований по анализу потребительских мотивов в условиях маркетплейсов.*

Ключевые слова: *мотивы потребления, маркетплейсы, цифровое потребление, электронная коммерция, потребительское поведение, типы потребителей.*

Повсеместная цифровизация привела к значительным изменениям в жизненных и потребительских практиках. Сегодня мы можем не только заказать еду на дом, но и купить более крупные товары, например, одежду или технику, не выходя из дома. Одним из важнейших элементов цифровой экономики стали маркетплейсы – платформы, объединяющие покупателя и продавца в одном месте. По данным российской аналитической компании DataInsight, объем российского рынка в онлайн-торговле за 2024 год достиг 11,2 трлн рублей, что на 39% больше прошлогоднего показателя¹. Также, по данным ассоциации компаний интернет-торговли, доля «e-commerce» в общем объеме розничных продаж повысилась в 2023 году до 13,8%, а общий объем интернет-торговли в России составил 6,4 трлн рублей². Электронная коммерция стремительно развивается и по сей день, что, несомненно, не может не вносить определенные изменения и менять как саму структуру потребления, так и сам рынок.

Вероятно, росту популярности маркетплейсов способствует большее доверие потребителей к онлайн-покупкам, развитие электронной коммерции и общее формирование новых моделей и мотивов потребления, которое занимает значимое место в исследованиях классической и современной социологии и трактуется не только как экономический процесс, но и социально-обусловленная практика.

Так, социолог-классик Торстейн Веблен, который в своей работе «Теория праздного класса» писал о понятии «демонстративного потребления», что означает практику потребления, в первую очередь, не с целью утилитарного использования, а с целью продемонстрировать свой статус и свою принадлежность к какому-либо обществу (Веблен, 2021). То есть, в понимании Т. Веблена, потребление выполняет функцию символического обозначения своего места в социальной иерархии.

Роберт Мертон описал в своем труде «Социальная теория и социальная структура» явные и латентные функции, которые в некоторой мере объясняют социальное поведение индивидов, в т. ч. связанное с потреблением (Мертон, 2006). Покупка товаров выполняет как явную функцию (удовлетворение каких-либо потребностей), так и латентную, которая указывает на неочевидные процессы (например, стремление войти в определенную социальную группу или желание продемонстрировать себя другим).

Для изучения проблемы потребления можно рассмотреть работу Георга Зиммеля, который внес значимый вклад в анализ данного дискурса. Г. Зиммель подошел к этому вопросу со стороны феномена моды. В своей известной работе «Мода» он писал, что потребление и мода построены на механизме, выражающего одновременно и подражание, и дифференциацию (Зиммель, 1996). Кроме того, в контексте современного общества, которое постоянно расширяет распространение циклов разных модных трендов, тем самым стимулируя потребность в непрерывном потреблении и обновлении вещей.

¹ E-commerce в России 2025 // Data Insight. URL: https://datainsight.ru/DI_eCommerce_2025 (дата обращения: 11.02.2026).

² Минпромторг РФ ожидает роста объема онлайн-торговли по итогам 2024 года. примерно на 50% // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/Eef2024/979600> (дата обращения: 01.02.2025).

Так или иначе, все три вышеперечисленных подхода могут по-своему трактовать мотивацию потребителя к приобретению тех или иных товаров на маркетплейсах. Существуют еще и другие классические подходы (Э. Дюркгейм, М. Вебер, В. Зомбарт, Г. Маркузе, Ж. Бодрийяр и др.), с помощью которых можно рассматривать потребление и его мотивы.

В последние годы проводятся эмпирические исследования, которые также внесли ценный вклад в изучение данной темы. Успешное интегрирование маркетплейсов в нашу жизнь подтверждается исследованием А.Р. Ахмедовой, Т.В. Чукановой, И.А. Василенко и Т.А. Мазайловой, в котором авторы отмечают, что 40% опрошенных используют интернет-магазины уже более двух лет (с 2023 года), в то время как наименьшим сроком использования считается неделя (2% опрошенных). Также отмечается, что в основном это лица пенсионного возраста (Ахмедова и др., 2025). Авторы также подчеркивают, что социальный аспект играет значимую роль в интеграции маркетплейсов в жизни людей, т. к. в окружении появляется все больше положительных отзывов и рекомендаций об успешных покупках «дешево и качественно», что, несомненно, влияет на желание покупать там, где покупать советуют доверенные лица и является одним из множества мотивов к приобретению товаров на маркетплейсах. Так, 47% опрошенных ответили, что в их кругу общения очень много знакомых и друзей, совершающих покупки в интернет-магазинах. Авторы также обращают внимание, что больше всего знакомых пользуются онлайн-покупками у опрошенной молодежи, нежели у более старшего поколения, которому, предположительно, свойственны более традиционные способы покупок.

О.А. Александровой и соавторами были описаны тренды современного потребления, которые могут помочь интерпретировать мотивы потребителя на сегодняшнем рынке. Согласно результатам исследования «Основы экономического поведения и благосостояния населения: мотивы, факторы, ожидания», наиболее ярко-выраженной тенденций потребления на 2022 год является так называемый «Потребитель рациональный» (9,9 баллов из 10), что может говорить о смещении акцента с эмоционального потребления на более рациональное. Далее идут категории трендов потребления, характеризующиеся таким же более осознанным поведением потребителей и выбором действительно нужных и подходящих именно для них услуг и товаров, нежели следованием определенным «идеальным» и, порой, нерациональным стандартам (Александрова и др., 2024, с. 103). На основе этих данных можно сделать вывод о том, что несмотря на огромный выбор среди множества товаров, современный потребитель склонен выбирать и покупать более осознанно. Это также может объяснить поведение и мотивы пользователей маркетплейсов, ведь стремление потреблять более рациональным образом является основательным поводом для определенного поведения на рассматриваемом рынке. Можно предположить, что в контексте маркетплейсов «потребитель рациональный» интерпретируется как человек, выбирающий равное соотношение дешевизны товара с его качеством (по данным из исследования выше), а также, как человек, предпочитающий экономить свое время на покупках.

В своем исследовании Р.Н. Климов сравнивает модели поведения на рынке у двух типов современных покупателей–потребителей с высоким уровнем дохода, для которых приобретение «люксовых» товаров является привычной практикой (HENRY) и массового потребителя, который характеризуется более низкими доходами и изредка позволяющий себе товары из дорогого сегмента (Климов, 2025). Потребитель первой категории склонен к выбору более качественных и натуральных товаров, а наличие бренда является, скорее, не ключевым, но приятным фактором, подчеркивающим индивидуальность владельца. Также эта категория больше отдает предпочтение сервису с индивидуальным подходом, нежели цифровым платформам, которые она использует больше для осведомления и изучения рынка, чем для непосредственной покупки.

Вторая категория (массовый потребитель) склонна при выборе и покупке товара ориентироваться на его внешний вид и соответствие образу «роскоши», что довольно ярко описывает подход Т. Веблена о потребности продемонстрировать свою принадлежность к определенному обществу. Массовый потребитель также может себе позволить некоторые товары из категорий «люкс», но редко и, скорее, в качестве способа компенсации своей социальной неуверенности. Важно подчеркнуть, что для данной категории потребителей крайне частым каналом совершения покупок является цифровая платформа (маркетплейс), которая обеспечивает удобство и экономию денег. Таким образом, можно предположить, что для значительной части населения (массового потребителя), которая не может позволить себе исключительно дорогостоящие товары класса «люкс», значимым мотивом потребления товаров и вещей на маркетплейсах является желание соответствовать определенному образу роскоши, тем самым демонстрируя свою принадлежность к тому обществу, к которому, на самом деле, этот потребитель не принадлежит.

Подводя небольшие итоги, на основе нескольких рассмотренных выше исследований, можно сказать, что, несомненно, электронная коммерция развивается стремительно, а вместе с ней и маркетплейсы, использование которых уже вошло в повседневные практики огромного количества людей и явно меняет их предпочтения и потребительское поведение в целом. Однако потребители – это не однородная среда для изучения. Их можно типологизировать по доходу и по соответствующим им мотивам потребления, а также важно рассматривать отдельно разные возрастные группы. Как выяснилось выше, потребители с более высоким доходом склонны выбирать качественный и индивидуализированный товар, а с меньшим заработком – часто проявляют признаки подражания по отношению к первым. Можно также отметить, что видоизменяются и мотивы потребления в условиях рассматриваемой цифровизации: с одной стороны, многие покупатели склонны сегодня потреблять осознанно и рационально подходить к выбору товара, однако, это не отменяет проявления менее заметных мотивов – потреблению определенных товаров «роскоши» или копий этих товаров с целью подтвердить собственную социальную значимость. Предположительно существуют другие мотивы потребления в цифровой среде маркетплейсов, исследование которых может помочь в изучении общей ситуации на рынке и прогнозировании экономических тенденций, что требует дальнейшего изучения данного вопроса.

Библиографический список

1. Александрова О. А., Алексеева О. А. [и др.]. (2024). Основы экономического поведения и благосостояния населения: мотивы, факторы, ожидания. Москва: ФНИСЦ РАН. 351 с.
2. Ахмедова А.Р., Чуканова Т.В., Василенко И.А., Мазайлова Т.А. (2025). Социальные практики использования Интернет-магазинов в потребительском поведении // Социодинамика. № 3. С. 11–14.
3. Веблен Т. (2021). Теория праздного класса. Издательство АСТ. С. 64–73.
4. Зиммель Г. (1996). Мода // Избранное. Созерцание жизни. Москва: Юристъ. Т. 2. С. 266–291.
5. Мертон Р. (2006). Социальная теория и социальная структура. Москва: Хранитель. С. 166–170.
6. Климов Р.Н. (2025). Сравнение модели покупательского поведения High Earner Not Rich Yet и массового потребителя в сегменте премиум и люкс // Маркетинг и маркетинговые исследования. Т. 30. № 4. С. 537–548.

Информация об авторах

Илона Валерьевна Ильина – старший преподаватель, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16)

Мария Сергеевна Колясникова – студент, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16)

Ilyina I.V., Kolyasnikova M.S.

MOTIVES OF CONSUMPTION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT OF MARKETPLACES

Abstract. *The digitalization of the economy is changing consumer practices and requires more research on this topic. The paper examines the theoretical approaches of sociologists (T. Veblen, R. Merton, and G. Simmel) and the results of empirical studies on the analysis of consumer motives in the context of marketplaces.*

Keywords: *consumption motives, marketplaces, digital consumption, e-commerce, consumer behavior, and consumer types.*

About the authors

Ilona V. Ilyina – Senior Lecturer, Tyumen State University (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation)

Maria S. Kolyasnikova – student, Tyumen State University (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation)

References

1. Aleksandrova O.A., Alekseeva O.A. [et al.]. (2024). Fundamentals of Economic Behavior and Well-Being of the Population: Motives, Factors, Expectations. Moscow: FNISC RAS.
2. Akhmedova A.R., Chukanova T.V., Vasilenko I.A., Mazailova T.A. (2025). Social practices of using online stores in consumer behavior. *Sociodynamics*, 3, 11–14.
3. Veblen T. (2021). The theory of the leisure class. AST Publishing House, 64–73.
4. Simmel G. (1996). Fashion. Selected Works. Contemplation of Life. Moscow: Yurist. Vol. 2.
5. Merton R. (2006). Social Theory and Social Structure. Moscow: Khranitel, 166–170.
6. Klimov R.N. (2025). Comparison of the High Earner Not Rich Yet and mass consumer buying behavior models in the premium and luxury segments. *Marketing and Marketing Research*, 30, 4. 537–548.

ПРАКТИКИ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *В настоящем исследовании выявлены и представлены основные характеристики пищевого поведения жителей Вологодской области в двух его важнейших составляющих – режима питания и состава принимаемой пищи. В качестве информационной базы привлечены результаты социологического опроса населения региона в 2024 году. Выявлены положительные и негативные практики пищевого поведения.*

Ключевые слова: *пищевое поведение, практики, население, Вологодская область, социологический опрос.*

Практики питания – реализуемые в повседневной жизни поведенческие образцы, связанные с приготовлением и приемом пищи. Они глубоко укоренены в культуре сообщества, которую следует понимать широко, включая как религиозные аспекты (Зарубина, 2015а), так и веяния массовой культуры, формирующие актуальные паттерны образа жизни и, следовательно, питания, которые, в свою очередь, в значительной степени определяются социально-экономическим контекстом (Зарубина, 2015б). В современном обществе благодаря достижениям науки сложились объективные требования к режиму и составу принимаемой пищи, следование которым позволяет сохранить здоровье, продлить жизнь, улучшить самочувствие. В литературе нередко встречается и более широкий (нежели практики питания) термин «пищевое поведение». Пищевое поведение – это совокупность привычек, связанных с режимом и характером приема пищи, а также вкусовыми предпочтениями. В самом базовом (и в то же время достаточном) для оценки виде пищевое поведение складывается из трех аспектов: режима и характера питания, а также состава потребляемой пищи. Последние два фактора в значительной степени пересекаются, поскольку отражают как особенности приготовления пищи, так и традиции ее приема. В данном исследовании приведены результаты оценки распространенности среди жителей Вологодской области практик пищевого поведения. Информационной базой стали итоги социологического опроса населения региона, проведенного в 2024 году.

Режим питания и его соблюдение

Режим питания – это система, включающая регулярность и сбалансированность приемов пищи. Существуют научно обоснованные правила режима питания, среди которых главный – соблюдение интервалов в 3–4 часа между приемами пищи, то есть 4 раза в сутки, что позволяет поддерживать необходимый уровень энергии и избегать переедания. Подавляющая часть (90%) жителей региона питаются в соответствии с рекомендуемыми нормами 3–5 раз в день. В среднем житель области принимает пищу 4,1 раза в день¹. Эта характеристика ровно выдержана в выборочной совокупности, заметные различия в территориальном, гендерном и возрастном разрезах не фиксируются. Вместе с тем правильный режим питания, включающий помимо частоты и регулярности питания и другие важные правила приема пищи (есть не спеша, тщательно пережевывать пищу), соблюдают только 23% жителей области. Среди ряда неблагоприятных факторов переедание маркируется как наиболее заслуживающее преодоления. Исключение его из пищевых привычек получило наибольшую (почти треть) долю ответов респондентов по поводу их действий в достижении правильного питания². Оздоровительные диеты, напротив, не получают широкого распространения – только 4% респондентов отметили, что следуют им. Значительная часть (40%) признаются, что ничего не делают для того, чтобы сбалансировать питание.

¹ Вопрос формулировался так: «Обычно сколько раз в течение дня Вы принимаете пищу (включая «перекусы»)?»

² Закрытый вопрос формулировался так: «Что именно Вы делаете для того, чтобы питание было правильным?»

Однако большая часть жителей региона оценивает свое питание как нормальное (80%), полноценным его считают лишь 9%; 8% дают ему негативные оценки. Наиболее распространенными причинами ослабления внимания к соблюдению режима и рациона питания сами респонденты называют следующие (в порядке снижения доли ответов): отсутствие привычки (30%), отсутствие желания и интереса (23%), недостаток времени (17%) или воли (14%).

Структура рациона и предпочтения

Исследование пищевых привычек жителей Вологодской области позволяет понять структуру их питания. Для оценки частоты потребления различных продуктов используется индекс, который отражает разрыв между частым и редким употреблением продукта в течение недели. Например, распределение ответов о частоте употребления в пищу мяса выглядит таким образом: ежедневно – 38%, 2–3 раза в неделю – 52%, раз в неделю и реже – 10%, крайне редко (никогда) – 1%. Следовательно, разница между категориями ответов, свидетельствующих о ситуации как о «позитивной» и «негативной» равна 79. Следовательно, индекс частоты будет равняться 179. Чаще всего на столе жителей области присутствуют молочные продукты (индекс 184), мясо и птица (179), а также хлебобулочные изделия (175). Свежие овощи употребляются значительно реже, чем вышеупомянутые продукты (165), но чаще, чем картофель и макароны. Очень ограниченно в рационе присутствуют фрукты и ягоды (138). В целом данные Росстата подтверждают этот выявленный признак: потребление фруктов и ягод населением региона достигает 80% от рекомендуемых Минздравом норм. Рыба и морепродукты (104) присутствуют в рационе жителей области в очень ограниченном количестве. Позитивным моментом является нечастое употребление вредных продуктов: сладких газированных напитков (46), фастфуда (31) и даже полуфабрикатов (94).

Внимание к качеству и энергетической ценности приобретаемых продуктов питания играет важную роль в культуре потребления и питания людей. Результаты исследования убедительно свидетельствуют в пользу того, что срок годности является одним из ключевых критериев потребительского выбора при покупке продуктов. Между тем, заметим, что пристальное внимание к этому критерию покупки постепенно теряет свою прежнюю актуальность. С 2024–2025 гг. в России внедряется система маркировки «Честный знак», которая технически блокирует продажу просроченных продуктов на кассе магазина. При сканировании кода касса сверяет срок годности и не позволяет оформить покупку, если он истек. Калорийность как критерий выбора продуктов важен для значительно меньшей доли населения, чем прочие: 49% респондентов признались, что никогда не обращают на него внимания. Однако категория тех, кто следит за энергетической ценностью продуктов питания, составляет значительную долю населения – 35%.

Пищевое поведение жителей Вологодской области в целом соответствует современным рекомендациям: большинство соблюдает разумный режим питания, ест в среднем 4 раза в день, избегает переедания. Однако только треть следит за правильностью питания, а остальным это не свойственно из-за отсутствия привычки, интереса или нехватки времени. Большая часть населения оценивает свое питание как нормальное, хотя лишь немногие придерживаются оздоровительных диет или сознательно балансируют рацион. Анализ предпочтений показывает, что в рационе преобладают молочные продукты, мясо и хлебобулочные изделия, а овощи и рыба – в меньшей степени. Вредные продукты, такие как газировки и фастфуд, употребляются редко, что является положительным моментом. Важной тенденцией является внимание к качеству продуктов, особенно к срокам их годности. В то же время меньшее значение имеют критерии калорийности и энергетической ценности, причем значительная часть населения их игнорирует, вероятно, из-за сложности вычислений. Общая картина показывает, что жители региона в основном следуют базовым рекомендациям питания, но есть простор для повышения информированности и формирования более здоровых пищевых привычек через развитие привычки к осознанному подходу к выбору продуктов.

Библиографический список

1. Зарубина Н.Н. (2015а). Аскетические, дисциплинарные и самоограничительные практики как фактор формирования стратегий питания в современной России // Вестник Института социологии. Т. 14. № 3. С. 30–48.
2. Зарубина Н.Н. (2015б). Представления о «нормативном теле» как детерминанты изменений в практиках питания россиян // Историческая психология и социология истории. Т. 8. № 1. С. 75–91.

Информация об авторе

Константин Николаевич Калашников – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: konstantino-84@mail.ru)

Kalashnikov K.N.

PRACTICES OF FOOD BEHAVIOR AMONG RESIDENTS IN THE VOLOGDA REGION

Abstract. *This study identifies and presents the key characteristics of the eating behavior of residents of the Vologda Oblast across two key components: dietary patterns and food composition. The data base is based on the results of a 2024 sociological survey of the region's population. Positive and negative eating behavior patterns are identified.*

Keywords: *eating behavior, practices, population, Vologda region, sociological survey.*

About the author

Konstantin N. Kalashnikov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: konstantino-84@mail.ru)

References

1. Zarubina N.N. (2015a). Ascetic, disciplinary and self-limiting practices as a factor in the formation of nutrition strategies in modern Russia. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 14, 3, 30–48.
2. Zarubina N.N. (2015b). Ideas about the "normative body" as determinants of changes in the nutrition practices of Russians. *Historical Psychology and Sociology of History*, 8, 1, 75–91.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МАШИНОСТРОЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРАКТИК

Аннотация. В статье рассматривается цифровая трансформация машиностроительных предприятий как социотехнический процесс, требующий перестройки управленческих практик и организационной культуры. На основе анализа данных Росстата и эмпирических исследований раскрываются социальные факторы успешной цифровизации.

Ключевые слова: цифровая трансформация, машиностроение, устойчивое развитие, управленческие практики, социотехнический подход, цифровое лидерство.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием Минобрнауки России для Оренбургского филиала Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института экономики Уральского отделения Российской академии наук на 2024–2026 гг. по теме: «Методология функционирования и взаимодействия отраслевых и региональных экономических и логистических систем в условиях цифровой трансформации бизнеса» (№ FUWS-2024-0021).

Современный этап развития промышленности характеризуется переходом от концепции Индустрии 4.0 к более человекоцентричной модели Индустрии 5.0, что актуализирует необходимость переосмысления роли социальных факторов в процессах цифровизации. Машиностроение, являясь одной из ключевых отраслей обрабатывающей промышленности России, сталкивается с необходимостью интеграции цифровых технологий в производственные и управленческие процессы. Однако, как показывает анализ, успешность цифровой трансформации определяется не столько техническими параметрами внедряемых решений, сколько готовностью организационной системы к изменениям.

В соответствии с официальной статистической методологией Росстата, цифровые технологии определяются как «технологии сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления данных в электронном виде»¹. Приказом Росстата от 21 августа 2025 г. № 415 утверждены методологии формирования статистической информации об использовании цифровых технологий, передовых производственных технологиях и применении промышленной робототехники. Эти документы задают концептуальные рамки для оценки цифровой зрелости предприятий, включая обрабатывающие производства (раздел С ОКВЭД2), к которым относится машиностроение².

Согласно данным исследования, проведенного Аналитическим центром НАФИ в 2025 году с участием 22 крупных российских предприятий машиностроения, автомобилестроения и смежных отраслей, основной целью цифровой трансформации в 45% случаев является повышение операционной и экономической эффективности³. При этом источниками проблем, возникающих при цифровизации, выступают не только «недостаток финансирования» (25% голосов) и «нехватка квалифицированных кадров» (20%), но и «трудности, связанные с цифровизацией бизнес-процессов» (15%), «организационная культура и стратегия» (10%), «цифровая грамотность и компетенции сотрудников» (10%). Эти данные подтверждают, что ключевые барьеры цифровизации лежат не в технической, а в социально-управленческой плоскости.

¹ Об утверждении Официальной статистической методологии формирования официальной статистической информации по статистике технологий: Приказ Росстата от 21.08.2025 № 415. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-rosstat-ot-21082025-n-415-ob-utverzhdenii-ofitsialnoi/> (дата обращения: 23.03.2026).

² Об утверждении форм федерального статистического наблюдения и указаний по их заполнению для организации федерального статистического наблюдения за деятельностью в сфере образования, науки и инноваций: Приказ Росстата от 28.07.2025 № 364. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_512677/ (дата обращения: 23.03.2026).

³ Исследование РФРИТ и НАФИ «О цифровой зрелости российских промышленных предприятий». URL: <https://www.novostiitkanala.ru/news/detail.php?ID=183407> (дата обращения: 23.03.2026).

Международные исследования также фиксируют сдвиг исследовательского фокуса в сторону социотехнического подхода к цифровой трансформации. В работе, опубликованной в 2025 году, отмечается, что успешная реализация Индустрии 4.0 требует баланса между техническими и социальными факторами, включая поддержку высшего руководства, вовлечение работников в процессы принятия решений, повышение их автономии и развитие культуры открытой коммуникации (Marcon et al., 2025). Также подчеркивается необходимость формирования «цифрового мышления» на всех уровнях организации как ключевого фактора цифровой готовности.

В российском контексте проблемы оптимизации бизнес-процессов машиностроительных предприятий на основе цифровых технологий рассматриваются в работе В.П. Кузнецова и Е.В. Лаврентьевой. Авторы отмечают, что в условиях санкционного давления и турбулентности экономики особую значимость и актуальность приобретают оптимизация и автоматизация бизнес-процессов, являющиеся необходимым условием обеспечения конкурентоспособности и динамичного развития высокотехнологичных предприятий машиностроения (Кузнецов, Лаврентьева, 2025). При этом исследователи фиксируют «существенное отставание по производительности труда и степени автоматизации производственных процессов» в секторе.

Согласно данным Росстата, доля российских машиностроительных предприятий, внедривших цифровые решения в области управления процессами технического обслуживания и ремонта оборудования, устойчиво растет. Как отмечают эксперты: «Первые ощутимые результаты предприятия отмечают уже в первый год после автоматизации бизнес-процессов»⁴. Однако цифровизация ТООиР это один из аспектов более масштабной трансформации, затрагивающей управленческие практики в целом.

Социологический анализ управленческих практик в условиях цифровизации позволяет выделить несколько ключевых противоречий. Первое связано с рассогласованием между скоростью внедрения технологических инноваций и инерционностью организационных структур. Второе противоречие касается трансформации функций управления: цифровые системы, с одной стороны, централизуют информацию, с другой – требуют делегирования полномочий на нижние уровни для оперативного принятия решений. Третье противоречие обусловлено изменением требований к компетенциям руководителей: наряду с традиционными управленческими навыками возрастает потребность в понимании технологических процессов и способности работать с большими данными.

В исследовании немецких ученых, посвященном социотехническим аспектам цифровизации производственных систем, отмечается, что внедрение цифровых технологий оказывает значительное влияние на такие социальные феномены, как осведомленность, мотивация и лидерское поведение. Авторы подчеркивают, что сотрудники адаптируют свое поведение и лидерские активности исходя из (ожидаемого) поведения других членов и руководителей и это может оказывать как позитивное, так и негативное воздействие на эффективность цифровой трансформации (Martin et al., 2025).

Формирование устойчивых управленческих практик цифровой трансформации требует пересмотра подходов к кадровой политике. Как показывают исследования, успешные компании делают акцент на развитии внутренних компетенций, создании системы непрерывного обучения и формировании культуры экспериментирования (Marcon et al., 2025). При этом особое значение приобретает роль «цифровых чемпионов» – сотрудников, выступающих проводниками изменений и способных преодолевать организационное сопротивление.

Обобщение результатов теоретического анализа и эмпирических исследований позволяет выделить ключевые социальные факторы, определяющие успешность цифровой трансформации машиностроительных предприятий (*табл. 1*).

⁴ Доля машиностроительных предприятий с цифровыми решениями ТООиР растет // РБК Компании. URL: <https://companies.rbc.ru/news/h76xYQTDOL/dolya-mashinostroitelnyih-predpriyatij-s-tsifrovymi-resheniyami-toir-rast-et/> (дата обращения: 23.03.2026).

Таблица 1. Социальные факторы успешной цифровой трансформации машиностроительных предприятий

Фактор	Составляющие
Цифровое лидерство	Стратегическое видение руководства; личная вовлеченность топ-менеджмента; формирование культуры инноваций
Вовлеченность персонала	Участие в принятии решений; открытые коммуникации; преодоление сопротивления изменениям
Развитие компетенций	Система непрерывного обучения; повышение цифровой грамотности; наставничество и «цифровые чемпионы»
Организационная культура	Культура экспериментирования; гибкость и адаптивность; ориентация на непрерывные улучшения
Источник: составлено автором на основе (Martin et al., 2025; Marcon et al., 2025).	

Представленные факторы находятся в тесной взаимосвязи: цифровое лидерство создает условия для вовлечения персонала, развитие компетенций усиливает организационную культуру, а вовлеченность работников выступает необходимым условием реализации стратегических инициатив руководства.

Таким образом, цифровая трансформация машиностроения выступает не столько технологическим, сколько социотехническим и управленческим вызовом. Устойчивость цифровых преобразований обеспечивается не только и не столько техническими параметрами внедряемых систем, сколько готовностью управленческих команд к перестройке практик управления, развитием кадрового потенциала и формированием организационной культуры, поддерживающей инновации. В связи с этим дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку инструментов диагностики социальной готовности предприятий к цифровой трансформации и формирование моделей адаптивного управления в условиях цифровой экономики.

Библиографический список

1. Кузнецов В.П., Лаврентьева Е.В. (2025). Оптимизация бизнес-процессов предприятий машиностроения на базе модернизированной системы управления производством (MES) // Вестник ТвГУ. Серия: Экономика и управление. № 3. С. 231–244.
2. Martin M.S., Reichel S., Brodesser S. [et al.]. (2025). Awareness, motivation and leadership in production systems: a socio-technical perspective. *Computer Supported Cooperative Work (CSCW)*, 34, 687–740.
3. Marcon E., Soliman M., Ayala N.F., Sturgeon T., Frank A.G. (2025). A system view of how balancing sociotechnical factors in Industry 4.0 implementation: Evidence from interviews and ethnographic research. *Computers & Industrial Engineering*, 203, 111047.

Информация об авторе

Анастасия Антоновна Коровина – младший научный сотрудник, Оренбургский филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института экономики Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 460000, г. Оренбург, ул. Пионерская, д. 11; e-mail: waldmannasta98@mail.ru)

DIGITAL TRANSFORMATION AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF MECHANICAL ENGINEERING: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF MANAGEMENT PRACTICES

Abstract. *The article considers the digital transformation of machine-building enterprises as a sociotechnical process requiring the restructuring of management practices and organizational culture. Based on the analysis of Rosstat data and empirical research, the social factors of successful digitalization are revealed.*

Keywords: *digital transformation, mechanical engineering, sustainable development, management practices, sociotechnical approach, digital leadership.*

About the author

Anastasia A. Korovina – Junior Researcher, Orenburg Branch of the Federal State Budgetary Institution of Science, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (11, Pionerskaya Street, Orenburg, 460000, Russian Federation; e-mail: waldmannasta98@mail.ru)

References

1. Kuznetsov V.P., Lavrentyeva E.V. (2025). Optimization of business processes of mechanical engineering enterprises based on a modernized production execution system (MES). *Vestnik of Tver State University. Series: Economics and Management*, 3, 231–244.
2. Martin M.S., Reichel S., Brodesser S. [et al.]. (2025). Awareness, motivation and leadership in production systems: a socio-technical perspective. *Computer Supported Cooperative Work (CSCW)*, 34, 687–740.
3. Marcon E., Soliman M., Ayala N.F., Sturgeon T., Frank A.G. (2025). A system view of how balancing sociotechnical factors in Industry 4.0 implementation: Evidence from interviews and ethnographic research. *Computers & Industrial Engineering*, 203, 111047.

БРЕНДИНГ ТЕРРИТОРИЙ В КОНСТРУИРОВАНИИ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ

Аннотация: *Цель исследования заключается в систематизации теоретических подходов к пониманию роли идентичности в процессах территориального брендинга и анализ современных трендов их взаимодействия. Выделены основные подходы к взаимосвязи брендинга и территориальной идентичности. Представлены примеры территориального брендинга.*

Ключевые слова: *территориальный брендинг, региональная идентичность, имидж территории, конкурентоспособность региона, локальные сообщества.*

Введение

В современном мире, характеризующемся высокой мобильностью капитала, информации и человеческих ресурсов, территории (города, регионы, страны) вступают в конкуренцию. Для привлечения туристов, инвесторов и новых жителей, а также удержания коренного населения, недостаточно наличия природных ресурсов или промышленных мощностей. Активом становится нематериальный капитал, который представляет собой уникальный и привлекательный образ территории, или ее бренд. Однако, как показывает практика, попытки искусственно сконструировать этот образ «сверху» часто терпят неудачу, сталкиваясь с неприятием со стороны местных жителей или несоответствием с реальностью. Цель данной работы – проанализировать теоретические основания взаимосвязи брендинга территорий и идентичности, а также выявить современные подходы к их гармонизации.

Теоретические основы: взаимосвязь брендинга и идентичности

В научной литературе существует консенсус относительно необходимости разграничения понятий «идентичность территории» и «бренд территории». Брендинг территории представляет собой стратегический процесс управления восприятием, направленный на создание, поддержание и трансляцию привлекательного образа территории целевой аудитории (Александрова, 2025; Перников, 2025). Как отмечают авторы систематического обзора, ключевая задача управления территориальным брендом заключается в соответствии между тем, как бренд должен быть построен, и тем, как он воспринимается (Lessa et al., 2025). Современные концепции территориального брендинга исходят из того, что успешный бренд не может быть искусственно сконструирован без опоры на реальные социокультурные основания территории.

На основе систематизации научной литературы выделим несколько основных подходов к пониманию роли идентичности в территориальном брендинге. С точки зрения экономического подхода, идентичность региона – это совокупность свойств локализованной территории, для которой характерна производственная, кадровая, технологическая, инфраструктурная и рыночная специализации как подсистемы национальной экономики (Дворядкина, Джалилов, 2021). Данный подход учитывает, что идентичность региона может выступать как фактор социально-экономического развития территории.

Следующий подход – антропоцентричный (или субъектно-ориентированный), в основе которого лежит постулат о субъектности локального сообщества в процессах территориального брендинга. Он характерен для современной социологической мысли, перемещает фокус внимания с территории как объекта управления на территорию как пространство жизнедеятельности человека. Главным тезисом выступает невозможность искусственного конструирования бренда административными методами без опоры на мнение и участия местных жителей. Именно жители, будучи первичными носителями локальной идентичности, являются ключевыми агентами формирования репутации территории. Исследования в республиках Северного Кавказа подтверждают, что ресурс привлекательности региона заложен в ценностных ориентациях его населения: приверженности языку, сохранении этнических традиций и практике добрососедских отношений (Ильинова, 2024; Киреева и др., 2024).

Третий подход обозначим как семиотический (коммуникативный). В рамках данного подхода, разрабатываемого преимущественно в русле географической и маркетинговой наук, идентичность территории рассматривается как уникальный код или текст, состоящий из совокупности символов, значений и мифов, укорененных в локальной культуре, истории и ландшафте. Сторонники этого подхода утверждают, что бренд территории есть не что иное, как процесс перевода этого объективно существующего культурно-символического кода на язык маркетинговых коммуникаций. Успешность брендинга напрямую зависит от аутентичности используемых символов – они должны быть «считаны» с территории, а не привнесены извне (Штанько и др., 2019; Попова, 2023).

Значимое место в исследованиях территориальной идентичности занимает институциональный (управленческий) подход. Он фокусируется на роли институтов и стейкхолдеров в процессе согласования идентичности и бренда. Ключевая задача управления брендом территории видится в создании институциональных механизмов (общественных советов, проектных офисов, краудсорсинговых платформ), позволяющих перевести имплицитные (неявные) представления жителей об идентичности в эксплицитную (явную) стратегию позиционирования. Исследование Е.А. Демаковой, И.В. Кротовой и А.А. Казакова обосновывает структурно-функциональную модель интегрирования брендинга на основе анализа ценностей стейкхолдеров региона. Авторы показывают возможность согласованного формирования ценностей путем управления взаимодействиями бизнес-структур, органов власти и некоммерческих организаций, заинтересованных в развитии целостного территориального бренда. Особое внимание уделяется репутационной ответственности как драйверу, укрепляющему региональный бренд (Демаков и др., 2019).

Проведенный анализ позволяет сделать заключение о том, что эволюция теоретических представлений о территориальном брендинге демонстрирует устойчивое движение от упрощенных экономических и маркетинговых моделей к более сложным, социокультурным и управленческим концепциям. Если экономический подход рассматривает идентичность как набор объективных характеристик и ресурс для извлечения прибыли, то антропоцентричный и семиотический подходы смещают фокус на внутренние присущие территории смыслы и культурные коды. Институциональный подход, в свою очередь, предлагает практический инструментарий для согласования этих глубинных смыслов со стратегическими задачами развития.

Современные практики территориального брендинга

Анализ актуальных практик территориального брендинга позволяет выделить несколько ключевых трендов, среди которых: институциональная защита уникальных продуктов, создание комплексных визуальных систем и вовлечение локальных сообществ. Примером реализации этих тенденций выступает Вологодская область, демонстрирующая системный подход к конструированию и репрезентации своего бренда.

Одним из базовых элементов бренда Вологодчины является ее гастрономическая идентичность, ядром которой выступает знаменитое «Вологодское масло». В 2024 году регион инициировал механизм защиты этого бренда на институциональном уровне. В рамках Петербургского международного экономического форума было подписано соглашение с Россельхознадзором о введении автоматического запрета на оформление ветеринарных документов для производителей за пределами области, не имеющих сертификата на право использования наименования места происхождения товара¹. Эта практика является воплощением институционального подхода, где государственные органы и надзорные системы выступают гарантами аутентичности бренда, защищая его от фальсификата и закрепляя уникальную связь продукта с территорией происхождения.

Сегодня Вологодская область активно формирует единый визуальный язык, который становится основой для всех коммуникаций – от городской среды до сувенирной продукции. Разработанный дизайн-код региона, включающий красно-белую гамму, стилизованные элементы кружева, силуэты Софийской колокольни и образ Птицы счастья, наносится на фасады зданий, общественный транспорт и вывески. В 2026 году запущено производство официального регионального мерча². Линейка включает футболки, худи, шоперы, канцелярию и посуду, объединенные общей символикой. Важно, что этот проект реализуется во взаимодействии с центром «Мой бизнес» и ремесленным пространством «Соткано вручную», что обеспечивает связь бренда с реальными практиками локальных мастеров.

¹ Россельхознадзор подписал соглашение с Вологодской областью для защиты товарного знака // Россельхознадзор. URL: <https://fsvps.gov.ru/news/rosselhoz nadzor-podpisal-soglashenie-s-vologodskoj-oblastju-dlja-zashhity-tovarnogo-znaka/>

² В Вологодской области стартует выпуск регионального мерча // Вестник лицензионного рынка. URL: <https://licensingrussia.ru/article/16358-v-vologodskoi-oblasti-startuet-vypusk-regionalnogo-mercha/>

Отдельного внимания заслуживает кейс «Музея кружева» в г. Вологде, демонстрирующий, как семиотический подход к брендингу позволяет переосмыслить традиционный промысел на языке современной культуры. Дизайнерами Высшей школы дизайна НИУ ВШЭ была разработана новая айдентика, в которой само слово «КРУЖЕВО» становится основой для типографических паттернов, имитирующих сложные переплетения нитей. Использование строгой монохромной палитры и модульных сеток позволило создать не просто музейный логотип, а гибкую визуальную систему, которая может быть интегрирована в городскую среду, превращая традиционное кружево из музейного экспоната в живой элемент современного визуального ландшафта г. Вологды.

Формирование сильного территориального бренда невозможно без укрепления репутации локальных производителей. В Вологодской области эту функцию выполняет проект «Сделано на Вологодчине». На сегодняшний день к нему присоединилось более 400 производителей, которые представляют свыше 5000 товаров³. Проект не только маркирует продукцию особым знаком качества, но и обеспечивает ее продвижение на ведущих маркетплейсах и розничных площадках. Это создает эффект «зонтичного бренда», в рамках которого репутация региона подкрепляется качеством конкретных товаров, и, наоборот, успех локальных брендов работает на укрепление имиджа всей территории.

Таким образом, практика Вологодской области иллюстрирует синтез выделенных теоретических подходов. Экономическая и институциональная составляющая реализуется через защиту премиального продукта и поддержку производителей. Антропоцентричный и семиотический подходы находят свое отражение в актуализации культурных кодов (кружево, вышивка и прочее) и ориентации на жителя как носителя идентичности и потребителя мерча и уникальных продуктов.

Библиографический список

1. Александрова А.А. (2025). Продюсерская модель управления проектами территориального брендинга: от идеи к реализации // Экономика и бизнес: теория и практика. № 10. С. 7–11. DOI: 10.24412/2411-0450-2025-10-7-11
2. Дворядкина Е.Б., Джалилов Э.В. (2021). Свойства экономического пространства традиционно-промышленного региона: теоретические основания // Journal of new economy. Т. 22. № 4. С. 45–61.
3. Демакова Е.А., Кротова И.В., Казаков А.А. (2019). Интегрированная модель товарного и территориального брендинга на основе анализа ценностей стейкхолдеров // Региональные проблемы преобразования экономики. № 7 (105). С. 79–86.
4. Ильинова Н.А. (2024). Брендинг региона в контексте национальной идентичности: опыт социологического исследования Адыгеи, Дагестана, Кабардино-Балкарии // Власть. № 2. С. 190–196.
5. Киреева И.В., Куква Е.С., Ляушева С.А. [и др.]. (2024). Брендинг регионов и его потенциал в укреплении российской национальной идентичности (кейсы Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Дагестана) // Регионоведение. Т. 32. № 2. С. 368–387.
6. Перников В.В. (2025). К вопросу о концептуальных основаниях брендинга территорий как компонента государственной политики // Российский социально-гуманитарный журнал. № 4. С. 150–165.
7. Попова В.Н. (2023). Бренд территории: «миф» между прошлым и будущим // Управление культурой. № 4 (8). С. 12–17.
8. Штанько Е.С., Калашникова Н.Н., Ефремова Н.В. (2019). Региональные культурные бренды как способ продвижения и социально-культурного развития территорий // Современные наукоемкие технологии. № 10 (2). С. 381–386.
9. Lessa P.W., Ocke M.A., Brezolin I.P. (2025). Place branding: understanding identity, image and brand positioning: a bibliometric and systematic review. *ReMark - Revista Brasileira De Marketing*, 24, 4. DOI: 10.5585/2025.29910.

³ Сделано на Вологодчине – интернет-площадка от Вологодских производителей. URL: <https://marketvologda.ru/>

Информация об авторах

Ксения Евгеньевна Косыгина – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sene4ka.87@mail.ru)

Ксения Андреевна Кулик – магистрант, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ksusha6913@mail.ru)

Kosygina K.E., Kulik K.A.

TERRITORIAL BRANDING IN THE CONSTRUCTION AND REPRESENTATION OF IDENTITY: THEORETICAL APPROACHES AND MODERN PRACTICES

Abstract. *The aim of the study is to systematize theoretical approaches to understanding the role of identity in the processes of territorial branding and to analyze current trends in their interaction. The main approaches to the relationship between branding and territorial identity are highlighted. Examples of territorial branding are presented.*

Keywords: *territorial branding, regional identity, territory image, regional competitiveness, local communities.*

About the authors

Ksenia E. Kosygina – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sene4ka.87@mail.ru)

Ksenia A. Kulik – Master Degree student, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, e-mail: ksusha6913@mail.ru)

References

1. Aleksandrova A.A. (2025). Producer model of territorial branding project management: from idea to implementation. *Economics and business: theory and practice*, 10, 7–11. DOI: 10.24412/2411-0450-2025-10-7-11
2. Dvoryadkina E.B., Dzhililov E.V. (2021). Properties of the economic space of a traditional industrial region: theoretical foundations. *Journal of new economy*, 22, 4, 45–61.
3. Demakova E.A., Krotova I.V., Kazakov A.A. (2019). Integrated model of product and territorial branding based on the analysis of stakeholder values. *Regional problems of economic transformation*, 7(105), 79–86.
4. Ilyinova N.A. (2024). Branding of the region in the context of national identity: experience of sociological research in Adygea, Dagestan, Kabardino-Balkaria. *Power*, 2, 190–196.
5. Kireeva I.V., Kukva E.S., Lyausheva S.A. [et al.]. (2024). Branding of regions and its potential in strengthening Russian national identity (cases of Adygea, Kabardino-Balkaria and Dagestan). *Regionology*, 32, 2, 368–387.
6. Pernikov V.V. (2025). On the issue of conceptual foundations of territorial branding as a component of state policy. *Russian Social and Humanitarian Journal*, 4, 150–165.
7. Popova V.N. (2023). Brand of the territory: "myth" between past and future. *Cultural Management*, 4(8), 12–17.
8. Shtanko E.S., Kalashnikova N.N., Efremova N.V. (2019). Regional cultural brands as a way to promote and socio-cultural development of territories. *Modern high-tech technologies*, 10(2), 381–386.
9. Lessa P.W., Ocke M.A., Brezolin I.P. (2025). Place branding: understanding identity, image and brand positioning: a bibliometric and systematic review. *ReMark - Revista Brasileira De Marketing*, 24, 4. DOI: 10.5585/2025.29910

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОТРЕБЛЕНИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ
В ПЕРИОДЫ ПАНДЕМИИ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ**

Аннотация. *В настоящем исследовании представлен анализ статистических данных по потреблению услуг в сфере культуры в субъектах СЗФО. Несмотря на геополитическую нестабильность и внешние факторы, выявлена положительная динамика. Сделан вывод о необходимости корректировки социокультурной политики с учетом региональной дифференциации.*

Ключевые слова: *культура, регион, культурная политика, сфера культуры, потребление домашних хозяйств, потребление культуры.*

Актуальность исследования потребления сферы культуры на региональном уровне обусловлена комплексом социально-экономических и политических вызовов. В условиях региональной асимметрии и геополитической турбулентности культура перестает восприниматься исключительно как социальная сфера и превращается в стратегический ресурс, обеспечивающий национальную безопасность, суверенитет и устойчивое развитие регионов (Коллин, 2023). С одной стороны, она играет консолидирующую роль, закладывая основы гражданской идентичности и укрепляя духовно-нравственные устои общества, с другой – стимулирует развитие креативных индустрий, туристической сферы и человеческого капитала.

Проблематика потребления услуг учреждений культуры осложняется воздействием ряда факторов. Прежде всего, ощутимое влияние на данную сферу оказала пандемия COVID-19 – введенные ограничительные меры, включая отмену массовых мероприятий и режим самоизоляции, спровоцировали резкое сокращение потребления культурных услуг, из-за чего данная сфера попала в официальный перечень наиболее пострадавших отраслей¹ (Абанкина и др., 2022; Косыгина, Леонидова, 2025). Кроме того, в контексте специальной военной операции (СВО) и идеологического противостояния со странами Запада происходит переосмысление роли культуры – ее функционирование и потребление все чаще связывают со стратегическими задачами: сохранением самобытности российской культуры и поддержкой традиционных ценностей, применением культурного потенциала как инструмента «мягкой силы», а также развитием системы патриотического воспитания (Жадунова и др., 2025). При этом приоритезация данного направления приходится на период 2022–2023 гг.²

Таким образом, целью работы является выявление тенденций потребления в сфере культуры в регионах (на примере субъектов СЗФО) в контексте современных вызовов и приоритетов государственной политики.

Результаты исследования

Ключевым индикатором, характеризующим объемы потребления товаров и услуг в сфере культуры, является количество посещений учреждений. За период 2018–2024 гг. наблюдается устойчивый рост общего числа посещений учреждений культуры по всей стране (38%), что свидетельствует об увеличении интереса населения к культурным мероприятиям. В Северо-Западном федеральном округе положительные изменения менее выражены, чем в среднем по Российской Федерации (24 против 38%), что может свидетельствовать об особенностях региональной специфике потребления культурных услуг в СЗФО.

¹ Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции: Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2020 № 434. URL: <https://base.garant.ru/73846630/>

² О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации: Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429409/?ysclid=mmx7rp8i87164888276; Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S&ysclid=mmx7xtl8xv251195562;> О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046?ysclid=mmx7wjyilb436865246>

Основным фактором, повлиявшим на посещаемость учреждений культуры в 2020 году, является пандемия COVID-19. Антипандемийные меры существенно снизили количество посещений как в целом по всей стране, так и в регионах. В большинстве субъектов в 2020 году число посещений сократилось почти в два раза. Наибольшее сокращение зафиксировано в Санкт-Петербурге (на 58% по сравнению с предыдущим годом).

Значимое влияние на культурное потребление оказала «новая культурная политика» в 2022–2023 гг. В этот период выявлены наибольшие изменения по сравнению с предыдущим годом во всех регионах федерального округа – от 4 до 16%, в зависимости от региона, тогда как в прошлых периодах рост был от 2 до 10% (если исключить постковидный период, восстановление которого произошло в следующем году и превысило доковидные значения).

Важно отметить значительную региональную дифференциацию внутри округа. Несмотря на статус крупного культурного центра, Санкт-Петербург демонстрирует одни из самых наименьших темпов прироста за рассматриваемый период, что может быть связано с изначально высокой базой и насыщенностью культурно-досуговых предложений. Лидерами по темпам прироста являются Псковская и Ленинградская области (77 и 51% соответственно; табл. 1). Можно предположить, что это вызвано реализацией региональных программ по развитию культурной инфраструктуры и повышением доступности учреждений культуры в регионе³.

Таблица 1. Количество посещений учреждений культуры в России и субъектах СЗФО за 2018–2024 гг., тыс. чел.

Субъект	Год							Темп прироста 2024 к 2018, в %
	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	
Российская Федерация	1 162 809	1 214 300	644 678	1 230 126	1 358 438	1 523 359	1 608 845	38,36
Северо-Западный федеральный округ	111 235	118 331	65 974	119 913	116 087	130 667	137 618	23,72
Псковская обл.	4 789	5 378	6 041	6 295	8 153	8 579	8 468	76,81
Ленинградская обл.	10 896	11 501	9 467	16 076	12 355	14 335	16 445	50,92
Новгородская обл.	7 757	8 297	5 555	9 273	8 963	10 078	11 129	43,47
Респ. Карелия	3 143	3 288	2 073	3 819	3 603	4 004	4 240	34,89
Респ. Коми	6 402	6 634	3 166	8 827	6 629	7 699	8 004	25,03
Вологодская обл.	11 794	12 582	7 396	14 854	12 029	13 534	14 182	20,25
Мурманская обл.	6 807	6 963	3 549	6 560	6 977	7 826	8 152	19,76
Калининградская обл.	6 597	6 755	4 158	8 057	6 676	7 592	7 843	18,87
Архангельская обл.	8 438	8 832	4 419	9 870	8 609	9 822	9 874	17,02
г. Санкт-Петербург	44 202	47 680	19 871	35 765	41 703	46 788	48 848	10,51
Ненецкий автономный округ	410	419	278	517	391	410	434	6,01

Ранжировано по темпам прироста.
Примечание: рассчитано без учета концертных организаций и детских школ искусств.
Источник: рассчитано авторами на основе данных АИС статистика МК РФ URL: <https://stat.mkrf.ru/indicators/?ysclid=mmoho7f33c382972649>

Анализ посещаемости учреждений культуры следует дополнить исследованием структуры платных услуг населению, чтобы получить более полное представление о роли данной сферы в структуре экономики регионов.

Данные табл. 2 демонстрируют существенное изменение доли услуг учреждений культуры в общем объеме платных услуг населению за период 2018–2025 гг. Средние показатели Северо-Западного Федерального округа опережают показатели в Российской Федерации. Однако при более подробном рассмотрении определено, что это связано с отличными значениями Санкт-Петербурга, тогда как значения по регионам ближе (а то и существенно ниже) к средним значениям по стране.

³ Мониторинг // Министерство культуры Псковской области. URL: <https://gkk.pskov.ru/deyatelnost/regionalnyy-proekt-kultura/monitoring?ysclid=mmuk66jggp775197046>; О реализации национальных и региональных проектов Ленинградской области // Правительство Ленинградской области. URL: https://lenobl.ru/ru/informaciya/promo/?national_project=4#map_lenobl

Таблица 2. Доля услуг учреждений культуры в общем объеме оказанных платных услуг населению, %

Субъект	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	Изменение 2025 к 2018 (+/-)
Российская Федерация	2,02	2,02	1,19	1,47	1,56	Н/Д	Н/Д	Н/Д	Н/Д
Северо-Западный федеральный округ	3,57	4,23	2,11	2,12	2,41	3,03	2,99	3,06	-0,50
Ленинградская область	1,13	2,86	2,16	2,11	2,00	2,20	2,12	2,28	1,15
Республика Карелия	1,36	1,44	1,00	1,22	1,40	2,23	2,39	2,36	1,00
Вологодская область	1,52	2,23	1,59	1,70	1,86	2,11	2,20	2,17	0,65
Калининградская область	1,95	2,06	1,37	1,86	2,06	2,36	2,47	2,48	0,53
Новгородская область	1,29	1,48	1,02	1,14	1,18	1,42	1,45	1,53	0,24
Республика Коми	0,98	0,93	0,59	0,69	0,60	0,80	0,97	1,06	0,09
Псковская область	1,61	1,57	0,88	1,19	1,25	1,33	1,56	1,65	0,04
Мурманская область	1,59	1,53	0,74	1,13	1,37	1,39	1,43	1,62	0,03
Архангельская область	1,29	1,30	0,67	0,98	1,07	1,23	1,23	1,27	-0,03
г. Санкт-Петербург	5,46	6,38	2,99	2,73	3,16	4,00	3,92	3,96	-1,49

Ранжировано по темпам прироста.
 Источник: рассчитано авторами на основе данных ЕМИСС 1.10.1. Объем платных услуг населению. URL: <https://www.fedstat.ru/organizations/?expandId=1293165#fpsr1293165>

Доля платных услуг в учреждениях культуры в пандемийный период сократилась примерно в 2 раза во всех регионах, за исключением Ленинградской области (уменьшение на 24%, по сравнению с предыдущим годом). Как и в случае с количеством посещений, наиболее сильно пострадал Санкт-Петербург (-53% за период 2019–2020 гг.).

Важно подчеркнуть, что доля услуг учреждений культуры в общем объеме платных услуг не демонстрирует стремительного восстановления в 2021 году, как посещаемость. В результате за период 2018–2025 гг. только в Ленинградской, Вологодской, Калининградской областях и Республике Карелия показатель демонстрирует рост по сравнению с доковидными значениями. При исключении послековидного восстановления, наибольший прирост в сравнении с предыдущим годом так же фиксируется в период 2022–2023 гг. (до 60%, в зависимости от региона).

Анализ структуры платных услуг подтверждает выводы о наличии региональной дифференциации в развитии культурной сферы. При этом наблюдается общая тенденция к стабилизации доли культурных услуг после пандемийного спада.

Исследование структуры потребительских расходов населения на услуги культуры позволяет сформировать комплексное представление о потребительском поведении населения. На общероссийском уровне за период 2022–2025 гг. наблюдается относительная стабильность – показатель 2025 года вернулся к уровню 2022 года (0,34%).

В Северо-Западном федеральном округе прослеживается более позитивная динамика – доля расходов на культурные услуги увеличилась на 0,10 п. п., достигнув 0,49% от общих потребительских расходов, что существенно выше среднероссийских показателей. Однако, следует отметить, что обусловлено это большими значениями в городе федерального значения Санкт-Петербурге и Ленинградской области, тогда как в большинстве регионов значение показателя ниже, чем в общем по стране.

В большинстве случаев показатель относительно стабилен и изменяется незначительно. Однако в Архангельской и Новгородской областях выявлен рост показателя на 0,35 п. п. и 0,19 п. п. соответственно, что может свидетельствовать о положительном изменении в потребительском поведении в сфере культуры в данных регионах. В целом сохраняется региональная дифференциация по регионам. При исключении Санкт-Петербурга и Ленинградской области разница может достигать до 0,43 п. п. в 2025 г. (табл. 3).

Таблица 3. Доля услуг организаций культуры в структуре потребительских расходов населения

Субъект	2022	2023	2024	2025	Изменение 2025 к 2022 (+/-)
Российская Федерация	0,34	0,29	0,31	0,34	0,00
Северо-Западный федеральный округ	0,39	0,39	0,48	0,49	0,10
Архангельская область	0,24	0,31	0,41	0,59	0,35
Новгородская область	0,07	0,11	0,22	0,26	0,19
Республика Карелия	0,12	0,14	0,18	0,23	0,11
г. Санкт-Петербург	0,54	0,53	0,63	0,65	0,11
Республика Коми	0,10	0,11	0,15	0,20	0,10
Калининградская область	0,08	0,07	0,14	0,18	0,10
Вологодская область	0,20	0,22	0,22	0,28	0,08
Мурманская область	0,17	0,22	0,30	0,25	0,08
Ленинградская область	0,54	0,49	0,69	0,61	0,07
Псковская область	0,11	0,08	0,09	0,16	0,05
Ранжировано по темпам прироста. Источник: ЕМИСС 1.29.12. Структура потребительских расходов населения URL: https://www.fedstat.ru/indicator/37053					

Заключение

На основе проведенного анализа можно сделать ряд выводов о состоянии потребления сферы культуры в России и субъектах СЗФО.

Во-первых, несмотря на трудности, связанные с пандемией и проведением СВО, наблюдается общая положительная тенденция потребления услуг культуры. Это подтверждается ростом посещаемости учреждений культуры, стабилизацией доли платных услуг и относительной устойчивостью потребительских расходов на культурные мероприятия.

Во-вторых, выявлена существенная региональная дифференциация в развитии культурной сферы. Лидерами выступают Ленинградская область и Санкт-Петербург, демонстрирующие высокие показатели по всем исследуемым параметрам. При этом отдельные регионы (Псковская и Новгородская области) показывают позитивные изменения, что свидетельствует о потенциале развития культурной инфраструктуры в данных регионах.

В-третьих, анализ структуры платных услуг и потребительских расходов позволяет сделать вывод о формировании устойчивой модели потребления культурных услуг, где платные и бесплатные форматы дополняют друг друга.

Можно предположить, что положительная динамика в сфере культуры связана с увеличением внимания органов власти к повышению культурного суверенитета России. Вместе с тем, выявленные региональные различия указывают на необходимость разработки подходов к развитию культурной инфраструктуры в регионах с учетом их особенностей.

Библиографический список

1. Абанкина Т.В., Мацкевич А.В., Романова В.В. (2022). Креативные индустрии в условиях пандемии COVID-19 // Экономика. Налоги. Право. Т. 15. №. 2. С. 38–51. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-2-38-51.
2. Колин К.К. (2023). Культура России как стратегический фактор национальной и глобальной безопасности // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 76–90. DOI: 10.17805/zpu.2023.2.6.
3. Косыгина К.Е., Леонидова Е.Э. (2025). Коммерциализация культуры в России: тенденции и социокультурные последствия // Социальное пространство. Т. 11. № 3. DOI: 10.15838/sa.2025.3.47.5.
4. Жадунова Н.В., Коваль Е.А., Ушкин С.Г., Сычев А.А. (2025). Культурная мобилизация в период проведения специальной военной операции: как «новая» этика меняет «старые» привычки // Регионология. Т. 33. № 2 (131). С. 335–353. DOI: 10.15507/2413-1407.129.033.202502.335-353.

Информация об авторах

Николай Николаевич Михалко – инженер-исследователь, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького 56а; e-mail: mihalcko.kolya@yandex.ru)

Ангелина Эдуардовна Жданова – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: angelinazhdanova99@mail.ru)

Mikhalko N.N., Zhdanova A.E.

REGIONAL TRENDS IN CULTURAL CONSUMPTION DURING PERIODS OF PANDEMIC AND GEOPOLITICAL INSTABILITY

Abstract. *This study presents an analysis of statistical data on the consumption of cultural services in the Northwestern Federal District. Despite the geopolitical instability and external factors, a positive trend has been revealed. The conclusion is made about the need to adjust socio-cultural policy, taking into account regional differentiation.*

Keywords: *culture, region, cultural policy, cultural sphere, household consumption, cultural consumption.*

About the authors

Nikolay N. Mikhalko – Research Engineer, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: mihalcko.kolya@yandex.ru)

Angelina E. Zhdanova – Junior Researcher, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: angelinazhdanova99@mail.ru)

References

1. Abankina T.V., Matskevich A.V., Romanova V.V. (2022). Creative industries in the context of the COVID-19 pandemic. *Economics, taxes & law*, 15, 2, 38–51. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-2-38-51
2. Kolin K.K. (2023). Culture of Russia as a strategic factor of national and global security. *Knowledge. Understanding. Ability*, 2, 76–90. DOI: 10.17805/zpu.2023.2.6
3. Kosygina K.E., Leonidova E.E. (2025). Cultural commercialization in Russia: Trends and cultural consequences. *Social Area*, 11(3). DOI: 10.15838/sa.2025.3.47.5
4. Zhadunova N.V., Koval E.A., Ushkin S.G., Sychev A.A. (2025). Cultural mobilization during the special military operation: how «New» ethics changes «Old» habits. *Russian Journal of Regional Studies*, 33, 2, 335–353. DOI: 10.15507/2413-1407.129.033.202502.335-353

К ВОПРОСУ О МОБИЛИЗАЦИОННЫХ ВЫЗОВАХ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье рассматриваются мобилизационные вызовы гражданской активности молодежи в контексте современных социальных трансформаций. Актуальность темы обусловлена гибкостью молодежного сознания, подверженностью внешним воздействиям и способностью молодых людей одновременно подключаться к социально одобряемым и деструктивным формам активности. Цель работы состоит в теоретическом анализе уровневой структуры мобилизационных вызовов гражданской активности в условиях новой социальной реальности.

Ключевые слова: гражданская активность, молодежь, мобилизационные вызовы, регион, институционализация.

Гражданская активность молодежи в условиях обновляющихся мобилизационных вызовов и рисков приобретает особую актуальность для изучения. Это обусловлено несколькими причинами: во-первых, молодые люди обладают интенсивно формирующимся гибким сознанием и поведением, подвергающимся внешним воздействиям, а интернализация их социальных ролей зависит от социальной среды, осознания значимости включенности в сконструированные сообщества (в т. ч. сетевые); во-вторых, молодые люди, осваивая доступную социальную практику, находятся в постоянном выборе между параметрами должного, дозволенного и запрещенного поведения; в-третьих, данная возрастная группа готова одновременно подключиться к «чему-то хорошему и плохому», а вектор во многом зависит от того, кто и как правильно «подберет ключ» к совместному пониманию происходящего.

Состояние поиска или обновления референтных групп, а также справедливая оценка социальных и политических изменений создает среду поливариантного выбора молодежью путей развития. В российской социологической традиции изучение гражданской активности оформилась еще в дореволюционный период в рамках «субъективной школы». Авторы данного направления обращались к таким темам, как внутренний мир личности, нравственный идеал, ценностные аспекты человеческого поведения. Так, например, в активистской теории личности С.Н. Южакова, единственным активным элементом является личность. Деятельность личностей, в свою очередь, приводит к преобразованию природной среды обитания в общественную (культуру). Он вводит понятие «согласованная самодеятельность» – деятельность личностей, направленная на обеспечение процветания общества. Субъектами «согласованной самодеятельности» выступают личности, обладающие развитым мирозерцанием и доминирующим нравственным чувством (Южаков, 2008). В рамках субъективного осмысления гражданской активности значимость приобретают условия проживания и «характер вживания» личности в определенную роль. Особенно контрастным выступает одновременное соприкосновение деятелей, готовых в условиях мобилизационных рисков решать определенные социально-политические противоречия и присутствующих, т. е. тех, кто готов только пользоваться результатами определенных преобразований.

Одно из первых определений «молодежи» дал В.Т. Лисовский. С его точки зрения, под молодежью следует понимать поколение людей, проходящих стадию социализации, т. е. усваивающих образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции (Лисовский, 1969, с. 7). В современности все также прослеживается инвариантность запросов молодежи. Согласно исследованию «Люди будущего: ценности и ориентиры современной российской молодежи»¹, для школьников важна творческая самореализация, присутствует запрос на участие в добровольческой деятельности. Школьники, сосредотачиваясь на себе, готовы реализовываться в сфере волонтерства. Студенты (18–24 лет) самая социально активная группа: здесь наибольшее число активных участников общественной жизни (59%). Переходный период (25–29 лет) – это возраст «пересборки» ключевых приоритетов. Для «взрослой» молодежи (30–35 лет) не важен социальный статус и положение в обществе – максимальный результат среди всех групп (29%), для 44% скорее не важно участие в общественной и политической деятельности.

¹ Люди будущего: ценности и ориентиры современной российской молодежи // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/expertise/ljudi-budushchego-cennosti-i-orientiry-sovremennoi-rossiiskoi-molodezhi>

Стоит отдельно отметить то, что молодежь сталкивается с проблемами в образовании и профессиональном развитии: ограниченные социальные гарантии, трудности карьерного роста и повышение уровня социального напряжения могут послужить активатором деструктивных (в отношении субъектов нормативной мобилизации) форм гражданской активности, которые на фоне латентного социального одобрения не так заметны, однако направлены на решение проблем, связанных с социальным неравенством, коррупцией, несправедливостью.

На наш взгляд, наиболее развернутое определение гражданской активности приведено коллективом авторов Кемеровского государственного университета. Их трактовка: «Особый вид социальной активности личности, имеющей общественную направленность, проявляющейся в выполнении гражданских обязанностей, инициативности и ориентированности на общественные ценности, готовности к личному участию в общественно полезной деятельности» (Мартынов и др., 2019). Гражданская активность реализуется преимущественно в горизонтальных, сетевых формах (инициативные группы, НКО, волонтерство) и обычно направлена на решение конкретных проблем путем коллективного творчества. Поэтому гражданская активность молодежи представляет собой ключевой ресурс социального обновления и адаптации к социальным изменениям. Исследователями отмечается рост неформальной гражданской активности, который основывается на организации краткосрочных коалиций, в которых значительную роль играет молодежь. Подобная активность, с точки зрения В.В. Петухова, характеризуется политизацией и стихийностью мобилизационных процессов (Петухов, 2020). Для молодежи характерна амбивалентность и гибкость в соотношении гражданского и политического. Их активность часто зарождается в гражданском поле как ответ на конкретную проблему, но обладает высоким потенциалом политизации при столкновении с институциональными барьерами, что делает молодежь ключевым агентом трансформации «способов быть гражданином» (Васильева и др., 2021). При этом расширение круга лиц, задействованных в различных формах активности, требует анализа способов ее мобилизации.

До середины XX века понятие мобилизации воспринимали в военном аспекте. Такое понимание основывалось на опыте французского *«levée en masse»* – массового подъема (принудительного призыва на военную службу в ходе революционных событий, начиная с 1793 года) (Самсаров, 2018) и представлениях Э. Юнгера о «тотальной мобилизации» (Юнгер, 2000). В социологическом контексте данная тема изучается с 60-х годов XX века. Так, с точки зрения К.В. Дойча, социальная мобилизация представляет собой процесс, в котором основные кластеры прежних социальных, экономических и психологических приверженностей подвергаются эрозии или разрушению и люди становятся открытыми для новых паттернов социализации и поведения (Deutsch, 1961). В более современном представлении мобилизация рассматривается как процесс, сосредоточенный на концентрации жизненных сил и ресурсов личности. О.Н. Яницкий отмечал, что в пространстве стабильности, «не-мобилизационных» условиях накопление социального капитала личности посредством гражданской активности осуществляется постепенно с оценкой возможных рисков и угроз. Однако в условиях социальной и политической неопределенности расходование ресурсов резко превышает их накопление, причем это использование не нормировано, а подчинено ситуации, и решение об участии в этом процессе индивид или инициативная группа принимают сами (Яницкий, 2020).

Мобилизационные вызовы, как правило, фокусируют внимание на отказе от личных дел молодыми людьми и перестройку приоритетов в пользу социально значимых задач (например, участие в акциях, вхождение в социальное движение т. д.). Мобилизационные риски многолики и могут быть разного уровня: «жизненного пространства», местного, регионального, межрегионального, федерального и глобального. Рассмотрим представленные уровни более подробно.

«Уровень жизненного пространства» рассматривает молодого человека в поле обычного повседневного привычного окружения и в случае его дисфункциональности (проблемы благоустройства, невозможности реализовать дефицитарные потребности и т. п.) активизирует гражданский потенциал как представителя определенного места жительства (многоквартирного дома, улицы, микрорайона). Мобилизационная готовность повышенная и характеризуется как непосредственной, так и опосредованной включенностью личности в решение значимых вопросов.

«Местный уровень (муниципальный)» с позиции институционализации гражданской активности рассматривает молодого человека как активного деятеля, готового не только быть участником социально значимых практик, но и инициатором изменений. Однако ролевая дифференциация и ранжирование приоритетности может складываться в пользу индивидуально-личностного развития. Тогда гражданская активность приобретает характер социального лифта или наделяется потенциалом возможного положительного влияния на жизненную траекторию молодого человека.

«Региональный уровень» увеличивает возможности принадлежности к территориальному сообществу, расширяет границы для социальной мобильности и развития социальных связей между молодежью с пополнением собственного ролевого набора.

«Федеральный уровень» характеризуется реализацией комплекса мероприятий и инициатив, осуществляемых при координирующей роли федеральных органов власти во взаимодействии с другими акторами всероссийского масштаба (крупнейшими лояльными НКО и социальными движениями), выступающими в роли посредников между гражданами и властями. Они способны аккумулировать социальный капитал, тем самым трансформируя спонтанные инициативы в организованные формы активности, которые при этом не противоречили бы реализуемой властями социальной политики. Успешные региональные практики вовлечения граждан тиражируются на федеральный уровень. Так, например, COVID-19 и связанные с ним ограничения отразились в сознании молодых людей «тройным шоком» – сокращением занятости, потерей части социального капитала и осложнением перехода от учебы к профессиональной деятельности (Зудина, 2024). Однако пандемия показала возможности мобилизации усилий молодежи в процессе реализации гражданских инициатив.

«Глобальный уровень» связан с ситуациями выхода коллективных действий за пределы конкретных национальных границ, а также с формированием транслокальных сетей солидарности. Сетевые сообщества становятся основными акторами глобальной мобилизации. Интересным примером являются события «Арабской весны». Молодежные социальные движения в условиях жесточайшей цензуры со стороны авторитарных режимов оказывали сопротивление при помощи низовой организации через набирающие популярность в 2011–2013 гг. западные социальные сети, подключение к которым силовые структуры диктаторских режимов еще не могли контролировать (Tufekci, 2017, p. 28). Отметим, что глобальный уровень мобилизации не отменяет национальной и локальной специфики, а создает новое пространство возможностей для транснациональной солидарности и коллективного действия, отвечающего на вызовы глобализации.

Проведенный анализ позволяет концептуализировать мобилизационные вызовы гражданской активности молодежи как многоуровневую систему детерминант, активизирующих включенность молодых людей в социально значимые практики. Принципиально важна амбивалентная природа мобилизационных процессов. С одной стороны, они выступают механизмом социально одобряемой интеграции молодежи. С другой – могут играть роль институциональных барьеров, создающих предпосылки для политизации гражданской активности и ее перехода в деструктивные формы. Дальнейшие исследования требуют изучения механизмов перехода гражданской активности между уровнями мобилизации, а также анализа цифровых платформ как пространств трансляции мобилизационных фреймов.

Библиографический список

1. Васильева Е.И., Зерчанинова Т.Е., Никитина А.С. (2021). Гражданская активность и участие молодежи в социально-политических процессах // Вопросы управления. № 6. С. 67–80.
2. Зудина А.А. (2024). «Поколение локдауна»: динамика молодежного рынка труда в условиях пандемии COVID-19 // Мир России. № 2. С. 6–31.
3. Лисовский В.Т. (1969). Эскиз к портрету: жизненные планы, интересы и стремления советской молодежи. Москва: Молодая Гвардия. 208 с.
4. Мартынова Т.Н., Яницкий М.С., Зеленин А.А., Пфетцер С.А. (2019). Добровольческая деятельность как форма социальной и гражданской активности студенческой молодежи // Профессиональное образование в России и за рубежом. № 1. С. 160–167.
5. Петухов В.В. (2020). Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3. С. 119–138.
6. Самсаров А.И. (2018). Революционное правительство Франции и армия в 1793–1794 гг. // Вестник БГУ. № 4. С. 138–146.
7. Южаков С.Н. (2008). Социологические этюды. Москва: Астрель. 1046 с.

8. Юнгер Э. (2000). Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли. Санкт-Петербург: Наука. 537 с.
9. Яницкий О.Н. (2020). Индивид в современном информационном обществе // Социологическая наука и социальная практика. № 2. С. 9–23.
10. Deutsch K.W. (1961). Social mobilization and political development. *American political science review*, 3, 493–514.
11. Tufekci Z. (2017) Twitter and Tear Gas: The Power and Fragility of Networked Protest. New Haven: Yale University Press.

Информация об авторах

Артем Андреевич Молчанов – ассистент кафедры социологических наук, Кемеровский государственный университет (Российская Федерация, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6; e-mail: artem_molchanov_2015@bk.ru)

Наталья Владимировна Нятина – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологических наук, Кемеровский государственный университет (Российская Федерация, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6; e-mail: kozeeva_n@mail.ru)

Molchanov A.A., Nyatina N.V.

ON THE ISSUE OF MOBILIZATION CHALLENGES OF YOUTH CIVIL ACTIVITY

Abstract. *The article examines the mobilization challenges of youth civic engagement in the context of modern social transformations. The relevance of the topic is due to the flexibility of youth consciousness, exposure to external influences, and the ability of young people to simultaneously engage in socially acceptable and destructive forms of activity. The purpose of the work is a theoretical analysis of the level structure of mobilization challenges.*

Keywords: *civic engagement, youth, mobilization challenges, region, institutionalization.*

About the authors

Artyom A. Molchanov – Assistant of the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University (6, Krasnaya Street, Kemerovo, 650000, Russian Federation; e-mail: artem_molchanov_2015@bk.ru)

Natalia V. Nyatina – Candidate of Sciences (Sociological), Professor of the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University (6, Krasnaya Street, Kemerovo, 650000, Russian Federation; e-mail: kozeeva_n@mail.ru)

References

1. Vasilyeva E.I., Zerchaninova T.E., Nikitina A.S. (2021). Civic activity and participation of youth in socio-political processes. *Management Issues*, 6, 67–80.
2. Zudina A.A. (2024). "The Lockdown Generation": dynamics of the youth labor market during the COVID-19 pandemic. *World of Russia*, 2, 6–31.
3. Lisovsky V.T. (1969). Sketch for a portrait: life plans, interests and aspirations of Soviet youth. Moscow: Young Guard.
4. Martynova T.N., Yanitsky M.S., Zelenin A.A., Pfetzer S.A. (2019). Volunteer activity as a form of social and civic engagement of student youth. *Vocational education in Russia and abroad*, 1, 160–167.
5. Petukhov V.V. (2020). Russian youth and its role in the transformation of society. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3, 119–138.
6. Samsarov A.I. (2018). The revolutionary government of France and the army in 1793–1794. *Bulletin of BSU*, 4, 138–146.
7. Yuzhakov S.N. Sociological studies. Moscow: Astrel.
8. Junger E. (2000). The Worker. Dominion and Gestalt. Total Mobilization. On Pain. Saint Petersburg: Nauka.
9. Yanitsky O.N. (2020). The individual in the modern information society. *Sociological Science and Social Practice*, 2. 9–23.
10. Deutsch K.W. (1961). Social mobilization and political development. *American political science review*, 3, 493–514.
11. Tufekci Z. (2017) Twitter and Tear Gas: The Power and Fragility of Networked Protest. New Haven: Yale University Press.

ПРИМЕНЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ДЛЯ ОЦЕНКИ СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА В РОССИИ

Аннотация. В материалах представлена попытка эмпирического анализа состояния Общественного договора в России на основе выделяемых экспертами критериев Общественного договора, а также с использованием социологического инструментария, разработанного в Вологодском научном центре РАН.

Ключевые слова: цивилизационный кризис, общественный договор, мониторинг общественного мнения, цели государственной национальной политики.

Специальная военная операция идет уже четыре года, и на протяжении этого периода перед Российской Федерацией остро стоит вопрос о курсе национального развития на ближайшие десяти-, а может и столетия (Балацкий, Екимова, 2022; Екимова, 2024; Тощенко, 2025; Харичев, 2025). Начав активную фазу борьбы за национальный суверенитет, и, в дальнейшем, продолжая укреплять свои намерения на внешней и внутренней политической аренах (в частности, за счет таких законодательных актов и управленческих решений, как Указ о традиционных ценностях, Концепция внешней политики 2023 года, кадровая программа «Время героев» и т. д.), руководство страны обозначило вектор развития; очертило его рамки, во главе угла поставив такие понятия, как патриотизм, суверенитет, традиционные духовно-нравственные ценности, Россия как «самобытное государство – цивилизация». И надо отметить, что большинство российского общества приняло этот курс, о чем наглядно свидетельствуют массовые социологические опросы, проводимые на федеральном и региональном уровнях.

Актуальность задачи формирования в России нового Общественного договора (ОД), который можно определить как «базовое, но в то же время особое состояние взаимоотношений государства и народа, которое выражается в философии общей судьбы – явном (открытом) и латентном взаимосогласованном достижении целей, средств и методов их реализации при осуществлении социально-экономических, социально-политических и социально-культурных преобразований» (Тощенко, 2025), обусловлено ослаблением его текущего состояния, что стало очевидным после начала СВО.

В данном исследовании произведена попытка эмпирической «оцифровки» этого тезиса, для чего были использованы результаты многолетнего мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН, позволяющие оценить состояние критериев ОД. При этом (поскольку ОД величина достаточно «константная», существование которой измеряется долгосрочными (историческими) временными отрезками) рассматривался многолетний период, условно разделенный на президентские сроки В. Путина. Сами критерии выделяет член-корр. РАН Ж.Т. Тощенко, отмечая, что они «образуют основу общественного договора» (Тощенко, 2025, с. 67):

критерий 1 – цель ОД;

критерий 2 – средства достижения цели ОД;

критерий 3 – методы реализации ОД (доверие, согласие и солидарность);

критерий 4 – обратная связь между государством и обществом.

Мониторинг общественного мнения, проводимый ВолНЦ РАН на территории Вологодской области, позволяет оценить состояние всех этих критериев за исключением первого («Цель ОД»). По той простой причине, что цель ОД (как отмечают многие эксперты) просто не сформулирована. Суверенитет, патриотизм, социальная справедливость и другие понятия, занимающие значимое место в публичной риторике органов власти всех уровней, действительно играют важную роль в формировании ОД, но, как отмечает Ж.Т. Тощенко, эти понятия не дают определенного «представления о реальности, об истории, о месте в ней конкретного человека и его обязательствах по отношению к другим». Поэтому до сих пор многим россиянам неясно, какое государство, какое общество они создают.

Состояние второго критерия ОД («средства достижения цели»), который выражается через положение дел в экономике, особенно в показателях занятости и уровня материального благополучия людей (Тощенко, 2025, с. 78), характеризует тот факт, что главными проблемами, беспокоящими население, были и остаются инфляция, низкий уровень жизни, бедность, расслоение населения на бедных и богатых. Так, в среднем за 2018–2024 гг. (четвертый президентский срок В. Путина), по сравнению с периодом 2000–2004 гг. (первый президентский срок), доля людей, обеспокоенных проблемой инфляции, увеличилась на 16 п. п. (с 45 до 61%); проблемой низкого уровня жизни, бедности – на 8 п. п. (с 45 до 53%); расслоением населения на бедных и богатых – на 2 п. п. (с 30 до 32%; *рис. 1*).

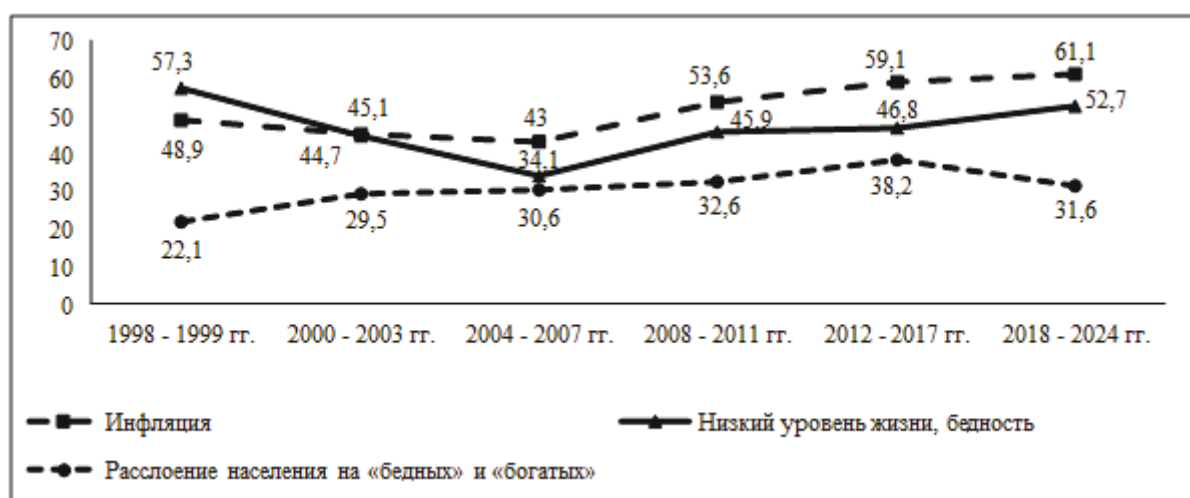

Рис. 1. Наиболее актуальные проблемы, волнующие население (среднегодовые данные ВолНЦ РАН, в % от числа опрошенных)

Источник: составлено авторам по (Тощенко, 2025).

По данным федеральной службы государственной статистики, в России постепенно снижается уровень бедности (за период с 2018 по 2024 гг. доля людей с доходами ниже величины прожиточного минимума уменьшилась почти в 2 раза – с 13 до 7%). Однако по данным того же Росстата на 2024 год, у 62% россиян уровень среднедушевого денежного дохода составлял менее 60 тыс. руб. в месяц. Из них треть или четверть (по разным оценкам¹) «уходит» на реализацию минимальной «потребительской корзины». «Оставшиеся» 20–30 тыс. руб. – это примерная стоимость двух ночей в российском отеле² или минимальная стоимость отдыха на российском курорте для семьи из трех человек на одну неделю³. И это касается только тех людей, которые имеют доходы в размере 45–60 тыс. руб. в месяц. На самом деле среди тех 62% россиян, которые обладают доходами до 60 тыс. руб., 23% (или 33,5 млн чел.) имеют размер среднедушевого денежного дохода менее 27 тыс. руб.

Таким образом, данные статистики и социологических опросов, отражающие субъективные ощущения граждан, пока что не позволяют говорить о том, что второй критерий ОД (средства достижения цели) находится в удовлетворительном состоянии.

¹ С 2021 года размер «потребительской корзины» официально не рассчитывается. Однако:

1) «Если бы стоимость потребительской корзины рассчитывалась до сих пор, в 2025 году она должна была бы составлять 15 498 руб.» URL: <https://t-j.ru/basket-of-goods/#six>; 2) «Стоимость потребительской корзины в 2025 году в среднем по России: для трудоспособного населения – 19 329 руб. в месяц; для пенсионеров – 15 250 руб. в месяц; для детей – 17 201 руб. в месяц». URL: <https://m.ok.ru/profile/584301282504/statuses/157737201055176>.

² В РСТ зафиксировали рост цен на летний отдых в России // News.ru. URL: <https://news.ru/society/v-rst-zafiksirovali-rost-cen-na-letnij-otdyh-v-rossii>.

³ Названа минимальная цена недельного отдыха на российских курортах // РИА-новости. URL: <https://ria.ru/20250626/kurort-2025473650.html>.

Третий критерий ОД (методы его реализации) является: «Важнейшим структурным элементом. Они предназначены для того, чтобы при помощи и посредством их применения и использования убедиться, что социальный контракт результативен и позволяет государству в лице политической власти знать, что народ или только часть его поддерживает, одобряет проводимую политику» (Тощенко, 2025). Ж.Т. Тощенко выделяет три таких метода:

1) Доверие – является основой для существования всех социальных и политических институтов, их представителям, особенно тем, кто возглавляет государственные организации и учреждения.

2) Согласие – предполагает вариативное отношение не вообще к такому феномену, как государство, а к его конкретным действиям и актам.

3) Солидарность – форма социальной сплоченности и взаимосвязи индивидов и социальных групп, которая основана на общности интересов, целей и стандартов.

Приведем некоторые актуальные данные, отражающие состояние каждого из этих методов. Как показывают результаты социологических исследований и оценки многих экспертов, высокий уровень доверия и согласия российское общество демонстрирует в отношении непосредственно деятельности Президента, но не созданной им системы государственного управления.

Например, когда «Единая Россия» побеждает на парламентских выборах, или назначенные главой государства врио губернаторов одерживают верх над другими кандидатами в ходе местных избирательных кампаний, многие эксперты в унисон говорят о том, что это кредит доверия не столько им, сколько лично В. Путину⁴.

По данным мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН, доля доверяющих Президенту составляет 55% (у всех остальных государственных и общественных институтов⁵ уровень доверия от 30 до 47%, т. е. меньше половины населения); доля одобряющих деятельность главы государства – 59% (у всех остальных органов власти – 40% и меньше).

По данным ВЦИОМ на июль 2025 года, уровень одобрения деятельности Президента РФ составлял 74,7%. Доля положительных оценок деятельности Правительства РФ – 49,5%, Государственной Думы – 43,9%, Совета Федерации – 43,7%. Большинство россиян одобряют деятельность «традиционных» общественных институтов – армии (75,7%), РПЦ (61,4%), правоохранительных органов (52,3%). Однако в отношении деятельности других общественных институтов уровень одобрения меньше половины: СМИ – 44,9%; Общественная палата – 34,5%; судебная система – 38,7%; профсоюзы – 30,1%; политические партии – 37,2%.⁶

То же самое касается политических партий: говорить о том, что «Единую Россию» поддерживает большинство россиян можно лишь в электоральном контексте, т. е. по сравнению с другими политическими силами. Однако этот принцип не работает, когда речь идет о формировании Общественного договора. На самом деле уровень поддержки партии власти колеблется в районе 35–39% по данным ВЦИОМ в среднем по стране и в районе 40–43% по данным мониторинга ВолНЦ РАН.

Что касается третьего метода («солидарность»), которая «предполагает готовность людей по взаимодействию» (Тощенко, 2025, с. 84), то результаты социологических измерений показывают, что в среднем за четвертый президентский срок В. Путина, по сравнению с его третьим президентским сроком, доля людей, не готовых объединяться ради каких-то совместных действий, общих целей, увеличилась на 10 п. п. (с 20 до 30%; *рис. 2*). Конечно, нельзя не отметить, что удельный вес людей, готовых к взаимодействию, пока остается более высоким (43%), но их доля снижается (на 4 п. п.; с 47 до 43%), и, самое главное, это по-прежнему не большинство граждан.

⁴ Эксперты назвали причины успеха «Единой России» на думских выборах // Фонд развития гражданского общества. URL: <http://civilfund.ru/article/43413?ysclid=mdy2ywaiz6651583483>; Круглый стол «Единый день голосования – 2022: специфика, тенденции и прогноз результатов» // Официальный сайт Фонда развития гражданского общества. URL: <http://civilfund.ru/event/146>.

⁵ Среди них в опросе фигурируют: церковь, прокуратура, Правительство РФ, ФСБ, Полиция, Армия, Суд, Руководство области, Совет Федерации, Органы местного самоуправления, Государственная Дума, Профсоюзы, СМИ, Общественные организации, Директора, Руководители предприятий, Банковские и предпринимательские круги, Политические партии и движения.

⁶ Рейтинги // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings>.

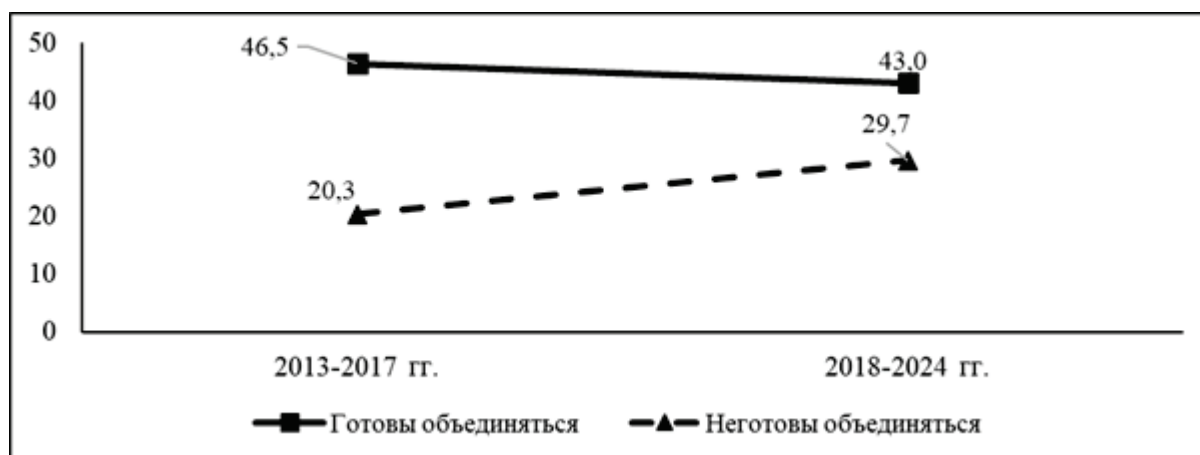

Рис. 2. Ответы респондентов на вопрос: «Есть люди, готовые объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий, если их идеи и интересы совпадают, и есть люди, не готовые объединяться. К кому бы Вы отнесли себя – к первым или ко вторым?», % от числа опрошенных

Примечание: вопрос задается один раз в год, с 2011 года. В 2012 году вопрос не задавался.
Источник: составлено автором по данным Росстата.

В четвертом критерий ОД (Обратная связь между государством и обществом) важно, как пишет Ж.Т. Тощенко, то, что помимо прямого непосредственного участия в работе органов управления, стоит говорить о возможности влиять на принятие решений. Именно осознание причастности и вовлечение в процесс управления делает самих людей более ответственными при осуществлении своей общественной и трудовой жизни (Тощенко, 2025, с. 87).

В этом отношении многолетние исследования ВолНЦ РАН показывают, что данный критерий ОД в России остается в стабильном и, к сожалению, негативном состоянии: только 5–9% опрошенных (в среднем за период 2018–2024 гг.) говорят о том, что они могут повлиять на положение дел в городе, области или на уровне страны (табл. 1).

Таблица 1. Ответы респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, можете ли Вы лично сегодня повлиять на состояние дел...?», вариант ответа да, % от числа опрошенных

Сфера жизни	2013–2017 гг.	2018–2024 гг.	2018–2024 гг. к 2011–2017 гг.
В семье	79,8	84,6	+5
На работе	41,5	42,2	+1
В доме, дворе	34,3	35,3	+1
В городе, районе	8,1	8,8	+1
В области	4,0	5,3	+1
В стране	3,6	5,4	+2

Примечание: вопрос задается один раз в год, с 2011 года. В 2012 году вопрос не задавался.
Источник: составлено автором по данным ВолНЦ РАН.

Таким образом, данные статистики, экспертных оценок, многолетних (причем и российских, и региональных) социологических исследований говорят о том, что в настоящее время критерии ОД не находятся в том состоянии, которое позволило бы говорить о самом ОД как о «философии общей судьбы» между государством и обществом (или властью и народом). Как пишет сам Ж.Т. Тощенко: «В реальности существуют разногласия между государством и частью народа. Значит, государству в лице политической власти предстоит не только осмыслить это расхождение, знать о нем, но и его минимизировать, не доводить ситуацию до социальной напряженности, конфликта и даже возможного социального взрыва...» (Тощенко, 2025, с. 612).

Конечно, это, в первую очередь, свидетельствует о важности тех целей национальной политики и установок, звучащих в публичной риторике главы государства, которые направлены на укрепление национальной идентичности и суверенитета России, частью чего является и поиск его фундаментальных оснований. Однако мы бы хотели сделать несколько иной вывод из данного исследования: столь сложный, многоаспектный, уходящий своими «корнями» еще в философию XVII века феномен, как «Общественный договор», вполне поддается эмпирическому измерению, а значит своевременной диагностике, профилактике негативных тенденций, корректировке посредством управленческих решений. На наш взгляд, это крайне важный момент с точки зрения научного «сопровождения» государственной политики в условиях кризисного, «переходного» исторического этапа, который, в настоящее время, проходит Россия.

Библиографический список

1. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2022). Общественный договор в России: до и после 2022 года // Журнал институциональных исследований. № 14 (3). С. 74–90.
2. Екимова Н.А. (2024). Общественный договор как основа формирующегося российского суверенитета // Социальное пространство. Т. 10. № 3. DOI: 10.15838/sa.2024.3.43.2 URL: <http://socialarea-journal.ru/article/30089>
3. Тощенко Ж.Т. (2025). Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации: монография. Москва: ФНИСЦ РАН, 2025. 844 с.
4. Харичев А.Д. (2025). Цивилизация «Россия» // Блокнот гражданского просвещения. № 7. С. 4–10.

Информация об авторе

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Morev M.V.

APPLICATION OF SOCIOLOGICAL TOOLS TO ASSESS THE STATE OF THE SOCIAL CONTRACT IN RUSSIA

Abstract. *The materials present an attempt to empirically analyze the state of the Social Contract in Russia based on the criteria of the Social Contract identified by experts, as well as using sociological tools developed by the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences.*

Keywords: *civilizational crisis, social contract, public opinion monitoring, objectives of the state national policy.*

About the author

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

References

1. Balatsky E.V., Ekimova N.A. (2022). The social contract in Russia: before and after 2022. *Journal of Institutional Studies*, 14(3), 74–90.
2. Ekimova N.A. (2024). The social contract as the basis of emerging Russian sovereignty. *Social Area*, 10, 3. DOI: 10.15838/sa.2024.3.43.2 URL: <http://socialarea-journal.ru/article/30089>
3. Toshchenko Zh.T. (2025). The Fate of the Social Contract in Russia: Evolution of Ideas and Lessons from Implementation: monography. Moscow: Federal Research Center for the Humanities of the Russian Academy of Sciences.
4. Kharichev A.D. (2025). Civilization "Russia". *Notepad of Civil Education*, 7, 4–10.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ОСОЗНАННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА С НЕЙРОСЕТАМИ

Аннотация. В статье рассматривается феномен цифровизации повседневной жизни сквозь призму взаимодействия человека с технологиями искусственного интеллекта, в частности с генеративными нейросетями. Анализируются проявления осознанности при генерации визуального и текстового контента в практике обучения нейросетей.

Ключевые слова: цифровизация, нейросети, осознанность, социокультурная трансформация, повседневность.

Глобальные вызовы современности, связанные с перестройкой экономической, социальной и демографической сфер, формируют новую социальную реальность. Процессы цифровизации проникают во все без исключения сферы человеческой жизни – от межличностной коммуникации и образования до профессиональной деятельности и быта. Технологии перестают быть просто инструментами, они становятся активными участниками социального взаимодействия, которые меняют модели поведения, структуру занятости и требования к человеческому капиталу.

В связи с этим особую важность приобретает не просто адаптация населения к цифровой среде, но и формирование устойчивых, осознанных практик взаимодействия с ней. Цель статьи – проанализировать феномен осознанности при работе с генеративными нейросетями в контексте социокультурной трансформации российского общества. На примере профессиональной деятельности в сфере маркетинга авторы показывают, как психофизиология поведения специалиста в цифровой сети влияет на качество результатов, временные и ресурсные затраты, а также на развитие личностного потенциала.

Цифровые технологии в повседневной жизни: коммуникация, образование, экономика

Современные технологии радикально трансформируют повседневность. Коммуникация опосредуется цифровыми платформами, образование все чаще использует дистанционные форматы и адаптивные алгоритмы, экономика требует новых компетенций и гибкости. Нейросети в этом контексте выступают катализатором изменений, оптимизируя процессы, которые ранее требовали значительных временных и трудовых затрат.

Однако ускорение и упрощение задач не отменяют необходимости качественной «настройки» этого взаимодействия. Бездумное использование нейросетей (как будет показано далее) приводит к тиражированию шаблонных решений, снижению уникальности и, в конечном итоге, к профессиональной деградации, что противоречит задачам развития человеческого капитала и повышения качества жизни, обозначенным в программных документах профильных ведомств и научного сообщества.

Осознанность как ключевой параметр в работе с нейросетями

Осознанность в контексте данной работы понимается авторами как способность пользователя точно формулировать цель, предвидеть последствия, оперировать релевантной терминологией и критически оценивать результаты работы нейросети, корректируя их в соответствии с глубинными смыслами задачи.

1. Генерация визуального контента: терминология и контекст

Фундаментальное ограничение генеративных нейросетей заключается в том, что они оперируют исключительно данными, загруженными в базу. Нейросеть не обладает креативностью в человеческом понимании и не способна предвидеть будущее – она компилирует известное. В связи с этим качество результата напрямую зависит от качества запроса (промпта).

Сравнение двух промптов иллюстрирует данный тезис. Запрос «Нарисуй зайца в лесу» является предельно общим и гарантированно выдаст шаблонный, статистически усредненный результат. Осознанный запрос предполагает включение специфической терминологии: «Антропоморфный заяц, одетый в бледно-желтый матовый костюм и мятную бейсболку, блуждающий в биолюминесцентном лесу...». Использование терминов «антропоморфный» и «биолюминесцентный» кардинально меняет результат, приближая его к уникальному авторскому замыслу.

Таким образом, владение терминологией товара или услуги является базовым условием осознанной работы. Незнание профессионального языка приводит к генерации «информационного шума», не имеющего практической ценности. Более того, осознанность требует понимания физических и функциональных свойств объекта. Пример с генерацией проморолика для компании по производству картонных коробок, где из коробки было предложено сделать исходящее «солнечное свечение, искрящееся как фейерверк», демонстрирует грубую контекстуальную ошибку: картон и огонь несовместимы. Осознанный специалист предвидит эту ассоциативную связь и избегает подобных визуальных решений.

2. Формирование текстового контента: структура и Tone of Voice

Аналогичная ситуация наблюдается при работе с текстом. Бесструктурный запрос, например, «напиши текст про керамзит и углеродный след», приведет к генерации обезличенного, сухого материала, неотличимого от тысяч аналогичных статей в сети.

Осознанный подход предполагает предварительное проектирование структуры текста и определение Tone of Voice (ToV). Четкое указание целевой аудитории, стиля изложения, необходимых смысловых блоков и желаемых выводов трансформирует нейросеть из генератора «воды» в инструмент создания уникального контента. Формируется не просто текст, а коммуникация, несущая авторскую позицию и ценность для читателя.

3. Практика в нейросетях: воспитание и обучение

Взаимодействие с нейросетью носит двусторонний характер. Модели обучаются на запросах пользователей, подстраиваясь под их стиль мышления. Пользователь с критическим складом ума будет получать более аналитичные и скептические ответы, креативный – более образные. Следовательно, осознанное «воспитание» нейросети через корректные и логичные запросы является необходимым условием получения качественных результатов в будущем.

Одним из эффективных методов повышения осознанности запроса является использование инструкции: «Не отвечай на запрос, пока не задашь три уточняющих вопроса». Данный метод принуждает пользователя к рефлексии. Например, на запрос «Почему нативная реклама не работает?» нейросеть выдаст типовый ответ. Но тот же запрос с требованием задать три вопроса заставит систему запросить контекст: 1) о каких наблюдениях рынка идет речь? 2) на каких площадках размещалась реклама? 3) какие метрики использовались для оценки? Это позволяет диагностировать проблему гораздо точнее.

Ключевым фактором является загрузка в промпт собственных мыслей и аналитических данных. Чем больше релевантной информации предоставлено нейросети, тем точнее и глубже будет ее ответ. Однако необходимо помнить о прямолинейности нейросетей: они оперируют заложенными смысловыми маркерами и не способны самостоятельно улавливать подтекст.

Показателен пример с анализом текста о личном бренде. Например, в одной из своих рекомендаций А.А. Юдачева сформулировала мысль: «Руководители старшего поколения часто не готовы к активной публичности, хотя рынок требует открытости. Для директора ООО "КЕРАМЗИТ" нашли элегантное решение: создали раздел "Мнение эксперта". Вместо того чтобы просить его вести видеоконтент, было принято решение составлять статьи, которые лично проверяются директором и утверждаются. Это укрепляет доверие к материалу и авторитет без лишнего внимания к персоне». Когда данный текст был загружен для аналитики в нейросеть с запросом «Есть ли в данном контенте метрики для оценки проработки личного бренда» нейросеть ответила отрицательно, так как для нее метрика – это исключительно числовой показатель. Однако специалист в маркетинге понимает, что ключевой метрикой для личного бренда является коммуникация и, как следствие, доверие. В приведенной рекомендации упоминалось именно доверие к источнику. Задав уточняющий вопрос: «Если рассматривать доверие как метрику коммуникации, разве оно не является показателем качества проработки личного бренда?», автор смог скорректировать ответ нейросети, углубив анализ. Это демонстрирует, что осознанность пользователя выступает фактором, компенсирующим алгоритмическую прямолинейность ИИ.

Внимательность при работе с готовыми промптами

Отдельного внимания заслуживает проблема использования готовых шаблонов (промптов). В погоне за скоростью пользователи часто копируют чужие формулировки, не анализируя их составляющие. Готовый промпт – это, по сути, трафарет. Он задает общее направление, но не учитывает нюансы конкретной задачи.

Фразы-маркеры, такие как «оставь лица неизменными» или «нарисуй в мультяшном стиле», могут содержать скрытые ограничения или отсылки к определенным стилям, которые не соответствуют замыслу пользователя. Некритичное копирование таких шаблонов приводит к утрате авторского контроля и получению предсказуемого, вторичного результата. Осознанность в данном контексте проявляется в необходимости деконструкции готового промпта: понимания назначения каждого его элемента и его соответствия конкретной цели. Только пройдя этот этап анализа, пользователь может адаптировать шаблон под себя, превращая «трафарет» в уникальный «архитектурный проект».

Проведенный анализ позволяет утверждать, что в условиях цифровизации повседневности и социокультурной трансформации на первый план выходит не столько техническое освоение инструментов искусственного интеллекта, сколько развитие когнитивных способностей пользователя. Осознанность при взаимодействии с нейросетями базируется на фундаменте базовых знаний, богатом словарном запасе, профессиональной насмотренности и критическом мышлении.

Именно эти качества, а не просто умение набирать текст, позволяют специалисту (будь то маркетолог, педагог или инженер) добиваться высокой эффективности, скорости и продуктивности. Осознанный пользователь не просто потребляет контент, генерируемый ИИ, а ведет с ним диалог, направляя, обучая и корректируя его. Такой подход способствует не только решению прикладных задач, но и развитию человеческого капитала, формированию устойчивой личности, способной адаптироваться к новой социальной реальности и активно участвовать в ее созидании. Перспективы осознанного взаимодействия человека и нейросетей лежат в плоскости синергии искусственного и естественного интеллектов, где ведущая роль сохраняется за человеком – носителем смыслов, ценностей и творческого начала.

Информация об авторах

Василий Иванович Мосин – кандидат философских наук, доцент, генеральный директор, Тульский социологический центр (Российская Федерация, 300001, г. Тула, ул. Гармонная, д. 28; e-mail: mosin55@bk.ru)

Анна Андреевна Юдачева – директор маркетингового агентства «Оранжевый Дождь» (Российская Федерация, 300041, Россия, г. Тула, ул. Пионерская, д. 1; e-mail: aaa_71@inbox.ru)

Mosin V.I., Yudacheva A.A.

DIGITALIZATION OF EVERYDAY LIFE: CONSCIOUS HUMAN INTERACTION WITH NEURAL NETWORKS

Abstract. *This article examines the phenomenon of digitalization of everyday life through the lens of human interaction with artificial intelligence technologies, specifically generative neural networks. It analyzes the manifestations of mindfulness in the generation of visual and textual content in the practice of training neural networks.*

Keywords: *Digitalization, neural networks, awareness, socio-cultural transformation, everyday life.*

About the authors

Vasily I. Mosin – Candidate of Sciences (Philosophical), Associate Professor, General Director of Tula Sociological Center (28, Garmonnaya Street, Tula, 300001, Russian Federation; e-mail: mosin55@bk.ru)

Anna A. Yudacheva – Director of the marketing agency "Orange Rain" (1, Pionerskaya Street, Tula, 300041, Russian Federation; e-mail: aaa_71@inbox.ru)

ЛИДЕРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ И МЕДИА ЗНАЧИМЫЕ ДРУГИЕ: ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ

Аннотация. Важным аспектом поддержания и укрепления национальной безопасности Республики Беларусь выступает исследование роли лидеров общественного мнения и медиа значимых других в социализации граждан. На основе данных республиканских опросов выявлены медиа значимые другие у поколений «Z» и «X», установлена специфика их знания белорусских журналистов и блогеров.

Ключевые слова: лидеры общественного мнения, медиа значимые другие, поколение, журналист, блогер.

Благодарность

Тезисы доклада подготовлены в рамках гранта «Роль средств массовой информации в социализации современной студенческой молодежи», финансируемого БРФФИ, Г24МП-022 от 2 мая 2024 г.

Информационное и социализирующее воздействие СМИ осуществляется через конкретных субъектов информационного пространства: лидеров общественного мнения (ЛОМ) и медиа значимых других. Они являются важными агентами вторичной социализации. Их влияние на аудиторию имеет опосредованный характер.

К ЛОМ относятся люди, способные оказывать сильное влияние на установки или поведение других индивидов в нужном направлении. Они могут оказывать как конструктивное, так и деструктивное социализирующее воздействие на индивида своей деятельностью, т. к. ключевая ориентация их работы – воздействие на представителя общества, его аксиологические ориентиры и смыслы в жизни, а также обогащение интеллектуального капитала индивида (Домасевич, 2013). Их значимость для молодежи в современном национальном информационном пространстве продиктована тем, что они помогают интерпретировать и дают авторитетную оценку многообразным информационным поводам, событиям и изменениям; могут их критически оценивать, а также оказывают информационное и социализирующее воздействие на молодежь (Гигаури и др., 2019).

Медиа значимые другие (выходя за рамки классического понимания Д. Халлера) – это личности, на которых индивид ориентируется как на эталон, влияющие на него опосредованно через массовую информацию. Они существуют как в физическом, так и в сугубо медийном пространстве, оказывая социализирующий эффект на человека без формализованных основ, регламентирующих исследуемое воздействие. Медиа значимые другие способны воздействовать на социализанта даже в большей мере, чем значимые другие. Это достигается благодаря их привлекательности для человека (иррациональный фактор) и наличия у них атрибутов, возводящих в ранг примера для других (рациональный фактор) (Нейсан, 2023). Присутствие медиа значимых других в жизни человека по большей мере выступает фоном, накладывающим отпечаток на восприятие реальной жизни сквозь призму сравнения с виртуальным медиамиром.

Согласно результатам исследования¹, более трети опрошенных (38,9%) поколения «Z» (молодежь в возрасте от 18 до 30 лет) и менее трети (30,9%) поколения «X» (лица в возрасте от 45 до 58 лет) отметили, что у них есть пример для подражания при просмотре телевизора, посещении сети Интернет, чтении книг, газет, журналов (у этой части респондентов есть медиа значимые другие), т. е. у них есть медиа значимые другие. При этом более трети представителей обоих поколений указали на то, что такого примера нет (35,6 и 38,9% соответственно). Затруднилось ответить на вопрос четверть респондентов поколения «Z» (25,5%) и менее трети поколения «X» (30,2%).

¹ Республиканский опрос, реализованный Институтом социологии НАН Беларуси в мае–июне 2023 г. Объем выборочной совокупности составил – 1848 респондентов, из которых численность молодежи в возрасте от 18 до 30 лет – 341 человек, или 18,5% от общей выборки; лиц в возрасте от 45 до 58 лет – 429 человек, или 23,2% от общей выборки. Ошибка выборки $\pm 2,28\%$, при уровне значимости $\alpha = 0,05$.

Анализ ответов респондентов, у которых есть пример для подражания при просмотре телевизора, посещении сети Интернет, чтении книг, газет, журналов, позволяет выделить топ-5 медиа значимых других, совпадающий у двух поколений: 1) актеры; 2) герои фильмов; 3) музыканты/певцы; 4) герои книг; 5) герои сериалов (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов лиц в возрасте 18–30 лет и 45–58 лет на вопрос: «Кто чаще всего является для Вас примером для подражания при просмотре телевизора, посещении сети Интернет, чтении книг, газет, журналов?», % от числа ответов среди имеющих примеры для подражания

Медиа значимые другие	Поколение «Z»	Поколение «X»
<i>Реальные персонажи (всего)</i>	47,7	48,7
актеры	20,1	22,8
музыканты/певцы	16,1	14,9
спортсмены	8,1	8,3
участник реалити-шоу	3,4	2,7
<i>Вымышленные персонажи (всего)</i>	50,0	51,3
герои фильмов	18,0	21,2
герой книг	12,4	12,9
герои сериалов	9,6	13,9
герои видеоигр	5,3	1,0
герой мультсериалов/аниме/вайфу	4,7	0,6
<i>Другое</i>	2,3	1,7
ИТОГО	100	100

Источник: составлено автором на основе данных Республиканского опроса.

Существенных расхождений мнений у представителей названных поколений по обозначенному вопросу нет. Половина опрошенных поколения «Z» и «X» в качестве примера для личного подражания выбирала реальных персонажей, а другая – вымышленных.

Отдельной задачей исследования являлось рассмотрение таких категорий ЛОМ, как блогеры и белорусские журналисты, которые выступают на телевидении, по радио, в печатных СМИ и сетевых изданиях. Задача реализовывалась посредством получения спонтанных знаний о названных ЛОМ от респондентов. Зафиксирована поколенческая специфика в ответах². Белорусские журналисты как лидеры мнений, посредством ведения авторских рубрик, программ, а также представления своих видеорепортажей, сюжетов, статей и новостных заметок в традиционных и «новых» СМИ, выступают в роли связующего звена между государством и потребителем информации, задают тренд взглядов на многообразные информационные поводы, оказывают прямое социализирующее и информационное воздействие на молодое поколение.

Однако актуальным остается вопрос их узнаваемости: более трети лиц в возрасте 45–58 лет (34,5%) и менее половины молодежи 18–30 лет (44,2%) не могут назвать ни одного белорусского журналиста. Среди представителей поколения «X» лишь 19,5% смогли назвать хотя бы одного журналиста, а среди поколения «Z» – всего 11,6%. При этом значительная доля опрошенных обоих поколений затруднилась с ответом (44,2 и 45,9% соответственно). В качестве факторов, влияющих на полученные результаты, можно назвать несколько: не все респонденты запоминают фамилию конкретного журналиста или в состоянии идентифицировать страну, которую он представляет; у журналиста отсутствует яркий и запоминающийся бренд.

Выбор блогеров в качестве главных ЛОМ характерен для белорусского цифрового поколения (табл. 2). Подобная тенденция зафиксирована и специалистами социологического центра НИУ ВШЭ в отношении российской молодежи (Гигаури и др., 2023).

² По результатам исследования на тему «Факторы доверия государственным средствам массовой информации в условиях трансформации медиапространства: медиаизмерения и социологический анализ», проведенного в июле 2025 году Институтом социологии НАН Беларуси по заказу Министерства информации Республики Беларусь. Объем выборки составил 1338 респондентов, из которых численность молодежи в возрасте от 18 до 30 лет – 242 человека, или 18,1% от общей выборки; лиц в возрасте от 45 до 58 лет – 307 человек, или 22,9% от общей выборки. Ошибка выборки $\pm 2,68\%$, при уровне значимости $\alpha = 0,05$.

Таблица 2. Распределение ответов молодежи и средней возрастной группы на вопрос «Кого из белорусских блогеров Вы знаете», в % от числа опрошенных

Признак	Поколение «Z»	Поколение «X»
Знают блогера и назвали его	36,8	9,1
Затрудняюсь ответить	37,2	40,4
Никого не знаю	26,0	50,5
Примечание: Вопрос был полуоткрытым, респонденты могли записать несколько вариантов ответов. Источник: составлено автором по данным (Гигаури и др., 2023).		

Так, более трети (36,8%) лиц в возрасте от 18 до 30 лет, и менее десятой части (9,1%) опрошенных от 45 до 58 лет, обозначили, что знают и могут назвать известных им блогеров. Примечательно, что среди тех, кто назвал известных блогеров, 39,2%³ опрошенных поколения «Z» и лишь 4,4% поколения «X» указали белорусских как наиболее популярных. Половина представителей поколения «X» (50,5%) и четверть «Z» (26,0%) ответили, что не знают никаких блогеров. Затруднение вопрос вызвал у более трети респондентов обоих поколений (40,4 и 37,2% соответственно).

Исходя из данных, можно утверждать, что для белорусского поколения «Z» отечественные блогеры выступают в качестве одних из узнаваемых и значимых ЛОМ.

Представители журналистского сообщества⁴ говорят о значимости для белорусской молодежи зарубежных и российских актеров, певцов, спортсменов, музыкантов. Журналист печатной прессы объяснил данное положение так: «...У нас не сформирован тот пул музыкантов, спортсменов, которые действительно бы влияли на мировосприятие молодежи в принципе. Российский пул упомянутых лиц популярен среди белорусской молодежной аудитории и влияет на них...». А тележурналист видит и такую причину: «...У нас мало людей, за которыми можно следить в медийном пространстве. Даже среди звезд шоу-бизнеса нет людей, за которыми можно следить постоянно, у нас эта история не привита, не сложилась. Например, вокруг Британской королевской семьи есть подражатели, которые формируют определенную индустрию, чтобы за королевской семьей следили...».

Безусловно, на постоянной основе необходимо поддерживать и укреплять влияние журналистов, в первую очередь из Пула Первого, на широкую молодежную аудиторию, а также ученых, политиков, экспертов в разных областях знания, председателей Советов молодых ученых, лидеров студенческих отрядов и молодежных объединений, придерживающихся государственных взглядов. Положительным моментом является то, что их деятельность активно представлена в медийном пространстве. Кроме того, на сегодняшний день упомянутые персоны проводят встречи с молодежью на диалоговых площадках, масштабные патриотические акции и марафоны (например, марафон «Открытое знание», посвященный электоральной компании 2025 года, республиканская общественно-культурная акция «Марафон единства», общественно-политический марафон «17 граней единства», приуроченный ко Дню народного единства).

Таким образом, для укрепления национальной безопасности и стабильности целесообразно привлекать в качестве субъектов донесения информации представителям разных поколений популярных среди них реальных медиаперсон и ЛОМ, занимающих государственную позицию. Это обеспечит поддержание эффективной работы по схеме «государство–СМИ–ЛОМ и медиа значимые другие – конструктивное социализирующее воздействие СМИ на индивида».

³ Частота посчитана как сумма ответов респондентов, упомянувших конкретного блогера 2 раза и более.

⁴ По результатам экспертного опроса, реализованного автором в 2024 году. Метод сбора информации – структурированное «открытое» интервью. Выборочная совокупность составила 20 экспертов, являющихся сотрудниками государственных СМИ: 10 сотрудников телевидения (директора, главный редактор, ведущие и специальные корреспонденты); 8 представителей печатных СМИ (главные редакторы газет, обозреватели); 2 представителя радио (заведующие отделами).

Библиографический список

1. Домасевич И.В. (2013). Лидеры общественного мнения как социальный феномен // Вести БГПУ. Серия 2, История. Философия. Политология. Социология. Экономика. Культурология. № 1. С. 10–16.
2. Гигаури Д.И., Гуторов В.А., Ширинянц А.А. (2019). Youtube-блогеры как лидеры общественного мнения молодежи: новые технологии формирования идентичности в виртуальном пространстве // Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 3 (60). С. 51–57.
3. Нейман К.П. (2023). Концептуализация понятия «социализирующее воздействие средств массовой информации»: социологический альманах. Вып. 14. Минск: Издательский дом «Беларуская навука». С. 308–318.

Информация об авторе

Кристина Павловна Нейман – младший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси (Республика Беларусь, 220072, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1/2, e-mail: neiman_kristina@mail.ru).

Neiman K.P.

OPINION LEADERS AND MEDIA SIGNIFICANT OTHERS: GENERATIONAL DIFFERENCES

Abstract. *An important aspect of maintaining and strengthening the national security of the Republic of Belarus is the research of the role of public opinion leaders and media significant others in the socialization of citizens. Based on data from national surveys, media significant others outlets were identified among generations «Z» and «X». The specificity of their knowledge of Belarusian journalists and bloggers has been established.*

Keywords: *opinion leaders, media significant others, generation, journalist, blogger.*

About the author

Kristina P. Neiman – Junior Researcher, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1/2, Sarganova Street, Minsk, 220072, Republic of Belarus; e-mail: neiman_kristina@mail.ru)

References

1. Domasevich I.V. (2013). Opinion leaders as a social phenomenon. *Lead the BSPU. Series 2, History. Philosophy. Political science. Sociology. Economy. Culturology*, 1, 10–16.
2. Gigauri D.I., Gutorov V.A., Shirinyants A.A. (2019). YouTube vloggers as youth opinion leaders: new technologies for identity formation in the virtual space. *Caspian region: politics, economics, culture*, 3(60), 51–57.
3. Neiman K.P. (2023). Conceptualization of the concept of «socializing impact of mass media»: Sociological almanac. Issue 14. Minsk: Publishing house «Belarusian Science», 308–318.

ЦИФРОВЫЕ И НЕЦИФРОВЫЕ ПОКОЛЕНИЯ: РАЗЛИЧИЯ И ПОИСК ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация. *Анализируются противоречия, связанные с дифференциацией уровней технологической компетентности различных возрастных групп и связанной с этим дистанцией между поколениями. Обосновывается тенденция невостребованности опыта старшего поколения в новых условиях.*

Ключевые слова: *цифровое поколение, межпоколенные отношения, взаимодействие, преемственность, интеграция.*

Основой стабильности и устойчивости любого общества выступают солидарность и согласие различных социальных групп относительно доминирующих ценностей, норм, моделей поведения, а также взглядов на прошлое и настоящее. Несмотря на многообразие мнений и суждений, в обществе сохраняется относительный консенсус. Однако, если дифференциация социальных групп переходит критический порог, то наступает дезинтеграция и возникают ситуации аномии – феномена, описанного классиками социологической мысли.

Наиболее болезненно Россия переживала подобные кризисы в годы революции и в период распада Советского Союза, когда доминирующая система ценностей кардинально менялась в сжатые сроки. Исследователи акцентировали внимание преимущественно на классовой и идеологической составляющих этих процессов. В современном обществе фокус смещается в сторону взаимодействия поколений, выходя за рамки социально-классовой и политической идеологии, охватывая также технологическую сферу.

В условиях глобальной цифровой трансформации происходит переосмысление ценностей, изменение мышления и образа жизни современной молодежи. Неоднозначность и противоречивость взаимоотношений между прародителями и внуками, родителями и детьми, а также растущая дистанция между ними на уровне общества актуализируют поиск механизмов формирования солидарности и интеграции поколений.

Как правило, в обществе одновременно сосуществуют 3–4 поколения, на социализацию которых влияют социально-экономические и политические процессы, протекавшие в период их взросления.

Проблема «отцов и детей» активно обсуждалась в конце XX века. Чаще анализировались два ближайших поколения, выросшие в советскую эпоху: получившие образование в советских школах и вузах и воспитывающие своих детей на основе усвоенной системы ценностей.

Теоретические работы Х. Ортеги-и-Гассета (Ортега-и-Гассет, 1997), эмпирические исследования Г. Скотта и Ж. Шумана (Шуман, Скотт, 1992), а также труды отечественных социологов подтверждают: идеалы и убеждения, усвоенные в юности, продолжают оказывать определяющее воздействие на человека в течение всей последующей жизни.

В конце XX века российские социологи обсуждали проблему конфликта поколений сквозь призму трансформации системы ценностей в российском обществе. Так, В.Т. Лисовский отмечал противоречивость этого процесса (Лисовский, 2002). При этом вопросы освоения новых технологий и инновационные аспекты экономики (за исключением проблем передела собственности) не являлись приоритетными.

В первой четверти XXI века общество постепенно трансформируется в два параллельных мира. Соприкасающиеся поколения не всегда остро ощущают различия и порой не замечают нарастающей разобщенности. Однако отдаленные поколения («деды» и «внуки») существуют в принципиально разных технологических и социокультурных средах.

Существенные различия охватывают мотивацию трудовой деятельности; политические взгляды; оценку прошлого, настоящего и будущего страны; отношение к традиционным ценностям семьи; формы общения и досуга; приобщение к достижениям мировой культуры; направления духовного роста.

Нарушение межпоколенных связей выступает одним из индикаторов социального неблагополучия. Если в 1990-е годы родители и прародители были выходцами из Советской страны, то сегодня лишь старшее поколение хранит память о Советском Союзе с его системой ценностей, моралью и социальными паттернами.

За сравнительно короткий период на смену советским ценностям пришли либеральные, а затем консервативные. Параллельно происходили изменения в технологической сфере. От первого знакомства с компьютерами общество за два десятилетия перешло к цифровым технологиям и искусственному интеллекту.

Если социокультурный опыт и ценности традиционно передаются от поколения к поколению, то освоение инновационных технологий чаще остается уделом молодых. Как подчеркивала М. Мид, межпоколенная трансмиссия носит двусторонний характер: она направлена не только от родителей к детям, но и обратно – от детей к родителям (Мид, 1988).

Ключевая проблема взаимодействия поколений заключается не только в том, что старшее поколение может предложить молодежи и что молодежь способна дать родителям и прародителям, но и в готовности обеих сторон воспринимать это как значимое и ценное. Иными словами, то, что представляется ценным и востребованным с одной стороны, может не находить отклика с другой, что препятствует диалогу.

Социологический опрос, проведенный в 2025 году, на тему «Взаимодействие поколений» среди двух целевых групп: молодежи (студенты и учащиеся лицей) и людей старшего возраста (их прародители) позволил выявить различия между поколениями, связанные с неравномерным освоением инновационных технологий и увеличением дистанции в коммуникации.

Результаты опроса выявили устойчивую модель взаимопомощи: практически все респонденты молодого возраста регулярно оказывают техническую поддержку представителям старшего поколения в вопросах использования цифровых устройств (телефонов, персональных компьютеров) и осуществлении банковских операций в электронном формате. В свою очередь, респонденты старшего возраста систематически обращаются за подобной помощью к молодежи.

Выявленная зависимость обусловлена трудностями освоения представителями старшего поколения быстро меняющихся цифровых технологий и их интеграции в повседневную жизнедеятельность. Это порождает у респондентов старшего возраста субъективные ощущения беспомощности, психологической зависимости, что вступает в противоречие с ранее сформированными жизненными установками и ценностными ориентациями.

Современная молодежь значительную часть времени проводит в информационной сети. Интернет фактически стал основным институтом социализации. В тоже время старшее поколение отстает в освоении цифровой среды и, в следствие этого, слабо вовлечены в информационную культуру.

Для консолидации поколений необходимы не только взаимное согласие и готовность к диалогу, но и стремление понять и принять новую технологическую реальность.

Исследования мотивации получения дополнительного образования среди представителей старшей возрастной группы, проведенное автором в 2008 году в Тверской области¹, показало, что лидирующую позицию занимала потребность освоения персонального компьютера, прежде всего для общения с внуками и поддержания с ними интересного диалога.

Однако исследования последних лет демонстрируют иную тенденцию: завершив трудовую деятельность, многие представители старшего поколения демонстративно дистанцируются от использования компьютера. В интервью нередко звучат фразы: «Я убрала компьютер под стол», «Задвинула его подальше».

На вопрос «В каком формате вы предпочитаете читать книги?» большинство отвечает: «В бумажном», отвергая ридеры и иные электронные носители. При этом старшее поколение остается активным читателем, пользуясь услугами районных библиотек. Наблюдается также рост различий в литературных предпочтениях молодежи и представителей старших возрастов.

¹ При финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-03-57303.

В свободное время подростки и молодежь погружаются в игровую культуру, что отличает их не только от прапородителей, но и от родителей. В современную эпоху геймерство становится ведущей тенденцией в формировании субкультур, поиске виртуальных собеседников, уходе от реальности и замене реального межличностного общения виртуальным.

Информационная культура переживает этап стремительного становления, что порождает противоречивые тенденции: с одной стороны, возможность скрыться за «ником», с другой – экспансия частной жизни в публичное пространство через публикацию фотографий и хронометраж быта в сети.

Круг интересов современного поколения тесно связан с использованием технических средств. Отказ от телефонов и гаджетов вызывает у молодежи замешательство, дискомфорт и тревожность. На занятиях, в компании друзей или на отдыхе молодые люди практически не выпускают телефоны из рук.

Современная молодежь открыта цифровым инновациям: она легко осваивает новые технологии и быстро воспринимает информацию. Однако мгновенный доступ к информации снижает мотивацию к развитию памяти, способствует формированию клипового мышления и ослабляет рефлекссию. Даже выпускники вузов нередко испытывают трудности в выражении собственных мыслей.

Цифровое пространство становится основной средой, в которой молодежь проводит большую часть времени: работает, учится, отдыхает за играми и общается в интернет-сообществах.

Цифровой разрыв между поколениями (детьми, родителями и прапородителями) ведет к снижению универсальности фигуры взрослого. Цифровая некомпетентность существенно подрывает его авторитет не только в информационном поле, но и в других сферах.

Внедрение информационных технологий в трудовую сферу и новые требования, предъявляемые к сотрудникам, не одинаково воспринимаются различными возрастными группами. Техническая сторона наиболее интересна молодым, но недостаток опыта, профессиональной компетентности приводит к серьезным просчетам в работе. Представители среднего возраста включаются в освоение нового более-менее успешно, хотя испытывают некоторые трудности. Старшее поколение (люди предпенсионного возраста и работающие пенсионеры) часто переживают стресс. Обладая высокой профессиональной компетентностью, они порой ощущают невостребованность своего опыта. В последние десятилетия рабочее место стало объектом конкуренции. В советское время эффективно работал институт наставничества. Но чтобы вернуться к нему в новых условиях необходимо проанализировать мотивацию трудовой деятельности разных поколений и найти точки взаимодействия.

Среди многообразия технологических средств информационного общества безусловное первенство принадлежит телефонам. Ими активно пользуются представители старших возрастов, однако преимущественно в практических целях и зачастую прибегают к консультации молодежи.

Разрешение указанных противоречий возможно при организации сотрудничества на основе опыта старшего поколения и цифровых компетенций молодежи.

Для развития социального государства необходимо сотрудничество и преемственность поколений. Именно через механизмы преемственности осуществляется поступательное развитие культуры.

Библиографический список

1. Лисовский В.Т. (2002). «Отцы» и «дети»: за диалог отношений // Социологические исследования. № 7. С. 111–116.
2. Мид М. (1988). Культура и мир детства. Избранные произведения. Москва: «Наука». 429 с.
3. Ортега-и-Гассет Х. (1997). Избранные труды. Москва: «Весь мир». 704 с.
4. Шуман Г., Скотт Ж. (1992). Коллективная память поколений // Социологические исследования. № 2. С. 47–60.

Информация об авторе

Галина Александровна Парахонская – доктор исторических наук, доцент кафедры социологии, Тверской государственной университет (Российская Федерация, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33; e-mail: parakhonskaya@gmail.com)

Parakhonskaya G.A.

DIGITAL AND NON-DIGITAL GENERATIONS: DIFFERENCES AND THE SEARCH FOR INTEGRATION OPPORTUNITIES

Abstract. *The contradictions associated with the differentiation of the levels of technological competence of different age groups and the associated distance between generations are analyzed. The tendency of the lack of demand for the experience of the older generation in new conditions is substantiated.*

Keywords: *digital generation, intergenerational relations, interaction, continuity, integration.*

About the author

Galina A. Parakhonskaya –Doctor of Sciences (Historical), Associate Professor of Department of Sociology, Tver State University (33, Zhelyabova Street, Tver, 170100, Russian Federation; e-mail: parakhonskaya@gmail.com)

References

1. Lisovsky V.T. (2002) "Fathers" and "children": for a dialogue of relations. *Sociological research*, 7, 111–116
2. Mead M. (1988). Culture and the world of childhood. Selected works. Moscow: "Nauka" Publishing House.
3. Ortega-i-Gasset H. (1997). Selected works. Moscow: Publishing house "The Whole world".
4. Shuman G., Scott J. (1992). Collective memory of generations. *Sociological research*, 2, 47–60.

ЛИЧНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТРАНСПОРТ: ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЗАЦИИ

Аннотация. *Цель исследования состоит в обосновании направлений экологизации транспортных систем для перехода к устойчивому развитию. Методологической основой исследования является вторичный анализ и систематизация статистических данных и публикаций, отражающих специфику транспортных стратегий по странам. В результате исследования выявлены основные тенденции перехода от личного автотранспорта к общественному, а также определены инструменты, способствующие закреплению этих изменений.*

Ключевые слова: *общественный транспорт, личный транспорт, экологизация транспортной системы, устойчивое развитие, индекс экологической эффективности.*

Процесс урбанизации в мире (в 2025 году 45% от общего числа жителей планеты проживают в городах¹, по информации от ВОЗ эта цифра еще выше – 55%²), сопровождается активной автомобилизацией. По данным Международного союза автомобильного транспорта (IRU) на 2025 год, среди стран мира по уровню автомобилизации населения лидируют: Сан-Марино (1300 легковых автомобилей на 1000 человек), Лихтенштейн (1193 автомобиля), Андорра (1050 автомобилей), Монако (910 автомобилей), США (908 автомобилей) и Новая Зеландия (884 машины). Россия находится в пятом десятке стран по данному показателю³. Высокая степень урбанизации и автомобилизации городов ухудшают экологическую обстановку. Так, четверть всех мировых выбросов углекислого газа приходится на транспортный сектор, из которых 74% связаны именно с автомобильным транспортом, т. е. на автомобили приходится 18,5% выбросов (Saeidizand et al., 2025). В связи с этим все больше актуализируется проблема экологизации транспорта. В России автомобильный транспорт является одним из основных источников загрязнения атмосферного воздуха, объем выбросов от него составили в 2024 году 4839 тыс. тонн⁴. Среди задач транспортной стратегии России стоит снижение негативного воздействия транспортного комплекса на окружающую среду и климат в соответствии с принципами устойчивого развития, для чего предполагается перевод транспортных средств на альтернативные виды топлива⁵. Минэкономразвития России разработало Концепцию по развитию производства и использования электрического автомобильного транспорта в Российской Федерации на период до 2030 года⁶. Но экологизация обеспечивается не только развитием технико-технологической составляющей, предполагающей совершенствование транспортных систем в целях снижения выбросов, но и требуется также коррекция поведенческих установок населения, предполагающая изменение выбора населения относительно способа передвижения, переориентацию населения с личного на общественный транспорт.

¹ Доклад ООН: глобальная урбанизация и ключевые тенденции в Европе и Центральной Азии // Организация объединенных наций. URL: <https://www.ungeneva.org/ru/news-media/news/2025/11/113047/doklad-oon-globalnaya-urbanizaciya-i-klyuchevye-tendencii-v-evrope-i> (дата обращения: 11.03.2026).

² Информационный бюллетень Всемирной организации здравоохранения «Здоровье в городах». URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/urban-health> (дата обращения: 11.03.2026).

³ Кляхин Д. (2025). Названы регионы с наивысшим уровнем автомобилизации населения. Москва – в середине списка // Банки.ру. URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=11013682&ysclid=ml6dej0ur962230744> (дата обращения: 01.02.2026).

⁴ О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2024 году. Государственный доклад. М.: Минприроды России. 210 с.

⁵ Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 3363-р

⁶ Концепция по развитию производства и использования электрического автомобильного транспорта в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 23.08.2021 № 2290-р.

Цель данной работы – на примере разных стран показать недостаточность мер развития экологического транспорта без переориентации населения с личного транспорта на использование общественного, а также доказать, что именно развитие общественного транспорта в городе способствует его экологизации.

Вопросы экологизации транспорта поднимаются в научных трудах различных авторов, среди которых О.В. Белый и О.А. Гуляева (Белый и др., 2019; Гуляева и др., 2020).

Как зарубежными (Saeidizand et al., 2025), так и отечественными исследователями (Белый и др., 2019) отмечается, что проблема роста негативного влияния транспорта на окружающую среду становится результатом ориентации граждан на использование личных автомобилей. При этом экологизация предполагает смещение акцентов в сторону общественного транспорта в целях минимизации загрязнения окружающей среды. Доказывается, что меры стимулирования меньшего использования собственных автомобилей в пользу общественного транспорта способны благотворно повлиять на объем выбросов (Милякин, 2022). При этом исследователи отмечают, что люди часто выбирают свой автомобиль, а не общественный транспорт, даже если это неудобно. Мотивацией выбора личного автомобиля обуславливается потребностями в престиже (в уважении), избеганием отрицательных эмоций, сохранение личного пространства (Лобанова, Юдин, 2022). Также отмечается, что Covid-19 достаточно сильно повлиял на отношение к личному и общественному транспорту (Ершова, 2023). В связи с этим интересно проследить опыт других стран по экологизации транспортной системы и отметить, какие меры ими использовались.

Методология данного исследования включает вторичный анализ и систематизацию статистических данных и публикаций, отражающих специфику транспортных стратегий по странам. В данной статье рассмотрен опыт стран Индии, Китая и стран ЕС. Анализ позволяет выявить особенности в структуре транспортных предпочтений в этих странах. Наличие различий обусловлено влиянием широкого спектра факторов, среди которых уровень экономического развития, плотность населения, сложившаяся модель планирования города, культурные нормы и качество общественного транспорта. На основе собранных статистических данных проведен корреляционный анализ.

Индия – это страна, в которой доминирует личный транспорт. На территории страны проживает 1 417 млн человек. Индийский парк автобусов насчитывает 1,9 млн единиц, 92% автобусов принадлежат частным операторам, 8% – государственным предприятиям. Резкое увеличение числа частных перевозчиков связано с индустриализацией страны, резким ростом населения, а также повышением спроса на общественный транспорт; 90% всего трафика в Индии принадлежит автобусам, 10% – железнодорожным перевозкам⁷. Отметим, что Индия является участником Парижского соглашения по климату. Основная цель участия в данном соглашении – не допустить превышения глобальной средней годовой температуры и ухудшения экологических показателей. Всего в Индии эксплуатируется 170 тыс. общественных автобусов, которые перевозят около 70 млн человек в день⁸.

Китай имеет иную модель организации транспортной системы, в рамках которой государственная политика стимулирует переход на электромобили. В стране сохраняется высокая доля личного транспорта. Последние годы Китай переживает бум популярности электрокаров. В 2024 году в стране отмечалось 60% продаж электромобилей от общих продаж в мире. По сравнению с 2023 годом увеличение в 2024 году составило 40%. Рост спроса на электрокары обусловлен последовательной политикой Китая по развитию отрасли электромобилей. В 2005 году, до активной трансформации транспортной системы, по данным Всемирного банка, 16 из 20 городов, в которых отмечался наивысший уровень загрязнения воздуха на планете, находились в Китае (Ignatius et al., 2012). По состоянию на 2023–2025 гг. в Китае отмечается высокое содержание вредных частиц в воздухе, в т. ч. углекислого газа. Данная проблема особенно актуальна для крупных городов. В результате высокой степени загрязнения воздуха отмечается рост заболеваний среди населения. Активная политика Китая по снижению выбросов, электрификации транспортных средств привела к тому, что в 2024 году доля городов, которые соответствуют стандартам РМ 2.5, увеличилась с 9 до 17% по сравнению с 2023 годом (Заклязьминская, 2024, с. 6).

⁷ Отчет «Парк ТС в РФ на 01.07.2024 г» // Аналитическое агентство ООО «Автостат». URL: <https://www.autostat.ru/news/54710/> (дата обращения: 10.03.2026).

⁸ Анализ рынка транспортных услуг Индии // Всероссийская академия внешней торговли. URL: https://myexport.exportcenter.ru/marketing-research/Transport_Indiya_2311.pdf (дата обращения: 10.03.2026).

Европейские страны демонстрируют более сбалансированную картину по соотношению общественного и личного транспорта. Рынок автобусов в Европе оценивался в 10,2 млрд долларов США в 2024 году и, как ожидается, будет расти на 4,6% в год в период с 2025 по 2034 год, что обусловлено растущим спросом на устойчивую мобильность и модернизацию парка. В странах ЕС также отмечается ориентация на экологичный транспорт, в частности электромобили. В 2025 году доля электромобилей в странах ЕС составила 17,4%, на гибридные автомобили приходится 34,5% рынка, доля бензиновых и дизельных автомобилей снизилась до 35,5%. К концу 2025 года количество регистраций бензиновых автомобилей сократилось на 18,7%, наибольшее снижение отмечалось во Франции, Германии, Италии и Испании⁹.

Для оценки влияния личного и общественного транспорта на экологическую ситуацию (для чего использовался показатель выбросов CO₂ на человека в год) проанализированы показатели различных мировых мегаполисов (табл. 1).

Таблица 1. Оценка выбросов CO₂ от транспорта в крупных мегаполисах

Город	Личное авто (%)	Общественный транспорт (%)	Пеший (%)	CO ₂ от транспорта (т./чел. в год)
Лос-Анджелес	75	15	10	~4.1
Берлин	32	27	41	~2.0
Дели	55	30	15	~1.4
Прага	43	33	24	~2.4
Вена	27	38	35	~1.2
Москва	52	38	10	~2.7
Нью-Йорк	45	40	15	~2.6
Пекин	39	41	20	~3.2
Париж	30	45	25	~0.9
Шанхай	34	45	21	~3.0

Источник: составлено по: Carbon Monitor Cities: near-real-time daily estimates of CO₂ emissions from 1500 cities worldwide. Available at: <https://arxiv.org/abs/2204.07836>; Earth System Science Data: Dataset of European urban transport emissions. Available at: <https://essd.copernicus.org/articles/18/927/2026/>; Global urban transport modal split dataset. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0264275122003419>; Île-de-France Mobilités. CO₂ emissions per passenger-kilometre. Available at: <https://prim.iledefrance-mobilites.fr/en/jeux-de-donnees/emission-de-co2e-par-voyageur-kilometre-sur-le-reseau>; Senate Department for Urban Development and Housing Berlin: Transport report (Metropolis Study). Available at: https://www.stadtentwicklung.berlin.de/archiv/metropolis2005/download/doku/commission/C4_verkehrsbericht_en.pdf (дата обращения: 18.03.2026).

Самый низкий показатель использования общественного транспорта в Лос-Анджелесе. В этом городе отмечается и самый высокий показатель выбросов в атмосферу. Самые низкие показатели выбросов в Европейских странах, где доля пользователей личными авто для основных передвижений по городу, минимальна. В табл. 2 рассчитаны коэффициенты корреляции между этими показателями.

Таблица 2. Коэффициенты корреляции между выбросами и транспортной структурой

Доля пользующихся	CO ₂ от транспорта (т/чел*год)
Личным авто (%)	0,62
Общественным транспортом (%)	-0,38
Пеший (%)	-0,53

Источник: рассчитано автором на основе данных таблицы 1.

Закономерно, что чем выше доля пользователей личными авто в городе, тем выше в нем выбросы в атмосферу, эта связь прямая и умеренно-сильная. Высокая доля пешеходных перемещений в городе способствует снижению выбросов, однако в крупном мегаполисе рост этой доли довольно проблематичен. Связь между долей использования общественного транспорта и выбросами слабо-умеренная, но важно, что она обратная, т. е. рост доли пользующихся общественным транспортом города снижает выбросы в атмосферу. Конечно, здесь на величину выбросов влияет и качество самого общественного транспорта – чем он более экологичен, тем выше будет этот эффект.

⁹ European Association of Automobile Manufacturers Acea. Available at: https://www.acea.auto/files/Press_release_car_registrations_December_2025.pdf (accessed: 10.03.2026).

Можно сделать вывод, что уровень экологической эффективности взаимосвязан со степенью экономического развития и структурой транспортных систем. Лидерами являются страны Европы, показывающие наиболее низкий объем выбросов в расчете на одного жителя. Данные страны являются ярким примером успешного внедрения «зеленых» технологий и многолетней политики по экологизации транспорта. Показатели развивающихся стран, таких как Индия и Китай – ниже европейских.

Далее проанализируем соотношение личного и общественного транспорта в России. Для этого представим структуру пассажирооборота по видам транспорта в Российской Федерации в 2020–2024 гг. на *рисунке 1*.

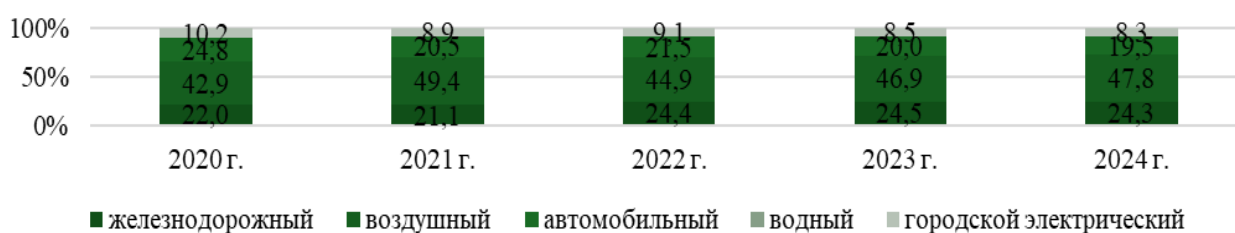

Рис. 1. Структура пассажирооборота по видам транспорта по Российской Федерации

Источник: составлено по данным Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Passoborot-01-2026.xlsx> (дата обращения 10.03.2026).

В структуре пассажирооборота по видам транспорта преобладает воздушный транспорт, на втором месте находится железнодорожный транспорт. Автомобильный транспорт находится на третьем месте, и его доля последние несколько лет сохраняется примерно на одном и том же уровне. Городской электрический транспорт занимает наименьший удельный вес в структуре оборота, снизившись к 2024 году до 8,3%.

Таким образом, доказана необходимость переориентации населения с использования личного транспорта на общественный. Важно учитывать, что экологический эффект от перехода на общественный транспорт зависит как от типов транспортных средств, так и от степени их заполняемости. Электромобили, которые перевозят одного человека, могут иметь более высокий удельный углеродный след, чем заполненный автобус на традиционном топливе. Поэтому стратегия экологизации должна быть сфокусирована не только на технологическом обновлении транспортных средств, но и на увеличении доли поездок на общественном транспорте. Для этого важно способствовать изменению поведенческих моделей населения, предполагающих переход к использованию личного транспорта к общественному. И здесь интересен опыт других стран. Например, в Китае широкое распространение электромобилей среди молодежи связано не столько с экологическим осознанием, сколько с мерами правительства по снижению стоимости владения данными видами транспортных средств. В Европе стимулирование использования общественного транспорта сопровождается созданием барьеров и ограничений использования личного транспорта (высокая стоимость парковки, ограничения на въезд в определенные зоны).

Опыт разных стран показывает, что просто развивать общественный транспорт недостаточно, необходимо управлять транспортным поведением, а именно: вводить плату за въезд, создавать зоны с ограниченным въездом, развивать инфраструктуру. Учитывая существующие психологические барьеры на переход к использованию общественного транспорта (Лобанова, Юдин, 2022; Ершова, 2023) необходимо задействовать целый комплекс различных мер, в т. ч.: нормативно-правовые, функциональные, технически-интеллектуальные, финансово-экономические, информационно-образовательные и управленческо-административные инструменты (Авраменко, Канбангулова, 2021). Использование данных инструментов позволяет вести комплексную работу по наращиванию доли населения, которая ориентирована на общественный транспорт.

Библиографический список

1. Авраменко А.А., Канбангулова Р.И. (2021). Эколого-экономические аспекты управления транспортными системами ведущих интеграционных объединений мира // Вестник евразийской науки. Т. 13. № 1. С. 20–43.
2. Белый О.В., Баринова Л.Д., Забалканская Л.Э. (2019). Оценка экологически устойчивого развития городского общественного транспорта // Транспорт Российской Федерации. № 2 (81). С. 31–35.
3. Гуляева О.А., Смелова А.Д., Левин Л.А. (2020). Экология на транспорте // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. С. 44–46.
4. Ершова О.А. (2023). Отношение жителей мегаполиса к личному и общественному транспорту // Современная зарубежная психология. Т. 12. № 1. С. 16–25. DOI: 10.17759/jmfp.2023120102
5. Заклязьминская Е.О. (2024). Политика Китая в области охраны окружающей среды // Российский совет по международным делам. № 50. 12 с.
6. Лобанова Ю.И., Юдин Г.Л. (2022). Субъективные факторы предпочтения разных видов транспорта // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. Т. 7. № 4. С. 167–194. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2022_25_4_008
7. Милякин С.Р. (2022). Снижение выбросов CO₂ в городах: электромобили или общественный транспорт // ЭКО. № 12 (582). С. 32–51. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-12-32-51
8. Ignatius T., Sun Y., Yong Z. (2012). Effect of ambient air pollution on daily mortality rates in Guangzhou. *Atmospheric Environment*, 46, 528–535.
9. Saeidizand P., Savieri P., Boussauw K. Car dependency contributors in global metropolitan areas over time. *Journal of Transport Geography*, 123. DOI: 10.1016/j.jtrangeo.2025.104152

Информация об авторе

Глеб Юрьевич Подковский – магистрант, Школа государственного управления и предпринимательства Уральского Федерального Университета (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: podkovskijgleb@gmail.com)

Podkovskiy G.Yu.

PRIVATE AND PUBLIC TRANSPORT: ENVIRONMENTAL ISSUES

Abstract. *The purpose of the study is to substantiate the directions of greening transport systems for the transition to sustainable development. The methodological basis of the study is a secondary analysis and systematization of statistical data and publications reflecting the specifics of transport strategies by country. As a result of the study, the main trends in the transition from private to public transport have been identified, and the tools that contribute to the consolidation of these changes have been determined.*

Keywords: *public transport, private transport, greening of the transport system, sustainable development, environmental efficiency index.*

About the author

Gleb Y. Podkovskiy – Master Degree student, Ural Federal University, Graduate School of Economics and Management (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: podkovskijgleb@gmail.com)

References

1. Avramenko A.A., Kanbangulova R.I. (2021). Ecological and economic aspects of managing transport systems in the leading integration associations of the world. *Bulletin of Eurasian Science*, 13, 1, 20–43.
2. Beliy O.V., Barinova L.D., Zabalkanskaya L.E. (2019). Assessment of ecologically sustainable development of urban public transport. *Transport of the Russian Federation*, 2(81), 31–35.

3. Gulyaeva O.A., Smelova A.D., Levin L.A. (2020). Ecology in transport. *Actual Problems of Aviation and Cosmonautics*, 44–46.
4. Ershova O.A. (2023). Attitude of megalopolis residents to personal and public transport. *Modern Foreign Psychology*, 12, 1, 16–25. DOI: 10.17759/jmfp.2023120102
5. Zaklyazminskaya E.O. (2024). China's Environmental Protection Policy. Russian International Affairs Council.
6. Lobanova Yu.I., Yudin G.L. (2022). Subjective factors of preference for different modes of transportation. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology*, 7, 4, 167–194. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2022_25_4_008
7. Milyakin S.R. (2022). Reducing CO2 emissions in cities: electric vehicles or public transportation. *ECO*, 12(582), 32–51. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-12-32-51
8. Ignatius T., Sun Y., Yong Z. (2012). Effect of ambient air pollution on daily mortality rates in Guangzhou. *Atmospheric Environment*, 46, 528–535.
9. Saeidizand P., Savieri P., Boussauw K. Car dependency contributors in global metropolitan areas over time. *Journal of Transport Geography*, 123. DOI: 10.1016/j.jtrangeo.2025.104152

УПРАВЛЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕМ С МОБИЛЬНЫМИ РАБОТНИКАМИ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ И СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ ПРИНИМАЮЩИХ СООБЩЕСТВ

Аннотация. В статье исследуется феномен мобильной занятости как объекта социологии управления. На основе опроса студентов трех вузов города Уфы был составлен примерный социальный портрет мобильных работников, выявлены их мотивационные приоритеты и миграционные установки. Особое внимание уделяется управленческим аспектам присутствия данной категории специалистов в сообществах. Предложены рекомендации по адаптации зарубежных практик к российским условиям.

Ключевые слова: мобильные работники, социальный портрет, трудовая мобильность, принимающие сообщества, удаленная занятость, стейкхолдер.

Современный этап общественного развития характеризуется качественными изменениями в структуре занятости. Распространение цифровых технологий, трансформация организационных структур и изменение ценностных ориентаций работников способствует формированию нового социального строя – мобильных работников. Эта новообразованная группа включает в себя как «цифровых кочевников», которые практикуют удаленную работу из любой точки мира, так и специалистов, использующих вахтовый метод, временные командировки или регулярную смену локации без изменения постоянного места жительства.

Как отмечает классик социологии мобильности Дж. Урри, современное общество следует понимать через динамику перемещений людей, информации и объектов, что делает мобильность не исключением, а нормой социальной жизни (Урри, 2022, с. 23). Это требует пересмотра традиционных управленческих подходов, ориентированных на стационарные коллективы и территориальную привязку.

Актуальность исследования обусловлена не только темпом количественного роста мобильных работников, но и их многоплановым воздействием на сообщества и группы. С точки зрения социологии управления, эта группа представляет собой специфический объект воздействия, который сам по себе обладает высокой автономией и слабо поддается традиционным формам административного контроля. Вследствие чего и требует выработки новых механизмов регуляции, основанных на координации и кооперации (Даутова, 2025, с. 45; с. 143).

Цель работы – определение социального портрета мобильных работников и анализ управленческих стратегий регуляции их влияния на принимающие сообщества.

В социологии управления управленческие отношения представляют собой систему взаимных зависимостей и обязанностей, создаваемых для реализации функций целеполагания, организации и контроля (Даутова, 2025, с. 12). Применительно к мобильным работникам классические механизмы, основанные на территориальной привязке и иерархии, перестают работать. На смену им приходят сетевые структуры и горизонтальные связи.

При рассмотрении этого вопроса следует правильно разграничивать два похожих понятия «миграция» и «мобильность». Если миграция предполагает смену постоянного места жительства, то мобильность, в свою очередь, включает временные перемещения без изменения резидентского статуса. Эта временность дислоцирования создает специфический вызов для управления: мобильный работник присутствует в локальной экономике, но слабо интегрирован в местные социальные институты.

С позиции теории стейкхолдеров, мобильные работники становятся важной группой влияния, чьи интересы необходимо учитывать при разработке муниципальных стратегий. Исследователь С.Н. Иванов подчеркивает, что игнорирование интересов временного населения ведет к росту социальной напряженности и джентрификации (Иванов, 2024).

Для изучения социального портрета был проведен опрос студентов трех ведущих вузов г. Уфы (Уфимский университет науки и технологий, Уфимский государственный нефтяной технический университет, Башкирский государственный аграрный университет). Выбор студентов технических и IT-специальностей (более 76% выборки) обусловлен тем, что они составляют кадровый резерв формирующейся группы мобильных работников. Объем выборки – более 150 респондентов. Метод сбора данных – онлайн-анкетирование.

На основе ответов респондентов удалось получить следующие результаты. Социально-демографические характеристики респондентов: возрастная категория: 18–21 год – примерно 60% опрошенных, 22–25 лет – 40%. Среди них мужчин: 57%, женщин: 43%; свыше 76% обучаются в сфере IT-безопасности.

Образ жизни, предполагающий мобильность, оценивают как привлекательный 72,2% опрошенных. Рассматривают для себя возможность стать мобильным работником – 52%.

На *рисунке 1* видно, что ключевым преимуществом выступает потребность в автономии: свобода и гибкий график, который лидирует с большим отрывом. Далее идут независимость и отсутствие необходимости работать в офисе. Это свидетельствует о том, что традиционные методы мотивации, основанные на материальном вознаграждении, могут быть неэффективными для данной категории (Шерстнева, 2023).

Рис. 1. Оценка преимуществ удаленной работы

Источник: составлено автором.

Среди негативных аспектов удаленной работы указываются: размытие границ между работой и личной жизнью (35,1%), сложности с коммуникацией (28,5%), необходимость самоорганизации (20,5%). Эти данные коррелируют с выводами А.В. Шевчука о трудностях цифровых кочевников на российском рынке труда (Шевчук, 2023).

В миграционных установках респонденты демонстрируют рациональный подход. Главным приоритетом при выборе страны или региона для опрашиваемых являются уровень заработной платы, что почти в полтора раза превышает значимость культурной среды и климата. На втором месте стоит уровень жизни и безопасности. Наименьшее влияние (11%) оказывает простота получения рабочей визы (*рис. 2*).

Рис. 2. Оценка ключевых факторов при выборе страны или региона

Источник: составлено автором.

Анализ полученных данных, в сочетании с изучением современных управленческих концепций, позволяет выделить три уровня управленческого воздействия, связанных с присутствием мобильных работников.

1. Уровень территории (муниципальное и региональное управление). Присутствие мобильных работников создает дополнительные налоговые поступления и стимулирует развитие сферы услуг (коворкинги, коливинги, общественное питание). Однако оно же провоцирует риски джентрификации и роста цен на аренду жилья. Исследования Р. Флориды показывают, что креативный класс выбирает города с высоким уровнем толерантности, технологий и таланта (концепция 3Т) (Флорида, 2021, с. 89). Следовательно, муниципальная политика должна быть направлена на создание открытой инфраструктуры. Управленческие решения должны заключаться в переходе от стихийной адаптации к проактивному управлению. Мировой опыт демонстрирует эффективность создания специализированных виз и инфраструктурных хабов. Например, в Таллине (Эстония) создана сеть коворкингов и консультационных центров для цифровых кочевников, в Лиссабоне (Португалия) действуют налоговые льготы для приезжих специалистов (Шерстнева, 2023). Для российских регионов актуальна адаптация этих моделей с упором на интеграционные программы.

2. Уровень организации (корпоративное управление). Для компаний, нанимающих мобильных сотрудников, ключевой задачей становится пересмотр корпоративной культуры. Традиционная бюрократическая культура, основанная на должностных инструкциях и иерархии, неэффективна. Наиболее актуальны культурные задачи, в которых фундаментом власти являются знания и компетентность (Кривцова, Мартынова, 2023). Управление должно быть направлено на удержание сотрудников через создание чувства принадлежности к команде, несмотря на географическую удаленность. Это требует внедрения гибких форм труда и инвестиций в цифровую коммуникационную инфраструктуру.

3. Уровень социального взаимодействия (интеграция). Мобильные работники склонны образовывать замкнутые профессиональные сообщества, что создает риски культурного разобщения. Управленческие механизмы здесь должны реализовывать интегративную функцию, формируя ощущение принадлежности к локальному сообществу. В данном случае важна поддержка гибридных событий (онлайн + офлайн), создание общественных пространств, где мобильные работники могли бы взаимодействовать с местными жителями и предпринимателями.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. Социальный портрет потенциальных мобильных работников характеризуется преобладанием молодых возрастов (18–25 лет) с IT-компетенциями, для которых ключевыми ценностями являются автономия и гибкость, а не сиюминутный высокий доход. Миграционные установки потенциальных мобильных работников отличаются рациональностью: решение о переезде принимается с учетом конкретных социально-экономических условий, среди которых приоритетны уровень заработной платы, безопасность и качество жизни.

Влияние мобильных работников на принимающие сообщества носит двойственный характер. С одной стороны, их присутствие стимулирует собой развитие малого бизнеса и повышает культурное разнообразие страны и(или) региона. С другой стороны – создает риски роста цен, социальной напряженности и дополнительной нагрузки на инфраструктуру. От органов управления это требует выработки более гибкой и сбалансированной политики на разных уровнях: от государственного и муниципального до отдельных организаций. Управленческие решения должны быть направлены на создание условий для интеграции мобильных работников в местную среду, развитие необходимой инфраструктуры и рабочего климата, а также совершенствование правового регулирования их статуса.

Библиографический список

1. Даутова Т.А. (2025). Социология управления: учебное пособие. Уфа: Уфимский университет. 210 с.
2. Даутова Т.А., Фролова И.Ю., Бикметова З.Ф. (2023). Миграционные установки современной молодежи: мнения, взгляды, настроения (на примере Республики Башкортостан) // Власть. Т. 31. № 4. С. 96–103.
3. Кривцова Е.В., Мартынова Т.Н. (2023). Цифровое кочевничество студенческой молодежи: жизненные ценности, профессиональные возможности и социальные риски // Профессиональное образование в России и за рубежом. № 1 (49). С. 127–135.
4. Шерстнева А.Р. (2023). Резидентная мобильность цифровых кочевников в агломерации Денпасара // Городские исследования и практики. № 3. С. 57–71.
5. Флорида Р. (2021). Креативный класс: люди, которые меняют будущее. Москва: Манн, Иванов и Фербер. 384 с.
6. Урри Дж. (2022). Мобильности. Москва: Праксис. 576 с.
7. Иванов С.Н. (2024).стейкхолдер-менеджмент в городском развитии: учет интересов временного населения // Вопросы государственного и муниципального управления. № 1. С. 112–128.
8. Шевчук А.В. (2023). От любительства к профессионализму: цифровые кочевники на рынке труда // Социологические исследования. № 5. С. 45–58.

Информация об авторе

Анна Сергеевна Пожиткова – студент, Уфимский университет науки и технологий (Российская Федерация, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32; e-mail: a_pozhitkova@list.ru)

Pozhitkova A.S.

MANAGING INTERACTIONS WITH MOBILE WORKERS: SOCIAL PORTRAIT AND ADAPTATION STRATEGIES FOR HOST COMMUNITIES

Abstract. *This article examines the phenomenon of mobile employment as an object of management sociology. Based on a survey of students at three universities in Ufa, a rough social profile of mobile workers was compiled, identifying their motivational priorities and migration attitudes. Particular attention is paid to the management aspects of this category of professionals' presence in communities. Recommendations for adapting international practices to Russian conditions are offered.*

Keywords: *mobile workers, social profile, labor mobility, host communities, remote employment, stakeholder.*

About the author

Anna S. Pozhitkova – student, Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi Street, Ufa, 450076, Russian Federation; e-mail: a_pozhitkova@list.ru)

References

1. Dautova T.A. (2025). Sociology of Management: A Textbook. Ufa: Ufa University.
2. Dautova T.A., Frolova I.Yu., Bikmetova Z.F. (2023). Migration attitudes of modern youth: opinions, views, moods (Based on the Republic of Bashkortostan). *Vlast*, 31, 4, 96–103.
3. Krivtsova E.V., Martynova T.N. (2023). Digital nomadism of student youth: life values, professional opportunities, and social risks. *Professional Education in Russia and Abroad*, 1(49), 127–135.
4. Sherstneva A.R. (2023). Residential mobility of digital nomads in the denpasar agglomeration. *Urban Research and Practices*, 3, 57–71.
5. Florida R. (2021). Creative Class: People Who Change the Future. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber.
6. Urry J. (2022). Mobility. Moscow: Praxis.
7. Ivanov S.N. (2024). Stakeholder management in urban development: taking into account the interests of the temporary population. *Issues of Public and Municipal Administration*, 1, 112–128.
8. Shevchuk A.V. (2023). From amateurism to professionalism: digital nomads in the labor market. *Sociological Research*, 5, 45–58.

ДОВЕРИЕ К ЦИФРОВЫМ ПЛАТФОРМАМ В ОЦЕНКАХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Аннотация. *Статья посвящена анализу доверия к цифровым платформам в контексте восприятия цифровых угроз старшеклассниками. Доверие формируется не к платформе, а к информации и источникам. Опрос (n = 609) показал избирательность доверия и слабое развитие критической оценки информации.*

Ключевые слова: *цифровые угрозы, доверие, цифровые платформы, концепция П. Штомпки.*

Современная социология понимает под доверием, с одной стороны, элемент веры (необоснованная и иррациональная уверенность в действиях другого человека), с другой стороны, доверие есть рациональное отношение к будущему. Однако, можно сказать, что доверие – это вера, основанная на рациональном выборе.

Проблема доверия привлекала внимание мыслителей еще с древности. К ней обращались Конфуций, Аристотель и Фома Аквинский. Однако только в 1970–1980-х годах тема доверия становится популярной в общественных науках. В социологии одним из первых системно осмыслил это понятие Георг Зиммель, трактуя доверие как промежуточное состояние между знанием и незнанием (Зиммель, 2015, с. 267). Позднее Никлас Луман рассматривал его в рамках системной теории как действие, связанное с принятием риска, тогда как Фрэнсис Фукуяма связывал доверие с социальным капиталом и экономическим развитием. Несмотря на разнообразие подходов, единого определения не выработано (Фукуяма, 2004; Леонова, 2015). Энтони Гидденс, в свою очередь, понимает доверие как уверенность в надежности людей или социальных систем (Гидденс, 2011, с. 34).

Петр Штомпка разработал собственную модель доверия. Так он писал, что доверие есть ставка в отношении будущих непредвиденных действий других (Штомпка, 1996). Особое место в данной концепции играет категория риска. В последнее время цифровые риски стали восприниматься острее. В таких ситуациях доверие выступает, как основной способ примириться с меняющимся цифровым миром (Лукин, Мусиенко, 2008).

В программе «Цифровая экономика Российской Федерации» цифровая платформа рассматривается как среда, в которой организуются взаимодействия множества участников на основе обработки данных. Такие платформы упрощают доступ к услугам, снижают издержки и позволяют решать разные задачи через единый интерфейс. Для пользователя они удобны тем, что экономят время, упрощают коммуникацию и делают контент более персонализированным (Пушкарева, 2022). Однако в социологическом смысле доверие связано не столько с самой платформой, сколько с информацией, которая на ней размещена, и с теми, кто эту информацию создает и распространяет. Иначе говоря, пользователи доверяют или не доверяют не цифровой платформе как технической системе, а конкретным источникам, авторам и сообщениям внутри нее. Поэтому даже при активном использовании платформы доверие к содержанию может быть выборочным и зависеть от репутации источника и контекста восприятия (Веселов, 2020).

В мае 2025 года было проведено анкетирование среди 609 старшеклассников (9–11 классов). Целью исследования было изучить, как старшеклассники воспринимают цифровые угрозы и насколько они доверяют информации и субъектам в онлайн-среде. Старшеклассники наиболее активно используют цифровую среду: почти постоянное пребывание в интернете у девочек встречается чаще, чем у мальчиков, а редко использует лишь небольшая доля опрошенных (рис. 1).

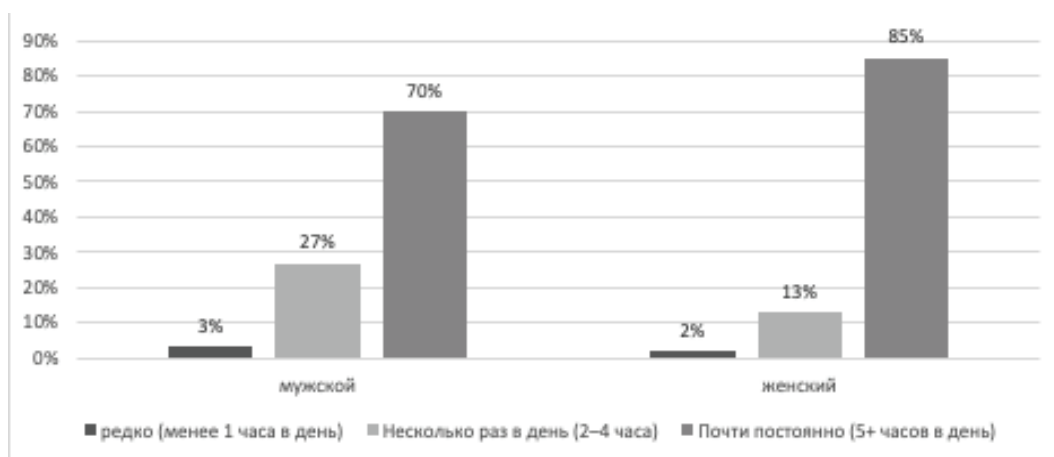

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как часто вы пользуетесь интернетом?», %

Источник: составлено автором.

По платформам явно лидируют видеосервисы, затем идут мессенджеры и социальные сети, а игровые, музыкальные и поисковые сервисы заметно менее популярны. Это показывает, что повседневная онлайн-активность подростков в первую очередь сосредоточена на потреблении видео и коммуникации, а не на «сервисном» или информационном поиске (рис. 2).

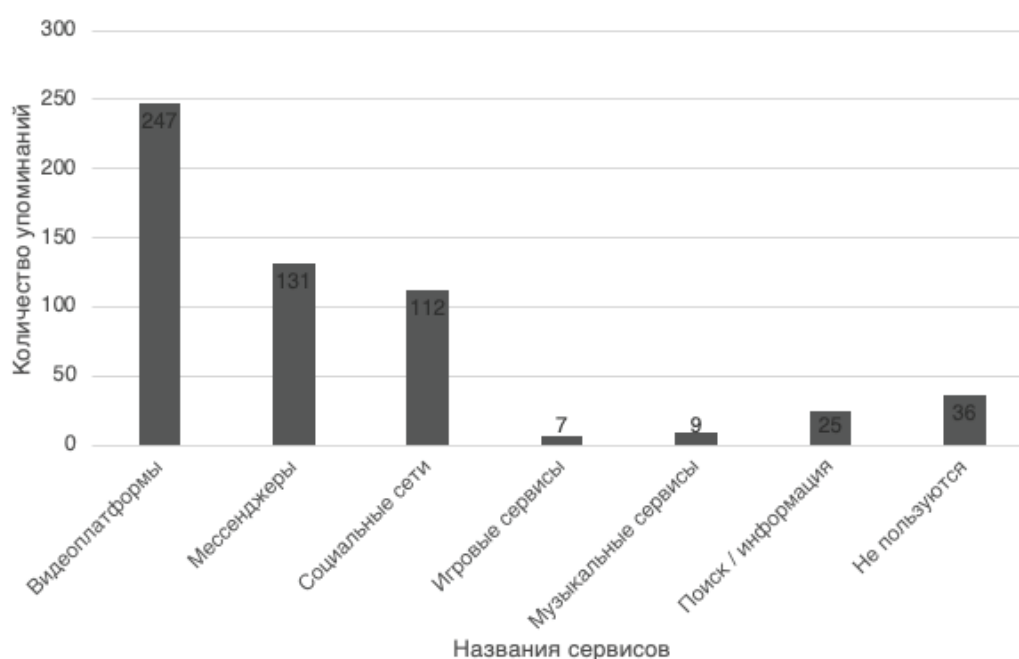

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Где вы проводите больше всего времени в сети интернет?»

Источник: составлено автором.

В интернет-источниках наибольшее доверие вызывают официальные СМИ, а также Википедия и образовательные сайты. Соцсети занимают среднюю позицию, тогда как блоги и YouTube вызывают полное недоверие (рис. 3). Гендерный аспект заметен: девочки чаще ориентируются на подтверждение из других источников и осторожнее относятся к незнакомцам. Мальчики, в свою очередь, немного чаще ориентируются на сомнительные источники. В целом доверие у школьников не «слепое», а условное, которое строится вокруг проверки и сопоставления (рис. 4).

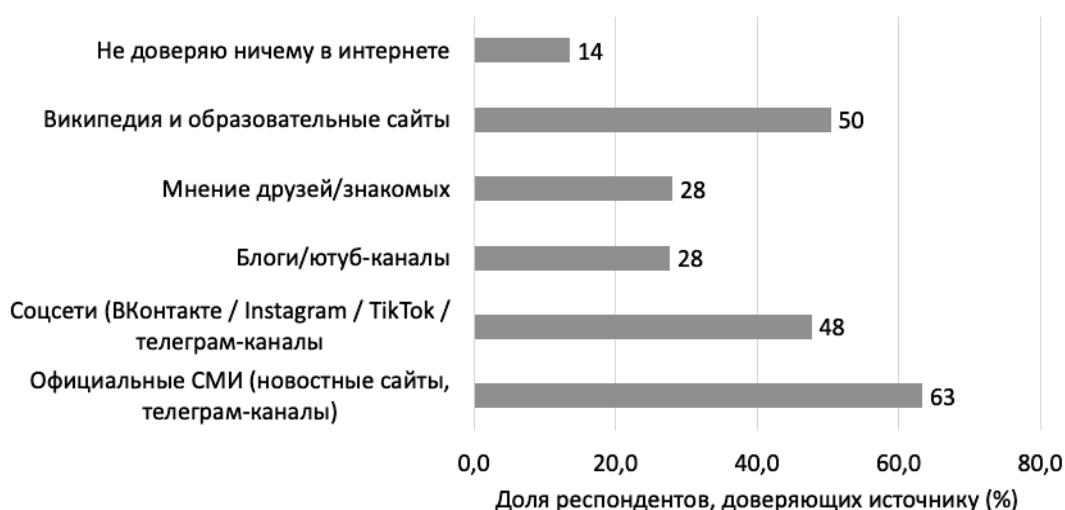

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Каким источникам информации в интернете вы доверяете больше всего?», %

Примечание: допускалось несколько вариантов ответов.

Источник: составлено автором.

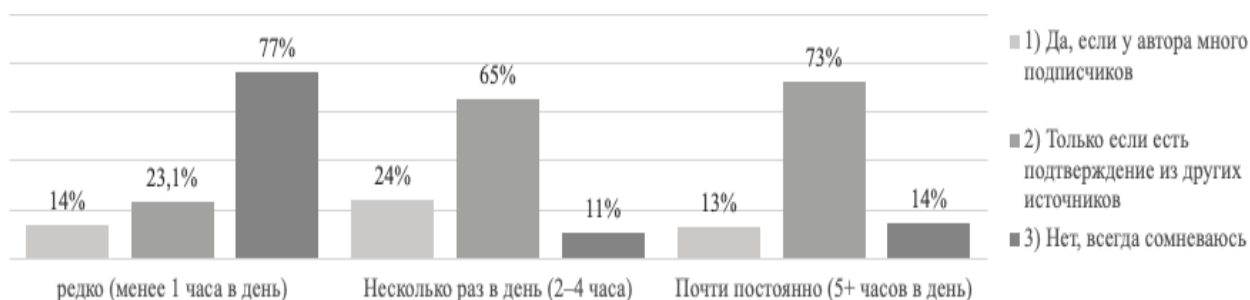

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопросы «Доверяете ли вы видео- и аудиоконтенту в соцсетях? / Как часто вы пользуетесь Интернетом?», %

Источник: составлено автором.

Связь между временем в интернете и доверием к контенту выглядит достаточно определенно – чем больше подросток находится онлайн, тем сильнее у него стремление к подтверждению информации и меньше готовность принимать ее без проверки. У тех, кто проводит в сети меньше времени, чаще встречается жесткое недоверие, тогда как у более активных пользователей доминирует осторожная, но не тотальная позиция: «верю только после подтверждения» или «смотрю по ситуации». Стоит заметить, цифровая вовлеченность не снижает критичность, а скорее переводит ее в более практичную форму.

Восприятие цифровых угроз у старшеклассников достигает определенного порогового уровня: после него дальнейшее увеличение времени в интернете уже не приводит к заметному росту тревожности или осознанности рисков (рис. 5). Иначе говоря, если подросток уже активно включен в цифровую среду, то его оценка угроз перестает существенно меняться, а ключевым становится не объем онлайн-активности сам по себе, а наличие или отсутствие привычки обращаться к внешней экспертизе и подтверждать информацию. В этом и заключается главная проблема: у старшеклассников недостаточно сформирована культура проверки и опоры на авторитетные источники, из-за чего они часто переоценивают собственную осведомленность и недооценивают необходимость советоваться со специалистами или проверять контент перед доверием.

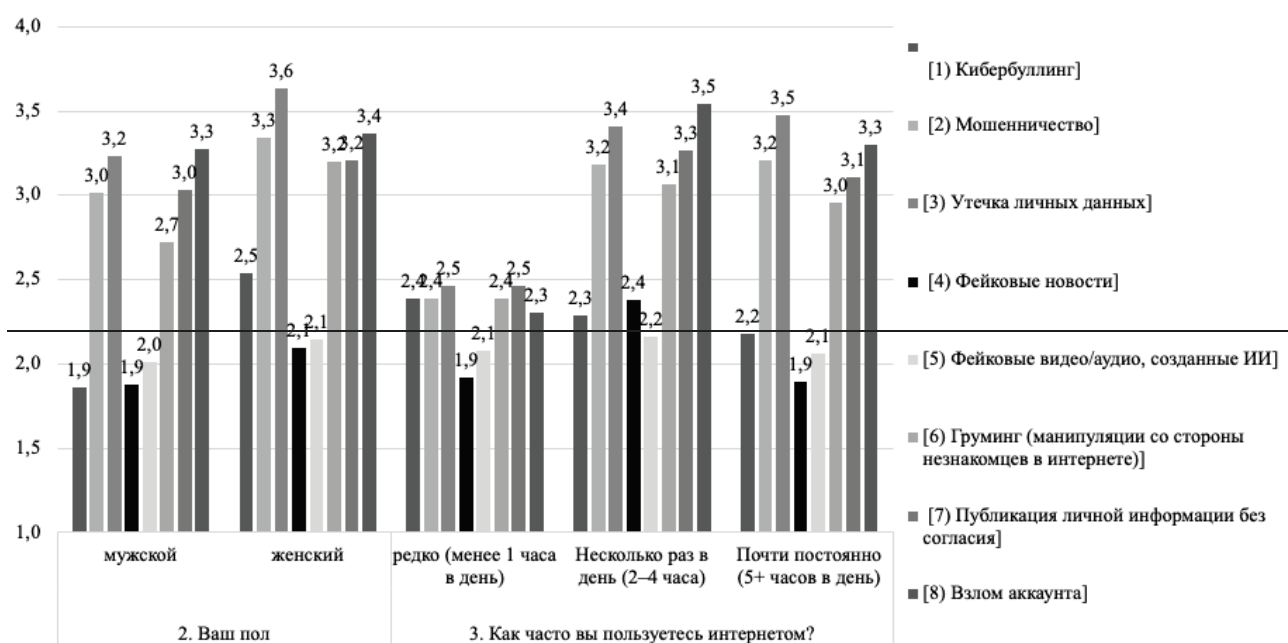

Рис. 5. «Средняя оценка цифровых угроз: насколько опасны, по вашему мнению? (0 – не опасны; 4 – очень опасны) / пол / Как часто вы пользуетесь Интернетом?»

Источник: составлено автором.

В целом старшеклассники демонстрируют высокую включенность в цифровую среду. При этом уровень доверия к информации остается избирательным и во многом связан с практиками ее проверки. Наиболее значимым риском выступает расхождение между субъективной уверенностью подростков в собственной цифровой компетентности и реальной критичностью восприятия контента. Это указывает на необходимость развития навыков информационной верификации и осознанного поведения в онлайн-среде.

Библиографический список

1. Веселов Ю.В. (2020). Доверие в цифровом обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Т. 13. № 2. С. 129–143. DOI: 10.21638/spbu12.2020.202.
2. Зиммель Г. (2015). Избранное. Проблемы социологии. Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, Центр гуманитарных инициатив. 416 с.
3. Гидденс Э. (2011). Последствия современности. Москва: Издательская и консалтинговая группа «Праксис». 352 с.
4. Леонова И.Ю. (2015). Доверие: понятие, виды и функции // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». № 2.
5. Лукин В.Н., Мусиенко Т.В. (2008). Модель культуры доверия П. Штомпка: профили рисков // Журнальный клуб Интелрос «Credo New». № 2.
6. Пушкарева П.П. (2020). Цифровая платформа как фактор цифровой трансформации // ЦИТИСЭ. № 1 (31). С. 43–51. DOI: 10.15350/2409-7616.2022.1.04.
7. Фукуяма Ф. (2004). Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. Москва: АСТ. 736 с.
8. Штомпка П. (1996). Социология социальных изменений. Москва: Аспект Пресс. 416 с.

Информация об авторах

Гульнара Фатыховна Ромашкина – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru)

Иван Александрович Кислицын – магистрант, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: sociologys@mail.ru)

Kislitsyn I.A., Romashkina G.F.

TRUST IN DIGITAL PLATFORMS IN HIGH SCHOOL STUDENTS' PERCEPTIONS

Abstract. *The article examines trust in digital platforms in the context of high school students' perceptions of digital threats. Trust is formed not in the platform itself, but in information and its sources. A survey (n = 609) revealed selective trust and underdeveloped practices of critical information evaluation.*

Keywords: *digital threats, trust, digital platform, concept of P. Sztompka.*

About the authors

Gulnara F. Romashkina – Doctor of Sciences (Sociological), Professor of the Department of Economic Security, System Analysis and Control, Tyumen State University (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru)

Ivan A. Kislitsyn – Master Degree student, Tyumen State University (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: sociologys@mail.ru)

References

1. Veselov Yu.V. (2020). Trust in a digital society. *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*, 13, 2, 129–143. DOI: 10.21638/spbu12.2020.202.
2. Simmel G. (2015). *Selected Works. Problems of Sociology*. Moscow; Saint Petersburg: University Book, Center for Humanitarian Initiatives.
3. Giddens E. (2011). *Consequences of Modernity*. Moscow: Praxis Publishing and Consulting Group.
4. Leonova I.Yu. (2015). Trust: concept, types, and functions. *Bulletin of Udmurt University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2.
5. Lukin V.N., Musienko T.V. (2008). P. Sztompka's model of a culture of trust: risk profiles. *Intelros Journal Club "Credo New"*, 2.
6. Pushkareva P.P. (2022). Digital platform as a factor in digital transformation. *CITISE*, 1(31), 43–51. DOI: 10.15350/2409-7616.2022.1.04.
7. Fukuyama F. (2004). *Trust: Social Virtues and the Path to Prosperity*. Moscow: ACT.
8. Sztompka P. (1996). *Sociology of Social Change*. Moscow: Aspect Press.

КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ В МАЛЫХ ГОРОДАХ: ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ И АНАЛИЗ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ

Аннотация. В исследовании на примере Вологодской области проведена диагностика текущего состояния креативных индустрий в малых городах региона. Выполнен анализ институциональной среды, включая стратегические документы и деятельность инфраструктурных организаций.

Ключевые слова: креативные индустрии, малые города, креативная экономика, ноономика, Вологодская область.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках государственного задания для Вологодского научного центра Российской академии наук по теме FMGZ-2025-0013: «Факторы и инструменты обеспечения сбалансированного пространственного развития регионов России в условиях обострения больших вызовов».

Современное общество переживает переход от индустриальной модели, переживающей системный кризис, к интеллектуально-креативной парадигме – ядру ноономики. Креативные индустрии становятся главным проводником этой модели, производя ключевую ценность – знание и смыслы (Бодрунов, 2025). Для России, в условиях современных геополитических вызовов, их развитие становится критически важным в целях диверсификации экономики, снижения сырьевой зависимости и формирования нового экспортного потенциала в сфере интеллектуальной собственности. В настоящее время темпы роста креативного сектора в стране в четыре раза превышают динамику развития национальной экономики, обеспечивая 4,1% ВВП страны¹.

С 2021 года в России ведется планомерное формирование инфраструктуры креативной экономики: утверждена Концепция развития креативных индустрий до 2030 года², запущены федеральные меры поддержки, а в 2023 году при Агентстве стратегических инициатив открылся профильный Центр развития³.

Если индустриальные города формировались «вокруг завода», порождая проблему монопрофильности, то в постиндустриальной экономике основой развития становятся нематериальные активы и человеческий капитал. Креативные индустрии выступают здесь не просто сектором услуг, а эволюционным драйвером городской среды и инструментом «мягкой силы», особенно в контексте перехода к ноономике – экономике идей и знаний.

В малых городах, наиболее уязвимых из-за монопрофильности экономики (Секушина, 2024), креативный сектор выступает драйвером диверсификации хозяйственной деятельности, не требующим масштабных инвестиций. Помимо этого, создавая новые рабочие места и возможности для творческой реализации, креативные индустрии удерживают молодежь в малых городах, сдерживая миграционный отток.

В рамках настоящего исследования проведена диагностика текущего состояния и уровня развития креативных индустрий в малых городах, а также выполнен анализ институциональной среды, определяющей условия их функционирования.

Объектом исследования выбрана Вологодская область, занимающая 48-е место в Рейтинге креативных регионов России за 2024 год (Гохберг и др., 2025). На первом этапе проведен анализ числа организаций креативного сектора, зарегистрированных в малых городах региона. Отнесение видов деятельности к креативным индустриям осуществлялось по методологии НИУ ВШЭ (Гохберг и др., 2025). Информационную базу составили данные портала List-org⁴, на основе которых сформирован реестр предприятий малых городов с соответствующими кодами ОКВЭД.

¹ Креативная экономика России сегодня. Аналитический доклад Центра стратегических разработок. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/12076383da381203a530669fff216077/kreativnaya_ekonomika_rossii_segodnya_2025.pdf?ysclid=mj728nyaz7620370086 (дата обращения: 18.01.2026).

² Об утверждении Концепции развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2021 № 2613-р (ред. от 21.10.2024).

³ Официальный сайт Центра развития креативной экономики АСИ. URL: <https://asi.ru/creative/> (дата обращения: 18.01.2026).

⁴ Сервис проверки контрагентов. URL: <https://www.list-org.com> (дата обращения: 25.01.2026).

По количеству организаций креативного сектора экономики Вологодская область значительно уступает другим регионам-лидерам: городам федерального значения – Москве и Санкт-Петербургу; Новосибирской, Томской, Свердловской и Ивановской областям. При этом в малых городах региона локализовано лишь 119 таких предприятий из 1,7 тыс. ед. Наибольшее распространение получили направления «Культурное наследие, отдых и развлечения» (37 ед.) и «Музыка, исполнительские искусства и арт-индустрия» (21 ед.). Минимально представлены «Реклама и PR», «Дизайн» и «Ювелирное дело» – по одной организации каждого профиля. Сопутствующие виды деятельности насчитывают всего 14 ед. В городском разрезе лидируют Великий Устюг (23 ед.) и Сокол (20 ед.) – наиболее крупные или приближенные к областному центру населенные пункты (Сокол расположен в 39 км от Вологды). Третью позицию делят Устюжна и Кириллов, причем последний выступает безусловным лидером по числу организаций в сфере культурного наследия среди всех малых городов региона.

Под институциональной средой развития креативных индустрий мы понимаем совокупность формальных и неформальных правил, организаций и практик, создающих условия для роста креативного бизнеса. Анализ ключевого документа стратегического планирования – Стратегии социально-экономического развития Вологодской области – показал, что тематика креативных индустрий в нем представлена, однако вопросы развития малых городов практически не освещены. Основной акцент сделан на традиционных народных художественных промыслах: регион занимает четвертое место в РФ по объему их производства, сохраняя более 10 видов, включая бренды «Вологодское кружево» и «Северная чернь».

В Вологодской области функционирует только один центр «Мой бизнес», расположенный в Вологде, однако сильной стороной его деятельности в сфере поддержки креативных индустрий является наличие структурного подразделения «Центра народно-художественных промыслов», ориентированного на помощь предпринимателям в области народных промыслов, ремесленной деятельности, сельского и экологического туризма⁵.

В начале 2026 года в регионе также открылся Центр креативных индустрий, призванный стать катализатором развития творческого сектора экономики региона: новое пространство предоставляет предпринимателям доступ к образовательным программам и экспертной поддержке, помогая творческим бизнесменам на всех этапах – от стартовой идеи до расширения и выхода на экспорт⁶.

Помимо этого в области действуют три школы креативных индустрий: в Вологде и Череповце на базе Центра дополнительного образования детей и Череповецкого областного училища искусств имени Верещагина, а также в малом городе Красавино Великоустюгского округа, причем в 2026 году запланировано открытие еще одной такой школы в городе Бабаево на базе местной детской школы искусств⁷.

Важной институциональной новацией первого полугодия 2026 года станет запуск в регионе Единого реестра креативных индустрий на платформе ГИС «Экономика», что позволит агрегировать данные и систематизировать информацию о субъектах креативной индустрии.

В современных реалиях, на наш взгляд, креативные индустрии обладают значительным, но пока еще недостаточно реализованным потенциалом для социально-экономического развития малых городов России. Ключевой особенностью формирования креативной среды в небольших населенных пунктах является опора на локальную идентичность. Богатое культурное наследие, традиционные ремесла и народные промыслы служат фундаментом для создания уникальных продуктов, обладающих высокой добавленной стоимостью. Экономические условия малых городов, а именно низкая стоимость операционных расходов и помещений, создают относительно низкий порог входа для старта креативных проектов. Однако реализация этого потенциала сдерживается рядом факторов: инфраструктурными ограничениями (дефицит современных площадок), финансовыми барьерами (сложность привлечения инвестиций) и кадровыми проблемами, главной из которых является отток талантливой молодежи в крупные города и агломерации.

⁵ Центр народно-художественных промыслов // Сайт «Мой бизнес. Вологодская область». URL: <https://mb35.ru/podrazdeleniya-rtts-pp/tsentr-narodno-khudozhestvennykh-promyslov-remeslennoy-deyatelnosti-selskogo-i-ekologicheskogo-turizma/> (дата обращения: 25.01.2026)

⁶ Центр креативных индустрий открылся в Вологде // МК. Вологда. URL: <https://vologda.mk.ru/economics/2026/01/14/centr-kreativnykh-industriy-otkrylsya-v-vologde.html> (дата обращения: 25.01.2026).

⁷ Еще одна Школа креативных индустрий откроется в Вологодской области в 2026 году // Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: https://vologda-oblast.ru/novosti/eshche_odna_shkola_kreativnykh_industriy_otkroetsya_v_vologodskoy_oblasti_v_2026_godu/ (дата обращения: 25.01.2026).

Преодоление данных барьеров видится в реализации комплексного подхода к развитию креативных индустрий. Наиболее перспективными направлениями являются развитие локальных брендов на основе традиционной культуры, создание креативных кластеров (в т. ч. на базе бывших промышленных объектов), интеграция креативного сектора с туристической отраслью и активное внедрение цифровых технологий. Эффективность данных процессов напрямую зависит от качества институциональной среды и механизмов поддержки. Ключевую роль здесь играют целевые государственные программы, формирование специализированной инфраструктуры (центров прототипирования, коворкингов, школ креативных индустрий), развитие профильного образования и налаживание партнерских связей между властью, бизнесом и местными сообществами.

Библиографический список

1. Бодрунов С.Д. (2025). Ноономика как парадигма глобального развития // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 4. № 2. С. 13–33. DOI: 10.37930/2782 618X 2025 4 2 13 33.
2. Гохберг Л.М., Боос В.О., Боякова К.Н., Куценко Е.С. [и др.]. (2025). Рейтинг креативных регионов России: 2024. Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ИСИЭЗ ВШЭ). 198 с.
3. Секушина И.А. (2024). Монопрофильные малые и средние города Европейского Севера России в условиях социально-экономических вызовов 2020–2023 гг. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 74–94. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.4.

Информация об авторе

Ирина Анатольевна Секушина – Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заместитель заведующего Научно-образовательным центром, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sekushina.isekushina@yandex.ru)

Sekushina I.A.

CREATIVE INDUSTRIES IN SMALL TOWNS: ASSESSMENT OF THE STATE AND ANALYSIS OF THE INSTITUTIONAL ENVIRONMENT

Abstract. *The study uses the Vologda Oblast as an example to diagnose the current state of creative industries in small towns in the region. The analysis of the institutional environment, including strategic documents and activities of infrastructure organizations, has been carried out.*

Keywords: *creative industries, small towns, creative economy, noonomics, Vologda oblast.*

About the author

Irina A. Sekushina – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Deputy Head of the Scientific and Educational Center, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sekushina.isekushina@yandex.ru)

References

1. Bodrunov S.D. (2025). Noonomics as a paradigm of global development. *Noonomics and the NOO community. The Almanac of works of the INIR named after S.Yu. Witte*, 4, 2, 13–33. DOI: 10.37930/2782 618X 2025 4 2 13 33.
2. Gokhberg L.M., Boos V.O., Boyakova K.N., Kutsenko E.S. [et al.]. (2025). Rating of creative regions of Russia: 2024. Moscow: National Research University "Higher School of Economics" (ISIEZ HSE).
3. Sekushina I.A. (2024). Single-industry small and medium-sized cities of the European North of Russia in the context of socio-economic challenges of 2020–2023. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 17, 5, 74–94. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.4.

ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ ПОКОЛЕНИЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПЕСЕН: ВЗГЛЯД НА СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Аннотация. *Представлены результаты исследования песен как отражения и механизма формирования социальных установок. Показано как ценности поколений менялись и адаптировались в ответ на социокультурные вызовы. Определена важность музыкального наследия как инструмента для понимания социальных изменений. Обозначено как музыкальная культура влияет на развитие будущих поколений.*

Ключевые слова: *социокультурный процесс, поколение, ценности, песня, контент-анализ.*

Актуальность изучения музыкальных предпочтений разных поколений в отношении прослушивания песен в том, что их текстовое содержание, с одной стороны, оказывает воздействие на личностные установки человека, что влияет на его поведение и, как следствие, на многие составляющие жизнедеятельности нашего общества, с другой стороны, песня отражает уже сформировавшиеся ценностные позиции поколения, а значит является средством отображения жизненных принципов общества в изучаемом времени. Формируя и отражая важные социальные представления в сознании слушателей, песня выполняет роль участника социокультурного процесса. Транслируя образцы социальных отношений и взаимодействий, фабрикуется представление о допустимых жизненных позициях и формах поведения разных поколений в различных ситуациях.

С целью определения ценностных установок в содержании популярных песен среди разных поколений был проведен контент-анализ их текстов. В поле изучения попали песни четырех поколений: беби-бумеров, иксов, миллениумов и зуммеров (Пересунько, 2023). На основе материалов медиахолдинга «Радиосити»¹ и сетевого издания «timeout.ru»² был составлен список самых популярных песен заявленных поколений. Данные музыкальные площадки применяют критерий «поколение» для формирования списка наиболее популярных песен.

Кодификатор контент-анализа строился по модели восьми колес Тихомирова. Восьмиколесная модель нивелирует сильные индивидуальные различия ценностных установок отдельных людей и позволяет привести их к усредненным значениям, характерным для большинства представителей конкретного поколения³.

Рубрикатор включал в себя четыре категории: «быть», «иметь», «быть-быть» и «быть-иметь». В каждой категории были выделены соответствующие подкатегории, которые определяют ценностные позиции слушателей:

- Категория «быть»: жизнь, успех, оптимизм, молодость, вера, доброта, суеверие, ум, счастье, щедрость, свобода, индивидуализм, честность, красота;
- Категория «иметь»: алкоголь, одежда, финансы и еда, жилье, техника, транспорт;
- Категория «быть-быть»: дружба, любовь, социальные связи, семья, война, секс;
- Категория «быть-иметь»: флора и фауна, природа, время, искусство, тело, родина, эскапизм, образование, отдых.

¹ Связанные одной песней. Музыка как отражение теории поколений // Радиосити. Медиахолдинг. URL: <https://www.radio-city.fm/category/blog/publication/svyazanniye-odnoy-pesney/>

² 100+ советских и русских песен, изменивших нашу жизнь: от 60-х до 2020-х // Timeout.ru. URL: <https://www.timeout.ru/msk/feature/496798>.

³ Анализ любой социальной системы на основе системного анализа, построенного на методике «8 колес» Тихомирова // Образовательный портал «Справочник». URL: https://spravochnick.ru/gosudarstvennoe_i_municipalnoe_upravlenie/analiz_lyuboy_socialnoy_sistemy_na_osnove_sistemnogo_analiza_postroennogo_na_metodike_8_koles_tikhomirova/.

Выяснилось, что в песнях поколения беби-бумеров доминируют две категории: «быть» и «быть-иметь». В категории «быть-иметь» особо значимыми оказались природа с флорой и фауной, а также любовь к малой родине. К тому же в текстах популярных песен для данного поколения особое внимание отводится явлениям природы (звезды и планеты, закаты, рассветы). Присутствие в песнях беби-бумеров темы космоса, освоения новых планет и далеких галактик вполне соотносится с значимыми историческими событиями для данного поколения. Что касается ценности любви к родине, то она выражается через воспевание особых значимых мест в жизни человека (место рождения, взросления, первой любви). Создаваемая песней атмосфера ностальгии, показывает тесную связь данного поколения со своей малой родиной, уважение к своему прошлому. Особое место в песенном содержании уделяется категории времени, причем его смысловое значение характеризуется отсутствием страха и тревоги перед течением времени и сменой эпох. Наоборот, песни того времени пропагандируют бодрость духа, оптимистическое отношение к жизненным трудностям, веру в прогресс и завтрашний день.

Группа эмоциональных ценностей в песнях поколения беби-бумеров имеет специфическое значение. Сдержанность, официозность, прославление высоких личностных качеств, значимых для государства, и одновременно личная ответственность за общий успех с абсолютным отсутствием интереса к материальному благу со стороны человека. Все это отвечает запросам того времени и объясняется сильным влиянием идеологии на культуру. В результате личные переживания отошли на второй план, делая песни несколько безличными, но, вместе с тем, социально значимыми.

Песни поколения X характеризуется представлением следующей ценностной палитры. Помимо смещения установок в группах «быть» и «быть-иметь» впервые появляются ценности групп «иметь» и «быть-быть», среди которых возникает неоднозначное отношение к алкоголю с акцентом на реализацию материальных интересов через социальные связи. В группе ценностей «быть» впервые появляется значимость успеха, представленного в разных формах посредством приобретения социального статуса. Отводится внимание значимости тела и красоты как атрибута внешнего вида человека и средства для успешной жизни. В категории «быть-иметь», продолжают воспеваться чувства восхищения и уважения к объектам живой природы, однако частота обращения к данным установкам в песнях поколения X встречается гораздо реже. Зато категория социальных связей из группы «быть-быть» присутствует во всех текстах песен. Значимость друзей, близких и, напротив, нежелание оставаться в одиночестве присутствовало в каждой анализируемой песне. Любовь как ценность стала чаще сводится к физиологической потребности человека, отсюда возникает особое представление семьи в текстах песен. Семья – это личное пространство для создания уюта и обеспечения стабильности. Присутствие в песнях разных членов семьи, родителей и даже не прямых родственников определяется их ролевой значимостью, позиция духовной близости воспевается крайне редко. Активно показывается тема баланса между работой и личной жизнью, производится концентрация внимания на благополучии собственных детей.

Таким образом, для поколения X песня становится языком, укрепляющим социальные связи, которые являются средством достижения всех благ.

Поколение Y столкнулось с тотальным кризисом ценностей, что отражается в текстовом содержании песен. Данное поколение социализируется на песнях, в которых показана неуверенность в ценности человеческой жизни, а также разочарование в дружбе и любви. В этой категории отсутствие семьи или пренебрежение родственными отношениями в том или ином смысле встречается чаще остальных. В противовес песням беби-бумеров, где провозглашались нравственные качества человека вроде чести, совести, смелости, в песнях Y вскрываются пороки поколения: жадность, трусость, предательство. Меняется отношение к природе. Ее присутствие имеет символическое значение, которое зачастую представляется как составная часть воспеваемого образа или используется в метафорном значении. Например, цветы чаще срывают или мнут, они увядают или являются символом разлуки.

Меняется позиция в отношении физиологического и психологического здоровья. Исполнители поют про чахлость, болезненность, бренность физической оболочки, саморазрушение. Еще более любопытным видится появление такой подкатегории как эскапизм и положительный индекс ценностного отношения к нему. Лирические герои в песнях стремятся уйти от трудностей и жестокой реальности в мир фантазий. Чаще всего это передается через сон. Очевидно, что основанием для подобных стремлений служит неблагоприятная обстановка вокруг: голод, бедность, передел власти, активность преступных группировок, общий упадок уровня жизни и отсутствие перспектив на будущее. Неудивительно, что беспечный мир грез предпочтителен суровой и мрачной действительности. Однако, следует учесть, что формирование поколения Y происходило под влиянием представителей поздних иксов. Поэтому многие социальные установки, присутствующие в песенном содержании, раскрывают смешанные мировоззренческие позиции ранних Y и поздних X, которые через свое творчество выражали состояние кризисного социума.

Говоря в целом про поколение Y, можно сказать, что они приняли на себя основной удар перестроечного периода. Экономический и политический кризисы привели их к ценностному упадку. Происходит деконструкция социальных отношений между людьми и полами, в частности. На «авансцену» активно проникают непристойные темы и упаднические настроения. Однако, ближе к началу нулевых годов возрастает оптимистический настрой в песенном содержании. И если у бумеров он был оптимизмом «благодаря», то у миллениумов он оказался оптимизмом «вопреки», своеобразным лучом надежды на достойную жизнь. Общее состояние поколения Y можно оценить как переходное от кризисных и посткризисных к более спокойным и благополучным временам.

Ценностная палитра поколения Z также во многом характеризуется условиями и возможностями их жизнедеятельности. Зуммеры выращивались в достатке, комфорте, любви и заботе. Они ценят свободу, образование, заботятся о ментальном и физическом здоровье, жаждут впечатлений и стремятся к высокому уровню жизни. Все это присутствует в ценностных установках песен, наиболее популярных для данного поколения.

Все группы ценностей («быть», «иметь», «быть-быть» и «быть-иметь») присутствуют в песенном содержании поколения Z, но имеют свой специфический оттенок. Идеализированные образы уходят в прошлое, при этом показываются реальные эмоции, возможные несовершенства. Эмоциональная составляющая песен строится на личных переживаниях, заботе о ментальном здоровье. Направляющий вектор песен – это стремление к впечатлениям, причем разнообразие жизненного опыта гарантирует больший успех, чем материальное благополучие. Целеустремленность гасится позицией «брать от жизни все» и получать удовольствие «здесь и сейчас». Все это воспитывает индивидуальность, эгоизм, стирает рамки ранее принятых форм поведения. При этом песня для Z-поколения является средством общения и самопознания. Зуммеры в большей степени подвержены воздействию со стороны песенного контента, для большинства музыкальная композиция имеет терапевтический эффект при проживании внутренних конфликтов, а песенные сюжеты становятся образцом для принятия жизненно важных решений.

Анализ эволюции ценностей поколений через призму песен показал, как меняются поведенческие установки людей в обществе. Общественные явления и процессы напрямую отражаются в песнях в виде метафор или конкретных рассуждений. При этом нельзя сказать, что более молодые поколения демонстрируют меркантильность по сравнению со старшими: ценности группы «иметь» сохранялись примерно на одинаковом уровне с небольшими изменениями. Причем изменениям соответствующих подкатегорий присущ скорее колебательный, нежели линейный характер.

Основную отличительную черту имел подход изложения смысла песни через показатель отношения «коллективизм-индивидуализм». Явный коллективизм проявляется, разве что, в ценностях поколения бумеров. В дальнейшем песни становились более откровенными и личными. К тому же некоторые хиты не теряют своей актуальности на протяжении времен. Неугасающий интерес к ним объясняется сохранением нормативно-ценностного фундамента в сознании представителей разных поколений.

Также в контексте изучения была выявлена еще одна ценностная константа – это оптимизм, присутствие которого в разделе социокультурного процесса может рассматриваться не как цель, а как инструмент. В умеренных формах он повышает креативность, настойчивость и ресурсность. В избыточных или навязанных формах он ведет к риску подавления эмоций и ухудшения межличностной поддержки. Поэтому песня в отношении представления данной установки может быть регулятором различных форм поведения.

В целом, песня – это мощный инструмент социокультурной динамики, который не просто развлекает, а активно формирует, отражает и трансформирует общество. Выступая как медиатор культуры, передавая ценности, эмоции и идеи через поколения, песня является социокультурным мемом, эволюционирующим во времени. Поэтому изучение песни необходимо как для развития, так и для гармонизации общественных отношений, процессов и явлений.

Библиографический список

1. Пересунько М.Ю. (2023). Музыкальные предпочтения разных поколений. Роль социально-экономических, общественных и гуманитарных наук в модернизации государства и общества: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 мая 2023 г. Белгород: (АПНИ). С. 42–45. URL: <https://apni.ru/article/6227-muzikalnie-predpochteniya-raznikh-pokolenij>

Информация об авторе

Елена Сергеевна Тупик – Старший преподаватель, заведующий лабораторией социальных исследований, Тверской государственный университет» (Российская Федерация, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33; e-mail: Tupik.ES@tversu.ru)

Tupik E.S.

THE EVOLUTION OF GENERATIONAL VALUES THROUGH THE PRISM OF SONGS: A LOOK AT SOCIO-CULTURAL CHANGES

Abstract. *The article presents the results of a study of songs as a reflection and mechanism for the formation of social attitudes. It shows how the values of generations have changed and adapted in response to sociocultural challenges. The article highlights the importance of musical heritage as a tool for understanding social changes. It also explores how musical culture influences the development of future generations.*

Keywords: *sociocultural process, generation, values, song, content analysis.*

About the author

Elena S. Tupik - Senior Lecturer, head of the Laboratory of Social Research, Tver State University (33, Zhelyabova Street, Tver, 170100, Russian Federation; e-mail: Tupik.ES@tversu.ru)

References

1. Peresunko M.Yu. (2023). Musical Preferences of Different Generations. The Role of Socio-Economic, Social, and Humanitarian Sciences in the Modernization of the State and Society: Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference on May 30, 2023. Belgorod: APNI. 42-45. URL: <https://apni.ru/article/6227-muzikalnie-predpochteniya-raznikh-pokolenij>

СОБЫТИЕ «ВСТРЕЧА СО СВОИМИ» КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье представлен опыт реализации ценностно-ориентированного мероприятия «Встреча со СВОими: диалог поколений во имя памяти и единства» в Петрозаводском государственном университете. Раскрываются сценарные решения и методические приемы организации диалога студентов с ветеранами специальной военной операции и молодыми учеными. Обосновывается значимость формата для воспитательной работы в вузе.

Ключевые слова: диалог поколений, традиционные ценности, патриотическое воспитание, специальная военная операция, ценностно-ориентированное событие.

Воспитательная деятельность в вузе призвана выступать не просто инструментом трансляции ценностей, а одним из ключевых факторов формирования социальной солидарности и социально-политической сплоченности студенческой молодежи, создавая основу для их активного гражданского участия и гармоничного развития общества в целом. Различные направления воспитательной работы позволяют выстраивать среди студенческой молодежи навыки саморазвития, гражданского участия и ведения активного просоциального образа жизни (Фомин, Гладкова, 2020). Петрозаводский государственный университет, реализуя свою «третью миссию», стремится через научную и проектную деятельность оказывать влияние на социально-экономическое и духовно-нравственное развитие региона. Одним из эффективных инструментов в этой работе становится создание ценностно-ориентированных событий, которые позволяют студентам не просто получать информацию, но и лично проживать значимые для современности моменты и непреходящие смыслы.

В декабре 2025 года на базе ПетрГУ было реализовано камерное событие «Встреча со СВОими: диалог поколений во имя памяти и единства», приуроченное ко Дню Героев Отечества. Идея мероприятия заключалась в создании живого доверительного пространства для прямого диалога между студентами, учеными и участниками специальной военной операции (СВО), призванного стереть границы между «фронтом» и «тылом». Основным смыслом события – укрепление связи поколений и социальных групп через осмысление ценности героизма, патриотизма, служения Отечеству и исторической памяти как фундаментальных традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Методической основой мероприятия стал деятельностный подход, предполагающий вовлечение обучающегося в устойчивый и длительный по времени процесс активного мышления и взаимодействия (Медведев, Попов, 2023). В отличие от лекционных форматов, «Встреча со своими» строилась как диалоговая площадка, где каждый участник (от первокурсника до ветерана боевых действий) становился полноценным субъектом общения. Сценарный замысел включал несколько ключевых этапов: вступительное слово организаторов, задающее смысловые рамки; «Диалог миров» – открытая беседа с ветеранами СВО; выступление молодых ученых, представляющих результаты исследований в области сохранения исторической памяти и противодействия фальсификации истории; музыкальные номера, создающие необходимый эмоциональный фон, и итоговая рефлексия.

Целевая аудитория была сформирована с учетом принципа камерности (30–35 человек), что позволило создать атмосферу доверия и искренности. Ключевыми носителями опыта выступили ветераны СВО – участники региональной кадровой программы «Герои Карелии» Д.В. Каминский и А.А. Тикка, награжденные орденом Мужества, медалями «За воинскую доблесть», «За храбрость». Связующим звеном между боевым опытом и научным осмыслением стал доброволец СВО, шеф-редактор ГТРК «Карелия», кандидат филологических наук Д.А. Кунильский, который поделился опытом журналистской работы в зоне проведения СВО и подчеркнул важность фиксации подлинных свидетельств для сохранения исторической правды.

В ходе «Диалога миров» ветераны делились не боевыми сводками, а личными, глубоко человеческими историями о дружбе, поддержке, смысле их миссии. Такой формат позволил студентам задавать вопросы, стирая дистанцию между поколениями. Эмоциональным катализатором выступило выступление барда Константина Онежского, исполнившего авторские песни «Бессмертный полк», «Монолог павшего красноармейца», «Весна над Россией».

Особое место в сценарии заняли выступления, направленные на связь героического прошлого и настоящего. Старший преподаватель Н.Л. Фадеева представила результаты эмпирического исследования, проведенного в Петрозаводском государственном университете в рамках межрегионального мониторинга Российского Общества Социологов «Студенчество о Великой Отечественной войне» 2024 года, посвященного анализу знаний студентов о Великой Отечественной войне, а студентка второго курса направления подготовки «Социальная работа» Арина Лубянская рассказала о деятельности поисковых отрядов университета. Студент четвертого курса направления подготовки «Политология» Александр Беляев, руководитель студенческого научного общества ПетрГУ, выступил с докладом о роли молодых ученых в противодействии идеологии нацизма и участии в проекте «Молодые ученые против нацизма». Таким образом, в рамках одного мероприятия были объединены научно-исследовательская, волонтерская и просветительская составляющие воспитательной работы.

Важным методическим аспектом стало сочетание рационального и эмоционального способов освоения ценностей. Если выступления ученых и результаты социологических исследований обеспечивали аналитический контекст, то личные истории героев и музыкальное сопровождение создавали условия для эмпатии и личностного присвоения транслируемых смыслов. Итоговая рефлексия позволила участникам озвучить свои впечатления и осознать полученный опыт.

Проект получил высокое признание на федеральном уровне. Команда ПетрГУ в составе заведующей кафедрой политических и социальных наук Ю.А. Петровской и преподавателей О.В. Федосеевой, М.И. Безбородова, Н.Л. Фадеевой, М.А. Пименовой стала победителем Всероссийского конкурса лучших проектов ценностно-ориентированных событий при поддержке Минобрнауки России в номинации «День Героев Отечества». 19 декабря 2025 года проект был представлен на финальном мероприятии Всероссийского конгресса по молодежной политике и воспитательной деятельности в Национальном центре «Россия», где состоялась церемония награждения победителей.

Значение подобных мероприятий для высшей школы трудно переоценить. Они отвечают на ключевой запрос молодежи на подлинность и правду, противостоят попыткам фальсификации истории, способствуют консолидации общества вокруг общих ценностей служения Отечеству. Формат камерной встречи в гостинной, противопоставленный формальным массовым мероприятиям, позволяет создать среду, в которой традиционные ценности не декларируются, а проживаются лично, что является наиболее эффективным способом их интеграции в воспитательную деятельность вуза.

Учитывая успешный опыт и полученное признание, «Встреча со СВОими» вышла за рамки разового события. Проект стал регулярной практикой кафедры политических и социальных наук ПетрГУ. В настоящее время ведется подготовка к очередному мероприятию, которое состоится в конце апреля 2026 года. Оно проводится во взаимодействии с общественными организациями региона, что позволяет расширять круг участников и укреплять связь университета с гражданским обществом. Представленный опыт может быть тиражирован в других вузах страны, поскольку представляет собой готовую модель («рецепт») проведения ценностно-ориентированных событий, сочетающую гибкость сценария, глубину содержания и высокий воспитательный потенциал.

Библиографический список

1. Фомин В.Н., Гладкова И.А. (2020). Профессиональное становление студентов вузов в современных условиях: монография. Белгород: Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова. 139 с.
2. Медведев В.В., Попов М.В. (2023). Опыт этнографической экспедиции в становлении профессиональной идентичности // Гуманитарно-педагогические исследования. 2023. № 1. С. 26–28.

Информация об авторе

Ольга Владимировна Федосеева – кандидат социологических наук, доцент кафедры политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, пр-т. Ленина, д. 33; e-mail: ovo.fedoseeva@mail.ru)

Fedoseeva O.V.

«MEETING WITH OUR OWN PEOPLE» AS A TOOL FOR FORMING TRADITIONAL VALUES AMONG STUDENTS

Abstract. *The article presents the experience of implementing the value-oriented event «Meeting with our own people: a dialogue of generations in the name of memory and unity» at Petrozavodsk State University. It describes the script solutions and methodological techniques for organizing dialogue between students, veterans of the special military operation, and young scientists. The significance of this format for university educational work is substantiated.*

Keywords: *dialogue of generations, traditional values, patriotic education, special military operation, value-oriented event.*

About the author

Olga V. Fedoseeva – Candidate of Sciences (Sociological), Associate Professor of the Department of Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University (33 Lenin Ave., Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia, 185910, ovo.fedoseeva@mail.ru).

References

1. Fomin V.N., Gladkov I.A. (2020). Professional Development of University Students in Modern Conditions: a Monograph. Belgorod: Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov.
2. Medvedev V.V., Popov M.V. (2023). The experience of an ethnographic expedition in the development of professional identity. *Humanitarian and Pedagogical Research*, 1, 26–28.

ИННОВАЦИОННОСТЬ КАК ЭКСТЕРНАЛИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. В работе обсуждается концепция инновационности как экстерналии социального капитала. На примере Вологодской области выявлено, что рост социального капитала сопровождается снижением инновационного пессимизма, повышением готовности к изменениям и сдвигом трудовой мотивации.

Ключевые слова: социальный капитал, Вологодская область, инновационность, инновации, трудовая мотивация.

В современном экономическом дискурсе инновационность традиционно рассматривается сквозь призму технологических укладов, объема инвестиций в НИОКР или уровня человеческого капитала. Однако эмпирические данные последних десятилетий демонстрируют, что наличие развитой технологической базы не является гарантией генерации и диффузии нововведений, тогда как отдельные «точки роста» часто возникают в условиях институциональной и социальной сплоченности. Данное обстоятельство актуализирует вопрос о природе неформальных механизмов, опосредующих инновационные процессы.

В связи с этим, мы предлагаем рассмотреть инновационность как экстерналию социального капитала. В рамках нашего подхода социальный капитал понимается как совокупность норм, доверия и сетей взаимодействия, которые снижают транзакционные издержки и способствуют циркуляции знания. В фокусе нашего исследования находятся латентные выгоды социального взаимодействия, которые, будучи неосознаваемыми, связаны с конвертацией в инновационную активность.

Информационной базой для нашего исследования послужил массовый опрос общественного мнения, проведенный Вологодским научным центром РАН в крупнейших городах Вологодской области, Вологде и Череповце ($n = 800$)¹. Для измерения уровня социального капитала респондентов использовалась авторская методика (Гужавина и др., 2018; Гужавина и др., 2022), в рамках которой каждый респондент был отнесен к одному из пяти уровней социального капитала, начиная от первого – минимального уровня (самая депрессивная в плане социального капитала группа, в которую вошли респонденты которые при ответах на индикаторные вопросы отвечали «не могу доверять/участвовать/повлиять»), заканчивая пятым – максимальным уровнем (самая позитивная группа, респонденты которой в основном считали, что могут доверять окружающим, повлиять на свою жизнь и состоят в различных сообществах).

В результате измерения социального капитала респондентов была обнаружена его связь с рядом переменных, демонстрирующих уровень инновационности респондентов. Анализ распределения ответов на вопрос об отношении к нововведениям, вторгающимся в повседневную жизнь (табл. 1), выявил устойчивую положительную связь между уровнем социального капитала и инновационной восприимчивостью. Доля респондентов, демонстрирующих проактивную позицию «с интересом воспринимаю все новое», возрастает по мере перехода от низких (1–2) к высоким (4–5) значениям индекса социального капитала, увеличиваясь от 11–20% до 35–39% в группах с максимальным уровнем. Одновременно фиксируется редукция инновационного пессимизма: среди респондентов с низким социальным капиталом доля «избегающих нововведений» достигает 13–15%, тогда как в группах с высоким уровнем данный показатель сокращается до 4%. Существенные различия наблюдаются в категории «часто испытываю трудности с чем-то новым»: если в группе с минимальным уровнем социального капитала такую позицию занимает треть опрошенных, то в большинстве других этот показатель снижается более чем вдвое (хотя и не линейно, по мере увеличения уровня социального капитала, как этого можно было бы ожидать, исходя из альтернативных ответов). Полученные данные свидетельствуют, что накопленный социальный капитал выступает значимым буфером, снижающим психологические барьеры перед лицом изменений и трансформирующим инновации из источника стресса в область позитивного интереса.

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания № FMGZ-2025-0015 «Социокультурное развитие и социодинамика общественно-государственных отношений в российских регионах» и по заказу АНО МЦСЭИ «Леонтьевский центр» в рамках научного проекта «Гений места и Дух времени».

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Наша жизнь быстро меняется, в ней постоянно появляется что-то новое, требующее изучения и освоения. Как вы в целом относитесь к нововведениям, вторгающимся в вашу повседневную жизнь?» (в зависимости от уровня социального капитала), %

Варианты ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
С интересом воспринимаю все новое	11	20	27	39	35
Осваиваю только то, что мне реально нужно	41	48	52	42	40
Часто испытываю трудности с чем-то новым	33	16	15	14	21
Стараюсь избегать нововведений и обходиться старыми способами (навыками)	13	15	5	4	4
Воспринимаю все новое, затрагивающее мою жизнь, очень болезненно	4	1	2	2	0
Источник: массовый опрос общественного мнения, 2025. ВолНЦ РАН.					

Результаты последующего анализа демонстрируют, что уровень социального капитала связан и с восприятием технологических инноваций в профессиональной среде (табл. 2). Наиболее показательной является динамика оптимистичных оценок: доля респондентов, полагающих, что новые технологии «значительно помогут» в выполнении работы, возрастает с 14% в группе с минимальным социальным капиталом до 30% в группе с максимальным его значением. В то время как в группах с низким уровнем социального капитала (уровни 1–2) заметно выше доля респондентов, опасаящихся, что технологические изменения усложнят работу в силу сложности освоения (20 и 9% соответственно, против 7–10% в группах с более высокими показателями). Однако даже с учетом выявленной связи считаем необходимым отметить и тот факт, что почти во всех группах доминирующим вариантом ответа является предположение о невозможности значимых инновационных изменений в их сфере занятости (за исключением группы обладателей среднего уровня социального капитала, большинство из которых с небольшим перевесом склонилось к более оптимистичным ожиданиям от последствий инновационного прогресса).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Насколько вы готовы к изменениям в своей профессиональной сфере, связанным с новыми технологиями?» (в зависимости от уровня социального капитала), %

Варианты ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Технологические изменения могут лишить меня работы (вызовут сокращения штата и т. д.)	7	7	7	8	10
Технологические изменения усложнят мою работу (слишком сложны в освоении)	20	9	13	7	10
Я не думаю, что в моей профессии возможны значимые технологические инновации	35	31	20	29	32
Технологические инновации не скажутся значимым образом на моей профессии (недостатки уравниваются преимуществами)	12	5	14	14	8
Новые технологии сделают рабочий процесс удобнее, но не внесут кардинальных изменений	14	30	23	25	10
Новые технологии значительно помогут мне в выполнении работы	14	18	23	18	30
Источник: массовый опрос общественного мнения, 2025. ВолНЦ РАН.					

Кроме того, в ходе исследования была зафиксирована устойчивая корреляция между уровнем социального капитала и доминирующей трудовой стратегией (табл. 3), что позволяет рассматривать инновационность как элемент более широкой ценностной конфигурации. В группе с максимальным уровнем социального капитала доля респондентов, идентифицирующих себя как «новаторы» (ориентация на самореализацию, творчество и моральное удовлетворение от работы), достигает 1/3, что более чем в три раза превышает аналогичный показатель в группе с минимальным социальным капиталом. Одновременно наблюдается обратная связь в отношении ценностей стабильности и семейной ориентации, которые, напротив, преобладают в группах с низким уровнем социального капитала, где доля ориентированных на семью и стабильный заработок составила почти половину опрошенных, тогда как в группах с высоким социальным капиталом этот показатель снижается до 1/5. Также отметим, что категория «материалистов», ориентированных на максимизацию дохода, демонстрирует относительную стабильность вне зависимости от уровня социального капитала, что указывает на универсальность материальных мотивов. Выявленная структура позволяет интерпретировать социальный капитал как ресурс, способствующий переходу от экстринсивных (внешне обусловленных) и адаптивных моделей трудового поведения к интринсивной (внутренне мотивированной) инновационной активности, где инновационность выступает не как вынужденная реакция, а как ценностно-обусловленная экстерналия социального взаимодействия.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Какое из нижеприведенных утверждений в наибольшей степени применительно к вам?» (в зависимости от уровня социального капитала), %

Варианты ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Я – «материалист», поскольку стремлюсь улучшить свое материальное положение (заработать больше денег), что в значительной степени определяет мою стратегию трудового поведения	30	38	39	34	33
Я – «новатор», т. к. в работе в первую очередь ищу (буду искать) возможность для реализации своего потенциала, занятия творческой деятельностью, получения морального удовольствия от выполняемых функций	10	8	17	22	33
Для меня характерно адаптивное поведение, поскольку своей трудовой деятельностью пытаюсь (буду пытаться) заслужить уважение и признание окружающих; придерживаюсь консервативных взглядов и нуждаюсь в стабильном, последовательном развитии.	16	11	20	18	15
Я больше ориентирован(а) на семью, стабильный, пусть и не высокий заработок позволяет мне больше времени и внимания уделять семейным делам и досугу	44	43	24	26	19
Источник: массовый опрос общественного мнения, 2025. ВолНЦ РАН.					

Проведенный анализ эмпирических данных, отражающих взаимосвязь между уровнем социального капитала и различными аспектами инновационного поведения, позволяет сформулировать ряд теоретически значимых положений, подтверждающих исходное предположение о природе инновационности как экстерналии социального капитала. На уровне установок и ценностных ориентаций зафиксирована устойчивая связь: с ростом уровня социального капитала последовательно возрастает доля респондентов, демонстрирующих проактивное отношение к нововведениям и идентифицирующих себя с инновационным типом трудового поведения. Возможным объяснением данного эффекта может выступать снижение транзакционных издержек в силу того, что социальный капитал, аккумулируемый в форме доверия и плотных сетей взаимодействия, выполняет функцию когнитивного «амортизатора», трансформируя инновации из источника неопределенности и тревоги в область управляемых изменений. Особую значимость в этом контексте приобретает выявленная динамика в группах с максимальными значениями социального капитала, где наблюдается не только высокая инновационная восприимчивость, но и качественно иная структура трудовой мотивации, смещающая акцент с материальной компенсации и стабильности на самореализацию и творческую составляющую профессиональной деятельности.

С практической точки зрения, полученные данные свидетельствуют, что инновационность как экстерналия социального капитала не является автоматическим следствием технологического развития или формальных институтов, но формируется в пространстве межличностных взаимодействий, норм взаимности и доверия. В группах с низким уровнем социального капитала фиксируется феномен «инновационной изоляции»: респонденты не только демонстрируют более высокий уровень сопротивления изменениям, но и несколько хуже оценивают потенциал технологических инноваций для своей профессиональной деятельности, что создает замкнутый круг воспроизводства консервативных трудовых стратегий. Напротив, высокая плотность социальных связей и доверия формирует среду, в которой инновации начинают восприниматься не как экзогенный шок, а как ресурс профессионального роста, что, в свою очередь, усиливает готовность к инвестициям в человеческий капитал и освоению новых компетенций.

Таким образом, проведенное исследование позволяет предположить, что социальный капитал выступает значимым нематериальным ресурсом, продуцирующим положительные экстерналии в сфере инновационного развития. Эффект социального капитала проявляется на трех взаимосвязанных уровнях: во-первых, на уровне когнитивной оценки изменений (снижение инновационного пессимизма и интолерантности к новизне); во-вторых, на уровне профессиональных ожиданий (формирование оптимистичного сценария восприятия технологических трансформаций); в-третьих, на уровне ценностно-мотивационной структуры трудового поведения (сдвиг от адаптивных и материально-ориентированных стратегий к инновационным, внутренне мотивированным моделям). Полученные результаты открывают перспективы для дальнейших исследований, направленных на выявление конкретных механизмов конвертации социального капитала в инновационные экстерналии, а также на разработку инструментов управления социальным капиталом как ресурсом регионального и локального развития.

Библиографический список

1. Гужавина Т.А., Афанасьев Д.В., Воробьева И.Н., Дементьева И.Н. [и др.]. (2018). Региональный социальный капитал в условиях кризиса. Череповец: ЧГУ. 220 с.
2. Гужавина Т.А., Афанасьев Д.В., Косыгина К.Е., Уханова Ю.В., Дементьева И.Н. [и др.]. (2022). Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе: монография. Вологда: Вологодский научный центр РАН. 228 с.

Информация об авторе

Николай Николаевич Ясников – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, e-mail: nyasnikov94@mail.ru)

Yasnikov N.N.

INNOVATION AS AN EXTERNALITY OF SOCIAL CAPITAL (ON THE EXAMPLE OF CITIES OF THE VOLOGDA REGION)

Abstract. *This paper discusses the concept of innovativeness as an externality of social capital. Using the Vologda Oblast as an example, it is found that an increase in social capital is accompanied by a decrease in innovation pessimism, an increase in readiness for change, and a shift in work motivation.*

Keywords: *social capital, Vologda Oblast, innovativeness, innovation, work motivation.*

About the author

Nikolay N. Yasnikov – Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: nyasnikov94@mail.ru)

References

1. Guzhavina T.A., Afansyev D.V., Vorobyova I.N., Dementyeva I.N. [et al.]. (2018). Regional social capital in times of crisis. Cherepovets: ChSU.
2. Guzhavin T.A., Afanasyev D.V., Kosygina K.E., U Khanova Yu.V., Dementeva I.N. [et al.]. (2022). Collective Actions and Social Capital in Russian Society: a Monograph. Vologda: Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

Электронное научное издание

**ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ
И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ
В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ**

Материалы XI международной научно-практической интернет-конференции

г. Вологда, 30 марта – 3 апреля 2026 г.

Редакционная подготовка

О.Я. Байрамов

Оригинал-макет

О.Я. Байрамов

Материалы публикуются в авторской редакции

Подписано к использованию 08.07.2026. Тираж 300 экз. Усл. печ. л. 51,9. Заказ № 40.

Электронный текст. дан. (6,5 Мб).

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

«Вологодский научный центр Российской академии наук»

(ФГБУН ВолНЦ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ВолНЦ РАН

Тел. (8172) 59-78-10, e-mail: common@volnc.ru

ISBN 978-5-93299-670-6

9 785932 996706 >